

7376

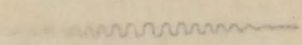
Фототипия Шереръ. Наблюденья въ Москвѣ

Н. Шереръ.

7376

ПЕРМСКИЙ КРАЙ.

СБОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПЕРМСКИМЪ
СТАТИСТИЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ,

ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ ЗАМЕЧАТЕЛЯ КОМИТЕТА

Д. С. СЕВЕРИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПЕРМЬ.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЛЕНІИ.

1893.

39

Н. В. Ф.

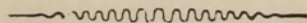
MISS MARY ANN MOORE

H. Moore

7376

ПЕРМСКІЙ КРАЙ.

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ О ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПЕРМСКИМЪ
ГУБЕРНСКИМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Д. ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

Д. Смышляева.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПЕРМЬ.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.

1893.

39

В. К. Ф.

к

Печатано съ разрѣшенія г. и. д. Начальника губерніи.

64717

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМПЕРАТОРСКОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНІЯ
1882

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.

	СТР.
1. Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ. Съ 3 таблицами. <i>Ө. А. Теплоухова</i>	1
2. Карта Екатеринбургскаго вѣдомства и провинціи Соли-Камской, съ прилегающими къ нимъ уѣздами и частями уѣздовъ другихъ провинцій 1734—1736 гг. Съ картою. <i>П. О. Чутина</i>	75
3. Матеріалы къ исторіи Пермскаго маіоратнаго имѣнія графовъ Строгановыхъ	60
1. Хозяйственныя записки по Пермскому имѣнію графини Софьи Владиміровны Строгановой, составленныя въ началѣ 1820 г. <i>Ө. А. Вологовымъ</i>	97
II. Положеніе для учрежденія Третейскаго Суда въ помѣстьяхъ графини Строгановой, урожденной княжны Голициной, составленное самою помѣщицею	137
III. Положеніе для Заводскихъ Судовъ въ помѣстьяхъ графини Строгановой, урожденной княжны Голициной, составленное самою помѣщицею въ Ноябрьѣ 1821 г.	153
4. О нѣкоторыхъ видахъ рыбъ, водящихся въ Пермской губерніи. <i>А. М. Хлѣбникова</i>	159
5. Кобылка, по изслѣдованіямъ и наблюденіямъ агрономическихъ смотрителей въ Пермской губерніи, въ 1892 г. <i>В. А. Владимірскаго</i>	194
6. Сѣмянные хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ Ирбитскаго уѣзда. <i>П. А. Астафьева</i>	218
7. Время сельско-хозяйственныхъ работъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. <i>А. Б. Кунмуриева</i>	229
8. Къ вопросу о народной медицинѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. <i>М. И. Мизерова</i> и <i>Н. Л. Скалозубова</i>	238
9. Къ портрету Н. К. Чутина. Съ портретомъ. <i>Д. Смѣшляева</i>	282
10. Къ полувѣковой годовщинѣ смерти Петра Андреевича Словцова. <i>А. А. Дмитріева</i>	292
11. Памяти В. В. Голубцова. <i>А. А. Дмитріева</i>	301

Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

В. А. Теплохова.

„Интересно было-бы издать рисунки металлическихъ изображеній людей и животныхъ, въ такомъ обиліи встрѣчающихся на пермской почвѣ и составляющихъ, кажется, ея характеристическую особенность“.

Профессоръ С. Ешевскій*).

Между разнообразными металлическими древностями, встрѣчающимися въ изобиліи въ предѣлахъ Пермской губерніи, въ особенности въ ея сѣверо-западной части, весьма видное мѣсто занимаютъ фигуры, изображающія людей и различныхъ животныхъ. Представляя издѣлія такъ называемой варварской работы, изображенія этого рода носятъ на себѣ всѣ признаки младенчества искусства и отличаются, большею частію, грубою, неумѣлою техникою. Тѣмъ не менѣе, въ случаяхъ, когда доисторическій мастеръ задавался цѣлію подражать природѣ, какъ напр. при изображеніи хорошо извѣстныхъ ему звѣрей и птицъ, создаваемые имъ фигуры доказываютъ нерѣдко большую наблюдательность, а также умѣніе выразить характеристическія черты изображаемаго животнаго. Но особый интересъ представляютъ для насъ тѣ изъ подобныхъ фигуръ, въ которыхъ тотъ-же мастеръ отступаетъ отъ природы, изображая баснословныя существа, бывшія, очевидно, предметомъ мифовъ и легендъ его времени. Такія изображенія, отражая на себѣ представленія доисторическаго человѣка о сверхъестественномъ, даютъ намъ весьма цѣнныя указанія на религіозныя воззрѣнія того народа, къ которому онъ принадлежалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ многочисленностію металлическихъ предметовъ вообще, такъ и присутствіемъ между пермскими древностями металлическихъ идоловъ, мы обязаны, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что оставившій ихъ народъ не только пользовался металлами, но и умѣлъ добывать и обрабатывать ихъ. Сравнивая между собою изображенія баснословныхъ животныхъ и идоловъ, найденныхъ нерѣдко въ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, нельзя не замѣтить, что большинство ихъ повторяетъ извѣстные опредѣленные типы; а это показываетъ, конечно, что такія изображенія представляютъ не плодъ минутнаго настроенія или свободной фантазіи мастера, а должны были соответствовать не менѣе опре-

*) Пермскій Сборникъ, изд. Д. Смышляева, Т. I. М. 1889, стр. 138.

дѣленнымъ религіознымъ представленіямъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно не только возстановить типъ изображеній того или другаго рода, но и прослѣдить постепенное развитіе этого типа, зависѣвшее, по всей вѣроятности, отъ развитія соответствующаго ему повѣрья или легенды. Все это, въ связи съ весьма частнымъ, сравнительно, находеніемъ подобныхъ предметовъ въ сѣверозападной части Пермской губерніи, приводитъ къ заключенію, что если не всѣ, то громадное большинство находимыхъ здѣсь изображеній баснословныхъ людей и животныхъ представляетъ продуктъ мѣстнаго производства, а не привозилось сюда извнѣ.

Тѣмъ не менѣе, при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ о древностяхъ Пермской Чуди, представляется вѣроятнымъ, что первые образцы интересующихъ насъ изображеній были занесены въ Прикамскій край изъ какой либо другой страны. Сравнительное изученіе разнообразныхъ древностей, находимыхъ въ поселеніяхъ Пермской Чуди, показываетъ, что многія изъ нихъ относятся къ болѣе древнему, а другіе къ болѣе позднему періоду чудской культуры; но такихъ поселеній, которыя, по характеру находокъ, представляли-бы переходъ, напр., отъ бронзоваго вѣка къ чудской культурѣ, насколько мнѣ извѣстно, не найдено. Поэтому возможно предположеніе, что народъ, который мы называемъ Пермскою Чудью, во время появленія своего на берегахъ Камы, стоялъ уже на извѣстной и при томъ, сравнительно, довольно высокой степени культуры. Кромѣ того, сходство многихъ предметовъ, находимыхъ въ болѣе древнихъ чудскихъ поселеніяхъ, съ древностями западной Сибири, а также присутствіе въ бронзовыхъ предметахъ этого періода большого количества олова, которое впослѣдствіи постепенно исчезаетъ, даютъ основаніе предполагать, что Пермская Чудь пришла на Каму съ востока—изъ за Урала и, по всей вѣроятности, еще долго находилась въ сношеніяхъ съ своею прежнею родиной. Поэтому весьма возможно, что болѣе древніе типы баснословныхъ животныхъ возникли не на берегахъ Камы, хотя, какъ уже замѣчено выше, большая часть находимыхъ здѣсь предметовъ этого рода принадлежитъ, несомнѣнно, къ мѣстнымъ произведеніямъ.

Изображенія баснословныхъ людей и животныхъ, которыя мы приписываемъ Пермской Чуди, встрѣчаются, насколько мнѣ извѣстно, на всей территоріи, которая характеризуется находеніемъ памятниковъ чудской культуры и, какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ*), совпадаетъ довольно точно съ предѣлами древней Перми. Въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи, территорія эта занимаетъ сѣверную ея часть, отъ р. Колвы и нижняго теченія р. Вишеры къ западу, и затѣмъ всю западную часть губерніи до р. Камы, а также нижнее теченіе ея главныхъ притоковъ съ лѣвой стороны: Яйвы, Косвы и Чусовой. Кромѣ того, сдѣланныя находки и изслѣдованія послѣдняго времени показываютъ, что территорія Пермской Чуди

*) Труды Пермской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. I. Пермь, 1892 г., стр. 27.

занимала нѣкогда также прилегающія части Вологодской и Вятской губерній, хотя прослѣдить границы, до которыхъ доходили поселенія Пермской Чуди внѣ нынѣшней Пермской губерніи, мы въ настоящее время, къ сожалѣнію, еще не можемъ.

Но кромѣ территоріи, занятой нѣкогда поселеніями Пермской Чуди, въ предѣлахъ Пермской губерніи есть еще другая область распространенія изображеній баснословныхъ людей и животныхъ, отдѣленная отъ первой полосой, на которой подобныхъ изображеній, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается. Область эта находится въ восточной части губерніи, въ уѣздахъ Верхотурскомъ и Екатеринбургскомъ, и занимаетъ самый Уралъ и восточный его склонъ, преимущественно по рѣкамъ, текущимъ съ него къ востоку. Встрѣчающіяся здѣсь изображенія баснословныхъ людей и животныхъ вполне аналогичны чудскимъ, но принадлежатъ несомнѣнно Вогуламъ, такъ какъ большинство ихъ очень похоже на идоловъ нынѣшнихъ Вогуловъ, обитающихъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ до настоящаго времени.

Придавая своей статьѣ, главнымъ образомъ, значеніе матеріала къ изученію древностей Пермской Чуди, я опишу, прежде всего, не только изображенныя на прилагаемыхъ таблицахъ фигуры баснословныхъ людей и животныхъ, но и нѣкоторые другіе, извѣстные мнѣ, предметы этого рода, при чемъ ограничусь только необходимыми объясненіями, а также указаніями на аналогичныя находки, сдѣланныя какъ въ восточной части Пермской губерніи, такъ и внѣ ея предѣловъ. Въ концѣ же статьи я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые выводы и догадки, основанныя на сравненіи описанныхъ мною вещественныхъ памятниковъ съ тѣми данными о религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ Пермлянъ и нынѣшнихъ Угуровъ, которыя я нашелъ въ доступныхъ мнѣ литературныхъ источникахъ.

I.

Первобытный человѣкъ, живущій среди сѣверныхъ лѣсовъ и вынужденный поддерживать свое существованіе охотой, не могъ не обращать особаго вниманія на окружающія его живыя существа. Одни изъ этихъ существъ, представляя предметъ охоты, были необходимы для его безбѣднаго существованія и потому обращали на себя особое вниманіе человѣка тою пользою, которую они ему приносили; напротивъ того, другія существа, какъ на примѣръ хищныя звѣри, причиняли ему тотъ или другой вредъ, а иногда могли даже угрожать самому существованію человѣка. Поэтому естественно, что, изъ множества окружавшихъ человѣка звѣрей и птицъ, онъ выдѣлилъ тѣхъ которые имѣли для него особое значеніе или вслѣдствіе приносимой ими пользы, или же, напротивъ того, вреда. Этимъ объясняется, повидимому, нахожденіе на мѣстахъ поселеній Пермской Чуди,

преимущественно болѣе древняго періода, большаго числа изображеній животныхъ, принадлежащихъ однакоже только къ немногимъ, опредѣленнымъ типамъ. Такъ изъ животныхъ, полезныхъ человѣку, встрѣчаются довольно часто изображенія коня, звѣрка въ родѣ соболя, гуся, утки и т. д., а изъ вредныхъ—изображеніе медвѣдя. Но всѣ эти изображенія не представляютъ ничего сверхъестественнаго и служили, повидимому, только въ качествѣ украшеній, такъ какъ имѣютъ видъ подвѣсокъ, бляхъ, пряжекъ и т. п. предметовъ. Кромѣ того, во всѣхъ произведеніяхъ этого рода замѣтно стремленіе доисторическаго мастера—схватить, по возможности, характеристическіе признаки изображаемаго животнаго, что ему нерѣдко и удавалось, конечно, насколько то позволяла первобытная техника того времени.

Иное значеніе имѣла, повидимому, другая группа изображеній изъ міра животныхъ, представляющая уже существа, хотя и носящія признаки животныхъ, но не могущія существовать въ дѣйствительности. Весьма возможно, что относительно особенно полезныхъ и вредныхъ животныхъ существовали особыя легенды, при дальнѣйшемъ развитіи которыхъ встрѣчающіяся въ природѣ существа уже не соотвѣтствовали тѣмъ свойствамъ, которыя имъ приписывались. Этимъ слѣдуетъ, по всей вѣроятности, объяснить появленіе, наряду съ изображеніями реальныхъ животныхъ, такихъ фигуръ, какъ птицъ съ звѣриными головами, животнаго, представляющаго нѣчто среднее между звѣремъ и рыбой и т. д. Такимъ образомъ, въ изображеніяхъ подобныхъ баснословныхъ животныхъ замѣчается уже желаніе мастера выразить извѣстную мысль, при чемъ онъ, очевидно, уже не стѣсняется болѣе соображеніемъ, на сколько его произведеніе будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности.

Развиваясь далѣе въ томъ же направленіи, представленіе о баснословныхъ животныхъ могло легко повести къ созданію такихъ существъ, которыя, отличаясь сверхъестественными свойствами, обладали человѣческимъ разумомъ и даже могли имѣть на человѣка то или другое вліяніе. При такихъ условіяхъ естественно, что человѣкъ не могъ уже удовлетвориться изображеніемъ существъ, хотя и баснословныхъ по своей наружности, но представлявшихъ, тѣмъ не менѣе, только сочетаніе физическихъ признаковъ и свойствъ извѣстныхъ ему животныхъ. Поэтому, желая дать новымъ представленіямъ извѣстныя формы, онъ сталъ искать новыхъ образовъ для воплощенія своей мысли и остановился при этомъ на типѣ птицы, которая, благодаря своей способности переноситься съ мѣста на мѣсто, исчезать осенью и возвращаться весной и другимъ свойствамъ, должна была казаться ему наиболѣе таинственнымъ существомъ. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, можно объяснить появленіе изображеній птицъ съ распростертыми крыльями, снабженныхъ обыкновенно дополнительнымъ изображеніемъ на груди, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ человѣческаго лица или фигуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представленіе о такихъ сверхъестественныхъ существахъ, одаренныхъ человѣческимъ разумомъ, перешло, вѣроятно, постепенно въ понятіе

о божествѣ и потому птицевидныя изображенія подобнаго рода могутъ уже считаться идолами.

Сравнивая между собою птицевидныхъ идиоловъ, принадлежащихъ къ различнымъ типамъ, нельзя не замѣтить, что этотъ способъ изображенія сверхъестественныхъ существъ, развиваясь постепенно, подвергся съ теченіемъ времени извѣстнымъ измѣненіямъ. Дѣло въ томъ, что идолы этого рода, встрѣчающіеся въ болѣе древнихъ поселеніяхъ Чуди, отличаются, относительно своей формы, болшею близостію къ природѣ и, въ тоже время, болшею простотою въ изображеніи дополнительныхъ фигуръ. Напротивъ того, птицевидные идолы, принадлежащіе, по мѣсту находенія и другимъ соображеніямъ, къ болѣе позднему періоду, представляютъ уже особенности, указывающія на то, что самое представленіе о божествахъ, которыхъ они изображаютъ, сдѣлалось болѣе сложнымъ. Въ фигурѣ птицы это выражается усиливающимся постепенно отклоненіемъ отъ существующихъ въ природѣ образцовъ и, наконецъ, въ появленіи птицъ съ двумя и даже тремя головами. Въ тоже время, вмѣстѣ съ изображеніемъ человѣческаго лица, являются на груди птицъ позднѣйшаго періода цѣлыя фигуры человѣка, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже фигуры звѣрей и птицъ.

Птицевидные идолы послѣдней категоріи представляютъ переходъ къ слѣдующей группѣ, въ которой существенною частію идола является уже фигура человѣка, а баснословныя животныя, хотя и изображаются еще вмѣстѣ съ нимъ, но играютъ уже подчиненную роль. Наиболѣе распространенный типъ этой группы представляетъ идолъ въ видѣ человѣка, по сторонамъ котораго помѣщаются два драконовидныхъ существа, а подъ ногами чудовище, имѣющее видъ земноводнаго. Далѣе встрѣчаются идолы въ видѣ человѣка, сидящаго на фантастическомъ конѣ, идолы въ видѣ двухъ или трехъ человѣческихъ фигуръ, сопровождаемыхъ баснословными животными и т. д.

Наконецъ, въ послѣдней группѣ извѣстныхъ намъ человѣкообразныхъ чудскихъ идиоловъ изображенія баснословныхъ существъ, сопровождающихъ человѣческую фигуру, постепенно исчезаютъ и, такимъ образомъ, являются вполне человѣкообразныя фигуры, отличающіяся отъ простаго человѣка только условностію изображенія и, въ рѣдкихъ случаяхъ, нѣкоторыми атрибутами, указывающими на свойства изображаемаго божества. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается также и болшее разнообразіе типовъ, что указываетъ, конечно, на увеличившееся число божествъ и на болшую дифференцировку ихъ индивидуальныхъ качествъ.

Переходя къ описанію изображенныхъ на прилагаемыхъ таблицахъ предметовъ*), мы разсмотримъ отдѣльно: 1) изображенія баснословныхъ животныхъ, 2) идиоловъ въ видѣ птицъ и 3) идиоловъ въ видѣ человѣка.

---

*) Всѣ предметы, кромѣ фиг. 8-й на таб. 1-й, изображены въ натуральную величину.

Изображенія баснословныхъ животныхъ.

Какъ уже замѣчено выше, къ группѣ баснословныхъ животныхъ мы относимъ такія изображенія, которыя, при всей своей фантастичности, представляютъ только сочетаніе физическихъ признаковъ различныхъ животныхъ, существующихъ въ дѣйствительности. Такъ, на примѣръ, въ фигурахъ птицъ, снабженныхъ головою хищнаго звѣря, имѣлось, вѣроятно, въ виду представить существа, обладавшія хищными наклонностями въ болѣе высокой степени, чѣмъ это свойственно птицамъ и звѣрямъ въ отдѣльности. Кромѣ того, къ той же группѣ могутъ быть отнесены предметы, представляющіе сцены между двумя или тремя животными, хотя и реальныя по исполненію, но имѣющія, очевидно, также фантастическое значеніе.

Всѣ относящіяся сюда изображенія отливались изъ бронзы и предназначались для подвѣшиванія или прикрѣпленія къ чему либо, на примѣръ для украшенія одежды. Сообразно тому, ихъ можно подраздѣлить на рельефныя фигуры, приспособленныя для подвѣшиванія, и на изображенія въ видѣ пластинокъ, которыя прикрѣплялись на какую нибудь поверхность и потому отдѣлялись только съ лицевой стороны.

Къ предметамъ перваго рода принадлежатъ всѣ птицевидныя изображенія съ звѣриными головами, а также сложныя фигуры, представляющія двухъ или трехъ животныхъ, находящихся въ извѣстномъ другъ къ другу положеніи. Въ большинствѣ случаевъ, въ основѣ такой фигуры находится трубочка, имѣющая при естественномъ положеніи изображенныхъ животныхъ, вертикальное направленіе и служившая, несомнѣнно, для продвѣванія черезъ нее ремня или шнура; но вполне круглую форму такая трубочка сохраняетъ только на своихъ концахъ, такъ какъ стѣнкамъ ея придавались тѣ очертанія, которыя соответствовали изображаемому животному. Поэтому всѣ подобныя фигуры имѣютъ внутри пустоту, снабженную нерѣдко, вѣроятно въ виду трудности отлить вполне замкнутую фигуру, прорѣзями различнаго вида и очертанія. Къ этому-же роду изображеній баснословныхъ птицъ должны быть отнесены подвѣски, имѣющія видъ эллиптической крышки или продолговатаго колокольчика. Въ этомъ случаѣ изображеніе представляетъ только верхнюю половину птицы, снабженную звѣриною головою, при чемъ для подвѣшиванія ея имѣется на спинной сторонѣ особая дырочка.

Типомъ для изображеній, имѣющихъ форму трубочки, можетъ служить предметъ, представленный на табл. I, фиг. 4-й. Судя по формѣ и величинѣ ногъ, эта трубочка должна изображать хищную птицу съ головою звѣря, похожаго на волка или собаку. Фигура отлита изъ темной, сталевидной бронзы и на поверхности тщательно отполирована. Найдена, вмѣстѣ съ другими чудскими предметами, въ Гаинской волости, Чердынскаго уѣзда.

Фигурныя трубочки только что описанной формы пользовались, повидимому, особымъ спросомъ и популярностію, такъ какъ они встрѣчаются довольно часто и притомъ въ весьма различныхъ мѣстностяхъ. Такъ, изъ числа 18 экземпляровъ моея коллекціи, большинство найдено въ Аннинской и Гаинской волостяхъ Чердынскаго уѣзда и, по одному экземпляру, на р. Чусовой, въ Чусовской волости, и на р. Кемолѣ, Дмитриевской волости, Соликамскаго уѣзда. Замѣчательно, что всѣ эти трубочки, какъ по размѣрамъ, такъ и по подробностямъ исполненія, совершенно похожи другъ на друга.

Къ упомянутому выше второму типу рельефныхъ изображеній этого рода относится фигура птицы, изображенная на табл. I, фиг. 3-й. Она представляетъ верхнюю половину водяной птицы, нѣсколько сплюсненной съ боковъ, съ головою звѣря, которая, по длинной, утолщенной впереди, мордѣ и формѣ ушей, напоминаетъ нѣсколько голову лося. Фигура отлита изъ того же металла, какъ и предыдущая, и снабжена вверху круглою дырочкой около 0,3 сант. въ діаметрѣ. Найдена, съ тремя другими, совершенно подобными ей, въ Гаинской волости Чердынскаго уѣзда. Кромѣ того, совершенно такой-же предметъ доставленъ мнѣ изъ мѣстонахожденія на р. Ломоватовкѣ, Слудской волости, Пермскаго уѣзда.

Впрочемъ изображенія подобныхъ баснословныхъ животныхъ не составляютъ, повидимому, исключительной особенности Пермской Чуди. Такъ на екатеринбургской учено-промышленной выставкѣ 1887 года находимъ костюмъ сибирскаго шамана, на которомъ, въ числѣ различныхъ желѣзныхъ привѣсокъ, находилась фигура *рыбы*, съ особо припаянными къ головѣ вѣтвистыми оленьими рогами. Костюмъ былъ выставленъ казанскимъ музеемъ отечествовѣдѣнія, но какой именно народности онъ принадлежитъ, неизвѣстно.

Къ объясненію, какимъ образомъ представляла себѣ Чудь происхожденіе подобныхъ баснословныхъ полу-звѣрей—полу-птицъ, можетъ служить, повидимому, другой рядъ фигуръ, весьма близкихъ къ описаннымъ выше фигурнымъ трубочкамъ. Подобно послѣднимъ, они представляютъ трубочку, стѣнкамъ которой придавались формы животныхъ, но не одного, какъ въ первомъ случаѣ, а двухъ или даже трехъ, соединенныхъ въ одну группу. Въ большинствѣ случаевъ, такая трубочка состоитъ изъ фигуры хищной птицы, сидящей на звѣрѣ, такъ что вся сцена представляетъ, на первый взглядъ, хищника, клюющаго свою добычу. Изъ числа трубочекъ этого типа на прилагаемыхъ таблицахъ изображены слѣдующіе два предмета:

Табл. I, фиг. 2-я представляетъ группу изъ двухъ животныхъ: хищной птицы, сидящей сверху, и звѣрька, лежащаго подъ нею на спинѣ. Не смотря на довольно небрежную отливку, въ птицѣ, по посадкѣ и формѣ головы и ногъ, не трудно узнать орла. Относительно-же звѣрька можно думать, что онъ долженъ изображать соболя или куницу, такъ какъ длина тѣла, форма головы и короткія ноги вполне соотвѣтствуютъ типу этихъ животныхъ. Вся группа значительно сплюснена съ боковъ и отлита изъ темнаго

сталевиднаго сплава. Мѣсто находенія—р. Тывашерь, Ошибской волости, Соликамскаго уѣзда*).

Другую, подобную-же фигурную трубочку представляетъ рис. 5-й той-же таблицы. Не смотря на еще менѣе отчетливое исполненіе, очевидно, что верхняя фигура должна представлять хищную птицу, соприкасающуюся клювомъ съ головой какого-то звѣря, обращенной мордой, какъ и въ первомъ случаѣ, вверхъ. Трубочка отлита довольно грубо изъ сталевидной бронзы и поверхность ея тщательно отполирована. Найдена въ Пермскомъ уѣздѣ, около дер. Антоновцы, Филатовской волости.

Къ предметамъ того-же типа принадлежатъ еще двѣ, прекрасныя по исполненію группы, находящіяся въ моей коллекціи и найденныя въ Аннинской волости, Чердынскаго уѣзда. Первая изъ нихъ представляетъ ту-же сцену, которая изображена на табл. I, фиг. 2-й, но мѣсто звѣрька занимаетъ голова какого-то звѣря, похожаго на оленя безъ роговъ, съ заложенными назадъ ушами. Орелъ представленъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, съ наклоненною головой, при чемъ онъ касается клювомъ морды животнаго, которое изображено съ открытыми глазами и, слѣдовательно, живымъ. Другая группа, найденная вмѣстѣ съ только что описанною, представляетъ уже болѣе сложную сцену, хотя вполне похожа на первую какъ по матеріалу, такъ и по подробностямъ исполненія. Въ этомъ случаѣ голову животнаго, лежащаго на спинѣ, держитъ передними и задними лапами фигура медвѣдя, голова котораго наклонена внизъ и соприкасается съ мордой лежащаго внизу звѣря. На медвѣдѣ-же, вплывши въ заднюю часть его спины, сидитъ орелъ, мало уступающій ему въ величинѣ и совершенно похожій на птицу первой группы. Голова орла, къ сожалѣнію, отломана, но судя по данной ему позѣ, онъ прикасался клювомъ къ приходившейся подъ нимъ головѣ медвѣдя. Обѣ группы снизу открыты и имѣютъ весьма тонкія стѣнки съ полированной поверхностію. Матеріаль—сталевидная бронза.

Выше я уже замѣтилъ, что при первомъ взглядѣ на фигурныя трубочки этого типа, наблюдателю кажется, что они изображаютъ хищную птицу, клюющую пойманную ею добычу. Дѣйствительно, такъ объясняютъ эти фигуры всѣ писатели, упоминающіе объ нихъ въ своихъ сочиненіяхъ**); но взглядываясь въ подобныя изображенія внимательнѣе, нельзя не замѣтить, что, во всѣхъ случаяхъ, животное, которое должно представлять собою терзаемую добычу, имѣетъ извѣстную позу, весьма мало соотвѣтствующую такому положенію. Животное это всегда изображается мордою вверхъ и съ

*) Очень похожій и тождественный по значенію предметъ изображенъ въ статьѣ профессора С. Ешевскаго: «Замѣтка о Пермск. древностяхъ». Пермскій Сборникъ, изданный Д. Д. Смышляевымъ, томъ I, 1859 г., фиг. 6-я, и въ сочиненіи: *J. R. Aspelin—Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, Liv. II, стр. 134, фиг. 565. Предметъ этотъ найденъ около дер. Ромашовой, Филатовской волости Пермскаго уѣзда.

***) С. Ешевскій. Пермскій Сборникъ Т. I, стр. 139. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія Древности, выпускъ 3-й, 1890 г., стр. 73 и далѣе.

открытыми глазами, слѣдовательно живымъ, а въ группѣ, изображенной на табл. I, фиг. 2-й, звѣрекъ даже поддерживаетъ орла передними и задними лапами. Но еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ „птицею, клюющею добычу“, небольшая трубочка того-же типа, найденная въ Пермскомъ уѣздѣ, на городищѣ Гарамиха, Васильевской волости, и изображенная въ атласѣ проф. Аспелина*). Голова лежащаго внизу животнаго изображена въ этомъ случаѣ въ обыкновенномъ положеніи, но фигура хищной птицы замѣнена фигурою *барана*, при чемъ ему придано однакоже положеніе, которое имѣетъ обыкновенно клюющая птица. Понятно, что о „клеваніи добычи“, въ данномъ случаѣ, уже не можетъ быть рѣчи, а потому я полагаю, что чудскіе мастера, изображая подобныя сцены, имѣли цѣлю объяснить наглядно происхожденіе тѣхъ баснословныхъ животныхъ, о которыхъ мы говоримъ выше.

Какъ уже замѣчено, изображеніямъ баснословныхъ животныхъ придавалась также иногда форма пластинокъ, отдѣланныхъ только съ одной стороны. Въ такихъ случаяхъ животное изображалось обыкновенно въ профиль, при чемъ очертаніе пластинки соотвѣтствуетъ фигурѣ животнаго, а подробности изображались полурельефомъ; задняя-же сторона пластинки оставалась, во всѣхъ случаяхъ, неотдѣланною.

Къ числу изображеній этого рода принадлежитъ фигура фантастическаго животнаго, помѣщенная на табл. I, фиг. 7-й. Какъ видно на рисункѣ, животное это представляетъ нѣчто среднее между звѣремъ и рыбой, въ общемъ-же напоминаетъ собою отчасти большую яшерницу или крокодила. Тѣло этого чудовища, какъ и форма головы, дѣлаютъ его похожимъ на рыбу, но глазъ и ноздри похожи скорѣе на звѣриные. Кромѣ того, нижняя челюсть гораздо длиннѣе верхней и ей придана форма загнутаго вверхъ витатаго рога. Другой, такой-же рогъ помѣщенъ на затылкѣ. Ноги короткія, въ видѣ человѣческихъ рукъ, а короткій хвостъ, подобно рыбьему, поставленъ вертикально. Спина животнаго снабжена горбомъ, подъ которымъ находятся на боку три серповидныя бороздки, имѣвшія, какъ увидимъ далѣе, какое-то особое значеніе. Фигура плоская, съ желобчатою выемкой вдоль тѣла. Отлита довольно грубо изъ красной мѣди. Найдена при добычѣ известковаго камня изъ горы, находящейся на лѣвомъ берегу р. Колвы, выше дер. Бобыки, Чердынскаго уѣзда.

Другое изображеніе того-же животнаго найдено на р. Ломоватовкѣ, около дер. Ракитиной, Слудской волости, Пермскаго уѣзда, и находится въ моей коллекціи. Въ общемъ, оно очень похоже на предыдущее, но исполнено съ меньшими подробностями. Голова, занимающая около третьей части тѣла, представлена также съ загнутою вверхъ, но тупою мордою и съ на-

*) *Aspelin*. Antiqu. Liv. II, стр. 134, фиг. 560 (голова лежащаго внизу животнаго изображена неотчетливо). Тотъ-же предметъ ея у *П. И. Мельникова*, въ его «Дорожныхъ замѣткахъ на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь». Отечественныя Записки. 1841 г., т. XVIII, № 9-й, рис. II, фиг. 6.

правленнымъ впередъ рогомъ на затылкѣ. Конечности и хвостъ только намѣчены, но на боку, подъ рогомъ, находятся два отверстія, замѣняющія серповидныя бороздки первой фигуры.

Описанное только что чудовище играло, повидимому, весьма важную роль въ легендахъ Пермской Чуди, такъ какъ фигура его составляетъ необходимую принадлежность идоловъ особой группы. Тѣмъ не менѣе, трудно сказать, обязано-ли оно своимъ созданіемъ фантазіи чудскихъ мастеровъ или заимствовано ими отъ другихъ народовъ или племенъ. Съ одной стороны можно допустить, что соединеніе въ данномъ случаѣ признаковъ рыбы и четвероногаго могло возникнуть тѣмъ-же путемъ, какимъ Чудь дошла до изобрѣтенія птицъ съ звѣринными головами; но съ другой, общее сходство этого баснословнаго животнаго съ ящеровидными земноводными, какъ-бы указываетъ на то, что первообразомъ его служилъ крокодилъ, о которомъ Чудь могла узнать какъ путемъ торговыхъ сношеній, такъ и по изображеніямъ экзотическихъ животныхъ на восточныхъ сосудахъ*). Какъ-бы то ни было, но чудовище это должно было представлять, по всей вѣроятности, существо, могущее жить и двигаться одинаково удобно какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ, почему я и буду называть его, при дальнѣйшемъ изложеніи, *ящеромъ*.

Къ этой-же группѣ баснословныхъ существъ слѣдовало-бы причислить, быть можетъ, тѣ драконовидныя фигуры, которыя, вмѣстѣ съ только что описаннымъ ящеромъ, изображаются на многихъ чудскихъ идолахъ; но такъ какъ отдѣльныхъ изображеній этихъ существъ доселѣ не найдено, то я разсмотрю ихъ вмѣстѣ съ тою группою идоловъ, на которыхъ они всего чаще встрѣчаются.

Заканчивая описаніе предметовъ настоящей группы, я считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изображеніяхъ медвѣдя, которыя, строго говоря, нельзя отнести ни къ баснословнымъ животнымъ, ни къ числу идоловъ, хотя нѣкоторыя особенности этихъ изображеній показываютъ, что Пермская Чудь питала къ медвѣдю болѣе чѣмъ простое уваженіе. Образцомъ такихъ изображеній можетъ служить фигура „ревущаго медвѣдя“, найденная около с. Ильинскаго, Пермскаго уѣзда и изображенная, между прочимъ, на таблицахъ, приложенныхъ къ статьѣ проф. Ешевскаго о Пермскихъ древностяхъ**). Это пластинка красной мѣди, до 9 сант. длиною, представляющая стоящаго на дыбахъ медвѣдя, съ поднятыми передними лапами и разинутой пастью. Задняя поверхность пластинки, какъ это всегда бываетъ у чудскихъ идоловъ, оставлена неотдѣланною, а на передней одна только морда медвѣдя изображена вполне рельефно. Заднія ноги этой фигуры, какъ это также иногда встрѣчается у идо-

*) Д. Д. Смышляевъ. Древняя серебряная чаша Пермскій Сборникъ, т. 2. Москва, 1860 г., стр. 42.

***) Проф. Ешевскій. Замѣтка. — Пермскій Сборникъ Т. I, 1859, фиг. 7.

ловъ, выворочены пятками кнаружи, а на груди и брюхѣ медвѣдя грубо намѣчены черты трехъ человѣческихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе отнести эту фигуру къ идоламъ или къ числу баснословныхъ животныхъ едва-ли возможно, такъ какъ въ общемъ медвѣдь представленъ вполне натуралистично.

Подобная-же фигура медвѣдя, съ признаками человѣческаго лица на груди, находилась въ коллекціи проф. Эйхвальда и получена имъ съ верховьевъ р. Печеры (р. Соплясъ)*).

Встрѣчаются-ли изображенія баснословныхъ животныхъ въ числѣ древностей, находимыхъ въ Пермской губерніи на восточномъ склонѣ Урала, мнѣ неизвѣстно; но весьма возможно, что между вогульскими древностями такія изображенія существуютъ, о чемъ можно заключать не только по экземплярамъ древнихъ вогульскихъ идоловъ, но и по идоламъ современныхъ Вогуловъ и Остяковъ. Такъ на одномъ древнемъ идолѣ, найденномъ на горѣ Адуйскій Камень, Екатеринбургскаго уѣзда, о которомъ будетъ сказано ниже, видно длинное животное, представленное ползущимъ вверхъ по лѣвому боку человѣческой фигуры. Идолъ отлитъ крайне грубо, а потому животное представляется въ видѣ скобки, верхній конецъ которой, съ находящеюся ниже его кривою перекладиной, изображаетъ пасть чудовища, противъ которой, съ наружной стороны скобы, находятся два отростка, соотвѣтствующіе ушамъ животнаго. Нижняя часть скобы изображаетъ хвостъ, а ногамъ соотвѣтствуютъ двѣ горизонтальныя перекладины. Тоже животное, но менѣе отчетливо исполненное, мы видимъ на другомъ бронзовомъ (мѣдномъ?) идолѣ, безъ сомнѣнія вогульскаго происхожденія, изображенномъ въ атласѣ г. Аспелина, подъ № 586**).

Какое животное изображалось древними Вогулами на упомянутыхъ только что идолахъ, выясняютъ, повидимому, подобныя-же изображенія, существующія у нынѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ. Такъ проф. Н. Сорокинъ***) встрѣтилъ у современныхъ Вогуловъ Верхотурскаго уѣзда, кромѣ человѣкообразныхъ идоловъ, также изображенія „четвероногога чудовища“, повидимому, весьма близкаго къ чудскому ящеру. Судя по рисунку, приложенному къ сочиненію проф. Сорокина, такой идолъ представляетъ животное, похожее на саламандру или ящерицу, но съ короткимъ закругленнымъ хвостомъ. Ноги изображены очень короткими, съ признаками трехъ пальцевъ на каждой, глазъ и ухо только намѣчены. По словамъ проф. Сорокина, идолъ отлитъ изъ неизвѣстнаго сплава, очень некрасиво и поверхность его какъ-бы покрыта чешуями, замѣтными особенно на хвостовой части. Какъ и чудскія изображенія подобнаго рода, этотъ идолъ представляетъ пластинку, соотвѣтствующую своимъ очертаніемъ формамъ животнаго, при чемъ

*) *Aspelin. Antiquités. Liv. II, стр. 128, фиг. 521.*

**) *Ibid., стр. 137.*

***) *Н. Сорокинъ. Путешествіе къ Вогуламъ. Труды общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Томъ III, № 4, 1873 г., стр. 48.*

изображеніе занимаетъ только переднюю ея поверхность, между тѣмъ какъ задняя остается неотдѣланною*).

Существованіе у современныхъ намъ Вогуловъ идоловъ, имѣющихъ видъ баснословныхъ животныхъ, подтверждаетъ также составитель Пермской Лѣтописи В. Н. Шишонко. По его показанію, однимъ изъ миссіонеровъ, посѣщавшихъ Вогуловъ Верхотурскаго уѣзда, былъ отобранъ у послѣднихъ и подаренъ ему „кусокъ свинца (?), изображающій что-то въ родѣ животнаго, въ срединѣ котораго залиты двѣ 20 коп. серебряныя монеты“ **).

По моему мнѣнію, весьма вѣроятно, что какъ чудской ящеръ, такъ и ящеровидныя фигуры древнихъ и современныхъ Вогуловъ, представляютъ одно и тоже баснословное животное, такъ какъ главнѣйшіе признаки всѣхъ этихъ фигуръ вполне совпадаютъ.

Идолы въ видѣ птицъ.

Другую группу фантастическихъ животныхъ, но имѣвшихъ уже несомнѣнно религиозное значеніе, представляютъ фигуры птицъ съ распростертыми крыльями и изображеніемъ на нижней поверхности дополнительныхъ фигуръ, въ видѣ человѣческаго лица или очертанія какого-либо животнаго. Такіе птицевидныя идолы встрѣчаются, сравнительно, довольно часто и извѣстны мѣстнымъ жителямъ подъ названіемъ „голубковъ“, хотя по своимъ признакамъ напоминаютъ скорѣе птицу въ родѣ орла или сокола. Кромѣ дополнительныхъ фигуръ, помѣщающихся обыкновенно на груди „голубка“, на миѣологическое значеніе изображеній этого рода указываютъ какъ условность самаго изображенія, такъ и исполненіе подробностей птичьей фигуры, при которомъ стремленіе къ естественности отходитъ уже, очевидно, на второй планъ. Послѣднее касается въ особенности птицевидныхъ идоловъ, относящихся къ болѣе позднему періоду чудской культуры, такъ какъ многіе изъ нихъ только въ общемъ напоминаютъ фигуру птицы, а нѣкоторыя снабжены даже двумя и тремя головами.

Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, птицевидныя идолы отливались изъ бронзы или красной мѣди, при чемъ тѣлу птицы придавалась форма пластинки, отдѣланной только съ передней, лицевой стороны. Какъ передняя сторона такой пластинки, такъ и задняя, остающаяся неотдѣланною, представляются совершенно плоскими и только головы птицъ отливались рельефными, съ соотвѣтствующею каждой головѣ впадиною съ задней стороны. Вообще идолы въ видѣ птицъ предназначались, повидимому, для под-

*) Въ Императорскомъ Московскомъ историческомъ музеѣ находятся, въ числѣ доисторическихъ древностей, три подобныя-же изображенія, полученныя изъ Тобольской губерніи (остяцкія?). Отлиты, повидимому, изъ чугуна.

***) В. Н. Шишонко. Пермская Лѣтопись III періодъ. 1884 г., стр. 225.

вѣшиванія или ношенія на одеждѣ, на что указываютъ, кромѣ неотдѣланной задней поверхности ихъ, и различныя приспособленія въ видѣ дырочекъ на крыльяхъ, петелекъ и т. д.

Какъ уже замѣчено раньше, наибольшую близостію къ природѣ и, въ тоже время, простотою въ изображеніи дополнительныхъ фигуръ, отличаются тѣ птицевидные идола, которые попадаются въ болѣе древнихъ поселеніяхъ Чуди. Головы такихъ птицъ снабжены обыкновенно большимъ клювомъ, форма котораго указываетъ, что имѣлось въ виду представить хищную птицу, а дополнительное изображеніе состоитъ, чаще всего, изъ человѣческаго лица, намѣченнаго только въ общихъ чертахъ. Послѣднее занимаетъ всегда грудь птицы, а остальная часть лицевой поверхности фигуры украшена обыкновенно бороздками, соответствующими направленію перьевъ въ крыльяхъ и хвостѣ птицы. Но съ теченіемъ времени, птицевидные идола становились, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе сложными, что выражается какъ въ наружной формѣ ихъ, такъ и въ орнаментовкѣ птицевидной фигуры, и въ особенности въ характерѣ и подробностяхъ дополнительныхъ изображеній. вмѣсто одной головы, какъ замѣчено, являются иногда двѣ или даже три головы, но уже не носящія признаковъ той или другой извѣстной птицы, а бороздки, изображающія перья, замѣняются нерѣдко поперечными валиками, съ насѣчками въ видѣ шнура или жгута. Параллельно съ тѣмъ, человѣческое лицо изображается отчетливѣе или замѣняется цѣлою фигурою человѣка; въ моей коллекціи есть даже птица, на груди которой изображенъ человѣкъ, стоящій на лошади. Наконецъ, въ чудскихъ поселеніяхъ болѣе поздняго періода встрѣчаются птицы, на груди которыхъ человѣческое лицо или фигура дополняются, а иногда и замѣняются, фигурами четвероногихъ и птицъ, какъ наприм., головами драконовъ, фигурой соболя, гуся и т. д.

Изъ птицевидныхъ идиловъ съ одною головою, на прилагаемыхъ таблицахъ изображены:

Табл. II, фиг. 1 представляетъ птицевиднаго идола, найденнаго на рч Ломоватовкѣ, около д. Ракиной, Пермскаго уѣзда. Голова этой птицы наклонена впередъ и переходитъ въ короткій, сильно загнутый, клювъ, что придаетъ ей нѣкоторое сходство съ головою попугая. Направленіе перьевъ на крыльяхъ обозначено продольными пересѣченными линіями, а въ хвостѣ, начиная отъ короткихъ ногъ, нѣсколькими возвышеніями. Безбородое лицо на груди исполнено очень отчетливо. Вся фигура вдоль средней линіи нѣсколько выгнута.

Табл. II, фиг. 4 изображаетъ птицу съ человѣческимъ лицомъ на груди, значительно отличающуюся отъ другихъ предметовъ этого рода. Тѣло птицы представлено нѣсколько выпуклымъ, а толстый длинный клювъ напоминаетъ клювъ ворона. Человѣческое лицо исполнено не ясно, кромѣ довольно длиннаго погнутого носа, который вышелъ отчетливо. Перья въ крыльяхъ и хвостѣ намѣчены глубокими бороздками, наполненными, какъ и всѣ прочія

углубленія, бѣлою массою *), что придаетъ всей фигурѣ своеобразный видъ. Птица отлита изъ темнаго сплава, похожаго на желѣзо, но безъ признаковъ ржавчины. Работа грубая, безъ послѣдующей отдѣлки. Какъ по работѣ, такъ и по матеріалу, эта вещь очень похожа на современныхъ вогульскихъ идоловъ. Найдена въ окрестностяхъ с. Ильинскаго, Пермскаго уѣзда.

Кромѣ описанныхъ, мнѣ извѣстны еще три одноголовыхъ птицевидныхъ идола, съ изображеніемъ на груди одного человѣческаго лица, найденныхъ въ Юсьвенской **) и Верхъ-Юсьвенской волостяхъ Соликамскаго и Гаинской вол. Чердынскаго уѣздовъ.

На табл. II, фиг. 5, изображенъ одноголовый птицевидный идолъ, на которомъ лицо замѣнено цѣлою фигурою человѣка. Выпуклая голова этой птицы исполнена очень грубо, въ видѣ толстаго крючка, на лѣвой сторонѣ котораго намѣченъ глазъ. Крылья оканчивались, судя по сохранившемуся правому крылу, небольшимъ шарикомъ, а на поверхности ихъ обычныя борозды замѣнены плоскими, пересѣченными валиками, имѣющими поперечное направленіе. Хвостъ и лѣвое крыло отломаны, но по сохранившимся частямъ птицы видно, что на нижней сторонѣ ея тѣла была изображена фигура человѣка, съ разставленными въ стороны руками. Голова человѣка имѣетъ видъ выпуклости, съ поперечною впадиною вмѣсто рта, въ которомъ видѣнъ небольшой бугорокъ, можетъ быть, языкъ. Не смотря на грубость работы, на бокахъ фигуры замѣтны четыре черточки, долженствующія, вѣроятно, изображать ребра. Кромѣ того, на груди замѣчается возвышеніе, которое, повидимому, получилось не случайно, и въ такомъ случаѣ, по своему положенію, можетъ означать сердце. Фигура предназначалась для подвѣшивания, на что указываютъ два колечка на верхнихъ краяхъ крыльевъ, наложенныя, уже послѣ отливки, на заднюю поверхность. Птица отлита изъ золотистой бронзы и покрыта сѣро-зеленою патиною. Найдена около д. Михалевой, Гаинской волости, Чердынскаго уѣзда.

Изъ числа одноголовыхъ птицевидныхъ идоловъ моей коллекціи, съ изображеніемъ на груди, вмѣсто человѣческаго лица или человѣка, фигуры животнаго, я опишу слѣдующіе три предмета.

На табл. II, фиг. 2, изображена птица, грудь и верхняя часть крыльевъ которой представляютъ совершенно ровную поверхность, отдѣленную отъ шеи выпуклымъ валикомъ, образующимъ прямую линію. Кромѣ того, края всей фигуры украшены еще другимъ жгутовиднымъ валикомъ, а концы крыльевъ и хвостъ—возвышеніями, сходящимися на послѣднемъ подъ угломъ и украшенными поперечными насѣчками. Глаза птицы имѣютъ видъ приплюснутыхъ шариковъ и укрѣплены на мѣстѣ, какъ и колечко для подвѣшивания фигуры, повидимому, уже послѣ ея отливки. На груди-же птицы изображена фигура четвероногого животнаго, въ которомъ, не смотря на

*) Масса эта оказалась извѣстію и представляетъ, быть можетъ, случайное явленіе.

**) См. *Aspelin. Antiqu. Liv. II, стр. 130, фиг. 532.*

уродливое исполненіе, не трудно узнать лошадь. Вся фигура отлита изъ желтой мѣди и покрыта зеленою патиной. Мѣсто находженія—Городище Якъ-Мысь, на р. Гонзашоръ, Ошибской волости, Соликамскаго уѣзда.

Другой идолъ въ видѣ птицы, съ изображеніемъ животнаго на груди, найденъ около д. Базуевой, Гаинской волости, Чердынскаго уѣзда. Въ общемъ онъ очень походитъ на предъидущаго и украшенъ, подобно ему, вмѣсто бороздокъ, возвышенными жгутовидными валиками, расположенными на крыльяхъ въ поперечномъ направленіи. На груди же птицы какъ бы наложена крупная фигура гуся, изображеннаго сбоку, съ обращенною вправо головою. Отлить изъ желтой мѣди и, какъ по работѣ, такъ и по стилю украшеній, относится къ одному времени съ предъидущимъ.

Наконецъ, третья птица того же рода найдена около д. Мысы, Усть-Сысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Она отлита изъ черно-сѣраго сталевиднаго сплава и по типу приближается къ изображенной на табл. II, фиг. 4. Клювъ довольно выпуклый, но тѣло имѣетъ видъ совершенно плоской пластинки, изборожденной въ разныхъ направленіяхъ неглубокими бороздками. Однако-же, при внимательномъ разсмотрѣніи, на груди птицы ясно выступаютъ фигура звѣрька, въ родѣ соболя или куницы, и помещенная надъ нею человѣческая голова, въ видѣ черепа. Не смотря на кажущуюся грубость работы, фигура звѣрька, и въ особенности пропорціи его тѣла, переданы очень удачно.

Птицевидные идолы, основная фигура которыхъ представляетъ птицу *съ двумя головами*, встрѣчаются вообще рѣже одноголовыхъ и, судя по металлу и отдѣлкѣ, относятся къ болѣе позднему времени. Образцомъ такихъ идоловъ можетъ служить двухголовая птица, изображенная на

Табл. II, фиг. 3. Подобно предъидущимъ, вся фигура представляетъ пластинку, имѣющую очертаніе птицы, съ широко распростертыми крыльями. Какъ головы, такъ и прочія части идола выполнены крайне грубо, такъ что, на примѣръ, клювъ у обѣихъ головъ представляется въ видѣ простаго коническаго возвышенія. Перья изображены на крыльяхъ въ видѣ неправильныхъ валиковъ, отдѣленныхъ плоскими бороздками, а нижніе края крыльевъ и хвостъ украшены рядомъ неясныхъ бугурковъ. На груди птицы, нѣсколькими возвышеніями и четырьмя дырочками, обозначена человѣческая фигура, съ поднятыми вверхъ руками. Липо человѣческой фигуры только намѣчено и напоминаетъ черепъ. Ногъ нѣтъ. Идолъ отлить изъ желтой мѣди и покрытъ черною патиной. Найденъ около д. Даниловой, Гаинской волости, Чердынскаго уѣзда.

Остальные два идола—птицы этого типа отличаются лишь тѣмъ, что крайне грубо исполненная человѣческая фигура, руки которой также подняты, снабжена ногами, по своей малой длинѣ совсѣмъ несоотвѣтствующими остальному тѣлу. Кромѣ того, у одной изъ нихъ глаза и ротъ замѣнены глубокими ямками. Найдены въ одномъ мѣстѣ съ предъидущей.

Также рѣдко, какъ двухголовые, встрѣчаются птицевидные идолы съ *тремя головами*. Оба относящіяся сюда экземпляра моей коллекціи найдены въ Чердынскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Камы, и относятся, повидимому, къ одному времени съ предъидущими.

Рис. 6, на табл. II, изображаетъ одного изъ этихъ идоловъ, представляющаго одну изъ самыхъ любопытныхъ находокъ этого рода. Три, почти равныя по величинѣ, головы птицы снабжены толстымъ, сильно погнутымъ клювомъ, въ видѣ орлинаго (у одной головы клювъ отломанъ), возвышающимся на 1,5 сант. надъ грудью идола. Кромѣ того, птицѣ принадлежатъ, повидимому, крѣпкія ноги, такъ какъ каждая изъ нихъ снабжена четырьмя пальцами. Крылья птицы, къ сожалѣнію, отломаны, но объ ихъ формѣ и размѣрахъ можно судить по двумъ перьямъ, сохранившимся на правой и одному—на лѣвой сторонѣ фигуры. Хвостъ состоитъ изъ трехъ широкихъ перьевъ, соединенныхъ между собой и съ сосѣдними перьями поперечной полосой, присутствіе которой объясняется техническими соображеніями *). Идолъ долженъ изображать, очевидно, существо мужскаго пола. На груди птицы находится, исполненное весьма отчетливо, продолговатое лицо, съ прямымъ, расширеннымъ на концѣ, носомъ и признаками усомъ, въ видѣ черточекъ на верхней губѣ **). Но самую интересною особенностію этого идола представляются головы фантастическихъ животныхъ, которыми покрыта вся остальная поверхность его, не исключая и крыльевъ. Эти особенности тѣмъ любопытнѣе, что въ нихъ нельзя не узнать головы тѣхъ баснословныхъ существъ, которыхъ мы назвали выше драконовидными и которыя встрѣчаются весьма часто на человѣкообразныхъ идолахъ слѣдующей группы. И этотъ, сравнительно, очень большой идолъ предназначался для подвѣшиванія, на что указываетъ выемка на отломленной части праваго крыла, которая представляетъ обтертый при употребленіи край дырочки. Идолъ отлитъ изъ желтой мѣди и покрытъ окисломъ зеленовато-чернаго цвѣта. Найденъ въ Гаинской волости, Чердынскаго уѣзда.

Другой трехголовый идолъ моей коллекціи, въ общемъ, похожъ на предъидущаго, но отлитъ очень грубо, чѣмъ приближается къ описаннымъ выше двухголовымъ идоламъ. Длина его по срединѣ около 5 сант., а ширина между концами распростертыхъ крыльевъ до 10,5 сант. Три, поставленныя въ рядъ, головы птицы одинаковой величины, съ мало выдающимся клювомъ и намѣченными, въ видѣ кружковъ, глазами. Грудь птицы занимаетъ широкое лицо, съ глубокими глазными впадинами и прямымъ, узкимъ носомъ. Глаза и ротъ человѣческаго лица имѣютъ видъ круглыхъ ямокъ и

*) По этой особенности литья, способу изображенія перьевъ и нѣкоторымъ другимъ подробностямъ, нашъ экземпляръ весьма похожъ на одноголоваго птицевиднаго идола, изображеннаго въ соч. *гг. И. Толстаго и Н. Кондакова: Русскія древности*, вып. III, стр. 43, мѣстомъ нахождения котораго показана Сибирь (?).

***) Во всѣхъ остальныхъ, извѣстныхъ мнѣ, случаяхъ человѣческія лица чудескихъ идоловъ изображены безъ всякихъ признаковъ усомъ или бороды.

только намѣчены. Ниже лица, по сторонамъ его, замѣтны ноги птицы, имѣющія видъ человѣческихъ рукъ, но съ тремя пальцами каждая. На крыльяхъ намѣчены по три широкихъ пера, съ неясными выпуклостями по срединѣ, а хвостъ имѣетъ видъ трехъ зубцовъ съ возвышенными краями. Птица отлита изъ желтой мѣди. Дырочки вблизи верхняго края каждаго крыла показываютъ, что фигура предназначалась для подвѣшиванія. Найдена около д. Карчея, Юксѣвской волости, Чердынскаго уѣзда.

Изъ приведенныхъ выше указаній на мѣстности, въ которыхъ найдены описанные птицевидные идолы, видно, что большая часть ихъ приходится на правый берегъ Камы, по рр. Косѣ и Инвѣ. Такимъ образомъ, большинство ихъ найдено въ мѣстностяхъ, отличающихся особымъ обилиемъ памятниковъ чуждой культуры, сохранившихся въ видѣ городищъ и находокъ различнаго рода. Несомнѣнно однако-же, что районъ распространенія птицевидныхъ идоловъ, какъ и другихъ типичныхъ предметовъ той же культуры, переходилъ на сѣверѣ нынѣшнія границы Пермской губерніи, а также распространялся на западъ, на часть Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи. Такъ, кромѣ описанной выше птицы съ изображеніемъ соболя, найденной около д. Мысы, Усть-Сысольскаго уѣзда, въ музеѣ Уральскаго общества любителей естествознанія, въ Екатеринбургѣ, имѣется рядъ птицевидныхъ идоловъ, найденныхъ въ верховьяхъ Печоры, вблизи впаденія въ нее рч. Уньвы. Въ послѣдней мѣстности, какъ видно изъ каталога музея *), найдено было, въ видѣ клада, около пуда металлическихъ вещей, изъ которыхъ попало въ музей, къ сожалѣнію, не болѣе 20 предметовъ, въ томъ числѣ 8 изображеній птицъ. Птицевидныя изображенія съ Уньвы отличаются, правда, отъ прикамскихъ нѣкоторыми особенностями, а именно: они значительно меньше, птичьи головы снабжены небольшими закругленными ушами, дополнительныя изображенія человѣческаго лица и головъ животныхъ только намѣчены и т. д. Но по общему ихъ характеру, отдѣлкѣ и пр., всѣ эти предметы должны быть отнесены къ чуждымъ и отличаются отъ нашихъ, по всей вѣроятности, только тѣмъ, что принадлежатъ къ болѣе раннему періоду чуждой культуры. Еще ближе къ птицевиднымъ идоламъ Пермскаго края подобныя же предметы, описанные въ статьѣ проф. Эйхвальда „О древностяхъ завожской Чуди Печорскаго края **)" и найденные на р. Соплясъ, впадающей въ Печору въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ. Изъ этихъ птицевидныхъ фигуръ четыре экземпляра, во всѣхъ существенныхъ чертахъ, похожи на прикамскія и имѣютъ, подобно имъ, изображеніе человѣческаго лица на груди, а пятая снабжена небольшими ушами, чѣмъ приближается къ птицевиднымъ идоламъ, найденнымъ на р. Уньвѣ.

*) Каталогъ музея Уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ, отд. II. Этнографія и Антропология. Сост. Д. И. Лобановымъ г. 1889, стр. 14.

**) Рисунки этихъ предметовъ воспроизведены также въ атласѣ г. Аспеллина: Antiquités. Liv. II, стр. 128—130.

64 X 14

Такимъ образомъ, птицевидные идола встрѣчаются на всей территоріи, на которой жила нѣкогда, хотя можетъ быть одновременно, Пермская Чудь; но изъ литературныхъ источниковъ намъ извѣстно, что птицевидные идола, или очень похожія на нихъ изображенія птицъ, были находимы и въ другихъ мѣстностяхъ восточной Россіи и Сибири, далеко за предѣлами указанной выше территоріи. Такъ, идола въ видѣ птицъ найдены, въ разное время, въ предѣлахъ Камской Болгаріи, въ Астраханской губерніи, въ Калмыцкой степи и въ западной Сибири*). Къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстно, насколько всѣ эти находки близки къ прикамскимъ птицевиднымъ идоламъ и слѣдуетъ ли ихъ считать имѣющими съ пермскими одинаковое происхожденіе, или же они представляютъ только аналогичные имъ предметы, принадлежащіе различнымъ народностямъ. Только относительно 13 птицевидныхъ идоловъ томскаго музея**) слѣдуетъ полагать, что они весьма близки къ прикамскимъ. Всѣ эти идола найдены въ одномъ мѣстѣ, повидимому, въ видѣ клада, на берегу р. Ини, въ Касминской волости, Кузнецкаго округа, на глубинѣ 2—3 четвертей. Нѣкоторые изъ этихъ идоловъ достигаютъ отъ 10—12 сантиметровъ въ длину и, слѣдовательно, больше прикамскихъ, но другіе подходятъ къ нимъ и по величинѣ. Подобно пермскимъ, кузнецкіе идола имѣютъ видъ металлической пластинки, при чемъ голова птицы отлита рельефно, а на груди находится изображеніе круглаго человѣческаго лица. Поэтому единственнымъ существеннымъ признакомъ, отличающимъ кузнецкихъ идоловъ отъ прикамскихъ, являются, повидимому, длинныя уши, которыми снабжены головы первыхъ изъ нихъ, и которыя авторъ каталога сравниваетъ съ „коровьими“. Подобныхъ ушей у пермскихъ птицевидныхъ идоловъ, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается, но они приближаютъ ихъ къ птицевиднымъ фигурамъ, найденнымъ въ верховьяхъ Печоры и изображающимъ, вѣроятно, ушастыхъ совъ

Говоря о птицевидныхъ идолахъ, мнѣ остается еще упомянуть о металлическихъ фигурахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе отдаленное сходство съ птицами и встрѣчающихся въ восточной части Пермской губерніи, въ мѣстностяхъ, которыя еще въ недавнее время были населены Вогулами.

Вмѣстѣ съ мѣдными человѣкообразными идолами, весьма близкими къ идоламъ современныхъ пермскихъ Вогуловъ, встрѣчаются на восточномъ склонѣ Урала мѣдные предметы, напоминающіе своимъ очертаніемъ форму креста или якоря. Отличаясь, какъ и находимые вмѣстѣ съ ними идола, крайне грубою отдѣлкой, они имѣютъ обыкновенно видъ расширеннаго на одномъ концѣ, въ видѣ лопаточки, бруска, другой конецъ котораго напоминаетъ собою иногда голову птицы, съ обращеннымъ въ сторону отросткомъ, въ видѣ клюва. Но чаще этотъ конецъ просто утолщенъ, такъ что представляетъ собою нѣчто въ родѣ шляпки гвоздя. Въ нѣкоторомъ разстояніи

*) В. Ф. Археологическій музей Томскаго университета. Томскъ. 1888, стр. 121.

**) Тамъ же стр. 84, 121 и 125.

отъ этого утолщенія, въ точкѣ, соотвѣтствующей мѣсту прикрѣпленія крыльевъ, отъ бруска отходятъ два плоскихъ отростка, загнутые въ сторону расширеннаго конца бруска въ видѣ дугъ, или же подъ прямымъ угломъ, и въ этомъ случаѣ весьма похожіе на крылья. Хотя, въ своемъ грубѣйшемъ видѣ, подобныя изображенія весьма мало напоминаютъ собою фигуру птицы, но изъ сравненія многихъ экземпляровъ между собою нельзя не убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ изображениями, вполне аналогичными птицеобразнымъ идоламъ Пермской Чуди. Такъ, на рисункѣ подобнаго предмета, приложеннаго къ статьѣ проф. Ешевскаго*), на нижней, расширенной части фигуры замѣтны продольныя возвышенія, изображающія перья хвоста, а на одномъ изъ рисунковъ въ атласѣ г. Аспелина (№ 588**), такія же перья обозначены на внутренней сторонѣ крыльевъ и т. д. Но окончательно убѣждаетъ насъ въ аналогичности разсматриваемыхъ предметовъ съ птицевидными идолами изображеніе птицы, найденное въ послѣднее время вблизи Сысертскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда. Птица эта отлита изъ бронзы и, будучи вообще похожа на найденныя съ нею грубыя птицевидныя фигуры, нисколько не уступаетъ по отдѣлкѣ лучшимъ птицевиднымъ идоламъ, найденнымъ на берегахъ Камы.

Изъ сказаннаго выше видно, что птицевидныя изображенія имѣютъ довольно обширное распространеніе, хотя единичныя находки этого рода, конечно, еще не доказываютъ, что они представляютъ мѣстныя произведенія, а не занесены откуда либо случайно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если первыя птицевидныя изображенія и были занесены на берега Камы извнѣ, то этотъ способъ изображенія сверхестественныхъ существъ пользовался у Пермской Чуди особою популярностію и, сообразно тому, получилъ здѣсь дальнѣйшее развитіе. На это указываютъ какъ многочисленность и разнообразіе птицевидныхъ идиоловъ, найденныхъ на территоріи Пермской Чуди, такъ и появленіе сложныхъ фигуръ, въ видѣ птицъ съ двумя и тремя головами, подобныхъ которымъ, насколько мнѣ извѣстно, въ другихъ мѣстахъ до сихъ поръ не найдено.

Идолы въ видѣ человѣка.

Кромѣ идиоловъ въ видѣ птицъ, между вещественными памятниками Пермской Чуди встрѣчаются металлическія пластинки, представляющія человѣческое лицо или фигуру человѣка, соединенную нерѣдко съ изображениями миѳическихъ животныхъ. Такія изображенія уже вполне соотвѣтствуютъ общепринятому представленію объ идолѣ и потому называются жителями мѣстностей, гдѣ они встрѣчаются, довольно мѣтко *чудскими образками*.

*) С. Ешевскій. Записка о Пермск. древн. Пермскій Сборникъ, кн. 1, ф. 13.

**) J. R. Aspelin. Antiquités. стр. 137, фиг. 588—590.

Большинство извѣстныхъ мнѣ чудскихъ образковъ, найденныхъ въ западной части Пермской губерніи, принадлежитъ, какъ уже замѣчено, къ одному, ясно выраженному, типу; но кромѣ того встрѣчаются, хотя гораздо рѣже, и представители другихъ типовъ.

Большая часть человѣкообразныхъ идоловъ отливалась изъ бронзы, т. е. изъ различныхъ сплавовъ мѣди, и только въ мѣстонахожденіяхъ, которыя слѣдуетъ считать, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, принадлежащими къ болѣе позднему періоду, попадаются образки, отлитые изъ красной мѣди. Еще рѣже встрѣчаются идолы, отлитые изъ серебра, что соотвѣтствуетъ рѣдкости между чудскими находками серебряныхъ предметовъ мѣстнаго производства вообще. Кромѣ того, одинъ изъ послѣднихъ—серебряная пластинка въ видѣ маски—показываетъ, что Пермская Чудь имѣла идоловъ, состоявшихъ не изъ одного только металла.

Подобно идоламъ предъидущей группы, чудскіе образки представляютъ плоскую пластинку, на которой изображеніе находится только на одной лицевой сторонѣ, другая же, задняя поверхность ея оставалась всегда неотдѣланною. Большинство человѣкообразныхъ идоловъ отличается довольно грубою работою, при чемъ наибольшее вниманіе обращалось, очевидно, на человѣческое лицо, которое отливалось болѣе или менѣе рельефнымъ, хотя самое лицо лишено обыкновенно всякаго выраженія. Вообще же идолы этой группы отличаются отъ птицевидныхъ большею сложностію и, въ тоже время, большею условностію изображенія, такъ какъ, напримѣръ, нѣкоторыя черты лица, руки, ноги и другія подробности фигуры являются обыкновенно только намѣченными, а нерѣдко и совсѣмъ отсутствуютъ. Кромѣ того, какъ на особенность человѣкообразныхъ идоловъ Пермской Чуди, можно указать на то, что человѣческія фигуры изображались на нихъ, за весьма немногими исключеніями, безъ одежды, а лицо всегда безъ признаковъ бороды, хотя въ принадлежности нѣкоторыхъ изъ нихъ къ божествамъ мужескаго пола сомнѣваться нельзя.

Весьма вѣроятно, что большая часть идоловъ этой группы предназначалась для прикрѣпленія на какую нибудь поверхность или даже для ношенія на костюмѣ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ особыя дырочки, прямо указывающія на послѣднее, другіе-же снабжены прорѣзами, которые могли служить для той же цѣли. Наконецъ, нѣкоторые идолы, представляющіе сплошныя пластинки, могли быть помѣщаемы въ особыя вырѣзки въ стволахъ деревьевъ, какъ это дѣлаютъ современные намъ Вогулы, обитающіе на восточномъ склонѣ Урала.

Большинство извѣстныхъ мнѣ человѣкообразныхъ идоловъ принадлежитъ къ одному типу, который характеризуется присутствіемъ на нихъ, кромѣ человѣческой фигуры или лица, изображеній баснословныхъ животныхъ, почему мы и рассмотримъ ихъ отдѣльно. Къ другой же подгруппѣ мы отнесемъ человѣкообразныхъ чудскихъ идоловъ прочихъ типовъ, найденныхъ пока въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, почему характери-

стическія особенности многихъ изъ этихъ типовъ еще недостаточно выяснились.

Человѣкообразные идолы съ драконами и ящеромъ.

Судя по числу найденныхъ экземпляровъ, среди Пермской Чуди пользовалось наибольшимъ уваженіемъ божество, въ свитѣ котораго полагалось два человѣкообразныхъ существа съ звѣриными головами и животное, въ которомъ не трудно узнать описаннаго уже выше ящера. Популярность этаго божества доказывается еще тѣмъ, что изображающіе его идолы найдены какъ въ наиболѣе древнихъ, такъ и новыхъ городищахъ, и при томъ почти во всѣхъ частяхъ Пермской губерніи, гдѣ встрѣчаются остатки чудскихъ поселеній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это божество изображалось въ видѣ человѣка во весь ростъ, съ полными фигурами драконовидныхъ существъ по сторонамъ и ящеромъ внизу. Въ другихъ же—фантастическія существа, стоящія по сторонамъ человѣкообразной фигуры, представлялись только ихъ характерными звѣриными головами, при чемъ тѣла ихъ замѣнялись столбиками, образующими собою какъ бы рамку. Такимъ же образомъ, т. е. въ видѣ однихъ головъ, изображались драконовидныя существа въ тѣхъ случаяхъ, когда, вмѣсто одной человѣческой фигуры, въ срединѣ образка появляются три такихъ фигуры, или же, когда изображеніе человѣческой фигуры ограничивается однимъ лицомъ. Изображенія послѣдняго рода встрѣчаются довольно часто и имѣютъ видъ овальной пластинки или медальона, приспособленнаго къ прикрѣпленію къ какой либо поверхности. Но во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, внизу человѣческой фигуры или лица помѣщалось полное изображеніе ящера, и при томъ всегда обращеннаго головой вправо, почему слѣдуетъ думать, что этому изображенію придавалось особенно важное значеніе.

Повидимому, упомянутыя выше мифическія существа, изображавшіяся по сторонамъ и внизу божества, олицетворяли собою тѣ или другія приписываемыя ему свойства. Съ наружными признаками ящера, который изображается подъ лицомъ или ногами божества, мы уже познакомились выше, когда говорили объ изображеніяхъ мифическихъ животныхъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ описанію идоловъ разсматриваемаго типа, считаю не лишнимъ разсмотрѣть также нѣсколько подробнѣе изображеніе тѣхъ существъ, которыхъ я назвалъ выше драконовидными.

О полной фигурѣ интересующаго насъ баснословнаго существа можно составить себѣ понятіе по двумъ идоламъ, изображеннымъ на прилагаемыхъ таблицахъ. Всмотриваясь внимательнѣе въ перваго изъ нихъ (таб. III, фиг. 6-я), нетрудно замѣтить, что къ фигурѣ божества принадлежитъ только человѣческое лицо, ноги и расположенныя на колѣняхъ кисти рукъ. По сторонамъ же его изображены двѣ фантастическія фигуры съ тѣломъ человѣка и головою, въ родѣ звѣриной. Головы этихъ фигуръ обращены мордой

вверхъ и, ограничивая по сторонамъ лицо идола, образуютъ верхній край образка. Принадлежащее къ каждой изъ этихъ головъ тѣло представлено чрезвычайно тощимъ, въ видѣ узкаго возвышенія, которое раздѣляется, ниже колѣнъ божества, на два такихъ же возвышенія, представляющихъ ноги. Такими же тонкими изображены и руки разсматриваемаго существа, изъ которыхъ одна спущена внизъ, вдоль тѣла, а другая согнута такимъ образомъ, что какъ-бы поддерживаетъ лицо божества за подбородокъ. Руки обѣихъ фигуръ имѣютъ только по два пальца. Подобныя же фигуры фантастическихъ существъ находимъ мы и на другомъ идолѣ, изображенномъ на таб. III, фиг. 3-й; но въ данномъ случаѣ, руки человѣкообразной фигуры замѣнены двойными, сходящимися вверхъ и внизъ, возвышеніями, представляющими, безъ сомнѣнія, крылья.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ признаковъ, въ изображеніяхъ этихъ мифическихъ существъ заслуживаетъ еще особаго вниманія форма головы, такъ какъ пріурочить ее къ тому или другому животному, которое могло быть извѣстно Пермской Чуди, довольно трудно. Во всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, головы драконовъ изображены съ несоразмѣрно длинною мордой, которая предъ глазами болѣе или менѣе выгибается вверхъ*) и, кромѣ того, оканчивается острымъ концомъ, также приподнятымъ къ верху. Пасть такого чудовища предполагалась, какъ видно, очень большою и надъ послѣднею помѣщаются всегда длинныя, щелевидныя ноздри; глаза изображались очень отчетливо и, повидимому, по образцу человѣческаго глаза; но сзади головы имѣются всегда длинныя звѣриныя уши, похожія то на волчьи (т. I, ф. 1-я), то на уши травояднаго животнаго, напр. лосинныя (т. III, ф. 6-я), хотя другихъ признаковъ этихъ животныхъ, какъ напр. зубовъ или роговъ, на нашихъ чудскихъ драконахъ не замѣчается.

Судя по указаннымъ выше признакамъ, разсматриваемыя нами фигуры должны были изображать баснословныя существа, имѣвшія тѣло человѣка и звѣриную голову, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—крылья вмѣсто рукъ. Поэтому тѣ изъ этихъ фигуръ, которыя снабжены человѣческими руками, должны были представлять нѣчто въ родѣ кинокефаловъ или людей съ песьими головами, существовавшихъ и въ легендахъ другихъ народовъ. Во второмъ же случаѣ, вслѣдствіе замѣны рукъ крыльями, эти существа значительно утрачиваютъ сходство съ человѣкомъ и уже вполне похожи на летающихъ чудовищъ, называемыхъ обыкновенно драконами.

Что касается до происхожденія разсматриваемыхъ чудовищъ, которыхъ я буду называть далѣе просто драконами, то трудно рѣшить, заимствованы ли Чудь представленіе о нихъ отъ другихъ народовъ, или же оно возникло въ легендахъ Пермской Чуди самостоятельно. Поэтому замѣчу только,

---

*) Голова драконовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ признакъ выраженъ особенно сильно, весьма напоминаетъ безрогую голову лоса, который встрѣчается въ мѣстахъ, занятыхъ нѣкогда Чудью, до настоящаго времени.

что, по моему мнѣнію, Пермская Чудь могла прійти къ представленію о подобныхъ существахъ тѣмъ же путемъ, которымъ она пришла къ созданію птицъ съ звѣриными головами и другихъ баснословныхъ животныхъ.

Переходя затѣмъ къ описанію идоловъ съ дракономъ и ящеромъ, изображенныхъ на прилагаемыхъ таблицахъ, я упомяну и о другихъ болѣе замѣчательныхъ экземплярахъ этого типа, имѣющихся въ моей коллекціи или вообще мнѣ хорошо извѣстныхъ.

Изъ идоловъ, на которыхъ человѣческая фигура изображена во весь ростъ, на таблицахъ помѣщены:

Таб. III, фиг. 6-я. Подробности этого идола мы, большею частію, разсмотрѣли уже выше. Находящійся подъ ногами ящеръ, обращенъ, по обыкновенію, головой направо, значительную часть которой занимаетъ огромный глазъ, а пасть, съ загнутыми вверхъ челюстями, широко раскрыта. Тѣло ящера представлено гладкимъ, конечности и хвостъ короткіе. Идолъ былъ найденъ согнутымъ по чертѣ излома и окончательно переломленъ находчикомъ. Металлъ—желтая мѣдь. Найденъ при вспашкѣ Вакинскаго городища, Тиминской волости, Соликамскаго уѣзда.

На таб. III, ф. 3, изображенъ другой подобный же идолъ, отличающійся, главнымъ образомъ, какъ уже было упомянуто, тѣмъ, что драконы на этотъ разъ дѣйствительно снабжены крыльями. Собственно божеству принадлежитъ только одно худошавое лицо, имѣющее испуганное выраженіе. Въ общемъ, фигура ящера обыкновенная, но въ частностяхъ замѣтны нѣкоторыя особенности: отъ сильно выступающей вверхъ головы, съ овальнымъ ухомъ, идетъ вдоль спины рядъ насѣчекъ, изображающихъ, вѣроятно, щитки. Кромѣ того, ноги ящера имѣютъ овальное очертаніе, что соотвѣтствуетъ формѣ ихъ у описаннаго выше экземпляра, найденнаго на р. Колвѣ. Весь идолъ имѣетъ видъ тонкой пластинки изъ сталевиднаго сплава; исполненъ довольно тщательно. Найденъ на мѣстѣ Чудскаго поселенія у д. Ракитиной, на рч. Ломоватовкѣ, Слудской волости, Соликамскаго уѣзда.

На таб. I, ф. 1-й, изображенъ обломокъ идола, принадлежавшаго, безъ сомнѣнія, къ тому же типу. Сохранилось только лишенное выраженія лицо божества и верхняя часть одного изъ драконовъ. Голова послѣдняго выражена особенно типично. Идолъ представляетъ совершенно плоскую пластинку и отлитъ, повидимому, изъ одного сплава съ предъидущимъ. Найденъ на Трениной горѣ, на р. Косвѣ, Останинской волости, Пермскаго уѣзда.

Кромѣ того, одинъ изъ идоловъ этого типа изображенъ въ атласѣ г. Аспелина подъ № 540*). На этотъ разъ фигура божества представлена въ видѣ очень полного человѣка. Драконы изображены также необыкновенно толстыми, если не считать ихъ человѣческими фигурами, съ головой дра-

*) Antiquites. Liv. II, стр. 131. См. также: П. Мельникова: Дорожныя замѣтки. Отечествен. Записк. 1841 г. т. XVIII, рис. I, ф. 1-я. Мельниковъ высказываетъ предположеніе, что этотъ идолъ представляетъ золотую бабу(?).

кона въ видѣ головнаго убора. Подъ ногами замѣтенъ ящеръ. Найденъ на городищѣ Гарамиха, Васильевской волости, Пермскаго уѣзда.

Какъ уже замѣчено выше, фигуры драконовъ изображаются иногда, вѣроятно по недостатку мѣста, не вполнѣ и присутствіе ихъ выражается одними головами, при чемъ тѣло ихъ замѣняется столбиками. Къ такимъ, болѣе схематично исполненнымъ экземплярамъ принадлежитъ идолъ, изображенный на таб. III, фиг. 5-й. Соединенныя головы драконовъ образуютъ здѣсь родъ арки, подъ которой помѣщается голова божества, занимающая почти половину всей фигуры. Глаза исполнены неясно, носъ прямой, рта нѣтъ. Руки идола изображены очень тонкими, а нижней части тѣла приданъ видъ треугольника, вѣроятно, чтобы имѣть возможность сдѣлать болѣе отчетливо фигуру ящера. Послѣдняя имѣетъ обычное очертаніе, но отличается тонкими ногами. Идолъ отлитъ изъ сталевиднаго сплава довольно отчетливо. Найденъ въ д. Семиной, около с. Ильинскаго, Пермскаго уѣзда, при вскапываніи овощнаго огорода.

Другой идолъ, весьма похожій по величинѣ и исполненію на предъидущаго, найденъ въ Ныробской волости, Чердынскаго уѣзда, около д. Бобынки, вмѣстѣ съ описаннымъ выше ящеромъ. Подробности фигуры, кромѣ широкаго лица божества, головъ драконовъ и неяснаго очертанія ящера, исполнены условно, въ видѣ перекладинъ, почему идолъ имѣетъ видъ ажурной пластинки. Идолъ представляетъ существо мужескаго пола. Матеріаль—желтая мѣдь.

Чаще только что описанныхъ встрѣчаются, какъ уже замѣчено, изображенія того-же божества въ видѣ овальной пластинки или медальона, на которомъ, кромѣ человѣческаго лица, помѣщаются головы драконовъ и фигура ящера. Такіе чудскіе образки имѣютъ обыкновенно около верхняго края двѣ дырочки, или-же снабжены прикрѣпленною сзади петелькой, изъ чего видно, что они предназначались для привѣшиванія или пришиванія. Къ такимъ образкамъ относится идолъ, изображенный на таб. II, фиг. 2-й. Божеству принадлежитъ здѣсь только лицо, начиная отъ бровей внизъ; головы-же драконовъ, съ длинными ушами, изображены вполнѣ. Носъ прямой, нѣсколько расширенный книзу; рта нѣтъ. Подъ лицомъ видѣнъ рядъ круглыхъ возвышеній, повидимому, ожерелье изъ бусъ. Еще ниже помѣщается фигура ящера, исполненная, какъ и все прочее, очень грубо. Идолъ отлитъ изъ желтой мѣди и, какъ всегда, въ этомъ случаѣ покрытъ черною патиной. Мѣсто находженія: Калинское городище, Тиминской волости, Соликамскаго уѣзда.

Чудскіе идола въ видѣ медальоновъ, отличающіеся отъ предъидущаго только подробностями, найдены, кромѣ того: въ Чердынскомъ уѣздѣ, около д. Плесо, Ананьевской волости и д. Златиной, Гаинской волости по одному, и въ Пермскомъ: на городищѣ Гарамиха, Васильевской волости, два*), около

*) Они изображены: *Aspelin. Antiqu. Liv. II, стр. 131, фиг. 538 и 539.*

д. Опутять и д. Ковиной, Усть-Гаревской волости, по одному, и на р. Ломоватовкѣ, Слудской волости 1.

Выше мы видѣли, что между птицевидными идолами Пермской Чуди встрѣчаются, кромѣ одноголовыхъ, также птицевидные идолы съ двумя и тремя головами. Подобно тому, и человѣкообразные идолы состоятъ иногда не только изъ одной, но и изъ двухъ и трехъ человѣческихъ фигуръ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что изъ нихъ къ настоящей группѣ могутъ быть отнесены, вслѣдствіе присутствія на нихъ изображеній драконовъ и ящера, только тройные идолы. На аналогію идоловъ этого рода съ птицевидными трехговыми идолами указываетъ, повидимому, и то обстоятельство, что на птицевидномъ идолѣ, изображенномъ на табл. II, фиг. 6-й, помѣщены головы драконовъ, ничѣмъ не отличающіяся отъ изображеній такихъ-же головъ на тройныхъ человѣкообразныхъ идолахъ.

Одинъ изъ идоловъ настоящей группы, состоящихъ изъ трехъ человѣческихъ фигуръ, изображенъ на табл. II фиг., 7-й. На немъ представлены три человѣкоподобныя существа съ заостренными головами, изъ которыхъ средняя фигура нѣсколько болѣе крайнихъ. Отлить этотъ идолъ вообще крайне грубо, при чемъ руки и прочія подробности только намѣчены. Средняя и лѣвая фигуры должны изображать, повидимому, существа мужескаго пола. Головы драконовъ образуютъ, какъ обыкновенно, арку, а изъ фигуры ящера изображена голова и большая часть тѣла, но безъ конечностей. Этотъ идолъ найденъ, вмѣстѣ съ фигурой ящера (табл. I, фиг. 7-я) и упомянутымъ выше идоломъ, на р. Колвѣ, около д. Бобыки, Ныробской волости, Чердынскаго уѣзда*). Всѣ три предмета отлиты изъ желтой мѣди и совершенно сходны по исполненію. Не смотря однако-же на грубость отдѣлки, на боку лежащаго, внизу идола, ящера видны тѣ-же три серповидныя бороздки, которыя мы замѣчаемъ и на отдѣльной фигурѣ того-же животного, изображенной на табл. I, фиг. 7-й.

Къ тройнымъ идоламъ этого типа принадлежатъ еще два чудскихъ образка моей коллекціи, о которыхъ я также считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Одинъ изъ нихъ представляетъ такую-же ажурную пластинку, какъ и описанный, но имѣетъ всего около 4,5 сант. въ длину и 3 сант. въ ширину. Онъ отлитъ изъ сплава сѣраго цвѣта, въ которомъ преобладаетъ, повидимому, олово. Поза трехъ фигуръ, форма головъ драконовъ и ящера—почти тѣ-же; но средняя фигура изображаетъ несомнѣнно существо мужескаго, а обѣ крайнія—женскаго пола. Найденъ около с. Архангельскаго, Соликамскаго уѣзда.

Другой образецъ того-же типа, 4,5 сант. въ длину и 4 сант. въ шир., отличается тѣмъ, что на немъ изображены вполнѣ только двѣ крайнія чело-

*) Фигуры 7-я на табл. I и 7-я на таб. III исполнены по фотографіямъ, которыя сообщилъ мнѣ для этой цѣли покойный владѣлецъ этихъ вещей И. В. Брагинъ.

вѣческія фигуры, за которыми выступаетъ голова третьей, средней фигуры; головы-же драконовъ отсутствуютъ. Въмѣсто того, весь образокъ окаймленъ ободкомъ, украшеннымъ косыми насѣчками. Фигура ящера обыкновеннаго типа и исполнена очень отчетливо. Отлить изъ желтой мѣди, работа крайне грубая. Найденъ около д. Чизовой (Ню-Медерь), Юксѣвской волости, Чердынскаго уѣзда.

Идолы съ дракономъ и ящеромъ, встрѣчающіеся на территоріи Пермской Чуди чаще представителей прочихъ типовъ, въ другихъ мѣстностяхъ, насколько извѣстно, до сихъ поръ не найдены. Единственный предметъ, который могъ-бы быть отнесенъ къ настоящей группѣ, но найденъ внѣ названной территоріи, находится въ музеѣ Уральскаго общества, въ Екатеринбургѣ, и представляетъ плоскую бронзовую пластинку почти круглой формы, похожую всего болѣе на идола въ видѣ медальона, въ родѣ изображеннаго на табл. III, фиг. 2-й. Предметъ этотъ найденъ, какъ значится въ каталогѣ музея*), крестьяниномъ села Петровскаго, Оренбургской губерніи, при раскопкѣ земли около кургана. Какъ и у чудскихъ идоловъ, средину пластинки занимаетъ круглое, безбородое человѣческое лицо, лишенное всякаго выраженія. По краю-же размѣщены, въ видѣ ободка, отдѣленнаго отъ лица тремя прорѣзями, шесть звѣриныхъ головъ, совершенно похожихъ на головы чудскихъ драконовъ. Но оренбургскій идолъ отличается существенно отъ нашихъ чудскихъ, во-первыхъ, отсутствіемъ изображенія ящера и, во-вторыхъ, тѣмъ, что человѣческое лицо снабжено длинными ушами, похожими на уши травоядныхъ животныхъ.

Во всякомъ случаѣ, идолы съ драконами и ящеромъ, уже вслѣдствіе особо частаго находенія въ области распространенія чудскихъ памятниковъ, должны считаться весьма типичными человѣкообразными идолами Пермской Чуди.

Человѣкообразные идолы различныхъ типовъ.

Какъ уже замѣчено выше, идолы настоящей группы принадлежатъ къ весьма различнымъ типамъ и потому общая характеристика всей группы едва-ли возможна. Тѣмъ не менѣе, упомянутые ниже идолы сходятся, въ главнѣйшихъ признакахъ, съ описанными въ первой группѣ, а именно: они также представляютъ плоскія металлическія пластинки съ изображеніемъ только на одной сторонѣ, лица идоловъ изображаются безъ признаковъ бороды, въ большинствѣ случаевъ безъ одежды и т. д. Поэтому, а также въ виду совмѣстнаго находенія ихъ съ предметами чудской культуры, едва ли можно сомнѣваться, что они также принадлежатъ Пермской Чуди, а не другой какой-либо народности.

*) Каталогъ музея и пр. Отд. II, 1889 г., стр. 15.

Изъ идоловъ настоящей группы на нашихъ таблицахъ изображены:

На таб. III, фиг. 1-я представляетъ одного изъ двухъ серебряныхъ идоловъ въ видѣ всадника, найденныхъ на берегу р. Иньвы, вблизи с. Купроскаго, Соликамскаго уѣзда. Идолъ этотъ состоитъ изъ человѣческой фигуры, сидящей на спинѣ лошади, спустивъ обѣ ноги на одну сторону, какъ дѣлаютъ это часто здѣшніе крестьяне и въ настоящее время. Фигура всадника, повидимому, лишена одежды и только на головѣ замѣтно полукруглое возвышеніе, представляющее шапочку или, быть можетъ, волосы. Почти круглое лицо, съ круглыми глазами и утолщеннымъ на концѣ носомъ, придаютъ всей фигурѣ комическое выраженіе. Конь исполненъ также крайне неестественно: ноги слишкомъ коротки, а грива тянется вдоль всей спины животнаго до хвоста. На головѣ лошади намѣчена уздечка. Лошадь стоитъ ногами на спинѣ чудовища въ родѣ змѣи, которое прикасается своею мордою къ мордѣ лошади. Голова змѣи снабжена звѣриными ушами и украшена нѣсколькими поперечными бороздками. Другой, найденный вмѣстѣ съ нимъ идолъ—такой же величины и отличается только мелкими подробностями. Такъ, ноги всадника почти вдвое длиннѣе, грива лошади на крестцѣ спускается завитками и т. д. Фигура змѣи сохранилась на второмъ экземплярѣ вполне и снабжена вдоль нижняго края бороздкой, что придаетъ ей видъ *полоза**). Оба идола прикрѣплялись, вѣроятно, къ чему нибудь ремнемъ или шнуромъ, о чемъ можно догадываться потому, что талія всадника на первомъ экземплярѣ почти перетерта, а на второмъ верхняя половина фигуры отломана. Серебро, судя по цвѣту и блеску, довольно чистое. Работа несомнѣнно мѣстная, варварская. Оба идола найдены, вмѣстѣ съ коньковидными подвѣсками, золотыми бусами и другими характерными чудскими вещами, въ видѣ клада, и потому, несомнѣнно, зарыты одновременно съ ними.

О нахожденіи въ Пермской губерніи другихъ экземпляровъ идоловъ этаго типа, мнѣ ничего неизвѣстно; но на выставкѣ, устроенной въ 1890 г. при VIII Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, я имѣлъ случай видѣть идола, изображающаго, безъ всякаго сомнѣнія, тоже божество и найденнаго въ Вятской губ., около городища Донды-кара (въ Понинскомъ приходѣ). По главнымъ признакамъ—фигурѣ лошади и змѣи, фигурѣ всадника (голова его отломана) и его посадкѣ, вятскій экземпляръ вполне тождественъ съ купросскимъ, но отличается отъ него вдвое большею величиной, а также тѣмъ, что онъ отлитъ не изъ серебра, а изъ желтой мѣди. Кромѣ того

*) Для уральскихъ читателей замѣчу, что разумѣю здѣсь санный полозъ, а не гигантскую змѣю, называемую въ Пермской губерніи *полозомъ* и обитающую, будто-бы, въ болотахъ, главнымъ образомъ на восточномъ склонѣ Урала. Разказы о полозѣ, достигающемъ, будто-бы, до 2-хъ саж. въ длину, при толщинѣ руки, настолько распространены на Уралѣ, что напр. Л. П. Сабанѣевъ (Позвоночныя средняго Урала. Москва 1874 г., стр. 180), повидимому, вполне вѣритъ въ его существованіе. Но, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ достовѣрный свидѣтель не видалъ еще полоза и потому слѣдуетъ думать, что повѣрье объ его существованіи обязано своимъ возникновеніемъ мѣстнымъ инородческимъ (вогульскимъ?) мифамъ.

вятскій экземпляръ представляетъ еще одну любопытную особенность: изъ подъ правой ноги человѣческой фигуры выступаетъ крыло, состоящее изъ трехъ огромныхъ перьевъ и принадлежащее, очевидно, лошади. Въ остальномъ же фигура лошади, какъ уже замѣчено, совершенно похожа на лошадей кувросскихъ идоловъ.

Рис. 8-й, на таб. III-й, представляетъ идола, который, въ общемъ, походитъ на чудскихъ идоловъ первой группы (напр. по лицу и ногамъ на фиг. 6-й той же таб.), но и отличается отъ нихъ нѣкоторыми существенными признаками; такъ, голову идола покрываетъ, повидимому, головной уборъ, переходящій въ длинную одежду, съ раздутыми рукавами. Кромѣ того, впереди идола, между его ногами, помѣщена другая человѣческая фигура, представляющая, очевидно, ребенка. Въ головѣ идола видны двѣ дырочки, которыя служили для прикрѣпленія идола къ чему нибудь. Идолъ найденъ, подобно изображенному на таб. III, фиг. 6-й, надломленнымъ почти въ томъ же мѣстѣ, что представляетъ, быть можетъ, не простую случайность*). Найденъ въ Филатовской волости, Пермскаго уѣзда.

На рис. 6-мъ, таб. I, изображенъ идолъ, уже значительно уклоняющійся отъ большинства другихъ чудскихъ идоловъ. Онъ состоитъ изъ пластинки красной мѣди, представляющей фигуру человѣка съ несоразмѣрно большою головой. Послѣдняя увеличивается еще тѣмъ, что на нее накинута звѣриная шкура, вѣроятно же всего, медвѣжья, къ которой принадлежатъ и висящія по сторонамъ головы лапы. Фигура представлена безъ одежды, но на шеѣ и груди видны три углубленія, въ видѣ треугольника, представляющія, быть можетъ, медвѣжьи клыки, которые многіе финны носили въ качествѣ амулетовъ. Круглые глаза и насушенные брови придаютъ лицу грозное выраженіе. Найденъ при вспашкѣ огорода въ с. Гаревскомъ, Пермской губ., на самомъ берегу р. Камы**).

Къ числу идоловъ, значительно уклоняющихся отъ чудскихъ, принадлежитъ также бронзовый (мѣдный?) идолъ, найденный въ Пермской губерніи и изображенный въ атласѣ проф. *Aspelin'a****), подъ № 304. Судя по рисунку, онъ имѣетъ до 14 сант. въ длину и около 7 сант. въ ширину. Идолъ представляетъ фигуру человѣка и, въ общемъ, похожъ на чудскихъ и вогульскихъ идоловъ, но отличается отъ нихъ и нѣкоторыми существенными признаками. Къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести, прежде всего, то, что только голова и туловище идола представляются съ задней стороны плоскими, ко-

*) Въ одномъ мѣстѣ Археологическаго дневника, который велъ мой отецъ, А. Е. Теплоуховъ, высказано предположеніе, что эти идолы представляли, быть можетъ, домашнихъ боговъ, которые были положены въ могилу съ умершими и сломаны, при этомъ случаѣ, за неисполненіе обращенныхъ къ нимъ просьбъ.

***) Рисунки 6-й на таб. I-й и 8-й на таб. III взяты изъ сочиненія проф. *Aspelin'a* (*Antiquités Liv. II, № 535 и 537*), но нѣсколько измѣнены, согласно имѣющимся у меня хорошихъ рисунковъ съ натуры.

***) *Antiquités Liv. II, стр. 68.*

нечности-же его выполнены рельефно. Изъ нихъ руки выдвигаются впередъ и согнуты подъ прямымъ угломъ, при чемъ кисти рукъ соединены вмѣстѣ. Точно также согнуты въ колѣняхъ и ноги съ уродливо малыми ступнями, которыя соединены между собою перекладиной. Голова идола очень большая, съ заостреннымъ къ низу лицомъ, крупнымъ носомъ и ртомъ и небольшими, отстоящими ушами. Глаза представлены слѣпыми или закрытыми. Надъ лбомъ идола замѣчается нѣчто вродѣ поперечнаго бруска и, кромѣ того, вокругъ верхней части головы находится пять лучеобразныхъ выступовъ и по два такихъ-же на плечѣ и надъ локтемъ каждой руки. Выраженіе лица мрачное. Вся фигура голая и безъ признаковъ бороды. Вообще-же слѣдуетъ сказать, что этотъ идолъ подходитъ болѣе къ вогульскимъ, чѣмъ къ чудскимъ идоламъ.

Замѣчательно, что совершенно такой-же идолъ, отличающійся отъ пермскаго только въ мелочахъ, найденъ въ 1835 году далеко на западѣ, въ предѣлахъ Костромской губерніи, близъ города Галича Мерскаго*). Галичскій идолъ почти одинаковой величины съ пермскимъ и имѣетъ точно также сложенные руки и согнутыя въ колѣняхъ, соединенныя внизу перекладиной, ноги. Голова галичскаго идола также вполне похожа на голову пермскаго, не только по величинѣ и очертанію лица, но и по его выраженію. Глаза представлены открытыми, ротъ очень широкій. На головѣ тотъ-же уборъ, въ видѣ поперечнаго бруска, но, вмѣсто лучевидныхъ выступовъ, надъ головой поднимаются три придатка, напоминающіе своимъ очертаніемъ лезвіе бердыша. Идолъ изображенъ голымъ и лицо безъ бороды.— Вмѣстѣ съ идоломъ были найдены: 1) небольшое человѣческое изображеніе изъ красной мѣди (голова); 2) мѣдный ножъ и 3) *небольшое мѣдное животное***). Кромѣ того, тутъ-же найденъ мѣдный топоръ, похожій вполне на топоры бронзоваго вѣка, почему г. Аспелинъ отнесъ къ послѣднему и прочіе предметы, а въ томъ числѣ и описаннаго выше идола.

Въ атласѣ проф. Аспелина, рядомъ съ изображеніемъ галичскаго идола, мы находимъ и изображеніе того небольшого животнаго изъ мѣди, о которомъ упоминаетъ графъ Уваровъ подъ пунктомъ 3-мъ. Уже при первомъ взглядѣ на это животное нельзя не замѣтить, что оно имѣетъ всѣ признаки чудскаго ящера, о которомъ упоминалось выше. Судя по рисунку, галичскій ящеръ имѣетъ около 8,5 сант. длины, изъ которыхъ 3 сант. приходятся на голову и около 1,5 сант. на хвостъ. Тѣло его представлено почти цилиндрическимъ и переходитъ, безъ замѣтной шеи, въ голову. Верхняя челюсть открытой части похожа на короткій хоботъ, а нижняя загнута нѣсколько вверхъ. Глаза только намѣчены. Ноги очень короткія. Хвостъ также очень короткій, постепенно утончающійся и приподнятый нѣсколько вверхъ. Не

*) Изображеніе этого идола см. въ соч. *гр. Уварова*: Меряне и ихъ бытъ. 1872 г., стр. 30 и *Aspelin. Antiquités. Liv. II, стр. 67, № 299.*

**) *Гр. Уваровъ. Меряне, стр. 68.*

смотря на грубость работы, едва ли можно сомнѣваться, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ животнымъ, аналогичнымъ чудскому ящеру, что подтверждается и сходствомъ только что описанныхъ галичскаго и пермскаго идоловъ.

На табл. III, фиг. 4-й, изображенъ двойной идолъ, могущій служить представителемъ совершенно особаго, отличнаго отъ другихъ, типа. Нашъ экземпляръ представляетъ довольно толстую пластинку, на которой болѣе отчетливо выполнена только верхняя половина лица обѣихъ фигуръ, все-же прочее только намѣчено. Лѣвая фигура представляетъ мужское существо, а правая, вѣроятно, женское, на что указываетъ одежда, подъ которою скрыты ноги. Обѣ фигуры исполнены полурельефомъ, при чемъ придана особая выпуклость головамъ и лицамъ до щекъ. Рта ни у той, ни у другой фигуры незамѣтно. Головы кверху постепенно закруглены, а боковые края изображенія снабжены косыми насѣчками. Идолъ найденъ случайно, на свѣжевспаханномъ полѣ, въ Дмитріевской волости, Соликамскаго уѣзда, и долго занималъ мѣсто, въ числѣ обычныхъ здѣсь мѣдныхъ литыхъ образковъ, на божницѣ одного крестьянина. Отлить изъ бронзы, которая имѣетъ на мѣстахъ, гдѣ она выступаетъ изъ подъ черной патины, прекрасный золотистый блескъ.

Къ этому-же типу принадлежатъ два другіе идола, хотя они и приближаются болѣе къ чудскимъ идоламъ обычнаго типа. Одинъ изъ нихъ найденъ около дер. Поспѣловой, на рч. Кемолѣ, Дмитріевской волости, Соликамскаго уѣзда, и изображенъ въ атласѣ г. Аспелина подъ № 547*). Здѣсь лѣвая фигура также, повидимому, мужская, а правая женская, на что указываетъ длинная одежда послѣдней. Головы закруглены, а круглые глаза, форма носа и отсутствіе рта дѣлаютъ ихъ похожими на голову описаннаго выше серебрянаго всадника. Имѣющіе видъ рамки боковые края идола снабжены поперечными насѣчками и изображаютъ, быть можетъ, у идоловъ этого типа спускающіяся внизъ косы. Въ срединѣ идола, между обѣими фигурами, замѣтны черты третьяго лица, вѣроятно дѣтскаго**). Другой, совершенно подобный-же идолъ, но безъ третьяго лица, найденъ на упомянутомъ уже нѣсколько разъ городищѣ Гарамихѣ (Васильевской волости, Пермскаго уѣзда), на которомъ находилось въ прежнее время вообще много изображеній человѣка и животныхъ.

Наконецъ, фиг. 8-я, на табл. I, изображаетъ (въ $\frac{1}{2}$ настоящей величины) серебряную пластинку въ видѣ маски, одна треть которой, къ сожалѣнію, отломана. Судя по закругленію, пластинка эта достигала до 10,5 сант. въ длину и до 9,5 сант. въ ширину и имѣла овальное очертаніе. Толщина ея въ средней части довольно равномерная, но не превышаетъ 0,3 миллиметра, къ краямъ-же пластинка значительно тоньше. Вообще замѣтно,

*) Antiquités. Liv. II, стр. 132.

***) На рисункѣ въ атласѣ г. Аспелина третье лицо изображено не ясно.

что она приготовлена самымъ примитивнымъ способомъ, а именно путемъ расплющиванія какой-нибудь серебряной вещи, на что указываютъ и разбитые края маски. На послѣднихъ находятся три дырочки, имѣющія только 1 миллиметръ въ діаметрѣ и проткнутыя съ лѣвой стороны, изъ чего видно, что маска была пришита къ чему либо мягкому. Сохранившаяся часть маски имѣетъ небольшую общую выпуклость, но впадины по сторонамъ носа и около глазъ придаютъ ей плоскій видъ. Носъ прямой, почти безъ переносицы, такъ какъ довольно выпуклыя брови почти соприкасаются между собою. На мѣстѣ глазъ сдѣланы овальныя прорѣзы. Описанная маска добыта изъ земли, при копаніи ямы для столба въ дер. Постанововой, Рождественской волости, Соликамскаго уѣзда, по смежности съ Рождественскимъ городищемъ на р. Обвѣ.

Заканчивая описаніе человѣкообразныхъ идоловъ Пермской Чуди, я долженъ остановиться еще на небольшой группѣ предметовъ, также изображающихъ человѣческія фигуры, но неимѣющихъ, по моему мнѣнію, прямого отношенія къ религіозному культу Чуди.

Выше мы видѣли, что всѣ изображенія людей, которыя мы признаемъ чудскими идолами, отличаются слѣдующими общими признаками: 1) эти изображенія представляютъ миѣическія существа, болѣе или менѣе уклоняющіяся отъ обычной наружности человѣка; 2) всѣ идолы изображались въ видѣ пластинокъ, при чемъ изображеніе помѣщалось только на одной передней сторонѣ; 3) существа несомнѣнно мужскаго пола изображались безъ бороды, и 4) большинство человѣкообразныхъ идоловъ представляетъ фигуры, лишенныя даже признаковъ одежды. Какъ уже замѣчено выше, всѣ эти особенности указываютъ, повидимому, на то, что имѣлось въ виду изобразить въ идолахъ сверхъестественныя существа, которыя только болѣе или менѣе отдаленно напоминаютъ собою человѣка.

Совсѣмъ другими признаками отличается фигура человѣка, которая была найдена въ Пермскомъ уѣздѣ около 1840 года и считалась съ тѣхъ поръ самымъ типичнымъ чудскимъ идоломъ. Въ первый разъ она была упомянута, въ качествѣ идола Біармійцевъ, въ статьѣ П. Мельникова*), гдѣ помѣщено и ея изображеніе, впрочемъ весьма неудачное. Затѣмъ о томъ-же „идолѣ съ золоченнымъ лицомъ“ упоминаютъ почти всѣ писатели, такъ или иначе касавшіеся древностей Пермской губерніи. Другое изображеніе той-же фигуры, но также не совсѣмъ удачное, помѣщено въ атласѣ г. Аспелина**). Въ настоящее время эта, единственная въ своемъ родѣ, вещь находится въ коллекціи пермскихъ древностей графа С. А. Строганова, въ С.-Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, чтобы рѣшить вопросъ, можетъ-ли считаться

*) П. И. Мельниковъ. Дорожныя записки. Отечественныя записки 1841 г., томъ XVIII, № 9, рисунокъ I.

***) Antiquités. Liv. II, стр. 123

эта фигура чудскимъ идоломъ, я опишу ее здѣсь, на сколько то возможно по имѣющемуся у меня очень хорошему акварельному рисунку съ натуры*).

Такъ называемый „идолъ съ золоченымъ лицомъ“ представляетъ фигуру человѣка, сидящаго на сѣдлѣ, въ родѣ англійскаго, но безъ стременъ. Высота всей фигуры равняется, приблизительно, 13 сант., а ширина въ плечахъ около 5 сант. Голова, сравнительно съ туловищемъ, и въ особенности ногами, непропорціонально велика и увеличивается еще шапкой, снабженной на затылкѣ расширеніемъ, значеніе котораго неясно. Передняя-же часть шапки состоитъ изъ широкаго, сѣуженнаго кверху, околыша, съ короткой конической тульей. Лицо изображено очень отчетливо и реально. Носъ прямой, съ довольно широкими ноздрями, зрачки круглые. Скулы не выдающіяся. На верхней губѣ умѣренно длинные усы, оставляющіе совершенно свободнымъ ротъ съ толстыми губами. Борода окладистая, курчавая, образующая на каждой сторонѣ по три крупныхъ завитка. Довольно длинные волосы на головѣ лежатъ за ухомъ четырьмя большими локонами. Весьма замѣчательна одежда, плотно обхватывающая всю фигуру всадника. Шею обхватываетъ спереди нѣчто въ родѣ широкаго воротника или пелеринки, которая соединена или налегаетъ на одежду въ видѣ рубахи, нижній край которой обхватываетъ ноги всадника и покрываетъ ихъ почти до колѣнъ. Рукава умѣренно широкіе и, сѣуживаясь къ переду, плотно обхватываютъ руки у кисти. Весь кафтанъ изборозженъ рѣдкими дугообразными бороздами, направляющимися на груди съ лѣва на право и показывающими, вѣроятно, что одежда всадника стеганая и, слѣдовательно, теплая. Кромѣ того, на лѣвой сторонѣ груди видѣнъ прилегающій къ воротнику четвероугольникъ, который простеженъ мелкими ромбами. Такой же видъ имѣетъ сѣдло и, повидимому, мягкая и теплая шапка. Интересно также, что фигура подпоясана опояской, которая завязана впереди узломъ съ довольно длинными концами, какъ и теперь дѣлаютъ это здѣшніе крестьяне. Изъ всей фигуры только ноги исполнены неотчетливо и внизу просто закруглены, что должно, быть можетъ, изображать теплую и мягкую обувь. Гордо поднятая голова, при нѣсколько откинутаго назадъ корпусѣ, даетъ всей фигурѣ мужественный, предпріимчивый видъ. Руки сильно согнуты въ локтяхъ, при чемъ кисть лѣвой руки находится противъ груди, а правая отодвинута назадъ, такъ что кисть ея находится противъ плеча. Всадникъ, очевидно,

---

*) Все поступившіе съ 1840 по 1842 годъ въ коллекцію графа С. Г. Строганова пермскія древности были собраны на мѣстѣ, путемъ покупки отъ разныхъ лицъ, покойнымъ главноуправляющимъ графа Строганова В. А. Волеговымъ, у котораго остались весьма хорошіе рисунки многихъ изъ нихъ, исполненные учившимся нѣкогда въ С.-Петербургѣ крѣпостнымъ художникомъ Г. К. Козминыхъ. По смерти В. А. Волегова, небольшое количество оставшихся у него древностей, вмѣстѣ съ рисунками, было пріобрѣтено моимъ отцомъ А. Е. Теплоуховымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, перешла въ руки моего отца и переписка В. А. Волегова по пріобрѣтенію собранныхъ имъ вещей, что даетъ мнѣ возможность возстановить мѣсто нахождения многихъ предметовъ, такъ какъ В. А. Волеговъ не имѣлъ обыкновенія отмѣчать о томъ на самыхъ предметахъ.

натягиваетъ поводья, концы которыхъ остались у него, въ видѣ петель, въ рукахъ. Фигура пустая внутри и отлита изъ бронзы, при чемъ, по свидѣтельству проф. Аспелина*), шанка отлита отдѣльно и снимается подобно крышкѣ. Но замѣчательнѣе всего, что лицо всадника, вмѣстѣ съ ушами и бородой, а также кисти рукъ и отчасти нижняя половина ногъ, *вызолочены*. Также любопытно, что на всей фигурѣ незамѣтно никакихъ подвѣсокъ и вообще металлическихъ или иныхъ украшеній. Всадникъ найденъ безъ лошади, на которой онъ, безъ сомнѣнія, сидѣлъ.

Такъ называемый Туйскій идолъ былъ найденъ на небольшомъ полѣ, выступающемъ надъ неглубокимъ оврагомъ, около д. Ковиной (Зародята тожъ), на лѣвомъ б. рч. Малый Туй, Усть-Гаревской волости, Пермскаго уѣзда. На томъ-же полѣ были найдены, вскорѣ послѣ расчистки его изъ подъ лѣса, и другіе замѣчательные предметы, какъ-то: двѣ серебряныя чаши, съ изображеніями восточнаго характера и надписями на неизвѣстномъ (Пеглевійскомъ?) языкѣ**), 11 сассанидскихъ монетъ, царей Эстергеда, Кобода и Хозроя II-го (441—594 по Р. Х.)***) и нѣкоторые другіе. Поэтому было бы естественно предположить, что и описанный выше всадникъ представляетъ привозный предметъ восточнаго происхожденія; но несомнѣнно варварская работа фигуры, теплая шанка и одежда, опояска, отсутствіе украшеній и пр. показываютъ, что если мастеру, отлившему фигуру, и служили образцомъ произведенія восточнаго искусства, то самая фигура приготовлена въ сѣверномъ климатѣ.

Какъ-бы то ни было, но для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что такъ называемый Туйскій идолъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ признакамъ чудскихъ идоловъ, которые мы привели выше, и потому представляетъ, по всей вѣроятности, не болѣе какъ статуэтку, изображающую какое нибудь важное лицо.

Къ числу подобныхъ же статуэтокъ, если не игрушекъ, должны быть отнесены и тѣ миниатюрныя фигуры всадниковъ и людей, которыя найдены въ костицѣ около с. Ильинскаго****), Пермскаго уѣзда, въ той же мѣстности, въ пескѣ р. Обвы*****) и т. д. Отличаясь крайне грубою работою, эти фигуры, по моему мнѣнію, уже потому не могутъ считаться идолами, что не представляютъ ничего фантастическаго, несогласнаго съ дѣйствительностію и вообще не имѣютъ существенныхъ признаковъ, свойственныхъ чудскимъ идоламъ.

---

*) *J. Aspelin*. De la civilisation préhistorique des peuples permians. Leide. 1878. Tiré du vol. II des Travaux de la 3-me session du Congrès international des Orientalistes, p. 24.

**) Одна изъ этихъ чашъ изображена въ атласѣ *J. Aspelin*. Antiquités. Liv. II, p. 146, № 618.

***) *J. Aspelin*. De la civil., p. 23.

****) *А. Е. Теплоуховъ*. О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ на Уралѣ. Записки Уральского Общества Любителей Естествознанія, въ Екатеринбургѣ. 1880 г. Т. VI, л. I, таб. II, фиг. 64.

*****) *J. Aspelin*. Antiq. Liv. II, № 548.

Металлическіе идолы въ видѣ человѣческихъ фигуръ встрѣчаются, какъ мы замѣтили выше, также и въ восточной части Пермской губерніи, въ мѣстностяхъ, гдѣ жили еще въ недавнее время Вогулы и гдѣ они живутъ отчасти и теперь. Большинство этихъ идоловъ отлито изъ красной мѣди и, отличаясь иногда довольно хорошею отдѣлкою, принадлежатъ, по видимому, къ болѣе древнимъ типамъ. Другую группу составляютъ идолы, отлитые, по видимому, изъ чугуна и отличающіеся крайне грубою отдѣлкою. Такіе идолы встрѣчаются еще очень часто у нынѣшнихъ Вогуловъ, хотя послѣдніе и считаются христіанами, и играютъ у нихъ, по видимому, роль домашнихъ божествъ. Но какъ болѣе древніе мѣдные, такъ и новѣйшіе чугунные идолы, въ своихъ существенныхъ признакахъ, вполне похожи другъ на друга и уже потому, въ принадлежности ихъ одной и той же народности, не можетъ быть сомнѣнія.

Чтобы имѣть возможность сравнить идоловъ, которыхъ мы приписываемъ Пермской Чуди, съ вогульскими, мы рассмотримъ нѣсколько типичныхъ представителей послѣднихъ, для чего я воспользуюсь какъ литературными данными, такъ и имѣющимся въ моей коллекціи матеріаломъ.

1. На таблицахъ, приложенныхъ къ статьѣ проф. Ешевскаго о Пермскихъ древностяхъ*) (фиг. 8-я) изображенъ вогульскій идолъ, найденный въ д. Палкиной, въ Верхне-Исетской дачѣ, Екатеринбургскаго уѣзда. Идолъ этотъ крайне примитивной работы и представляетъ плоскую, съуживающуюся книзу полосу красной мѣди, съ грубымъ изображеніемъ человѣческаго лица на верхнемъ концѣ. Длина его до 25 сант., ширина въ верхнемъ концѣ 4 сант. Въ разстояніи 12 сантиметровъ отъ послѣдняго, на краяхъ пластинки, замѣтны два небольшие выступа, соотвѣтствующіе рукамъ. Отступя 3 сант. отъ верхняго края, находится возвышенная поперечная линія, представляющая брови, а нѣсколько ниже прямой длинный носъ. Два полушаровидныя возвышенія по сторонамъ носа изображаютъ глаза, а поперечная возвышенность ниже его—ротъ. Верхній конецъ идола, до бровей, представляетъ, по видимому, головной уборъ или волосы и снабженъ неясными продольными возвышеніями. Голова переходитъ въ туловище безъ всякаго съуженія на мѣстѣ шеи, при чемъ не намѣчено и подбородка. Затѣмъ вся нижняя часть идола, какъ и задняя его поверхность, оставлена безъ всякой отдѣлки. По словамъ проф. Ешевскаго, вмѣстѣ съ этимъ идоломъ, найдено было и другое подобное же изображеніе, а также и самая глинянная форма, въ которой отливались эти идолы.

2. Въ атласѣ г. Аспелина**) изображенъ другой вогульскій идолъ, весьма похожій на предъидущаго, но отдѣланный нѣсколько тщательнѣе. Головной уборъ у него выше и снабженъ нѣсколькими, расходящимися въ видѣ лучей, возвышеніями. Каждый выступъ на мѣстѣ рукъ представляетъ

*) Пермскій Сборникъ. кн. I. 1859, стр. 140.

**) Antiquités. Liv. II, стр. 137, № 586.

три возвышенія, обозначающія три пальца—число, которое встрѣчается у большинства вогульскихъ идоловъ. Шей также нѣтъ и нижній конецъ идола оставленъ безъ отдѣлки, если не считать выступъ на лѣвомъ краѣ идола, съ неясными очертаніями ящера, о которомъ мы говорили выше.

3. Къ тому же типу принадлежитъ идолъ, найденный въ Верхне-Исетской дачѣ и бывший на Уральской научно-промышленной выставкѣ, въ Екатеринбургѣ. Онъ также представляетъ плоскую мѣдную полосу въ 31 сант. дл. и 8 сант. ширины въ верхнемъ концѣ, которая, суживаясь постепенно, достигаетъ около нижняго конца до 2 сант. ширины. Въ разстояніи 6,5 сант. отъ верхняго конца, возвышается поперечная прямая линія, замѣняющая брови, а отъ середины ея отходитъ внизъ такое-же возвышеніе, изображающее носъ. Глаза большіе и имѣютъ видъ совершенно круглыхъ выпуклинъ, окруженныхъ такими-же валиками около нихъ, вмѣсто вѣкъ; ротъ эллиптической формы. Головной уборъ украшенъ десятью расходящимися, въ видѣ лучей, возвышеніями. Шей нѣтъ. Вмѣсто рукъ—два направленные нѣсколько вверхъ выступа въ 1 сант. дл., раздѣленные на концѣ на три пальца, безъ ладони. Ниже рукъ идолъ какъ бы опоясанъ пятью возвышенными валиками, а на лѣвой его сторонѣ представленъ, какъ-бы ползущимъ вверхъ, ящеръ, который описанъ уже выше. Идолъ отлитъ грубо изъ мѣди; задняя сторона оставлена неотдѣланною. Идолъ этотъ найденъ случайно въ разсѣлинѣ скалы, на горѣ Адуйскій Камень, около впаденія р. Адуя въ р. Режъ, текущую въ р. Туру, Екатеринбургскаго уѣзда. Съ нимъ же найдено три части шара изъ яшмы съ отверстіемъ, почему вѣроятно, что этотъ шаръ служилъ пьедесталомъ идолу*).

Наконецъ, я считаю не лишнимъ описать здѣсь въ общихъ чертахъ двухъ человѣкообразныхъ идоловъ, полученныхъ отъ современныхъ намъ Вогуловъ Верхотурскаго уѣзда.

Въ упомянутомъ выше сочиненіи проф. Н. Сорокина (Путешествіе къ Вогуламъ, таб. V, фиг. 1-я) изображенъ человѣкообразный идолъ изъ числа тѣхъ, которымъ поклоняются Вогулы до настоящаго времени. Это неуклюжая фигура мужчины, безъ одежды, около 13.сант. длины, съ высокимъ головнымъ уборомъ, на которомъ замѣтны сверху черты человѣческаго лица. Руки опущены внизъ и сливаются съ корпусомъ, ноги обращены носками въ одну сторону. По объясненію проф. Сорокина, спинная сторона этого идола совершенно гладкая, передняя же поверхность неровная, шероховатая. Идолъ отлитъ изъ неизвѣстнаго сплава.

Подобный же идолъ моей коллекціи имѣетъ въ длину 12,5 сант., изъ которыхъ приходится 3,5 сант. на головной уборъ, 2,5 сант. на лицо, 3,5 на корпусъ и около 3-хъ сант. на ноги. Наибольшая ширина идола—въ плечахъ—2 сант. Головной уборъ имѣетъ видъ столбика, съ расширеніемъ на

*) Описанный идолъ былъ доставленъ на Екатеринбургскую выставку 1887 года П. В. Кулигинымъ. Свѣдѣніями о немъ я обязанъ А. И. Прозоровскому.

верху, которое представляет, повидимому, человеческое лицо. Кроме того, ниже этаго расширения, отходить отъ столбика нѣчто въ родѣ крючка, направленного внизъ. Лицо продолговатое, съ прямымъ выдающимся носомъ; остальные черты незамѣтны. Тѣло тонкое, руки висятъ внизъ и снабжены тремя пальцами каждая. Лѣвая нога (другая при отливкѣ не вышла) нѣсколько согнута въ колѣнѣ. Фигура представлена безъ одежды. Отлита изъ чернаго металла, повидимому, чугуна, крайне неотчетливо: вся поверхность ея покрыта ямками и бугорками, происходящими отъ неровной поверхности формы.

Изъ только что описанныхъ вогульскихъ идоловъ, первые три (мѣдные) принадлежатъ, очевидно, къ одному типу и хотя уже на первый взглядъ отличаются отъ чудскихъ, но имѣютъ съ ними тѣмъ не менѣе много общаго. Такъ, подобно чудскимъ, они представляются въ видѣ пластинокъ, имѣющихъ изображеніе только на лицевой сторонѣ. Затѣмъ, на нихъ нѣтъ ничего, похожаго на одежду, а также незамѣтно бороды или усовъ. Кроме того, присутствіе на второмъ и третьемъ изъ нихъ животнаго, которое я считаю тождественнымъ съ чудскимъ ящеромъ, сближаетъ ихъ съ чудскими идолами первой группы. Съ другой стороны, первые три вогульскихъ идола отличаются отъ чудскихъ большими головными уборами и вообще несоразмѣрно большою головой и недоразвитіемъ конечностей. Изъ послѣднихъ руки представляютъ лишь небольшіе отростки съ тремя пальцами, а ноги замѣнены нижнимъ концомъ пластинки, которая оставлена безъ всякой отдѣлки.

Что же касается до новѣйшихъ вогульскихъ идоловъ, о которыхъ мы только что говорили, то представляя плоскія и голыя, отдѣланныя только съ лицевой стороны, человеческія фигуры, они опять похожи на чудскихъ, хотя отличаются отъ нихъ, кромѣ матеріала, трехпальными руками и высокими головными уборами, съ признаками на нихъ человеческого лица.

Заканчивая этимъ фактическую часть моей статьи, я считаю не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о времени, къ которому могутъ быть отнесены описанные выше предметы. Къ сожалѣнію, при нынѣшнихъ нашихъ свѣдѣніяхъ о Пермской Чудѣ, во многихъ случаяхъ, невозможно еще опредѣлить даже приблизительно, къ какому періоду ея существованія должно быть отнесено то или другое городище или поселеніе. Тѣмъ не менѣе, чтобы объяснить, что я разумѣлъ, говоря выше, подъ поселеніями и предметами болѣе ранняго и болѣе поздняго періодовъ чудской культуры, я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя данныя, указывающія на время существованія этой культуры на берегахъ Камы вообще.

Насколько можно судить въ настоящее время, къ самымъ древнимъ памятникамъ чудской культуры нашего края должны быть отнесены такъ

называемыя костыща*), найденныя въ Пермскомъ уѣздѣ, на берегахъ Камы и притокахъ ея Обвѣ и Косвѣ. Но весьма вѣроятно, что одновременно съ костыщами существовали уже и находились съ ними въ связи и нѣкоторыя чудскія поселенія, которыя, по характеру содержимыхъ ими предметовъ и указаній, найденныхъ вмѣстѣ съ послѣдними монетъ, слѣдуетъ отнести къ числу наиболѣе древнихъ. Къ такимъ поселеніямъ принадлежатъ, между прочимъ, упомянутое выше поселеніе у д. Ковиной (Зародята) на рч. Туй, Усть-Гаревской волости, и селище у д. Ракитиной (Безштанной), на рч. Ломоватовкѣ, Слудской волости, Пермскаго уѣзда. Оба поселенія характеризуются высокимъ качествомъ бронзы, почти совершеннымъ отсутствіемъ желѣза, частымъ нахожденіемъ фигуръ людей и животныхъ, отсутствіемъ подвѣсокъ съ цѣпочками и, кромѣ того, послѣднее изъ нихъ—нахожденіемъ сердоликовыхъ росписныхъ и стеклянныхъ золоченныхъ бусъ, которыя (золоченныя бусы) встрѣчаются также въ большомъ количествѣ въ сосѣднихъ костыщахъ. О времени, когда существовали эти поселенія, даютъ намъ понятіе найденныя у д. Ковиной и упомянутыя уже выше монеты сассанидскихъ царей V и VI вѣка по Р. Х. **).

Съ другой стороны, къ числу поселеній, въ которыхъ Пермская Чудь обитала до позднѣйшихъ временъ, слѣдуетъ отнести также упомянутое уже выше Рождественское городище на р. Обвѣ, Соликамскаго уѣзда. Къ характеристикѣ этого городища можетъ служить: преобладаніе въ бронзѣ мѣди и частью замѣна ея послѣднею; большое количество желѣза въ видѣ крупныхъ предметовъ, отсутствіе бронзовыхъ идоловъ, частое нахожденіе подвѣсокъ, украшенныхъ цѣпочками и т. д. О времени, въ которое существовало еще населеніе, обитавшее на Рождественскомъ городищѣ, можно судить по найденной здѣсь джучидской монетѣ Бату или Берке-Хана XIII-го столѣтія (1251—1259).

Такимъ образомъ, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, поселенія Пермской Чуди уже существовали на берегахъ Камы въ V-мъ вѣкѣ нашей эры и сохранились, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ чудской территоріи, до половины XIII столѣтія.

*) О Пермскихъ костыщахъ см. ст. *А. Е. Теплоухова*—Жертвенныя мѣста на Уралѣ. Записки Уральского общества Любит. Естествозн. Т. VI, вып. I.

**) Къ еще болѣе древнему періоду относятся четыре монеты (Индо-Бактрианскія?), найденныя въ чудскомъ поселеніи у д. Ракитиной, но вопросъ о томъ, къ какому именно времени онѣ должны быть отнесены—остался, повидимому, недостаточно выясненнымъ. Говоря о нихъ въ статьѣ «De la civilisation préhistorique etc.», г. Аспелинъ ссылается на «Indo-Parthian Coins by Edward Thomas, Esq.» London. 8°.

III.

Описанныя выше изображенія баснословныхъ животныхъ и идоловъ занимають, какъ мы уже замѣтили, весьма видное мѣсто въ числѣ древностей, оставленныхъ намъ Пермской Чудью. Извѣстно, что народное преданіе приписываетъ почти всѣ доисторическіе предметы, находимые какъ въ сѣверо-восточной части Европейской Россіи, такъ и въ Западной Сибири, народу, который оно называетъ *Чудью* и который, при приближеніи русскихъ, будто бы исчезъ или, какъ выражаются въ Пермской губерніи, „ушелъ въ землю“. Послѣднее выраженіе объясняется легендою, по словамъ которой Чудь или Чудаки, не желая покориться пришельцамъ, а по другой редакціи легенды—принять крещеніе, предпочли погибнуть въ приготовленныхъ заблаговременно ямахъ, подрубивъ столбы, на которыхъ держалась устроенная надъ ними тяжелая крыша. По тому же преданію, Чудь ушла въ землю со всѣми своими богатствами, что и даетъ мѣстнымъ жителямъ поводъ рыться въ городищахъ, въ надеждѣ найти несмѣтные богатства, содержащіяся будто-бы въ братскихъ могилахъ Чуди. Кромѣ того, убѣжденіе, что Чудь, жившая въ сѣверо-западной части Пермской губерніи, погибла именно такимъ образомъ, поддерживается и тѣмъ обстоятельствомъ, что, не смотря на многочисленность въ названной мѣстности городищъ и обиліе находокъ въ Прикамскомъ краѣ, вопреки весьма распространенному мнѣнію, нѣтъ кургановъ и способъ погребенія Чудью своихъ покойниковъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Трудно объяснить, что именно могло подать поводъ къ возникновенію подобныхъ представленій о гибели Чуди, но несомнѣнно, что эта легенда имѣетъ весьма древнее происхожденіе и разнесена, вѣроятно, по всей Сѣверной Россіи и Западной Сибири*) русскими колонистами, чѣмъ и объясняется ея широкое распространеніе. Какъ-бы то ни было, но убѣжденіе въ совершенномъ исчезновеніи Чуди перешло изъ народныхъ преданій и въ науку, почему въ ней долго держалось мнѣніе, что чудскія древности принадлежатъ народу или племенамъ, дѣйствительно неоставившимъ послѣ себя потомковъ.

Однакоже этнологическія, историческія и другія изслѣдованія послѣдняго времени приводятъ насъ къ убѣжденію, что, во первыхъ, выраженіе „Чудь“ нельзя считать названіемъ одного какого-либо опредѣленнаго народа или племени и, во вторыхъ, что мнѣніе о совершенномъ исчезновеніи Чуди, по крайней мѣрѣ жившей нѣкогда въ бассейнѣ р. Камы, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Поэтому, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ другомъ

---

*) О той же легендѣ упоминается, между прочимъ, въ напечатанной *А. А. Титовымъ* «Лѣтописи Двинской» (изд. Фокина. Москва. Δ ВПФ), стр. 1-я, и въ «Краткомъ описаніи о народѣ Остяткомъ», *Гр. Новицкаго*, относящемся къ началу прошлаго столѣтія (изд. Л. Майковымъ. СПб. 1884 г.). Стр. 26.

мѣстѣ*), подѣ народнымъ выраженіемъ „Чудь“, столь распространеннымъ въ Сѣверной Россіи и Сибири, слѣдуетъ подразумѣвать вообще аборигеновъ края, почему самое слово Чудь можетъ имѣть только значеніе имени нарицательнаго**). Что-же касается до Чуди, жившей нѣкогда въ предѣлахъ исторической Перми Великой, которую мы называемъ поэтому *Пермскою Чудью*, то этнологическій характеръ ея уже значительно выясненъ послѣдними изслѣдованіями и потому можно надѣяться, что рѣшеніе вопроса о томъ, къ какой группѣ племенъ она принадлежала, есть только вопросъ времени.

Къ числу только что упомянутыхъ изслѣдованій, значительно подвинувшихъ вопросъ о Пермской Чуди, слѣдуетъ отнести, прежде всего, послѣдній историко-географическій трудъ проф. И. Н. Смирнова: „Пермяки“***). Разработавъ строго научнымъ образомъ имѣющіяся историческія свѣдѣнія и факты и основываясь, кромѣ того, на данныхъ, которыя представляютъ инородческія, и въ частности Пермскій языкъ, почтенный профессоръ приходитъ къ заключенію, что „Чудь (Пермская) народныхъ преданій и русскихъ актовъ представляетъ одно и то же съ предками современнаго населенія сѣверо-западной части Пермской губерніи—Пермяками на западѣ, Уграми на востокѣ“****).

Что касается насъ, то мы, имѣя въ виду главнымъ образомъ археологическія данныя, можемъ присоединиться къ вышеприведенному положенію проф. И. Н. Смирнова только условно, а именно въ томъ смыслѣ, что Пермская Чудь могла быть предками или нынѣшнихъ Пермяковъ и Зырянъ (Коми), или же Вогуловъ и Остяковъ (Угровъ), но не тѣхъ и другихъ одновременно. Къ такому заключенію приводитъ насъ то обстоятельство, что громадное большинство извѣстныхъ намъ древностей чудскаго періода, находимыхъ въ сѣверо-западной части Пермской губерніи, а также въ смежныхъ мѣстностяхъ Вологодской и Вятской губерній, принадлежала, по всѣмъ признакамъ, одному народу. По крайней мѣрѣ, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ находокъ, несомнѣнно занесенныхъ изъ Сибири (нефритовый(?) топоръ, нѣкоторыя бронзовыя вещи), изъ Центральной Азіи (серебряные сосуды, монеты) и нѣкоторыхъ другихъ странъ, то всѣ остальные предметы, имѣющіе мѣстное происхожденіе, принадлежатъ несомнѣнно къ извѣстнымъ опредѣленнымъ типамъ, развитіе которыхъ, во многихъ случаяхъ, легко прослѣдить. Между тѣмъ, современные намъ Финны угорской и пермской группъ настолько отличаются другъ отъ друга по типу, языку и въ другихъ

*) Труды Пермской Архивной Коммисіи, изд. подѣ редак. А. А. Дмитріева Вып. I. 1892 г. Стран. 27-я.

**) Этотъ взглядъ на выраженіе «Чудь» высказалъ еще въ прошломъ столѣтіи Миллеръ. *Исторія Карамзина*, изд. Евдокимова, т. I. СПб. 1892 г. Прим. 73.

***) *Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ*. Томъ IX, вып. 2. 1891.

****) Проф. Смирновъ. *Пермяки*. Стр. 114.

отношеніяхъ, что предполагать, чтобы тѣ и другіе могли составлять, хотя бы и тысячу лѣтъ тому назадъ, въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ, одинъ народъ—совершенно невозможно.

Въ настоящее время, представителями пермской группы Финновъ, живущими на бывшей территоріи Пермской Чуди, являются, какъ извѣстно, Зыряне, занимающіе восточную часть Вологодской губерніи, и Пермьки, обитающіе, главнымъ образомъ, въ западной части Чердынскаго и сѣверо-западной Соликамскаго уѣздовъ, Пермской губерніи. Присматриваясь ближе къ тѣмъ и другимъ, нельзя не замѣтить, что нынѣшніе Зыряне весьма замѣтно отличаются отъ Пермьковъ, не только по наружности и нарѣчію, но и по характеру, хотя сходство ихъ языка и другія данныя несомнѣнно доказываютъ, что оба племени, еще въ сравнительно недавнее время, составляли одинъ народъ. Послѣднее подтверждается, между прочимъ и тѣмъ, что какъ Пермьки, такъ и Зыряне употребляютъ для обозначенія своей народности одно слово—*Коми*, которое и слѣдуетъ считать древнимъ названіемъ Зыряно-Пермьскаго племени. Если же въ настоящее время Зыряне и Пермьки, въ упомянутыхъ выше отношеніяхъ, отличаются другъ отъ друга, то это можно объяснить какъ климатическими условіями, такъ и историческими судьбами, подъ вліяніемъ которыхъ жили оба племени, въ особенности со времени появленія въ краѣ русскихъ пришельцевъ. Сѣверные Коми—Зыряне приняли христіанство, какъ извѣстно, еще въ XIV столѣтіи, благодаря проповѣди св. Стефана Пермскаго, а южные ихъ родичи—Пермьки крещены однимъ изъ его преемниковъ св. Іоною уже во второй половинѣ XV столѣтія, хотя, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, значительная часть Пермьковъ оставалась язычниками еще въ XVII-мъ столѣтіи*). Тѣмъ не менѣе, относительно языческой религіи Коми мы имѣемъ лишь скудныя извѣстія, сохраненныя намъ лѣтописями, и тѣ данныя, которыя удалось возстановить путемъ анализа сказаній и повѣрій, существующихъ у нынѣшнихъ Пермьковъ.

Ко второй, угорской группѣ Финновъ принадлежатъ также два племени—Вогулы и Остяки, которые живутъ въ настоящее время, если не считать ничтожнаго числа обрусѣвшихъ Вогуловъ на западномъ склонѣ Урала, исключительно на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ и къ востоку отъ послѣднихъ, по р. Оби и нѣкоторымъ ея притокамъ. Но несомнѣнныя историческія данныя свидѣтельствуютъ, что Угры обитали въ значительномъ числѣ, и еще въ сравнительно недавнее время, и къ западу отъ Уральскихъ горъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Коми—Зырянами и Коми—Пермьками. Такъ во время св. Стефана Пермскаго и его ближайшихъ преемни-

*) Такъ *Peter Petreius de Erlesunda*, въ своемъ сочиненіи: «Historien und Bericht von dem Grossfürstenthums Muschkow etc.» Leipzig, 1620, говоритъ о жителяхъ Перми: «Sie haben eine sonderliche Sprache, von der Reussischen unterschieden, Etliche haben sich neulich täuffen lassen und der Russen Religion angenommen, doch sind ihr noch viel, welche Götzen anbeten». См. *Zerrenner*. Erdkunde des gouv. Perm. Leipzig. 1851, стр. 1-я.

ковъ по Пермской каедрѣ, къ востоку отъ поселеній Вымскихъ Зырянъ, но вблизи ихъ, жили Вогулы, а южнѣе, въ предѣлахъ Великой Перми, небольшое число послѣднихъ сохранилось въ долинѣ р. Вишеры до настоящаго времени. Точно также изъ древнихъ актовъ и другихъ источниковъ извѣстно, что Вогулы занимали еще въ недавнее время земли и по другимъ притокамъ Камы съ лѣвой стороны, а именно по Яйвѣ, Косьвѣ и Чусовой, а около устья послѣдней и по ея притоку Сылвѣ, еще въ XVI столѣтіи жило другое угорское племя—Остяки*). Но не смотря на то, что нѣкоторые Вогулы были крещены, повидимому, еще во времена св. Стефана, главная масса Угровъ избѣгла крещенія до начала прошлаго вѣка и хотя Сибирскіе Вогулы и Остяки считаются съ тѣхъ поръ оффиціально христіанами, но, по согласному свидѣтельству путешественниковъ, остаются въ сущности язычниками до настоящаго времени. При такихъ условіяхъ слѣдовало-бы предполагать, что ознакомленіе съ миѳологіей Угровъ, какъ, народа болѣе всѣхъ другихъ финскихъ племенъ сохранившаго свои языческія вѣрованія, должно быть вполне доступно, тѣмъ болѣе, что Остяки и Вогулы были предметомъ изученія многихъ ученыхъ путешественниковъ. На самомъ-же дѣлѣ мы должны сказать, что составить себѣ ясное понятіе о религіи не только древнихъ, но и современныхъ намъ Угровъ, несмотря на обиліе матеріала, чрезвычайно трудно. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что религіозныя вѣрованія Остяковъ и Вогуловъ представляютъ собою смѣсь понятій и представленій, относящихся, очевидно, къ весьма различнымъ періодамъ и частію заимствованныхъ отъ другихъ народовъ, почему они и отличаются крайнею запутанностію и сложностію. Съ другой стороны, большинство писателей, въ особенности прежняго времени, мало интересовалось сущностію религіи Угровъ и, принимая ихъ за грубыхъ фетишистовъ, постоянно смѣшивало бога съ идоломъ, т. е. божество съ его изображеніемъ. Наконецъ, изслѣдованіе религіи Вогуловъ и Остяковъ затрудняется еще нѣкоторыми другими условіями, съ которыми встрѣчалось большинство путешественниковъ, какъ напр. нежеланіе инородцевъ, считающихся оффиціально христіанами, обнаруживать свои настоящія вѣрованія, незнаніе путешественниками языка и т. д. Поэтому показанія различныхъ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, не только относительно самыхъ вѣрованій, но и такихъ предметовъ, какъ о числѣ и названіи главныхъ божествъ, значеніи того или другаго идола и т. д., представляютъ массу неясностей и противорѣчій, въ которыхъ почти невозможно разобраться.

Тѣмъ не менѣе, преслѣдуя нашу цѣль, мы обратимся къ доступной намъ литературѣ и извлечемъ изъ нея тѣ свѣдѣнія о религіозныхъ вѣрованіяхъ и идолахъ Угровъ, а также древнихъ и нынѣшнихъ Коми, которыя могутъ, по нашему мнѣнію, служить такъ или иначе къ объясненію описанныхъ выше древностей.

*) *Филаретъ*, Архіепископъ Черниговскій. Житія святыхъ. 1885. СПб. Подъ 6 Окт.

Весьма вѣроятно, что Вогулы и Остяки, или *Маньсь* и *Хонда*, какъ они сами себя называютъ, отличались вѣкогда не только языкомъ, но и имѣли различныя религіозныя воззрѣнія и, сообразно тому, различныя божества и различныхъ идоловъ. Но уже Григорій Новицкій, авторъ „Краткаго описанія о народѣ Остяцкомъ*“, свидѣтельствуемъ, что еще въ началѣ прошлаго столѣтія, жившіе въ Сибири Вогулы отличались отъ своихъ сосѣдей Остяковъ, главнымъ образомъ, только языкомъ. Что-же касается до вѣрованій, то уже тогда религія Вогуловъ, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ, была, повидимому, тождественна съ религіей Остяковъ, такъ какъ главные идолы послѣднихъ были предметомъ одинаковаго почитанія и со стороны Вогуловъ. Такая близость религіозныхъ воззрѣній обоихъ племенъ подтверждается и новѣйшими путешественниками, которые поэтому, говоря объ идолахъ и другихъ особенностяхъ ихъ религіознаго культа, часто не отличаютъ Остяковъ отъ Вогуловъ, относя свои наблюденія къ Уграмъ или Маньсамъ вообще. Наконецъ, наблюденія одного изъ новѣйшихъ путешественниковъ, г. Финша**), показываютъ, что религіозныя понятія Остяковъ, живущихъ на низовьяхъ Оби, почти слились, въ свою очередь, съ религіозными воззрѣніями Самоѣдовъ, такъ что тѣ и другіе имѣютъ общія религіозныя празднества, общихъ шамановъ и т. д.

Подобно другимъ Финнамъ, Остяки и Вогулы признаютъ существованіе высшаго божества, называя его *Торымъ* (по другимъ—Торомъ, Торумъ), что значитъ: великій богъ, властитель вселенной***). Судя по этимъ эпитетамъ, Торымъ Угровъ есть, по своему значенію, тоже высшее божество, которое Самоѣды называютъ *Нумъ*, западныя Финны *Юмала*, Черемисы *Юма* и т. д. Какъ и въ послѣднихъ случаяхъ словомъ Торымъ обозначалось, вѣроятно, первоначально видимое небо, которому поклонялись, какъ и другіе Финны, угорскія племена****). Только въ послѣдствіи, съ развитіемъ анимистическихъ воззрѣній на природу, словомъ Торымъ стали обозначать высшее божество,

---

*) См. Памятники древней письменности и искусства, изд. Л. Майкова, СПб. 1886 года. Гр. Новицкій сопутствовалъ схимонаху Федору (бывш. митрополиту Филоею Лещинскому) въ 1712—1714 гг. въ его путешествіяхъ къ Остякамъ и Вогуламъ, съ цѣлю обращенія ихъ въ христіанскую вѣру. Трудъ Новицкаго, написанный еще въ 1715 г., хранился, до послѣдняго времени, въ рукописи. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ послѣдующіе писатели, начиная съ писавшаго въ 1716 г. І. В. Мюллера (*Ф. А. Веберъ. Das Veraenderte Russland, Hamburg, 1721*), болѣе или менѣе пользовались этимъ первоисточникомъ, хотя далеко не всѣ о томъ упоминаютъ. Описаніе идоловъ, служенія имъ и проч., внесенное въ свой трудъ Новицкимъ, тѣмъ болѣе цѣнно, что внушаетъ полное къ себѣ довѣріе, такъ какъ Новицкій писалъ только о томъ, чему былъ очевидцемъ, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «Множайшая же баснословія о семъ пренебрегохомъ, зане сами не самовидцы, глаголемая же не всяко достовѣрно приеъмлется о семъ». (Стр. 85).

**) Dr *O. Finsh. Reise nach West-Sibirien. Berlin. 1879 г., стр. 554.*

***) *Абрамовъ. Описаніе Березовскаго края. Записки Императорскаго географическ. общества. Кв. XII, 1857 г., стр. 338.*

****) Ср. *И. Н. Смирновъ, Пермь. Стр. 226.*

живущее на небѣ, а затѣмъ то же слово перенесли, въ качествѣ имени нарицательнаго, и на другихъ боговъ. По крайней мѣрѣ, по сообщенію Н. Л. Гондатти*), посѣтившаго сѣверо-западную Сибирь въ 1885 году, Маньзы (Угры?) признаютъ въ настоящее время двухъ главныхъ боговъ: *Корсь-Торума*—родоначальника всѣхъ боговъ и *Яныхъ-Торума* (или Нуми-Торума)—великаго бога, отца многихъ сыновей, изъ которыхъ каждый имѣетъ особое назначеніе**).

Изъ только что упомянутыхъ сыновей Яныхъ-Торума, представляющаго, повидимому, одно божество съ Торымомъ другихъ писателей, для насъ представляетъ нѣкоторый интересъ *Мирь-суснэ-хумъ*, завѣдывающій людьми и потому особенно близкій къ нимъ. По собраннымъ г. Гондатти свѣдѣніямъ, Мирь-суснэ-хумъ объѣзжаетъ каждую ночь всю землю на конѣ и смотритъ, все-ли въ порядкѣ. Поэтому шаманы пользуются для призванія его ночами, когда онъ совершаетъ свой обычный объѣздъ, и вступаютъ съ нимъ въ сношеніе при слѣдующей обстановкѣ: „въ жильѣ, гдѣ происходитъ гаданіе, тушатъ огонь; шаманъ ударяетъ нѣсколько разъ въ бубенъ и затѣмъ все смолкаетъ и наступаетъ гробовая тишина, среди которой будто-бы ясно слышится конскій топотъ и затѣмъ раздается трескъ—признакъ входа бога въ жилье.... Очень часто предъ жильемъ становится предварительно нѣсколько серебряныхъ или вообще металлическихъ тарелочекъ, чтобы божій конь могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу***)“.

Кромѣ того, въ трудѣ г. Гондатти приводятся любопытныя данныя о *Куль-Одьеръ*—властителѣ подземнаго царства, которое находится гдѣ-то въ Ледовитомъ океанѣ, за устьемъ р. Оби, о борьбѣ Яныхъ-Торыма съ Куль-Одьеромъ, о судьбѣ человѣческой души и „тѣни“ послѣ смерти и т. д. Не останавливаясь на этихъ легендахъ, какъ неимѣющихъ прямого отношенія къ предмету нашей статьи, замѣчу только, что описываемая въ немъ борьба Яныхъ (добраго начала) съ Кулемъ (злымъ началомъ) носитъ очевидныя слѣды вліянія чуждыхъ Уграмъ религій, при чемъ представленіе о Яныхъ-Торымѣ уже весьма близко къ понятію о христіанскомъ Богѣ.

По словамъ г. Абрамова****), Остяки почитали въ Торымѣ верховное божество, живущее на небѣ и, не считая себя достойными его вниманія, не смѣли утруждать его своими просьбами. Поэтому, кромѣ высшаго божества—властителя неба, у Остяковъ существовало еще много второстепен-

---

*) Н. Л. Гондатти. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ сѣверо-западную Сибирь. Годичное засѣданіе комитета для устройства въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній, 30 ноября 1887 г. Москва, 1888 г., стр. 173.

**) Къ сожалѣнію, г. Гондатти не указываетъ, гдѣ именно записано имъ сказаніе о Яныхъ-Торумѣ и не имѣла ли здѣсь вліяніе самоѣдская мнѳологія, на что, повидимому, указываетъ названіе того же божества—Нуми-Торумъ.

***) Н. Л. Гондатти. Предв. отчетъ. Стр. 176.

****) Абрамовъ. Описаніе и т. д. Стр. 338.

ныхъ божествъ, которыя имѣли только ограниченную власть дѣлать добро и зло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если не всѣ, то многія изъ этихъ божествъ, имѣли специальное назначеніе властвовать надъ тѣми или другими животными и явленіями природы, почему Остяки прибѣгали къ ихъ помощи въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ.

Насколько трудно составить себѣ опредѣленное понятіе о существѣ и характерѣ угорскихъ боговъ по сообщеніямъ о нихъ различныхъ писателей, настолько-же трудно разобраться въ изображеніяхъ этихъ боговъ и даже въ ихъ названіяхъ. Поэтому мы ограничимся сообщеніемъ списка остяцкихъ идоловъ, который помѣщенъ въ „Описаніи Березовскаго края“, г. Абрамовымъ и, несмотря на свою очевидную неточность, можетъ считаться до настоящаго времени самымъ полнымъ.—Въ списокѣ г. Абрамова перечислены слѣдующіе главные идолы и частью божества: 1) Кумиръ изъ золота, сидѣвшій въ чашѣ, 2) *Рача*, въ Рачеевскихъ юртахъ, 3) *Большая бошня*—нагая женщина изъ дерева, сидѣвшая на стулѣ подъ березою, 4) *Обскій старикъ*, на устьѣ Иртыша, 5) *Мѣдный гусь*, въ Бѣлогорскихъ юртахъ, 6) „Самый главный идолъ Остяковъ и Вогуловъ“, перенесенный въ 1712 году на Конду, 7) *Ортикъ*, въ Шаркарскомъ городкѣ, 8) *Мастеръ* или *Мастерко**), стоявшій вблизи нынѣшняго села Троицкаго, 9) *Елянь*—прислужникъ высшихъ боговъ, 10) *Мейкъ*—божество зла**).

Чтобы составить себѣ понятіе о наружномъ видѣ угорскихъ идоловъ, приведемъ слѣдующія подробности объ упомянутыхъ выше остяцкихъ идолахъ—Обскомъ старикѣ и Мѣдномъ гусѣ, со словъ Гр. Новицкаго, участвовавшаго въ ихъ разрушеніи.

Обскій старикъ***) имѣлъ два капища: одно при впаденіи р. Иртыша въ Обь, а другое на р. Оби, ниже перваго. Въ каждой изъ этихъ резиденцій

*) Проф. А. *Ahlqvist*, въ статьѣ «*Unter Wogulen und Ostjaken*», помѣщенной въ *Acta Societatis scientiarum Fennicae. Helsingforsioe. Tomus XIV, 1885*, стр. 292, приводитъ слѣдующій примѣръ того, какъ возникли названія нѣкоторыхъ угорскихъ боговъ и идоловъ. Свящ. Вологодскій, писавшій о религіи Остяковъ въ началѣ нашего столѣтія, первый упоминаетъ объ идолѣ, который находился вблизи слиянія Оби съ Иртышомъ, подъ именемъ *Мастера* или *Мастерка*. По объясненію проф. Альквиста, это, столь странное для Остяцкаго бога, названіе возникло слѣдующимъ образомъ. Остяки называютъ мѣсто слиянія р. Оби (по остяцки *ас*) съ Иртышомъ—*корнемъ* Оби (*ас-теръ*), а стоявшаго тутъ идола—богомъ (*торымъ*) корня Оби или *торымъ-ас-тер*. О. Вологодскій, предполагая, что богъ по остяцки *торы*, отнесъ стоящую на концѣ слова букву *м* къ имени бога, получивъ такимъ образомъ богъ *Мастер*, а затѣмъ, чтобы выразить должное презрѣніе къ языческому богу, сталъ называть его *Мастерко*. Точно также, *Оортъ*, съ уменьшительнымъ *Ортикъ*, значить просто—господинъ и т. д.

**) Г. *Финиш* (*Reise*, стр. 558) приводитъ списокъ остяцкихъ и вогульскихъ боговъ, помѣщенный въ статьѣ г. *Sobrin'a* (*Russische Revue* 1876 г., стр. 339), который, по мнѣнію г. Финша, какъ Остякъ по происхожденію, долженъ знать ихъ лучше другихъ и даже, быть можетъ, видѣлъ ихъ своими глазами. Но оказывается, что г. Собринъ сообщилъ тотъ-же списокъ г. Абрамова, исключивъ только первыхъ двухъ идоловъ и замѣнивъ мѣднаго гуся—мѣднымъ яйцомъ (?).

***) Гр. *Новицкій*. Краткое описаніе. Стр. 55.

идоль пребывалъ по три года и переносился изъ одной въ другую съ особою торжественностію. Наружный видъ Обскаго старика Новицкій описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Бысть же сей по ихъ зловѣрію богъ рыбъ, изображень безстуднѣ: дска нѣкая, носъ аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на главѣ малые, покрыть различными рубицы, сверхъ одѣтъ червленою одеждою съ золотою грудью“. Около идола были расположены: лукъ, стрѣлы, копье, панцыри и другое оружіе. По понятіямъ Остяковъ, божество, которое представлялъ Обскій старикъ, имѣеть частыя битвы съ другими божествами, вѣроятно, неблагоклонными къ человѣку, и побѣждаетъ ихъ. „Мнѣтъ бо безумнѣ яко шкародъ сія, ужасна видѣнію всѣмъ, въ моры и въ великихъ водахъ страшна есть, проходить сквозь вся бездны, въ нихъ-же рыба вся и звѣры водныя подъ своимъ имѣетъ правленіемъ, и елико кому похощеть, толико попускаетъ“. Обскій старикъ палъ одною изъ первыхъ жертвъ миссіонерской ревности схимонаха Феодора и былъ сожженъ имъ въ 1712 г., при чемъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при этомъ Остяковъ „сожигаемаго убо зряще кумира, притвориша себѣ видѣти отъ пламене подобіемъ лебеда излетѣвшаго“. Любопытно, что Новицкій, называя Обскаго старика бездушнымъ истуканомъ, допускаетъ однако-же возможность такого явленія, говоря: „аще же бы и притворился инымъ тако сатана, ничто-же дивно“.

О другомъ интересующемъ насъ идолѣ, *Мѣдномъ гусѣ*, Гр. Новицкій говоритъ: „Гусь боготворимый идоль ихъ бяше, изваянъ изъ мѣди въ подобіе гуся; имѣ скверное жилище въ юртахъ Бѣлогорскихъ при великой рыкѣ Обѣ.... Въ кумирниці сѣдалище его бѣ отъ различныхъ суконъ, холста, кожей сплетено въ подобіе гнѣзда, на немъ же сія вселшася прочвара сидяше“*). Мѣдный гусь представлялъ бога „лебедей, гусей и всякаго рода птицъ, иже водному обычнъ плаванію: мнѣху же яко за легкость свою сій, летая невидимо по мѣстьцахъ веселія исполненныхъ и видѣнія пріятныхъ, вся покараше подъ область свою птицы“. По свидѣтельству Мюллера**), писавшаго одновременно съ Новицкимъ, Мѣдный гусь былъ изображень съ распростертыми крыльями.

Относительно только что описаннаго идола отмѣтимъ то обстоятельство, что божество, имѣвшее, по убѣжденію Остяковъ, подъ своею властію водяныхъ птицъ, было само изображено въ видѣ одной изъ нихъ—гуся, что указываетъ на весьма древнее происхожденіе этого способа изображенія. Кромѣ того, убѣжденіе Остяковъ, что это божество, а, конечно, не самый мѣдный гусь, котораго они всегда видѣли на своемъ мѣстѣ, летаетъ невидимо по мѣстамъ, веселія исполненнымъ, показываетъ также, что мѣд-

*) Краткое описаніе, стр. 57.

**) Матеріалы по археологій Россіи, изданные Императорскою Археологическою Коммиссіей. Томъ I, выпускъ II, 1891 г. Прилож. стр. 23.

ный гусь былъ не самый богъ, т. е. не фетишь, а лишь изображеніе извѣстнаго божества.

Въ тѣхъ-же Бѣлогорскихъ юртахъ, въ одномъ капищѣ съ Мѣднымъ гусемъ, стоялъ еще другой идолъ, котораго Гр. Новицкій*) называетъ „первоначальнымъ и паче всѣхъ настоящимъ кумиромъ“. Остяки, узнавъ о приближеніи проповѣдника, успѣли перенести его къ Вогуламъ на р. Конду, почему онъ назывался еще Кондійскимъ идоломъ. Абрамовъ также называетъ его въ своемъ спискѣ самымъ главнымъ идоломъ, но какое онъ представлялъ божество, остается неизвѣстнымъ.

По словамъ Новицкаго, Обскій старикъ, Мѣдный гусь и только что названный Кондійскій идолъ, котораго ему однако-же видѣть не удалось, были „первоначальными“ идолами Остяковъ и говоритъ, что имъ: „величайшею честію покланяются, зане дѣломъ отецъ и праотецъ своихъ усерднѣ ревнуютъ“. Но кромѣ древности, выдающееся для Остяковъ значеніе этихъ идоловъ объясняется, очевидно, и тою дѣятельностью, которая приписывалась соотвѣтствующимъ божествамъ, такъ какъ ловля рыбы и добываніе водяныхъ птицъ служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія приобскихъ инородцевъ до настоящаго времени.

Особый интересъ представляютъ для насъ угорскіе идолы, лицо которыхъ покрывалось металломъ, обыкновенно жестью или серебромъ, а также тѣ изъ нихъ, необходимою принадлежностью которыхъ являются металлическія, большею частію серебряныя, тарелки. По словамъ Новицкаго, Абрамова и другихъ писателей, такую особенностію отличались изображенія боговъ, приведенныхъ выше въ спискѣ остяцкихъ идоловъ, подъ названіемъ Мастерка и Ортика. Такъ, идолъ послѣдняго, помѣщавшійся въ особомъ капищѣ въ Шоркарскомъ городкѣ, имѣлъ, по словамъ Абрамова**), деревянную голову и серебряное лицо, а вмѣсто туловища—мѣшокъ, набитый мяскою рухлядью. Другой идолъ, найденный въ юртахъ того-же имени схимонахомъ Θεодоромъ, описывается бывшимъ съ нимъ Гр. Новицкимъ такимъ образомъ: „въ средѣ полѣнце отъ пятидесять лѣтъ прикладными обвитое сукнами, а на верху въ жести изваянная личина мало что бѣше подобіе человѣка“***). Идолы съ обложеннымъ жестью или серебромъ лицомъ, существуютъ, по сообщенію профессора Альквиста, и въ настоящее время, при чемъ нужное для украшенія ихъ серебро Остяки получаютъ, въ видѣ пластинокъ, черезъ обдорскихъ купцовъ, съ Ирбитской ярмарки****).

Точно также у Остяковъ существуютъ до настоящаго времени идолы, важную часть которыхъ составляютъ одна или нѣсколько металлическихъ тарелокъ. Въ запискахъ о жителяхъ Березовскаго уѣзда, доставленныхъ

*) Краткое описаніе, стр. 58.

**) Описаніе стр. 340.

***) Краткое описаніе стр. 50.

****) *A. Ahlqvist. Unter Wog. und Ostjaken.*, стр. 204.

тобольскому архіепископу въ 1826 году, говорится, что въ „храмѣ посвященномъ..... Мастеръ—Лонгу*), стоитъ большой мѣшокъ, по срединѣ сего мѣшка привязана серебряная тарелка дномъ къ мѣшку, а углубленіемъ наружу**). Въ видѣ такого-же мѣшка, набитого мѣшками меньшей величины, по срединѣ котораго спереди была привязана серебряная тарелка, описываетъ г. Абрамовъ***) и идола Мастерка, находившагося близъ с. Троицкаго и стоявшаго въ переднемъ углу особаго капища. Наконецъ, подобнаго-же идола, но представлявшаго на этотъ разъ Ортика, видѣлъ въ 1876 году г. Финшъ на низовьяхъ р. Оби (Веспугль). Идолъ этотъ находился, среди другихъ, второстепенныхъ, въ священной роцѣ, представлявшей собою небольшой ивовый лѣсокъ. По описанію г. Финша, идолъ состоялъ изъ муміеподобной связки, около 4 фут. длиною, окружавшей стволъ дерева и обмотанной краснымъ сукномъ и лентами. Сверху связки, на томъ-же стволѣ, были прикрѣплены четыре металлическія тарелки, изъ которыхъ двѣ большія, отлитыя изъ олова, были европейскаго происхожденія. Другія двѣ тарелки имѣли около 3,5 дюймовъ въ діаметрѣ и были изъ серебра. На днѣ одной изъ нихъ находилось грубое изображеніе сѣвернаго оленя, а на другой лося и, кромѣ того, плоскіе края обѣихъ тарелокъ были украшены охотничьими сценами, представлявшими человѣка въ длинной шубѣ и съ лукомъ въ рукахъ, преслѣдующаго волка или собаку. На этихъ тарелкахъ были выгравированы цифры 1832 и 1833, но, тѣмъ не менѣе, г. Финшъ считаетъ ихъ, ссылаясь на отзывъ г. Радлова, древними, найденными, по всей вѣроятности, въ чудскихъ могилахъ****).

Судя по этимъ примѣрамъ, слѣдуетъ думать, что металлическія тарелки, и при томъ украшенныя различными рисунками, представляютъ не простое украшеніе, а существенную часть идоловъ, изображающихъ извѣстныя (или одно?) главныя божества.—Замѣчу еще, что по слухамъ, дошедшимъ до профессора Альквиста*****), остяцкій князь Тайшинъ употребилъ для той-же цѣли серебряное блюдо, пожалованное ему, вмѣстѣ съ другими подарками, Императоромъ Николаемъ.

Выше мы упомянули, что, по свидѣтельству Новицкаго, Вогулы и Остяки его времени уже мало отличались другъ отъ друга относительно своихъ религіозныхъ вѣрованій, такъ что главные идолы Остяковъ были, въ то-же время, предметомъ почитанія и со стороны Вогуловъ. Тѣмъ не менѣе, Новицкій описываетъ нѣсколькихъ вогульскихъ идоловъ, встрѣченныхъ схимонахомъ Θεодоромъ около Пелыма и значительно отличающихся отъ остяцкихъ. Изъ этихъ идоловъ мы упомянемъ только объ одномъ, имѣвшемъ

*) По объясненію профессора Альквиста, Лонгъ, значитъ, просто идолъ. Тамъ-же, стр. 298.

**) Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности. Вып. III. 1890 г., стр. 73.

***) Описание Березовскаго края, стр. 340.

****) Dr. Finsch. Reise, стр. 493.

*****) Unter Wogulen etc., стр. 82.

видъ *копья*, къ которому былъ привязанъ небольшой камень. Копье это имѣло чудодѣйственную силу: когда приводили для жертвы какое либо животное, то жрецъ, поднявъ копье, опускалъ его на хребетъ животного, которое падало при этомъ на колѣни, какъ-бы подъ давленіемъ непосильной тяжести. „Зловѣремъ же своимъ мнать, говоритъ Новицкій, яко сей ихъ *боготворимый въ семь копий духъ* утѣшается прыношеніемъ благоугодной жертвы“. Если-же жертва была неугодна богу, то животное легко переносило тяжесть копья*).—Приведенныя слова Новицкаго показываютъ, что Вогулы его времени, какъ мы это отмѣтили выше и относительно Остяковъ, были далеко не фетишисты и чтили своихъ идоловъ только какъ изображенія боговъ.

Кромѣ того, скажемъ еще нѣсколько словъ о священной *лиственницѣ*, стоявшей также около Пелыма и бывшей, съ древнѣйшихъ временъ, предметомъ поклоненія Вогуловъ. Около этого дерева находилась кумирня, но безъ идоловъ, на самомъ-же деревѣ было навѣшено столько кожъ принесенныхъ въ жертву лошадей, что Новицкій удивляется, какъ оно могло вынести такую тяжесть, а также тому, что „Аще же и дебело бѣ, обаче отъ всегдашнія крове проливаема и огнепаленія не усхне, ниже толико въ кожахъ безчисленно гнѣздящимся не истля червиемъ“**). Такимъ образомъ, культъ растений, и въ частности деревьевъ, существовалъ въ религіи Угуровъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія.

Григорій Новицкій говоритъ какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ, что Остяки переселились въ бассейнъ Оби изъ Великой Перми и утверждаетъ, что они говорили будто-бы первоначально пермскимъ языкомъ. Если-же нарѣчіе тѣхъ изъ нихъ, которые расселились вверхъ по Оби и Иртышу, значительно уклонились отъ пермскаго языка, то онъ объясняетъ это близкимъ сожительствомъ ихъ съ Татарами, Калмыками и другими народами. Напротивъ того, Остяки, поселившіеся на низовьяхъ Оби, говорятъ, по его увѣренію, „непремѣннымъ пермскимъ нарѣчіемъ“, что онъ объясняетъ постоянными сношеніями, которыя поддерживали они съ своими родичами, оставшимися за Ураломъ**). Тотъ-же фактъ переселенія Остяковъ западнаго склона Урала изъ Перми, подтверждаетъ и Абрамовъ, по словамъ котораго жители остяцкаго городка Большаго Алтыма сохранили преданіе, что предки ихъ переселились изъ Перми, въ числѣ нѣсколькихъ семействъ, съ Памой, извѣстнымъ противникомъ св. Стефана. Поэтому пріобрѣтаетъ вѣроятность и другое сообщеніе Абрамова, что изъ главныхъ остяцкихъ идоловъ только нѣкоторые представляютъ мѣстное издѣліе, а большая часть принесена на Обь въ XIV и XV столѣтіяхъ, послѣ обращенія жителей Перми въ христіанство.

*) *Новицкій*. Краткое описаніе, стр. 83.

***) *Ibid.*, стр. 27.

При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть еще объ одномъ идолѣ, такъ называемой *Золотой Бабѣ*, которая хотя и считается главнымъ идоломъ Пермьянъ, но находилась также за Ураломъ, въ Обдоріи. По словамъ иностранныхъ писателей Герберштейна и Гваньини, идолъ этотъ былъ высѣченъ изъ камня и имѣлъ видъ женщины, державшей на рукахъ сына; другой-же ребенокъ, слышій ея внукомъ, помѣщался около ея ногъ. Гваньини говоритъ, кромѣ того, что Золотой Бабѣ поклонялись не только Обдорцы, но и Югра, Вогуличи и другіе сосѣдніе народы*). Поэтому возможно, что если Золотая Баба не была угорскимъ идоломъ, находившимся всегда въ Обдоріи, то она могла быть перенесена бѣжавшими отъ обращенія въ христіанство Пермьянами, подобно тому, какъ это сдѣлали Остяки съ упомянутымъ выше Главнымъ или Кондійскимъ идоломъ.

Кромѣ главныхъ идоловъ, привлекавшихъ поклонниковъ не только изъ ближайшихъ, но и весьма отдаленныхъ мѣстностей, Остяки и Вогулы, по удостовѣренію писателей, почитали всегда большое число другихъ идоловъ, представлявшихъ боговъ второстепенныхъ, третьестепенныхъ и т. д. Новицкій**), имѣвшій полную возможность ознакомиться съ идолами Остяковъ при обращеніи ихъ въ христіанство, говоритъ, что изъ нихъ „иные поклоняхуся кумиру по подобію звѣрину, наипаче медвѣдя, ины же въ подобіе птицъ: лебедя, гуся“. Другой писатель начала прошлаго вѣка, І. Б. Мюллеръ***), прибавляетъ, что Остяки частью сами дѣлаютъ изъ дерева нѣкоторыхъ идоловъ, частью-же, а именно вылитыхъ изъ бронзы, унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ—Чуди. По словамъ Мюллера, сохранившіеся отъ временъ Чуди бронзовые идолы были отлиты довольно искусно и имѣли видъ гуся, дѣвушка съ вытянутою рукой, змѣи и проч. Наконецъ, по свидѣтельству г. Гондатти****), и у нынѣшнихъ Угровъ существуетъ цѣлая плеяда второстепенныхъ боговъ, изъ коихъ нѣкоторые являются богами личными, другіе семейными и родовыми. Къ числу такихъ боговъ (идоловъ) слѣдуетъ отнести и тѣхъ идоловъ, которые имѣются въ каждомъ семействѣ и хранятся въ особо назначенномъ для того ящикѣ. Они имѣютъ обыкновенно видъ куколъ, или-же представляютъ изъ себя просто необдѣланныя палочки, обвернутыя шнурками или платками.

Къ сожалѣнію мы не находимъ, по крайней мѣрѣ въ доступной намъ литературѣ, никакихъ разъясненій, что изображаютъ всѣ эти второстепенные идолы и боги и въ какихъ отношеніяхъ они находятся къ высшимъ богамъ, другъ ко другу и, наконецъ, къ человѣку. Чтобы внести свѣтъ въ эту темную область, было-бы, конечно, необходимо изучить основательно

*) *Герберштейнъ*. *Reg. moscov.*, p. 515. *Гваньини*. *Moscoviae descriptio*, ed. Starczewsky, p. 15. *Филарета*, архіепископа Черниговскаго, *Житія святыхъ*, 1885 г., 26 апрѣля.

**) Краткое описаніе, стр. 47.

***) *Веберъ*. *Das Veränderte Russland*, стр. 200. См. *Матеріалы по Археологіи Россіи*, изданіе Императорской Археологической Комиссіи. Томъ I, выпускъ II, 1891 г., приложенія.

****) Предварительный отчетъ, стр. 173.

легенды и преданія Угровъ, что представляется однако-же, какъ уже замѣчено выше, дѣломъ далеко не легкимъ. Что-же касается до самыхъ идоловъ, то изученіе ихъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ показываютъ нѣкоторыя данныя, угорскія божества имѣютъ способность измѣнять свой видъ, превращаясь въ животныхъ—въ звѣрей, птицъ и даже рыбъ. Едва-ли подлежить однако-же сомнѣнію, что нѣкоторые изъ второстепенныхъ идоловъ, изображающіе человѣкообразныя божества, какъ напримѣръ хранимые въ особомъ ящикѣ домашніе боги, представляютъ настоящихъ фетишей, пережившихъ, въ средѣ самыхъ невѣжественныхъ элементовъ угорскаго народа, всѣ прочія стадіи развитія ихъ религіозныхъ вѣрованій и воззрѣній. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству путешественниковъ, Вогулы и Остяки почитаютъ своихъ домашнихъ идоловъ, мажутъ имъ губы рыбьимъ жиромъ и т. д. только до тѣхъ поръ, пока они довольны своими богами; въ случаѣ-же какого нибудь несчастья или неисполненія ихъ желаній, они безъ всякой церемоніи выбрасываютъ этихъ „боговъ“ изъ ящика и замѣняютъ ихъ новыми.

Изъ приведенныхъ выше словъ Григорія Новицкаго можно вывести заключеніе, что Остяки поклонялись также идоламъ въ видѣ звѣрей, преимущественно медвѣдя, а также идоламъ въ видѣ лебедя, гуся и т. д. Однако-же есть основаніе полагать, что нѣкоторые изъ такихъ изображеній представляли не дѣйствительныхъ идоловъ, а только животныхъ, которыхъ Остяки считали почему-либо священными или достойными особаго уваженія. Поводомъ къ такому почитанію могли служить, какъ уже замѣчено въ началѣ нашей статьи, или особая польза, приносимая животнымъ человѣку, или-же, напротивъ того, причиняемый имъ вредъ. Подобными мотивами слѣдуетъ, повидимому, объяснить то почтеніе, которое оказывали древніе Финны*) медвѣдю и которое перешло всецѣло къ ихъ потомкамъ—Остякамъ и Вогуламъ. Новицкій, а затѣмъ большинство послѣдующихъ писателей, сообщаютъ болѣе или менѣе подробно о тѣхъ празднествахъ и обрядахъ, которыми сопровождается у Остяковъ и Вогуловъ удачная охота на медвѣдя. Празднества эти продолжаются иногда нѣсколько дней и состоятъ изъ плясокъ, драматическихъ представленій и проч., на которыя приглашаются всѣ сосѣди и знакомые счастливаго охотника. Но кромѣ изъясненія радости по случаю удачной охоты, цѣль этихъ празднествъ состоитъ еще въ томъ, чтобы испросить у убитаго медвѣдя прощеніе за лишеніе его жизни. Любопытную легенду, объясняющую это отношеніе Угра къ медвѣдю, сообщаетъ намъ г. Гондатти**). По словамъ этой легенды, медвѣдь небснаго происхожденія: онъ прежде жилъ на небѣ и Торымъ, только по усиленной просьбѣ медвѣдя, отпустилъ его на землю, которая нравилась ему своимъ разнообразіемъ; но при этомъ Торымъ далъ медвѣдю приказъ ѣсть только

*) *A. Ahlqvist. Unter Wogulen etc, стр. 297.*

***) Предварительный отчетъ, стр. 111.

тѣхъ людей и животныхъ, которые въ чемъ нибудь провинились, въ противномъ же случаѣ онъ самъ будетъ убитъ. Поэтому-то всякій, сознающій за собой грѣхи, дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ и убитъ его можетъ только человѣкъ, свободный отъ грѣховъ и угодный богамъ. Но съ другой стороны, медвѣдь, хотя и убитый, все видитъ и слышитъ и можетъ отомстить охотнику; а избѣжать этой мести можно только въ томъ случаѣ, если выказать убитому медвѣдю надлежащее почтеніе и свалить вину его убіенія на другаго. Отсюда празднества въ честь убитаго медвѣдя и тѣ извиненія передъ выставленной на почетномъ мѣстѣ шкурой его, образцы которыхъ приводитъ еще Новицкій: „изъявляетъ же, говоритъ онъ, пѣснями невиновна себѣ его убіенію, глаголя, яко не онъ дѣлатель желѣзца и стрѣлы, ниже его пера: Русакъ укова желѣзо, пера—орель родитель“ и т. д*).

Познакомившись въ вышеизложенномъ съ нѣкоторыми подробностями вѣрованій Остяковъ и Вогуловъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ ихъ руководителяхъ въ дѣлахъ религіи, о жрецахъ и шаманахъ.

Многіе писатели, какъ на примѣръ Абрамовъ, не дѣлаютъ, повидимому, никакого различія между жрецами и шаманами, употребляя то и другое слово въ одномъ значеніи; но обращаясь къ нашему первоисточнику— „Краткому описанію Остяцкаго народа“, Григорія Новицкаго, не трудно убѣдиться, что Угры имѣли, по крайней мѣрѣ, въ его время, настоящихъ жрецовъ, обязанность которыхъ состояла исключительно въ служеніи извѣстному идолу и охраненіи его. Такого жреца мы видимъ, на примѣръ, въ лицѣ нѣкоего Нахрача Евплаева, котораго встрѣтила миссія схимонаха Θεодора въ 1713 году на р. Кондѣ, въ Нахрачеевыхъ юртахъ, названныхъ такъ по имени самого Евплаева, котораго Новицкій называетъ начальникомъ, а также державцемъ и служителемъ знаменитаго идола, находившагося въ этихъ юртахъ. Новицкій такъ описываетъ служеніе Евплаева: „Обаче толь теплѣ скверною своею бѣше любитель кумира, яко неотступнѣ пребываше у него. Моленіе же его чудесно: гласъ тонце испущаше, никакого нарѣчья не знаменующъ, но якъ младъ телець рыкая, послѣди же мизканіемъ нѣкимъ окончеваше, и тако пребывая въ чтилищи своемъ, многократнѣ въ день той безстудное, а паче безумное сіе твораше моленіе“ **). Далѣе мы узнаемъ, что этотъ кумиръ былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ и почитался во всей остяцкой землѣ, чѣмъ и пользовался Нахрачъ Евплаевъ, принимая обильныя приношенія вѣрующихъ.

Существенно другое значеніе имѣли шаманы, сохранившіеся, какъ извѣстно, до настоящаго времени, и при томъ не только у Угровъ, но и у другихъ сибирскихъ инородцевъ. По удостовѣренію Абрамова***) и другихъ писателей, званіе шамана было, большею частію, наследственное и

*) Новицкій. Краткое описаніе, стр. 53.

**) Ibid., стр. 100.

***) Описаніе Березовскаго края, стр. 344.

могло переходить къ дѣтямъ не только мужскаго, но и женскаго пола. Отъ шамана, желавшаго приобрѣсти значеніе и вліяніе, требовались, прежде всего, соотвѣтствующія личныя качества, какъ-то: проницательность ума, твердый характеръ, развитое воображеніе и проч., а затѣмъ онъ долженъ былъ затратить много труда и времени, чтобы усвоить себѣ тѣ знанія и приемы, которые требовались отъ людей его званія. Что-же касается до характера ихъ дѣятельности, то шаманы являются, главнымъ образомъ, посредниками между людьми и богами, въ качествѣ прорицателей и истолкователей ихъ воли. Кромѣ того, какъ людямъ, состоявшимъ въ непосредственномъ сношеніи съ богами, имъ приписывалась способность лечить болѣзни, отыскивать потерянное, оберегать людей отъ дурнаго глаза и т. д.*). Наконецъ, шаманы играли также нерѣдко роль руководителей при жертвоприношеніяхъ, при чемъ они, повидимому, только заступали роль жреца, такъ какъ въ другихъ случаяхъ жертвоприношенія совершались и безъ ихъ участія. По свидѣтельству новѣйшихъ писателей**), угорскіе шаманы, во время собраній, на которыхъ они призываютъ боговъ и толкуютъ ихъ волю, не надѣваются уже на себя особаго костюма, ограничиваясь только небольшимъ разноцвѣтнымъ колпакомъ; но необходимою принадлежностію каждаго шамана остается волшебный бубень, увѣшанный разными погремушками, въ который онъ ударяетъ особою колотушкою. По убѣжденію инородцевъ, достаточно ударить нѣсколько разъ въ этотъ бубень, чтобы привлечь божество и заставить его отвѣчать на предлагаемые вопросы, при чемъ получаютъ однако-же отвѣты, понятные только для одного шамана. Подобныя призыванія боговъ происходятъ обыкновенно ночью, при соотвѣтствующей обстановкѣ, и сопровождаются нерѣдко религіозною пляскою, во время которой шаманъ приходитъ очень часто въ экстазъ и кончаетъ представленіе, катаясь въ судорогахъ по землѣ. Что шаманы и жрецы не одно и то же, доказывается лучше всего тѣмъ, что въ настоящее время существуютъ даже шаманы-христіане. Такъ г. Финшъ***) описываетъ въ своемъ путешествіи любопытное представленіе самоѣдско-остяцкаго шамана, происходившее въ 1876 г., въ городѣ Березовѣ. Самое представленіе почти ничѣмъ не отличалось отъ любаго спиритическаго сеанса, а игравшій роль медиума шаманъ оказался не только христіаниномъ, но и пѣвцомъ въ одной изъ городскихъ церквей.

Какъ уже замѣчено, въ настоящее время западно-сибирскіе шаманы, давая свои представленія, не надѣваются болѣе особаго костюма; но въ прежнее время, костюмъ, увѣшанный различными металлическими фигурами, былъ такою же непремѣнною принадлежностію всякаго шамана, какъ и

---

*) *Dr. Finsch. Reise*, стр. 554.

**) *Н. Л. Гондатти*. Предварительный отчетъ, стр. 176. *Dr. Finsch*, стр. 551.

***) *Reise etc*, стр. 550.

волшебный бубень. По описанію г. Абрамова*), такой костюмъ состоялъ изъ длиннаго, сшитаго изъ звѣриныхъ шкуръ, платья, которое такъ часто и плотно унизывалось металлическими кольцами, бляхами, колокольчиками, изображеніями птицъ и животныхъ и проч., что „нельзя было знать, изъ чего онъ сшитъ“. Весьма возможно, что между подобными металлическими изображеніями, были также фигуры фантастическихъ животныхъ и людей, имѣвшія значеніе идоловъ. По крайней мѣрѣ, г. Гондатти**) сообщаетъ, что между разрытыми ими въ Западной Сибири могилами оказались двѣ шаманскихъ, изъ которыхъ онъ и извлекъ тѣ изображенія идоловъ, которыя имѣются въ его коллекціи.

Большинство древностей, приписываемыхъ Пермской Чуди, находится, какъ мы уже знаемъ, на территоріи древней Перми, на которой до настоящаго времени живутъ потомки древнихъ Пермлянъ—Зыряне и Пермяки. Поэтому, познакомившись отчасти съ вѣрованіями и предметами почитанія Угровъ, мы обратимся теперь къ тому, что намъ извѣстно о религіи древнихъ Пермлянъ и о языческихъ воззрѣніяхъ нынѣшнихъ Пермяковъ.

Къ сожалѣнію, какъ лѣтописныя сказанія, такъ и повѣрья нынѣшнихъ Пермяковъ, даютъ намъ въ этомъ случаѣ лишь крайне скудный матеріалъ. Все, что можно было собрать въ этомъ отношеніи, собрано и обработано проф. И. Н. Смирновымъ, въ его монографіи: „Пермь“, изъ которой мы и позволимъ себѣ извлечь нужные намъ, въ данномъ случаѣ, выводы и факты.

Главнымъ и почти единственнымъ источникомъ, въ которомъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о религіи древнихъ Пермлянъ, служитъ сказаніе о жизни и дѣяніяхъ св. Стефана, епископа Пермскаго, составленное его современникомъ преп. Епифаніемъ Премудрымъ (1396—97 гг.). „Бяху бо въ Перми, говоритъ Епифаній, кумири различніи, овѣи большіи и меньшіи, другіи же средніи, а иніи нарочитіи и словутніи..... овѣмъ убо рѣдци моляхуся и худу честь воздаяху, а другимъ же мнози не токмо ближніи, но и дальніи погостове, суть же у нихъ етери кумири, къ нимъ же издалуча прихождаху и отъ дальнихъ мѣстъ поминки приношаху и за три дня и за четыре и за недѣлю сущі“***). Въ другомъ же мѣстѣ того же сказанія Епифанія говорится: „Боги ихъ раскопа, еже суть болваны истуканные, изваянныя, издлбленныя, вырѣзомъ вырѣзаемыя“. Изъ приведенныхъ словъ пр. Епифанія мы видимъ, что древніе жители Перми, подобно Уграмъ начала прошлаго столѣтія, имѣли большое количество идоловъ, изъ коихъ нѣкоторые пользовались всеобщимъ почитаніемъ, привлекая поклонниковъ изъ далекихъ мѣстъ, другіе же, второстепенные, имѣли значеніе только для небольшихъ районовъ или мѣстностей.

*) Описаніе Березовскаго края, 344.

**) Предв. отчетъ, стр. 185.

***) Памятники Старинной Русской Литературы. III, 132. См. И. Н. Смирнова: Пермь, стр. 258.

Нельзя не пожалѣть, что Епифаній не только не описываетъ идоловъ, встрѣченныхъ въ Перми св. Стефаномъ, но и не называетъ ни одного изъ нихъ по имени. Поэтому мы знаемъ изъ русскихъ источниковъ только названія двухъ божествъ или, вѣрнѣе, идоловъ, которымъ поклонялись древніе Пермiane—упомянутой уже выше *Золотой Бабы* и *Войпеля*. О Золотой Бабѣ говорится въ первый разъ, какъ объ идолѣ, занимавшемъ, повидимому, въ религіи древнихъ Пермianъ первенствующее мѣсто, подъ 1398 годомъ, въ Новгородской (I-й Софійской) лѣтописи: „Преставися св. Стефанъ.... Сей научи Пермскую землю вѣрѣ христовѣ... а прежде кланялися звѣремъ и древомъ, водѣ, огню и Златой Бабѣ“*). Затѣмъ о той же Золотой Бабѣ, какъ мы уже знаемъ, упоминаютъ также Гваньини и Герберштейнъ, изъ которыхъ первый сообщаетъ о ней нѣкоторыя подробности, а второй даже изобразилъ ее на своей картѣ. Другой же идолъ древнихъ Пермianъ—Войпель упоминается только одинъ разъ—въ грамотѣ митрополита Симона къ Пермianамъ, относящейся къ 1501 году, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А кумиромъ бы есте не служили, ни требъ ихъ не принимали, не Войпелю болвану не молитесь по древнему обычаю“**).

Идолъ Золотая Баба, какъ замѣчено выше, находился, по свидѣтельству Гваньини, не въ Перми, а вблизи устья Оби, въ Обдоріи, почему мы и высказали выше предположеніе, что если онъ не представлялъ одно изъ угорскихъ божествъ, то принадлежалъ, быть можетъ, къ тѣмъ пермскимъ идоламъ, которые были перенесены, по преданію Остяковъ, изъ Перми за Уралъ. Что же касается до Войпеля, то проф. Смирновъ, указывая на несостоятельность толкованій этого слова, основанныхъ на языкѣ Коми, высказываетъ предположеніе, что ключъ къ объясненію слова Войпель должно искать въ языкѣ Югры—Вогуловъ и Остяковъ. Кромѣ того проф. Смирновъ считаетъ правдоподобнымъ, что поклоненіе Войпелю и Золотой Бабѣ Пермiane заимствовали у вытѣсняемой Югры, если только „русское духовенство не смѣшало предметовъ поклоненія Вымскихъ Вогуловъ и Пермianъ собственно“***).

Въ томъ же сказаніи преп. Епифанія находится повѣтствованіе о томъ, какъ св. Стефанъ срубилъ и сжегъ „прокудливую березу“, представлявшую такой же предметъ поклоненія Пермianъ, какимъ была у Угровъ упомянутая выше лиственница, стоявшая въ окрестностяхъ Мельма. Какъ и въ послѣднемъ случаѣ, рассказъ Епифанія показываетъ что у древнихъ Пермianъ время св. Стефана существовалъ, наравнѣ съ почитаніемъ многочисленныхъ челоѣкообразныхъ идоловъ, культъ растений, выражавшійся, въ приведенномъ случаѣ, въ поклоненіи березѣ.

*) См. *Исторія Карамзина*, изд. Евдокимова. СПб. 1892, Томъ V, прим. 125.

***) Историч. Акты. I, № 112. См. Филарета, архіеп. Черниговскаго—Житія, подъ 26 Апр.

***) Пермьки, стр. 263.

Наконецъ, упомянемъ еще, что въ сказаніи о подвигахъ св. Стефана играетъ выдающуюся роль нѣкій Пама, именуемый сотникомъ и начальникомъ *волхвовъ* и *обоянниковъ*. Въ послѣднихъ, не смотря на отрывочныя свѣдѣнія, сообщаемыя Епифаніемъ, не трудно узнать тѣхъ же прорицателей и толкователей воли боговъ, которыхъ мы встрѣтили выше у Угровъ, подъ названіемъ шамановъ. Кромѣ того, въ томъ же трудѣ Епифанія говорится въ одномъ мѣстѣ, что св. Стефанъ разрушилъ и сжегъ „нарочитую кумирницу“, при чемъ авторъ добавляетъ: „кумирникомъ не бывшимъ ту“*). Отсюда можно заключить, что у древнихъ Пермлянъ, какъ мы замѣтили это и относительно Угровъ, кромѣ волхвовъ и обоянниковъ, были еще особые служители кумировъ, т. е. жрецы. Такимъ образомъ, руководителями древнихъ Пермлянъ въ дѣлахъ вѣры были, какъ и у Угровъ, тѣже жрецы и шаманы, при чемъ слѣдуетъ полагать, что и религіозныя понятія пермскихъ жрецовъ и шамановъ мало отличались отъ возрѣній ихъ угорскихъ собратьевъ. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ приведенное выше остяцкое преданіе, по которому упомянутый только что Пама, побѣжденный проповѣдью св. Стефана, бѣжалъ за Уралъ, куда были также перенесены и многіе изъ наиболѣе почитаемыхъ пермскихъ идоловъ.

Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о религіи древнихъ Пермлянъ, занимавшихъ, подобно своимъ прямымъ потомкамъ Зырянамъ, восточную часть нынѣшней Вологодской губерніи, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ св. Стефанъ Пермскій. Теперь обратимся къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ проф. И. Н. Смирновъ, изслѣдуя легенды и повѣрья южныхъ Коми—Пермяковъ, живущихъ въ настоящее время въ сѣверо-западной части Пермской и частью въ Вятской губерніяхъ.

Подобно другимъ финскимъ племенамъ, предки Коми—Пермяковъ поклонялись первоначально видимому небу, называя его *Иень*, который соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, Торыму Угровъ; но впослѣдствіи, какъ это было и у другихъ Финновъ, понятіе объ Иенѣ—небѣ стало приближаться къ представленію о верховномъ божествѣ, властителѣ неба, а затѣмъ—словомъ Иень стали обозначать и другія высшія сверхъ-естественныя существа. вмѣстѣ съ тѣмъ, Иень дѣлается постепенно челоѣкообразнымъ существомъ и получаетъ значеніе исключительно добраго божества, въ противоположность представителю злаго начала—*Кулю*, съ которымъ онъ вступаетъ, какъ мы видѣли это и у Угровъ, въ борьбу. Слово Куль, обозначающее злаго бога также у Угровъ, по удостовѣренію проф. Смирнова, чуждо языкамъ пермской группы и показываетъ, что Коми и Угры заимствовали понятіе о зломъ началѣ изъ одного источника.

За культомъ неба, въ первобытныхъ религіяхъ, слѣдуетъ обоготвореніе солнца, луны и другихъ небесныхъ свѣтилъ. Слѣды поклоненія солнцу находятъ до сихъ поръ въ языческихъ вѣрованіяхъ Вотяковъ, принадлежа-

*) Проф. Смирновъ. Пермь. 259.

щихъ къ той же пермской группѣ Финновъ и имѣвшихъ нѣкогда одну религію съ Пермьяками; но въ вѣрованіяхъ собственно Пермьяковъ поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ уже настолько изгладилось, что о существованіи его у древнихъ Коми можно только догадываться.

Точно также въ повѣрьяхъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Пермьяковъ—христіанъ мы находимъ лишь слабые слѣды культа растений, выражающагося, на примѣръ, въ уваженіи, которое оказываютъ Пермьяки можжевельнику, собранному въ великій четвергъ, такъ какъ онъ имѣетъ, по ихъ понятіямъ, способность отгонять злыхъ духовъ. Что же касается до культа животныхъ, то проф. Смирновъ высказываетъ мнѣніе, что Пермьяки не были чужды культу медвѣдя, такъ развитому у ихъ восточныхъ родичей—Угровъ. Дѣйствительно, въ сказкахъ не только Пермьяковъ, но и Русскихъ, живущихъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, медвѣдь играетъ, большею частію, выдающуюся роль, при чемъ ему приписывается способность говорить и вообще сверхъ-естественныя для животнаго свойства. Но мнѣ кажется, что эта роль достаточно объясняется громадною силою и свойственною медвѣдю смышленостію, которыя дѣлаютъ его для лѣснаго жителя самымъ страшнымъ и, въ тоже время, самымъ интереснымъ животнымъ. По крайней мѣрѣ, населеніе лѣсистой Ошибской волости, Соликамскаго уѣзда, состоящее изъ наименѣе обрусѣвшихъ Пермьяковъ, хотя и боится медвѣдя, но не выказываетъ къ нему, насколько мнѣ извѣстно, никакого суевѣрнаго страха или уваженія.

Отчетливѣе другихъ вѣрованій сохранилось у Пермьяковъ представленіе о низшихъ божествахъ, обитающихъ въ непосредственной близости человѣка, въ лѣсу, въ водѣ и т. д. Всѣ эти божества представляются Пермьяку вполне матеріальными и, какъ по своей природѣ, такъ и по потребностямъ, совершенно похожими на человѣка. Въ качествѣ примѣра, можно указать на *Вэрысь-морту*, т. е. лѣснаго человѣка—*лѣснана*, который играетъ въ жизни Пермьяка немаловажную роль до настоящаго времени. Повидимому, въ образѣ Вэрысь-морты Пермьяки представляли себѣ первоначально божество вѣтра, такъ какъ *лѣсной*, желая проявить свой гнѣвъ, является обыкновенно въ видѣ вихря, ломающаго деревья, разрушающаго крыши и т. д. Но съ теченіемъ времени, появилось много Вэрысь-мортовъ и подобно другимъ духамъ, они сдѣлались вполне человѣкообразными: теперь лѣшіе живутъ семьями, вступаютъ въ браки и плодятся, и также, какъ и люди, ведутъ хозяйство, держатъ скотину, торгуютъ и т. д. При этомъ Вэрысь-морты, появляясь среди людей, принимаютъ видъ обыкновеннаго человѣка и ихъ можно отличить только по бѣлому армяку, запахнутому лѣвою полою на верхъ, отсутствію рѣсницъ и тому подобнымъ ничтожнымъ признакамъ. Подобными-же свойствами отличаются также и *Ваись-морты*—*водяные* люди, представляющіе человѣкообразныя существа, которыя хотя и живутъ въ водѣ, но въ хорошо устроенныхъ избахъ, забираютъ себѣ въ работники утопленниковъ и т. д. Вообще *водяной* Пермьяковъ отличается отъ чело-

вѣка только тѣмъ, что обладаетъ какою-то тайной, дающей ему возможность жить и передвигаться въ водѣ*).

Кромѣ того, у Пермяковъ имѣется еще *домовой* и нѣкоторыя другія низшія божества, о которыхъ мы говорить не будемъ. Для насъ важно въ данномъ случаѣ только то, что всѣ эти существа вполнѣ матеріальны и человѣкообразны, такъ что, если-бы Пермяки могли и пожелали изображать ихъ, то эти изображенія, во всякомъ случаѣ, ничѣмъ не отличались-бы отъ изображеній обыкновенныхъ людей.

Наконецъ, замѣтимъ еще, что у Пермяковъ сохранились остатки шаманизма, въ видѣ такъ называемыхъ *вѣжливецъ* или *знаткихъ*, которыхъ мѣстные Русскіе называютъ также колдунами. По убѣжденію Пермяковъ, вѣжливецъ можетъ наслать порчу и болѣзни и, наоборотъ, отвратить то и другое, почему въ болѣе отдаленныхъ уголкахъ, населенныхъ Пермяками, вѣжливыцы до настоящаго времени обязательно участвуютъ на свадьбахъ и другихъ церемоніяхъ. Кромѣ того, колдуны помогаютъ отыскивать пропавшую въ лѣсу скотину, лѣчатъ людей и животныхъ и т. д.

Заканчивая этимъ наше ознакомленіе съ нѣкоторыми подробностями, относящимися къ языческой религіи Финновъ, угорской и финнской группъ, возвратимся теперь къ предметамъ, описаннымъ въ первой части нашей статьи и сдѣлаемъ попытку пріискать имъ то или другое объясненіе.

Говоря объ остяцкихъ изображеніяхъ боговъ, описанныхъ у Новицкаго и другихъ писателей, мы познакомились съ идолами Мастерка и Ортика, лица которыхъ были покрыты жестью или серебромъ. Такому назначенію вполнѣ соотвѣтствуетъ тонкая серебряная пластинка въ видѣ маски, изображенная на прилагаемой табл. I, фиг. 8-й. Поэтому, едва ли можно сомнѣваться, что этотъ интересный предметъ представлялъ ничто иное, какъ лицо идола, изображавшаго одно изъ наиболѣе чтимыхъ божествъ Пермской Чуди. Чтобы имѣть возможность составить себѣ понятіе о томъ, какой видъ могъ имѣть подобный идолъ, я позволю себѣ привести описаніе вогульскаго идола, котораго Григорій Новицкій встрѣтилъ, между другими, на р. Кондѣ. „Кумиръ же сей изсѣченъ бѣ изъ древа, одѣянъ одеждою зеленою, злообразное лице бѣлымъ желѣзомъ *обложено*, на головѣ его лисица черная положена; чтилище все, наипаче же сѣдалище сего украшено сукномъ червленымъ; поставленъ же высочае прочихъ; иные же ниже около предстоятъ меньшіи кумиры, ихъ же глаголютъ быти служителей настоящаго кумира. Иныхъ же утварей, кафтановъ, бѣлокъ и прочихъ передъ нимъ полагаемо бысть много, его же злообразіе написася подробну въ лицехъ со всимъ его знаменіемъ поставляемъ, но каково страшилище сіе бѣсовское“ (**).

*) Профессоръ И. Н. Смирновъ. Пермяки, стр. 276—278.

**) Новицкій стр. 100.

Мѣсто нахождения серебряной маски—д. Постоногова, Рождественской волости, находится около самаго Рождественскаго городища на р. Обвѣ, въ которомъ найдено очень много предметовъ, относящихся, судя по матеріалу и характеру, къ позднѣйшему періоду чудской культуры. Тутъ-же найдена, какъ уже замѣчено выше, джучидская мѣдная монета, относящаяся къ пятидесятымъ годамъ XIII-го вѣка. Тѣмъ не менѣе, всѣ найденныя въ Рождественскомъ городищѣ предметы (коньковыя подвѣски, поясныя украшенія и проч.) вполнѣ характерны для Пермской Чуди и потому сомнѣваться въ принадлежности той-же Чуди серебряной маски нѣтъ никакихъ основаній*).

Кромѣ изображеній боговъ, лица которыхъ были покрыты жестью или серебромъ, мы видѣли у Остяковъ еще другихъ идоловъ, состоявшихъ изъ мѣшка или муміевидной связки и украшенныхъ серебряными тарелками. По сообщенію гг. Абрамова и Финна, упоминающихъ о такихъ идолахъ подъ названіями Мастера и Ортика, можно думать, что эти идолы представляютъ тѣ-же божества (или даже одно божество?), которымъ были посвящены и человѣкообразные идолы съ металлическими лицами. Въ священной роцѣ, на устьѣ Оби, въ которой г. Финшъ видѣлъ идола Ортика, послѣдній былъ украшенъ, какъ уже сказано, четырьмя тарелками, изъ которыхъ двѣ серебряныя, покрытыя рисунками, онъ считаетъ древними, найденными въ чудскихъ могилахъ. Подобныя-же древнія тарелки или блюда, отличающіяся нерѣдко высокохудожественною работою, встрѣчаются, какъ извѣстно, и при томъ сравнительно довольно часто, въ Пермской губерніи, въ особенности въ ея сѣверо-западной части, вмѣстѣ съ различными предметами чудской культуры. Въ третьемъ выпускѣ сочиненія: „Русскія Древности», графъ И. Толстаго и Н. Кондакова, перечисленъ цѣлый рядъ такихъ находокъ, изъ которыхъ большая часть имѣетъ древне-персидское (сасанидское), другія-же греческое происхожденіе. Насколько намъ извѣстно, подобные драгоценныя сосуды были находимы до настоящаго времени, въ предѣлахъ Европейской Россіи, почти исключительно въ западной половинѣ Пермской, и въ прилегающей части Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, такъ что ихъ можно считать характеристическою особенностію территоріи, которую занимала нѣкогда Пермская Чудь. Обративъ на это, странное на первый взглядъ, обстоятельство особое вниманіе, графъ Толстой и г. Кондаковъ высказываютъ мнѣніе, что блюда изъ листоватаго серебра имѣ-

*) Въ запискахъ Рычкова (продолженіе журнала или дневныхъ записокъ... 1772 г., стр 76) находимъ извѣстіе, что въ Рождественскомъ городищѣ и даже, судя по описанію мѣстности, въ той-же д. Постоноговой, по словамъ одного изъ мѣстныхъ жителей, нашли: «статую, слитую неизвѣстно изъ какого металла, представляющую видъ взрослого младенца, сидящаго на конѣ». Если это не вымыселъ, то слѣдуетъ думать, что это была статуэтка, въ родѣ найденной въ д. Ковиной на рч. Туѣ.—Замѣчу еще, что въ самое послѣднее время, въ д. Загарье, Тиминской волости, Соликамскаго уѣзда, одинъ изъ крестьянъ, копая яму, нашель «личину», въ видѣ тонкой серебряной пластинки, по описанію, очень похожую на нашу; къ сожалѣнію, она была разломана находчикомъ и такимъ образомъ утрачена.

ли, повидимому, какое-то особое религиозное значеніе у нѣкоторыхъ сѣверныхъ племенъ, при чемъ указываютъ на извѣстныхъ уже намъ остяцкаго идола въ храмѣ Мастеръ-Лонга и Ортика, описаннаго г. Финшемъ.

Въ подтвержденіе только что приведеннаго мнѣнія, въ пользу котораго высказались затѣмъ проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Дмитріевъ и нѣкоторые другіе ученые, мы позволимъ себѣ привести еще слѣдующее соображеніе. Уже давно замѣчено, что на древнихъ серебряныхъ блюдахъ и сосудахъ, находимыхъ въ Пермской губерніи и украшенныхъ охотничьими, мифологическими и другими сценами, часто высоко-художественной работы, встрѣчаются иногда позднѣйшіе рисунки, нацарапанные варварскою, неумѣлою рукою. Рисунки эти изображаютъ то отдѣльныя человѣческія фигуры, обыкновенно въ остроконечныхъ головныхъ уборахъ, то цѣлыя группы фигуръ, а также различныхъ животныхъ, какъ напримѣръ оленя, лошади, рыбъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ подобныя дополнительныя фигуры начерчены чуждыми владѣльцами восточныхъ сосудовъ и представляютъ предметы и сцены, принадлежавшія къ обстановкѣ Пермской Чуди. Поэтому, къ числу интереснѣйшихъ предметовъ этого рода принадлежитъ, несомнѣнно, серебряное блюдо, найденное въ Пермской губерніи и изображенное въ атласѣ г. Аспелина*) подъ № 612. На широкомъ отогнутомъ краѣ этого блюда были изображены восточнымъ художникомъ сцены изъ охотничьей жизни, представляющія всадника, собаку, двухъ оленей, вепря, льва, осѣдланыхъ лошадей и т. д., дно-же блюда было оставлено безъ всякихъ изображеній. Воспользовавшись этимъ, чуждые владѣльцы этого блюда нацарапали на днѣ его восемь человѣческихъ фигуръ, исполняющихъ, повидимому, какую-то религиозную церемонію или танецъ. По срединѣ изображена высокая мужеская фигура, съ разставленными широко ногами и поднятыми вверхъ руками, изъ которыхъ въ каждой она держитъ по мечу или длинному ножу. Въ подобныхъ-же позахъ, и также съ мечами въ рукахъ, представлены и прочія фигуры, кромѣ одной, у которой руки оставлены свободными. Всѣ фигуры изображены въ головныхъ уборахъ, или шапочкахъ, имѣющихъ видъ трехъ, обращенныхъ вверхъ, зубцовъ. Описывая это блюдо, г. Аспелинъ**) замѣчаетъ, что представленная на немъ сцена, напоминающая индѣйскій танецъ съ мечами, изображаетъ, быть можетъ, торжество „искупленія“, которое празднуется у Остяковъ до настоящаго времени. (*Castrén, Resor och Forskningar, I, 304—6*). Съ другой стороны, г. Абрамовъ описываетъ празднество въ честь остяцкаго идола Еяна, „прислужника высшихъ божествъ“, какъ называетъ его авторъ, которое, если это только не то-же „торжество искупленія“, можетъ также служить объясненіемъ описанной выше сцены. Поэтому, я позволю себѣ привести здѣсь слѣдующую выписку изъ описанія только что упомянутаго празднества, устра-

*) *Antiquités. Liv. II, стр. 143.*

**) *J. R. Aspelin. De la civilisation préhistorique etc, стр. 21.*

иваемаго Остяками въ честь Еяна: „Остяки вечеромъ собирались въ одну юрту, гдѣ находился идолъ и до двухъ часовъ по полуночи отправляли празднество слѣдующимъ образомъ.... По собраніи всѣхъ, шаманъ начиналъ гремѣть желѣзными саблями и копьями, заблаговременно приготовленными и лежавшими на шестахъ предъ кумиромъ; потомъ каждому изъ предстоявшихъ мужчинъ давалъ по саблѣ и копью, по полученіи коихъ, Остяки становились вдоль юрты рядами и вертѣлись вдругъ по три раза. Самъ шаманъ, *взявши въ каждую руку по саблѣ*, оборачивался къ идолу спиною, и когда начиналъ ударять одну саблю о другую, Остяки, какъ-бы по командѣ, качаясь съ одной стороны въ другую, кричали разными голосами, то рѣдко, то часто, отставая другъ отъ друга. Потомъ, при каждомъ повтореніи: „гай!“ то поднимали оружіе кверху, то опускали книзу“ и т. д.*). По нашему мнѣнію, это описаніе вполне объясняетъ сцену, изображенную Чудаками на упомянутомъ выше блюдѣ и представляющую торжество, аналогичное остяцкому празднику въ честь Еяна.

Древнія серебряныя блюда и тарелки, занесенныя несомнѣнно путемъ торговли съ Востока, встрѣчаются, какъ уже замѣчено, почти на всей территории, которая была занята нѣкогда Пермскою Чудью. Поэтому, если приведенное выше разъясненіе ихъ значенія вѣрно, то приходится признать, что у Пермской Чуди было много идоловъ, подобныхъ Ортику и Мастерку Остяковъ, т. е. идоловъ несомнѣнно угорскаго типа.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію человѣкообразныхъ фигуръ, помѣщенныхъ на прилагаемыхъ при семъ рисункахъ, остановимся, прежде всего, на идолѣ, изображенномъ на табл. I, фиг. 6-й. По общему характеру и нѣкоторымъ деталямъ, этотъ идолъ значительно отличается отъ типичныхъ чудскихъ и, напротивъ того, приближается къ описаннымъ нами выше вогульскимъ идоламъ. На то-же указываетъ, повидимому, медвѣжья шкура на головѣ фигуры, такъ какъ культъ медвѣдя, какъ мы знаемъ, особенно развитъ у представителей угорскаго племени. Идолъ найденъ на берегу Камы, въ с. Усть-Гаревскомъ, лежащемъ не далѣе 50 верстъ отъ впаденія р. Сылвы въ Чусовую, гдѣ, какъ уже замѣчено, жили Остяки еще въ XV столѣтіи.

Такой-же угорскій характеръ имѣетъ, по нашему мнѣнію, и описанный выше идолъ изъ коллекціи графа Строганова, рисунокъ котораго помѣщенъ въ атласѣ г. Аспелина подъ № 299**). Отличаясь какъ отъ чудскихъ, такъ и извѣстныхъ намъ вогульскихъ идоловъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что руки и ноги его представлены рельефными, онъ въ остальномъ подходитъ однакоже гораздо ближе къ послѣднимъ, почему и долженъ быть отнесенъ къ числу угорскихъ идоловъ.

*) Описаніе Березовскаго края, стр. 343.

***) Antiquités. Liv. I, стр. 68.

При этомъ случаѣ считаю умѣстнымъ сказать еще нѣсколько словъ и о другомъ, упомянутомъ выше, совершенно подобномъ-же идолѣ, найденномъ въ Костромской губерніи, на берегу Галичскаго озера, вмѣстѣ съ фигурой животнаго, похожаго на ящера нашихъ чудскихъ идоловъ. Фактъ нахождения одного предмета, вдали отъ мѣстъ нахождения подобныхъ ему, конечно, еще ничего не доказываетъ, такъ какъ онъ могъ попасть туда совершенно случайнымъ образомъ. Но если задаться вопросомъ, слѣдуетъ-ли считать обоихъ идоловъ, т. е. какъ пермскаго, такъ и найденнаго въ Костромской губерніи, угорскими или мерянскими, то я полагаю болѣе правильнымъ рѣшить его въ пользу угорскаго происхожденія обоихъ идоловъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) не смотря на то, что графомъ А. С. Уваровымъ и г. Савельевымъ было разрыто до восьми тысячъ Мерянскихъ кургановъ, другихъ подобныхъ, и вообще металлическихъ идоловъ въ Мерянской землѣ болѣе не найдено; 2) галичскій идолъ былъ найденъ, вмѣстѣ съ другими бронзовыми (мѣдными?) предметами, не въ курганѣ, а въ видѣ клада, что указываетъ отчасти на ихъ случайное появленіе въ сказанной мѣстности, и 3) фигура ящера, найденная вмѣстѣ съ галичскимъ идоломъ, также свидѣтельствуетъ въ пользу его угорскаго происхожденія. Во всякомъ-же случаѣ, появленіе на дальнемъ западѣ идола угорскаго типа весьма любопытно тѣмъ болѣе, что съ нимъ найдены только бронзовые (мѣдные) предметы, почему онъ и отнесенъ г. Аспелинымъ*), подобно своему пермскому двойнику, къ бронзовому вѣку.

Къ числу чудскихъ идоловъ, значительно уклоняющихся отъ обычныхъ типовъ, принадлежитъ серебряный всадникъ, изображенный на табл. III, фиг. 1-й. Какъ уже замѣчено при его описаніи, совершенно подобный-же идолъ, но изъ бронзы и сидящій на конѣ, снабженномъ крыльями, найденъ въ Вятской губерніи, около городища Донды-Кара. Оба идола, уже по способу изображенія въ видѣ всадника, стоятъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ и потому объяснить ихъ значеніе, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, очень трудно. Тѣмъ не менѣе замѣчу, что если-бы упомянутый выше сынъ угорскаго Яныхъ-Торыма, Миръ-суснэ-хумъ, объѣзжающій каждую ночь землю, оказался имѣющимъ нѣчто общее съ луною, то нашъ серебряный идолъ могъ-бы считаться, какъ по своему общему виду (круглое лицо и проч.), такъ и по нѣкоторымъ деталямъ (крылатый конь у вятскаго экземпляра), весьма удачнымъ его изображеніемъ.

Обращаясь затѣмъ къ изображеніямъ чудскихъ божествъ, принадлежащихъ къ наиболѣе распространеннымъ типамъ, мы рассмотримъ, прежде всего группу идоловъ, которая характеризуется присутствіемъ драконовъ и ящеровъ.

При первомъ взглядѣ на нѣкоторыхъ идоловъ этой группы (табл. I, фиг. 1, табл. II, фиг. 2, 3, 5 и 7), можно подумать, что они представляютъ

*) Antiquités. Liv. I, стр. 67.

существа вполне челоѣкообразныя и мало отличающіяся отъ обыкновенныхъ людей. Въ особенности тройные идолы, одинъ изъ которыхъ изображенъ на табл. III, фиг. 7-й, представляютъ, повидимому, цѣлыя семейства челоѣкообразныхъ существъ, такъ какъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ можно отличить фигуры мужскаго и женскаго пола. Поэтому челоѣкообразные идолы этого типа могли-бы, повидимому, изображать близкихъ къ челоѣку антропоморфныхъ боговъ, въ родѣ пермяцкихъ Вэрысь-мортовъ и Ваись-мортовъ. Но, съ другой стороны, мы видѣли, что только что названныя пермяцкія божества, какъ указываетъ уже приставка къ ихъ имени—морть (челоѣкъ), представляются Пермьку не только челоѣкообразными, но и вполне матеріальными: они вполне похожи на людей, нуждаются въ одеждѣ и пищѣ и т. д. Кромѣ того, обстановка ихъ, насколько она выясняется изъ пермяцкихъ сказокъ и легендъ, также почти не отличается отъ челоѣческой и не имѣется никакихъ признаковъ того, чтобы въ распоряженіи мортовъ находились какія-либо особыя, сверхъестественныя существа. Напротивъ того, всматриваясь въ чудскихъ идоловъ этой группы, нельзя не замѣтить, что чудскіе мастера не имѣли, повидимому, намѣренія представить въ нихъ существа, вполне матеріальныя и во всемъ похожія на челоѣка. На это указываетъ уже то, что многіе существенные органы, какъ напримѣръ ротъ, а иногда и все тѣло божества (напримѣръ табл. III, фиг. 3), кажутся мастеру несущественными, а потому только намѣчаются на изображеніи, а иногда и совсѣмъ отсутствуютъ. Затѣмъ, челоѣческія лица этихъ идоловъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они представляютъ несомнѣнно существа мужскаго пола, изображаются безбородыми, что, быть можетъ, показываетъ, что для боговъ понятія о возрастѣ не существуетъ. Точно также предполагалось, повидимому, что божества этой группы нечувствительны къ вліянію погоды, такъ какъ они всегда изображаются голыми, что, при суровости климата, въ которомъ жили чудскіе мастера, едва-ли можно объяснить случайностію. Наконецъ, какъ мы видѣли выше, разсматриваемыя божества окружаются фантастическими существами, которыхъ мы назвали драконами и ящеромъ. Рѣшить, что означаютъ эти существа, довольно трудно; возможно, что они должны были свидѣтельствовать о могуществѣ (большая пасть драконовъ) изображаемаго божества, его способности передвигаться по воздуху (крылатые драконы), двигаться одинаково легко по водѣ и сушѣ (земноводное—ящеръ) и т. д. Но возможно также, что это были баснословныя существа, которыя, согласно соотвѣтствующей легендѣ, постоянно окружали эти божества и находились въ ихъ распоряженіи. Какъ-бы то ни было, но указанныя только что подробности въ изображеніи идоловъ съ дракономъ и ящеромъ даютъ основаніе предполагать, что идолы этой группы представляютъ божества не вполне челоѣкообразныя и, во всякомъ случаѣ, стоявшія выше пермяцкихъ Вэрысь, Ваись и другихъ мортовъ.

Совершенно отдѣльную, и при томъ, своеобразную группу представляютъ, повидимому, птицевидные идолы, изъ коихъ нѣкоторыя изобра-

жены на прилагаемой табл. II-й. Насколько намъ извѣстно, въ религіозныхъ повѣрьяхъ и сказкахъ нынѣшнихъ Коми-Пермяковъ, а также въ языческихъ вѣрованіяхъ весьма близкихъ къ нимъ Вотяковъ, нѣтъ никакихъ летающихъ божествъ, съ которыми можно было-бы сравнивать этихъ идоловъ; поэтому обратимся къ тому, что намъ извѣстно въ этомъ отношеніи изъ религіи потомковъ древней Югры—Вогуловъ и Остяковъ.

Въ началѣ нашей статьи мы привели нѣсколько соображеній относительно той послѣдовательности, въ которой развились, по всей вѣроятности, изображенія баснословныхъ людей и животныхъ, представляющихъ, какъ замѣтилъ еще проф. Ешевскій, характеристическую особенность пермской почвы. При этомъ мы высказали, между прочимъ, предположеніе, что птицевидные идолы предшествовали появленію человѣкообразныхъ фигуръ и развились, въ свою очередь, изъ изображеній баснословныхъ животныхъ, представлявшихъ простую смѣсь признаковъ птицъ и звѣрей. Но если наше предположеніе вѣрно, т. е., если птицевидные идолы предшествовали человѣкообразнымъ, то это еще не значитъ, что первые были замѣнены послѣдними. Напротивъ того, многія данныя изъ миѳологіи Угровъ показываютъ, что идолы въ видѣ птицъ далеко пережили періодъ появленія идоловъ въ видѣ человѣка и продолжали существовать, на ряду съ послѣдними, до позднѣйшаго времени. Въ подтвержденіе этого укажемъ на описаннаго выше Мѣднаго гуся, бывшаго, еще въ началѣ прошлаго вѣка, однимъ изъ главныхъ или, какъ выражается Новицкій, первоначальныхъ остяцкихъ идоловъ. Кромѣ того, припомнимъ, что, по разсказу того-же Новицкаго, во время сожженія идола Обскаго старика, многіе изъ присутствовавшихъ при томъ Остяковъ „притвориша себѣ видѣти отъ пламене подобіемъ лебедя излѣтѣвшаго“. Это замѣчаніе автора „Краткаго описанія“ любопытно, по нашему мнѣнію, въ двухъ отношеніяхъ: оно показываетъ, во-первыхъ, что Остяки, еще въ началѣ прошлаго столѣтія, были склонны воображать себѣ божество въ видѣ птицы и, во-вторыхъ, что одно и то-же божество могло являться въ весьма различныхъ видахъ. На послѣднее указываетъ также сообщеніе г. Гондатти, который говоритъ, что нынѣшніе инородцы (Угры?) приобрѣтаютъ иногда отъ Русскихъ и Зырянъ деревянные игрушки и признаютъ ихъ за изображенія своихъ боговъ „въ настоящемъ ихъ видѣ или въ томъ, какой они иногда принимаютъ, являясь на землю, и какой у нихъ былъ въ то время, когда они боролись между собой и съ разными богатырями и великанами“*). Приведенныя данныя показываютъ, что угорскіе боги могли принимать, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма различный видъ, являясь то въ видѣ человѣка, то въ видѣ птицы и т. д. Поэтому я позволю себѣ высказать догадку, что и описанные выше птицевидные идолы представляютъ не особыя божества, существовавшія въ миѳахъ Пермской Чуди

*) Предварительный отчетъ, стр. 185.

исключительно въ видѣ птицъ, а метаморфозъ боговъ, т. е. извѣстную форму, которую могли принимать различные божества.

Къ тому-же убѣжденію приводитъ насъ сравненіе птицевиднаго идола съ тремя головами, изображеннаго на табл. II, фиг. 6-й, съ человѣкообразными идолами, состоящими изъ трехъ фигуръ (см. табл. III, фиг. 7-я). Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если-бы птицевидные идолы, снабженные тремя головами, не должны были представлять божество, состоящее изъ трехъ отдѣльныхъ существъ, то самая мысль изобразить такую птицу была-бы крайне странною. Но болѣе всего убѣждаютъ насъ въ аналогичности обоихъ, указанныхъ выше, идиоловъ головы драконовъ, которыя занимаютъ значительную часть нижней поверхности птицевиднаго идола и совершенно похожи на такія-же головы, изображаемыя на человѣкообразныхъ идолахъ. Значеніе этихъ головъ въ обоихъ случаяхъ, очевидно, одно и то-же, а по птицевидному идолу можно догадываться, что они имѣютъ вообще аллегорическое значеніе, такъ какъ головъ изображено столько, сколько позволило мѣсто. Поэтому возможно, что головы драконовъ, по крайней мѣрѣ на трехголовомъ птицевидномъ идолѣ, должны означать могущество и славу божества, подобно тому, какъ расположенныя по сторонамъ лица крѣпкія лапы, напоминающія ноги орла, выражаютъ, вѣроятно, его грозный характеръ. Нѣкоторое сомнѣніе въ аналогичности тройныхъ человѣкообразныхъ идиоловъ, изображаемыхъ съ драконами и ящеромъ, съ трехголовыми птицевидными идолами, вызываетъ только то обстоятельство, что человѣческія фигуры, входящія въ составъ первыхъ, какъ мы видѣли, могутъ быть различнаго пола. Тѣмъ не менѣе, изображеніе тройныхъ идиоловъ окруженными, какъ-бы рамкою, фигурами драконовъ и ящера показываетъ, по нашему мнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тремя, нераздѣльно соединенными другъ съ другомъ, существами.

Во всякомъ случаѣ, фактъ находенія между идолами Пермской Чуди изображеній божества, состоящаго изъ трехъ существъ и изображаемаго въ видѣ птицы съ тремя головами, долженъ быть признанъ весьма любопытнымъ.

Исходя изъ высказаннаго выше предположенія, т. е. что птицевидные идолы съ тремя головами представляютъ не особое божество, а только метаморфозъ божества, изображавшагося въ видѣ тройнаго идола, слѣдуетъ признать, что и прочіе птицевидные идолы, изображавшіеся съ двумя, но чаще съ одною головой, должны также соответствовать человѣкообразнымъ идоламъ, состоящимъ изъ двухъ или одной фигуры. Но при описаніи чудскихъ идиоловъ мы уже замѣтили, что двойныхъ идиоловъ, окруженныхъ дракономъ и ящеромъ, до сихъ поръ не найдено, а потому рѣшить вопросъ о томъ, существовали-ли у Пермской Чуди идолы, вполне соответствующіе двухголовымъ птицамъ, пока еще нельзя. Что-же касается до птицевидныхъ идиоловъ съ одною головой, то они встрѣчаются, какъ и человѣкообразные, состоящіе изъ человѣческой фигуры съ драконами и ящеромъ, вообще чаще другихъ и нерѣдко рядомъ въ одномъ и томъ-же мѣстонаходеніи. Такъ,

человѣкообразный идолъ, изображенный на табл. III, фиг. 3-й, и птицевидный—на табл. II, фиг. 1-й—найлены одновременно и на одномъ мѣстѣ, а именно въ чудскомъ селищѣ на р. Ломоватовкѣ, Слудской волости, Пермскаго уѣзда.

Труднѣе, повидимому, объяснить значеніе тѣхъ птицевидныхъ идоловъ, на груди которыхъ, вмѣсто лица или фигуры человѣка, находится изображеніе птицы или звѣря, а иногда и двухъ фигуръ, на примѣръ—человѣка и коня. Изъ помѣщеннаго въ первой части нашей статьи описанія птицевидныхъ идоловъ видно, что, кромѣ изображенной на табл. 2-й птицы съ лошадыю, въ моей коллекціи имѣются еще два подобныхъ идола: одинъ съ изображеніемъ на груди гуся, а другой—звѣрька въ видѣ соболя, а также идолъ въ видѣ птицы, на груди котораго изображенъ человѣкъ, стоящій на конѣ. Но мы видѣли выше, что между изображеніями угорскихъ боговъ, которыя описаны Новицкимъ и другими писателями, встрѣчались не только человѣкообразные идола, но и фигуры животныхъ, связки въ видѣ мѣшка и т. д.; поэтому весьма возможно, что упомянутая выше птица, съ изображеніемъ на груди полной фигуры гуся, могла представлять божество въ родѣ Мѣднаго Гуся Остяковъ, и даже его самого, на примѣръ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ, „летая невидимо по мѣстьцахъ веселія исполненныхъ и видѣнія пріятныхъ вся покараша подѣ область свою птицы“. Подобное-же значеніе могъ имѣть птицевидный идолъ съ изображеніемъ соболя, который имѣлъ, несомнѣнно, всѣ права на особое вниманіе Чуди, а также изображенный у насъ идолъ съ лошадыю на груди (табл. II, фиг. 2-я), такъ какъ, по замѣчанію г. Гондатти, у нмнѣшнихъ Угровъ особенно почитается изображеніе коня, какъ животнаго, на которомъ Мирь-суснэ-хумъ объѣзжаетъ каждую ночь землю. Что-же касается до птицы съ изображеніемъ на груди человѣка, стоящаго на конѣ, то она могла соотвѣтствовать божеству въ родѣ только что упомянутаго сына Яныхъ-Торыма, или-же идолу въ видѣ всадника, изображенному у насъ на табл. III, фиг. 1-й.

На табл. II находятся еще изображенія двухъ идоловъ: изъ нихъ одинъ (фиг. 4) представляетъ двѣ стоящія рядомъ фигуры, одну мужскаго и другую женскаго пола, а другой—женщину, держащую между колѣнами ребенка; но останавливаться на этихъ идолахъ мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что идоловъ перваго типа мнѣ извѣстно только три экземпляра, а втораго всего одинъ. Замѣчу только, что изображеніе боговъ съ дѣтьми не было чуждо древнимъ Уграмъ, такъ какъ знаменитая Золотая Баба, по словамъ Гваньбини, была также изображена съ двумя младенцами.

Намъ остается еще сдѣлать попытку къ объясненію назначенія тѣхъ бронзовыхъ фигуръ, которыя изображены у насъ на табл. I и представляютъ, по нашему мнѣнію, баснословныхъ животныхъ (фиг. 3 и 4) и группы, объясняющія происхожденіе послѣднихъ (фиг. 2 и 5). Въ числѣ пермскихъ древностей встрѣчаются, какъ извѣстно, въ особенно значительномъ количествѣ, бронзовые и мѣдные предметы, предназначавшіеся для привѣщи-

ванія или прикрѣпленія къ какому нибудь мягкому матеріалу, какъ напри- мѣръ, кожѣ. Назначеніе значительнаго числа этихъ предметовъ остается до сихъ поръ темнымъ, такъ какъ выяснитъ его вполне можно было-бы только на основаніи раскопокъ чудскихъ могилъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, а также путемъ изученія металлическихъ украшеній, употребляемыхъ нынѣш- ними инородцами. Тѣмъ не менѣе уже теперь можно сказать, что одни изъ этихъ предметовъ служили для украшенія мужскаго и женскаго костюма, другіе для украшенія сѣдель и т. д. Что-же касается до изображенныхъ на табл. I фигуръ, то, по нашему мнѣнію, ключъ къ объясненію ихъ зна- ченія даетъ намъ костюмъ якутскаго шамана, который былъ выставленъ на Екатеринбургской научно-промышленной выставкѣ 1887 года. Костюмъ этотъ былъ присланъ изъ Восточной Сибири, вмѣстѣ со спискомъ находив- шихся на немъ желѣзныхъ привѣсокъ, въ которомъ каждый предметъ былъ объясненъ со словъ шамана, пожелавшаго однако-же остаться неизвѣстнымъ. Правда, объясненія эти само по себѣ были вообще неудовлетворительны, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: такъ, относительно фигуры водя- ной птицы было сказано: „гагара, которая нырнула съ шаманомъ въ про- рубъ“, или о фигурѣ земноводнаго, въ родѣ короткохвостой ящерицы съ очень длинною шеей: „Чертова кукла, лежитъ на сердцѣ шамана, но что она означаетъ—не рѣшится открыть ни одинъ шаманъ“ и т. д. Но не смотря на неудовлетворительность этихъ объясненій, они показываютъ, что изобра- женія животныхъ на костюмѣ шамана не представляютъ простыхъ побря- кушекъ, а имѣютъ въ его глазахъ извѣстное символическое значеніе, объ- ясняющееся религіозными мифами и легендами. Поэтому, въ виду такого-же характера изображенныхъ на табл. I, фиг. 2—5 предметовъ, мы считаемъ себя въ правѣ предположить, что они служили для той-же цѣли, т. е. укра- шали нѣкогда костюмы чудскихъ шамановъ.

По всей вѣроятности, тоже назначеніе имѣли и многіе изъ изображен- ныхъ у насъ идоловъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ снабжена про- рѣзями (идолы на таб. III), или же спеціальными приспособленіями для подвѣшиванія, въ видѣ дырочекъ или петелекъ (птицы на таб. II), а одинъ идолъ—серебряный всадникъ, даже сохранилъ явные слѣды продолжитель- наго ношенія. Кромѣ того, такое назначеніе подтверждается и слѣдующими словами г. Гондатти: „При раскопкахъ старыхъ могилъ (въ Западной Сибири) приходилось находить маленькія литыя изображенія фигуръ—человѣческихъ, птичьихъ и какихъ то звѣриныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя извѣстны подъ названіемъ чудскихъ и которыя въ большомъ количествѣ находятся также въ Приуральскомъ краѣ, въ особенности въ сѣверной его части“*).

---

*) Н. Л. Гондатти. Предв. отчетъ, 185.

Заканчивая свою статью, я позволю себѣ высказать нѣсколько соображеній относительно того значенія, какое могутъ имѣть изложенныя выше данныя для рѣшенія вопроса о томъ, къ какой группѣ Финнскаго племени, пермской или угорской, принадлежала Пермская Чудь?

Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда письменныхъ извѣстій объ интересующей насъ народности не сохранилось, или же они оказываются крайне недостаточными, остаются, какъ извѣстно, два главныхъ способа изслѣдованія: *археологическій*, состоящій въ сравнительномъ изученіи вещественныхъ памятниковъ, случайно оставшихся отъ несуществующаго уже народа, и *лингвистическій*, основанный на такомъ же изслѣдованіи словъ, перешедшихъ къ настоящимъ обитателямъ края отъ первыхъ его насельниковъ. Послѣдній изъ методовъ изслѣдованія былъ примѣненъ къ интересующему насъ вопросу проф. И. Н. Смирновымъ въ его монографіи о Пермскихъ и привелъ его, какъ мы видѣли выше, къ заключенію, что въ сѣверо-западной части Пермской губерніи Чудь русскихъ актовъ и народныхъ преданій тождественна съ нынѣшними ея обитателями—Пермяками на западѣ и Уграми на востокѣ.

Второй способъ—археологическій—состоитъ, какъ извѣстно, въ изученіи вещественныхъ памятниковъ, сохранившихся на территоріи, которая была нѣкогда обитаема изучаемою народностію, а именно—остатковъ самаго человѣка (его скелета), возведенныхъ имъ сооруженій (земляныхъ укрѣпленій и пр.) и, наконецъ, различныхъ предметовъ его обстановки (оружія, принадлежностей костюма, утвари и пр.). Изъ перечисленныхъ вещественныхъ памятниковъ самый цѣнный матеріалъ, по крайней мѣрѣ для опредѣленія народности несуществующаго уже племени, представляютъ, несомнѣнно, остатки самаго человѣка, и преимущественно его черепъ; но къ сожалѣнію, этотъ способъ изслѣдованія примѣнимъ далеко не во всѣхъ случаяхъ, такъ какъ не всегда возможно имѣть достаточный краниологическій матеріалъ, а въ нѣкоторыхъ, какъ въ нашемъ, такого матеріала совсѣмъ не существуетъ. Что же касается до изслѣдованія другихъ вещественныхъ памятниковъ, сохранившихся отъ исчезнувшаго, повидимому, народа, то такое изслѣдованіе можетъ дать болѣе или менѣе удовлетворительные результаты только относительно его культурной обстановки, торговыхъ сношеній и т. д.; на вопросы же о народности исчезнувшаго племени такіе памятники, не даютъ, въ большинствѣ случаевъ, никакого отвѣта.

Поэтому слѣдуетъ признать счастливою случайностію, что Пермская Чудь, которой очевидно было вполне доступна добыча и обработка металловъ, оставила намъ, между различными вещественными памятниками, металлическія изображенія своихъ боговъ и другихъ баснословныхъ существъ. Благодаря этой случайности, мы имѣемъ рѣдкій случай заглянуть въ область духовнаго творчества исчезнувшаго въ исторіи народа и, составивъ себѣ нѣкоторое понятіе о его воззрѣніяхъ на сверхъестественное въ природѣ, срав-

нить эти возрѣнія съ аналогическими представленіями и вѣрованіями народовъ, существующихъ до настоящаго времени.

Впрочемъ, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ заключеніямъ, которыя вытекаютъ изъ изложенныхъ выше данныхъ и соображеній, считаю нелишнимъ замѣтить, что, приступая къ спеціальному изученію древностей, послужившихъ матеріаломъ для настоящей статьи, я былъ почти увѣренъ въ тождествѣ Пермской Чуди съ нынѣшними Коми—Пермяками. Кромѣ различныхъ соображеній, доказывавшихъ, повидимому, что Пермяки всегда занимали обитаемая ими до настоящаго времени мѣста, упомянутое выше изслѣдованіе проф. И. Н. Смирнова, основанное на историческихъ и лингвистическихъ данныхъ, не оставляло, казалось, въ томъ никакого сомнѣнія. Однакоже сличеніе описанныхъ выше чудскихъ идоловъ съ вогульскими, а также сравненіе ихъ и того, что намъ извѣстно о религіи древнихъ и нынѣшнихъ Коми, съ аналогичными данными изъ религіи угорскихъ племенъ показало вскорѣ, что вопросъ о народности Пермской Чуди не можетъ еще считаться рѣшеннымъ окончательно.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ изложенныхъ выше данныхъ и соображеній вытекаютъ, по моему мнѣнію, слѣдующія заключенія:

У Пермской Чуди были идолы высшихъ божествъ съ лицомъ, покрытымъ серебряною пластинкой, подобные остяцкимъ идоламъ Мастерка и Ортика.

Серебряныя блюда и тарелки восточнаго происхожденія, находимыя на территоріи Пермской Чуди, были принадлежностью такихъ же идоловъ, какъ это доказывается описанными выше изображеніями остяцкихъ боговъ. На то-же указываетъ начерченная Чудью на одномъ изъ такихъ блюде сцена, имѣющая несомнѣнно остяцкій характеръ.

Чудскіе бронзовыя и мѣдныя идолы, какъ человѣкообразныя, такъ и имѣющіе видъ птицъ, частью очень близки къ находимымъ въ восточной части Пермской губерніи, несомнѣнно вогульскимъ, слѣдовательно угорскимъ идоламъ, въ другихъ же случаяхъ аналогичны имъ. Сказанное подтверждается также изображеніями баснословнаго животнаго, названнаго нами ящеромъ, которыя встрѣчаются какъ на наиболѣе типичныхъ чудскихъ идолахъ, такъ и между идолами въ восточной части Пермской (вогульскими) и въ Тобольской (остяцкими) губерніяхъ.

Если птицевидные идолы Пермской Чуди, какъ мы это предполагаемъ, представляютъ дѣйствительно метаморфозъ человѣкообразныхъ божествъ, то это несомнѣнно указываетъ на угорскій характеръ тѣхъ и другихъ. Съ другой стороны, въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы имѣемъ о вѣрованіяхъ и идолахъ древнихъ Пермянъ и нынѣшнихъ Пермяковъ, не встрѣчается никакихъ указаній на птицевидныхъ идоловъ или вообще на летающія существа.

По многочисленности изображеній медвѣдя, встрѣчающихся между чудскими древностями, при чемъ онъ изображается иногда въ видѣ идола,

можно заключить, что у Пермской Чуди культъ этого животнаго былъ развитъ въ той же степени, до которой онъ дошелъ у угорскихъ племенъ. Въ преданіяхъ же и сказкахъ Пермяковъ медвѣдю придается только то значеніе, которое онъ имѣетъ въ сказаніяхъ большинства сѣверныхъ народовъ.

Къ сказанному можно прибавить, что у нынѣшнихъ Пермяковъ, даже наименѣе обрусѣвшихъ, отъ культа растений остались только слѣды, а культа деревьевъ не существуетъ совсѣмъ. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ прикамскихъ мѣстностяхъ, среди вполне обрусѣвшаго населенія, сохранились до сихъ поръ признаки культа деревьевъ, подобнаго тому, который мы видѣли у Угровъ*).

Все это показываетъ, по нашему мнѣнію, что религія Пермской Чуди была весьма близка къ религіи Югры, представителями которой являются современные намъ Остяки и Вогулы.

Къ сожалѣнію, выводъ этотъ ослабляется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ мы видѣли выше, письменные источники и вѣрованія нынѣшнихъ Пермяковъ даютъ намъ только скудный матеріаль о языческой религіи древнихъ и нынѣшнихъ Коми, т. е. Зырянъ и Пермяковъ. Что касается первыхъ, т. е. древнихъ Пермлянъ, среди которыхъ проповѣдывалъ св. Стефанъ Пермскій, то, какъ уже замѣчено выше, всѣ данныя объ ихъ вѣрованіяхъ даютъ право думать, что религія современныхъ пермскому апостолу Зырянъ ничѣмъ не отличалась отъ религіи Югры, а то, что мы знаемъ объ ихъ главныхъ идолахъ, Золотой Бабѣ и Войпелѣ, прямо указываетъ на принадлежность этихъ идоловъ той же Югрѣ.

Въ виду только что сказаннаго представляется возможнымъ, что во времена св. Стефана, религіозныя вѣрованія Зырянъ уже слились или даже подчинились религіознымъ воззрѣніямъ Югры, подобно тому, какъ мы видѣли это у Остяковъ, живущихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Самоѣдами. Поэтому возможно предположеніе, что, уже во времена св. Стефана, предки нынѣшнихъ Зырянъ имѣли другую религію, чѣмъ южные ихъ родичи, жившіе въ Великой Перми, т. е. предки нынѣшнихъ Пермяковъ. Но и религія послѣднихъ, насколько она сохранилась въ ихъ повѣрьяхъ и сказкахъ, не даетъ намъ никакихъ данныхъ къ объясненію чудскихъ идоловъ, такъ какъ мы не находимъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Пермяковъ ничего такого, что отличало бы ихъ достаточно отчетливо отъ соотвѣтствующихъ воззрѣній Угровъ. Что же касается до человѣкообразныхъ божествъ Пермяковъ, то, какъ мы уже сказали, по своему характеру и матеріальности, они едва ли могли быть изображаемы въ видѣ идоловъ, подобныхъ разсмотрѣннымъ нами выше Чудскимъ.

Но если древніе Пермяне временъ св. Стефана могли принять религію сосѣдней съ нею Югры, то предполагать, что Пермская Чудь, обитавшая въ

---

*) См. Народное празднество «Три Елочки» въ Богородской вол. Пермск. уѣзда. Пермскій Край. Томъ I, стр. 138.

бассейнѣ р. Камы въ теченіи многихъ столѣтій, также имѣла чуждую ей религію, нѣтъ никакихъ основаній. Вслѣдствіе того, а также въ виду высказаннаго нами выше убѣжденія, что Пермская Чудь могла принадлежать только къ пермской или угорской группѣ, а не къ обѣимъ одновременно, приходится допустить, что народъ, который мы называемъ этимъ именемъ, принадлежалъ къ послѣдней, т. е. къ угорской группѣ финскихъ племенъ.

Всказавъ это предположеніе, я вполне признаю, что противъ него могутъ быть сдѣланы серьезныя возраженія. Первымъ и самымъ существеннымъ обстоятельствомъ, исключаяющимъ, повидимому, возможность такого вывода, являются многочисленныя географическія названія, встрѣчающіяся въ мѣстностяхъ, населенныхъ до настоящаго времени Пермскими и изобилующихъ, въ тоже время, чудскими памятниками различнаго рода. Значительная часть этихъ названій, рассмотрѣнная проф. И. Н. Смирновымъ въ своемъ трудѣ о Пермскихъ, оказалась принадлежащею языку Коми и свидѣтельствуется, повидимому, о томъ, что первыми и исконными жителями края были Коми—Пермяки.

Не будучи знакомъ съ финскими языками и не имѣя, вслѣдствіе того, возможности слѣдовать за почтеннымъ профессоромъ въ его лингвистическихъ изысканіяхъ, я позволю себѣ тѣмъ не менѣе привести нѣсколько соображеній, которыя какъ будто указываютъ на то, что въ Пермскомъ краѣ могли обитать нѣкогда и Финны угорской группы.

Въ мѣстностяхъ, занятыхъ Пермскими, и въ особенности въ Иньвенскомъ краѣ, т. е. сѣверо-западной части Соликамскаго уѣзда, дѣйствительно встрѣчаются на каждомъ шагу географическія названія, которыя прямо составлены изъ словъ пермяцкаго языка. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя особое вниманіе названія рѣкъ и рѣчекъ, изъ которыхъ первыя кончаются всегда на *ва* (что значитъ—вода), а вторыя на *шор* или *шер* (рѣчка), какъ напр.: Иньва, Юсьва, Велва, Гадья-шеръ, Кань-шоръ и т. д. и которыя представляютъ, несомнѣнно, чисто пермяцкія названія. Но въ составъ нѣкоторыхъ другихъ названій рѣкъ и рѣчекъ, также оканчивающихся на обычные *ва* и *шер*, входятъ слова, которыя, по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ пермяцкомъ языкѣ не употребляются; поэтому можно было бы предполагать, что эти, непонятныя для Пермскаго, слова могутъ быть взяты изъ другаго языка, какъ напр. въ данномъ случаѣ изъ одного изъ угорскихъ нарѣчій, и только снабжены пермяцкимъ окончаніемъ. Такое предположеніе кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что одинъ изъ специалистовъ по изученію финскихъ языковъ, Д. П. Европеусъ*), даетъ 36 угорскихъ окончаній географическихъ названій, между которыми встрѣчаются также *ва* (ваз)—вода и *шера*—рѣчка; но проф. И. Н. Смирновъ принимаетъ слова *ва* и *шер*

---

*) Д. П. Европеусъ. Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи, до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. СПб. 1874 г. стр. 12.

за характерныя для пермяцкихъ названій рѣкъ и рѣчекъ, а соединенныя съ ними иногда непонятныя слова—за имена собственныя. Въ виду такого разнорѣчія въ мнѣніяхъ названныхъ ученыхъ, я не рѣшаюсь дѣлать въ данныхъ случаяхъ какіе либо выводы и ограничусь только указаніями на существованіе въ литературѣ того и другаго мнѣнія.

Но въ трудѣ г. Смирнова о Пермьакахъ мы находимъ одно любопытное объясненіе, которое можетъ быть, повидимому, примѣнено и къ отсутствію въ Пермьакомъ краѣ географическихъ названій угорскаго происхожденія*). Именно, говоря о томъ, что географическія названія принадлежащія пермяцкому языку, встрѣчаются также за Ураломъ, въ Западной Сибири, проф. И. Н. Смирновъ замѣчаетъ, что „мѣстныя названія, при всей своей импозантности, еще не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія“. Дѣло въ томъ, что текущія съ Урала въ Сибирь рѣки имѣютъ двойкія названія: исконныя угорскія и кромѣ того зырянскія, изъ которыхъ въ русскій языкъ перешли послѣднія, такъ какъ первые Русскіе шли за Уралъ, несомнѣнно, по зырянскимъ дорогамъ и съ зырянскими проводниками. Такимъ образомъ, мы видимъ въ данномъ случаѣ примѣръ, что Коми—Зыряне, представлявшіе относительно Угровъ пришлое населеніе, не усвоили себѣ мѣстныхъ названій послѣднихъ, а дали рѣкамъ, горамъ и пр. названія на своемъ языкѣ, что могло имѣть мѣсто и при заселеніи Коми—Пермяками ихъ нынѣшнихъ мѣстъ жительства, тѣмъ болѣе, что они застали на нихъ тѣхъ же Угровъ.

Въ пользу того же предположенія, а именно, что Пермьаки не представляютъ аборигеновъ занимаемаго ими въ настоящее время края, можно привести еще и нѣкоторыя другія соображенія.

Такъ въ трудѣ проф. Смирнова, въ которомъ прекрасно охарактеризованы міровоззрѣніе и культурная обстановка Пермьаковъ, мы находимъ весьма убѣдительные доводы въ пользу того, что Пермьаки, до прихода Русскихъ, стояли на еще болѣе низкой степени культуры, чѣмъ на какой мы видимъ ихъ въ настоящее время. Доказательствомъ этаго можетъ служить тотъ фактъ, что главнымъ ихъ промысломъ еще въ недавнее время было звѣроловство, а скотоводство ихъ находилось, до знакомства ихъ съ Русскими, въ столь примитивномъ состояніи, что имъ не были извѣстны такія домашнія животныя, какъ овца и свинья, хотя кости той и другой встрѣчаются въ изобиліи уже въ чудскихъ костыщахъ. Точно также Пермьаки заимствовали отъ Русскихъ соху и такія понятія, какъ межа, полоса, ральникъ и пр., между тѣмъ какъ мы знаемъ, что у Пермской Чуди земледѣліе существовало въ довольно значительныхъ размѣрахъ еще въ X столѣтіи**). Вообще, въ изслѣдованіи проф. Смирнова, насколько мы можемъ

*) Впрочемъ и въ трудѣ г. Смирнова мы находимъ указаніе на то, что въ Пермьакомъ краѣ остались намеки на пребываніе въ немъ Угровъ. Такъ: одинъ изъ притоковъ р. Иньвы, около с. Купроса, называется Вогулкой. Пермьаки, стр. 109.

***) Пермскій Край, Т. I, стр. 90.

судить по личному знакомству съ Пермьяками, исторія культурнаго развитія послѣднихъ очерчена совершенно вѣрно и представляетъ намъ Пермьяка тѣмъ же скрытнымъ, угрюмымъ лѣснымъ жителемъ, которымъ онъ остается и до настоящаго времени. По крайней мѣрѣ, въ пермяцкихъ преданіяхъ не сохранилось, по видимому, никакихъ намековъ на то, чтобы этотъ народъ жилъ когда нибудь при лучшей обстановкѣ и вообще стоялъ на болѣе высокой степени развитія. Поэтому какъ-то не вѣрится, чтобы Пермьяки могли быть прямыми потомками Пермской Чуди, находившейся нѣкогда въ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ и занимавшей, во всякомъ случаѣ, въ культурномъ отношеніи гораздо высшую степень.

Съ другой стороны, нѣкоторые письменные источники XVI-го столѣтія даютъ намъ право предполагать, что явившіеся въ этомъ столѣтіи въ бассейнахъ рр. Обвы и Инвы Русскіе люди нашли эти мѣста, если не совершенно необитаемыми, то, по крайней мѣрѣ, весьма слабо населенными. Въ числѣ такихъ источниковъ первое мѣсто занимаютъ жалованныя грамоты, данныя Московскими царями членамъ рода Строгановыхъ, перешедшихъ на берега Камы изъ нынѣшней Вологодской губерніи. Такъ въ грамотѣ, данной царемъ Іоанномъ IV-мъ Григорію Строганову въ 1564-мъ году, говорится, со словъ Пермитина Кадаула, пріѣзжавшаго отъ всѣхъ Пермичъ съ данью, что по Камѣ рѣкѣ, примѣрно отъ широты нынѣшняго села Усоля до устья Чусовой, „и прежде деи сего, на томъ мѣстѣ, пашни не паханы, и дворы деи не ставливаны“*). Въ другой грамотѣ, данной царемъ Θεодоромъ Никитѣ Григорьеву Строганову въ 1597 г. на земли, лежація по правую сторону р. Камы, отъ устья р. Ласьвы до р. Ошапа, также говорится, что „берега пустыя, и лѣса дикіе, и селища чудскія заросли“**). Правда правдивость показаній Пермитина Кадаула, на которыхъ основаны первыя жалованныя Строгановымъ грамоты, относительно полного, будто-бы, отсутствія населенія на жалуемыхъ земляхъ, сильно заподозрѣны историками и, по видимому, вполнѣ основательно; тѣмъ не менѣе, допуская даже, что на земляхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и жили въ лѣсахъ какіе нибудь обитатели, не платившіе дани Москвѣ, а также находились небольшіе русскіе поселки, едва ли можно полагать, чтобы эти земли имѣли значительное осѣдлое населеніе въ родѣ того, на какое указываютъ намъ чудскіе памятники.

Почти всѣ писатели согласны въ томъ, что нынѣшніе представители угорскаго племени, Вогулы и Остяки, не всегда жили въ западной Сибири, а имѣли нѣкогда другую родину, болѣе благоприятную для ихъ культурнаго развитія. На то же указываютъ и преданія Остяковъ и Вогуловъ, въ которыхъ говорится то о борьбѣ ихъ боговъ съ великанами и пр., то о битвахъ, которыя они имѣли сами съ другими народами. Но гдѣ была эта прежняя

*) В. Н. Шишонко. Пермская Лѣтопись I, стр. 51.

***) В. Шишонко. Пермская Лѣтопись I, 121.

родина Угровъ—до сихъ поръ не выяснено и мнѣнія о томъ различныхъ ученыхъ крайне разнорѣчивы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо поражаютъ своею невѣроятностію. Такъ одинъ изъ крайнихъ представителей такъ называемой угорской теоріи, г. Европеусъ, выводитъ Угровъ изъ Африки и отмежевываетъ имъ всю среднюю и сѣверную Россію, а также Финляндію и сѣверную Скандинавію*). Поэтому, обращаясь къ болѣе достовѣрнымъ даннымъ, мы укажемъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что Угры, какъ упомянуто уже выше, занимали еще въ XV—XVII столѣтіяхъ многія мѣстности въ восточной части Вологодской губ., а въ предѣлахъ Пермской—земли по лѣвому б. Камы, въ бассейнахъ р. Чусовой и другихъ ея притоковъ; но уже со времени перваго появленія Русскихъ въ предѣлахъ древней Перми замѣчается отступленіе Угровъ къ востоку, которое повело, какъ мы знаемъ, къ совершенному почти исчезновенію ихъ съ земель, лежащихъ къ западу отъ Уральскихъ горъ; но изъ изслѣдованія проф. И. Н. Смирнова о Пермскихъ мы видимъ, что это движеніе Угровъ на востокъ началось, по всей вѣроятности, еще до начала исторіи Пермскаго края и продолжается до настоящаго времени.

Съ другой стороны, изъ того же труда проф. Смирнова видно, что народъ Коми не всегда жилъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ занимаетъ въ настоящее время. Изслѣдованіе мѣстныхъ названій показываетъ, что Коми жили въ разное время не только въ Вологодской и Вятской губерніяхъ, гдѣ часть ихъ сохранилась до настоящаго времени, но и далеко на юго-западѣ, въ бассейнахъ рр. Костромы, Вязмы и Москвы рѣки, гдѣ наша исторія застаётъ уже другія племена. Поэтому, не подлежитъ сомнѣнію, что народъ Коми, подобно Уграмъ и другимъ финскимъ племенамъ, измѣнялъ въ теченіи вѣковъ мѣста своего жительства, въ виду чего—предполагать, что одни Пермьки составляли въ этомъ отношеніи исключеніе, едва ли возможно.

Изъ изложенныхъ выше данныхъ и предположеній мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ.

Археологическія данныя, какъ мы уже замѣтили въ началѣ нашей статьи, даютъ основаніе думать, что Пермская Чудь появилась на берегахъ Камы, а также къ сѣверу отъ нея въ верховьяхъ Печоры и Сѣверной Двины, обладая уже, сравнительно, довольно высокимъ культурнымъ развитіемъ. Точно также мы высказали предположеніе, что Пермская Чудь пришла, по всей вѣроятности, съ востока, изъ за Урала, на что указываетъ сходство многихъ предметовъ, находимыхъ на мѣстахъ ея болѣе древнихъ поселеній, съ сибирскими. Поэтому мы полагаемъ, что, встрѣтивъ на берегахъ Камы благопріятныя условія для своего развитія, Пермская Чудь осѣла на нихъ, а затѣмъ распространилась по ея теченію, какъ къ югу, быть можетъ, до границъ нынѣшней Казанской губерніи, такъ и къ западу, занявъ также

*) Д. П. Европеусъ. Объ Угорскомъ народѣ.

нѣкоторыя земли въ нынѣшней Вятской губерніи. Весьма вѣроятно, что при этомъ распространеніи Чуди, она не встрѣчала серьезныхъ препятствій и, въ случаяхъ встрѣчи съ враждебными народностями, успѣшно боролась и вытѣсняла ихъ; но съ теченіемъ времени, благопріятныя условія, при которыхъ жила и развивалась Пермская Чудь въ теченіи многихъ столѣтій, измѣнились къ худшему и не только положили предѣлъ распространенію ея, но и принудили ее къ обратному движенію на востокъ. Были ли причиною этого обратнаго движенія Чуди какія нибудь враждебныя племена, пришедшія изъ другихъ мѣстъ, или усилившіеся съ теченіемъ времени сосѣди ея, мы не знаемъ, но думаемъ, что это отступленіе началось задолго до начала исторіи нашего края и происходило съ извѣстною постепенностію. Поэтому, на указанное нами выше движеніе Вогуловъ и Остяковъ, которое застали уже первые появившіеся на берегахъ Камы Русскіе, можно, по нашему мнѣнію, смотрѣть какъ на продолженіе этого передвиженія Пермской Чуди на востокъ, неокончившагося и до настоящаго времени.

Чтоже касается до южныхъ Коми—Пермяковъ, занявшихъ въ предѣлахъ Пермской губерніи земли Пермской Чуди, то мы полагаемъ, что они сами по себѣ не могли быть причиною этого движенія Пермской Чуди на востокъ. Напротивъ того, въ виду свойственной имъ малой предприимчивости и другихъ качествъ этого народца, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что онъ занималъ только земли, уже покинутыя Пермскою Чудью. Возможно даже, что наибольшая часть Пермяковъ, занимаясь звѣроловствомъ и не имѣя постоянной осѣдлости, перебралась постепенно въ нынѣшній Иньвенскій край, перейдя вятскую границу, уже послѣ пожалованія Строгановымъ земель по рр. Иньвѣ, Обвѣ и др. По крайней мѣрѣ, въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII столѣтій показано на земляхъ, на которыхъ живетъ теперь многочисленное и сплоченное пермяцкое населеніе, такъ мало жителей, что считать этихъ строгановскихъ колонистовъ предками нынѣшнихъ Пермяковъ едва-ли возможно.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что *Пермская Чудь* была *угорскимъ племенемъ*, хотя въ настоящее время мы не можемъ еще сказать, были ли то предки нынѣшнихъ Вогуловъ или Остяковъ, или же предки тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

При такомъ рѣшеніи вопроса о народности Пермской Чуди приобрѣтаютъ значеніе и слѣдующія слова Гр. Новицкаго объ Остякахъ: „Се же извѣстно есть и отъ повседнежнаго, яко сей народъ отъ Перми переселися, зане и языкъ ихъ яве творить, вси бо сіи пермскимъ глаголють нарѣчіемъ“*), причемъ, конечно, подъ пермскимъ нарѣчіемъ слѣдуетъ разумѣть не языкъ Коми—Пермяковъ, а языкъ переселившихся изъ предѣловъ древней Перми Угровъ—Остяковъ.

---

*) *Новицкій*. Краткое описаніе, стр. 27.

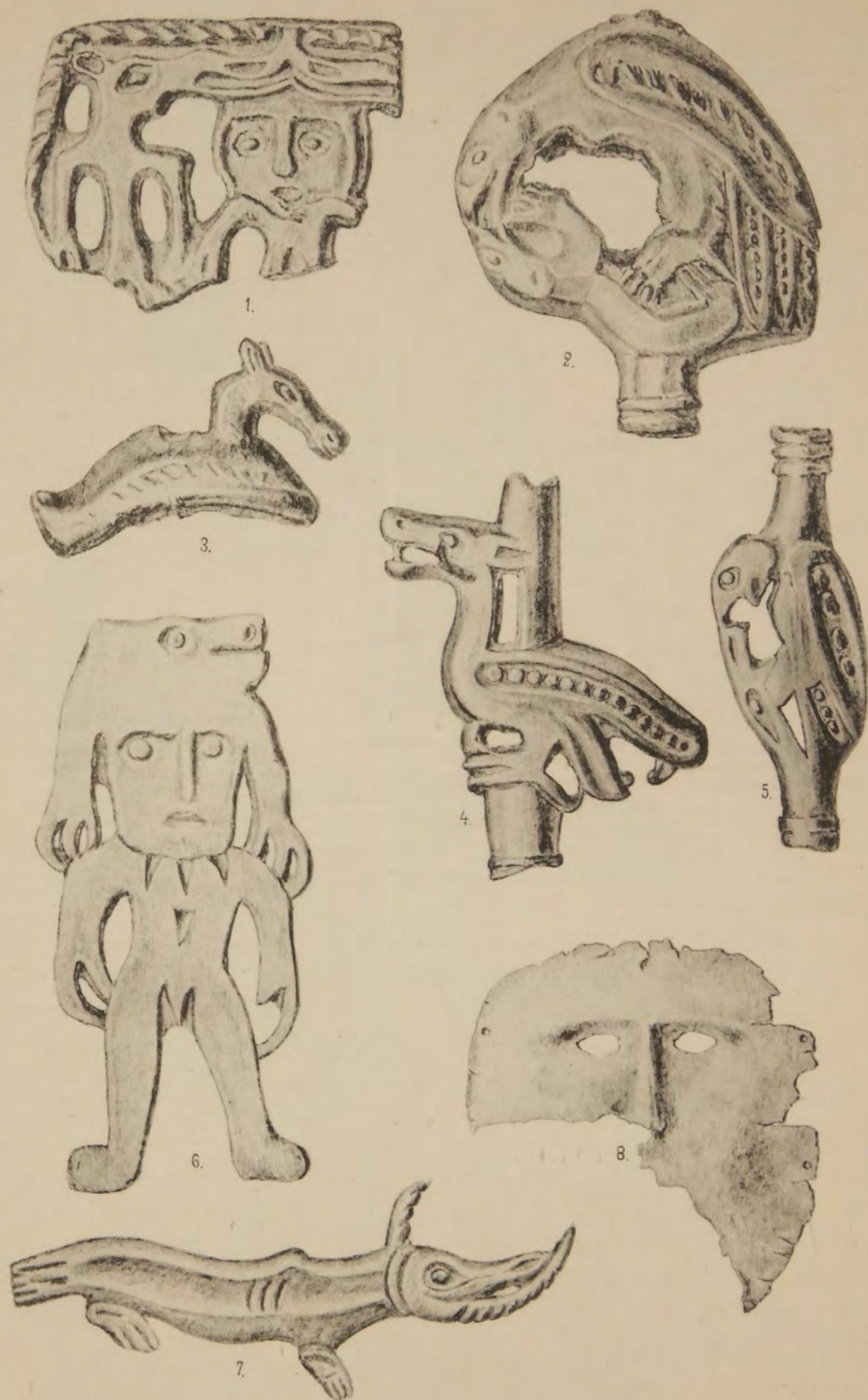

Рис. О. Теплоуховъ 1892.

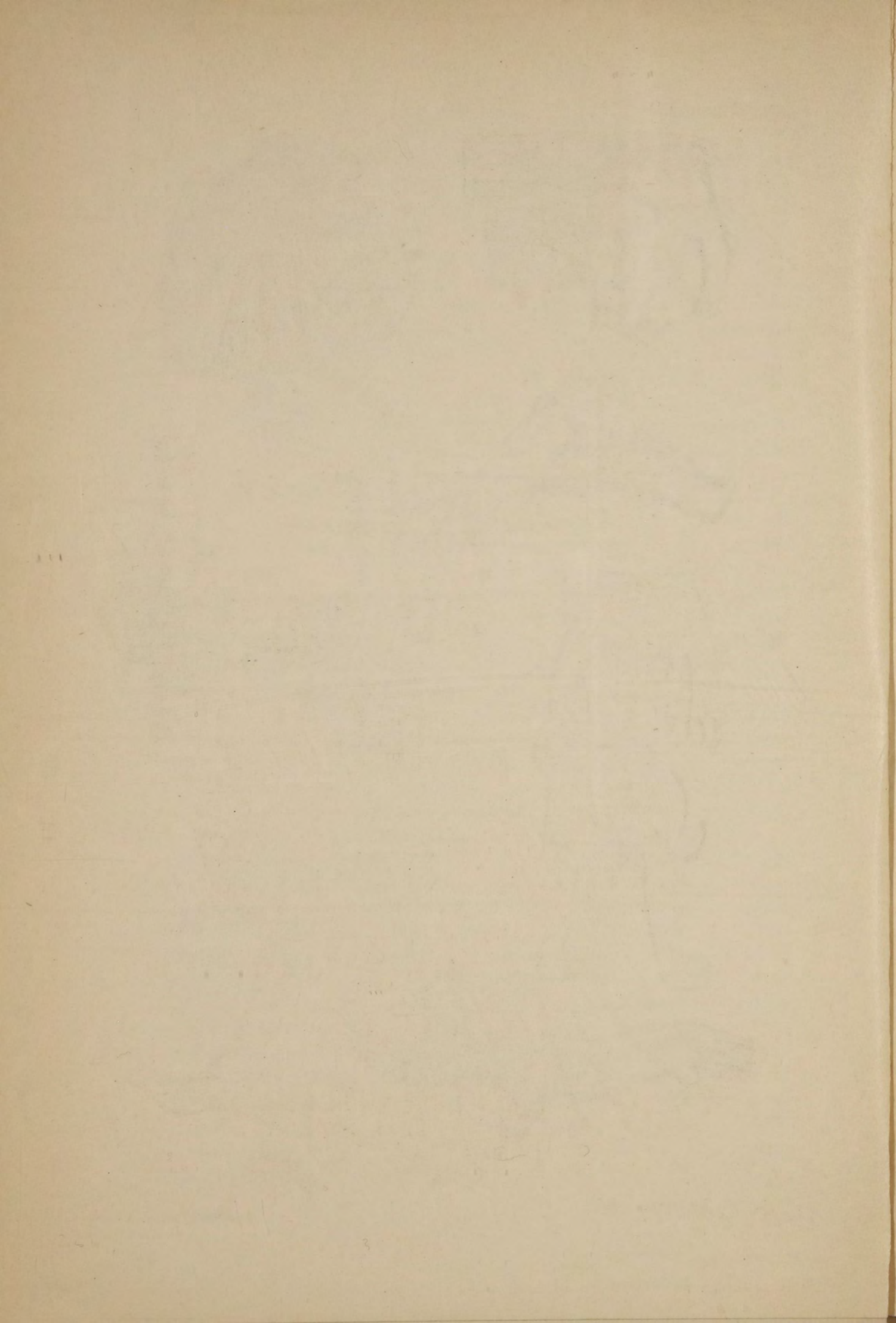

Рис. Ө. Теплоуховъ 1892.

Фотограв. Шерера, Нобельна и К^т въ Москвѣ.

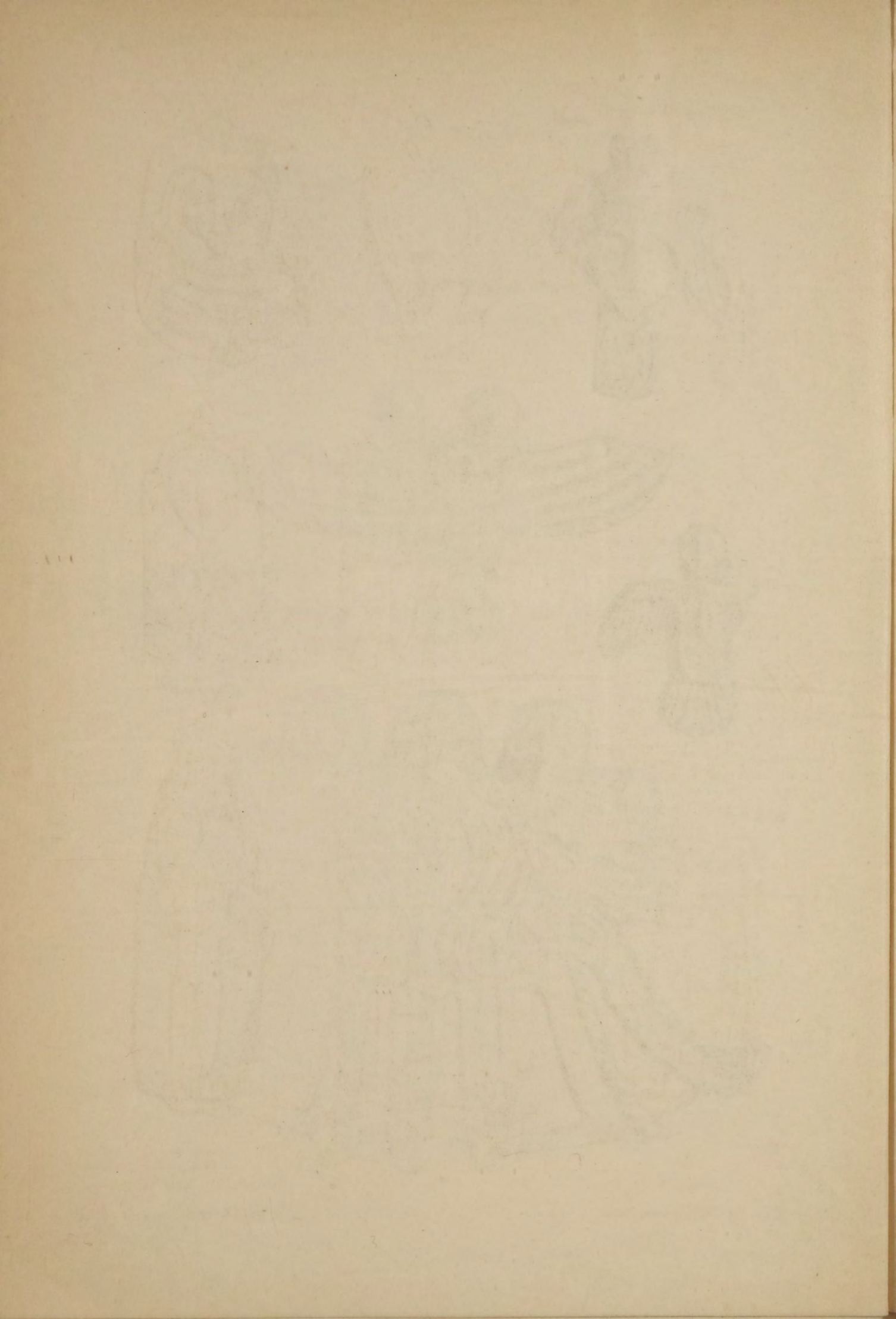

Рис. О. Теплоуховъ 1892.

Фотогравія Шерера, Наблюдца и № въ Москвѣ

Карта Екатеринбургскаго вѣдомства и провинціи Соли-Камской, съ прилегающими къ нимъ уѣздами и частями уѣздовъ другихъ провинцій 1734—1736 гг.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

П. О. Чупина.

Прилагаемый при семъ снимокъ съ карты*) первой половины XVIII вѣка, сдѣланной въ масштабѣ 1:1440000, даетъ понятіе какъ о прежнемъ административномъ дѣленіи прилегающихъ къ Уралу пространствъ,—о деревняхъ, слободахъ, острогахъ, крѣпостяхъ, городахъ, монастыряхъ, заводахъ и пристаняхъ того времени, къ которому составленіе подлинника относится, такъ, между прочимъ, и объ отличіяхъ тогдашняго рукописнаго картографическаго искусства отъ современнаго. Нѣкоторыя надписи на картѣ неясно видны, но это больше отъ времени, чѣмъ отъ невниманія картографа. Во всякомъ случаѣ все существенное прочесть можно; но затруднительно было бы опредѣлить, безъ особыхъ справокъ, значеніе въ губернскомъ административномъ строѣ особо выдѣленнаго Екатеринбургскаго вѣдомства, а также тотъ періодъ, относительно котораго показанныя на картѣ дѣленія вѣрны и даже, между прочимъ, провести ту черту, за которую Сибирь официально не называлось Сибирью. Эти соображенія и заставляютъ собственно предпослать печатаемому памятнику уральской старины настоящій текстъ, который можетъ облегчить, до нѣкоторой степени, разрѣшеніе означенныхъ задачъ**).

Словцовъ, въ своемъ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Въ 1821 году случилось мнѣ быть въ Вяткѣ и тамошній губернаторъ, покойный Добринской, смѣючись рассказывалъ, что въ Россіи полагаютъ и Вятку въ Сибири“; такую, современную ему, географическую

*) Увеличенный, для удобства пользованія имъ, въ полтора раза противъ оригинала. *Ред.*

**) Чтобы не повторять ссылокъ на источники предлагаемаго текста, необходимо оговорить, что онъ преимущественно основанъ на «*Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи*», а за тѣмъ подъ руками, при его составленіи, имѣлись: *Фишера* — «*Сибирская Исторія*», 1774 года; *Миллера* — «*Описаніе Сибирскаго царства*», 1787 года; *Словцова* — «*Историческое Обозрѣніе Сибири*», издан. 1886 года; *Мозеля* — «*Пермская губернія*», 1864 года; списокъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи, обраб. *Штиллицомъ*, 1875 года; «*Пермскій сборникъ*», изданный *Д. Д. Смышляевымъ* (1859 и 1860 гг.); *Н. Чупина* — «*Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи*»; «*Сборникъ статей*», извлеченныхъ изъ Пермскихъ Губернск. Вѣдомостей, изданный въ 1882 г.; нѣкоторыя книжки «*Горнозаводекаго журнала*», рукописныя карты архива бывшаго Алтайскаго горнаго правленія и другіе случайные источники и матеріалы. *П. Ч.*

наивность историкъ объясняетъ живучестью въ общей памяти созданій Петра I, при которомъ Вятка съ ея пригородами дѣйствительно управлялась когда-то изъ Сибири, хотя, въ данномъ случаѣ, смутность представленій о предѣлахъ этой страны могла происходить и изъ другаго источника, такъ какъ она едва ли не однородна съ той идейной неясностью, которая и сибирскаго аборигена, удаленнаго отъ Урала, даже современнаго намъ, заставляетъ принимать переселенца изъ Тобольской губерніи уже за „Рассею“, а не за своего брата сибиряка; тутъ, вѣроятно, только незнаніе, а не память о временахъ давно минувшихъ. Въ противоположность тому, въ мѣстахъ близкихъ къ Уралу, преобладаютъ болѣе опредѣленные географическіе взгляды; тамъ хорошо отличаютъ сибирскую сторону отъ европейской и не признаютъ только непрерывности хребта Уральскихъ горъ или, лучше сказать, топографической связности ихъ, вслѣдствіе чего хребетъ этотъ общимъ названіемъ не объединяется и имя Уралъ безъ спора присваивается только башкирскимъ, златоустовскимъ и каслинскимъ горамъ; верхотурскій же и къ сѣверу отъ него, въ особенности отъ параллели Петропавловскаго завода, тянуційся хребетъ чаще называютъ Поясовымъ-Камнемъ, иногда Сибирскимъ-Камнемъ и просто Камнемъ, а въ средней части, въ особенности въ параллели Екатеринбурга, каждый отдѣльный уваль назовутъ, пожалуй, своимъ именемъ, но за то меридіональную полосу не круто возстающихъ возвышеній, продолжающихъ хребетъ, Ураломъ, да и вообще никакимъ сплошнымъ именемъ, не называютъ. Въ книжномъ мірѣ ни непрерывность Урала, ни его топографическая цѣльность не оспариваются, разумѣется; но за то тамъ возможны отрицанія другаго рода, подобныя тому, что указываемая хребтомъ орографическая грань Сибири недостаточно опредѣленна и не предпочтительнѣе гидрографической. Такъ, еще Іоаннъ Эбергардъ Фишеръ мечталъ: „Ежели воду положить предѣломъ между Европою и Асією, то опредѣлить на то къ сѣверу способнѣе невозможно, какъ рѣки Донъ, Волгу, Каму, Колву и Печору, и на дорогѣ надлежало бы перебраться черезъ два токмо волока, по одному между Дономъ и Волгою у Царицина, гдѣ при державѣ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго надлежало быть сообщительному каналу между тѣми обѣими рѣками, а по другому выше Чердыня между рѣками Колвою и Печорою. Положивъ сіи предѣлы, Югорскія горы и вся Сибирь останутся въ Асіи“. Можетъ быть эта водяная граница представляла бы и то преимущество, что старая Россія точнѣе отдѣлялась бы ею отъ колонизованныхъ позже пріуральскихъ и сибирскихъ инородческихъ палестинъ, но точности этнографической она все таки не достигла бы, да и историческія основанія для нея, даже при официальном признаніи, были бы не тверже тѣхъ, на которыхъ основываются границы административно-губернскія. Эти послѣднія, при разрѣшеніи практическихъ задачъ, связанныхъ съ опредѣленіемъ предѣловъ Сибири, чаще всего принимаются въ соображеніе, и притомъ не въ официальном мірѣ только, гдѣ иначе и быть не можетъ, но и въ учено-литературномъ. Такъ, въ недавно

вышедшемъ новомъ большомъ библиографическомъ трудѣ В. И. Межова, почтеннымъ библиографомъ принята система отдѣленія сибирской литературы отъ не сибирской административно-губернская, потому что въ предисловіи къ своему труду, объясняя встрѣченныя затрудненія и предупреждая о возможности невѣрнаго разрѣшенія ихъ, трудолюбивый составитель говоритъ, что затрудненія эти касались, прежде всего, „территоріи Сибири; по обсужденіи этого вопроса съ людьми компетентными, въ составъ Сибири, въ моемъ трудѣ, вошли слѣдующія области и губерніи: Томская, Тобольская, Енисейская, Иркутская, Якутская, Забайкальская, Приморская, Акмолинская, Семипалатинская, Амурская, Уссурійская, островъ Сахалинъ и часть Пермской. Статьи о послѣдней чисто историческаго характера и относятся къ тому времени, когда восточная ея часть входила въ составъ Сибири“*). Выдержанъ ли принципъ раздѣленія, основаннаго на такомъ началѣ—судить не мѣсто, а въ какіе именно періоды историческаго существованія Пермская губернія входила восточною частію въ составъ Сибири—это, въ сущности, вопросъ о переносѣ съ сибирской стороны на европейскую, и на оборотъ, административныхъ губернскихъ, провинціальныхъ, уѣздныхъ и, пожалуй, слободскихъ центровъ и, въ то же время, вопросъ о границахъ, подчинявшихся этимъ центрамъ въ разное время территорій, для выясненія чего необходимъ обширный географическій матеріалъ, въ массѣ котораго прилагаемая у сего карта можетъ составить только небольшую крупицу. Изложенная на ней надпись гласитъ: „Ландъ-Картъ вѣдомства Екатеринбургскаго и провинціи Соли-Камской Чердынскаго, Кунгурскаго, Верхотурскаго и Туринскаго уѣздовъ, вотчины господъ бароновъ Строгановыхъ и заводовъ статскаго дѣйствительнаго совѣтника Акинѣея Демидова—въ нѣй же и по частѣ смѣжно-окрестныхъ уѣздовъ. Сочинена въ 1734-мъ, 1735-мъ и 1736-мъ годѣхъ“. Отсюда, какъ и изъ другихъ надписей, между прочимъ, не видно, гдѣ именно проходила сибирская административная граница, а между тѣмъ извѣстно, что она не оставалась по долгу на одномъ мѣстѣ, въ особенности въ періодъ, близкій къ составленію сейчасъ упомянутой карты.

Въ первомъ, положившемъ начало губернскому устройству, указѣ, изданномъ 18 Декабря 1708 года, велѣно было учредить восемь губерній, росписавъ по нимъ всѣ тогдашніе города, велѣдствіе чего въ Ближней Канцеляріи „тѣ губерніи учинены: Московская, Ингерманладская, Кіевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская“. Изъ числа этихъ губерній, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Ураломъ, расположилось только три: съ восточной стороны Сибирская съ 26-ю, поименованными въ указѣ, городами и съ западной—Архангелогородская съ 20-ю и Казанская съ 37-ю городами, такъ что всего, не считая пригородовъ, поименовано 83 города, но въ числѣ ихъ г. Яренскъ названъ и въ составѣ Казанской и въ составѣ Архангелогородской губерній. Позже, по указу 22 Ноября 1717

*) «Сибирская библиографія», томъ I. СПб., 1891 г. II. Ч.

года, учреждена еще одна приуральская губернія—Астраханская съ 13-ю городами, а года полтора спустя опубликованъ сенатскій указъ 29 Мая 1719 года съ новымъ росписаніемъ, значительно измѣнившимъ составъ губерніи Казанской, а въ числѣ городовъ Сибирской и Архангелогородской губерній сдѣлавшимъ ту перемѣну, что дважды поименованный г. Яренскъ изъ первой выключенъ и оставленъ во второй изъ нихъ*).

Внутренняго раздѣленія учрежденныхъ губерній указы 1708 и 1717 г. не коснулись; за то указъ 1719 года изданъ былъ прямо съ цѣлію подраздѣленія губерній на провинціи, съ тѣмъ, чтобы каждою провинціею вѣдалъ подчиненный губернатору провинціальный воевода, а каждый городъ съ его уѣздомъ,—подчиненный провинціальному, городской воевода. Въ одной только Астраханской губерніи всѣ 13 городовъ показаны приписанными къ г. Астрахани, безъ присоединенія къ какимъ либо провинціямъ; Казанская губернія раздѣлена на провинціи Свіяжскую, Пензенскую, Уфимскую и уѣздъ г. Казани; Архангелогородская губернія подраздѣлилась на провинціи: Двинскую, Галичскую, Вологодскую и Велико-Устюжскую; наконецъ, въ Сибирской губерніи названы только провинціи—Вятская и Соликамская съ 6-ю городами и пригородами, а остальные 19 городовъ велѣно росписать между тремя провинціями, которыя назначить губернатору князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому самому, что онъ, образовавъ Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую провинціи, и исполнилъ потомъ.

Уѣздныя подраздѣленія, созданныя указомъ 29 Мая 1719 года, отчасти объясняются наименованіями городовъ, включенныхъ въ провинціи, изъ числа которыхъ, для цѣли здѣсь преслѣдуемой, достаточно упомянуть только не весьма удалявшіяся отъ естественной границы сибирской, именно: Тобольскую, въ которую, по распредѣленію губернатора, вошли города Березовъ, Пелымъ, Верхотурье, Туринскъ, Тюмень, Тобольскъ, Сургутъ и Тара съ ихъ уѣздами; Соликамскую, къ которой указомъ 29 Мая приписаны, кромѣ г. Соли-Камской, „Пермь Великая и Чердынь“; Вятскую съ провинціальнымъ городомъ Вяткой съ пригородами и городами Кунгуромъ и Кайгородкомъ; Велико-Устюжскую, въ которую вошли города съ уѣздами Великой-Устюгъ, Соль-Вычегодская съ 31 волостью и погостами, Яренскъ и Устьянскія волости; Вологодскую съ уѣздами городовъ Вологды и Тотмы; Пензенскую, къ которой указъ присоединилъ Пензу съ пригородами и городами Мокшанскомъ и Саранскомъ; Казанскую, въ которой велѣно быть Казани съ пригородами и г. Уржуму; Уфимскую, къ уѣзду которой причислена только Уфа съ пригородами. Пригороды въ указѣ 29 Мая 1719 г. порознь не названы, а въ указѣ 18 Декабря 1708 г. поименованы присоединенные къ уѣздамъ трехъ провинціальныхъ городовъ, изъ числа оговоренныхъ здѣсь,

---

*) О гражданскомъ устройствѣ Пермскаго края напечатана была, въ №№ 21—26 Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1855 года, статья (Г. В. Балбашевскаго), но въ моихъ источникахъ ея нѣтъ. II. Ч.

именно: къ уѣзду Пензы-Рамзаевскій и построенные „въ Казанскихъ Дворцовыхъ селахъ“ городки: Сарапуль, Елабуга, Кукарскъ и Рыбной; къ уѣзду Казани—Лаишевъ, Алатырь, Арской, Малмыжъ, Тетюши, Оса, Мензелинскъ, Заинскъ, Старый-Темшинскъ, Новый-Темшинскъ, Тіаксъ, Билярскъ и Малинскъ; наконецъ, къ уѣзду Уфы—Бирской, Соловарной и село Каракулино.

Каждый изъ перечисленныхъ административныхъ центровъ имѣлъ, разумѣется, свою, подчинявшуюся ему, территорію, между которыми означенныхъ на картѣ вѣдомствъ Екатеринбургскаго и Акинѳія Демидова, также вотчинныхъ земель бароновъ Строгановыхъ, не упоминается; но если подѣльнымъ „вѣдомствомъ“ понимать обособленное отъ общегубернскаго пространство, пользующееся, въ порядкѣ управленія, тѣми или иными привилегіями и изъятіями, то они, кромѣ перваго, не выдѣляясь *de jure*, существовали *de facto* даже въ то время, когда объ учрежденіи губерній съ ихъ подраздѣленіями, можетъ быть, помысленій не было. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ первой же грамотѣ, пожалованной въ 1558 году роду Строгановыхъ въ лицѣ сына сольвычегодскаго солонгара Аники Ѳеодоровича, Григорья, оговорено: „А кто у него учнетъ въ томъ его городеѣ людей жити пашенныхъ и не пашенныхъ, и нашимъ пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тиуномъ Григорья Строганова и что его городка людей и деревенскихъ не судити ни въ чемъ, и праведчикомъ и доводчикомъ и ихъ людемъ къ Григорью Строганову и къ его городка и къ деревенскимъ людемъ не вѣжжати, и на поруки ихъ не даютъ, и не высылаютъ ихъ ни по что, а вѣдаетъ и судитъ Григорей своихъ слобожанъ самъ во всемъ“. Подобныя изъятія подтверждались, въ той или другой формѣ, и при послѣдующихъ пожалованіяхъ фамиліи Строгановыхъ землями, а это, конечно, ставило потомковъ Аники Ѳеодоровича, получившихъ въ 1722 году баронство, въ положеніе не менѣе самостоятельное въ своихъ вотчинахъ, чѣмъ въ какомъ стояли провинціальные воеводы въ своихъ воеводствахъ. Въ свою очередь, Демидовы, получивъ въ распоряженіе, по грамотамъ 4 Марта 1702 года, 25 Февраля 1703 и 4 Апрѣля 1704 гг., Невьянскій казенный заводъ съ Краснопольскою и Аятскою слободами и селомъ Покровскимъ съ поселками, также вскорѣ избавились отъ подчиненія верхотурскимъ воеводамъ, одному изъ которыхъ, Алексѣю Калитину, царь Петръ I, вслѣдствіе челобитья Никиты Антуфьевича Демидова, категорически писалъ: „А буде ты, Алексѣй, на Невьянскіе заводы къ нему, Никитѣ, учнешь, безъ нашего Великаго Государя указы и безъ послушныхъ къ нему, Никитѣ, изъ Сибирскаго приказа памятей, съ Верхотурья, для какихъ дѣлъ, посыльщиковъ посылать или самъ ѣздить и подводы имать, и мастеровыхъ его, Никитиныхъ, людей монастырскихъ*), краснопольскихъ и ясачныхъ русскихъ людей ему, Никитѣ, не отдашь и отъ того на Невьянскомъ заводѣ нашему, Великаго Государя, дѣлу воинскихъ припасовъ какая остановка (будеть), или, на Уткинской

*) Подразумѣваются люди монастырскаго села Покровскаго. П. Ч.

заставѣ, его, Никиту, или посланныхъ отъ него пропускать и подводъ давать не велишь, а послѣ про то сыщется,—и на тебѣ, Алексѣй, доправлена будетъ пеня большая и убытки всѣ, которые отъ тебя на тѣхъ заводахъ учинятся, доправлены будутъ на тебѣ же. А прочитавъ сію нашу грамоту, вели писать списокъ, а подлинную отдать Никитѣ Демидову^{*)}.—Что же касается „вѣдомства Екатеринбургскаго“, то оно начало обособляться уже послѣ опубликованія указа 29 Мая 1719 года, такъ какъ до этого времени заводы казенные—Уктусскій, Алапаевскій, Каменскій и Кунгурскіе,—хотя и существовали, но вѣдались, черезъ приставленныхъ коммисаровъ, комендантами, воеводами и сибирскими губернаторами, между дѣлами; впрочемъ, не было еще тогда и самого Екатеринбурга и земли, составившія послѣ его вѣдомство, входили частію въ составъ Верхотурскаго уѣзда (который на юго-западѣ переходилъ, захватывая Уткинскую слободу на Чусовой съ ея деревнями, даже за Уралъ, на югъ простирался, мѣстами, до р. Пышмы, на востокъ до устья р. Тагила), частію принадлежали въ Тобольскому уѣзду, разстилавшемуся къ югу отъ р. Пышмы, и частію заняты были Башкирами Уфимскаго уѣзда.

Правовое выдѣленіе горнаго вѣдомства изъ обще-губернскаго совершилось не вдругъ, конечно; оно началось не прежде приѣзда на Уралъ отъ артиллеріи капитана В. Н. Татищева, служившаго до того при генералъ-фельдцейхмейстерѣ Брюсѣ и получившаго отъ бергъ-коллегіи указъ, состоявшійся 9 Марта 1720 года, съ порученіемъ ѣхать въ Сибирскую губернію и „на Кунгурѣ и въ прочихъ, гдѣ сыщется руда, удобныхъ мѣстахъ построить заводы и изъ рудъ серебро и мѣдь плавить“. Казалось бы,—порученіе частное и чисто спеціальное, но въ дѣйствительности, благодаря творческимъ способностямъ посланнаго, оно такъ обставилось потомъ, что всѣ позднѣйшія мѣропріятія, клонившіяся къ утверженію горнозаводства на Уралѣ, были, въ сущности, только развитіемъ началъ, положенныхъ въ основаніе его Татищевымъ. Бергъ-коллегія, для того собственно и учрежденная, чтобы въ горныхъ дѣлахъ „единымъ судіею быти надъ всѣми къ тому принадлежащими дѣлами и особами, чтобъ никоимъ образомъ губернаторы, воеводы, ниже прочіе поставленные начальники въ рудокопныя дѣла вступали и мѣшались“, какъ выражено въ бергъ-привилегіи 10 Декабря 1719 года, дѣйствовала въ первое время, не зная мѣстныхъ условій, почти оцущью. Она не сразу и, повидимому, не безъ участія Татищева рѣшила даже вопросъ о подчиненіи себѣ и ему тогдашнихъ казенныхъ заводовъ, такъ какъ уведомила послѣдняго о томъ уже послѣ выѣзда его изъ Петербурга, да и то только объ „Уктусскихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ“ (къ которымъ причисляла, кажется, и Алапаевскій), при томъ едва ли въ окончательной формѣ, такъ какъ заключеніе свое представила передъ тѣмъ на предварительное утвержденіе Сената, который, въ опубликованномъ 28 Ноября 1720

*) Взято изъ IV книжки Горнаго журнала 1885 г. II. Ч.

года указѣ, и рѣшилъ, чтобы Уктусскимъ*) „мѣднымъ и желѣзнымъ заводамъ быть въ вѣденіи Бергъ-Коллегіи“; что же касается завода Каменскаго, то онъ перешелъ изъ вѣдомства губернскаго въ горное уже въ 1723 году. Другой капитальный вопросъ,—объ образованіи особаго горнозаводскаго сословія прикрѣпленныхъ къ заводамъ мастеровыхъ—также отчасти предрѣшался бергъ-привилегіею 1719 года, въ которой сказано: „Мастеровые люди такихъ заводовъ, которые подлинно въ дѣло произведутся, нетоко отъ поборовъ денежныхъ и солдатской и матрозской службы и всякой накладки свободяются, но и, въ опредѣленные времена, за ихъ работу, исправную заплату получать будутъ“. Однако, на дѣлѣ примѣненіе этого постановленія легло на Татищева же, который объявилъ, проживавшимъ при заводахъ, разнымъ „пришлымъ“ людямъ, что они или должны записаться въ мастеровые, или будутъ высланы въ мѣста прежней приписки; „пришлые“ предпочли, конечно, первое и ядро горнозаводскаго сословія, ставшаго въ непосредственную зависимость отъ заводскихъ комиссаровъ и, вообще, начальствъ горныхъ, такимъ образомъ, сформировалось. Еще болѣе капитальный вопросъ прежняго горнозаводства—о передачѣ въ вѣдомство горное приписныхъ крестьянъ—разрѣшился тѣмъ указомъ 28 Ноября 1720 года, которымъ изъяты заводы изъ губернскаго вѣдомства, ибо въ немъ Сенатъ предписывалъ: „объ отдачѣ къ тѣмъ заводамъ прежнихъ приписныхъ крестьянъ и о неимѣніи съ нихъ въ губернію окладныхъ и всякихъ запросныхъ денегъ и прочаго, и о зачетѣ онаго въ отпускъ въ положенный артиллерійскій окладъ, рассмотрѣніе и указъ учинить въ Камеръ-Коллегіи“, вслѣдствіе чего эта послѣдняя, указомъ же, дала знать Тобольской губернской канцеляріи, а эта, 8 Декабря 1721 года, сообщила Татищеву, что „по присланному Великаго Государя указу изъ камеръ-коллегіи велѣно къ тѣмъ заводамъ приписныя слободы отдать и съ оклады и тяглы тебѣ и собирать подати тебѣ же, или кого ты отъ себя опредѣлишь, и то положить на счетъ бергъ-коллегіи“. Управление приписанными къ Алапаевскому заводу слободами—Невьянскою, Арамашевскою и Мурзинскою, также Арамилскою, Камышевскою, Бѣлоярскою и Уткинскою, состоявшими въ припискѣ къ заводу Уктусскому и къ пристани, Татищевъ, тотчасъ по перечисленіи ихъ, возложилъ на особаго *земскаго комиссара*, должность котораго была узаконена Сенатомъ уже впослѣдствіи, указомъ 4 Іюня 1724 года, лаконически выразившемся: „Въ приписныхъ къ заводамъ слободахъ земскимъ комиссарамъ быть и оныхъ выбрать какъ о томъ въ плакатѣ изображено“. Судъ надъ приписными крестьянами на первыхъ порахъ оставался въ зависимости губернской, хотя, во избѣжаніе частыхъ вызововъ и перехода людей въ Тобольскъ и обратно, на заводы, по ходатайству Татищева, и былъ присланъ,

*) Въ указѣ, помѣщенномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, сказано: «Уфимскимъ», но это, очевидно, одна изъ тѣхъ типографскихъ, либо редакціонныхъ неточностей, которыхъ не мало попадается въ этомъ изданіи законодательныхъ актовъ. П. Ч.

въ 1721 году, особый судья, а судъ собственно надъ горнозаводскими людьми—чиновниками и мастеровыми—и по смыслу бергъ-привиллегіи 1719 г. долженъ былъ принадлежать горнымъ начальствамъ, что по отношенію къ приставникамъ яснѣе сказано въ указѣ, состоявшемся 14 Іюня 1725 года, въ которомъ, по адресу преемника Татищева—Геннина, говорилось: „Ежели отъ мастеровъ и работниковъ и приписныхъ слободъ отъ крестьянъ или отъ другихъ происходитъ къ нему будутъ на подчиненныхъ къ тѣмъ заводамъ комиссаровъ и прочихъ управителей въ обидахъ, во взяткахъ и въ прочихъ раззореніяхъ жалобы, то ему генераль-маіору, обще съ ассесоромъ, такихъ судить и по обстоятельству винъ наказывать, развѣ кто смертной казни или вѣчной ссылкѣ на галеру подлежатъ будетъ,—таковыхъ, съ дѣлами объ нихъ, отсылать въ Сибирской надворный судъ“. Здѣсь какъ будто слышится уже начало того военного суда, который упраздненъ былъ только послѣ отмѣны крѣпостнаго права и который на заводахъ всегда имѣлъ немалочисленную, хотя и подневольную, кліентуру, въ особенности по лѣснымъ правонарушеніямъ, составляющимъ еще и теперь неумолчную злобу заводскую. Татищевъ первый наложилъ на уральскіе лѣса то *veto*, которое присоединило новую категорію казенныхъ преслѣдованій къ прежнимъ, но которое было неизбѣжно, „ибо видно“, писалъ Татищевъ 27 Мая 1721 года въ бергъ-коллегію, „что хотя лѣса около заводовъ расти почали, но множество непотребныхъ жителей, на дрова, колья, жерди и другія бездѣлицы, такъ много рубятъ, что жалостно смотрѣть, и такимъ порядкомъ не можно не во сто лѣтъ угодныхъ (лѣсовъ) на дрова получить“...; подобное же лѣсоистребленіе онъ засталъ и не „около заводовъ“, потому естественно, что старался ввести разныя ограниченія и подчинить своему надзору не только лѣса близъ казенныхъ заводовъ растущіе, но и прилегающіе къ слободамъ и даже принадлежащіе частнымъ заводосодержателямъ. Произволь послѣднихъ Татищевъ намѣревался ограничить черезъ опредѣленіе на частные заводы, подчиненныхъ ему, *шихтмейстеровъ*, но мѣру эту бергъ-коллегія не одобрила, хотя, Іюня 20-го 1721 года, и сдѣлала постановленіе, въ томъ смыслѣ, чтобы въ рудныхъ дѣлахъ, на государевыхъ заводахъ, „и Демидову, и прочимъ промышленникамъ быть во всемъ послушнымъ Татищеву, яко горному начальнику въ Сибирской губерніи“*).

Изъ предыдущаго видно, что первое управленіе заводами Татищева, продолжавшееся до опредѣленія на мѣсто его, по указу 29 Апрѣля 1722 года**) генераль-маіора Геннина, было настоящимъ періодомъ зарожденія тѣхъ китовъ, на которыхъ отчасти и теперь еще держится наше горнозаводство,—и, въ тоже время, періодомъ начальнаго выдѣленія изъ вѣдомства губернскаго всего, что, прямо или косвенно, относилось къ горнымъ дѣламъ. Полнаго территоріальнаго и правоваго изъятія при Татищевѣ не

*) Изъ Горнаго журнала 1884 г., книга VIII. II. Ч.

**) Указъ этотъ содержитъ, собственно, инструкцію, данную Петромъ I-мъ Геннину. II. Ч.

произошло, но онъ въ своихъ помыслахъ былъ близокъ и къ этому вопросу, такъ какъ передъ самой смѣной, въ поданномъ въ бергъ-коллегію, 8 Марта 1722 года, мнѣніи объ устройствѣ управленія сибирскими заводами, высказывалъ, что „вышнему горному начальству“ надо быть въ Tobольскѣ, а „нижнимъ горнымъ начальствамъ“—одному въ Даурахъ, другому въ Томскѣ, когда тамъ заводы размножатся, и третьему „въ Угоріи, на Уктусскихъ заводахъ или въ близости оныхъ, которому Tobольскій, Кунгурскій, Соликамскій, Вятскій уѣзды въ надзираніе вручить“. Такое представленіе, за происшедшею смѣною, ходу не получило; къ тому же главное управленіе заводами, переименованное Геннинымъ въ Сибирскій оберъ-бергъ-амтъ, основалось, съ Августа 1723 г., на вновь построенномъ заводѣ, названномъ *Екатеринбургомъ*; но участіе Татищева въ гражданскомъ переустройствѣ края тѣмъ не менѣе сказалось потомъ въ указѣ Сената 4 Юня 1724 года. Указъ этотъ состоялся въ видѣ отвѣта „на докладные пункты артиллеріи капитана Татищева“, поступившіе, вѣроятно, изъ бергъ-коллегіи; въ немъ опредѣлено: „Городъ Кунгуръ съ уѣздомъ, который прежде сего принадлежалъ по близости къ Соли-Камской, а приписанъ съ 1718 году къ Вятской провинціи, отъ которой разстояніемъ больше 600 верстъ, для лучшаго способа тамошнимъ обывателямъ, приписать по близости къ провинціи Соли-Камской по прежнему, дабы обывателямъ, мимо ближняго правленія, въ толь отдаленную Вятскую провинцію, для всякихъ дѣлъ въ переѣздахъ, не было излишняго убытка“. Перемѣна эта губернскихъ границъ не коснулась, какъ не коснулась, собственно, и вѣдомства горнаго; но за то, не далѣе какъ черезъ годъ, это послѣднее сдѣлало еще одинъ шагъ на пути своего обособленія, такъ какъ указомъ 14-го Юня 1725 года Сенатъ поставилъ Геннину въ обязанность, чтобы онъ „обо всѣхъ тамошнихъ горныхъ и заводскихъ дѣлахъ, и о денежной казнѣ и о сдѣланныхъ матеріалахъ и о прочемъ“ писалъ въ бергъ-коллегію, а въ исключительныхъ случаяхъ—прямо въ Сенатъ, помимо бергъ-коллегіи и Tobольска.

Въ 1726 году произошла перемѣна въ сосѣдней Tobольской провинціи, къ которой, по указу 11 Юля, присоединены, отдѣленные отъ Енисейской, города Томскъ, Кузнецкъ и Нарымъ съ ихъ уѣздами. Территорія Tobольской провинціи черезъ такое присоединеніе увеличилась, но, взамѣнъ того, въ слѣдующемъ же 1727 году, верховный тайный совѣтъ объявилъ сенату указъ 29 апрѣля, повелѣвающій „Сибирской губерніи провинціи Вятскую и Соликамскую, для способности, приписать къ Казанской губерніи и вѣдать оныя провинціи губернатору казанскому“, что обусловилось удобствами сосредоточенія собираемой съ крестьянъ подушной подати въ губернскихъ городахъ. Получила, слѣдовательно, на этотъ разъ, приращеніе губерніа Казанская на счетъ Сибирской, но опять не надолго, потому что въ 1728 году, по челобитью выборныхъ отъ Башкиръ, состоялось 27 Юля, распоряженіе объ отчисленіи отъ Казанской губерніи Уфимской провинціи и о подчиненіи ее Сенату непосредственно. Что же касается вѣдомства гор-

наго, то оно, около того же времени, съзрилось, такъ какъ потеряло право располагать въ работы крестьянъ Крутихинской, Красномысской, Бѣлоярской—Теченской и Ольховской слободъ, только что приписанныхъ передъ тѣмъ опредѣленіемъ Сената 31 Юля 1728 года къ заводамъ*), что произошло, какъ объяснено въ указѣ 14 Марта 1729 года, изъ за протеста сибирскихъ губернскихъ властей, находившихъ, что „ежели ихъ къ Сибирскому оберъ-бергъ-амту приписать въ работу, то, за отлучками изъ тѣхъ слободъ на работу людей, опасно отъ казачьей орды разоренія“. Впрочемъ, призванному въ Сенатъ президенту бергъ-коллегіи Зыбину тогда-же поручено было „сыскать“ вмѣсто отчисленныхъ отъ заводовъ слободъ другія.

Послѣ отдѣленія отъ Сибирской губерніи Вятской и Соликамской провинцій, Екатеринбургское вѣдомство географически оказалось раздѣленнымъ между двумя губерніями, между тѣмъ, въ дѣлахъ судебныхъ, оно по прежнему осталось подъ юрисдикціей тобольскихъ властей, какъ, въ свою очередь, въ дѣлахъ горныхъ, въ зависимости отъ прежняго своего начальства—бергъ-коллегіи, которая въ 1731 году (Октября 8) присоединена, впрочемъ, къ коммерцъ-коллегіи. Такое разъединеніе не устранилось и при послѣдующемъ расширеніи судебныхъ правъ Екатеринбургскаго оберъ-бергъ-амта, происшедшемъ по указу, изданному 30 Юня 1732 года, которымъ велѣно: „приписныхъ къ заводамъ крестьянъ и мастеровыхъ людей, также горныхъ и заводскихъ служителей и прочихъ партикулярныхъ заводчиковъ, во всякихъ истцовыхъ, также и въ татиныхъ и разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, судить и по дѣламъ ихъ надлежащее, по Уложенію и по указамъ, рѣшеніе чинить въ оберъ-бергъ-амтѣ“; свѣдѣнія о рѣшенныхъ дѣлахъ и о собранныхъ судебныхъ пошлинахъ, также апелляціи на неправыя рѣшенія тѣмъ же указомъ велѣно посылать губернатору—„такъ какъ такими дѣлами воеводы губернаторамъ подчинены“. Съ изданіемъ этого закона Геннинъ, по судебнымъ дѣламъ, сталъ, такимъ образомъ, въ положеніе провинціального воеводы въ области расположенія горныхъ заводовъ и приписанныхъ къ нимъ слободъ, при чемъ владѣнія какъ собственно Екатеринбургскихъ заводовъ, такъ и партикулярныхъ, могъ считать подвѣдомственными себѣ уѣздами, хотя и неприуроченными къ одной губерніи. Два года спустя, положеніе это сдѣлалось еще болѣе опредѣленнымъ, чему способствовало, главнымъ образомъ, вторичное опредѣленіе командиромъ надъ Уральскими и Сибирскими заводами В. Н. Татищева, который, 10 Февраля 1734 года, узналъ о назначеніи этомъ отъ Императрицы лично, вслѣдъ зачѣмъ отъ 14 Марта Сенатъ получилъ указъ о томъ, а 23 Марта Императрицею подписана такая инструкція посылаемому, которою отношенія его какъ къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ, такъ и къ властямъ губернскимъ ставились на почву болѣе твердую, чѣмъ прежде. По отношенію промышленности горной, Татищевъ, съ изданіемъ этой инструкціи, сталъ самостоятельнымъ рас-

*) Опредѣленія этого въ Полномъ Собраніи Законовъ, однако, нѣтъ П. Ч.

порядителемъ не только въ Tobольской, Вятской и Соликамской провинціяхъ и въ Башкиріи, но и въ уѣздахъ Томскомъ, Кузнецкомъ, Иркутскомъ, въ Нерчинскѣ или Даурахъ и, вообще, въ Сибири, а по отношеію собственно къ казеннымъ заводамъ—тѣмъ болѣе, такъ какъ ему разрѣшено было не только упразднить, перестраивать и вновь учреждать заводы по своему усмотрѣнію, но и перемѣнять приписанныя къ заводамъ слободы и требовать отъ сибирскаго и казанскаго губернаторовъ людей для работъ, „не описываясь“. Надъ партикулярными горными заводами бароновъ Строгановыхъ, дворянъ Демидовыхъ и всѣхъ прочихъ промышленниковъ Татищевъ также долженъ былъ имѣть „смотрѣніе“, „чтобы они тѣ заводы по надлежащему строили и размножали“, и для того опредѣлить на нихъ отвергнутыхъ ранѣе *шихтмейстеровъ*, черезъ которыхъ наблюдать, чтобы металлы тамъ дѣлались доброкачественные, чтобы пушекъ, мортиръ, бомбъ и т. п. безъ указовъ не приготавливали, чтобы въ расчетахъ съ людьми правильно поступали и чтобы свѣдѣнія о приготовленныхъ металлахъ, „съ чего десятое берется“, своевременно посылали куда слѣдуетъ; въ свою очередь, во всѣхъ законныхъ требованіяхъ промышленниковъ Татищевъ долженъ былъ „совѣтомъ и дѣломъ вспомогать“ и ихъ отъ обидъ оборонять, а въ случившихъ между тѣми промышленниками распряхъ, „непродолжительный судъ и расправу чинить“. По отношенію къ губерніямъ, наконецъ, Татищеву предписывалось только то ограниченіе, что, если потребуется устроить заводъ близъ владѣній степныхъ народовъ, гдѣ точныхъ границъ еще нѣтъ, также новыя крѣпости построить, людей перевести и ими новыя мѣста заселить, новый путь для проѣзда сдѣлать или новый торгъ учредить,—то онъ долженъ входить въ предварительныя соглашенія съ губернаторами и воеводами, а затѣмъ „какъ губернаторамъ, воеводамъ и прочимъ всякаго званія военнымъ и земскимъ управителямъ въ дѣла горныя, то есть строенія, работы и прочее, вступаться и горныхъ служителей, кромѣ великихъ и разыскныхъ дѣлъ, касаться запрещено, такъ и вамъ, во всѣ до губерніи принадлежащія мѣста, то есть, таможенные и кабацкіе сборы, укрѣпленіе границъ, пропуски заставъ и тому подобныя, и при томъ до опредѣленныхъ отъ губерній служителей, дѣла нѣтъ“. Отсюда видно, что въ годъ приступа къ составленію печатаемой карты, который совпалъ съ годомъ прибытія на Уралъ Татищева, пространства, подчиненныя горнымъ властямъ, должны были уже рельефно выдѣляться на общегубернскомъ административномъ фонѣ и Татищевъ могъ считать себя даже не воеводою, подобно Геннину, а губернаторомъ особой горной губерніи; съ другой стороны, сосѣднія гражданскія губерніи также удержали за собою долю участія, если не въ управленіи, въ тѣсномъ значеніи этого слова, то въ сборѣ нѣкоторыхъ доходовъ съ занятыхъ заводами пространствъ, такъ что представители и горной и гражданской власти угодоблялись до нѣкоторой степени длиннымъ зубьямъ взаимно соприкасающихся шестерней, насаженныхъ на разныя оси.

Въ одномъ пунктѣ инструкціи 23 марта содержится указаніе на обязанность Татищева составить ландкарты уральскія и сибирскія, что для него уже не было дѣломъ новымъ, ибо онъ пытался осуществить его, по крайней мѣрѣ по отношенію къ окрестностямъ Уральскихъ заводовъ, еще въ первое свое управленіе послѣдними. Тогда, пригласивъ на службу, проживавшаго въ Соликамскѣ, плѣннаго шведа Шульца, онъ, въ 1721 году, посылалъ сдѣлать карту земель Уктусскаго, Алапаевскаго и Невьянскаго заводовъ съ приписанными къ нимъ слободами и деревнями, но Шульцъ могъ нанести на карту земли только первыхъ двухъ заводовъ*), такъ какъ снимать владѣнія невянскія Демидовъ его не допустилъ; на другой годъ Шульцъ посылался съ кондукторомъ Юдинымъ снимать Кунгурскій уѣздъ (тогда Вятской провинціи) и окружности Соли-Камской, но результата этихъ съемокъ Татищевъ, уѣхавъ съ Урала, не дождался. Продолжалъ ли начатыя съемки преемникъ его Геннингъ—неизвѣстно; но изъ слѣдующихъ словъ сенатскаго указа 30 Іюня 1732 года (№ 6108), помѣщеннаго въ Полн. Собр. Зак., можно заключить, что производились какія-то картографическія работы и въ это управленіе: „имѣть коллегіи—всѣмъ тѣмъ уѣздамъ и мѣстамъ, гдѣ въ Сибири казенные партикулярные заводы есть,—вѣрныя ландкарты, о которыхъ, въ присланномъ отъ него Геннинга экстрактѣ, объявлено, что онъ уже велѣлъ сдѣлать такія карты для отсылки въ коммерцъ-коллегію“. Во всякомъ случаѣ, карты эти, если и были сдѣланы, то не удовлетворяли назначенію, почему инструкція 23 Марта, поручая посылаемому принять отъ Геннина „ландкарты, чертежи и прожекты, для пользы тѣхъ заводовъ сочиненные“, въ тоже время напоминала: „Хотя въ Сибири различныя ландкарты учинены, однакожь во оныхъ многія обстоятельства, а особливо что къ пользѣ заводовъ касается, упущено, то есть многихъ рѣкъ, горъ и лѣсовъ не назначено и не описано“; въ виду такихъ пропусковъ, Татищеву предписывалось вытребовать отъ Сената геодезистовъ съ учениками и приступить къ составленію новыхъ ландкартъ Сибири. Гр. И. Спасскій, въ предисловіи къ напечатанному имъ „Списку съ чертежа Сибирскія земли“ 1672 года**), упоминая мимоходомъ объ опредѣленіи въ 1734 году на Уралъ Татищева, говоритъ, что онъ тогда „въ особенности озабоченъ былъ сочиненіемъ сибирскихъ ландкартъ, хотя и не видно, чтобы имъ было что нибудь по этому предмету сдѣлано и даже начато“, что, по отношенію къ затобольской Сибири, можетъ быть, и вѣрно, а относительно пріуральскихъ пространствъ печатаемой картой не подтверждается. Что карта эта не есть повтореніе какой нибудь прежде существовавшей карты, а составлена именно послѣ опредѣленія въ 1734 году Татищева, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ первомъ случаѣ въ нее не попала бы заявленная Тати-

*) По показанію Н. К. Чупина карты этой въ Екатеринбургѣ не сохранилось. П. Ч.

**) См. «Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ», Москва, 1849 года, книга III. П. Ч.

щеву лишь 14 Мая 1735 года гора Благодать съ начатыми близъ ея заводами; кромѣ того, башкирскія владѣнія, которыя велѣно было обойти окружною межою по указу Сената, состоявшемуся лишь 31 Мая 1734 года, также не могли входить въ карты предшествовавшія; наконецъ, на снятіе простой копіи не потребовалось бы почти три года времени. Нельзя утверждать, что въ составъ карты 1734—1736 г. не вошли никакія прежнія работы геодезистовъ, но равнымъ образомъ и подновленія ея, если не полной съемки заново, нельзя отрицать. Что же касается небольшого размѣра этой карты, то, во первыхъ, сохранилась только копія съ нее, можетъ быть и уменьшенная противъ оригинала*); во вторыхъ, она могла быть только сборной, скомпонованной изъ подробныхъ частныхъ картъ; въ третьихъ, прежнія понятія о достаточности размѣра картъ разнились отъ современныхъ, доказательствомъ чего можетъ служить изданный въ 1737 году академіею наукъ всеобщій „Атласъ, сочиненный къ пользѣ и употребленію юношества и всѣхъ читателей вѣдомостей и историческихъ книгъ“, въ которомъ карты имѣютъ всего 6,5×5,5 дюймовъ. Съ другой стороны, если „многихъ рѣкъ, горъ и лѣсовъ не назначено“, подобно прежнимъ, и на этой картѣ, то недостатокъ этотъ, въ особенности для насъ—современниковъ, выкупается уже тѣмъ, что можно видѣть относительное расположеніе уѣздовъ, владѣній и вѣдомствъ тогдашнихъ, изъ которыхъ: Тобольскій, Туринскій, Верхотурскій, Пелымскій и Березовскій уѣзды принадлежали, по раздѣленію 1727 года, къ Тобольской провинціи Сибирской губерніи; Кунгурскій, Соликамскій и Чердынскій уѣзды входили въ составъ Соликамской провинціи Казанской губерніи; Казанскій уѣздъ съ пригородомъ Осой управлялся прямо изъ города Казани; Слободской и Кайгородской уѣзды принадлежали къ Вятской провинціи Казанской же губерніи; съ сѣвера къ Чердынскому уѣзду примыкалъ Зырянскій уѣздъ**) Соливычегодской провинціи, приписанной къ Архангелогородской губерніи; южнѣе Казанскаго, Кунгурскаго и Тобольскаго уѣздовъ располагались владѣнія Башкиръ Осинской, Сибирской и Ногайской дорогъ***); наконецъ, на горнозаводскія пространства уѣздовъ Соликамскаго, Кунгурскаго, Верхотурскаго и Тобольскаго налегли, скрывая подъ особой окраской границы этихъ уѣздовъ, владѣнія Екатеринбургскаго вѣдомства, а также, подчиненныя ему въ горныхъ дѣлахъ, вѣдомство

*) Прилагаемый при семъ снимокъ увеличенъ въ полтора раза противъ помянутой копіи, съ которой онъ сдѣланъ. Ред.

**) Уѣздъ этотъ, какъ и помянутый передъ нимъ Слободской, учрежденъ, вѣроятно, уже послѣ изданія указа 29 мая 1719 г. П. Ч.

***) Такъ по надписямъ, а всего въ Башкиріи было 4 *дороги* (правильнѣе даруги): въ западной части—Казанская, въ восточной—Сибирская, въ сѣверо-западной—Осинская и въ южной—Ногайская. Въ сосѣдствѣ съ Башкиріею жили Татары Кунгурскаго вѣдомства, подраздѣлявшіеся, въ свою очередь, на четверти, которыхъ на картѣ не означено, можетъ быть, потому, что Татары эти не были вотчинниками; четвертей у нихъ было также 4: Верхъ-Иренская, Шаквинская, Карьевская и Верхъ-Сылвинская. П. Ч.

Акинеія Демидова и вотчина бароновъ Строгановыхъ. О значеніи въ общегубернскомъ административномъ строѣ Екатеринбургскаго вѣдомства съ подчиненными ему районами говорилось, впрочемъ, уже раньше: оно не упраздняло ни уѣздовъ, ни провинцій, ни губерній, а лишь вмѣщалось въ нихъ.

Обращаясь къ другому, поставленному въ началѣ статьи вопросу,— о продолжительности того періода, къ которому показанныя на картѣ дѣленія относятся,—надо припомнить, что изъ указовъ, помѣщенныхъ въ Полн. Собр. Зак. не видно, чтобы послѣ учрежденія губерній происходили какія нибудь прирѣзки къ приуральскимъ уѣздамъ или отрѣзки отъ нихъ, но видно, что были передачи уѣздовъ изъ провинціи въ провинцію и самыхъ провинцій изъ губерній въ губернію; послѣднія перемѣны, коснувшіяся обзорѣваемыхъ пространствъ, произошли между 1726 и 1729 годами, откуда и можно-бы вести начало изображаемаго картою положенія; но послѣ происходили перемѣны въ числѣ приписныхъ слободъ къ заводамъ, т. е. другими словами—видоизмѣненія фигуры и пространства Екатеринбургскаго вѣдомства; потому за начало обусловливаемаго картою строя безопаснѣе принять самый годъ приступа къ составленію ея, т. е. 1734 годъ. До какого времени сохранялся такой строй—это можно сообразить потому, во первыхъ, что, если въ періодъ составленія карты частныя измѣненія въ припискѣ слободъ и происходили, то они, судя по горѣ Благодати съ заводами, тотчасъ же и наносились на карту; во вторыхъ, въ общегражданскомъ благоустройствѣ перемѣна въ періодъ 1734—1736 г. произошла только та, что въ началѣ 1736 г. (указъ 30 Января) Иркутская провинція въ Сибири сдѣлана самостоятельною губерніею, хотя и съ вице-губернаторомъ только во главѣ, что на приуральскія дѣленія не повліяло; въ третьихъ, въ горномъ управленіи, съ появленіемъ на горизонтѣ барона фонъ-Шемберга и учрежденіемъ, по указу 4 сентября 1736 г., генераль-бергъ-директоріума, произошли очень важныя измѣненія, но приуральскихъ дѣленій они, на первый разъ, опять не коснулись. Для 1734—1736 годовъ изображаемое картою *statu quo* можно, такимъ образомъ, принимать, не претендуя, впрочемъ, на безусловную непогрѣшимость такого заключенія, относительно вѣрнымъ; но уже въ слѣдующемъ 1737 году произошли измѣненія, значительно затронувшія административную подчиненность нѣкоторыхъ приуральскихъ районовъ. 10 Марта 1737 года Татищевъ переведенъ, съ оставленіемъ, впрочемъ, за нимъ права наблюденія и за заводами, въ Уфимскій край и тамъ, на собранномъ въ іюль мѣсяцѣ въ г. Мензелинскѣ совѣтѣ, въ видахъ „въ лучшей покорности содержанія Башкирцевъ“, было положено: во первыхъ, центръ Соликамской провинціи перенести изъ Соликамской въ Кунгуръ и приписать къ этой провинціи, едва-ли не тогда же переименовавшейся въ Пермскую, крѣпости Екатеринбургскаго вѣдомства: Нижне-Бисертскую, Верхне-Бисертскую и Кленовскую, съ жившими между ними ясачными Татарами и Черемисами; во вторыхъ, построенную передъ тѣмъ крѣпость Красно-

уфимскую, подчинивъ ея вѣденію нѣкоторыя башкирскія волости, сдѣлать пригородомъ Уфы, точно также какъ и городокъ Осу, которому подчинить селенія дворцоваго вѣдомства до Сарапула, Гайнинскую башкирскую волость и ясачныхъ инородцевъ, живущихъ по р. Сивѣ; въ третьихъ, учредить особую, равночинную съ Уфимскою, Исетскую провинцію, которой вѣдать всѣхъ зауральскихъ Башкиръ и, кромѣ того, Исетскій, Окуневскій и Шадринскій дистрикты, отдѣливъ ихъ отъ провинціи Тобольской и основавъ центръ управленія новою провинціею въ Чебаркулѣ. Объ утвержденіи этихъ предположеній объявлено въ сенатскомъ указѣ 13 Августа 1737 года, послѣ чего вновь образованная Исетская провинція состояла въ вѣдомствѣ Оренбургской военной экспедиціи и, въ то же время, въ нѣкоторой гражданской зависимости отъ тобольскаго губернатора; потомъ, въ 1743 году (указъ Сената Сибирской губерніи 8 Августа), подчинена совсѣмъ Оренбургу, а по указу 15 Марта 1744 года вошла въ составъ особой Оренбургской губерніи. Во всякомъ случаѣ, послѣ 1736 года, изображенное на картѣ положеніе приняло другой уже видъ.

Наконецъ, по вопросу о направленіи административной сибирской границы, изложенный обзоръ позволяетъ только сосчитать число происшедшихъ съ нею перемѣнъ на протяженіи 30—35 разсмотрѣнныхъ лѣтъ и, пожалуй, назвать провинціи соприкасавшихся губерній, между которыми она проходила, а опредѣлить ее не отвлеченными названіями, а реальными урочищами, — безъ опредѣленія состава не только губерній изъ провинцій и провинцій изъ уѣздовъ, но и уѣздовъ изъ дистриктовъ и комисарствъ, а этихъ послѣднихъ изъ слободъ и соотвѣтствовавшихъ имъ мелкихъ административныхъ единицъ, — и послѣ всего сказаннаго — нельзя. Крайніе предѣлы прилегавшихъ въ разное время къ губернскимъ окраинамъ слободскихъ районовъ указали-бы дѣйствительное положеніе искомой границы; но это — едва-ли не вообще, а при тѣхъ источникахъ, какіе, живя въ провинціальной*) сибирской глуши, можно имѣть, въ особенности, — задача пока неразрѣшимая.

---

*) Это, употребительное въ рускомъ языкѣ, чужое слово теперь анахронизмъ, но оно имѣло свой *raison d'être* въ тѣ времена, когда и у насъ были свои провинціи. П. Ч.

МАТЕРІАЛЫ

къ исторіи пермскаго маіоратнаго имѣнія графовъ Строгановыхъ.

Имя Строгановыхъ тѣсно связано съ исторіею Пермскаго края, который они колонизировали, и завоеванія Сибири, которому своимъ участіемъ въ предпріятіи Ермака оказали немалую помощь. Заслуги ихъ предъ Государствомъ несомнѣнно велики; но и награждены они были истинно по царски. По разсчету историка Строгановыхъ *Θ. А. Волегова**), общее количество жалованныхъ имъ русскими царями въ Пермской губерніи земель составляло 10.382,047 десятинъ. Съ теченіемъ времени, однако, оно, влѣдствіе разныхъ причинъ, значительно сократилось, но даже въ 1715 году, по смерти именитаго челоуѣка Григорія Дмитріевича Строганова, представляло еще огромную территорію въ 63897 кв. верстъ, превышавшую болѣе чѣмъ вдвое нынѣшнее Голландское королевство. Имѣніе это было раздѣлено по равной части между тремя сыновьями Григорія Дмитріевича—Александромъ, Николаемъ и Сергѣемъ (получившими впоследствии баронскій титулъ). Продолжая дробиться, имѣніе, доставшееся въ 1811 г. на долю графа Павла Александровича Строганова, уже составляло только 1446000 десятинъ или 13935 кв. верстъ, все таки превышая пространство Саксонскаго королевства на 800 кв. верстъ.

Въ предупрежденіе дальнѣйшаго дробленія имѣнія, графъ Павелъ Александровичъ и супруга его Софья Владиміровна обратились въ 1816 г. съ ходатайствомъ къ Государю Александру Павловичу объ обращеніи имѣнія ихъ въ заповѣдное. Разрѣшеніе на это послѣдовало уже по кончинѣ Павла Александровича († 10 Іюня 1817), по указу Правительствующаго Сената отъ 11 Августа 1817 года, предоставлявшему между прочимъ фамилію и титулъ графовъ Строгановыхъ тѣмъ лицамъ, которыя „по супружествамъ съ дочерьми генераль-лейтенанта графа Павла Александровича и ихъ потомствомъ, будутъ имѣть на означенное имѣніе право“, на основаніи чего, баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, вступивъ въ 1818 году въ супружество съ Натальею Павловною Строгановою (дочерью Павла Александровича и Софьи Владиміровны), получилъ титулъ графа.

Графиня Софья Владиміровна, родная сестра московскаго генераль-губернатора князя Дмитрія Владиміровича, вышла замужъ за графа Павла Александровича**) въ 1794 году, 18 лѣтъ отъ роду. По смерти супруга она

*) О первоначальномъ и постепенномъ заселеніи земель, жалованныхъ господамъ Строгановымъ въ Перми Великой. Памятная кн. Пермской губерніи на 1889 годъ.

**) Павелъ Александровичъ былъ сынъ барона Александра Сергѣевича Строганова, возведеннаго въ царствованіе Екатерины II (въ 1762 г.) въ графское достоинство. Родился въ 1774 г.

вступила въ полномъ властное распоряженіе заповѣднымъ имѣніемъ въ Пермской губерніи и управляя въ теченіи 27 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ этимъ громаднымъ имѣніемъ, оставила по себѣ своею дѣятельностію неизгладимую память. Женщина необыкновеннаго ума, соединеннаго съ широкимъ образованіемъ и любвеобильнымъ сердцемъ, она ставила выше всего благосостояніе своихъ крѣпостныхъ людей, являя въ тоже время въ высшей степени замѣчательныя административныя и хозяйственныя способности. Вступивъ въ управленіе имѣніемъ, обремененнымъ долгами, она привела его, послѣ многихъ лѣтъ неуспѣшнаго труда, въ блестящее состояніе, во всѣхъ отношеніяхъ. Въ то время, когда въ Россіи никому на мысль не приходило ничего подобнаго, въ ея имѣніи существуютъ выборные суды, взаимное страхование отъ огня, страхование скота, крестьянская „судная касса“, благоустроенныя школы и госпитали, и что всего замѣчательнѣе—графиня сумѣла достигнуть такихъ результатовъ безъ пособія нѣмцевъ-управителей: вся мѣстная администрація ея имѣнія состояла (и по нынѣ состоитъ) изъ мѣстныхъ уроженцевъ, бывшихъ ея крѣпостныхъ людей или ихъ потомковъ. Лица, назначавшіяся на должности, требовавшія специальныхъ свѣдѣній, получали образованіе въ ея собственныхъ школахъ, въ Петербургѣ и селѣ Марьинскомъ (Новгородской губерніи), наконецъ посылались, на счетъ имѣнія, для усовершенствованія въ наукахъ, за границу, въ высшія учебныя заведенія. Поставленныя разумно, Строгановскія школы развивали любознательность молодыхъ воспитанниковъ, изъ коихъ многіе оставили впоследствии по себѣ память солидными научными трудами по части мѣстной археологіи, исторіи, этнографіи, сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

Руководимыя графинею, всѣ части управленія Пермскимъ имѣніемъ были регулированы съ точностію часоваго механизма, гдѣ ничто не ускользало отъ бдительнаго ока просвѣщенной и гуманной помѣщицы, заботы которой о доходности имѣнія уступали первое мѣсто заботамъ о благосостояніи ея крестьянъ.

Безпристрастная исторія управленія имѣніемъ Софьи Владиміровны поэтому настолько интересна, что печатая, вслѣдъ засимъ, нѣкоторые матеріалы для этой исторіи, мы считаемъ необходимымъ, въ видѣ предисловія къ нимъ, перечислить важнѣйшія учрежденія и распоряженія графини, освѣщающія ея личность, какъ человѣка и администратора, заимствуя свѣдѣнія по этому предмету изъ весьма любопытной книги одного изъ ея старѣйшихъ служакъ Н. А. Рогова: „Матеріалы для исторіи Пермскаго заповѣднаго имѣнія графовъ Строгановыхъ“ (Пермь, 1892).

Вскорѣ по кончинѣ супруга, графиня Софья Владиміровна даетъ, 19 августа 1817 года, довѣренность на управленіе Пермскими имѣніями своему крѣпостному Якову Волегову, которому ставитъ въ обязанность „больше всего заботиться о благосостояніи върениныхъ ему крѣпостныхъ людей и уже затѣмъ о доходахъ съ имѣнія“.

Въ 1819 году Софья Владиміровна высылаетъ ильинскому управителю составленное ею печатаемое ниже „Положеніе о третейскомъ судѣ“, съ предписаніемъ ввести его немедленно въ дѣйствіе. Этимъ положеніемъ опредѣлено было выбирать „изъ всего населенія Пермскаго заповѣднаго имѣнія“ трехъ судей, на трехгодичный срокъ; недовольнымъ рѣшеніями этого суда предоставлено апеллировать въ главную петербургскую контору, на имя графини.

1 Января 1820 года графиня предписываетъ открытіе двухъ приходскихъ школъ въ Очерскомъ и Билимбаевскомъ заводахъ, и въ томъ же году вытребованы ею въ Петербургъ 4 мальчика съ цѣлю дать имъ специальное образованіе; двое изъ нихъ были опредѣлены вольнослушателями въ горный корпусъ.

Въ томъ же году присланъ въ Ильинское село, гдѣ было сосредоточено управленіе имѣніемъ, лекаръ Ѳ. П. Ламони; чрезъ три года онъ былъ переведенъ въ Усолъе, а вмѣсто него назначенъ докторъ медицины Лейхтфельдъ.

Въ томъ же году послѣдовало распоряженіе ввести выборное начало въ сельскихъ обществахъ, при чемъ назначено выбирать въ составъ сельскихъ сходовъ по одному человѣку отъ 10 дворовъ, и учреждены при земскихъ избахъ *словесные суды*, а въ заводахъ *заводскія расправы* (положеніе о нихъ печатается ниже), которые обязываются доставлять владѣлицѣ третныя вѣдомости о рѣшенныхъ дѣлахъ.

18 Марта 1821 года учреждена „ссудная сумма“. „Имѣя всевозможное попеченіе о благосостояніи моихъ крестьянъ—пишетъ графиня своему повѣренному—и желая въ случающихся денежныхъ ихъ оборотахъ сдѣлать имъ необходимо-нужное пособіе къ поддержанію ихъ состоянія, опредѣляю на сей конецъ для Пермскаго моего имѣнія единовременно *пятьдесятъ тысячъ рублей*, изъ которыхъ выдача ссудъ на одного домохозяина не должна превышать 300 рублей, каковыя ссуды выдавать за 4⁰/₁₀₀ въ годъ или за 2⁰/₁₀₀ на полгода“. Вмѣстѣ съ тѣмъ препровождены были повѣренному и „Правила о ссудной суммѣ“.

„Признавая, что пожары въ селлахъ и деревняхъ сильно подрываютъ благосостояніе жителей и чтобы облегчить участь погорѣльцевъ и поддержать ихъ благосостояніе“, графиня предписала въ 1822 году учредить въ селѣ Ильинскомъ „*Страховую Коммиссію*“, при чемъ препроводила „Положеніе на составленіе страховой суммы“, состоящее изъ 52 пунктовъ. По этому положенію страхованіе строеній было добровольное, но платежъ премій въ страховую кассу, по одному проценту въ годъ съ суммы оцѣнки строеній, былъ обязательнымъ.

Въ томъ же году отправлены изъ имѣнія въ Москву 4 мальчика и опредѣлены для ученія въ земледѣльческую школу Московскаго общества сельскаго хозяйства, открытую въ 1819 году.

Въ 1823 году графиня учреждаетъ въ Петербургѣ свою „частную горнозаводскую школу“ *).

Въ томъ же году она поручаетъ своему зятю, князю С. В. Голицыну**), сдѣлать обзоръ Пермскаго имѣнія и ознакомиться съ нуждами крестьянъ и положеніемъ заводовъ. Князь нашель, что благосостояніе крестьянъ, въ послѣдніе 6 лѣтъ, вслѣдствіе неурожаевъ хлѣба, значительно поколебалось, доходъ съ имѣнія уменьшился, а недоимки за крестьянами увеличились. Для изысканія мѣръ къ улучшенію положенія крестьянъ князь призналъ нужнымъ вызвать изъ всѣхъ сельскихъ вѣдомствъ (что нынѣ волости) по два депутата, избранныхъ мѣрскими обществами, на сходахъ, и изъ нихъ составить *совѣтъ*, съ участіемъ членовъ Ильинскаго правленія и третейскаго суда. Депутаты явились въ Ильинскъ 5 Октября, засѣданія совѣта открыты 8 того же мѣсяца. Послѣ обѣдни и приличной случаю проповѣди мѣстнаго протоіерея, депутаты, предводимые членами третейскаго суда, явились въ главный господскій домъ, въ которомъ приняты были повѣреннымъ Ослоповскимъ и членами Ильинскаго правленія. Князь держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой выяснилъ, что графиня особенно заботится о благосостояніи подвластныхъ ей крѣпостныхъ людей и далъ наставленія, какъ должно вести засѣданія совѣта, поручивъ предсѣдательство въ немъ повѣренному Ослоповскому.

Всѣхъ засѣданій было четыре, послѣ чего, 14 Октября, члены Ильинскаго правленія и третейскаго суда и 63 депутата были собраны для подписанія постановленій и затѣмъ отправились въ церковь для выслушанія литургіи и благодарственного молебна.

На четырехъ засѣданіяхъ совѣта было постановлено:

1. Сборъ денежныхъ повинностей признано болѣе удобнымъ и выгоднымъ для крестьянъ производить въ два срока: съ 1 Ноября до 15 Декабря и съ 20 Февраля по 1-е Апрѣля.

2. Сборъ оброчнаго хлѣба начинать съ 1-го Октября и оканчивать къ 15 Ноября.

3. На соляные и желѣзные караваны и на всѣ прочія работы мѣрскія общества должны избирать и наряжать крестьянъ по очереди, соблюдая возможную справедливость и строгій порядокъ, для чего тотчасъ же составить именныя списки, въ которыхъ въ первую очередь поставить крестьянъ перваго состоянія, во вторую средняго, въ третью бѣднаго.

4. Денежныя пособія высылаемымъ крестьянамъ, выдаваемыя отъ мѣрскихъ обществъ, вовсе отмѣнить.

5. Въ числѣ бѣдныхъ крестьянъ, впавшихъ въ большія недоимки, есть такіе, которые пришли въ такое положеніе по причинамъ невиновнымъ,

*) Съ 1834 года она переименовывается въ школу земледѣлія, горныхъ и лесныхъ наукъ.

**) Князь Сергѣй Васильевичъ Голицынъ женился на дочери графини Софьи Владиміровны Аглайды Павловны въ 1821 году.

какъ-то: а) отъ неурожая хлѣбовъ или выбитія ихъ градомъ, б) отъ падежа скота, в) отъ пожаровъ, г) отъ продолжительной болѣзни и д) отъ многочисленнаго и малолѣтняго семейства. Такіе крестьяне заслуживаютъ особаго вниманія и попеченія о возстановленіи ихъ состоянія. Напротивъ, другіе крестьяне пришли въ бѣдность и впади въ недоимки по „виновнымъ“ причинамъ, а именно: а) по лѣности и нерадѣнію къ домашнему хозяйству и земледѣлію, б) отъ пьянства, в) по отлучкѣ,—такихъ крестьянъ признано дѣйствительною мѣрою подчинить ближайшему надзору начальства и наблюдению за поведеніемъ и исправнымъ исполненіемъ земледѣльческихъ работъ. Для этого положено учредить въ имѣніи господское хлѣбопашество на такомъ пространствѣ, на какомъ признано будетъ за нужное. На это хлѣбопашество переводить и перечислять безпечныхъ о своемъ хозяйствѣ крестьянъ.

6. Накопившіяся недоимки со всѣхъ вотчинныхъ крестьянъ разсрочить, кромѣ иньвенскихъ, на три года, а съ иньвенскихъ на четыре года, при чемъ бѣднымъ къ оплачиванію недоимки и текущихъ податей оказать облегченіе въ раскладкѣ и въ нарядахъ на работы.

7. Отмѣнить съ иньвенскихъ крестьянъ перевозку соловаренныхъ дровъ съ Яйвенскихъ урочищъ и замѣнить поставкою ихъ съ рр. Весляной и Лолога.

Послѣ этого Ослоповскій объявилъ депутатамъ, что всѣ предложенія разсмотрѣны и рѣшены и спросилъ ихъ: не имѣютъ ли они отъ мірскихъ обществъ какихъ либо просьбъ; на вопросъ этотъ депутаты предъявили слѣдующія просьбы:

1. Уменьшить плату за размоль хлѣба на господскихъ мельницахъ.
2. Дозволить выбирать старость на одинъ годъ, а не на три.
3. Увеличить иньвенскимъ крестьянамъ на нынѣшній (1823) годъ плату за перевозку съ Яйвенскихъ урочищъ дровъ въ промысла.
4. Уничтожить сборъ меда съ ульевъ и бортей.

Просьбы эти представлены были на благоусмотрѣніе князя, который рѣшилъ такъ:

1. Сборъ за размоль ржи, вмѣсто 4 коп. съ пуда, взимать по 2 коп. съ пуда ассигнаціями, а за размоль другихъ родовъ хлѣба—противъ того, что взималось до нынѣ, взимать половину.
2. Разрѣшить мірскимъ обществамъ выбирать старость на одинъ годъ.
3. Иньвенскимъ крестьянамъ, за перевозку дровъ изъ Яйвенскихъ урочищъ, прибавить плату за нынѣшній (1823) годъ по 50 к. за каждую сажень.
4. Сборъ оброчнаго меда уничтожить.

Въ заключеніе Ослоповскій объявилъ депутатамъ, что князь, сверхъ выдаваемой до нынѣ караваннымъ работникамъ платы, прибавляетъ, начиная съ будущаго каравана, на cadaго работника: по соляному каравану—до Нижняго-Новгорода по 6 руб. ассигнаціями, до устья р. Камы по 3 руб., на желѣзномъ караванѣ до Нижняго-Новгорода по 6 р., въ прочія мѣста—по разстоянію.

На означенномъ постановленіи князь, 15 Октября, написалъ такъ: „Утверждая всѣ статьи, въ засѣданіяхъ постановленныя, поручаю привести оныя въ исполненіе“.

Въ 1825 году, заботясь объ улучшеніи земледѣлія въ Пермскомъ маіоратѣ, графиня устраиваетъ въ своемъ Марьинскомъ имѣніи (Новгородской губерніи) *практическую школу земледѣлія и ремеслъ**), въ которую были присланы изъ Пермской губерніи въ 1826 году 50 крестьянскихъ сиротъ.

Въ 1827 году графиня составляетъ „Положеніе объ управленіи Пермскимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ“, которое въ томъ же году вводится въ дѣйствіе.

Въ 1833 году имѣніе раздѣляется по управленію на 5 округовъ и при каждомъ округномъ правленіи учреждается *библіотека*.

Въ томъ же году учреждается *съездъ окружныхъ управляющихъ*, для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ дѣлъ, для каковой цѣли всѣ управляющіе одинъ разъ въ годъ собирались въ Ильинскомъ селѣ.

Въ томъ же 1833 году открываются *приходскія школы* въ Добрянскомъ заводѣ и селѣ Кудымкорскомъ.

Въ томъ же году графиня посылаетъ лучшихъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ ея горнозаводской школѣ, въ Саксонію, изъ коихъ одинъ—Александръ Ефимовичъ Теплоуховъ поступаетъ въ Тарантскую лѣсную академію, а другой—Петръ Сосинатовичъ Шаринъ—во Фрейбургскую горную академію. По окончаніи курса въ этихъ заведеніяхъ, первый изъ нихъ, Теплоуховъ, руководитъ устройствомъ лѣсовъ въ Пермскомъ маіоратѣ**), второй назначенъ инспекторомъ горныхъ заводовъ и соляныхъ промысловъ въ имѣніи по технической части.

Въ Февралѣ 1837 года графиня присылаетъ новое „Положеніе объ управленіи Пермскимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ“, въ коемъ между прочимъ опредѣлены права служащихъ на полученіе свободы отъ крѣпостной зависимости, такого рода:

„Крѣпостные дворовые мои люди, необучившіеся въ школѣ горнозаводскихъ наукъ и земледѣлія, но занимающіе различныя должности по Пермскому нераздѣльному имѣнію, могутъ получать отъ меня, въ награду за ихъ усердную и безпорочную службу, отпускъ на волю безъ всякой платы, на основаніи ниже сего изложенномъ:

„Помощники управляющаго, заводскіе и промысловые приказчики и повѣренныя по дѣламъ могутъ получить свободу, если они прослужили въ сихъ должностяхъ усердно и безпорочно двадцать лѣтъ.

---

*) Объ этой школѣ бывший воспитанникъ ея Бернаскони напечаталъ статью въ «Библіотекѣ для чтенія» (Мартъ 1843 г.).

**) Въ «Пермскомъ Сборникѣ», изд. Д. Смышляева, напечатана А. Е. Теплоуховымъ крайне интересная статья: «Краткое описаніе лѣсохозяйства въ Пермскомъ маіоратѣ гр. Строгановыхъ. (Т. I, М. 1859).

„Секретари правленія, бухгалтеры, конторщики, контролеры, кассиры, вотчинные приказчики и помощники заводскаго или промысловаго приказчика могутъ быть награждены отпускомъ на волю послѣ двадцати пяти лѣтней усердно и безпорочно пройденной службы въ сихъ должностяхъ.

„Всѣ прочіе служащіе могутъ быть отпущены на волю за тридцатилѣтнюю усердную и безпорочную службу.

„Увольненіе служащихъ на волю дается съ женами и малолѣтними дѣтьми; на прочихъ же въ семействѣ родственниковъ увольненіе не распространяется“.

28 Ноября 1841 года графиня присылаетъ въ Ильинскъ „Правила о положеніи пенсіи служащимъ и мастеровымъ съ ихъ семействами въ Пермскомъ имѣніи“, состоящія изъ 52 пунктовъ.

12 Іюня 1842 года графиня утверждаетъ составленный управляющимъ Добрянскимъ заводомъ В. А. Волеговымъ „Уставъ о застрахованіи скота“, который введенъ былъ съ Мая 1843 года въ Добрянскомъ заводѣ съ селеніями къ нему приписанными, а потомъ въ Ильинскомъ и другихъ округахъ.

Въ 1843 году учреждается при главной конторѣ въ С.-Петербургѣ *комmissiя для разбора и рѣшенія разныхъ дѣлъ по Пермскому имѣнію*, для руководства коей составлено особое положеніе.

Въ Мартѣ 1844 года графиня прислала въ имѣніе новыя „Правила о положеніи пенсій служащимъ, мастеровымъ, ихъ семействамъ и лопманамъ солянаго каравана“.

Въ томъ же году выбраны изъ воспитанниковъ петербургской школы трое и поручены „юристу“, для обученія юридическимъ наукамъ.

5 Марта 1845 года графиня Софья Владиміровна скончалась, на 70 г. отъ роду, послѣ 27 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ полномасштабнаго управленія имѣніемъ.

Печатаемая вслѣдъ за симъ: „Хозяйственныя записки по Пермскому имѣнію графини С. В. Строгановой“ даютъ полную картину положенія хозяйства въ майоратѣ во время управленія имъ этой замѣчательно умной и просвѣщенной женщины.

Ред.

I.

Хозяйственные записки по Пермскому имѣнію графини Софьи Владиміровны Строгановой, составленныя въ началѣ 1820 года.

Ө. А. Волегова.

I. Вообще объ имѣніи.

Состоящее нынѣ во владѣніи графовъ Строгановыхъ Пермское вотчинное имѣніе находится въ одной Пермской губерніи.

По бывшему въ 1747*) году раздѣлу между тремя братьями, баронами Александромъ, Николаемъ и Сергѣемъ Григорьевичами Строгановыми, пространство земли, доставшейся на часть каждаго изъ нихъ—хотя назначено, но весьма неясно, ибо до того времени ни частнаго, ни генеральнаго размежеванія земель ихъ еще не было. Всѣ знаки сдѣланныхъ тогда ихъ повѣренными границъ, какъ видно изъ раздѣльнаго акта, состояли въ столбахъ, ямахъ, литерахъ, вырѣзанныхъ на большихъ деревьяхъ и т. п.

Доставшаяся меньшему брату, барону Сергѣю Григорьевичу, часть, по праву наслѣдства, перешла отъ него, въ 1756 году, во владѣніе къ сыну его графу Александру Сергѣевичу; по смерти же его, въ 1811 году, Сентября 27, досталась уже его сыну графу Павлу Александровичу, и наконецъ по кончинѣ сего послѣдняго, въ 1817 году Юня 10, на основаніи сдѣланнаго имъ въ духовномъ завѣщаніи распоряженія и Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 11 день Августа того-жъ года, имѣніе поступило въ пожизненное владѣніе супруги его, графини Софьи Владиміровны Строгановой, урожденной княжны Голицыной.

По сдѣланному же до нынѣ обмежеванію Пермскаго имѣнія, всей земли за ея сіятельствомъ состоитъ въ единственномъ и общемъ владѣніи, со всѣми спорными дачами, 1446160 дес. 2075 кв. сажень. По послѣдней 7-й ревизіи, бывшей въ 1816 г., во всемъ Пермскомъ имѣніи считается 46510 душъ одного мужеска пола, а въ какихъ именно селеніяхъ, показано ниже.

II. О главномъ Ильинскомъ правленіи.

Въ Главномъ Ильинскомъ Правленіи сосредоточиваются всѣ дѣла, относящіяся до управленія Пермскаго имѣнія. Ему подчинены правленія Но-

*) Этотъ раздѣлъ былъ общій на все Пермское *вотчинное* имѣніе, а раздѣлъ на *промисла* сдѣланъ былъ другой, чрезъ два года, и именно въ 1749 году.

	Изъ господскихъ доходовъ.	Изъ мірскихъ суммъ.
Писцу его	60 руб.	— руб.
Ильинскому Полицеймейстеру	100 "	— "
Вахмистру	60 "	— "
Тремъ кузнецамъ	132 "	— "
Тремъ столярамъ и сторожу ихъ	276 "	— "
Восьми челоѡкамъ, служащимъ при домахъ главнаго управителя и членовъ	516 "	— "
Уставщику Лысвенской пильной мельницы	60 "	— "
Пенсіи разнымъ лицамъ	9537 "	— "
Дѣтямъ служительскимъ	1254 "	— "
Семи комиссіонерамъ и прикащикамъ желѣзныхъ и припасныхъ каравановъ, въ свободное время исправляющимъ разныя порученія	1850 "	— "
Смотрителю трактовыхъ дорогъ	— "	84 "
Часовому мастеру	— "	24 "
Сверхъ того на покупку провизіи, какъ-то: сахару, чаю, винъ и проч. для разныхъ лицъ и на пріемъ гостей положено	— "	1800 "
Итого	28909 руб.	2228 руб.

Примѣчаніе. Для облегченія въ содержаніи, всѣмъ служителямъ и пансіонерамъ отпускается изъ *оброчной муки*—женатымъ по 4, холостымъ по 2 пуда и на дѣтей отъ 1-го до 9-ти лѣтъ и далѣе съ 20 ф. до полутора пуда—съ вычетомъ изъ жалованья ихъ только по 50 коп. за пудъ, хотя мука и несравненно дороже продается въ Перми.

III. О разныхъ заведеніяхъ, состоящихъ подъ особеннымъ начальствомъ главнаго управителя и частію Ильинскаго правленія.

1. Объ училищахъ.

Въ Пермскомъ ея сіятельства имѣніи находится нынѣ три училища: въ селѣ Ильинскомъ, въ заводѣ Билимбаевскомъ и въ заводѣ Очерскомъ. Ильинское училище открыто съ дозволенія Правительства 24 іюня 1794 года; раздѣляется нынѣ на три класса. Науки преподаются слѣдующія: въ первомъ классѣ—чтеніе, краткій св. катихизисъ и письмо, во второмъ—Законъ Божій, первая часть ариѡметики, начало грамматики, россійская исторія и письмо, въ третьемъ—Законъ Божій, вторая часть ариѡметики, окончаніе грамматики, всеобщая исторія, географія, физика и чистописаніе. Сверхъ сихъ наукъ нѣсколько мальчиковъ обучаются рисованію и живописи. Къ сему же училищу присоединяется и пѣвческая школа, состоящая изъ небольшого числа учениковъ съ ихъ учителемъ. Общее число учениковъ во всѣхъ классахъ ильинскаго училища простирается нынѣ до 50-ти, въ томъ числѣ на штатномъ господскомъ содержаніи 40 и своекоштныхъ 10.

Штатъ Ильинскаго училища.

1. Жалованья въ годъ, учителямъ: старшему 300 руб., младшему 240 руб., учителю рисованія и пѣвческаго класса 180 руб.; сторожу 60 руб. и кухаркѣ 24 руб.

2. На столовое содержаніе и одежду для 40 учениковъ, на покупку книгъ и письменныхъ припасовъ и на награды при экзаменахъ 2776 руб. Сверхъ того производится жалованья: живописцу 120 руб., двумъ его ученикамъ 96 руб., а всего 3796 руб.

Училища Билимбаевское и Очерское.

Сии училища открыты, на основаніи предписанія ея сіятельства графини Софьи Владиміровны Строгановой, даннаго главному управителю Пермскихъ вотчинъ, съ 1 Января 1820 года.

Въ томъ и другомъ училищѣ дѣти обучаются чтенію, письму (по правиламъ), сокращенному катихизису, ариѳметикѣ (первой части) и священной исторіи.

По прошествіи каждаго года, всѣмъ ученикамъ, какъ сихъ двухъ училищъ, такъ и ильинскаго, предположено дѣлать экзамены и отличившихся при оныхъ познаніями учениковъ велѣно награждать книжками и похвальными листами, или чѣмъ приличнѣе найдетъ главный управитель. А между тѣмъ объ успѣхахъ, способностяхъ и поведеніи каждаго ученика, отъ учителей сихъ новѣхъ училищъ доставляются къ ея сіятельству третныя вѣдомости, подобныя тѣмъ, какія присылаются изъ училища ильинскаго.

Учениковъ въ два новыя училища, на первый разъ, принято: въ Билимбаевское 21 и въ Очерское 34. Изъ нихъ по штату назначено давать господское содержаніе при обоихъ училищахъ только 12-ти ученикамъ, а прочіе должны оставаться на коштѣ отцовъ или родственниковъ.

По штатамъ Билимбаевскаго и Очерскаго училищъ опредѣлено въ годъ: 1) жалованья: двумъ учителямъ (по 240 руб.)—480 руб., двумъ ихъ помощникамъ (по 80 руб.)—160 руб., двумъ сторожамъ (по 48 р.)—96 руб.; 2) на содержаніе и одежду для 12-ти учениковъ 640 руб. 80 коп.; 3) на покупку учебныхъ пособій и припасовъ 320 руб., и 4) на награды отличившимся при экзаменахъ 100 руб.—итого 1796 руб. 80 коп.

Вся сумма на содержаніе трехъ училищъ: Ильинскаго, Билимбаевскаго и Очерскаго, составляющая 5592 руб. 80 коп. въ годъ, берется изъ господскихъ доходовъ.

2. О ткацкой фабрикѣ.

Находящаяся въ селѣ Ильинскомъ ткацкая фабрика заведена назадъ тому лѣтъ 30. На ней выдѣлываются полотна разной ширины и доброты, салфетки и скатерти—камчатныя и простыя, шерстяныя полосатыя матеріи для мебели, довольно красивыя, серпанки и проч.

Пряжа готовится всегда находящимися при фабриках и живущими въ домахъ отцовъ своихъ дѣвками—служительскими дочерьми, изъ господскаго льну.

Непремѣнныхъ прялокъ по послѣднему штату положено при фабрикахъ до 45, кромѣ живущихъ при отцахъ и родственникахъ. Число прочихъ мастеровыхъ людей показано ниже.

Всѣ непремѣнныя пряльщицы, по достоинству работы и по лѣтамъ службы, раздѣлены на три класса или разряда. Урокъ ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: каждая дѣвка въ недѣлю должна выпрясть отъ 10^{1/2} до 20 золотниковъ, или полторы тальки по 7 и 8 золотниковъ, а находящіяся при отцахъ дѣвки должны выпрядывать по три тальки въ мѣсяцъ—изъ готоваго льну.

Время службы на фабрикахъ ни для кого, кромѣ дѣвокъ, не опредѣлено. Дѣвкамъ (всѣмъ) назначено прослужить при фабрикахъ 6 лѣтъ, однако-жь такимъ только, которыя усерднымъ исполненіемъ своей обязанности и добрымъ поведеніемъ отличаются; но тѣхъ, которыя не будутъ имѣть усердія къ службѣ и поведутъ себя дурно, велѣно держать при фабрикахъ 12 лѣтъ. Впрочемъ всѣмъ дѣвкамъ предоставлена свобода выходить замужъ и прежде окончанія срока, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавляться отъ службы. Съ другой стороны, дѣвки вольны оставаться на фабрикахъ и послѣ срока, если только кто изъ нихъ пожелаетъ. О лѣтахъ службы, о поведеніи и работѣ фабричныхъ дѣвокъ доставляются въ С.-Петербургскую главную контору третныя вѣдомости и рапорты, кромѣ частныхъ донесеній главнаго управителя, въ вѣдѣніи коего состоитъ фабрика.

Штатъ фабрики есть слѣдующій:	Число людей.	Имъ жалованья.
Прикащикъ	1	180 руб.
Мастеръ	1	84 "
Мастерица	1	36 "
Ткачей: старшихъ	9	540 "
младшихъ	2	96 "
Переборщиковъ	5	210 "
Цѣвошниковъ	4	96 "
Прялокъ, получающихъ по 30 руб.	20	600 "
" 24 "	15	360 "
" 18 "	10	180 "
Сверхъ того мастеровымъ и дѣвкамъ, всего 66 чел., выдается безъ вычета господская ржаная мука по 24 пуда въ годъ на cadaго, что составляетъ для всѣхъ 1584 пуда, полагаемая по 50 коп. на	—	792 "
Сторожъ при фабрикахъ	1	60 "
При <i>бѣлильной</i> : работниковъ	2	120 "
работницъ	2	24 "
Расходы на покупку льна и на другія надобности производятся на	—	3000 "
Итого	73	6378 руб.

Сія сумма отпускается изъ господскихъ доходовъ.

3. О Капилинскомъ конскомъ заводѣ и Ильинской господской конюшнѣ.

Такъ какъ ни о числѣ находящихся въ томъ и другомъ мѣстѣ лошадей, ни о ихъ содержаніи, за недостаткомъ свѣдѣній, сказать ничего теперь не можно, то на сей разъ выпишу только опредѣленное по штату жалованье служащимъ при сихъ заведеніяхъ людямъ, производимое изъ господскихъ доходовъ, а именно:

а) при Капилинскомъ заводѣ:	
Унтеръ-офицеру Анисимову	1000 руб.
Конюшему	120 „
Конюхамъ 5-ти человѣкамъ, по 60 руб.	300 „
Коновалу	80 „
Ученику его	60 „
б) при Ильинской конюшнѣ:	
Конюшему	120 „
Конюхамъ: 4-мъ старшимъ, по 60 руб.	240 „
2-мъ младшимъ, по 48 руб.	96 „
	2016 руб.
На разные расходы до	1000 „
	Всего . . . 3016 руб.

4. Объ Ильинской больницѣ.

Сколь благотѣльное, столь-же и необходимо-нужное заведеніе сіе существуетъ въ селѣ Ильинскомъ уже много лѣтъ.

Съ начала устроенія ильинской больницы хотя не всегда при ней находились знающіе свое дѣло ученые доктора, но за то всегда были и нынѣ есть лѣкарскіе ученики (изъ своихъ служителей).

Послѣдній штатъ больницы таковъ: опредѣленный въ нынѣшнемъ 1820 году лѣкарь Г. Ламони получаетъ одного жалованья, кромѣ квартиры, услуги и экипажа 3000 да столовыхъ 1000 руб., всего 4000 въ годъ, 8-ми лѣкарскимъ ученикамъ—968, двумъ ученикамъ, находящимся въ ученьи у пермскаго доктора (по 84)—168, надзирателю больницы 120, сторожамъ 3-мъ (по 60)—180, кухаркамъ 2 (по 18)—36, прачкѣ и служанкѣ при больныхъ (по 18)—36, на лѣкарства, которыя до нынѣ покупались на Макарьевской ярмаркѣ, въ годъ полагается до 1500*), на пищу и одежду для больныхъ**) полагается расходовъ до 1000 руб., всего 8008 руб. Сверхъ того служащимъ у лѣкаря Г. Ламони: лакею 84, кучеру 60, кухаркѣ 18; по сему весь счетъ больницы простирается до 8170 руб.

Всѣ расходы на счетъ больницы дѣлаются изъ мірскихъ доходовъ.

*) Въ нынѣшнемъ 1820 году лѣкарствъ и инструментовъ куплено въ Петербургѣ и отправлено въ Ильинское съ лишкомъ на 4000 руб.

**) Изъ доставленной отъ ильинскаго лѣкаря Г. Ламони въ С.-Петербургскую главную контору вѣдомости за Апрель мѣсяць сего года видно, что больныхъ въ теченіе того мѣсяца находилось въ больницѣ 89 человѣкъ.

Б. О Капилинской господской пашнѣ.

Первоначальное заведеніе сей пашни, находящейся въ селѣ Архангельскомъ сдѣлано въ прошломъ 1819 году. Все пространство ея, состоящее изъ одной цѣльной площади въ 150 десятинъ (изъ коихъ каждая заключаетъ въ себѣ 80 поперечника и 40 саж. длинника, или 3200 саж. квадратныхъ), раздѣляется на три равныя поля: 1) для яроваго, 2) для озимоваго хлѣба и 3) для паровъ.

Для обработыванія сей пашни отдѣлено изъ ближайшихъ къ оной оброчныхъ крестьянъ 50 тяголь, изъ коихъ каждое обрабатываетъ по одной десятинѣ въ каждомъ полѣ. Всѣ сіи крестьяне росписаны на 29 семействъ, и въ томъ числѣ находится мужеска пола 102 души, женска 91 душа, а всего 193 души: изъ нихъ работниковъ 46, полуработниковъ 8, работницъ 62.

На каждомъ полномъ работникѣ лежитъ тягло.

Сверхъ того крестьяне сіи оплачиваютъ господскаго оброку со 109¹/₄ душъ, и всѣ казенныя и мірскія повинности несутъ на равнѣ съ прочими вотчинными крестьянами, избавляясь только посылокъ въ караваны и домашнихъ нарядовъ или общественныхъ работъ (сдѣльевъ).

На господской пашнѣ они работаютъ въ недѣлѣ три дня, а прочіе три дня находятся при своихъ работахъ; въ праздники же и воскресные дни господскими работами не занимаются.

Для распоряженія работами при Капилинской пашнѣ находится особый смотритель, въ вѣдѣніи коего состоятъ и приписные къ оной крестьяне. Смотритель, сверхъ предписанныхъ ему правилъ для обработыванія пашни, ведетъ записку въ книгахъ и доноситъ Ильинскому правленію и тамошнему главному управителю, сколько мѣрою и какого именно хлѣба и на сколько десятинахъ посѣяно, а потомъ: какое количество сноповъ снято, сколько, когда и какого именно обмолочено и сыпано на мѣру въ анбаръ, производя таковыя работы тѣми же людьми.

По окончаніи годовыхъ работъ, смотритель составляетъ всему посѣянному и вымолоченному хлѣбу генеральную вѣдомость, въ видѣ отчета, и препровождаетъ оную, вмѣстѣ съ книгою, при рапортѣ, въ Главное Ильинское правленіе.

IV. О соляныхъ промыслахъ.

Обязанности промысловаго правленія заключаются въ нижеслѣдующихъ главнѣйшихъ статьяхъ: 1) въ успѣшной вываркѣ соли, имѣющей годовой *заваръ**) съ 1 по 1 Мая, 2) въ заготовкѣ и сплавокѣ дровъ, 3) въ доставкѣ соли къ Нижнему-Новгороду и 4) въ отчетахъ.

*) Заваръ — заводскій отчетный годъ

Въ обоихъ промыслахъ, т. е. въ Новоусольскомъ и Ленвинскомъ, находится всѣхъ варницъ 25, а именно: въ Новомъ Усольт: Сергѣевская, Гергѣевская и Екатерининская—каменные и Александровская, Ивановская, Софійская, Семеновская, Никольская, Дмитрѣевская, Богородская, Воскресенская, Замятинская, Павловская, Миніевская, Благовѣщенская и Архангельская—деревянные; на Ленвѣ: Софійская, Павловская, Преображенская, Натальинская, Троицкая, Климантовская, Сергѣевская, Покровская и Воскресенская—деревянные.

Для всѣхъ 25 варницъ разсолъ получается съ 11-ти нижеслѣдующихъ трубъ: въ Усольт—съ Орловской, съ добротой разсола въ 15¹/₄ лотовъ, Семеновской въ 14 лотовъ, Васильевской въ 14 лотовъ, Введенской въ 14 лотовъ, Вознесенской въ 15¹/₄ лотовъ, Архангельской въ 15¹/₄ лотовъ, Покровской въ 15¹/₂ лотовъ; на Ленвѣ: съ Сокольской въ 16 лотовъ, Преображенской въ 16 лотовъ, Подсосенской въ 16³/₄ лотовъ и Листопадной въ 16 лотовъ.

Соли вываривается въ каждый годъ неодинаково, смотря по обстоятельствамъ и времени, по внутреннему состоянію промысловъ, по большей или меньшей заготовкѣ дровъ и проч.

Въ прошломъ 1818 заварѣ, по промысловому (3-хъ пудовыми мѣшками) счисленію, было выварено: въ Новомъ Усольт 728466, на Ленвѣ 413661 пудъ, а всего 1142127 пудъ. По отвѣсу же въ Нижнемъ Новѣ городѣ, при сдачѣ въ казну, оказалось, за исключеніемъ потонувшей отъ разбитія одной и отъ поврежденія другой ладьи, почти 1200000 пуд.

Дровъ употреблено на выварку вышеозначеннаго количества соли—48289¹/₂ саж., которыя по цѣнѣ обошлись около 1 руб. 80 коп. каждая сажень, что составляетъ на сумму денегъ слишкомъ 87000 руб. Соли вышло на сажень дровъ вообще 24 пуд. 24 фун.

Обязанности внутреннихъ промысловыхъ работниковъ.

Находящихся въ обоихъ промыслахъ внутреннихъ работниковъ, состоящихъ въ числѣ 588 душъ*), обязанности различны, смотря по должности, исправляемой каждымъ; столь же различна и плата за ихъ трудъ, и при томъ она производится имъ только за то время, когда варницы находятся въ дѣйствиіи, что обыкновенно бываетъ отъ 9 до 10¹/₂ мѣсяцевъ въ году, и за то, сколько кто зарабатываетъ.

Имъ плата опредѣлена по штату *ежемѣсячно* слѣдующая: поварамъ: 7 руб. 50 коп., подваркамъ 6 руб. 60 коп., дрововозамъ 6 руб. 60 коп.; унимальщикамъ, которые также сгребаютъ соль съ цырена на полати для про-

---

*) Изъ нихъ въ 1820 году было настоящихъ работниковъ 248, полурботниковъ и малолѣт-
ковъ, занимающихся работами съ 10 до совершеннаго возраста 138. Стариковъ, находящихся въ ка-
раулѣ, 8. Немогушихъ работать 194.

сушки, 4 руб. 50 коп., машиннымъ фздокамъ 2 руб. 40 коп., мѣшкодержателямъ 4 руб. 40 коп., машиннымъ мастерамъ въ годъ 30 руб., трубному мастеру 100 рублей, находящимся при немъ подмастерьямъ каждому въ годъ 70 руб., трубнымъ работникамъ тоже—40 руб., машиннымъ уставщикамъ 80 руб., плотникамъ 60 руб., кузнецамъ 48 руб., молотникамъ 40 руб., слесарю 60 руб., ученикамъ его по 36 руб., цыреннымъ мастерамъ по 78 руб., цыреннымъ молотникамъ по 60 руб. Платежи по нѣкоторымъ еще другимъ статьямъ и работамъ дѣлаются также неодинаковые, но смотря по заработкѣ или употребляемому на то времени.

Промысловые работники пашенныхъ земель у себя не имѣютъ; сѣнокосныя же мѣста, хотя есть у нѣкоторыхъ, но въ самомъ маломъ количествѣ.

О приписныхъ къ промысламъ крестьянахъ.

Приписные къ обоимъ промысламъ крестьяне находятся въ четырехъ ближайшихъ къ онымъ вѣдомствахъ: Веретинскомъ 337, Романовскомъ 69, Булатовскомъ 237, Никулинскомъ 807, всего, по 7-ой ревизіи, 1450 душъ. Въ числѣ ихъ настоящихъ работниковъ 532, полурботниковъ 73, стариковъ и малолѣтковъ 845.

Пашенныя земли хотя всѣ они имѣютъ въ достаточномъ количествѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ, по песчаному грунту, не весьма плодородны; сѣнныхъ же покосовъ у нихъ совершенно достаточно.

На означенныхъ крестьянахъ лежатъ слѣдующія работы: рубка соловаренныхъ дровъ и проч. Обязанность сія для всѣхъ ихъ различна, а именно: веретинскій каждый работникъ долженъ: а) вырубить изъ промысловыхъ лѣсовъ, отстоящихъ отъ промысловъ въ 15 и 20 верстахъ, соловаренныхъ дровъ 23 сажени, съ полученіемъ платы по 15 коп. за сажень, употребивъ на то времени 40 дней, б) выкласть съ рѣки Камы на берегъ верхокамскихъ дровъ, однополенныхъ отъ 30 до 35 сажень, и долгихъ 20 сажень, за положенную плату отъ 6 до 15 коп. съ сажени; сею работою занимаются они двѣ недѣли, в) вывозить извѣстное количество сажень дровъ съ разныхъ лѣтнихъ плотбищъ въ промысла. Занимаются сею работою обыкновенно три недѣли; плату каждый работникъ получаетъ по 4 к. на версту.

Булатовскіе крестьяне обязаны, каждый работникъ, вырубить въ Яйвенскихъ лѣсахъ соловаренныхъ дровъ, сплавить на Усть-Яйву и выставить на берегъ 45 сажень, употребивъ на то времени до 130 дней; плата же за всю работу опредѣлена по качеству дровъ, отъ 40 до 60 коп. съ сажени.

Никулинскіе крестьяне, полагая на каждого работника, должны: а) вырубить по 17½ сажень, за положенную плату по 15 коп. съ сажени, въ теченіи 50 дней, б) выкласть на берегъ съ рѣки Камы верхокамскихъ дровъ, въ сложности по 28 саж., получивъ за то отъ 6-ти до 15-ти коп. съ сажени. Въ сей работѣ обращаются они не болѣе двухъ недѣль.

Крестьяне означенныхъ трехъ приписныхъ вѣдомствъ (Веретинскаго, Булатовскаго и Никулинскаго) заготовляютъ въ годъ до 12000 саж., да казенными верхокамскими и другими вольными дровопоставщиками заготавливается слишкомъ 36000, а всего до 48000 саж. Цѣны за сіи послѣднія дрова опредѣлены Правительствомъ отъ 1 руб. 25 коп. до 2 руб. 40 коп., т. е. смотря по качеству дровъ*).

Дрова квартирныя рубятъ и поставляютъ въ промысла одни веретинскіе крестьяне. Каждый работникъ долженъ поставить таковыхъ дровъ 3½ саж., съ полученіемъ платы по 40 коп. за сажень.

Постройка соляныхъ судовъ.

Ее исправляютъ только двухъ вѣдомствъ крестьяне и при томъ дѣлаютъ не полное число судовъ, какое ежегодно бываетъ нужно для всего каравана, а именно: романовскіе должны построить въ теченіи года: а) двѣ ладьи топорной работы, въ длину 30-ти саженой мѣры, за которыя положено имъ платы по 500 руб. за каждую, б) отъ 15 до 18 большихъ завозень по 12 руб. и в) такое же число шитиковъ, съ платою по 5 руб. 50 коп. за каждый.

Изъ булатовскихъ крестьянъ 40 человекъ, въ теченіи цѣлаго года, обязаны построить четыре ладьи, той же 30-ти саженой мѣры и топорной работы, съ полученіемъ штатной платы за каждую по 500 руб. Всего же приписные къ промысламъ крестьяне дѣлаютъ 6 ладей.

Остальное за тѣмъ количество, т. е. 11 или 12 ладей, строятъ верхокамскіе казенные крестьяне, по вольной цѣнѣ, которая простирается до 800 и до 1000 руб. за каждую ладью.

Нагрузка соли въ ладьи.

Въ сію работу изъ приписныхъ къ промысламъ четырехъ вѣдомствъ наряжается женскій полъ, какъ замужнія, такъ и дѣвки, числомъ до 380.

Въ теченіи двухъ недѣль, обыкновеннаго времени нагрузки, онѣ обязаны вынести 3-хъ пудныхъ мѣшковъ около 383000; полагая въ каждомъ мѣшкѣ по 3 пуда, составитъ всей соли до 1140000 пуд.; но сей расчетъ не есть положительный, а болѣе примѣрный, ибо и самая выварка соли ежегодно бываетъ неодинакова. Плата опредѣлена штатомъ по 1 р. 50 к. съ 1000 пудовъ.

Выставка сѣна на господскихъ лугахъ.

Сія работа исправляется крестьянами всѣхъ 4-хъ приписныхъ сель обыкновенно въ Іюль мѣсяцѣ. Въ хорошую погоду они оканчиваютъ ее въ 17, а въ дождливую почти въ 30 дней. Плата по сей работѣ опредѣлена

*) О семъ изъяснено въ актѣ между казенными Дедюхинскими и владѣльческими промыслами, учиненномъ 13 Августа 1811 года и Правит. Сенатомъ утвержденномъ въ 27-ое Ноября того же года.

по 17 коп. каждому работнику и по 10 коп. работницѣ въ день. Всѣхъ работниковъ и работницъ на сію работу наряжается болѣе 300 человѣкъ. Сѣна всего выставляютъ на Никулинскихъ и Веретинскихъ лугахъ до 10000 пудъ въ лѣто.

Дѣланіе кирпича.

Для дѣланія кирпича на Усть-Зырянскомъ кирпичномъ заводѣ, высылаются женщины, дѣвочки и мальчики съ трехъ селъ: Веретинскаго до 15, Булатовскаго до 20, Никулинскаго до 60, всего до 95 челов. Въ сей работѣ обращаются они около 20 дней. Платы получаютъ съ 1000 кирпичей: за рѣзку по 1 руб., за топку глины по 1 руб., за правку по 30 коп., за кладку въ стопы по 15, за посадку въ печи по 10, за высадку по 10 коп.

Приготовление и поставка въ промысла разныхъ припасовъ.

Тѣже приписные крестьяне должны приготовить и въ промысла поставить слѣдующіе припасы, съ полученіемъ платы: угля для кузницъ 500 коробовъ, по 85 коп., мочаль 3600 пудовъ, по 8 коп., рогожъ кулевыхъ 500 штукъ, по 8 коп., рогожъ подстилочныхъ 28000, по 2 коп., ужищъ (веревокъ) лычныхъ 4000, по 1½, скаля 18280, по 1 коп., дугъ для упряжки 300, по 5 коп., лопать деревянныхъ 220, по 2 коп., кольевъ березовыхъ 250, по 1 коп., смолы до 300 ведръ, по 45 коп., саней дрововозныхъ до 200, по 40 коп.

Кромѣ всѣхъ обязанностей, лежащихъ на промысловыхъ работникахъ и приписныхъ къ промысламъ крестьянахъ, до 1818 года, они платили еще денежный оброкъ, по 1 руб. съ души, но въ 1818 году, по докладу главнаго пермскаго управителя Я. Г. Волегова, онъ вовсе отмѣненъ, исключая только платимыхъ за приписныхъ крестьянъ казенныхъ повинностей и по прежнему изъ подъ работъ ихъ вычитаемыхъ.

Въ прочемъ всѣ работы и приготовленіе припасовъ отъ промысловаго правленія возлагаются на крестьянъ общимъ количествомъ, съ наблюденіемъ только того, которому селенію и какую повинность удобнѣе исполнить; подробное же росписаніе работъ и занятій для каждаго крестьянина, располагаетсяъ уже на мірскихъ сходахъ, гдѣ промысловое правленіе нисколько не участвуетъ.

Всѣмъ промысловымъ работникамъ съ ихъ семействами—круглый годъ, а приписнымъ крестьянамъ, во время нахождения ихъ при господской работѣ,—выдается готовая мука, съ вычетомъ за нее только по 30 к. за пудъ.

О доставкѣ солянаго каравана.

По нагрузкѣ соли, производимой, какъ выше сказано, приписными къ промысламъ людьми, въ заготовленные зимою ладьи, числомъ до 16-ти и въ два или три небольшіе шитика, караванъ отпускается обыкновенно съ половины Мая, а иногда и ранѣе, въ двухъ или трехъ отдѣленіяхъ, подъ

управленіемъ двухъ или трехъ главныхъ приказчиковъ съ ихъ помощниками, находящимися на каждомъ суднѣ, и слѣдуетъ внизъ по Камѣ рѣкѣ до ея устья, имѣя на каждой ладьѣ работниковъ, изъ вотчинныхъ крестьянъ, до 120 человѣкъ, изъ числа коихъ съ устья Камы оставляется не болѣе 97 человѣкъ съ лоцманомъ на ладьѣ, а остальные люди изъ Богородска отпускаются обратно въ дома. Судовыя снасти, для всего каравана, заготавливаются на нижегородскомъ ея сѣятельства канатномъ заводѣ; часть изъ нихъ къ промысламъ доставляется по осени, на такъ называемыхъ снастныхъ судахъ; главное же количество снастей весь караванъ получаетъ въ селѣ Богородскомъ. Заготовка фуража для машинныхъ лошадей, коихъ на каждую ладью становится до 22, зависитъ отъ Нижегородской конторы и Главнаго Ильинскаго правленія. Отъ Богородска до Нижняго Нова-города ладьи слѣдуютъ въ верхъ по Волгѣ, посредствомъ устроенныхъ на нихъ съ 1814 года машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе силою означенныхъ лошадей. По приходѣ каравана въ Нижній, соль сдается въ казенное вѣдомство, частію прямо въ запасные магазины, частію же въ барки казенныхъ солепоставщиковъ.

Всѣ пустыя лоды и шитики, какъ ни въ какое другое употребленіе уже негодныя, по распоряженію Нижегородской конторы, продаются въ сломку, цѣною около 600 руб. за каждую ладью; равно и лошади, по причинѣ невыгодности обращать назадъ въ Пермь, идутъ также въ продажу, по разнымъ цѣнамъ, нерѣдко еще съ барышемъ противъ своей покупки, дѣлаемой въ Пермскихъ вотчинахъ.

На каждую ладью наряжается, изъ Пермскихъ вотчинъ, слѣдующее определенное число людей, съ положенною имъ штатною платою, утвержденною въ 1819 году, а именно:

	Число людей на ладьѣ.	Плата одному.	Всѣмъ.
Лоцманъ	1	80 р.	80 р.
Приказчикъ (частный) изъ служителей . .	1	харчевые	—
Нарядчикъ изъ служителей же	1	харчевые	—
Передовщикъ	1	50 р.	50 р.
Помощниковъ его	5	30 „	150 „
Водоливовъ: старшій	1	40 „	40 „
младшій	1	30 „	30 „
Работниковъ: перваго разряда	35	26 „	910 „
втораго ра ряда	53	24 „	1272 „
3-го разряда, плавающихъ до устья Камы	24	12 „	288 „
Итого на одну ладью	123	—	2820 р.

Слѣдовательно, если положить самую меньшую пропорцію къ доставкѣ, т. е. по 16-ти судовъ въ годъ, то выйдетъ, что въ каждое лѣто людей наряжается: до Нижняго 1552 (по разнымъ окладамъ) на 40512 р., до устья Камы 384, по 12 руб. на 4608, гребцовъ для двухъ косныхъ лодокъ 18, по 26, на 468, итого 1954 челов.—на 45588 руб. За тѣмъ на счетъ доставки

солянаго каравана издерживается денегъ: а) на заготовку судовыхъ снастей до 50000, б) на разные расходы и на содержаніе караванныхъ приказчиковъ: 1) отъ Главнаго Ильинскаго правленія до 9000, 2) отъ Нижегородской конторы до 20000, итого на доставку солянаго каравана до 124588 р., да на сдачу соли въ казну требуетъ нижегородскій повѣренный, въ семь 1820 году, 47848 руб., а всего на счетъ доставки и сдачи 172436 руб.

О промысловомъ правленіи.

Всѣ дѣла по дѣйствию соляныхъ промысловъ вѣдаются и производятся въ *промысловомъ правленіи*, находящемся въ селѣ Новомъ-Усольѣ, подъ мѣстнымъ распоряженіемъ управляющаго промыслами, старшаго приказчика и его помощника, коимъ подчинены: служащіе въ семь правленіи письмоводители, всѣ исправляющіе разныя должности люди и приписные къ промысламъ крестьяне.

Потребные на производство солосваренія и на содержаніе самыхъ промысловъ, съ находящимися при нихъ въ разныхъ должностяхъ людьми, денежные капиталы, ассигнуются отъ Главнаго Ильинскаго правленія. По штату, въ 1818 году исправленному, оно должно высылать туда ежегодно, сверхъ разныхъ мелочныхъ промысловыхъ доходовъ: а) наличными деньгами: 1) на все производство солосваренія и заготовку дровъ до 170000 руб., 2) на жалованье приказчикамъ и другимъ должностнымъ людямъ, а также церковнослужителямъ и пансіонерамъ 21661 руб. 33 коп., б) хлѣбомъ*) (ржаною мукою) до 40000 пудовъ, по 30 коп. за пудъ, 12000 руб., итого 203661 руб. 33 коп.

Отчеты промысловаго правленія, какъ за весь заваръ общіе, такъ и ежемѣсячные, о вываркѣ соли, объ употребленіи дровъ и о прочемъ, доставляются въ С-Петербургскую Главную контору—мѣсячные прямо, а годовые чрезъ Главное Ильинское правленіе.

Общее примѣчаніе. По количеству суммы, употребляемой въ промыслахъ на выварку соли и по счетамъ, извѣстно, что, при новомъ штатѣ, она обходится на мѣстѣ около 16 коп., а по отдачѣ въ казну, при чемъ ежегодно оказывается привѣсу отъ 100 до 200 тысячъ пудовъ, соль стоитъ съ небольшимъ 14 коп. Доставка отъ промысловъ до Нижняго, съ расходами на заготовку снастей, составляетъ почти 10 коп., а отдача въ казну съ немногимъ 4 коп., итого 28 коп. Изъ казны получается нынѣ по 66^{18/100} коп., слѣдовательно, чистаго барыша отъ каждаго пуда 38^{18/100} коп., а за 1250000 пудъ, вывариваемой почти въ каждомъ году, до 475000 руб.

---

*) Хлѣбомъ выдача производится здѣсь управляющему промыслами, приказчику, его помощнику и прочимъ должностнымъ служителямъ и пансіонерамъ—женатымъ по 4, холостымъ по 2 пуда, на дѣтей отъ 1-го года до 4-хъ лѣтъ по 20 фунтовъ, отъ 4-хъ до 9-ти лѣтъ по 1 пуду, отъ 9-ти до 15-ти лѣтъ и далѣе по 1 пуду 20 фунтовъ, въ каждый мѣсяць, съ вычетомъ изъ опредѣленнаго имъ жалованья или пенсіи по 50 коп. за пудъ; а мастеровымъ всѣмъ по 30 коп.

V. О горныхъ заводахъ.

Всѣхъ горныхъ, или металлическихъ заводовъ, въ Пермскомъ ея сіятельства имѣніи, находится нынѣ четыре, а именно: 1) Билимбаевскій—чугуно-плавильный, 2) Добрянскій и 3) Очерскій—железодѣлательные, 4) Павловскій—катальный и рѣзной.

Дѣйствіе каждаго завода состоитъ въ нижеслѣдующемъ.

Заводъ Билимбаевскій*).

Годовой оборотъ дѣйствія его называется *заваромъ* и считается съ 1-го по 1-е Мая.

Обязанности сего завода заключаются: 1) въ добычѣ руды, 2) въ перевозкѣ оной къ заводу, 3) въ выплавкѣ чугуна и отливкѣ разныхъ вещей и посуды, 4) въ заготовкѣ угля, 5) въ заготовкѣ разныхъ припасовъ и вещей, 6) въ доставкѣ чугуннаго каравана къ железобитательнымъ заводамъ и 7) въ отчетахъ по всѣмъ статьямъ.

1. О добычѣ и обжигѣ руды.

Для обыкновенной выковки железа на заводахъ Добрянскомъ, Очерскомъ и Павловскомъ, идущаго на продажу ежегодно до 180000 пуд., и на внутреннія заводскія и другія поковки 26000 пуд., всего же до 206000 п., чугуна потребно, полагая выходъ железа 75 изъ 100, не менѣе 278000 п., да на отливку вещей и прочаго до 22000 пуд., а всего до 300000 пудовъ. Слѣдовательно на выплавку сего количества понадобится руды, имѣющей содержаніе хотя около 50 пуд. въ 100, не менѣе 600000 пудовъ въ годъ, или на одинъ заваръ. Но дѣйствительно добывается иногда больше, иногда же меньше.

Добыча рудъ производится: а) приписными къ Билимбаевскому заводу крестьянами, коихъ, по 7 ревизіи, съ мастеровыми считается 1839 душъ, кромѣ 116 душъ служителей, такимъ образомъ: каждая артель, состоящая изъ 5-ти работниковъ, обязана выработать слѣдующій *урокъ*: выносить изъ рудника и перенести на пожоги земли и руды $12\frac{1}{4}$ куб. аршинъ, а на вѣсъ 150 пудъ, или пространство, имѣющее длины 14, ширины 8 и глубины 7 четвертей, въ каждый рабочій день; въ сей работѣ обращается мужской и женскій полъ, возрастные и малолѣтніе; платежъ полагается различный, смотря по силамъ и возрасту, отъ 12 до 18 коп. въ день, б) чрезъ вольныхъ подрядчиковъ, коимъ платится по 30 руб. съ тысячи пудовъ добытой и обожженной руды.

Для обжига рудъ поставляются къ рудникамъ особыя дрова до 700 кубическихъ сажень 7-ми четвертныхъ полѣньевъ, за которыя опредѣлена плата по 1 руб. 20 коп. съ каждой сажени. На одного работника полагается

*) Построенъ по указу 1730-го года, данному отъ государственной бергъ-коллегіи.

вырубить сихъ дровъ отъ 5 до 6 сажень въ мѣсяць. За подвозку оныхъ платится также по 1 р. 20 коп. съ сажени.

За поставку на рудники до 20 бревень, идущихъ на обжигъ рудъ и укрѣпленіе штоленъ, длиною 10 аршинъ, толщиною въ отрубѣ отъ 4 до 6 вершковъ, платится отъ 6 до 14 коп. (а въ сложности обходится около 12 к.). Доставленные же тоньше 3-хъ вершковъ въ отрубѣ не принимаются.

За поставку къ рудникамъ *чурашей*, или *лучины*, для штоленныхъ работъ, плата опредѣлена разная.

2. О перевозкѣ руды.

Она исправляется приписными же крестьянами. Плата за перевозку руды въ заводъ производится имъ различная, по разстоянію мѣста рудниковъ отъ завода, съ тысячи пудовъ, а именно:

Съ Шшимскаго, въ 23 верстахъ, по 20 руб.	Руды до	1000 пуд.
„ Арефьевскаго и Логовскаго, въ 18 верст., по 15 руб.	„	1000 „
„ Чернорѣченскаго, въ 18 верст., по 15 руб.	„	90000 „
„ Погорѣльскаго, въ 15 верст., по 12 р. 50 к.	„	25000 „
„ Гаревскаго, въ 13 верст., по 12 р. 50 к.	„	40000 „
„ Медвѣдевскаго, въ 8 верст., по 10 руб.	„	1000 „
„ Битимскаго, въ 7 верст., по 10 руб.	„	65000 „
„ Волковскаго, въ 7 верст., по 10 руб.	„	2000 „
„ Билимбаевскаго, въ 7 верст., по 10 руб.	„	40000 „
„ Каменскаго, въ 5 верст., по 7 р. 50 к.	„	5000 „
„ Галкинскаго и Зачусовскаго, въ 3 верст., по 5 р.	„	300000 „
„ Гординскаго и Павловскаго, въ 1 и 2 верст., по 5 р.	„	30000 „
		<hr/>
		600000 пуд.

А съ Галашинскихъ, находящихся въ отдаленности отъ завода, плата полагается съ пуда по 12 коп., и при томъ, если руда доставляется вольными извозчиками, дѣлается прибавка, по мѣстному усмотрѣнію.

3. О дѣйствиіи доменномъ.

На имѣющихся въ Билимбаевскомъ заводѣ двухъ домнахъ—Богоявленской и Богородской—въ теченіе всего завара, чугуна выплавляется: 1) на выдѣлку желѣза 206000 пудовъ, какъ выше упомянуто въ статьѣ о добычѣ руды, не меньше 278000 пуд., 2) въ вещахъ и домашней посудѣ, идущихъ частію на вольную продажу, и въ разныхъ заводскихъ издѣліяхъ до 4000, на выковку желѣза при Билимбаевскомъ заводѣ до 4000 и въ запасъ до 14000, итого 22000, а всего до 300000 пуд.

Сверхъ того иногда по обложенію Правительства, отливаются артиллерійскіе снаряды, за назначаемою отъ самой казны плату.

Впрочемъ, количество выплавляемаго ежегодно чугуна и вещей въ непремѣнную обязанность заводу поставить нельзя, потому что дѣйствіе доменныхъ печей, почти въ каждую зиму, подвержено бываетъ остановкамъ, какъ отъ недостатка въ заводскомъ прудѣ воды, такъ и отъ необыкновенныхъ въ тамошнемъ мѣстѣ зимнихъ морозовъ и другихъ причинъ.

Въ нынѣшнее время, при посредственномъ скопленіи воды, одна дѣйствующая домна выплавляетъ чугуна въ сутки почти до 700 пуд., слѣдовательно, когда бы дѣйствіе ея было непрерывно цѣлый годъ, тогда бы одной домны довольно было для всего завара.

О разныхъ фабрикахъ и мастерскихъ.

Въ вагранкѣ, находящейся въ Билимбаевскомъ заводѣ, отливаются разныя чугунныя вещи и посуда, идущія на заводское употребленіе и на продажу. Мастера, литейщики и ученики здѣсь получаютъ жалованье, а подмастерья и засыпки—задѣльную плату по 30 коп. въ день.

О слесарной, кузницѣ, мѣховой фабрикѣ, о каменорѣзной и пильной мельницѣ и о больницѣ ничего подробнаго, кажется, писать не нужно: ихъ обыкновенное дѣйствіе извѣстно. Мастера и другіе люди получаютъ жалованье и плату, опредѣленные штатомъ.

Въ кричной фабрикѣ желѣза выковывается на внутреннія заводскія надобности ежегодно до 3000 пуд. Плата по сей работѣ таже, каковая на Очерскомъ и Добрянскомъ заводахъ.

Самое большое скопленіе воды въ Билимбаевскомъ заводскомъ ларѣ бываетъ отъ 8 до 9 аршинъ.

4. Работа куренная, или заготовка угля.

По штату назначено заготовлять угля, на цѣлый заваръ, полагая выплавку чугуна 15 пудовъ на одинъ коробъ, а на 300000 пудовъ до 20000 коробовъ, да на разное употребленіе по дѣйствию вагранки, кричной, кузницы и проч. 2300, а всего 22300 коробовъ.

Уголь заготовляютъ билимбаевскіе крестьяне. Каждый работникъ, состоящій въ окладной росписи, обязанъ съ 12-го Апрѣля по 15 Юля вырубить куренныхъ дровъ, въ каждую недѣлю,—полномочный 1½, а слабосильный 1¼ курен. саж., занимаясь вырубкою сего количества только четыре дня въ недѣлѣ. Такимъ образомъ, каждый работникъ, въ теченіе означеннаго времени, долженъ вырубить 20 кубич. сажень, а всѣ вмѣстѣ, чтобъ выжечь угля 22300 короб. (полагая изъ 10 сажень 35 короб.), должны на рубить дровъ 6371½*) куб. сажень.

Потомъ, съ исхода Августа, въ теченіе 6-ти или 7-ми недѣль, каждый работникъ обязанъ вырубленное имъ количество дровъ, т. е. 20 сажень, скласть въ кученки и выжечь угля 70 коробовъ, а зимою, по первому пути и почти всегда съ 1 Ноября, вывозить оный изъ куреней на заводское плотбище.

---

*) Надобно знать, что рубкою дровъ на Билимбаевскомъ заводѣ занимаются еще и приходящіе туда въ каждую весну, для слава чугунаго каравана, вотчинные крестьяне, числомъ отъ 420 до 500 человекъ, изъ которыхъ на каждого возлагается по 3 саж., съ платою по 1 р. 50 к. за каждую сажень.

Мѣра куренныхъ дровъ и угольнаго короба есть слѣдующая: полѣнья куренныхъ дровъ должны быть длиною, кромѣ остряка, 7 четвертей. Полѣнницы кладутся вышиною въ 7 четвертей и сверхъ того на усышку дровъ прибавляется по 2 вершка. Коробъ угольный составляетъ прежній размѣръ, т. е. по дну 3 аршина, въ верху 3½ аршина, ширина—по дну 3 четверти, въ верху 1½ аршина, а высота 7 четвертей, и всегда долженъ быть заклеименъ заводскою печатью.

Плата опредѣлена штатомъ 1819 года: 1) за вырубку куренныхъ дровъ съ каждой сажени по 1 р. 50 коп., но если готовые дрова отдаются на выжегъ другому, въ такомъ случаѣ заплаченные за вырубку ихъ 1 р. 50 к. съ него вычитаются, и тогда уже платежъ дѣлается по расчету; 2) за выжегъ и доставку угля въ заводъ изъ дровъ, самими поставщиками нарубленныхъ, платится по 1 р. 20 коп. съ каждаго короба.

Хотя сія плата многимъ превосходитъ плату, положенную на Добрянскомъ и Очерскомъ заводахъ, но сіе сдѣлано по уваженію дальняго здѣсь разстоянія куреней отъ завода.

5. Заготовка и поставка разныхъ матеріаловъ и вещей.

Приписные къ Билимбаевскому заводу крестьяне, по раскладкѣ мѣстнаго начальства, ежегодно поставляютъ нижеслѣдующіе матеріалы и вещи, нужныя какъ для внутренняго заводскаго употребленія, такъ и для каравановъ, а именно: 1) для добыванія и поставки въ заводъ горноваго камня наряжается 12 человекъ,—они занимаются сею работою съ 1 Мая по исходъ Декабря. Горновые камни бываютъ вѣсомъ отъ 100 до 500 пудовъ. Плата за выломку и доставку положена по 6-ти коп. съ пуда. Камня сего готовится на весь заваръ до 12 т. пудовъ. 2) За добычу и поставку въ заводъ флюсоваго песку, до 2000 возовъ, платится въ мѣсяць по 20 руб. за каждую домну. 3) За поставку рѣчнаго песку, до 350 возовъ, платится по 7 к. съ воза. 4) За поставку 2000 пудъ обожженной извести платится по 4 коп. съ пуда. 5) За дѣло телѣжныхъ колесъ, употребляемыхъ къ перевозкѣ рудъ, песку и разныхъ припасовъ, до 15 становъ, получаютъ по 1 р. 50 к. 6) За дѣло 12 дровней—1 р. 20 к. 7) За дѣло медвѣдочныхъ колесъ, 10 паръ, для подвозки угля и руды изъ обметовъ къ домнамъ, съ каждой пары 1 р. 20 к. 8) Рудометныхъ корытъ до 1000 по 3 к. 9) За поставку дегтя, употребляемаго при заводскомъ дѣйствиіи на смазку машинъ, телѣгъ и проч., до 800 ведръ, по 50 коп. 10) За поставку смолы, 250 ведръ, потребной на разныя заводскія надобности, по 40 к. 11) За поставку лычныхъ ужищъ (веревокъ), потребныхъ для каравана и на нѣкоторыя заводскія надобности, платится: съ 1000 большихъ по 7 к., съ 1200 малыхъ по 5 коп. 12) Березовыхъ клиньевъ 200 по 1 коп. 13) Черемуховыхъ рѣшетокъ, для носки угля, 50 по 12 к. 14) За дѣло водоносныхъ ведеръ, нужныхъ при заводскомъ дѣйствиіи, на рудникахъ и въ караванъ, всего до 400 паръ, съ каждой по 15 коп. 15) За вырубку и поставку квартирныхъ дровъ, до 550 са-

жень, по 60 коп. 16) За исправляемую крестьянами перевозку изъ Екатеринбургъ въ заводъ хлѣбныхъ и другихъ припасовъ платится имъ съ пуда по 5 коп. 17) За дѣланіе кирпича потребнаго для внутренняго заводскаго устройства, ежегодно до 25000 и болѣе, платится съ 1000: мастеру только за надзоръ по 60 коп., а работникамъ разныя цѣны, о коихъ подробно изъяснено въ штатѣ. 18) За поставку 3-хъ аршинныхъ дровъ до 25 сажень и болѣе, идущихъ для обжигу рудъ, выдается по 60 коп. съ сажени. 19) Обязанность по поставкѣ сѣна: по сдѣланному съ давняго времени положенію, каждый дѣйствительный работникъ (кромѣ мастеровыхъ) обязанъ доставить на господскую конюшню, для находящихся при оной 25 лошадей, сѣна 20 пудовъ, безъ всякаго платежа. Сія обязанность возложена на нихъ для того, что отведенные имъ покосы, по обширности своей, не только доставляютъ нужное количество сѣна для прокормленія собственнаго ихъ скота, но они еще избытки онаго продаютъ въ немаломъ количествѣ.

6. Постройка коломенокъ и доставка чугуннаго каравана на Камскіе желѣзнодорожные заводы.

Для постройки слишкомъ 35 коломенокъ и 40 павозковъ обыкновенно отдѣляется до 60 человѣкъ работниковъ, которые и находятся; при вырубкѣ лѣсу съ 15-го Мая по 15-ое Юня, при вывозкѣ онаго съ 1-го Ноября по 1-е Января; строеніемъ же коломенокъ занимаются въ Мартѣ мѣсяцѣ. За всю сію работу платежъ опредѣленъ штатомъ по 130 руб. съ коломенки. Сверхъ того, для постройки судовъ, на Билимбаевской пильной мельницѣ заготавливается нужное количество пиленыхъ досокъ и отъ заводскаго запаса отпускается деготь, гвозди, скобы, бауты, ручныя пилы и проч. За перевозку чугуна изъ завода на Макаровскую пристань, отстоящую въ 5 верстахъ, плата положена по 5 коп. съ тысячи пудовъ.

Къ сплаву чугуннаго каравана наряжаются ближайшіе къ заводу вотчинные или оброчные крестьяне, ежегодно, почти на 35 коломенокъ, до 1267 человѣкъ; но ежели изъ числа ихъ почему либо, какъ на примѣръ, по болѣзни, въ работу употреблены быть не могутъ, то замѣняются приписными къ Билимбаевскому заводу крестьянами, за что, какъ вотчиннымъ, такъ и подзаводскимъ, производится особая штатная плата: кореннымъ работникамъ по 8 р., а прибавочнымъ съ Сулемской пристани по 3 р., но она зачитается въ оброкъ. Сія работа исправляется обыкновенно весною въ теченіи 4-хъ недѣль, а съ рубкою дровъ, которую ежегодно крестьяне исправляютъ по приходѣ на Билимбаевскій заводъ, составляетъ до 8 недѣль.

Нужныя для сего каравана пеньковыя снасти заготавливаются на нижегородскомъ канатномъ заводѣ.

О прискахъ мѣдной руды.

Въ дачѣ Билимбаевскаго завода съ давняго времени продолжаютъ приски сей руды. Они по временамъ были оставляемы и опять снова возоб-

новляемы по оказывающимся признакамъ въ разныхъ мѣстахъ и рудникахъ; но успѣховъ сей разработки опредѣлить нельзя, ибо до сихъ поръ она не вознаградила даже тѣхъ издержекъ и трудовъ, кои употреблены на одно отысканіе.

Плата доменнымъ мастерамъ.

Находящіеся при доменномъ дѣйствіи мастерские получаютъ плату, опредѣленную штатомъ 1819 года: два мастера—220 р. въ годъ, подмастерья по 40 коп. въ день, работники по 24 к., мусорщики по 20, засыпки по 40, помощники ихъ по 20, угленосы по 24, рудобои по 18, плотники—1-го разряда по 24 к., 2-го по 20, 3-го—чернодѣльцы по 18, каменщики—мастеръ 30 коп., работникъ 24.

Примѣчанія.

I. Приписные къ Билимбаевскому заводу служители 116, штатные мастерские 1292 и сверхштатные 509, а всего 1917 душъ, за исключеніемъ деревни Волеговой, въ которой считается 38 душъ, кромѣ службы и работъ своихъ, владѣльцу уже ничего не платятъ. Вносимыя за нихъ въ казну подати: подушныя, почтовые и на содержаніе дорогъ, за мастерскихъ по 3 р. 30 к., за служителей и мастерскихъ сверхштатныхъ по 3 р. 82 к. съ каждой ревизской души, а со всѣхъ 6651 р. 10 к., приеются на счетъ заводской конторы. Сверхъ того всѣмъ мастерскимъ и подзаводскимъ работникамъ выдается господскій хлѣбъ, однакожъ съ вычетомъ изъ подъ работъ ихъ по 30 коп. за пудъ (не смотря на то, что хлѣбъ дороже стоитъ самому заводу), а престарѣлымъ и увѣчнымъ, неимѣющимъ силъ заработать, мука отпускается безденежно. Мастерские имѣютъ еще слѣдующую выгоду: по лѣту всѣ увольняются для поставки собственного сѣна, нужнаго на прокормленіе ихъ скота,—на 4 и даже на 6 недѣль. Впрочемъ, и въ рабочее время, всѣ господскія работы распределены такъ, что почти каждый мастерский въ суткахъ имѣетъ свободное время для исправленія домашнихъ нуждъ.

II. Приграниченной къ Билимбаевскому заводу земли съ лѣсами и безъ оныхъ, считается: а) въ безспорной окружной дачѣ 43440 десятинъ 2198 кв. саж., б) состоящей въ спорѣ съ Верхъ-Нейвинскимъ заводомъ Яковлева—5051 десят. 1300 кв. с., а всего 48492 десят. 1098 кв. саж.*).

7. Управление и счета.

Мѣстное управленіе Билимбаевскимъ заводомъ зависитъ отъ двухъ находящихся нынѣ при ономъ приказчиковъ съ подчиненными имъ по разнымъ должностямъ людьми. Письменные дѣла и счета производятся въ за-

*) Какъ сіе видно изъ экспликаціи, подъ лит. А, доставленной въ началѣ 1818 г. въ С.-Петербургскую Главную контору, вмѣстѣ съ генеральною картою на Пермское имѣніе.

водской конторѣ. Нужныя на содержаніе сего завода денежныя суммы переводятся изъ Главнаго Ильинскаго правленія. По послѣднему штату (1819) оно должно высылать туда въ каждый заваръ: а) на жалованье приказчикамъ, конторскимъ служителямъ, мастеровымъ, разнымъ должностнымъ людямъ, церковнослужителямъ и пансіонерамъ 10692 руб., б) на платежъ въ казну пошлинъ: попудныхъ съ 300000 пуд. чугуна, по 12 коп за пудъ, 36000 руб., съ двухъ доменныхъ печей оброку 400 руб., съ коломенокъ по 63 руб. 56 коп. съ каждой, а съ 35-ти—2224 руб. 60 коп., а всего 38624 руб. 60 коп., в) на дѣйствіе завода, полагая всѣ платежи по работамъ и расходы по разнымъ частямъ, которыя означены въ штатѣ—153611 руб.; итого 202927 руб. 60 коп.

Прикащикамъ, всѣмъ должностнымъ служителямъ и пансіонерамъ отпускается изъ господскаго запаса ржаная мука: женатымъ по 4 пуда, холостымъ по 2; на дѣтей отъ 1 до 4 лѣтъ—по 20 фунтовъ, отъ 4 до 9—по 1 пуду, отъ 9 до 15 и далѣе—по 1 пуд. 20 фун., въ каждый мѣсяць, съ вычетомъ изъ жалованья ихъ по 50 коп. за пудъ.

Отчеты Билимбаевской конторы, за каждый заваръ особые, поступаютъ въ Главное Ильинское правленіе, которое, обревизовавъ ихъ, препровождаетъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ С.-Петербургскую Главную контору.

З а к л ю ч е н і е .

Изъ отчетовъ Билимбаевской конторы (за 1815 заваръ) видно, что одна доставка чугуна на камскіе заводы обошлась слишкомъ по 7 коп., а съ присовокупленіемъ суммы, употребляемой на выплавку онаго, кромѣ пособія оброчныхъ крестьянъ и не считая процентовъ на капиталъ, задолжаемый для завода, чугунъ стоилъ самому помѣщику $53\frac{5}{8}$ коп. за пудъ, а по возобновленному въ 1819 году штату, чугунъ будетъ обходиться уже около 80 коп. за пудъ.

Если, согласно сему расчету, положить въ цѣну весь чугунъ, который ежегодно предположено выплавлять на Билимбаевскомъ заводѣ, то выйдетъ, что 300000 пудовъ, разумѣется, считая ихъ доставленными на желѣзкокательные заводы, будутъ стоить 240000 рублей.

Заводы Добрянскій. Очерскій и Павловскій*).

Окружныя дачи земель и лѣсовъ, приграниченныхъ къ симъ заводамъ, какъ видно изъ экспликаціи, доставленной въ Главную С.-Петербургскую Контору въ 1818 году, подъ лит. А, составляютъ: при Добрянскомъ заводѣ 44136 десят. 499 кв. саж., при Очерскомъ и Павловскомъ 163885 дес. 2099 кв. саж.

*) Добрянскій заводъ построенъ барономъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, по указу бергъ-коллегіи отъ 6 Марта 1752 года, а Павловскій заводъ устроенъ въ 1816 году, не въ видѣ особаго завода, но подъ именемъ рѣзной фабрики, при Очерскомъ заводѣ.

Огней или горновъ при сихъ заводахъ находится нынѣ вообще 44; изъ нихъ, при Добрянскомъ 20, при Очерскомъ и Павловскомъ—24, а молотовъ 22, въ томъ числѣ 10 при Добрянскомъ и 12 при Очерскомъ и Павловскомъ. Полное скопленіе воды въ заводскихъ прудахъ, на ларевомъ порогѣ, доходитъ до 7 арш. 2½ четв. при Добрянскомъ и 6¼ арш. при Очерскомъ и Павловскомъ.

По возобновленному въ прошломъ 1819 году штату, предположено выковывать желѣза ежегодно:

	При Добрянскомъ заводѣ.	При Очерскомъ и Павловскомъ заводахъ.
1. Полосовато: сходнаго, на продажу	73000	27000
на разныя заводск. подѣлки и поковки	5500	4000
2. Рѣзнаго: сходнаго, на продажу	—	56000
несходнаго	—	1500
3. Шиннаго: сходнаго, на продажу	10000	14000
несходнаго	500	800
4. Дошатаго, на выдѣлку листовато желѣза, идущаго на цыренныя полицы для промысловъ и на разныя потребности, со включеніемъ обрѣзковъ и угару	4000	1000
5. Дужнаго для соляныхъ промысловъ	1000	—
6. Расковочнаго и ломы	1500	2000
7. На угаръ полагается: отъ рѣзнаго	—	3000
отъ шиннаго	500	700
	<hr/>	<hr/>
	96000	110000
	<hr/>	
	206000	
Въ томъ числѣ, на продажу: полосовато	73000	27000
шиннаго	10000	14000
рѣзнаго	—	56000
	<hr/>	<hr/>
	83000	97000
	<hr/>	
	180000	
На выковку сего количества (206000) назначено доставлять чугуна съ Билимбаевского завода	130000	148000
	<hr/>	
	278000	

По числу молотовъ, хотя и должно бы выковывать желѣза несравненно больше, но, по малости рѣчекъ Добрянки и Очера, заводы въ полномъ дѣйствіи бывають не больше 2-хъ или 3-хъ мѣсяцевъ, ибо начиная почти съ Августа мѣсяца заводы дѣйствуютъ уже, вмѣсто 22 молотовъ, только на 16, потомъ на 12, на 10 и наконецъ, зимою, когда вода находится въ самой низкой степени скопленія, не болѣе какъ на 7 или на 8 молотахъ, а потому и находящіеся въ Добрянскомъ заводѣ два стана—катальный и рѣзной—пускаются въ дѣйствіе только тогда, когда скопляется воды въ прудѣ больше, нежели нужно оной на всѣ 10 молотовъ.

Работа кричная располагается при всѣхъ горнахъ на двѣ смѣны въ каждыя сутки. Каждый мастеръ, съ подмастерьемъ и работникомъ, долженъ сдѣлать въ одну недѣлю, въ которой нѣтъ праздничныхъ дней, или въ 6 очередей, изъ выдаваемаго имъ штыковаго чугуна 110-ти пудъ, 10 криць

11-ти пудныхъ, и, полагая въ каждой таковой крицѣ выходъ желѣза 8 пудовъ 10 фун., выковать онаго 82 пуда 20 фун., употребивъ на сіе угля 12½ коробовъ, т. е. не болѣе 1¼ короба на крицу. Когда же вмѣсто штыковаго чугуна будутъ разжигаться тяжеловѣсныя чугунныя припасы, тогда угля прибавляется по ⅛ короба на крицу; а въ случаѣ перековки кричныхъ ступовъ, угля выдается въ прибавокъ по ¼ короба.

Для выковки болваночнаго желѣза, идущаго на шинное и дужное, для соляныхъ промысловъ, на крицу отпускается чугуна по 10 пудовъ. Изъ оной выдѣлывается желѣза 7½ пудъ. Въ полную работную недѣлю мастеръ, съ подмастерьемъ и работникомъ, обязанъ сдѣлать 9 крицъ, или 67 пудъ 20 фун. желѣза. Угля полагается на каждую изъ сихъ крицъ по 1½ короба; но если въ перековку идутъ припасы тяжеловѣсныя, то прибавляется къ тому еще по ⅛ короба на крицу.

Платежъ полагается: а) за выковку обыкновеннаго полосоваго и разныхъ сортовъ подѣлочнаго, для заводскихъ потребностей, желѣза,—мастеру 4½, подмастерью 3¼, работнику 2¼, а всѣмъ, съ пуда сходнаго желѣза, 10 коп., б) за выковку болваночнаго: мастеру 6, подмастерью 3½, работнику 2½, всѣмъ, съ пуда сходнаго желѣза, 12 коп., в) за несходное желѣзо (т. е. бракъ), какъ обыкновенное полосовое и болваночное: мастеру 1½, подмастерью 1¼, работнику 1, всѣмъ же съ пуда 3¾ коп., г) кто по усердію своему сработаетъ больше положеннаго числа крицъ, тотъ за излишнюю выковку получаетъ двойной платежъ, а именно: за полосовое обыкновенное и подѣлочное—мастеръ 10, подмастерье 6¾, работникъ 3¼, итого съ пуда 20 коп., за болваночное—мастеръ 13, подмастерье 7½, работникъ 3½, а вмѣстѣ, съ пуда, 24 коп., д) за приковочное желѣзо, дѣлаемое сверхъ опредѣленнаго количества (т. е. болѣе 3-хъ четвертыхъ частей) изъ выдаваемаго имъ чугуна, для поощренія къ тому мастеровыхъ и для награжденія сего особеннаго ихъ труда—съ одной стороны, и дабы тѣмъ отнять всякій поводъ къ утратѣ желѣза—съ другой,—платится по одному рублю за каждый пудъ, изъ коихъ согласно штату получаютъ: мастеръ 50, подмастерье 35, работникъ 15, итого 1 руб., е) равнымъ образомъ, за сбереженіе угля изъ опредѣленной пропорціи, также платится по 30 коп. съ короба. Плату сію получаютъ только двое, мастеръ и подмастерье, первый 20 коп., а второй 10 коп.

Сверхъ исправнаго платежа мастеровыми заработанныхъ ими денегъ, въ воскресные и праздничные дни всѣмъ имъ дается по чаркѣ вина.

Напротивъ, за излишнюю передержку взыскивается: а) за чугунъ—съ мастера 50, подмастерья 35, работника 15, а со всѣхъ за пудъ 1 руб., б) за уголь—съ мастера 45, съ подмастерья 25, а съ обоихъ за коробъ 70 коп., в) если же когда случится, что мастеровые, не довольствуясь опредѣленною имъ платою за приковку желѣза, сдѣлаютъ еще поползновеніе на несправедливую утрату онаго и въ томъ будутъ изобличены, тогда съ виновныхъ взыскивается по 4 руб. за каждый пудъ утраченнаго желѣза, хотя бы

оное даже отыскалось. По возвращеніи найденнаго желѣза въ заводскій запасъ, взысканіе полагается равное, какъ если бы оное и не было найдено, а только бы извѣстно было количество его въ утратѣ, съ мастера 2 руб., съ подмастерья 1 руб. 25 коп., съ работника 75 коп., а со всѣхъ 4 руб.

Поелику таковая утрата не иначе можетъ случиться, какъ только по сноровкѣ другихъ мастеровыхъ, работающихъ съ утратившими на одномъ горну, то дабы злоупотребленіе сіе скорѣе могло быть отвращено и пресѣчено и чтобъ мастеровые одинъ за другимъ обязаны были присматривать, взыскивается и съ сихъ послѣднихъ, хотя бы ихъ сообщество и не всегда было доказано: съ мастера 1 руб., съ подмастерья 50 коп., съ работника 25 коп., а съ троихъ за пудъ 1 руб. 75 коп.

Кто же объявитъ и докажетъ о такомъ злоупотребленіи, тому определено выдавать въ награду изъ взыскиваемой въ штрафъ суммы по 1 р. за пудъ найденнаго по его доказательству желѣза.

Въ катальной и рѣзной фабрицѣ, при дѣланіи листового, шиннаго и рѣзнаго желѣза, также цыренныхъ полицъ для соляныхъ промысловъ, платится въ рабочій день, или полусуточную смѣну: мастерамъ 40 коп., подмастерьямъ 30 коп., помощникамъ ихъ 25 коп., работникамъ 15 коп.

Въ токарной фабрицѣ, гдѣ обтачиваются плющильные валы и другія вещи для разныхъ машинъ, плата производится въ рабочій день: подмастерьямъ 30 коп., ученикамъ и работникамъ 15 коп.

Въ якорной мастерской, за дѣло разной величины якорей, нужныхъ для ежегоднаго сплаву соляныхъ и желѣзныхъ каравановъ, а также для завода—кричныхъ молотовъ, мѣховыхъ колѣнчатыхъ валовъ и за другія заводскія подѣлки, выдается въ рабочій день: мастерамъ 40 к., подмастерьямъ 25 к., работникамъ 15 к.

Въ заводской кузницѣ обращающимся при дѣланіи разныхъ вещей, инструментовъ, гвоздей, потребныхъ для завода, для соляныхъ промысловъ и на отправленіе въ Петербургъ, равно за дѣло плотничныхъ и дровосѣчныхъ топоровъ, куренныхъ лопатокъ и другихъ поковокъ, кузнецамъ платится въ рабочій день: старшимъ 20 коп., младшимъ 17 коп., молотникамъ: старшимъ 15 коп., младшимъ 14 коп.

Въ слесарной, находящимся при дѣлѣ разныхъ вещей, слѣдующихъ въ отпуски для петербургскаго дома и въ другія мѣста, положено въ день: слесарямъ: старшимъ 25 коп., младшимъ 20 коп., ученикамъ 15 коп.

Въ шпикарной: малолѣткамъ платится за выковку отправляемаго ежегодно въ Петербургъ гвоздья: штукатурнаго до 800000, съ тысячи—30 коп., обойнаго до 5000000, съ тысячи 20 коп.

За выдѣлку изъ тагильскаго желѣза стали до 200 пудовъ (на Добрянскомъ заводѣ,—въ Очерскомъ заводѣ сталь не дѣлается), нужной для заводскаго употребленія, платится съ пуда мастеру 30 к., работнику 15 коп.

На пильной мельницѣ, находящимся при распиловкѣ лѣсу, потребнаго для заводскихъ перестроекъ, производится въ рабочій день—пильщикамъ 18 коп., а работникамъ 15 коп.

Всѣмъ мастеровымъ и плотникамъ, занимающимся поденными работами при разныхъ постройкахъ и поправкахъ, въ каменной и плотничной работѣ, платится въ день: на Добрянскомъ заводѣ отъ 20 до 30 коп., въ Очерскомъ и Павловскомъ 20 коп.

Находящимся въ поторжныхъ и черnodѣльныхъ работахъ, выдается каждому работнику въ день 15 коп.

Окладъ сторожамъ и будильщикамъ. Во всѣхъ вышеозначенныхъ фабрикахъ, мастерскихъ, на плотинѣ и въ другихъ мѣстахъ, по штату назначено имѣть: а) сторожей и караульчиковъ 22 человѣка съ жалованьемъ каждому 3 руб. 50 коп., б) будильщиковъ на работу мастеровыхъ полагается по одному на 3 молота, что составляетъ: при Добрянскомъ заводѣ 3, при Очерскомъ и Павловскомъ 4; имѣ жалованья въ день 14 коп.

Работа куренная исправляется приписными къ заводамъ крестьянами.

На годовое дѣйствіе заводовъ, угля заготавливается, для выковки означеннаго выше на стр. 117 количества желѣза, 206000 пудовъ, полагая на 8 п. 10 ф. чистаго желѣза по 1¼ короба, не менѣе 12725 коробовъ для Добрянскаго и 14318 для Очерскаго и Павловскаго.

Для разныхъ фабрикъ, кузницъ и мастерскихъ, на угаръ при выдѣлкѣ болваночнаго желѣза, тяжеловѣсныхъ припасовъ и проч. до 5775 для Добрянскаго и 7682 для Очерскаго и Павловскаго.

Всего же на обоихъ заводахъ до 40500 коробовъ.

На выжегъ сего количества всѣ приписные крестьяне, ежегодно въ Апрѣлѣ и Маѣ, въ продолженіи 7 недѣль, обязаны вырубить въ отведенныхъ на то лѣсныхъ куреняхъ дровъ куренныхъ 6727 куб. саж. для Добрянскаго и 8800 для Очерскаго и Павловскаго, а всего 15527 куб. саж.

Плата за рубку сихъ дровъ опредѣлена штатомъ 1819 года, съ каждой кубической сажени, на Добрянскомъ заводѣ, 60 коп., а на Очерскомъ платы не полагается.

Примѣчаніе. Мѣра куренныхъ дровъ есть слѣдующая: а) полѣнья должны быть въ длину, кромѣ остряка, 7-ми четвертей, б) кладка ихъ дѣлается остряками въ одну сторону, что по крестьянски называется—*мтышитъ*, и должна быть крѣпкая, в) вышина полѣнницъ обыкновенно дѣлается въ 7 четвертей и сверхъ того прибавляется на усышку дровъ 2 вершка.

Съ первыхъ чиселъ Сентября, тѣ-же крестьяне должны нарубленное количество дровъ—скласть въ 10-ти саженныя кучѣнки на мѣстѣ, въ тѣхъ-же дровосѣкахъ, и выжечь угля изъ каждаго такого кучѣнка, при Добрянскомъ заводѣ 27½, а при Очерскомъ 25 коробовъ, что составитъ, изъ 15527 сажень, всего угля, какъ выше показано, до 40500 коробовъ, коихъ мѣра есть таже самая, какъ и на Билимбаевскомъ заводѣ (выше стр. 113).

Перевозка угля изъ куреней на заводскія плотбища бываетъ обыкновенно въ началѣ зимы.

Плата за выжегъ и доставку въ заводъ угля, включая и положенные за рубку дровъ 60 коп. съ сажени, опредѣлена штатомъ съ полнаго короба по 70 коп. на Добрянскомъ заводѣ, а на Очерскомъ платы не полагается.

Примѣчаніе. Подзаводскимъ, или приписнымъ къ заводамъ Очерскому и Павловскому, крестьянамъ, за рубку дровъ и выжегъ угля, платы не производится потому, что обязанность сія, по большому числу ихъ (стр. 122) ни мало имъ не отяготительна, и тѣмъ еще болѣе, что она принята ими добровольно.

По прииску и добычѣ мѣдныхъ рудъ (при Добрянскомъ заводѣ,—при Очерскомъ приисковъ нѣтъ) опредѣлена штатная плата: штейгеру, въ мѣсяць 5 руб., а работникамъ каждому, въ рабочій день, по 15 коп.

Мѣдная руда, по малому отысканію ея, перевозится изъ рудниковъ въ Добрянскій заводъ на господскихъ лошадяхъ.

О выплавкѣ мѣди. Количества, или вѣсу выплаваемой ежегодно при Добрянскомъ заводѣ мѣди, опредѣлить не можно; но рудъ мѣдныхъ по штату назначено въ проплавку заготовлять до 4000 пуд. Къ тому потребно горноваго песку 3000 пуд. Платежъ: плавильщикамъ по 30 коп., работникамъ по 15 коп. въ день, а всѣмъ по 45 коп. За добычу и доставку въ заводъ песку—съ пуда 3 коп.

О вагранкѣ. Въ находящейся при Добрянскомъ заводѣ вагранкѣ отливаются чугуныя вещи, идущія въ составъ машинъ для солянаго каравана и для разныхъ заводскихъ надобностей. Здѣсь платежъ производится также по штату: мастеру въ день 40 к., подмастерьямъ и работникамъ отъ 15 до 20 к.

О котельной фабрикѣ. Работникамъ, за дѣло разныхъ мѣдныхъ вещей, требующихся для петербургскаго дома, и желѣзной посуды, идущей на вольную продажу и въ отпуски, платежъ опредѣленъ, за 1500 поденщинъ въ году, по 15 коп., 225 руб.

Сверхъ показанныхъ выше сего работъ, приписные къ заводамъ крестьяне поставляютъ разные припасы и вещи, нужныя для заводскаго употребленія, а именно: 1) клиньевъ: 3-хъ четвертныхъ, по 80 коп. съ 1000—80000, полуаршинныхъ, по 70 к. съ 1000—100000 на Добрянскомъ и 200000 на Очерскомъ и Павловскомъ; 2) полукоробьевъ черемуховыхъ, по 50 к. со штуки—на Добрянскомъ 30, на Очерскомъ 50; 3) рѣшетокъ угленосныхъ и для просѣву угля, по 10 к. со штуки,—560 на Добрянскомъ и 600 на Очерскомъ; 4) дегтя, по 60 к. за ведро, 800 ведеръ для Добрянскаго и 1000 для Очерскаго и Павловскаго; 5) смолы, по 40 к. за ведро, 300 ведеръ для Добрянскаго; 6) водоносныхъ ведеръ, по 15 к. за пару, 150 паръ для Добрянскаго; 7) кореноватыхъ работныхъ колесъ, по 70 к. за пару, 60 паръ для Добрянскаго и 50 для Очерскаго; 8) кирпича дѣлаютъ, по 60 коп. съ тысячи, 25000 для Добрянскаго и 30000 для Очерскаго и 9) дровъ квартирныхъ, по 60 к. съ сажени, 450 сажень для Добрянскаго завода.

Виды облеженія мастеровыхъ. Находящіяся при заводахъ—Добрянскомъ, 580 душъ (въ томъ числѣ: настоящихъ работниковъ 188, полурботниковъ 84, малолѣтковъ, занятыхъ дѣломъ—35, стариковъ служащихъ въ караулахъ 37, совершенно-неслужащихъ 236) и Очерскомъ, 829 душъ масте-

ровые, никакихъ денежныхъ податей ни владѣльцу своему, ни казнѣ не платятъ, ибо подушныя казенныя повинности за нихъ платятся и приѣмлются на счетъ завода. Сверхъ того еще выдается имъ изъ господскаго запаса ржаная мука, съ вычетомъ изъ подѣ работъ ихъ только по 30 к. за пудъ. Когда же заводы бывають не въ полномъ дѣйствіи и не случится для всѣхъ мастеровыхъ занятій по заводу, тогда излишніе люди, съ дозволенія главнаго вотчиннаго управителя, отпускаются на вольныя работы, и уже въ то время ни хлѣбъ, ни другое содержаніе имъ не дается и ничего съ нихъ не спрашивается. Престарѣлымъ и увѣчнымъ мастеровымъ, неимѣющимъ силъ заработать хлѣбъ, ни другихъ способовъ къ пропитанію, мука также выдается господская—безденежно. Всѣ тѣ мастеровые, которые могутъ обрабатывать поля и луга—ихъ имѣють, слѣдовательно сами сѣють хлѣбъ, снимають сѣно и пользуются разными другими выгодами.

О приписныхъ къ заводамъ крестьянахъ. а) Добрянскіе. Платимый до 1818 года приписными къ Добрянскому заводу крестьянами (коихъ по 7 ревизіи считается 1827 душъ) денежный оброкъ господину, по 1 р. съ души, въ уваженіе ихъ бѣдности и для поощренія къ непремѣнному выполненію заводскихъ работъ—отмѣненъ, кромѣ однакожъ казенныхъ повинностей, которыя они несутъ по прежнему.

Приписные къ Добрянскому заводу крестьяне суть такіе люди, которые работами занимаются временно. Они имѣють порядочное хлѣбопашество и скотоводство, удовлетворяющія совершенно домашнимъ ихъ надобностямъ; сверхъ того, въ свободное отъ заводскихъ работъ и своихъ хозяйственныхъ занятій время, они обращаются на вольныя работы. Во время нахождения ихъ при рубкѣ заводскихъ дровъ выдается имъ муки ржаной по 2 пуда въ мѣсяцъ на человѣка, съ вычетомъ по 30 коп. за пудъ.

б) Очерскіе. Живущіе по близости Очерскаго завода вотчинные крестьяне, по собственному ихъ желанію, безъ всякаго платежа, рубятъ куренныя, квартирныя и обжигательныя дрова, жгутъ уголь, заготовляютъ разные припасы, перевозятъ съ Табарской пристани въ заводъ чугуны, и обратно съ завода на пристань желѣзо, исправляютъ заводскія перестройки; сверхъ того всѣ они, будучи въ большемъ числѣ противъ другихъ подзаводскихъ крестьянъ, и именно 7471 душа по 7 ревизіи, платятъ оброкъ какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ, на равнѣ съ вотчинными крестьянами. За то избавлены посылокъ въ караваны. Заводскія работы каждаго изъ нихъ занимають не болѣе 6½ недѣль въ году, а прочее время остается въ ихъ распоряженіи.

Отпускъ желѣзныхъ каравановъ. Выковываемое ежегодно количество желѣза отправляется водою, по запродажѣ въ контракты и безъ оной, на Нижегородскую ярмарку, въ Лаишевъ, Астрахань и другіе города по Волгѣ, не далѣе Рыбинска. Коломенки для желѣзныхъ каравановъ, числомъ до 23 въ каждое лѣто, употребляются изъ заготовляемыхъ на Билимбаевскомъ заводѣ (стр. 114). Рабочіе люди наряжаются изъ вотчинныхъ крестьянъ.

Снарядъ каждой коломенки состоитъ въ слѣдующемъ:

а) до Лаишева:

	Число людей и вещей.	Окладъ каж- дому	Вѣсъ.	Цѣна за пудъ.	ИТОГО.
Приказчикъ на всемъ караванѣ 1; ему 150 р.					
Лоцманъ	1	18	—	—	18 р. — к.
Водоливъ	1	14	—	—	14 „ — „
Работниковъ	12	10	—	—	120 „ — „
Припасовъ: коломенка	1	—	грузъ 8000	—	500 „ — „
якорь	1	—	6	5	30 „ — „
шейма (главный канатъ)	1	—	10	7	70 „ — „
чалка	1	—	5	7	35 „ — „
железныхъ припасовъ на	—	—	—	—	10 „ — „
Итого	—	—	—	—	797 „ — „

Изъ того причитается на пудъ (8000 грузу)
около 10 коп.

Рабочіе люди съ сего каравана возвра-
щаются въ дома чрезъ 4 недѣли.

б) до дубовки и царицына.

Приказчикъ одинъ для всего транспорта;
ему жалованія 400 руб.

Лоцманъ	1	50	—	—	50 р. — к.
Водоливъ	1	35	—	—	35 „ — „
Работниковъ	12	25	—	—	300 „ — „
Грузъ	—	—	8000	—	— „ — „
Коломенка	1	—	—	—	500*) „ — „
Якорь	1	—	6	5	30 „ — „
Шейма	1	—	10	7	70 „ — „
Подъемная	1	—	5	7	35 „ — „
Базанная	1	—	5	7	35 „ — „
Чалка	1	—	5	7	35 „ — „
Борондукъ и проч.	—	—	5	6	30 „ — „
Ложекъ	4	—	2 ^{1/2}	7	17 „ 50 „
Рогожъ парусныхъ	100	—	—	—	7 „ — „
Железныхъ припасовъ на	—	—	—	—	10 „ — „
Итого	—	—	—	—	1154 ^{1/2} „ — „

Здѣсь причитается на пудъ доставка 14^{1/2} к.

Съ сего каравана работники оборачиваются
въ дома свои чрезъ 11-ть недѣль.

в) до нижняго-новгорода.

Приказчикъ транспорта 1; ему жалов. 250 р.

Лоцманъ	1	45	—	—	45 р. — к.
Водоливъ	1	30	—	—	30 „ — „
Работниковъ	26	24	—	—	624 „ — „
Коломенка	1	—	—	—	500 „ — „
Грузъ	—	—	8000	—	— „ — „

*) Каждая коломенка на заводѣ стоитъ только 130 р. (См. стр. 114).

	Число людей и вещей.	Окладъ вак- дому.	ВЪСЬ.	Цѣна за пудъ.	ИТОГО.	
Якорей	3	—	18	5	90 р. — к.	
Рогожь парусныхъ	200	—	—	7	14 „ — „	
Желѣзныхъ припасовъ на	—	—	—	—	10 „ — „	
Шейма	снасти	1	10	7	70 „ — „	
Подъемная		1	5	7	35 „ — „	
Базанная		1	5	7	35 „ — „	
Чалка		1	5	7	35 „ — „	
Ходовыхъ косяковъ		2	—	30	7	210 „ — „
Бечевъ		2	—	7	8	56 „ — „
Борондукъ и проч.		—	—	10	6	60 „ — „
Ложекъ	5	—	3	7	21 „ — „	
Итого	—	—	—	—	1835 „ — „	

Причитается на пудъ всего груза 23 к.

Посылку до Нижняго рабочіе люди совершаютъ въ 9-ть недѣль, а иногда и болѣе.

г) до астрахани.

Приказчику транспорта 450 р.

Лоцманъ	1	65	—	—	65 р. — к.
Водоливъ	1	45	—	—	45 „ — „
Работниковъ	12	35	—	—	420 „ — „
Въ прочемъ, какъ грузъ такъ и оснастка коломенки, та-же, что и до Дубовки, т. е.	—	—	—	—	769 „ 50 „
Итого	—	—	—	—	1299 ¹ / ₂ „

Изъ сего по расчету падаетъ на пудъ 16¹/₄ к.

Люди возвращаются въ дома чрезъ 14 недѣль.

д) до рывинска и ярославля.

Приказчику транспорта 400 р.

Лоцманъ	1	65	—	—	65 „ — „
Водоливъ	1	45	—	—	45 „ — „
Работниковъ	28	35	—	—	980 „ — „
Грузъ, коломенка, оснастка и прочіе припасы здѣсь бывають тѣже, что и до Нижняго, т. е. на	—	—	—	—	1136 „ — „
Итого	—	—	—	—	2226 „ — „

По расчету падаетъ на пудъ 28 коп.

Посылку сію рабочіе люди исправляютъ около 14 недѣль.

Всего на доставку желѣзныхъ каравановъ, по примѣрному исчисленію Главнаго Ильинскаго правленія, употребляется въ годъ до 40000 р.

О заводскихъ конторахъ. Всѣ письменныя дѣла мѣстнаго управленія заводовъ и отчеты послѣднихъ, вѣдаются и производятся въ двухъ заводскихъ конторахъ—Добрянской и Очерской, состоящихъ подъ начальствомъ заводскихъ приказчиковъ и ихъ помощниковъ, въ вѣдѣніи коихъ также находятся всѣ конторскіе письмоводители и прочіе служители.

Объ означенныя конторы, сверхъ доставляемыхъ въ С.-Петербургскую Главную контору семидневныхъ рапортовъ, за каждый заваръ отчитываются во всемъ подробно Главному Ильинскому правленію, а сіе, по разсмотрѣніи таковыхъ отчетовъ, препровождаетъ ихъ въ С.-Петербургскую Главную контору.

Нужныя на дѣйствіе и содержаніе сихъ заводовъ денежныя суммы, переводятся изъ Главнаго Ильинскаго правленія.

По штату, исправленному въ 1819 году, оно должно выслать въ каждый заваръ: а) наличными деньгами: на дѣйствіе заводовъ вообще, на жалованье должностнымъ людямъ, на пенсіоны отставнымъ и для церковнослужителей 50699 р. 85 к. для Добрянскаго и 38617 р. 19 к. для Очерскаго; б) хлѣбомъ (ржаною мукою), на тотъ и другой заводъ по 30/т. пудовъ, а на оба 60000 пуд., по 30 коп., на 9000 р. на каждый; итого для Добрянскаго 59699 р. 85 к., для Очерскаго 47617 р. 19 к.

Примѣчаніе. Всѣмъ служителямъ, какъ приказчикамъ и другимъ должностнымъ людямъ, такъ мастеровымъ и пансіонерамъ, отпускается господская ржаная мука, съ вычетомъ изъ окладовъ у должностныхъ и мастеровыхъ по 30 к., а у пансіонеровъ по 50 к. за пудъ—женатымъ по 4, холостымъ по 2 пуда; на дѣтей, отъ одного до 4-хъ лѣтъ, по 20 ф., отъ 5-ти до 9-ти, по 1 пуду; отъ 9 и далѣе, по 1 пуду 20 фунтовъ въ каждый мѣсяць.

О цѣнѣ желѣза. Выплавляемый на Билимбаевскомъ заводѣ чугуны, съ доставкою на камскіе заводы (см. стр. 116), обходится до 80 коп.

На камскихъ заводахъ; уголь, кромѣ платежа надзирателямъ, приказчикамъ и другимъ, находящимся при немъ людямъ, стоитъ на пудъ желѣза 11 к.; по выковкѣ желѣза: платежъ мастеровымъ, трата инструментовъ, поправка машинъ, содержаніе должностныхъ людей и прочіе расходы составляютъ на каждый пудъ до 66 к.; угаръ чугуна ($\frac{1}{4}$ часть изъ 80 к.) 20 к. Слѣдовательно, каждый пудъ желѣза, на заводахъ стоитъ до 1 р. 77 к. Доставка (напр. къ Нижнему Новгороду) около 23 к. Итого до 2 р.

Въ нынѣшнее время желѣза выковывается для продажи: полосоваго до 73000, сортоваго до 107000, всего же до 180000 пуд. (см. стр. 117). Большая часть онаго продается съ доставкою въ Нижній. Прошлогодня цѣна (1818 года), по контрактамъ, до сего города была на полосовое 4 р. 5 к., а на сортовое (т. е. шинное и рѣзное) 5 р. 60 к. Слѣдовательно всѣхъ денегъ получено: за полосовое, 73000 п., 295650 р., за сортовое, 107000 п., 599200 р., итого 894850 р. А чистой прибыли причитается: за 73000 п. полосоваго по 2 р. 5 к.,—149650 р., за 107000 п. сортоваго по 3 р. 60 к.—385200 р., итого 534850 р.

Примѣчаніе. Здѣсь въ расчетъ положена средняя цѣна въ разсужденіи поставки желѣза, ибо оно съ поставкою въ другіе города, продается нѣсколько дороже и дешевле. Вотъ свѣдѣнія о цѣнахъ проданнаго по контрактамъ полосоваго желѣза съ 1799 до 1820 года, съ доставкою до

Макарья, Нижняго и Рыбинска, а именно: 1799 года—1 р. 75 к., 1800—1 р. 80 к., 1801—1 р. 70 к., 1802—1 р. 70 к., 1803—1 р. 55 к., 1804—1 р. 50 к., 1805—1 р. 55 к., 1806—1 р. 40 к., 1807—1 р. 32 к., 1808—1 р. 35 к., 1809—1 р. 35 к., 1810—1 р. 40 к., 1811—1 р. 90 к., 1812—2 р., 1813—1 р. 80 к., 1814—2 р. 15 к., 1815—3 р. 10 к., 1816—4 р., 1817—4 р. 10 к., 1818—4 р. 15 к. (до Рыбинска), 1819—4 р. 5 к.

VI. Вотчинная часть.

Она заключаетъ въ себѣ: а) управленіе вотчинными (состоящими на оброгѣ) крестьянами, коихъ по послѣдней 7-ой ревизіи считается одного мужеска пола 38331 душа; б) сборъ господскаго оброка и в) распредѣленіе всѣхъ падающихъ на нихъ мірскихъ или общественныхъ повинностей и проч.

Всѣ вотчинные, равно какъ и приписные къ промысламъ и заводамъ крестьяне и служители находятся въ нижеслѣдующихъ 39-ти вѣдомствахъ съ причисленными къ нимъ деревнями:

1. Въ Ильинскомъ	2112	душъ	} (Земская изба).
2. " Богородскомъ	1628	"	
3. " Слудскомъ	1293	"	
4. " Срѣтенскомъ	2329	"	
5. " Кривецкомъ	1171	"	
6. " Егвинскомъ (сельцѣ)	1402	"	
7. " Васильевскомъ	1344	"	
8. " Челвинскомъ	1407	"	
9. " Гаревскомъ	1420	"	
10. " Чусовскихъ Городкахъ	1373	"	
11. При заводахъ: а) Добрянскомъ	1138	"	} (Заводская контора).
12. " б) Очерскомъ	1830	"	
13. " в) Билимбаевскомъ	1955	"	
14. Въ Дивьинскомъ	240	"	} Вѣдомства Добрянской заводской конторы.
15. " Висимскомъ	156	"	
16. " Пермскомъ	501	"	
17. " Усть-Гаревскомъ	465	"	
18. " Покровскомъ	1162	"	} (Земская изба).
19. " Карагайскомъ	2802	"	
20. " Вознесенскомъ	1116	"	} (Къ Очерскому заводу).
21. " Путинскомъ	1854	"	
22. " Сепычевскомъ	1158	"	} (Земская изба).
23. " Очерскомъ Острожкѣ	2427	"	
24. " Дально-Дубровскомъ	1124	"	} Къ Очерскому заводу.
25. " Верхъ-Очерскихъ деревень	1406	"	
26. " Новомъ Усольѣ	622	"	} Къ Новоусольскому Правленію.
27. " Троицкомъ (на Ленвѣ)	158	"	
28. " Никудинскомъ	807	"	
29. " Веретинскомъ	337	"	
30. " Романовскомъ	70	"	
31. " Булатовскомъ	237	"	
32. " Ростесскомъ	62	"	

33. Въ Юсвинскомъ	1593 души	} (Земская изба).
34. „ Кудымкорскомъ	1536 „	
35. „ Егвинскомъ (на Иньвѣ)	2049 „	
36. „ Верхъ-Инвинскомъ	1158 „	
37. „ Отевскомъ	1276 „	
38. „ Верхъ-Юсвинскомъ	733 „	
39. „ Архангельскомъ	968 „	
Итого		46423 души.

Сверхъ того, послѣ ревизіи, открыто прописныхъ по разнымъ селеніямъ крестьянъ, о коихъ поданы особыя сказки въ ту-же 7-ю ревизію—87, а всего 46510 душъ. Въ томъ числѣ: а) дворовыхъ 1112, б) мастеровыхъ: 1) при заводахъ—1395, 2) при соляныхъ промыслахъ 555, в) приписныхъ къ заводамъ и промысламъ крестьянъ, неплательщиковъ ни податей, ни оброка 5117, г) крестьянъ оброчныхъ (съ приписными къ Очерскому заводу) 38331, а всего 46510 душъ. Сіи послѣдніе крестьяне, 38331 душа, входящіе собственно въ вотчинную часть, оплачиваютъ: А. господскаго оброка: 1) деньгами, по 11 руб. съ души, 421641 р., 2) хлѣбомъ, исключая неимѣющихъ пашни крестьянъ усольскихъ—посадскихъ, ростесскихъ и деревни Волеговой, съ 38188 душъ—а) муки ржаной, по 3 п. 20 ф. съ души—133658 п., б) овса, по 2 четверика—9547 четвертей; 3) деньгами же на платежъ за смолу, покупаемую для Нижегородскаго канатнаго завода, по 7¹/₄ коп.*) съ души—2779 р.**). Б. Всеуѣздныхъ повинностей: 1) казенныхъ, деньгами: а) подушныхъ по 3 руб. съ души, б) на содержаніе почтовыхъ лошадей по 80 коп.; в) на содержаніе трактовыхъ дорогъ по 25 коп., г) на препровожденіе колодниковъ 51¹/₂ коп., д) на усовершенствованіе водяныхъ сообщеній 5 коп.***); хлѣбомъ: е) для наполненія сельскихъ запасныхъ магазиновъ—ржи по ¹/₂ четверика, овса по ¹/₂ гарнца; 2) домашнихъ или общественныхъ, деньгами: 1) на содержаніе церквей и на жалованье находящимся при нихъ священно-церковно-служителямъ около 32 коп., 2) на содержаніе землемѣровъ около 80 к., 3) на содержаніе больницъ, 4) на содержаніе повѣренныхъ по стряпческимъ дѣламъ со всѣми ихъ расходами, 5) на обмундировку и отдачу рекрутъ, 6) на жалованье мельникамъ съ помощниками, 7) на жалованье сельскимъ приказчикамъ и писчикамъ, 8) на разные мірскіе расходы. По этимъ послѣднимъ пяти статьямъ собирается вообще до 1 р. съ души. 3) На всѣхъ, кромѣ того, лежитъ исправленіе разныхъ господскихъ и общественныхъ работъ и нарядовъ, какъ-то: поправка проселочныхъ дорогъ, перестройка мельницъ и хлѣбныхъ магазиновъ и проч.

Хотя всеуѣздные сборы всѣ въ точности опредѣлить нельзя, потому что всякій годъ они бываютъ неодинаковы, но, по многолѣтнимъ расчетамъ,

*) На 1820 заваръ собрано по 10 коп.

**) Сію статью должно считать въ числѣ мірскихъ сборовъ.

***) Сборъ сей по силѣ указа Прав. Сенату отъ 22 Марта 1818 года повелѣно производить въ теченіи 10 лѣтъ.

известно, что, за исключеніемъ рекрутской обмундировки, падающей на крестьянъ, такъ сказать, единовременно и смотря еще потому, какъ великъ бываетъ наборъ, ежегодно составляютъ съ хлѣбомъ, не менѣе 7½ рублей на каждую ревизскую душу.

Сверхъ того, на трехъ полныхъ работниковъ, въ каждое лѣто, падаетъ одна посылка на соляной, желѣзный, чугунный или припасный караванъ. Въ семь случаѣ, если ни одинъ изъ нихъ не захочетъ идти въ караванъ, то всѣ трое сложившись, вмѣсто себя, нанимаютъ одного человѣка, цѣною, въ нынѣшнее время, не дешевле 60 руб.; а буде одинъ изъ трехъ пойдетъ въ посылку самъ, тогда прочіе двое даютъ ему въ складчину противъ вольной цѣны, т. е. по 20 руб. съ человѣка, оба же 40, или какъ они между собою согласятся.

Всѣхъ вообще работниковъ, въ каждое лѣто высылаются на караваны: а) на соляной (см. стр. 108) 1954 чел., б) на желѣзные (стр. 122—124) до 600 чел., в) на чугунный до 1267 чел., г) на припасный 60, итого 3881.

Хотя за посылки въ караваны назначена плата, по соляному: до Нижняго 24 и 26 р., до устья Камы 12 р.; по желѣзнымъ: до Лаишева 10 р., до Царицына и Дубовки 25 р., до Астрахани 35 р., до Нижняго 24 р., до Рыбинска 35 р.; по чугуннымъ: съ Билимбаевской до Очерской и Добрянской пристаней 8 р.; по припасному—до Рыбинска 35 рублей на человѣка, но сіи деньги имъ въ руки, кромѣ необходимо нужной части на харчи во время возвращенія ихъ въ дома, не выдаются, а зачисляются каждому въ оброкъ.

И такъ, всѣхъ сборовъ на каждого вотчиннаго крестьянина—работника падаетъ: а) оброку: деньгами 11 р., муки ржаной 3 пуд. 20 ф. по 75 коп.—2 р. 64½ к., овса 2 четверика—50 к., б) на покупку смолы 7¼ к., в) казенныхъ: подушныхъ 3 р., на содержаніе почтовыхъ лошадей 80 к., на починку дорогъ 25 к., на препровожденіе колодниковъ 51½ к., на усовершенствованіе водяныхъ сообщеній 5 к.; хлѣба для сельскихъ магазиновъ: ржи цѣльной ½ четверика—40 к., овса ½ гарнца—5 к., г) домашніе или общественные сборы деньгами составляютъ вообще до 2 р. 50 к., д) посылки на караванъ около 20 руб., всего до 41 р. 78 к., исключая сдѣльных работъ.

О сельскихъ земскихъ избахъ.

Для управленія и распорядка мірскими дѣлами, въ каждомъ изъ тѣхъ вѣдомствъ, въ которыхъ находятся оброчные крестьяне, съ давнихъ лѣтъ существуютъ *земскія избы* (или конторы)*. Всѣхъ таковыхъ земскихъ избъ въ вотчинныхъ селахъ считается нынѣ до 21, кромѣ приписныхъ къ заводамъ и промысламъ.

*) См. стр. 126 и 127

Главныя обязанности сихъ земскихъ избъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ соблюденіи спокойствія и тишины между крестьянами и въ томъ отвѣтственности не только Главному Ильинскому правленію, но и нижнимъ земскимъ судамъ, въ уѣздѣ коего состоитъ каждая земская изба, 2) въ раскладкѣ и сборѣ, какъ господскаго оброка, такъ и казенныхъ и общественныхъ податей, 3) въ домашнемъ разбирательствѣ мелочныхъ тяжбъ, ссоръ и проч., 4) въ росписаніи и высылкѣ работниковъ въ караваны, 5) въ распредѣленіи и отдачѣ рекрутъ по предписаніямъ Главнаго Ильинскаго правленія (кромѣ назначенія или выборовъ, которые дѣлаются на мірскихъ сходкахъ самими крестьянами), 6) въ наполненіи казенныхъ (сельскихъ) запасныхъ магазиновъ, указною пропорціею хлѣба и надзорѣ за оными, 7) въ управленіи мукомольными мельницами, въ надзорѣ за ихъ дѣйствіемъ и сборѣ доходовъ.

Дѣлами, принадлежащими вѣдѣнію земской избы, управляютъ на мѣстѣ: 1) приказчикъ и ежегодно мірскимъ обществомъ изъ крестьянъ выбираемые 2) староста*) (какъ товарищъ приказчика), 3) одинъ или два выборныхъ, 4) нѣсколько сотскихъ и 5) нѣсколько десятскихъ.

Сии послѣдніе (т. е. выборные, сотскіе и десятскіе) состоятъ подъ начальствомъ приказчика и старосты,

Сельскій приказчикъ опредѣляется Главнымъ Ильинскимъ правленіемъ изъ слугителей. Онъ завѣдываетъ одною, или двумя, а не рѣдко и тремя земскими избами.

Подъ надзоромъ приказчика, дѣлаетъ всѣ расчеты съ крестьянами, ведетъ книги, составляетъ отчеты Главному правленію и всѣ прочія письменныя дѣла производитъ *земскій писчикъ* съ однимъ или двумя помощниками.

Жалованье приказчики получаютъ изъ всеуѣздныхъ доходовъ (стр. 136), а на жалованье писарямъ собираются деньги прямо съ крестьянскихъ обществъ.

О раскладкѣ оброчныхъ податей.

Извѣстно, что вотчинные крестьяне господскій оброкъ и подушныя деньги платятъ не съ числа работниковъ (или какъ въ другихъ мѣстахъ— съ тяголь), но съ каждой ревизской души, и какъ въ числѣ ревизскихъ душъ, за исключеніемъ старыхъ и малыхъ, едва-ли находится третья часть людей, способныхъ оплачивать подати и исправлять всѣ повинности, то отъ сего не рѣдко выходитъ, что одинъ работникъ, имѣющій въ домѣ не болѣе 2-хъ мужескихъ душъ, оплачиваетъ три или четыре души, и потому, для уравненія всѣхъ окладовъ, не только по силамъ каждаго крестьянина или по числу семейства, но и по ихъ имуществу въ пашняхъ, покосахъ и даже по ихъ промысламъ, ежегодно, въ Октябрѣ или Ноябрѣ мѣсяцахъ, по повѣсткѣ земской избы, дѣлаются мірскія сходки или такъ называемые обще-

*) Въ одномъ только селѣ Ильинскомъ онъ называется бурмистромъ.

ственные совѣты, на которыхъ крестьяне изъ среды себя выбираютъ нѣсколько человѣкъ окладчиковъ, порядочныхъ людей,—такихъ, къ коимъ имѣютъ довѣренность, и потомъ возлагаютъ на нихъ обложеніе оброкомъ крестьянъ всего вѣдомства или села. Послѣ того окладчики, всѣ вмѣстѣ, сообразивъ общее число убылыхъ и прибылыхъ душъ и описавъ урожай хлѣба, дѣлаютъ раскладку между крестьянами и, для большей уравнительности, окладъ, падающій на 1 душу, дѣлятъ на $\frac{1}{2}$, на $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{8}$ часть. Взявъ каждое село или деревню въ особенности, они по порядку разсматриваютъ состояніе каждаго крестьянина, его силы и число душъ, и, сравнивая съ другими крестьянами, окладываютъ или тѣмъ же оброкомъ, какой онъ до того времени платилъ, или убавляютъ, по уваженію какого либо разстройства въ его состояніи, или же прибавляютъ, судя по его возможности; такъ на примѣръ: съ одного снимаютъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ души и въ тоже время раскладываютъ сіи части на другихъ. По окончаніи сихъ раскладокъ и по утверженіи ихъ земскимъ старостою или приказчикомъ того села, всѣ крестьяне положенное на нихъ оплачиваютъ уже цѣлый годъ или до новаго уравненія.

О земельномъ владѣніи крестьянъ.

Всѣ крестьяне ея сѣятельства, состоящіе въ оброчной статьѣ, имѣютъ не только достаточное количество для каждаго, но еще нѣкоторые съ излишествомъ, пашни, луговъ, покосовъ, огородовъ и прочихъ необходимо-нужныхъ для ихъ быту угодій.

Если не во всей вотчинѣ, то во многихъ мѣстахъ, до нынѣ еще крестьяне имѣютъ свободу, съ дозволенія мѣстнаго начальства, вновь расчищать для себя поля, луга и покосы или прибавлять расчиску къ старому; если же сіе дѣлается на незначительное пространство, то и безъ спросу никто имъ не возбраняетъ, лишь бы только не было сопряжено это съ притѣсненіемъ или обидою ихъ сосѣдямъ. Запрещается расширять поля или покосы только тамъ, гдѣ окружаетъ оныя лучшей строевой лѣсью. Словомъ, всѣ вообще крестьяне, въ земельномъ владѣніи, имѣютъ полный достатокъ, а нѣкоторые еще болѣе, нежели въ состояніи обрабатывать.

По чрезвычайному изобилію во всей вотчинѣ лѣсовъ, употребленіе оныхъ не совсѣмъ ограничено, ибо если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, на домашнія постройки и огороды, крестьяне, безъ дальнѣйшаго спросу, рубятъ бревна, жерди и проч. столько, сколько имъ надобно.

Для скота, котораго всякій крестьянинъ имѣетъ по своему достатку, при всѣхъ деревняхъ есть особые выгоны, а по мѣстному названію—поскотины.

О торгахъ и промыслахъ крестьянъ.

Всякій крестьянинъ, имѣющій какой бы то ни было домашній избытокъ, воленъ продавать его, никому въ томъ не давая отчета. Само собою

разумѣтся, что они въ своей вотчинѣ имѣютъ полную свободу торговать всѣмъ, чѣмъ только кто хочетъ и можетъ, и даже входить въ подряды и поставки; также никому не возбраняется ловить звѣрей, рыбу, стрѣлять птицъ и продавать въ свою пользу.

Имѣющіе способы и желаніе заводить для себя небольшія мукомольныя (мутовчатая) мельницы, пользуются симъ дозволеніемъ невозбранно, но только съ платежемъ помѣщику извѣстнаго оброка.

Словомъ, всякое занятіе или заработокъ, произведенный крестьяниномъ сверхъ того, чѣмъ онъ обложенъ въ пользу помѣщика или мірскихъ сборовъ, составляетъ его собственную выгоду.

О сборѣ податей.

Сборъ денежнаго господскаго оброка производится обыкновенно въ двѣ половины: въ началѣ года и по осени, когда кончатся лѣтнія работы, а иногда ранѣе и позже, судя по надобности въ деньгахъ. Хлѣбный оброкъ вносится всегда въ одинъ разъ—осенью, изъ перваго молоченья; но взысканіе всеуѣздныхъ налоговъ дѣлается въ разное время года, смотря по обстоятельствамъ и требованіямъ.

О сельскихъ запасныхъ магазинахъ.

Послѣднее образованіе сельскихъ запасныхъ магазиновъ сдѣлано было въ 1800 году, по указу 1799 года.

На основаніи сего указа и прежнихъ учрежденій, въ Пермскомъ ея сіятельства имѣніи, въ разныхъ селеніяхъ, заведено 31 магазинъ.

Въ наполненіе каждаго магазина указною пропорціею хлѣба, считая по 1/2 четверика цѣльной ржи и по 1/2 гарнца овса съ каждой ревизской души, съ 1800 по нынѣшній 1820 годъ, слѣдовало собрать ржи . . . овса . . . ; въ то число было собрано по 1819 годъ: ржи 49203 четв., 1, 1³/₄, овса 13280 ч., 5 ч., 7¹/₂ гарн.

О мукомольныхъ мельницахъ.

Господскихъ мукомольныхъ мельницъ, въ разныхъ вотчинныхъ, промысловыхъ и подзаводскихъ селеніяхъ, находится нынѣ 48, а именно:

	Состоятъ въ вѣдѣніи:	
1. Усть-Челвинская	}	Ильинской земской избы.
2. Бабушкина		
3. Усть-Гаревская		
4. Козминская	}	. . . Слудской.
5. Лобановская		
6. Верхъ-Челвинская	}	. . . Богородской.
7. Горбунихинская		
8. Кручинихинская	}	Васильевской.
9. Опалихинская		
10. Средне-Егвинская	}	Челвинской.
11. Антоновская		
		Гаревской.
		Срѣтенской.

12. Усть-Егвинская	}	. . . . .	Кривецкой.
13. Воимская			
14. Верхъ-Егвинская	}	. . . . .	Егвинской.
15. Сюзвинская			
16. Усть-Вѣжинская	}	. . . . .	Покровской.
17. Средне-Вѣжинская			
18. Нипская	}	. . . . .	Карагайской.
19. Лысвинская			
20. Спѣшковская	}	. . . . .	Вознесенской.
21. Усть-Сепычская			
22. Сепычская	}	. . . . .	Путинской.
23. Горная			
24. Луговая	}	. . . . .	Очерскаго Острожка.
25. Богословская			
26. Подзаводская первая	}	. . . . .	Очерской заводской
27. " вторая			
28. Озерная	}	. . . . .	конторы.
29. Голешихинская			
30. Верхъ-Очерская	}	. . . . .	Кудымгорской.
31. Кувинская			
32. Пѣшнитортская	}	. . . . .	Юсвинской.
33. Юсвинская			
34. Корчемнинская	}	. . . . .	Егвинской.
35. Веселухинская			
36. Верхъ-Мечкорская	}	. . . . .	Отевской.
37. Внуковская			
38. Велвинская	}	. . . . .	Верхъ-Инвинской.
39. Верхъ-Юсвинская			
40. Семинская	}	. . . . .	Усольскаго промысло-
41. Зырянская			
42. Верхъ-Пожвинская	}	. . . . .	ваго правленія.
43. Верхне-Городская			
44. Плѣсянская	}	. . . . .	Никулинской
45. Комаринская			
46. Вожевская	}	. . . . .	Чусовскихъ Городковъ.
47. Усть-Пожвинская			
48. Дивьинская	}	. . . . .	Добрянской заводской

Всѣ онѣ дѣйствуютъ посредствомъ воды, скопляемой въ прудахъ.

Число поставовъ устроено въ каждой мельницѣ сообразно количеству скопляемой воды, а также смотря по мѣстной надобности.

Доходы, получаемые отъ всѣхъ мельницъ, ежегодно простираются до 65000 рублей, да съ крестьянскихъ мутовчатыхъ мельницъ до 2500 рублей.

Расходы же ихъ есть слѣдующіе: жалованья 51 мельнику, по 72 р.—3672 р., 41 чел., ихъ помощникамъ, по 48 р.—2460 р., кузнецамъ, находящимся при каждой мельницѣ—1200 р., смотрителю за всѣми мельницами 180 р., уставщику 120 р., тремъ писцамъ 144 р., итого 7776 рублей.

Примѣчаніе. Сумма сія заимствуется изъ мірскихъ доходовъ, равно какъ и потребныя на покушку жерновыхъ камней и многія другія издержки до 5724 р.

Всего на счетъ мельницъ нужно въ годъ 13500 рублей.

VII. Дѣла судныя.

Они раздѣляются: 1) на дѣла собственно помѣщичьи и 2) на дѣла крестьянскія. Сія послѣднія разбираются въ Ильинскомъ третейскомъ судѣ и въ заводскихъ расправахъ. Первыя производятся, на законномъ основаніи, въ присутственныхъ мѣстахъ; на сей конецъ въ губернскомъ городѣ Перми безпрерывно находится одинъ опредѣленный для того стряпчій, а по дѣламъ, случающимся весьма нерѣдко и въ уѣздныхъ городахъ, какъ-то: Оханскѣ, Соликамскѣ, Екатеринбургѣ, Чердыни и другихъ, исправляютъ порученія другіе повѣренные или приказчики.

Судныя дѣла у насъ бываютъ почти всегда двухъ родовъ: а) съ казною вообще, или въ особенности съ какими нибудь присутственными мѣстами (исковыя и просительныя), б) съ частными лицами (тяжебныя).

Къ дѣламъ съ казною или присутственными мѣстами можно отнести производящіяся нынѣ: 1) въ Государственномъ Совѣтѣ о Чусовой рѣкѣ, 2) въ Пермскомъ Горномъ правленіи о правахъ владѣльческихъ въ отношеніи къ собственнымъ ихъ горнымъ заводамъ и мастеровымъ людямъ.

Дѣла же съ частными людьми, производящіяся судебнымъ порядкомъ, суть не что иное, какъ споры и тяжбы съ смежными Пермскому ея сіятельства имѣнію владѣльцами, какъ-то: съ князьями Голицыными, княгинею Шаховскою, барономъ Строгановымъ, съ Яковлевыми, Всеволожскимъ, Лазаревымъ и казенными крестьянами,—большею частію по межевымъ и лѣснымъ дачамъ и отводамъ. Какія же именно теперь имѣются съ ними дѣла, за недостаткомъ свѣдѣній, сказать невозможно.

Непремѣнные расходы на счетъ стряпческихъ дѣлъ, считая жалованье повѣреннымъ и служащимъ при нихъ людямъ, съ положенными на гостепріимство, составляютъ въ годъ (изъ всеуѣздныхъ доходовъ) 1582 руб.

Сверхъ того на послуги (изъ тѣхъ же суммъ) до 2000 р., итого 3582 р.

Да муки (ржаной) доставляется въ Пермь до 4000 пуд.*), полагая въ цѣну, примѣрно по 1 р., на 4000 р., всего до 7582 руб.

VIII. Межевая часть.

Начатое съ 1793 года въ Пермскомъ имѣніи на коштѣ ихъ сіятельствъ межеваніе продолжается довольно неуспѣшно и безъ достаточныхъ свѣдѣній. Безпрерывные споры съ разныхъ сторонъ на многія дачи или участки, происходящіе отъ неясности коренныхъ раздѣльныхъ актовъ и отъ недоразумѣній повѣренныхъ, въ обмежеваніи дачъ дѣлаютъ столь многосложную и темную запутанность, что изъ всѣхъ вѣдомостей и экспликацій, находя-

---

*) Да овса до 1000 четвертей, какъ сіе видно изъ отчета Главнаго Ильинскаго правленія за 1818-й заварь.

щихся нынѣ въ Главной конторѣ, совсѣмъ невозможно составить опредѣлительныхъ и точныхъ свѣдѣній.

Изъ генеральной экспликаціи на всѣ обмежеванныя по 1817 годъ, единственнаго и общаго владѣнія, дачи, едва можно было извлечь одни нижеслѣдующіе перечни о пространствахъ земель и угодій, принадлежащихъ на часть ея сѣятельства, по раздѣлу 1747 года, не говоря о тѣхъ дачахъ, которыя до сихъ поръ остаются немежеванными, а именно: 1) единственнаго владѣнія: а) въ безспорныхъ дачахъ 977624 десят. 274¹/₂ кв. саж., б) въ спорѣ состоящихъ съ разными смежными помѣщиками 153002 десят. 768¹/₂ кв. саж., а всего 1130626 десят. 1043 кв. саж., 2) общаго владѣнія съ тѣми же смежными помѣщиками: а) въ безспорныхъ дачахъ 246179 десят. 1325¹/₂ кв. саж., б) въ спорныхъ 700423 десят. 1770¹/₂ кв. саж., всего 946603 десят. 696 кв. саж.

Если взять изъ сей суммы третью часть земель, принадлежащихъ ея сѣятельству въ единственное владѣніе, на основаніи вышеупомянутаго раздѣла, то причтется оныхъ 315534 десят. 1032 кв. саж. А всего на (3-ю) часть ея сѣятельства графини Софьи Владиміровны, по сему расчету, съ присовокупленіемъ вышепоказанныхъ 1130626 десят. 1043 кв. саж.,—слѣдуетъ 1446160 десят. 2075 кв. саж.

Издержки на счетъ межеванія: жалованья землемѣру г. Григорьеву, помощнику его Васильеву и письмоводителю, ихъ командѣ и прислугѣ 3327 руб., тремъ повѣреннымъ (своимъ) 980 руб., ученикамъ и писцамъ 360 руб., на разныя издержки, примѣрно 2333 руб., итого 7000 руб. Въ Москву переводится на расходы по межевой канцеляріи и на содержаніе повѣреннаго по дѣламъ 20000 руб. Всего въ годъ 27000 руб.

Сумма сія заимствуется изъ всеуѣздныхъ сборовъ.

IX. Счетныя и ревизіонныя дѣла.

Сюда стекаются всѣ свѣдѣнія, какъ о доходахъ, такъ и о расходахъ, по всѣмъ частямъ Пермскаго управленія; а потому сюда поступаютъ всякаго рода отчеты всѣхъ подчиненныхъ Ильинскому правленію мѣстъ и лицъ; по сей же части онѣ разсматриваются и ревизуются.

По сдѣланіи надлежащаго обревизованія отчетовъ, въ особенности каждаго мѣста и лица, и по удостовѣреніи въ ихъ исправности, правленіе выдаетъ квитанціи.

Потомъ Главное Ильинское правленіе, составя свой генеральный отчетъ по всѣмъ оборотамъ, за цѣлый заваръ (т. е. съ 1-го по 1-ое Мая) и приложя къ нему частные отчеты, препровождаетъ оный въ С.-Петербургскую Главную контору, для окончательной ревизіи.

Сверхъ того правленіе ежемѣсячно доставляетъ въ Главную контору краткія вѣдомости о поступаемыхъ въ оное доходахъ и о производимыхъ имъ расходахъ по вотчинной и всеуѣздной суммѣ.

И С Ч И С Л Е Н І Е

доходовъ и расходовъ по Пермскому имѣнію

на 1819 заваръ.

д о х о д о в ь.	Вотчинныхъ или господскихъ.	Всеуѣздныхъ или мірскихъ.
I. За соль, которой предположено сдавать въ Нижегородскіе казенные магазины, ежегодно до 1250000 пуд., по 66 ¹⁸ / ₁₀₀ коп.	827250 р. — б.	—
II. За желѣзо, о которомъ сдѣлано исчисленіе выше, на страницѣ 125, т. е. за 73000 пуд. полосоваго по 4 р. 5 к.—295650 руб., за 107000 пуд. сортоваго по 5 р. 60 к.—599200 р.	894850 „ — „	—
III. Съ вотчинныхъ крестьянъ:		
1) о б р о ч н ы х ь:		
а) деньгами, по 11 р., съ 38331 души	421641 „ — „	—
б) муки ржаной, съ 38188 душъ, по 3 п. 20 ф., 133658 пуд. Изъ того: для Добрянскаго и Очерскаго заводовъ 60000, для соляныхъ промысловъ 40000, для отправки въ Петербургъ 4000, для отправки въ караваны 1300, всего 105300 пуд., по 30 к.	31590 „ — „	—
Для раздачи служителямъ до 16000 по 50 к.	8000 „ — „	—
Для чиновниковъ (стр. 133) до 4000, да на продажу остается до 8358, а всего 12358, по 1 руб.	12358 „ — „	—
в) овса 9547 четвертей или кулей, по 3 р. 20 к., т. е. по состоящей нынѣ въ Перми вольной цѣнѣ на	30550 „ 40 „	—
2) к а з е н н ы х ь:		
г) деньгами: 1) подушныхъ по 3 р. съ 38331 души	—	114993 р. — к.
2) на содержаніе почтовыхъ лошадей, по 80 к.	—	30664 „ 80 „
3) на содержаніе трактовыхъ дорогъ по 25 коп.	—	9582 „ 75 „
4) на препровожденіе колодниковъ съ 41596 душъ, по 51 ¹ / ₂ коп.	—	21421 „ 94 „
5) на усовершенствованіе водяныхъ сообщеній съ 38331 души, по 5 коп.	—	1916 „ 55 „
д) хлѣбомъ съ 38331 д.: 6) для сельскихъ магазиновъ: ржи по ¹ / ₂ четверик. (¹ / ₁₆ куля) 2396 кулей, по 8 р.	—	19468 „ — „
овса по ¹ / ₂ гарнца 300 кулей, по 3 руб. 20 к.	—	960 „ — „
3) Мірскихъ, деньгами съ 38331 души:		
е) на содержаніе церквей и священно-церковно-служителей по 32 коп.	—	12265 „ 92 „
ж) на содержаніе землемѣровъ и прочіе расходы по межевымъ дѣламъ по 80 к.	—	30664 „ 80 „
з) на покушку смолы для Нижегородскаго канатнаго завода по 7 ¹ / ₄ коп.	—	2779 „ — „
и) на содержаніе больницъ, стряпчихъ по дѣламъ, на жалованье мельникамъ и сельскимъ приказчикамъ		

въ Петербургъ припаснаго каравана, полагая въ томъ числѣ муку и овесъ, до	25000 р. — к.	—
На платежъ процентовъ съ капиталовъ, должныхъ Ильинскимъ правленіемъ разнымъ частнымъ лицамъ	11660 „ — „	—
На содержаніе ильинскаго третейскаго суда	5000 „ — „	—
Отставному землемѣру г. Пантюхину пенсіи	—	1200 р. — к.
Въ наполненіе сельскихъ запасныхъ магазиновъ поступаетъ:		
ржи цѣльной 2396 кулей, по 8 р.	—	19468 „ — „
овса 300 кулей, по 3 р. 20 к.	—	960 „ — „
Всего	840697 р. 77 к.	283047 р. 76 к.
		1123745 р. 53 к.
Затѣмъ остается въ собственное распоряженіе С.-Петербургской главной конторы	1483541 р. 63 к.	

II.

ПОЛОЖЕНІЕ

для учрежденія Третейскаго Суда въ помѣстьяхъ графини Строгановой, урожденной княжны Голицыной, составленное самою помѣщицею *).

(Главному управителю Я. Волегову).

Забываясь непрестанно о благосостояніи подвластныхъ мнѣ крестьянъ и разныхъ людей, находящихся на моихъ заводахъ и при соляныхъ промыслахъ, я рѣшилась, для обезпеченія взаимныхъ правъ ихъ, для охраненія во всей неприкосновенности ихъ собственности и для защиты отъ всякаго угнетенія, учредить Третейскій Судъ, правила для образованія коего, составленные мною, при семъ препровождаю къ вамъ. По полученіи оныхъ, вы немедленно приведете ихъ въ надлежащее дѣйствіе и сообщите одинъ экземпляръ оныхъ главному Ильинскому моему правленію для его свѣдѣнія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для должнаго исполненія.

Постановляемый мною нынѣ Третейскій Судъ обязанъ въ дѣлахъ, до него принадлежащихъ, замѣнять нѣкоторымъ образомъ собственное мое лицо, ибо, живя въ отдаленіи отъ помѣстьевъ моихъ, я не могу рѣшать сама всѣхъ тяжбъ, случающихся между моими крестьянами, и разсматривать разныхъ поступающихъ отъ нихъ жалобъ; не могу даже съ точностію наблюдать затѣмъ, чтобы имъ во всякомъ случаѣ оказаны были справедливость и безпристрастіе. И такъ, дабы они съ сей стороны не были подвержены

*) На титульномъ листѣ печатнаго оригинала, послѣ заглавія, значится: «С.-Петербургъ. Печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ, 1829 года», а на оборотѣ его: «Печатать дозволяется, съ тѣмъ чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С.-Петербургъ, Февраля 19 дня 1829 года. Ценсоръ Н. Щегловъ».

никакому притѣсненію, я за благоразсудила дозволить имъ свободно избирать для себя судей изъ своего сословія. Ежели, пользуясь съ благоразуміемъ симъ правомъ, они поставятъ надъ собою людей честныхъ и добросовѣстныхъ, то могутъ быть увѣрены, что правый никогда не будетъ обвиненъ или невинный обиженъ; тогда они должны будутъ страшиться одного только неисполненія своихъ обязанностей. Предоставляя таковое важное преимущество всѣмъ подвластнымъ мнѣ людямъ, я хочу доказать имъ и любовь мою къ справедливости, и желаніе мое видѣть ихъ счастливыми. Пусть они строго наблюдаютъ установленный во всемъ порядокъ, тогда я ручаюсь имъ, что будутъ чувствовать надъ собою власть мою по одному только добру, которое всегда готова имъ дѣлать.

Предписаніе мое избраннымъ (при семъ также прилагаемое) должно быть прочтено въ первомъ ихъ собраніи и служить имъ руководствомъ во время выбора членовъ для Третьскаго Суда. Тѣмъ изъ нихъ, кои удостоены будутъ сего званія, прошу васъ оказать всякую возможную помощь и наставить ихъ въ порядкѣ производства дѣлъ. Полагаясь въ семъ случаѣ на ваше благоразуміе, дѣятельность и усердіе, я молю Всевышняго о ниспосланіи благословенія своего на новое мое учрежденіе. Дай, Боже, чтобы всѣ мои намѣренія обратились во благо!

Санктпетербургъ.

Марта . . . дня

1819 года.

Избраннымъ Пермскаго моего имѣнія, присланнымъ отъ заводовъ, соляныхъ промысловъ и отъ разныхъ принадлежащихъ мнѣ селъ и деревень, для избранія членовъ въ учреждаемый мною въ селѣ Ильинскомъ Третьскаій Судъ.

Разсмотрѣвъ правила, постановленныя въ 1812 году для управленія Пермскимъ недвижимымъ моимъ имѣніемъ, я нашла, что судная часть, не бывъ приведена въ надлежащій порядокъ, не имѣла должнаго хода и дѣйствія. Главное Ильинское мое правленіе, обремененное множествомъ дѣлъ, часто принуждено бываетъ надолго оставлять безъ всякаго удовлетворенія подаваемая ему жалобы крестьянами и другими мнѣ подвластными людьми. Просители неминуемо претерпѣваютъ отъ сего большей вредъ, а иногда, можетъ быть, подвергаются и самому разоренію. Таковая мысль, прискорбная моему сердцу, заставила меня изыскивать способы, дабы прекратить зло, проистекающее въ помѣстьяхъ моихъ отъ медленнаго судопроизводства. Для сего я положила учредить въ селѣ моемъ Ильинскомъ, независимо отъ тамошняго главнаго правленія, Третьскаій Судъ, который, охраняя ненарушимость правъ владѣемыхъ мною людей, давалъ бы во всѣхъ ихъ дѣлахъ и тяжбахъ рѣшеніе скорое и безпристрастное. Не сомнѣваюсь, что

избранные общею довѣренностію въ члены Третейскаго Суда, содѣйствуя симъ моимъ намѣреніямъ, будутъ поступать во всемъ по доброй совѣсти и правдѣ. Исполняя въ точности возложенныя на нихъ обязанности, они не должны ничего страшиться, ибо ручаюсь моимъ словомъ, что въ такомъ случаѣ не дозволю никому изъ управляющихъ симъ моимъ имѣніемъ или другимъ изъ моихъ подвластныхъ, причинять имъ какія либо несправедливыя обиды, какъ во время ихъ служенія, такъ и по увольненіи отъ онаго. Надѣюсь также, что и самое собраніе избранныхъ, приступая къ выборамъ, оставитъ всякое пристрастіе, забудетъ личныя неудовольствія и отдастъ преимущество людямъ, принадлежащимъ къ большимъ, зажиточнымъ семьямъ и извѣстнымъ по своей честности, благоразумію, доброму поведенію и трудолюбію. Слѣдуя симъ наставленіямъ моимъ, внушеннымъ мнѣ материнскою къ нимъ любовію, они скоро увидятъ благодѣтельныя послѣдствія оныхъ, ибо, избравъ людей достойныхъ, для коихъ первымъ священнѣйшимъ долгомъ будетъ всегда оправданіе невиннаго, защита слабаго и притѣсненнаго, они положатъ прочное основаніе своему и всѣхъ подвластныхъ мнѣ людей счастью; а ихъ счастье—мнѣ пріятно сказать это—необходимо для благополучія собственной моей жизни.

Санктпетербургъ.

. . . дня

1819 года.

О Третейскомъ Судѣ и его обязанностяхъ.

§ 1. Въ Пермскомъ моемъ имѣніи, въ принадлежащемъ мнѣ селѣ Ильинскомъ, учреждается, независимо отъ тамошняго главнаго правленія, Третейскій Судъ, для разбора между подвластными мнѣ людьми разныхъ жалобъ, исковъ и тяжбъ.

§ 2. Сей судъ долженствуетъ состоять изъ трехъ членовъ, одного секретаря, его помощника и четырехъ писцовъ.

§ 3. Желая, дабы опредѣленные въ оный судъ люди отличались, сколько возможно, добрыми качествами и чтобъ никто изъ моихъ подвластныхъ не имѣлъ причины жаловаться впредь на худой выборъ судей, я положила, для достиженія сей цѣли, дозволить всѣмъ моимъ заводамъ, солянымъ промысламъ и шестнадцати главнымъ селеніямъ, въ разныхъ уѣздахъ находящимся, назначать между собою, изъ зажиточныхъ и большихъ семей, *избранныхъ*, кои были бы имъ извѣстны по добронравію, честности, благоразумію, доброму поведенію, трудолюбію и хорошему хозяйству.

§ 4. Выборы сіи должны происходить слѣдующимъ образомъ: главный мой повѣренный и управляющій Пермскимъ моимъ имѣніемъ, назначивъ двадцать селеній, разумѣя въ томъ числѣ мои заводы и соляные промыслы, извѣститъ начальниковъ оныхъ о назначеніи въ каждомъ заводѣ, промыслѣ

и селеніи по два избранныхъ и препроводить, вмѣстѣ съ симъ, къ означеннымъ начальникамъ по одному экземпляру сего постановленія, съ тѣмъ, чтобы всякой по своему вѣдомству, собравъ на мірской сходѣ какъ изъ главныхъ, такъ и изъ приписныхъ селеній крестьянъ, мастеровыхъ и рабочихъ людей, имѣющихъ по крайней мѣрѣ двадцать пять лѣтъ отъ роду, прочитали имъ сіе постановленіе вслухъ, дабы каждый, понявъ силу и цѣль онаго, удобнѣе могъ приступить къ дѣлу.

§ 5. Потомъ, когда всѣмъ міромъ, или по большинству голосовъ, будутъ назначены по два избранныхъ, то начальникъ каждаго завода, соляныхъ моихъ промысловъ и шестнадцати селеній, учиня письменное свидѣтельство о назначеніи помянутыхъ избранныхъ, представитъ оное, за своимъ и участвовавшихъ въ томъ людей подписаніемъ, главному моему повѣренному.

§ 6. Сей послѣдній, между тѣмъ, до прибытія въ село Ильинское избранныхъ, назначитъ изъ дворовыхъ моихъ людей, знающихъ порядокъ писмоводства и извѣстныхъ добронравіемъ, шесть человекъ, изъ коихъ одинъ займетъ въ новоучреждаемомъ судѣ мѣсто секретаря, другой его помощника, а прочіе будутъ отправлять должность писцовъ. Для присутствія же надлежитъ опредѣлить домъ и сдѣлать всѣ нужныя канцелярскія приготовления.

§ 7. Когда избранные явятся къ главному моему повѣренному, то онъ, введя ихъ въ нарочно приготовленную комнату, предложитъ имъ занять свои мѣста, что сдѣлавъ и самъ, велитъ потомъ кому либо изъ своихъ подчиненныхъ прочитатъ два особыя мои предписанія по случаю учрежденія Третейскаго Суда: одно ему, а другое избраннымъ, которое должно быть также читано и при каждомъ возобновленіи выборовъ. Послѣ сего повѣренный мой призоветъ священника и попроситъ его отслужить молебенъ съ водоосвященіемъ.

§ 8. Зная изъ опытовъ, что при таковыхъ избраніяхъ могутъ вкрасться отъ проницества разныхъ людей многія злоупотребленія, запрещаю, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія, всякому постороннему лицу вмѣшиваться въ сіи выборы.

§ 9. А посему даже самый главный мой повѣренный, исполнивъ предписанную ему обязанность, оставляетъ избранныхъ, а они съ Божіею помощію приступа къ балатированію, произведутъ оное съ перваго до послѣдняго человека, поручивъ въ то же время одному изъ своихъ собратій высыпать изъ ящика шары и записывать на особомъ листѣ, по приложенной здѣсь формѣ, противъ каждаго имени, сколько кому положено избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ.

§ 10. Когда же кончится балатированіе, то вызвавъ по списку тѣхъ, на кого по старшинству избирательныхъ баловъ падетъ жребій занять мѣста членовъ въ Третейскомъ Судѣ, собраніе избранныхъ обязано тутъ же сдѣлать приговоръ о допущеніи ихъ къ должностямъ, и потомъ, подписавъ

оний, равно какъ и списокъ балатировавшимся, представить сіи бумаги на другой день къ главному моему повѣренному, который, поздравя новоизбранныхъ съ общественною довѣренностію, введетъ ихъ въ присутствіе и назначивъ имъ по старшинству баловъ мѣста, попроситъ также, какъ и при открытіи собранія избранныхъ, священника отслужить съ водоосвященіемъ молебень. Мнѣ же, донеся объ окончаніи сихъ выборовъ, препроводить для моего свѣдѣнія копии съ означеннаго приговора и списка балатировавшимся.

§ 11. Во время же самаго балатировація надлежитъ наблюдать слѣдующія правила: 1) на блюдѣ должно находиться не болѣе того количества шаровъ, какое нужно будетъ по числу собравшихся избранныхъ, ибо въ противномъ случаѣ легко можетъ выдти замѣшательство въ балахъ, такъ что иногда окажется избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ больше наличнаго числа людей. 2) Нужно взять предосторожность, чтобы съ самаго начала балатировки, до окончанія оной, никто не выходилъ изъ комнаты, или ежели какая либо надобность того потребуетъ, то, по крайней мѣрѣ, вышедшій, возвращаясь въ свое мѣсто, долженъ объявить, куда онъ кладетъ шаръ свой, въ число ли избирательныхъ, или неизбирательныхъ. Буде же кто либо изъ избранныхъ въ собраніи занеможетъ, тогда должно шаръ его оставить совсѣмъ безъ дѣйствія.

§ 12. Ежели бы при сихъ выборахъ случилось, что изъ всѣхъ избранныхъ не нашлось одного или двухъ человѣкъ грамотныхъ, и отъ сего встрѣтились бы какія либо затрудненія, то въ такомъ случаѣ, для уничтоженія оныхъ, предоставляется, по общему согласію избранныхъ, назначить изъ живущихъ въ тамошнемъ моемъ имѣніи дворовыхъ моихъ людей кандидатовъ, съ коими и поступать во всемъ на вышесказанномъ основаніи.

§ 13. Избравъ такимъ образомъ членовъ для Третейскаго Суда, не должны уже на пристрастіе или несправедливость ихъ жаловаться ни селенія, отъ коихъ присланы были избранные, ни тѣмъ паче сіи послѣдніе. Въ такомъ только случаѣ, когда явно кто либо изъ сихъ членовъ въ послѣдствіи времени окажется человѣкомъ недобросовѣстнымъ, тогда позволяется подвластнымъ мнѣ людямъ, учинивъ совѣщанія на мірскихъ сходкахъ, представлять о семъ, чрезъ свое начальство, на мое усмотрѣніе; а я съ своей стороны не оставлю оказать всей должной справедливости.

§ 14. Тѣ, кои будутъ избраны въ члены Третейскаго Суда, должны прослужить въ семъ званіи три года, и ежели, по прошествіи сего времени, міръ или большая онаго половина, при возобновленіи выборовъ, пожелаютъ продолжить кому либо изъ прежнихъ членовъ суда срокъ его служенія, то таковыхъ и безъ балатировація позволяется оставлять при ихъ должностяхъ, когда они сами на то будутъ согласны; въ противномъ же случаѣ не должно дѣлать имъ ни малѣйшаго принужденія.

§ 15. Ежели же кто либо изъ присутствующихъ выбудетъ какимъ нибудь образомъ до наступленія новаго выбора, тогда заступаетъ убылое мѣсто тотъ, кто остался по балотированію первымъ кандидатомъ. О та-

ковой перемѣнѣ судъ обязанъ мнѣ доносить въ свое время, сообщая также о семъ и главному моему повѣренному.

§ 16. Дабы вознаградить тѣхъ, которые, занимаясь въ семъ судѣ возложенными на нихъ обязанностями, должны будутъ оставить домашнее свое хозяйство, я полагаю имъ, изъ собственныхъ моихъ доходовъ, слѣдующее жалованье: тремъ членамъ, каждому по тысячѣ рублей, секретарю пятьсотъ рублей, помощнику его триста и четыремъ писцамъ каждому по сту двадцати рублей въ годъ, производя всѣмъ имъ и налично живущимъ съ ними семействамъ ихъ, по тамошнему положенію, хлѣбъ и свѣчи, съ отопленіемъ занимаемыхъ ими въ селѣ Ильинскомъ квартиръ.

§ 17. На канцелярскія же издержки и непредвидимые расходы опредѣляю по двѣ тысячи пятисотъ рублей въ годъ, объ употребленіи коихъ судъ, составляя ежегодно отчетъ, обязанъ отсылать оный въ свое время въ главное Ильинское мое правленіе, для представленія онаго, вмѣстѣ съ прочими годовыми отчетами, въ Санктпетербургскую главную мою контору.

§ 18. Ассигнуемая на содержаніе Третейскаго Суда сумма должна въ оный поступать изъ главнаго Ильинскаго правленія въ началѣ каждой трети года, безъ малѣйшаго задержанія. Судъ хранить оную въ своемъ вѣдѣніи и въ случаѣ какой либо утраты или самовластнаго распоряженія, члены и секретарь мнѣ за сіе отвѣтствуютъ.

§ 19. Секретарь отвѣтствуетъ также и за всякое упущеніе при докладѣ дѣлъ; ибо отъ его неисправности можетъ иногда и самое рѣшеніе быть неправильнымъ: одна бумага, оставленная безъ вниманія, или одно забытое обстоятельство, часто даютъ дѣлу видъ, совершенно превратный.

§ 20. Изложивъ такимъ образомъ правила для образованія Третейскаго Суда, мнѣ остается говорить о его обязанностяхъ, которыя существенно заключаются: въ безпристрастномъ рѣшеніи входящихъ въ оный дѣлъ, въ оказаніи каждому просителю справедливости и вообще въ ненарушимомъ сохраненіи правъ всѣхъ подвластныхъ мнѣ людей.

§ 21. Дѣла, поступающія въ Третейскій Судъ, должны быть предварительно рассмотрѣны начальникомъ того завода, селенія или промысла, къ коему принадлежать люди, имѣющіе между собою какую либо ссору или тяжбу.

§ 22. Всякой таковой начальникъ, или заступающій его мѣсто, входя въ рассмотрѣніе взаимныхъ неудовольствій своихъ подчиненныхъ, обязанъ прежде всего стараться примирить ихъ дружелюбно, представляя имъ (въ особенности, когда ссора происходитъ между крестьянами), что таковыя тяжбы, отнимая у нихъ много времени, отвлекутъ ихъ отъ полезныхъ занятій, а чрезъ то неминуемо хозяйство ихъ разстроится, и они, можетъ быть, подвергнутся самому разоренію.

§ 23. Если же не смотря на всѣ таковыя убѣжденія, тяжущіеся между собою не примирятся, то принявъ отъ обѣихъ сторонъ прошенія, или выслушавъ словесныя ихъ жалобы и показанія свидѣтелей, буде таковыя най-

дуться, начальникъ обязанъ, вникнувъ со вниманіемъ во всѣ обстоятельства дѣла, дать на оное безпристрастное рѣшеніе.

§ 24. Въ случаѣ, ежели тяжущіеся будутъ симъ рѣшеніемъ довольны, то взявъ съ нихъ въ томъ подписку, почитать таковое дѣло уже оконченнымъ; буде же которая нибудь сторона объявитъ на рѣшеніе свое неудовольствіе, то потребовавъ отъ недовольнаго объясненіе, на что онъ именно жалуется, надлежитъ оное, вмѣстѣ съ подробнымъ изложеніемъ самаго дѣла и съ мнѣніемъ того начальника, къ вѣдомству коего принадлежать тяжущіеся, представить на разсмотрѣніе Ильинскаго Третейскаго Суда.

§ 25. Но ежели послѣдуетъ какая либо жалоба со стороны подвластныхъ мнѣ людей на ихъ начальниковъ, а именно: на управляющихъ заводами и соляными промыслами, на бурмистровъ или прикащиковъ, въ учиненіи ими какихъ нибудь злоупотребленій, на примѣръ: въ невыдачѣ своимъ подчиненнымъ положеннаго, въ худыхъ съ ними поступкахъ, въ отягощеніи ихъ излишними работами или поборами, или въ неуравненіи податей, то такового рода просьбы прямо принадлежатъ разбору Третейскаго Суда.

§ 26. Судъ, по полученіи таковой просьбы, требуетъ отъ управляющихъ заводами, соляными промыслами, или отъ ихъ прикащиковъ и бурмистровъ, объясненія въ разсужденіи сдѣланной на нихъ жалобы.

§ 27. Если же, при семъ случаѣ, проситель, въ подтвержденіе справедливости своего доноса, или обвиняемый—въ свою защиту, будутъ ссылаться на какое нибудь третіе лицо, живущее съ ними въ одномъ мѣстѣ, то судъ поручаетъ кому либо изъ надежныхъ людей, въ томъ же мѣстѣ находящихся, отобрать отъ сего лица, въ присутствіи какъ самихъ участвующихъ въ дѣлѣ, такъ и постороннихъ людей, всѣ нужныя свѣдѣнія и разсмотрѣть, буде необходимость потребуеть, сельскія и заводскія книги.

§ 28. Въ важныхъ случаяхъ, для изслѣдованія дѣла, можетъ отправиться на мѣсто одинъ изъ членовъ, взявъ съ собою секретарскаго помощника и писца. По учиненіи имъ надлежащаго слѣдствія, онъ долженъ представить его въ судъ, который, руководствуясь онымъ, приступаетъ уже къ самому рѣшенію дѣла.

§ 29. Потребныя на таковые случаи издержки должны быть заимствованы изъ положенной на сей судъ суммы, съ тѣмъ чтобы всякая денежная выдача, равно какъ и самое жалованье, производились въ назначенное время и по опредѣленію суда.

§ 30. Когда же явно откроется, что тяжба, искъ или жалоба затѣяны по одной только склонности къ ябедѣ, или по совѣту или наущенію неблагонамѣренныхъ людей, которые, часто, пользуясь неопытностію и легкомысліемъ ближняго, извлекаютъ изъ того свои выгоды, тогда, не токмо затѣяшаго безъ всякаго основанія дѣло, но и давшаго ему злонамѣренный совѣтъ (ежели сей послѣдній также мнѣ подвластенъ), слѣдуетъ подвергать строгому взысканію, а именно: въ первый разъ денежному штрафованію въ пользу богоугодныхъ тамошнихъ заведеній, во второй, опредѣлять на время,

смотря по важности дѣла, въ заводскія работы, а въ третій, присуждать къ отдачѣ въ рекруты, или, въ случаѣ неспособности къ воинской службѣ, отсылать навсегда въ заводскія работы.

§ 31. Третейскій Судъ обязанъ, до окончательнаго своего рѣшенія по какой либо жалобѣ или иску, предложить тяжущимся помириться дружественно, и если они на сіе будутъ согласны, то дѣло почитается оконченнымъ; если же захотятъ разбираться законнымъ порядкомъ, то судъ, учиня рѣшительный приговоръ, но не производя его въ исполненіе, долженъ, изложивъ въ ономъ обстоятельства дѣла и свое по оному мнѣніе, прислать съ него копію, за своимъ подписаніемъ, ко мнѣ на утверженіе.

§ 32. Ежели по чьей либо жалобѣ поступитъ дѣло въ Третейскій Судъ отъ управляющихъ моими заводами и соляными промыслами, или отъ ихъ прикащиковъ или бурмистровъ, то суду запрещается наистрожайше требовать къ себѣ тяжущихся безъ крайней необходимости. Въ семь только случаѣ дозволяется, и то для учиненія однѣхъ очныхъ ставокъ, предписать имъ, дабы они къ назначенному сроку явились въ судъ, который не имѣетъ впрочемъ никакого права удерживать ихъ болѣе двухъ дней. Постановивъ выше сего правила, какимъ образомъ надлежитъ производить по дѣламъ слѣдствія, я не нахожу достаточной причины, которая бы могла содѣлать нужнымъ для суда продолжительнѣйшее присутствіе тяжущихся сторонъ.

§ 33. Ежели необходимость потребуеть призвать въ судъ кого либо изъ заводскихъ прикащиковъ, или самыхъ управляющихъ заводами и соляными промыслами, или бурмистровъ и сельскихъ прикащиковъ, то въ такомъ случаѣ надлежитъ требовать ихъ чрезъ главное Ильинское мое правленіе, которое, имѣя надъ ними непосредственную власть и зная ихъ занятія, удобнѣе можетъ въ приличное время отлучать ихъ отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, ввѣряя на сей случай кому либо изъ надежныхъ людей заступитъ ихъ мѣсто.

§ 34. Но когда правленіе найдетъ невозможнымъ исполнить таковое порученіе Третейскаго Суда, то сей послѣдній долженъ удовольствоваться однимъ только истребованіемъ, отъ кого нужнымъ окажется, надлежащихъ по дѣлу объясненій.

§ 35. Если судъ, въ теченіе шести недѣль, не получитъ отъ Главнаго правленія на свое отношеніе удовлетворительнаго отзыва, въ то время представляетъ о семъ прямо С.-Петербургской главной моей конторѣ, и вообще имѣетъ право приносить мнѣ свои жалобы на Ильинское правленіе, ежели оно, по своей обязанности, не будетъ подавать ему всякой зависящей отъ него помощи.

§ 36. Третейскому Суду запрещается вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія по всѣмъ частямъ главноуправляющаго Пермскимъ моимъ мнѣніемъ, главнаго тамошняго правленія, управляющихъ моими заводами и соляными варницами.

§ 37. Если бы, паче чаянія, при рѣшеніи какого нибудь дѣла оказалась надобность въ нужныхъ объясненіяхъ со стороны главноуправляющаго моимъ имѣніемъ, или котораго нибудь изъ членовъ правленія, то тогда Третейскій Судъ, взявъ всѣ надлежащія показанія съ прочихъ лицъ и приведя дѣло въ возможную ясность, обязанъ представить оное на собственное мое разсмотрѣніе.

§ 38. До вѣдѣнія Третейскаго Суда принадлежитъ разборъ такихъ только дѣлъ, въ коихъ всѣ участвующіе суть мои подвластные, ибо всякая тяжба и ссора съ постороннимъ лицомъ мастераго и рабочаго человѣка моихъ заводовъ и промысловъ, или крестьянина моихъ помѣстьевъ, должна быть непосредственно разсматривана въ учрежденныхъ на то отъ Правительства присутственныхъ мѣстахъ. Въ семъ случаѣ, главной мой повѣренный, имѣя въ тамошнихъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ стряпчихъ, долженъ чрезъ нихъ оказывать подвластнымъ мнѣ людямъ нужную помощь.

§ 39. Впрочемъ, если бы случилось, что, для полного объясненія какого либо производимаго Третейскимъ Судомъ дѣла, оказалась надобность въ подтвержденіи или показаніи посторонняго лица, то судъ обязанъ отнестись въ главное Ильинское мое правленіе, съ тѣмъ чтобы оно, по увѣдомленіи того мѣста, коему подвластенъ значущійся по дѣлу человѣкъ, отобрало отъ него всѣ нужныя свѣдѣнія и препроводило бы оныя въ означенный судъ.

§ 40. Поелику легко можетъ случиться, что въ теченіе времени судъ встрѣтитъ какія либо затрудненія въ отправленіи порученныхъ ему дѣлъ, то въ такомъ случаѣ онъ обязанъ представить мнѣ свои сомнѣнія и ожидать на оныя моего разрѣшенія.

§ 41. Здѣсь я должна также объявить, что ежели кто либо изъ членовъ, или изъ прочихъ составляющихъ Третейскій Судъ людей, явно окажется виновнымъ въ лицепріятіи или мздоимствѣ, то неукоснительно наказанъ мною будетъ строжайшимъ образомъ и дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за употребленіе во зло общественной довѣренности.

§ 42. Всѣ изложенныя здѣсь правила должны быть исполняемы свято и ненарушимо. Могуція открыться въ оныхъ со временемъ погрѣшности и недостатки я буду исправлять со всѣмъ раченіемъ и не упущу ничего изъ виду, дабы, для счастья подвластныхъ мнѣ людей, болѣе и болѣе усовершенствовать во всѣхъ частяхъ нынѣ учрежденный мною Третейскій Судъ.

Санктпетербургъ.

. . . дня

1819 года.

Дополненія къ положенію о Третейскомъ Судѣ, напечатанному и подписанному графиней Строгановою, урожденною княжкою Голицыною, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1819 года.

I.

§ 1. Дабы Третейскій Судъ могъ присылать ко мнѣ всѣ донесенія и бумаги за подписаніемъ трехъ членомъ, то ежели случится, что одному изъ нихъ, по обстоятельствамъ, нужно будетъ отъ суда отлучиться на долгое время, за слѣдствіемъ, или другимъ дѣломъ, тогда мѣсто его, такъ же какъ и послѣ выбывшаго совсѣмъ, заступаетъ тотъ, кто по балатированію остался старшимъ кандидатомъ, который и долженъ засѣдать въ судѣ до явки отлучившагося члена, или до новаго выбора, съ жалованьемъ по пяти сотъ рублей въ годъ, изъ собственныхъ моихъ доходовъ.

§ 2. Избираемые въ члены Третейскаго Суда крестьяне освобождаются отъ платежа всѣхъ податей и повинностей, какія могли бы на нихъ падать во время ихъ служенія и потому всѣ оныя должны платить тѣ селенія, изъ которыхъ они выбраны.

§ 3. Выдачу хлѣба всѣмъ членамъ и налично живущимъ съ ними семействамъ, производимую на основаніи § 16 Положенія о Третейскомъ Судѣ, отмѣнить и не выдавать, какъ о семъ уже отъ меня и предписано главному Ильинскому правленію отъ 8 Іюля 1820 года.

§ 4. Буде случится между одними моими крестьянами драка за земли и сѣнные покосы, отъ которой могли бы послѣдовать непріятныя приключенія, тогда приказчикъ и староста, или бурмистръ того вѣдомства, въ коемъ случилась драка, обслѣдовавъ всѣ обстоятельства такового происшествія, доносятъ о семъ главному Ильинскому правленію, и въ то же время препровождаютъ учиненное ими слѣдствіе въ Третейскій Судъ на разсмотрѣніе; а судъ сей, немедленно разсмотрѣвъ оное во всей подробности, опредѣляетъ виновному соразмѣрное преступленію его наказаніе и приводитъ оное въ дѣйствіе чрезъ сельскаго приказчика, или мірскаго старосту, на мѣстѣ преступленія.

§ 5. Но когда драка прозойдетъ отъ другихъ какихъ либо причинъ и въ оной будутъ замѣшаны непрінадлежащіе мнѣ люди, въ то время, особливо въ важныхъ и нужныхъ случаяхъ, слѣдствіе и разборъ единственно должны принадлежать установленнымъ отъ Правительства мѣстамъ, и въ сихъ случаяхъ обязано уже главное мое правленіе имѣть надлежащее попеченіе, дабы оказано было обиженному и принадлежащему мнѣ челоуѣку должное удовлетвореніе.

§ 6. Если же случатся между моими крестьянами простыя драки, немѣющія никакихъ интересовъ и невлекущія за собою ни малѣйшихъ преступныхъ послѣдствій, то въ семъ случаѣ разборъ и наказаніе виновныхъ принадлежитъ міру, который, по полученіи о семъ увѣдомленія отъ при-

казчика или старосты, можетъ на сходкахъ своихъ наказывать, по важности дѣла виновнаго и тѣмъ удовлетворять обиженнаго.

§ 7. *Подтвержденіе § 36.* Удостоверясь опытами, что при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ крестьянскихъ тяжбъ, Третейскій Судъ, до изданія сего, входилъ во власть главнаго Ильинскаго правленія и поставлялъ на видъ нѣкоторыя его дѣйствія въ родѣ доноса, почему и запрещается строго отнынѣ впредь вмѣшиваться оному суду въ хозяйственныя распоряженія по всеѣмъ частямъ управляющаго Пермскимъ моимъ имѣніемъ, главнаго тамошняго моего правленія, управляющихъ моими заводами и соляными промыслами, и дѣлать доносы.

§ 8. Запрещается также суду входить въ разсмотрѣніе подаваемыхъ отъ крестьянъ просьбъ по части рекрутскихъ наборовъ, поелику назначеніе рекрутъ и раскладка рекрутскихъ денегъ непосредственно должны зависѣть отъ мірскихъ обществъ, и ежели случится, что оныя кого либо изъ крестьянъ отяготятъ своими распоряженіями, тогда обиженный можетъ искать своего удовлетворенія отъ главнаго Ильинскаго правленія.

§ 9. Постановя правиломъ, чтобъ крестьяне мои отнюдь не закладывали, не продавали и не завѣщевали владѣемыхъ ими земель и другихъ угодій, подтверждаю и нынѣ данное мною по сему предмету предписаніе управляющему Пермскимъ моимъ имѣніемъ, почему, ежели Третейскій Судъ, по разсмотрѣніи такового рода тяжбъ, найдетъ, что кѣмъ либо изъ моихъ крестьянъ сдѣлано на имѣющіяся во владѣніи его земли и другія угодья завѣщаніе, или оныя заложены и проданы послѣ предписанія моего отъ 27 Октября 1819 года, тогда, не входя ни въ какой между ними разборъ, сообщаетъ о семъ главному правленію, чтобъ оно обратило въ пользу мою заложеныя угодья, а съ закладчиковъ онаго взыскало бы полученныя за залогъ деньги и обратило бы ихъ на какое либо благоугодное заведеніе. Но дабы впередъ не было сего злоупотребленія, то сельскіе приказчики и мірскіе старосты должны имѣть за симъ неослабное смотрѣніе. Такимъ образомъ:

§ 10. Запрещается впередъ закладывать моимъ крестьянамъ, или завѣщевать и продавать земли и прочія угодья; позволяю однако покущикамъ пользоваться навсегда тѣми угодьями, кои приобрѣтены ими до предписанія моего отъ 27 Октября 1819 года и кои остались за ними невыкупленными до 1 Мая 1820, послѣ другаго предписанія моего отъ 10 Ноября того жъ 1819 года.

§ 11. Если кто изъ крестьянъ, или другаго званія принадлежащихъ мнѣ людей подастъ о чемъ либо просьбу въ Третейскій Судъ и отъ дня поданія оной не представитъ къ начатому имъ дѣлу нужныхъ документовъ въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, таковыхъ просьбы отдавать въ архивъ и ни подъ какимъ видомъ уже оныхъ не возобновлять, исключая токмо тѣхъ, которые будутъ отлучены изъ имѣнія по дѣламъ моимъ на весь опредѣляемый для сего срокъ, или одержимы будутъ тяжкими и продолжитель-

ными болѣзнями, однако о семь просители должны представлять отъ начальствъ своихъ надлежащія свидѣтельства.

§ 12. А также буде кто останется недовольнымъ рѣшеніемъ Третейскаго Суда, то таковой обязанъ, въ теченіи двухъ недѣль отъ дня ему объявленія рѣшенія дѣла, подать прошеніе со всѣми доказательствами въ главное Ильинское правленіе, которое, при донесеніи своемъ, и препроводитъ оное на разсмотрѣніе мое. Въ противномъ же случаѣ, когда проситель назначенный срокъ пропуститъ безъ важныхъ и доказательныхъ на то причинъ, то таковымъ въ принятіи ихъ просьбъ отказывать.

§ 13. Запрещается суду принимать просьбы о раздѣлахъ крестьянъ, живущихъ въ одномъ домѣ, поелику оныя раздѣлы, вошедъ въ обязанность главнаго Ильинскаго правленія, не могутъ уже подлежать разбору сего Суда.

§ 14. Запрещается Суду на будущее время принимать жалобы крестьянъ, которые стали бы просить возвращенія имъ земель и покосовъ, отведенныхъ изъ ихъ владѣнія другимъ крестьянамъ до учрежденія Суда, поелику съ поднятіемъ старыхъ дѣлъ о земельномъ владѣніи, могутъ произойти такія послѣдствія, кои не принесутъ крестьянамъ истинной пользы, а только Судъ заведутъ въ сомнительныя и долгія разбирательства.

§ 15. Также возбраняется Суду принимать просьбы отъ крестьянъ, коими бы стали жаловаться на уравненіе землями, которое предоставлено дѣлать самимъ мірскимъ обществамъ, коимъ извѣстно состояніе каждаго между ними крестьянина.

§ 16. Усмотря изъ теченія дѣлъ Третейскаго Суда, что не токмо разсматриваемыя имъ дѣла остаются въ ономъ нерѣшенными болѣе десяти мѣсяцевъ, единственно за неполученіемъ отъ принадлежащихъ мнѣ мѣсть и лицъ разныхъ справокъ и свѣдѣній, но и приведенныя къ окончанію и мною утвержденныя не приводятся долгое время въ исполненіе, я нашла послѣ сего нужнымъ постановить въ пресѣченіе сихъ безпорядковъ слѣдующее:

§ 17. Буде заводскій, соляныхъ варницъ, равно и сельскіе приказчики, старосты и словесные суды получаютъ отъ Третейскаго Суда отношеніе, заключающее въ себѣ какую либо справку, или произведеніе о чемъ либо слѣдствія, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ полученія требованія того Суда не доставятъ ему, по назначенію его, надлежащихъ свѣдѣній, въ такомъ случаѣ всякой изъ означенныхъ лицъ и словесные суды подвергаютъ себя взысканію денежной пени, за каждый мѣсяць по пяти рублей, такъ, что ежели по прошествіи одного мѣсяца перейдетъ нѣсколько дней на другой мѣсяць, тогда взысканіе сей пени полагается уже за два мѣсяца, и такъ далѣе.

§ 18. Взысканіе сихъ пеней я буду налагать сама безъ дальнѣйшихъ справокъ, для чего Третейскій Судъ и обязанъ, въ присылаемыхъ ко мнѣ вѣдомостяхъ о нерѣшенныхъ дѣлахъ, отмѣчать всякой разъ противъ каждаго дѣла, котораго числа и мѣсяца послано къ кому отъ него и о чемъ отношеніе, и почему не получено имъ отъ кого требуемаго свѣдѣнія или отъзыва, за чѣмъ его требованія нельзя исполнить; кто же подвергнетъ себя,

по нерадѣнію своему, пени, то взысканіе оной поручается главному Ильинскому правленію, которое, взыскавъ ея по предписанію моему съ кого будетъ слѣдовать, безъ малѣйшаго послабленія, должно оныя хранить особо въ кассѣ своей, впредь до полученія моего приказанія.

§ 19. Но изъ показаннаго правила изъемяются нижеслѣдующіе случаи: 1-е, когда приказчикъ, или другіе изъ сказанныхъ лицъ, подходящихъ подъ взысканіе пени, отлучень будетъ изъ мѣста своего жительства продолжительное время по дѣламъ моимъ, или находился тяжело и долго болѣнь; 2-е, ежели просители, отвѣтчики и другіе люди, къ дѣлу прикосновенные, одержимы болѣзнями, или отлучены изъ мѣстъ своихъ жилищъ на долгое время, безъ коихъ нельзя кончить дѣла въ постановленный двухъ-мѣсячный срокъ; для чего словесные суды и помянутыя лица, во избѣжаніе всякаго въ сихъ случаяхъ недоразумѣнія, должны увѣдомлять каждый мѣсяцъ Третейскій Судъ, за чѣмъ какого дѣла нельзя имъ исполнить, дабы оный, при составленіи вѣдомостей о нерѣшенныхъ дѣлахъ, представляемыхъ ко мнѣ на разсмотрѣніе, имѣлъ въ виду показываемыя ими обстоятельства и могъ помѣстить въ оныхъ причины неполученія имъ справокъ и другихъ по дѣламъ свѣдѣній, ибо сіи вѣдомости принимаемы мною будутъ за основаніе къ наложенію и взысканію пени.

§ 20. Удостоверясь изъ опытовъ, что многіе подвластные мнѣ люди, надѣлавши долговъ и бывъ въ состояніи оныя платить, избѣгаютъ платежа подъ разными недѣльными предлогами, въ явное разстройство одолжавшихъ ихъ людей, я нашла нужнымъ, въ поддержаніе кредита и въ отвращеніе всякаго въ семъ случаѣ недоразумѣнія, постановить непремѣннымъ правиломъ: 1-е. Когда Третейскій Судъ, по внимательномъ разсмотрѣніи и на основаніи данныхъ ему правилъ, какого либо дѣла, найдетъ искъ просителя правильнымъ и основательнымъ, тогда, объявля свое рѣшеніе самъ или чрезъ мѣстное частное начальство, истцу и отвѣтчику, требуетъ, въ случаѣ признанія рѣшенія справедливымъ, съ послѣдняго немедленнаго платежа должной имъ первому изъ нихъ суммы, или чего либо другаго; но какъ иногда и самый благонамѣренный человѣкъ не во всякое время можетъ исполнить требованія сего Суда, то оный, съ согласія истца или и самъ, назначаетъ отвѣтчику срокъ платежа и беретъ отъ него въ семъ подписку, съ такимъ послѣдному объявленіемъ, что ежели онъ не заплатитъ своего долгу на положенный срокъ, въ то время отданъ будетъ въ работу на горный мой заводъ въ работники, до того времени, доколѣ не заработаетъ своего долгу. 2-е. По истеченіи назначеннаго къ платежу срока долгу, буде заимодавецъ совсѣмъ окажется ненадежнымъ, тогда Третейскій Судъ, получа отъ истца о семъ прошеніе, обязанъ немедленно привести свой приговоръ въ исполненіе и отнестись о семъ въ главное Ильинское мое правленіе, съ тѣмъ, чтобъ оно, по непосредственному своему начальству, велѣло должника отправить по своему усмотрѣнію на который либо мой заводъ въ работники, и оставляя ему на пропитаніе и на прочія необходимыя его надобности,

безъ малѣйшаго излишества, нужную часть изъ заработанныхъ имъ денегъ, остальные отсылали бы чрезъ мѣстныхъ начальства его кредитору, кои, отдавая ему оныя съ распискою, представляли бы ее въ Третейскій Судъ, дабы оный могъ видѣть, исправно ли взыскивается долгъ, и дѣлать, въ случаѣ надобности, чрезъ правленіе частнымъ заводскимъ начальникамъ побужденія, или иныя какія либо предписанія и замѣчанія по симъ дѣламъ. 3-е. Отсылку на заводы неисправныхъ плательщиковъ дѣлать только въ такомъ случаѣ, когда кредиторъ его не захочетъ ему отсрочить своего долгу, или продлить срокъ платежу. 4-е. По отдачѣ же должника на заводъ и по взысканіи съ него изъ зарабатываемыхъ имъ денегъ всего долгу, если нѣтъ съ него болѣе никакого взысканія, или онъ самъ обяжется оное заплатить въ свое время и на срокъ, разумѣя въ семъ случаѣ разныя повинности, то отпускать его на прежнее жилище. 5-е. Изъясненное положеніе должно единственно относить на однихъ таковыхъ должниковъ, кои, по зажиточному своему состоянію или развратному поведенію, не хотятъ добровольно платить своихъ долговъ; ибо что касается до тѣхъ должниковъ, которые желали бы охотно удовлетворить своихъ кредиторовъ на положенные между ними сроки, но встрѣтившіяся разныя непредвидѣнныя ими несчастія разстроили ихъ состояніе до такого степени, что они, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ въ скоромъ времени заплатить своихъ долговъ, то въ семъ случаѣ, по строгомъ всеѣхъ обстоятельствъ изслѣдованіи, нахожу я справедливымъ и должнымъ расрочить долгъ, по взаимному истца и отвѣтчика согласію, или, въ случаѣ ихъ несогласія, по назначенію самаго Третейскаго Суда, въ которые (сроки) первый и получить съ послѣдняго по частямъ весь свой долгъ; за исполненіемъ чего сельскіе приказчики обязаны имѣть неослабное наблюденіе, подъ опасеніемъ взысканія, за нерадѣніе, всего долгу съ самихъ ихъ на удовлетвореніе кредиторовъ, и сверхъ сего сельскіе приказчики обязаны имѣть строгое смотрѣніе и за тѣмъ, отчего должники не платятъ своего долгу на положенные сроки? Ежели увидятъ и удостовѣрятся, что сіе происходитъ отъ безпечности, нехотѣнія и развратнаго поведенія, тогда, съ прописаніемъ замѣченныхъ ими обстоятельствъ, доносятъ о семъ Третейскому Суду, а сей въ семъ случаѣ поступаетъ съ таковыми согласно съ изъясненнымъ въ 2-мъ пунктѣ сего моего предписанія постановленіемъ.

II.

§ 1. Приговоры Третейскаго Суда объявляютъ тяжущимся прежде представленія оныхъ на утвержденіе ко мнѣ.

§ 2. Объявленіе приговоровъ дѣлать лично въ Третейскомъ Судѣ только тѣмъ тяжущимся, которые живутъ въ ближайшихъ вѣдомствахъ и коихъ земскія избы отстоятъ не далѣе 20 верстъ отъ села Ильинскаго.

§ 3. Тяжущіеся, по выслушаніи въ Третейскомъ Судѣ приговора, обязаны въ теченіе семи дней объявить суду подпискою, довольны ли, или не довольны тѣмъ приговоромъ.

§ 4. Приговоры Третейскаго Суда для объявленія тѣмъ тяжущимся, кои имѣютъ жительство отъ с. Ильинскаго дальше 20 вер., отсылаются немедленно къ сельскимъ начальникамъ, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ тяжущіеся.

§ 5. Сельское начальство, получивъ тотъ приговоръ, не пропуская трехъ дней, призываетъ тяжущихся, буде они не въ отлучкѣ, и объявляетъ имъ приговоръ внятнымъ прочтеніемъ въ присутствіи приказчика, старосты, выборнаго и при трехъ свидѣтеляхъ. Тяжущіеся, не выходя изъ сельскаго приказа, должны подписаться въ выслушаніи приговора. Приказчикъ, староста, выборный и три свидѣтеля подпишутъ, что приговоръ тяжущимся объявленъ въ ихъ присутствіи.

§ 6. Если кто изъ тяжущихся находится въ отлучкѣ, то объ ономъ сельское начальство неупустительно доноситъ Третейскому Суду и объявляетъ приговоръ отлучившемуся, по возвращеніи уже его въ жительство, съ соблюденіемъ предписаннаго порядка.

§ 7. Тяжущіеся, послѣ выслушанія приговора Третейскаго Суда въ сельскомъ приказѣ, обязаны въ теченіи 7 дней объявить тому начальству подпискою: довольны-ль, или недовольны тѣмъ приговоромъ.

§ 8. Сельское начальство подписки тяжущихся о выслушаніи приговора и свидѣтельство, подписанное приказчикомъ, старостою, выборнымъ и тремя свидѣтелями, также и подписку тяжущихся объ удовольствіи или неудовольствіи ихъ на приговоръ Третейскаго Суда, немедленно представляетъ вообще съ приговоромъ въ оный Судъ.

§ 9. Всякій изъ тяжущихся, объявившій неудовольствіе на приговоръ Третейскаго Суда въ присутствіи онаго или въ сельскомъ начальствѣ, обязанъ, по истеченіи одного мѣсяца, со дня объявленія неудовольствія, внести чрезъ свое мѣстное начальство или самъ лично въ главное Ильинское правленіе апелляціонную просьбу, которую правленіе препровождаетъ съ первою почтою ко мнѣ.

§ 10. Если тяжущійся, по объявленіи ему приговора въ Третейскомъ Судѣ или въ сельскомъ начальствѣ, не явится въ оныя въ теченіе семи дней для объявленія неудовольствія на тотъ приговоръ, тогда лишается права на апелляцію.

§ 11. Если тяжущійся, подписавшій неудовольствіе на приговоръ Третейскаго Суда, въ положенный мѣсячный срокъ, апелляціонной жалобы не принесетъ, то навсегда лишается права на апелляцію.

§ 12. Третейскій Судъ, тѣ приговоры свои, кои, по предписанному во 2-й, 5-й и 6-й статьяхъ порядку, тяжущимся объявлены, но они въ положенный семидневный срокъ неудовольствія не объявили,—представляетъ мнѣ съ приложеніемъ подписокъ тяжущихся въ выслушаніи и со свидѣтельствомъ тѣхъ лицъ, при коихъ приговоръ объявленъ.

§ 13. Для отвращенія не рѣдко встрѣчаемыхъ при разсматриваніи дѣла затрудненій, постановить за правило, чтобы по одному и тому же дѣлу двухъ апелляцій не принимать, но исполнять рѣшеніе, послѣдовавшее по первой апелляціонной просьбѣ.

§ 14. На рѣшеніе медиаторовъ, избираемыхъ самими тяжущимися сторонами, апелляціи не должно быть. Въ случаѣ разногласія медиаторовъ, они уже, а не просители, должны избрать одного посредника для произнесенія рѣшительнаго и окончательнаго приговора.

§ 15. Утруждающій просьбою вопреки сихъ постановленій долженъ быть подвергаемъ оштрафованію, по усмотрѣнію моему.

§ 16. Съ апелляціонныхъ прошеній брать съ того, кто подастъ оное, на почтовый расходъ по два рубля, и обращать деньги сіи въ сумму штрафную.

§ 17. Постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы сочинители и переписчики просьбъ, присылаемыхъ въ Петербургъ, подписывали подъ оными свое имя, но съ тѣмъ, чтобы люди сіи принадлежали къ Пермскому имѣнію, или, по крайней мѣрѣ, находились бы въ службѣ моей. Безъ сихъ условій просьбъ не принимать.

§ 18. Слова укорительныя, поносительныя и вообще обидныя для другаго, ни въ какихъ бумагахъ не должны имѣть мѣста.

§ 19. Буде словомъ, письмомъ, или дѣйствіемъ обиженный учинить обидчику такую же обиду, то теряетъ право на удовлетвореніе.

§ 20. Равнымъ образомъ лишается удовлетворенія и тотъ, кто осмѣлится лгать въ своихъ просьбахъ и объясненіяхъ, т. е. представлять дѣло не въ томъ видѣ, какъ оно есть, кольми паче въ тѣхъ бумагахъ, которыя пишутся на мое имя.

§ 21. Просьбъ по долговымъ искамъ, основаннымъ на однихъ словесныхъ договорахъ и сдѣлкахъ, по прошествіи одного года за срокъ, не принимать и никакого удовлетворенія по онымъ не присуждать. Но для иска по письменнымъ документамъ давать срока три года.

§ 22. Письменные сдѣлки, совершаемыя въ промыслахъ, заводахъ или селахъ, представлять для засвидѣтельствованія въ конторахъ или земскихъ избахъ. Безъ сего онѣ не могутъ быть крѣпки.

§ 23. Никакой судья въ дѣлахъ родственниковъ и друзей не долженъ участвовать. На сей случай можетъ присутствовать кандидатъ.

§ 24. Третейскій Судъ обязанъ, по истеченіи каждаго года, доставлять къ ея сіятельству краткій отчетъ обо всѣхъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ имъ дѣлахъ, съ раздѣленіемъ оныхъ: 1-е на исковыя по денежнымъ претензіямъ; 2-е тяжбыя о земельныхъ угодьяхъ и 3-е просительныя по разнымъ ссорамъ, дракамъ, притѣсненіямъ, и т. п.

III.

ПОЛОЖЕНІЕ

для Заводскихъ Судовъ въ помѣстьяхъ графини Строгановой, урожденной княжны Голицыной, составленное самою помѣщицею въ Ноябрь 1821 г.

I. Цѣль учрежденія заводскихъ судовъ и лица, въ оныхъ засѣдающія.

§ 1. При всѣхъ принадлежащихъ мнѣ горныхъ заводахъ Обязанности домашнихъ Заводскихъ Судовъ. должны учредиться домашніе суды, подъ названіемъ Заводскихъ Расправъ, которыхъ обязанностію будетъ разбирать вины заводскихъ работниковъ и приписныхъ къ нимъ крестьянъ и по мѣрѣ ихъ проступковъ, производить наказанія. Частныя же власти, какъ-то приказчики, смотрители и проч., по учрежденіи таковыхъ расправъ, не имѣютъ ни малѣйшаго права сами собою никого изъ означенныхъ людей наказывать.

§ 2. Таковой судъ, или расправа, будетъ состоять изъ пяти Лица, составляющія судей. лицъ: изъ заводскаго приказчика, а въ случаѣ его отлучки или болѣзни, изъ его помощника, въ семь званіи остающихся навсегда непремѣнными, разумѣется, доколѣ они не будутъ отрѣшены отъ настоящихъ должностей своихъ приказчика и помощника. Потомъ изъ двухъ мастеровыхъ и двухъ приписныхъ къ тому заводу крестьянъ, кои всѣ избираются обществомъ на три года, Срокъ ихъ службы. изъ людей пожилыхъ, добросовѣстныхъ, достаточныхъ и, буде можно, грамотныхъ.

§ 3. Секретари и нужные канцелярскіе служители назначаются самимъ приказчикомъ изъ служащихъ при заводскихъ конторахъ, въ званіи же семь они утверждаются главнымъ Ильинскимъ правленіемъ. Объ опредѣленіи секретарей и канцелярскихъ служителей

§ 4. Въ учрежденныхъ Заводскихъ Расправахъ первое Предсѣдательствующій и наблюдающій за порядкомъ писмоводства. между судьями мѣсто, во время засѣданія, занимаетъ приказчикъ завода, который обязанъ смотрѣть и за порядкомъ писмоводства.

§ 5. На содержаніе судей никакой суммы не полагается, Для судей не полагается особаго жалованья, исключая крестьянъ. ибо приказчики и ихъ помощники получаютъ опредѣленное имъ по штату жалованье. Двое мастеровыхъ, живущихъ въ самомъ заводѣ, не могутъ дѣлать упушенія въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, по занятіямъ своимъ въ сихъ судахъ, на которыя употребятъ они нѣсколько часовъ въ недѣлю, и то въ воскресный день. Но крестьяне, съ проѣздами своими, для производства суда, могутъ терять по цѣлымъ суткамъ; посему они во все время,

въ которое нести будутъ обязанности судей, освобождаются отъ оброка и всѣхъ помѣщичьихъ повинностей; повинности же казенныя платитъ за нихъ мѣръ.

О выборѣ Судей изъ крестьянъ

§ 6. Назначаемыхъ изъ крестьянъ для Заводской Расправы судей выбирать на мѣрскихъ сходкахъ, согласно тѣмъ правиламъ, какія предписаны о выборѣ старостъ и гласныхъ.

II. Дѣла, относящіяся къ симъ судамъ, и производство оныхъ.

За какіе проступки подвергается сему суду.

§ 7. Заводскіе работники и принадлежащіе къ нимъ крестьяне подвергаются такому суду за слѣдующія вины: 1) за упущеніе по своимъ заводскимъ работамъ, 2) за утрату заводскихъ вещей, 3) за неповиновеніе къ своимъ начальникамъ, 4) за учиненныя драки и пьянство и 5) за потаенное похищеніе чужой вещи.

Какъ обязанъ поступать смотритель въ случаѣ вины своего подчиненнаго.

§ 8. Смотрители за работами и людьми заводскими, никакого права неимѣющія произвольно дѣлать наказаній, обязаны ежедневно, по окончаніи работы, объявлять приказчику, или его помощнику, о винѣ своихъ подчиненныхъ; тогда же они сами записываютъ сіе объявленіе со всѣми обстоятельствами въ журналъ и скрѣпляютъ оный своею подписью. Приказчикъ, въ день засѣданія, представляетъ о семъ Заводской Расправѣ, которая ислѣдуетъ вину и обнаруживъ оную со всею ясностію, по совѣсти своей, налагаетъ соразмѣрное наказаніе виновному.

Когда производится судъ.

§ 9. Судъ сей будетъ собираться одинъ разъ въ недѣлю, и именно въ воскресенье, по окончаніи Божественной литургіи.

Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

§ 10. Всякое дѣло рѣшается въ сихъ судахъ большинствомъ голосовъ; если же голоса будутъ равны, тогда перевѣсъ остается на той сторонѣ, на которой будетъ приказчикъ завода, или, въ случаѣ его отсутствія или болѣзни, его помощникъ.

Какъ поступаетъ судъ въ сомнѣніяхъ своихъ, относительно дѣлъ.

§ 11. Ежели Заводскія Расправы встрѣтятъ какія-либо затрудненія въ рѣшеніи дѣлъ, въ такомъ случаѣ они обязаны представлять о своихъ сомнѣніяхъ Главному Ильинскому правленію, которое объ ономъ доноситъ мнѣ и ожидаетъ моего разрѣшенія.

Вѣдомости о дѣлахъ ежемѣсячно доставляются ко мнѣ.

§ 12. Всѣ Заводскія Расправы обязаны ежемѣсячно препровождать ко мнѣ чрезъ Главное Ильинское правленіе, по прилагаемой при семъ формѣ, вѣдомости о производящихся дѣлахъ; а въ случаѣ неимѣнія дѣлъ, о семъ мнѣ рапортовать также чрезъ Главное правленіе.

III. О наказаніяхъ.

Для виновныхъ полагаются наказанія тройкія.

§ 13. Наказанія, смотря по важности проступковъ, полагаются трехъ родовъ:

1. За неповиновеніе начальникамъ и за упущеніе по заводскимъ работамъ, виновный наказывается лишеніемъ жалованья не менѣе какъ за одинъ день и не болѣе какъ за двѣ недѣли.

1. Вычетъ изъ жалованья отъ одной до двухъ недѣль.

2. Если виновный приличенъ будетъ въ пьянствѣ, буйствѣ и похищеніи чужой вещи, то, въ первый разъ, подвергается за пьянство и буйство денежному штрафу вычетомъ у него изъ жалованья не менѣе какъ за двѣ недѣли и не болѣе какъ за мѣсяцъ; но похитившій какую нибудь вещь долженъ возратить оную хозяину; въ случаѣ же утраты заплатить ему цѣну оной, да сверхъ того виновный платитъ суду штрафъ, составляющій также цѣну вещи. Обличенный же въ пьянствѣ, буйствѣ и похищеніи во второй разъ, подвергается уже тѣлесному наказанію, непревосходящему двадцати пяти ударовъ розгами.

2. Вычетъ изъ жалованья отъ двухъ до одного мѣсяца.

Укравшій вещь платитъ вдвое за оную.

Тѣлесное наказаніе.

Опредѣленіе между большимъ и меньшимъ изъ означенныхъ наказаній предоставляется усмотрѣнію суда, по мѣрѣ вины подсудимаго. Взысканныя штрафныя деньги каждая Заводская Расправа вноситъ въ церковную кладу своего прихода.

Штрафныя деньги вносятся въ церковную кладу.

3. Если же кто въ третій разъ обвиненъ будетъ въ пьянствѣ, буйствѣ и похищеніи, о таковыхъ, какъ неспособныхъ къ исправленію, Заводская Расправа представляетъ въ Главное Ильинское правленіе; а сіе, присудивъ онаго въ тяжелую работу, или въ рекруты, непременно присылаетъ заключеніе свое на мое утвержденіе.

§ 14. Тѣлесное присужденное наказаніе надъ виновными производится въ понедѣльникъ, при всѣхъ заводскихъ людяхъ, предъ вступленіемъ ихъ въ работы. Въ такомъ случаѣ непременно должно быть прочтено въ слухъ опредѣленіе Заводской Расправы, равно ея опредѣленія и о другихъ виновныхъ, подвергшихся денежнымъ штрафамъ, дабы всякій зналъ о проступкѣ подсудимаго и о слѣдующемъ за оный наказаніи.

Когда и какъ производится наказаніе.

IV. Объявленіе неудовольствія на судей.

§ 15. Заводскія Расправы непосредственно зависятъ отъ Главнаго Ильинскаго правленія, коему одному онѣ обязаны давать отчетъ въ производимыхъ ими дѣлахъ; но правленіе на ихъ сужденія вліянія никакого не должно имѣть, а потому—

Расправы отдаютъ отчетъ въ дѣлахъ Ильинскому правленію.

§ 16. Если какой мастеровой, или приписной крестьянинъ, безъ суда наказанъ смотрителемъ, или считаетъ себя безъ вины потерпѣвшимъ по приговору Заводской Расправы, таковой приноситъ на сіе жалобу въ Главное Ильинское правленіе, а сіе, истребовавъ дѣло изъ Заводской Расправы, рассмотрѣвъ оное, при объявленіи и мнѣніи своемъ, препровождаетъ сіе дѣло ко мнѣ на разсмотрѣніе.

Оному приносятъ жалобы заводскіе люди на несправедливость смотрителей.

Ф О Р М А,

по которой Заводскія Расправы, на основаніи § 12 правил ихъ, обязаны доставлять ко мнѣ чрезъ Главное Ильинское правленіе мѣсячныя вѣдомости о производящихся въ нихъ дѣлахъ.

Годъ, мѣсяць и число, когда вступило дѣло.	№ № дѣлъ вступающихъ въ теченіи цѣлаго года.	Въ чемъ состояло дѣло и вина каждаго подсудимаго или за что онъ судился.	Показанія судившихся и дѣлопроизводство расправы.	Р ѣ ш е н і е

Дополненія къ положенію о Судныхъ Расправахъ, утвержденныя мною 29 Января 1831 года.

I.

Хотя въ постановленіи моемъ о Заводскихъ Расправахъ для виновныхъ, избличаемыхъ въ покупокѣ и приѣмѣ завѣдомо похищенныхъ вещей и никакого наказанія не назначено, но поелику таковыя покупки и приѣмщики, покупая и принимая завѣдомо отъ похитителей похищенные вещи, должны, по справедливости, подлежать равному съ похитителями оштрафованію, то въ назначеніи онаго и поступать согласно 13 § 2-й статьи означеннаго положенія моего о Заводскихъ Расправахъ.

III.

§ 1. Въ замѣну положенія для заводскихъ судовъ § 13, на основаніи утвержденного мною 22 Августа 1837 года мѣнія учрежденной при С.-Петербургской главной конторѣ комиссіи, постановляются слѣдующія правила о штрафованіи подзаводскихъ крестьянъ, заводскихъ и промысловыхъ работниковъ Пермскаго имѣнія:

1. Если кто провинится въ упущеніи по одной какой либо заводской работѣ, напримѣръ не выйдетъ на смѣну, на пусканіе завода, не сработаетъ крицы, положеннаго числа коробовъ угля, и тому подобное, также за остановку дѣйствія завода и другихъ производствъ на нѣкоторое время, менѣе одного дня, того наказывать денежнымъ взысканіемъ, равняющимся вреду, господской экономіи причиненному.

2. За неявку на работу одинъ или нѣсколько дней, по нерадѣнію, лѣности, либо собственнымъ дѣламъ, безъ испрошенія на то дозволенія начальства, удерживать у виновнаго жалованье за столько дней, сколько онъ не работалъ; но если отъ неявки произошелъ для господской экономіи вредъ, превосходящій цѣнностію причитающуюся за прогульное время выдачу, въ такомъ случаѣ взыскивать сообразно причиненному вреду.

Примѣчаніе. Положенное выше п. 1-мъ и п. 2-мъ денежное взысканіе производится изъ жалованья и прочихъ выдачъ, буде таковыя виновному причитаются отъ конторы. Если же онаго нельзя произвести, потому что виновному никакой денежной выдачи не слѣдуетъ, или онъ еще состоитъ въ долгу заводскому управленію, тогда наказывать тѣлесно, какъ о томъ изображено въ дополненіи II, § 1 п. 1-мъ *).

3. Если кто наряженъ будетъ на работу, но не послушается и окажется притомъ неповиновеніе, которое не можетъ еще назваться буйствомъ, но заключаетъ въ себѣ только личное сопротивленіе волѣ начальства, не сопровождаемая угрозами либо опасностію для исполнителей власти, того, приведя на работу, наказывать тѣлесно не менѣе 10-ти ударовъ розгами, а въ случаѣ нужды тотчасъ принимать соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры, чтобы такое непослушаніе не могло возобновиться и имѣть вредное послѣдствіе для завода. За неповиновеніе же начальству въ другихъ случаяхъ, наказывать содержаніемъ подъ арестомъ въ заводской кричной работѣ отъ 1-го до 15-ти дней, либо налагать денежную пеню отъ 1 до 5 рублей, смотря по состоянію подсудимаго.

4. Кто провинится въ пьянствѣ, того наказывать за первый разъ строгимъ выговоромъ, съ увѣщаніемъ исправиться; за второй денежною пенею, равняющеюся жалованью подсудимаго отъ 1-го до 2-хъ недѣль; въ случаѣ же его несостоятельности къ платежу,—тѣлесно, отъ 10 до 15 ударовъ розгами, на основаніи II дополненія п. 2; за третій разъ, розгами же 15-ю ударами. Если же кто и сими мѣрами не исправится, того за дальнѣйшее укосненіе въ семь порокѣ, наказывать, за 4 и 5 разы, 20 ударами розогъ, за 6 и 7 разъ 25 ударами, а за 8, 9 и 10 разы 30 ударами. Кто же изобличенъ будетъ въ пьянствѣ болѣе 10 разъ, того держать безвыходно въ заводѣ, или другомъ мѣстѣ работы, такое время, какое мѣстное начальство нужнымъ признаетъ и лишить голоса и всякаго вліянія въ дѣлахъ міра, пока долговременнымъ добрымъ поведеніемъ и искреннимъ раскаяніемъ не подастъ твердой надежды на совершенное исправленіе.

5. За похищеніе чужой собственности подвергать тѣлесному наказанію розгами: за похищеніе, въ 1-й разъ учиненное, 20 ударами, за 2 разъ 25 ударами, за 3 разъ 30 ударами, за 4-е и 5-е похищеніе по 35 разъ за каждое, за 6 и 7 по 45 разъ, а за 8-е, 9 и 10-е по 60 разъ. Сверхъ того, похитившій чужую вещь долженъ возратить ее хозяину, а въ случаѣ утраты,

*) Этого втораго дополненія не сохранилось.

цѣну вещи заработать; буде же на виновномъ числится долгъ по заводской конторѣ, то взыскивать цѣну вещи изъ его имущества. Если же кто провинится въ кражѣ болѣе 10 разъ, того опубликовать по заводу воромъ и къ выборамъ и мѣрскимъ сходкамъ не допускать, пока не исправится; а въ случаѣ, если не представится къ тому никакой надежды, то мѣстное начальство обязано представлять объ отдачѣ виновнаго въ рекруты и ссылкѣ его въ Сибирь на поселеніе.

6. Всякое буйство наказывается тѣлесно; если оно не сопровождается большимъ вредомъ для имѣнія, то штрафовать виновнаго 50-ю ударами розогъ; буде же буйство такого рода, что возобновленіе онаго можетъ произвести вредное вліяніе на умы прочихъ рабочихъ и подзаводскихъ крестьянъ, то предоставляется расправѣ и при первомъ такомъ поступкѣ представлять начальству о необходимости принять дѣятельнѣйшія мѣры къ предупрежденію покушенія на буйство на будущее время; именно: объ отдачѣ виновнаго въ тяжелую горную работу на другомъ заводѣ, на всегда или на время, пока исправится; если же къ тому не представляется надежды, то объ удаленіи виновнаго вовсе изъ имѣнія, отдачею въ военную службу и ссылкой въ Сибирь на поселеніе.

§ 2. За дополненіемъ такимъ образомъ положенія о Заводскихъ Судахъ, запрещается имъ въ сужденіяхъ своихъ руководствоваться иными правилами, кромѣ тѣхъ, которыя постановлены въ положеніи для судовъ и трехъ къ оному дополненіяхъ.

§ 3. При семъ не излишнимъ почитается подтвердить, что, на точномъ основаніи означеннаго положенія § 1-го, строго воспрещается заводскимъ начальникамъ самимъ собою наказывать заводскихъ и промысловыхъ работниковъ и приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, но чтобы они за вины свои непременно предоставляемы были сужденію судовъ, для сей именно цѣли учрежденныхъ.

О нѣкоторыхъ видахъ рыбъ, водящихся въ Пермской губерніи.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

А. М. Хлѣбникова.

(Посвящается памяти Ольги Александровны Хлѣбниковой).

Пермская губернія, имѣющая протяженія отъ востока на западъ около шестисотъ верстъ и съ сѣвера на югъ почти столько же, занимающая поверхность почти въ триста тысячъ квадратныхъ верстъ,—поверхность, которая варьируетъ по вертикальному измѣренію рельефа въ предѣлахъ почти пяти тысячъ футовъ,—представляетъ въ гидрографическомъ отношеніи крайнее разнообразіе, обусловливаемое, помимо физическихъ причинъ, еще и тѣмъ, что въ предѣлахъ этой губерніи находятся рѣки, принадлежащія къ *тремъ* важнѣйшимъ рѣчнымъ системамъ—волжской и печорской въ западной половинѣ губерніи и къ системѣ рѣки Оби въ восточной (зауральской) ея половинѣ. Независимо отъ разнообразія системъ, различіе въ свойствѣ водъ выражается отчасти и ихъ химическимъ составомъ: протекая въ ложахъ, содержащихъ известковыя соединенія—углекислую известь и гипсъ—воды отчасти растворяютъ ихъ и являются хотя мало пригодными для нѣкоторыхъ хозяйственныхъ потребностей, но тѣмъ не менѣе излюбленнымъ мѣстопребываніемъ извѣстныхъ видовъ рыбъ; въ другихъ случаяхъ, протекая по твердымъ горнымъ породамъ, содержащимъ въ составѣ своемъ кремнекислыя соединенія, остаются почти химически чистыми: такія воды въ большинствѣ случаевъ населены харюзами*), часто въ сообществѣ съ налимами и иногда съ великолѣпнымъ приуральскимъ лососемъ—тайменемъ. Наконецъ, къ третьей категоріи можно отнести рѣки, имѣющія обыкновенную мягкую воду, въ которой по анализу найдутся конечно и незначительные слѣды извести и экстрактивные вещества растительнаго происхожденія и пр. и пр. Къ такимъ рѣкамъ если не ошибаюсь, можно присоединить бѣольшую часть рѣкъ нашей губерніи.

Но помимо текучихъ водъ есть еще значительное число озеръ и стариць, вода которыхъ или возобновляется въ весеннее время разливами рѣкъ, или же остается всегда изолированной отъ другихъ водныхъ бассейновъ, обновляясь лишь отчасти атмосферными осадками и иногда подземными ключами. Типы озеръ нашего края тоже довольно разнообразны: то онѣ представляютъ остатки когда-то бывшаго моря, какъ напримѣръ нѣко-

*) Употребляю мѣстное названіе «харюзъ» вмѣсто книжнаго—«харіусъ»

торыя изъ озеръ юговосточной (зауральской) части губерніи, и вслѣдствіе того богаты содержаніемъ хлористаго натрія и другихъ солей, свойственныхъ морской водѣ, то—впадины, образовавшіяся отъ заполнения подземныхъ пустотъ, произведенныхъ водою въ толщахъ гипса, верхними слоями почвы и сопредѣльными съ ними пластами, то, наконецъ, обязаны происхожденіемъ своимъ другимъ еще недостаточно выясненнымъ причинамъ.

Грунтъ озеръ—песокъ, глина, иль, хрящъ, черноземъ, торфъ, камень, или каждый въ отдѣльности, или же въ комбинаціяхъ болѣе или менѣе сложныхъ.

Указанное выше разнообразіе водъ, раскинутыхъ на громадномъ пространствѣ и подверженныхъ вліянію различныхъ физическихъ условій, ставитъ Пермскую губернію, относительно богатства ихтіологической фауны, въ такія благоприятныя условія, какихъ не представляетъ ни одна изъ губерній и областей Европейской Россіи и Сибири.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одного сочиненія о рыбахъ всей губерніи,—не имѣемъ потому, что прежде чѣмъ составить подобный трудъ—необходимо предпринять множество экскурсій для изслѣдованія рыбной фауны отдѣльныхъ рѣкъ и озеръ и—даже экспедиціи для изслѣдованія болѣе отдаленныхъ рѣкъ, каковы: Вишера, Колва, Печора, Сосьва и Лозьва съ ихъ притоками; кромѣ того необходимо основательно изслѣдовать рыбъ въ большихъ озерахъ Екатеринбургскаго и Шадринскаго уѣздовъ.

Только послѣ исполненія всѣхъ этихъ предварительныхъ трудовъ можно надѣяться, что составъ мѣстной ихтіологической фауны выяснится съ достаточною полнотою и дастъ массу новыхъ фактовъ біологическаго характера, а главное дастъ богатый матеріалъ для познанія географическаго распространенія видовъ въ нашихъ водахъ.

Но если мы не имѣемъ до сихъ поръ полного каталога рыбъ губерніи, то тѣмъ не менѣе свѣдѣнія о нѣкоторыхъ существующихъ видахъ имѣются уже въ ученой литературѣ. Такъ, около ста двадцати лѣтъ тому назадъ, нашъ знаменитый академикъ Петръ Симонъ Палласъ, въ передній и обратный проѣздъ свой по губерніи, указываетъ нѣкоторыхъ рыбъ зауралья и Камы. Послѣ того, въ теченіи цѣлаго столѣтія, вопросъ оставался открытымъ и только въ 1868—72 годахъ кандидатъ естественныхъ наукъ Леонидъ Павловичъ Сабанѣвъ, на средства Императорскаго Московскаго Общества Испытателей природы и Казанскаго Общества Естествоиспытателей, изслѣдовалъ фауну позвоночныхъ Средняго Урала, преимущественно восточныхъ его склоновъ, и результаты изслѣдованій публиковалъ въ сдѣлавшемся теперь уже библиографическою рѣдкостію сочиненіи: „Позвоночныя Средняго Урала“ (Москва, 1874 г.).

Да позволено мнѣ будетъ, въ виду рѣдкости сказаннаго сочиненія, перечислить упоминаемые въ немъ виды рыбъ, которыхъ я для удобства обзорѣнія разобью на двѣ группы.

А.) Рыбы вошедшія въ общую нумерацію каталога, слѣдовательно виды безспорные, свидѣтельство о существованіи которыхъ, по всей вѣроятности, подкрѣплено привезенными съ Урала коллекціями:

1. Окунь (*Percа fluviatilis*, L.).
2. Ершъ (*Acerina cernua*, L.).
3. Широколобка (*Cottus gobio*, L.).
4. Налимъ (*Lota vulgaris*, Cuv.).
5. Карась золотой (*Carassius vulgaris*, Nilss.).
6. Карась серебряный (*Carassius gibelio*, Bloch.).
7. Пескозобъ (*Gobio fluviatilis*, L.).
8. Сорога (*Leuciscus rutilus*, L.).
9. Язь (*Idus melanotus*, Heck.).
10. Елецъ (*Squalius leuciscus*, L.).
11. Мулекъ, рѣчной гольянъ (*Phoxinus laevis*, Agass.).
12. Озерный гольянъ (*Phoxinus perenurus*, Pall*).
13. Харюзъ (*Thymallus vulgaris*, Nilss.).
14. Нельма (*Coregonus leucichtys*, Güld, var. *C. Nelma*, Pall.).
15. Нелемка (*Coregonus* sp?**) .
16. Тальмень (*Salmo fluviatilis*, Pall.).
17. Щука (*Esox lucius*, L.).
18. Вьюнь-щиповка (*Cobitis taenia*, L.).
19. Вьюнь-голецъ (*Cobitis barbatula*, L.).

Б.) Рыбы невошедшія въ нумерацію каталога, слѣдовательно такія, добыть которыхъ не удалось, но присутствіе которыхъ въ водахъ губерніи предполагалось авторомъ, на основаніи личныхъ соображеній, или же по распросамъ мѣстныхъ жителей и рыбаковъ:

1. Судакъ обыкновенный (*Lucioperca sandra*, Cuv.).
2. Судакъ волжскій (*Lucioperca volgensis*, Pall.).
3. Сомъ (*Silurus glanis*, L.).
4. Лещъ (*Abramis brama* Cuv.).
5. Синецъ (*Abramis ballerus*, L.).
6. Клепецъ, подлещикъ (*Abramis sapa*, Pall.).
7. Густера (*Blicca björkna*, L.).
8. Жерехъ (*Aspius rapax*, Pall.).
9. Подустъ (*Chondrostoma nasus*, L.).

*) Видъ этотъ неправильно опредѣленъ Л. П. Сабанѣевымъ, о чемъ значителенъ въ соответствующемъ мѣстѣ настоящей статьи.

**) Л. П. Сабанѣевъ пишетъ: «Экземпляры этого небольшого сижка, быть можетъ *Coregonus Nilsonii*, добыты мною на Сосвѣ.» Ниже приведены данныя, на основаніи которыхъ видъ этотъ отнесенъ мною къ *Coregonus Merkü, Günther*; что же касается до *Coregonus Nilsonii*, то таковой, по свидѣтельству г. Данилевскаго, водится только въ Кубенскомъ озерѣ, Вологодской губерніи, гдѣ тоже называется *нельмушкою*. (Кесслеръ, Описаніе рыбъ, которыя встрѣчаются въ водахъ С.-Петербургской губерніи. СПб., 1864 г.).

10. Чехонь, сабля (*Pelecus cultratus*, L.).
11. Сазань (*Cyprinus carpio*, L.).
12. Головлъ (*Squalius cephalus*, L.).
13. Бѣлорыбица (*Coregonus leucichtys*, Gld.).
14. Лосось обыкновенный (*Salmo trutta*, L.).
15. Форель (*Salmo fario*, L.).
16. Вьюнъ-пискунъ (*Misgurnus fossilis*, L.).
17. Стерлядь (*Acipenser ruthenus*, L.).
18. Осетръ (*Acipenser Gldenstaedtii*, Br.).
19. Бѣлуга (*Acipenser huso*, L.).
- и 20. Минога (*Petromyzon Wagneri*, Kessl.).

И такъ, въ сочиненіи Л. П. Сабанѣва: „Позвоночныя Средняго Урала“ перечислено почти сорокъ видовъ, что при незначительности изслѣдованнаго района представляетъ уже цифру весьма почтенную, въ особенности если принять во вниманіе, что, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ профессора Варпаховскаго, найдено въ приволжскихъ губерніяхъ—Казанской 46 видовъ и Нижегородской—42.

Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ настоящей статьи я буду имѣть возможность высказать свои соображенія относительно нѣкоторыхъ приводимыхъ г. Сабанѣевымъ видовъ; теперь же не могу умолчать и о томъ, что списки рыбъ, водящихся въ губерніи, приводятся еще и у другихъ авторовъ—не-спеціалистовъ въ естественныхъ наукахъ; такъ на примѣръ: Н. С. Поповъ даетъ такой списокъ въ „Хозяйственномъ Описаніи Пермской губерніи“, далѣе—подполковникъ Мозель, въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи“ (Пермская губернія, часть 1-я, стр. 273), сообщаетъ простой списокъ рыбъ, въ который включилъ даже *угря*, какъ извѣстно не найденнаго еще до сихъ поръ въ рѣкахъ Каспійскаго бассейна*). Вообще къ подобнымъ сочиненіямъ, написаннымъ не спеціалистами, каковы Н. С. Поповъ и подполковникъ Мозель, нужно относиться съ крайнею осторожностію и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обладать извѣстной дозой того критическаго чутья, которое помогало-бы отдѣлать полезное отъ сорныхъ травъ и плевелъ. Справедливость однакоже требуетъ сказать, что сообщаемыя Н. С. Поповымъ свѣдѣнія болѣе обстоятельны, чѣмъ таковыя же г. Мозеля; такъ на примѣръ, Никита Савичъ приводитъ по большей части и указанія рѣкъ, въ которыхъ обитаетъ извѣстный видъ рыбъ.

---

*) Хотя г. Пельцамъ—преparatorъ музея Казанскаго университета—и сообщаетъ свои якобы наблюденія надъ періодическими движеніями угрей въ Волгѣ (Протоколы засѣд. Казанскаго Общества Естествоиспытат. 1869—70 г., стр. 122—123), но, какъ ученый и тѣмъ болѣе преparatorъ, онъ обязанъ былъ подкрѣпить такой важный научный фактъ вещественнымъ доказательствомъ, т. е. въ данномъ случаѣ сохранить угря въ спиртѣ, чего имъ повидимому не сдѣлано, почему и всѣ его наблюденія являются лишними всякаго научнаго основанія и вѣроятія и совершенно справедливо игнорируются профессоромъ Варпаховскимъ.

Перечисливъ почти все, что написано о нашихъ рыбахъ, я долженъ сознаться что литература данного предмета бѣдна, что сообщаемыя свѣдѣнія крайне неполны и отрывочны и, наконецъ, что существуютъ еще рыбы, которыя не значатся ни у одного изъ приведенныхъ авторовъ. Все это вмѣстѣ взятое побудило меня подѣлиться съ читателями „Пермскаго Края“ тѣми свѣдѣніями о рыбахъ губерніи, которыя мнѣ удалось собрать отрывочно, въ часы досуга, въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ. Если свѣдѣнія эти и не особенно обширны, то, во всякомъ случаѣ, онѣ безусловно вѣрны и заключаютъ въ себѣ отчасти новые факты біологическаго характера, или болѣе подробно выясняютъ географическое распространеніе нѣкоторыхъ видовъ, или наконецъ намѣчаютъ, хотя не сполна, тѣ цѣли и задачи, которыя предстоятъ будущему изслѣдователю края при ихтіологическихъ работахъ.

Оставляя въ сторонѣ зоологическую систему, придерживаясь которой по характеру настоящей статьи и нѣтъ особой надобности, начинаю прямо съ интереснаго не только для ихтіологовъ, но еще болѣе для гастрономовъ, семейства лососевыхъ (*Salmonidae*).

С е м г а (*Salmo salar*, L.).

О семгѣ Л. П. Сабанѣевъ сообщаетъ, что она вѣроятно не встрѣчается въ предѣлахъ Пермской губерніи, но это едва-ли справедливо, такъ какъ подполковникъ Мозель, въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи“*), заимствуетъ у г. Гофмана, изъ сочиненія его: „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-хой“ (часть 2-я), слѣдующія свѣдѣнія объ этой рыбѣ: „Крестьяне села Ижмы, Вологодской губерніи, ловятъ большую часть лососей (т. е. семги), заходящихъ въ Печору, большими сѣтями, которыя они закидываютъ день и ночь, одну за другой; уходящая отъ нихъ рыба попадаетъ въ Шугорѣ или Почеремѣ, а остальная ловится на запрудахъ, устроенныхъ выше, до половины рѣки, у каждой деревни. По этому добыча крестьянъ Усть-Уньи (уже въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда) не можетъ быть велика. Но, чтобы не упустить ничего, они загораживаютъ запрудой всю рѣку, въ видѣ плетня изъ шестовъ, соединенныхъ лозою, на самой быстринѣ оставляется одно или два отверстія, загороженные вершами, въ которыя попадаютъ послѣдніе лососи, плывущіе вверхъ по рѣкѣ. Такого рода запруды устраиваются тѣми же крестьянами и по Печорѣ, выше Усть-Уньи, но уловъ ихъ обыкновенно бываетъ незначителенъ“.

И такъ, вотъ литературное свидѣтельство о ловлѣ семги крестьянами деревни Усть-Уньи, Чердынскаго уѣзда, и о ловлѣ вверхъ по Печорѣ, въ предѣлахъ того же уѣзда. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли не быть семги въ верхнемъ теченіи Печоры, тогда какъ рѣка эта протекаетъ быть можетъ

*) Часть 1-я, стр. 102.

около 200 верстъ въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда и при выходѣ изъ этого уѣзда въ Вологодскую губернію, близъ деревни Усть-Волосницы, достигаетъ въ меженную воду до 600 сажень ширины и отъ одной до четырехъ сажень глубины*).

Не только нѣтъ основанія сомнѣваться въ присутствіи семги въ пермской Печорѣ, но возможно съ полною вѣроятностію допустить и присутствіе ея въ пермскихъ притокахъ Печоры—Уньѣ, Волосницѣ, Пожегѣ, Порожнаѣ и другихъ, тѣмъ болѣе что въ характерѣ лососей—стремиться для метанія икры къ вершинамъ самыхъ малыхъ рѣчекъ, при чемъ искусственныя и естественныя преграды, какъ то запруды и пороги, не составляютъ препятствія, такъ какъ лосось—семга перескакиваетъ чрезъ нихъ съ большою ловкостію.

У Н. С. Попова есть еще указаніе на присутствіе *лохи* или *лоховины* въ рѣкахъ Камской системы—Колвѣ, Кельтмѣ, Косѣ, Веслянѣ и Лологѣ. Не семга-ли фигурируетъ здѣсь подъ приведенными именами, тѣмъ болѣе что изъ Вычегды, чрезъ сѣверо-Екатерининскій каналъ, или другими естественными путями, о которыхъ будетъ сказано ниже, семга могла зайти и въ рѣки Камской системы и здѣсь размножиться.

Если я, вопреки мнѣнія Л. П. Сабанѣева, указалъ на присутствіе семги въ Чердынскомъ уѣздѣ, то въ тоже время я признаю возможнымъ совершенно отрицать принадлежность финскаго лосося (*Salmo trutta*, L.) къ числу рыбъ нашего края, о которомъ Л. П. Сабанѣевъ такого мнѣнія: „очень можетъ быть однако, что въ этихъ рѣкахъ (Красной, Нязѣ, Кукозарѣ, Азяшѣ, Уфѣ и другихъ) водится и *Salmo trutta*“.....

Не нахожу никакого основанія поддерживать это мнѣніе, потому что помянутая рыба несвойственна волжскому бассейну, по крайней мѣрѣ нѣтъ на то никакихъ положительныхъ данныхъ.

Впрочемъ, въ „Каталогѣ музея Уральскаго Общества любителей естествознанія“ (Екатеринбургъ, 1888 г.), на стр. 79, значится *Salmo trutta* изъ рѣки Тагила, отъ П. А. Григорьева, но это долженъ быть несомнѣнный *Salmo fluviatilis*, Pall., а не *Salmo trutta*, какъ онъ ошибочно названъ въ каталогѣ.

На Сибирско-Уральской выставкѣ въ 1887 году, въ научномъ отдѣлѣ, я видѣлъ громаднаго лосося, помѣщеннаго въ длинный стеклянный ящикъ, наполненный какою-то зеленоватою жидкостію, по всей вѣроятности долженствовавшей изображать «коварную стихію»; спина рыбы возвышалась надъ жидкостію по крайней мѣрѣ на вершокъ, такъ что нужно думать что рыба сгнила въ скоромъ времени, такъ какъ извѣстно, что, въ соприкосновеніи съ воздухомъ, особенно въ лѣтнее время, рыба скоро разлагается. Эта рыба принадлежала къ нижеслѣдующему виду—*Salmo fluviatilis*, Pall.

---

*) Мозель, Статистика Пермской губ., ч. I, стр. 100.

Сибирскій таймень (*Salmo fluviatilis*, Pall.).

Мѣстныя названія:

- въ Перми, въ живорыбныхъ садкахъ — *Чусовской лень*
- „ Красноуфимскомъ и Кунгурскомъ уѣздахъ и въ верховьяхъ рѣки Міяса — *красуля, красулька.*
- „ другихъ мѣстахъ губерніи — *лень.*
- „ Сибири — *таймень, тальмень.*

Книжныя названія:

- Стрежевой Камскій лень* (у Палласа).
- Таймень и ливень* (у Попова).

Долгое время вопросъ о томъ, къ какому виду принадлежит лосось приуральскаго края, составлялъ для меня положительную загадку; не было никакой точки опоры, могущей сколько нибудь помочь мнѣ въ разрѣшеніи вопроса. Новѣйшія изслѣдованія волжскихъ рыбъ, предпринятые нашими учеными, не дали мнѣ тоже никакого надлежащаго основанія. Такъ напримѣръ, г. Яковлевъ, въ статьѣ своей: «Списокъ рыбъ порядка Teleostei, встрѣчающихся въ устьяхъ Волги», помѣщенной въ первомъ томѣ (1871 г.) «Трудовъ Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», сообщаетъ слѣдующія краткія свѣдѣнія: «въ осеннее и зимнее время, въ устье Волги заходятъ двѣ рыбы, извѣстныя у ловцовъ подъ именемъ *лося* и *лоха*, у калмыковъ — *ярга*; до Астрахани они поднимаются очень рѣдко, такъ что до сего времени я не имѣлъ въ рукахъ свѣжаго экземпляра» — и только!... Послѣднія изслѣдованія профессора Варпаховскаго относительно рыбъ Нижегородской и Казанской губерній дали, по отношенію къ лососю, тоже отрицательный результатъ, такъ что въ настоящее время пожалуй можно сказать: лососей въ Волгѣ нѣтъ, хотя они и водились въ ней во время оно, когда Волга была рѣка многоводная, когда мирная жизнь водяныхъ обитателей не нарушалась непрерывнымъ свистомъ паровозовъ и шлепаньемъ ихъ колесъ, когда эти воды были болѣе холодны и прозрачны и не содержали, какъ теперь, значительнаго процента различныхъ ѣдкихъ минеральныхъ солей и красильныхъ веществъ, этой неизбѣжной дани, доставляемой Волгѣ громадной массой всевозможныхъ фабрикъ и заводовъ центральной Россіи.

Но возвращаюсь къ прерванному. Свидѣтельство о нахожденіи лосося въ Волгѣ, у Астрахани, есть у Самуила Георга Гмелина (Путешествіе, часть 2, стр. 279); въ Симбирскомъ краѣ нашелъ его Лепехинъ (Путешествіе, I, стр. 189).

Для насъ впрочемъ болѣе важенъ вопросъ не о нахожденіи лосося въ нижнемъ теченіи Волги, гдѣ, по всей вѣроятности, встрѣчается другой видъ, а о нахожденіи его въ Камѣ. Первые свѣдѣнія объ этомъ находимъ у Паллоса (Путеш., часть III, половина 2-я, стр. 48 и 49). Вотъ что пишетъ онъ о камскихъ рыбахъ, водящихся близъ Сарапула: „Мимотекущая рѣка Кама доставляетъ живущимъ по берегамъ оныя въ рыбахъ великое изобиліе, кои

здѣсь почти самыя вкусныя по всей Россіи. По крайней мѣрѣ здѣшняя бѣлая рыба, осетры и стерляди далеко волжскихъ превосходятъ. Сверхъ сихъ трехъ родовъ, въ Камѣ за главную рыбу почитать должно лососей, или такъ называемую красную рыбу, которая обыкновенно ловится величиною въ полтора или два локтя. Мнѣ сказывали о другой породѣ лососей, которые иногда въ Камѣ, а болѣе въ *Бѣлой рѣкѣ* ловятся, и *Стрешевой Камской линь* называется. Но сія принадлежитъ къ рѣдкостямъ; а я не имѣлъ случая оную видѣть. Чаятельно, что сія порода лососей, какой въ Каспійскомъ морѣ совсѣмъ нѣтъ, а въ Волгѣ весьма рѣдко находится, чрезъ камскія верховья и впадающія въ нее постороннія рѣчки, въ сію рѣку зашла и въ ней размножилась. Ибо отдаленнѣйшіе источники Камы столь близко съ текущими къ Печорѣ и Вычегдѣ источниками происходятъ, что на многихъ мѣстахъ, во время весенняго водъ разлитія, вѣроятно всѣ сіи рѣки между собою соединяются, и меня увѣряли о рѣчкѣ *Мылъ*, которая въ верхнюю Каму впадаетъ, что она, съ нѣкоторымъ къ Вычегдѣ текущимъ источникомъ, изъ одного болота происходитъ, и которая такъ наводняется, что по ней отъ Камскаго источника до источника Вычегды на лодкахъ проѣхать можно“.

„И такъ, сколь легко, чрезъ Двину и Печору изъ сѣвернаго океана, во множествѣ проплывающимъ симъ рыбамъ дойти до Камы, и по всей оной и ея постороннимъ рѣкамъ, которыя на подобіе рѣки *Бѣлой* наполняются съ горъ текущею, лососямъ пріятною водою размножиться“....

Лѣтъ тридцать спустя послѣ Палласа, Н. С. Поповъ тоже сообщаетъ нѣкоторыя данныя о пермскомъ лососѣ, которыя я привожу здѣсь сполна: „Въ однихъ съ нимъ (харьюсомъ) сибирскихъ рѣкахъ водится таймень или ливень (коего г. Палласъ за одну породу съ харьюсомъ почитаетъ), похожій частію на сига и составляющій породу сибирской крошицы или пеструшки (*Salmo fagio*), а именно—въ нижней части рѣки Міаса и Исети, во время ихъ разлитія весною, по свидѣтельству г. Палласа, потомъ въ рѣкѣ Лозвѣ, Сосвѣ, Турѣ, Тагилѣ и нѣкоторыхъ съ ними соединенныхъ также болѣе весною“.

Наконецъ въ наше время, лѣтъ двадцать тому назадъ, Л. П. Сабанѣевъ пишетъ такъ: „Послѣднія изслѣдованія мои показали мнѣ, что я имѣлъ дѣло не съ *Salmo trutta*, какъ предполагалъ прежде, а скорѣе съ *Salmo fluviatilis*, или *S. Taimen*, собственно сибирскимъ видомъ, который постепенно проникаетъ въ Россію, чрезъ Ледовитый океанъ, а быть можетъ и болѣе случайными путями“....

И такъ изъ всего приведеннаго выше видно, что относительно пріуральскаго лосося сообщенныя свѣдѣнія довольно разнорѣчивы, почему вопросъ требовалъ повѣрки и возможнаго дополненія многихъ пробѣловъ, что и побудило меня выяснитъ его насколько возможно, а для этого были нужны факты, нужно было прежде всего добыть лосося и установить принадлежность его къ тому или другому виду. Приобрѣтеніе рыбы, въ виду ея рѣдкости, оказалось дѣломъ не легкимъ, но благодаря особенно благопріят-

ному стеченію обстоятельствъ, я имѣлъ возможность, осенью 1885 года, добыть двухъ лососей—самца изъ рѣки Чусовой и самку изъ рѣки Уфы.

Не буду распространяться о томъ истинномъ удовольствіи, которое я испыталъ при полученіи давно желанныхъ рыбъ, скажу только, что даже на первый взглядъ онѣ поразили меня пластичностью и красотой формъ, оригинальностью окраски, массивностью и вообще всѣмъ своимъ *habitus'омъ*, съ которымъ неразрывно связано впечатлѣніе о силѣ, мощности и быстротѣ движеній, такъ присущихъ этой рыбѣ.

Самецъ, добытый въ рѣкѣ Чусовой, а мною прибрѣтенный уже изъ живорыбнаго садка г-жи Шваревой, находящагося на рѣкѣ Камѣ, въ Перми, имѣлъ почти полсажени длины ($22\frac{1}{4}$ вершка) и вѣсилъ $23\frac{1}{2}$ фунта. Голова жирная форелевидная; тѣло брусковато-цилиндрическое, болѣе сжатое къ хвосту; по спинѣ, начиная отъ затылка и до самого спиннаго плавника, тянется замѣтный желобокъ; цвѣтъ рыбы—на головѣ сверху оливково-зеленоватый, отъ головы, по направленію къ спинному плавнику, примѣрно на пространствѣ четырехъ вершковъ, синевато-сѣрый, потомъ постепенно переходящій въ красноватый или буровато-красный, все болѣе и болѣе усиливающийся къ хвосту; нижняя сторона головы, груди и брюхо свѣтло-сѣрыя; по бокамъ туловища, въ особенности надъ боковой линіей, на жаберныхъ крышкахъ и сосредѣльныхъ съ ними костяхъ головы неправильно расположены черныя пятнушки; въ болѣе крупныхъ изъ нихъ, находящихся близъ головы и по бокамъ, можно замѣтить нѣкоторое сходство съ фигурой *пикоголо туза*; грудные и брюшные плавники сѣрые, болѣе свѣтлые при основаніи и болѣе темные къ концу; сторона ихъ, прилегающая къ тѣлу рыбы, настолько же темна, какъ и наружная; цвѣтъ спиннаго плавника немного свѣтлѣе грудныхъ и брюшныхъ; жировой плавникъ, желтовато-бурокрасный, къ концу темнѣе. Самой-же замѣчательной и характерной особенностью рыбы служатъ заднепроходный и хвостовой плавники, имѣющіе *яркій киноварно-красный цвѣтъ*,—въ особенности ярокъ и чистъ цвѣтъ заднепроходнаго плавника, хвостовой-же, въ верхней лопасти, нѣсколько темнѣе. Радужина глазъ блѣдно-золотистая. Полость рта тѣлеснаго цвѣта. Широкій ротъ вооруженъ многочисленными зубами, загнутыми немного внутрь, есть 2—3 зуба даже и на языкѣ; кажется есть еще и наожные зубки, укрѣпленные только въ облегающихъ челюстныя кости мускулахъ. Къ сожалѣнію я не имѣлъ возможности сдѣлать подробныя изслѣдованія расположенія зубовъ въ полости рта, почему объ этомъ и умалчиваю. Ротъ открывается до задняго края глаза. При открытой пасти, нижняя челюсть замѣтно длиннѣе верхней, а при закрытой—обѣ челюсти почти равны. Чешуя мелкая и почти овальной формы, къ заднему концу нѣсколько уже, иногда на заднемъ концѣ какъ-бы усѣченная; чешуйки боковой линіи длиннѣе другихъ; такъ примѣръ, въ боковой линіи чусовскаго лосося насчитано 134 чешуйки, тогда какъ въ рядахъ, смежныхъ съ этой линіей, число чешуй въ продольномъ ряду достигаетъ до 225. Чешуйки, при разсматриваніи въ лупу, являются

покрытыми многочисленными темными мельчайшими крапинками; не имѣя собственной окраски и будучи лишены металлическаго блеска и полупрозрачны, онѣ передаютъ цвѣтъ находящейся подъ ними кожи. Бурокрасноватый цвѣтъ рыбы, насколько я могъ замѣтить, происходитъ отъ просвѣчиванія чрезъ чешую бурокраснаго пигмента, которымъ глубоко проникнута кожа рыбы; полупрозрачная чешуя закрываетъ этотъ пигментъ какъ-бы матовымъ стекломъ, лишь нѣсколько маскируя цвѣтъ его, который кажется темнѣе отъ покрывающихъ чешуйки мельчайшихъ темныхъ крапинокъ. Жаберныя дуги имѣютъ по 12 тычинокъ, изъ коихъ 4 находятся въ верхней половинѣ дуги и 8 въ нижней; тычинки сжаты съ боковъ, высота среднихъ большихъ тычинокъ достигаетъ 18—19 миллиметровъ, при разстояніи между ними около одного сантиметра. Внутренній край тычинокъ покрытъ мельчайшими шипиками, расположенными въ два ряда, при чемъ ряды эти раздѣлены желобковатымъ каналцемъ.

При этомъ привожу сравнительную табличку числа тычинокъ жаберныхъ дугъ у чусовскаго лосося и печерской семги.

	Salmo fluviatilis, Чусовая.	Salmo salar, Печора.
1 дуга	$\frac{4}{8} = 12$	$\frac{6}{12}$ или $\frac{7}{11} = 18$
2 "	тоже	$\frac{7}{11}$ " $\frac{8}{10} = 18$
3 "	тоже	$\frac{7}{10}$ " $\frac{8}{9}$
4 "	?	?

Желудочныхъ придатковъ найдено до 210, изъ числа ихъ многіе были наполнены глистами. Кожа рыбы крѣпкая и толстая. Мясо бѣлое съ слабымъ розоватымъ оттѣнкомъ.

Самка, добытая въ рѣкѣ Уфѣ, представляла нѣкоторыя особенности, такъ напримѣръ: на туловищѣ рыбы почти вовсе не было пятенъ, только мало замѣтные слѣды ихъ виднѣлись въ области спины и явственныя, но небольшія (съ утиную дробь), виднѣлись на жаберныхъ крышкахъ.

Грудные и брюшныя плавники этой рыбы болѣе прилегали къ тѣлу, такъ что нужно было извѣстное усиліе для удаленія ихъ отъ него. Съ внутренней стороны плавники эти были почти бѣлые, тогда какъ у чусовскаго лосося они были окрашены одинаковымъ темно-сѣрымъ цвѣтомъ съ той и другой стороны и отгибались отъ туловища совершенно свободно на извѣстное разстояніе. Последнее обстоятельство я объясняю тѣмъ что лосою, живущему въ Чусовой, по причинѣ быстрого теченія рѣки, приходится усиленно работать плавниками, тогда какъ въ тихо текущей Уфѣ они могутъ функционировать сравнительно слабѣе. Еще нашелъ я разность въ цвѣтѣ, ширинѣ и длинѣ чешуйки (по старинной номенклатурѣ „застрѣжки“), имѣющейся у лососей подъ брюшнымъ плавникомъ. Эта чешуйка у чусовскаго лосося достигала до 4 сантиметровъ длины при 9 миллиметрахъ ширины и была плоска, ланцетовидна и темносѣраго цвѣта съ той и другой стороны;

чешуйка же уфимскаго лосося была длиною $2\frac{1}{2}$ сантиметра, сравнительно узка и треугольной (штыкообразной) формы.

Привожу здѣсь болѣе подробныя измѣренія означенныхъ лососей, измѣренія которыя будутъ, быть можетъ, не безъинтересны, въ особенности для спеціалистовъ.

	♂ Изъ р. Чусовой, добытъ 15 Ок- тября 1885 г., вѣсомъ $23\frac{1}{2}$ <i>ф.</i>	♀ Изъ р. Уфы до- быта 4 Августа 1885 г., вѣсомъ 14 <i>ф.</i>
ВЪ МИЛЛИМЕТРАХЪ.		
Длина всего тѣла, отъ вершины носа до конца хвостоваго плавника	990	840
Длина тѣла, отъ вершины носа до основанія хвостоваго плавника	990	775
Длина головы, сбоку, отъ вершины носа до жабернаго отверстія	210	180
Продольной діаметръ глаза	20	18
Разстояніе отъ вершины носа до передняго края глаза	50	40
Разстояніе отъ задняго края глаза до задняго края предкрышечной кости	100	81
Разстояніе отъ задняго края глаза до задняго конца жаберной крышки, или до жабернаго отверстія .	145	118
Вышина рыбы у затылка	110	96
„ рыбы противъ задняго конца жаберной щели	160	—
Вышина рыбы противъ начала спиннаго плавника	177	160
„ рыбы противъ начала жироваго плавника	130	—
„ у основанія хвоста	65	55
Ширина рыбы противъ задняго края жаберной крышки сверху	138	—
Ширина противъ середины глаза	70	—
Разстояніе между верхними краями жаберной щели	72	—
Отъ конца носа до начала спиннаго плавника (по прямой линіи)	450	375
Длина основанія спиннаго плавника	104	95
Вышина спиннаго плавника спереди	85	73
„ „ „ „ назади	45	37
Длина спиннаго плавника по вершинѣ	—	130
Отъ конца носа до начала груднаго плавника (по прямой линіи)	220	175
Длина груднаго плавника	112	98
Вышина груднаго плавника назади	38	34
Длина основанія груднаго плавника	30	23
„ груднаго плавника по вершинѣ	—	90
Разстояніе между задними оконечностями основаній грудныхъ плавниковъ (по груди)	80	—
Отъ основанія груднаго плавника до начала брюшнаго	—	295

Въ приведенныхъ измѣреніяхъ есть пробѣлы, состоящія главнымъ образомъ въ томъ, что уфимскій лосось не настолько подробно измѣренъ какъ чусовской, что обусловливается единственно недостаткомъ времени; впрочемъ всѣ главныя измѣренія приведены и для уфимскаго лосося; что же касается второстепенныхъ, то онѣ во многихъ случаяхъ не имѣютъ большаго значенія и могутъ быть частію отнесены къ индивидуальнымъ особенностямъ.

Описанная сейчасъ рыба отнесена Л. П. Сабанѣевымъ къ виду сибирскаго тайменя—*Salmo fluviatilis*, Pall. Затѣмъ въ послѣднее время, какъ извѣстно мнѣ изъ частнаго письма С. М. Герценштейна—ученаго хранителя зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ—экземпляръ, доставленный изъ Перми въ музей Академіи, описанъ профессоромъ Гриммомъ въ „Вѣстникъ Рыбной промышленности“, подъ этимъ-же именемъ.

Послѣ всего сказаннаго и мнѣ, не мудрствуя лукаво, остается причислить нашего лenea къ этому-же виду, хотя съ описаніемъ, приводимымъ Палласомъ, онъ и не вполне совпадаетъ. Такъ напримѣръ, по Палласу „бока туловища *серебристые*“ (Путеш., часть II, кн. 2), тогда какъ у нашихъ рыбъ они въ передней части свинцово-сѣрые, а затѣмъ темно-буро-красныя *безъ малѣйшихъ слѣдовъ металлическаго блеска*. Другіе несущественныя отличія, какъ-то цвѣтъ мяса, расположеніе пятенъ, я не принимаю во вниманіе; но отсутствіе металлическаго блеска чешуи и потомъ красноватый цвѣтъ туловища, о чемъ не упоминаетъ Палласъ, мнѣ кажутся довольно важными. Впрочемъ это вопросъ будущаго: когда русскіе лососи будутъ изучены болѣе основательно и детально, тогда и нашей рыбѣ будетъ отведено надлежащее мѣсто въ системѣ, или какъ разновидности, или какъ виду новому и самостоятельному.

Предрѣшать эти вопросы, на основаніи одной лишь литературы, безъ непосредственнаго знакомства съ сибирскими видами—*Salmo fluviatilis* и другими къ нему близкими—мы не считаемъ себя вправѣ.

Покончивъ съ описаніемъ рыбы, перейду къ очерку географическаго ея распространенія въ предѣлахъ Имперіи, набросанному лишь въ общихъ чертахъ.

Распространеніе тайменя въ предѣлахъ Имперіи.

Съ запада на востокъ. Отъ Камы до рѣки Яны включительно. Спорадически—въ Финляндіи, въ рѣкѣ Кеми, найдена академикомъ Миддендорфомъ (Сибирск. фауна, стр. 268).

Съ сѣвера на югъ. Отъ береговъ Ледовитаго океана до Алтая и Саянскаго хребта.

Распространеніе тайменя въ Пермской губерніи.

Въ рѣкѣ Камѣ (Палласъ, Теплоуховъ).

„ „ Чусовой (по моимъ наблюденіямъ).

Въ рч. Терси, притокѣ рѣки Барды, впадающей въ Сылву*) (по распроснымъ свѣдѣніямъ).

Въ рч. Серебряной съ притокомъ Шурышемъ, по словесному сообщенію Колмогорцева, лѣсообвѣздчика Серебрянской казенной дачи.

Въ р. Уфѣ	}	(Сабанѣевъ).
„ „ Красной		
„ „ Нязѣ		
„ „ Кукозарѣ		
„ „ Язышѣ	}	
„ „ Вишерѣ (Белдыцкій, см. статью его: „на Уралѣ“ (Природа и Охота, Дек. 1884 г.)).		
„ „ Лозвѣ (Сабанѣевъ).		
„ „ Сосвѣ (Поповъ).		
„ „ Каквѣ (Сабанѣевъ).		
„ „ Турѣ (Поповъ).		
„ „ Салдѣ (Сабанѣевъ).		
„ „ Тагилѣ (Сабанѣевъ, Григорьевъ (Каталогъ музея Уральскаго Общества, стр. 79)).		
„ „ Баранчѣ**) (Сабанѣевъ).		
„ „ Марѣ (Сабанѣевъ).		
„ „ Исети (Палласъ, Поповъ).		
„ „ Мясѣ (Палласъ, Поповъ, Аленицынъ, Гендриховъ (Зап. Урал. Общества, томъ X, стр. 127)).		
„ „ Лялѣ (Янишевскій—„Уральск. Горнозав. желѣзная дорога и Верхотурскій Край“, стр. 40).		

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ деревнѣ Матвѣевой, на рѣкѣ Бардѣ (Кунгурскаго уѣзда), два огромныхъ лена пойманы въ прудѣ пиликинскаго химическаго завода, при поправкѣ плотины, которые и доставлены въ Кунгуръ владѣльцу завода Андрею Григорьевичу Пиликину.

**) По словесному сообщенію хорошаго охотника и рыболова — лѣсообвѣздчика Серебрянской дачи Колмогорцева — въ рѣкѣ Баранчѣ и другихъ близкихъ къ ней будто-бы встрѣчается лень, немѣющій чешуи. Конечно, къ такому сообщенію нужно относиться съ крайнею осторожностію, такъ какъ присутствіе «гольца» въ рѣкахъ восточнаго склона допустить весьма трудно. Рыба эта заходитъ изъ океана въ нѣкоторыя рѣки Лапландіи, въ сибирскія рѣки, къ востоку отъ Оби и въ рѣки, текущія въ Восточный океанъ. По наблюденіямъ, произведеннымъ на Новой Землѣ въ 1840 году, найдено, что голецъ (*S. leucosacenis*) въ Августѣ безчисленными стаями плыветъ вверхъ по рѣкѣ Нехватовѣ, на западномъ берегу Новой Земли ($71\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.), чтобы прозимовать въ озерѣ, изъ котораго эта рѣчка вытекаетъ. На слѣдующій годъ, съ конца Юня до половины Юля, онъ опять возвращается въ море (Сибирская фауна. стр. 442).

Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ о гольцѣ Н. В. Кривошея, въ статьѣ: «Замѣтка о новоземельной фаунѣ», помѣщенной въ ноябрской книжкѣ журнала «Природа и Охота» за 1884 годъ. По словамъ его, ростъ гольца достигаетъ до 17 вершковъ; верхняя часть спины сѣрватаго цвѣта, болѣе темнаго у молодыхъ рыбъ, съ грязно-зеленоватымъ оттѣнкомъ. Отличается отъ прочихъ лососевыхъ рыбъ тѣмъ, что чешуя находится въ зачаточномъ состояніи, что вѣроятно и дало поводъ назвать рыбу гольцомъ. Ловится во многихъ рѣкахъ Новой Земли, но болѣе въ губѣ Грибовой, въ устьяхъ рѣкъ Пуховой и Сохавихи. Съ конца Февраля Самоѣды удятъ гольцовъ изъ прорубей (при толщинѣ льда до $2\frac{1}{2}$ ар-

Теперь мнѣ остается еще прибавить о тѣхъ наиболѣе излюбленныхъ лениями рѣкахъ, въ которыхъ онъ наичаще встрѣчается. На западномъ склонѣ Урала, за одну изъ болѣе любимыхъ имъ рѣкъ я признаю Чусовую и главнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточенъ ловъ этой рыбы—село Камасино съ окрестными деревнями, расположенное близъ станціи Уральской желѣзной дороги—„Чусовая“. Здѣсь, въ теченіи года, какъ говорили мнѣ мѣстные жители, ловится въ сложности до сотни леней. Ловля производится или самоловами (переметами), состоящими изъ толстой бичевки длиною до 40 сажень, къ которой привязываются, на разстояніи одна отъ другой около полуторыхъ сажень, болѣе тонкія бичевки или шнурки, длиною около аршина съ прикрѣпленными къ концамъ ихъ рыболовными крючками—произведеніемъ деревенскихъ слесарей и кузнецовъ. Для того чтобы рыба не перекусила шнурокъ, въ части его, прилегающей къ крючку, всыкается тонкая мѣдная проволока. Бичева поддерживается на водѣ поплавками. Наживкой служатъ мелкія рыбки разныхъ видовъ, имѣющія серебристую чешую. Кромѣ того ловятъ и сѣтями, для чего мѣстные рыбаки отправляются обыкновенно вверхъ по Чусовой, въ безконечныя дачи графа Шувалова, разумѣется испросивъ предварительно согласіе графскаго лѣсничаго, проживающаго тутъ же около желѣзно-дорожной станціи, и заплативъ ему аренды по одному рублю съ лодки. Ловъ рыбы производится весною и осенью, начиная съ Сентября; послѣдній, кажется, болѣе обилень. Независимо отъ ловли лена въ открытыхъ водахъ, тутъ же у села Камасина, при впаденіи рѣки Усьвы въ Чусовую, производится весьма оригинальная и единственная въ своемъ родѣ ловля леней на блесну. Дѣлается это такимъ образомъ: недѣли за двѣ до вскрытія Чусовой, рыболовы дѣлаютъ въ устьѣ рѣки Усьвы небольшія прорубки, имѣющія въ діаметрѣ около полуаршина, у каждой изъ такихъ прорубокъ садится на небольшой скамеечкѣ, или стулѣ, употребляемомъ при доеніи коровъ, рыбаки, вооруженный очень короткимъ удилицемъ, какъ у прибора называемаго донной удочкой, къ удилицу привязывается прочная лѣса, а къ концу ея—блестящая, вылитая изъ олова, искусственная рыбка (блесна), имѣющая около двухъ вершковъ длины, въ головкѣ которой заливается рукоятка рыболовнаго крючка, самый же крючекъ съ загибомъ и жаломъ остается свободнымъ. Нужно знать что крючекъ хотя и можетъ быть наживленъ, но обыкновенно никогда и ничѣмъ не наживляется. Все нехитрое искусство рыболова состоитъ въ томъ, что онъ то поднимаетъ лесу къ верху, то опускаетъ ее внизъ, чрезъ что конечно и блесна то поднимается къ поверхности рѣки, то опускается почти до самаго дна, изображая собою какъ бы натуральное движеніе и плаваніе настоящей живой рыбки.

шипъ), удочку наживляютъ мясомъ. При ловлѣ рыбы иногда попадаетъ и семга. Голецъ доставляется съ Новой Земли въ Архангельскъ, гдѣ цѣна на него отъ 4 до 6 руб. за пудъ; изъ Архангельска идетъ въ Вологду и Петербургъ.

Идущій подо льдомъ лень стремится, понятно, туда, гдѣ находится прорубь и гдѣ лучъ свѣта снопомъ прорѣзываетъ всю толщину воды. Приблизившись къ этому освѣщенному пространству, лосось замѣчаетъ тутъ же и лакомый кусочекъ—игривую блестящую рыбку (блесну); не раздумывая долго онъ сразу проглатываетъ ее, но въ это время рыболовъ дергаетъ удочку и жало предательскаго крючка глубоко впивается въ мускулы, облегаяющіе полость рта, и—великолѣнная рыба, иногда пудоваго вѣса, извлекается изъ водныхъ чертоговъ на свѣтъ божій.....

На долю счастливаго рыболова въ теченіи двухъ-недѣльнаго „блеснения“ попадаетъ иногда и до десятка леней, минимальный вѣсъ которыхъ въ общей сложности достигаетъ до 200—250 фунтовъ, считая же по мѣстнымъ цѣнамъ, копѣекъ по 20 за фунтъ, итогъ заработка выразится въ цифрѣ 40—50 рублей, что для мужика, при ничтожной затратѣ труда—манна небесная!

Всѣхъ рыболововъ, занимающихся блеснениемъ въ устьѣ Усьвы рѣки,—человѣкъ 7—8 и вышеприведенный удачный ловъ, какъ сказано, выпадаетъ на долю далеко не каждому; нѣкоторые добываютъ половину или даже треть помянутаго количества, но даже и при этой добычѣ трудъ рыболова достаточно вознаграждается, тѣмъ болѣе что и самое время, свободное отъ другихъ деревенскихъ работъ, вполне тому благопріятствуетъ. Впрочемъ ловлей лены занимаются и не одни Камасинцы,—попадаетъ онъ рыбакамъ и другихъ селеній, лежащихъ выше и ниже Камасина. Какъ-бы то ни было, Чусовая служитъ единственнымъ источникомъ, питающимъ лены пермскіе живорыбные садки, почему осенью, въ Сентябрѣ и Октябрѣ, въ живорыбномъ садкѣ г-жи Шваревой, находящемся на рѣкѣ Камѣ, въ Перми, можно почти всегда встрѣтить живыхъ леней. Припоминаю одинъ интересный случай, характеризующій бойкость и увертливость лены: въ 1885 году, посланному мною человѣку рассказывали въ томъ же садкѣ, что въ теченіи двухъ мѣсяцевъ никакъ не могли поймать посаженнаго въ садокъ лены: такъ ловко увертывался онъ отъ подводимаго подъ него сачка, такъ что въ концѣ концовъ пришлось оставить его въ садкѣ до заморозковъ, до тѣхъ поръ, пока садки будутъ выламываться изъ льда.....

На восточномъ склонѣ Урала, рѣкою обильной леными нужно считать Лялю. На первой отъ Верхотурья по Богословскому тракту станціи Безсоновой, расположенной на этой рѣкѣ, можно почти всегда въ осеннее время пріобрѣтать леней, что намъ извѣстно изъ сообщенія г. Янишевскаго*).

Въ прежнее время славилась леными рѣка Міясъ въ южной части зауральской (восточной) половины губерніи, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Хотя и нынѣ есть тамъ лени, но область распространенія ихъ въ этой рѣкѣ повидимому сократилась и теперь они обитаютъ лишь въ вершинныхъ притокахъ Міяса. Привожу здѣсь извлеченіе изъ письма, полученнаго

*) «Уральская горнозаводская желѣзная дорога и Верхотурскій край», Пермь, 1887 г., стр. 40-я.

Уральскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія отъ Ивана Михайловича Гендрихова изъ Кыштыма, отъ 19 декабря 1886 года*).

„На послѣднихъ дняхъ мнѣ таки удалось приобрѣсть экземпляръ „красули“ — по мѣстному названію; красуля эта поймана въ рѣчкѣ Кіалимѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ Міясъ и составляющей въ нижнемъ своемъ теченіи границу Кыштымской дачи и Златоустовскихъ заводовъ.

„Водится она еще въ Сакъ-Элгѣ, тоже притокъ Міяса съ лѣвой стороны: Кіалимъ беретъ начало на Таганѣ, а Сакъ-Элга на Юрмѣ.

„Изъ Сакъ-Элги, назадъ тому два года, у меня былъ экземпляръ красули въ 30 фунтовъ вѣсомъ и болѣе 6 четвертей длиною. Икры вынули изъ нее около 5 фунтовъ. Икра имѣетъ цвѣтъ и прозрачность янтаря и крупна, какъ бѣлужья. Это было въ концѣ Іюня мѣсяца. Случалось вылавливать красулю, хоть и рѣдко, въ Міясѣ, но всегда около устья тѣхъ рѣчекъ, въ которыхъ она водится постоянно; но дальше вверхъ и внизъ она не попадалась. Крупные экземпляры живутъ одиночками въ омутахъ“.....

Цѣна живыхъ красулъ или леней по 30—40 копѣекъ за фунтъ у пермскихъ торговцевъ живой рыбой; на самыхъ мѣстахъ ловли, понятно можно купить ее гораздо дешевле.

Предѣльной вѣсы рыбы, на сколько удалось мнѣ выяснить это изъ распросовъ, достигаетъ въ рѣдкихъ случаяхъ до 40 фунтовъ, при чемъ длина ея должна быть, по моему соображенію, до 7 четвертей, или немного болѣе, такъ что сообщеніе Л. П. Сабанѣева, основанное на невѣрныхъ слухахъ, о болѣе чѣмъ саженомъ ростѣ этой рыбы**) нужно отнести къ области миѣическихъ сказаній. Сибирскій таймень, въ особенности въ рѣкѣ Енисеѣ съ его притоками, дѣйствительно достигаетъ, по личному наблюденію академика Миддендорфа***), человѣческаго роста (т. е. около 2½ аршинъ) и вѣса до 3 пудовъ, а по свидѣтельству г. Третьякова даже до 5 пудовъ, при чемъ безъ затрудненія глотаетъ гусей****).....

Покончивъ съ лемемъ, перехожу къ послѣднему въ нашихъ мѣстахъ представителю рода лососей.

Ф о р е л ь (Salmo fario, L.).

Мѣстные названія:

У Черемисъ, въ верхнемъ теченіи Сылвы — *линь*.

„ Русскихъ, въ верховьяхъ рѣки Ирени — *красуля, красулька*.

Первыя свѣдѣнія объ этой рыбѣ, если не ошибаюсь, даетъ Н. С. Поповъ*****): „въ р. Ирени, Тюѣ, Сырѣ, Тулвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ

*) Записки Уральского Общества, т. X, стр. 127.

**) Позвоночныя Средняго Урала, стр. 202.

***) Сибирская фауна, стр. 586.

****) Цитировано изъ соч. Л. П. Сабанѣева «Описаніе и изображеніе рыбъ», стр. 56.

*****) Хозяйствен. Описан. ч. II, изд. И. В. Экон. Общ., стр. 270.

быстрыхъ, каменистыхъ и имѣющихъ холодноватую лѣтомъ воду рѣчкахъ Красноуфимскаго, Кунгурскаго, Осинскаго и Пермскаго уѣзда, попадаютъ изъ семужнаго рода красульки иногда знатной величины, отличныя особливо краснымъ и весьма вкуснымъ своимъ мясомъ; болѣе другихъ рѣкъ ловятъ ихъ въ р. Ирени, весною по спаденіи избылой воды, и частію осенью. Она не столь жирна какъ однородная съ нею семга (*Salmo salar*), привозимая сюда въ довольномъ количествѣ малосольная съ Печоры, почему предпочитается ей знатоками въ разсужденіи вкуса и удобоваримости въ желудкѣ, и часто продается оной дороже. Не одну-ли породу съ крошицею или форелью (*Salmo fario*) она составляетъ?”

Семьдесятъ лѣтъ спустя, Л. П. Сабанѣевъ упоминаетъ о ней какъ о рыбѣ, долженствующей находиться въ нашихъ краяхъ, но предположенія эти не подкрѣплены никакими основательными данными.

Первымъ и единственнымъ пока имѣющимся въ печати свидѣтельствомъ о нахожденіи форели въ рѣчкахъ, принадлежащихъ къ системѣ рѣки Сылвы, мы обязаны г. Курбатову, который, въ живой и интересной статьѣ своей, озаглавленной: „Уженье Красули“*), впервые познакомилъ насъ съ этимъ фактомъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ ему, благодаря словоохотливости черемисина Акперды изъ деревни Ивановской, на правомъ берегу Сылвы, ниже Молебскаго завода. Вотъ что повѣдалъ ему Акперда: „въ Сылвѣ линь нѣтъ. Нашъ Сылва вода теплой, а линь теплой вода не любитъ, линь надо студеной вода,—ледъ вода—вотъ какой любитъ линь. Въ Сылвѣ линь нѣтъ, а вотъ рѣчка Вогулка есть, тамъ линь много, потому тамъ вода студеной, вотъ и вверхъ Ирень тоже линь есть, тамъ линь большой есть. Вогулка—линь мелкой, фунтъ-два, а вверхъ Ирень тамъ фунтовъ 8—10 линь попадаютъ“..... „Линь—страсть и линь шибко хрушка“ (крупный). Воспользовавшись указаніями Черемисина, г. Курбатовъ имѣлъ возможность провѣрить фактъ самолично: онъ удилъ красульку въ верховьяхъ Ирени и описываетъ ее въ такихъ словахъ: „тѣло красульки плотное, съ боковъ немного сжато, носъ какъ будто немного вздернутый (?), спинка бурая или бурозеленая, бока и брюхо желтовато-сѣраго цвѣта, при чемъ брюхо свѣтлѣе; плавники желто сѣрые. Вся спинка и бока ея испещрены многочисленными кругловатыми пятнышками чернаго, розоваго и краснаго цвѣтовъ, расположенными вдоль, болѣе или менѣе правильными рядами. Красивыя пятнышки расположены преимущественно по бокамъ и нерѣдко окружены какъ бы голубою каймою, тогда какъ черныя пятна расположены преимущественно вдоль спины. Спинной плавникъ бываетъ очень часто тоже покрытъ пятнышками, но иногда ихъ на немъ, особенно у молодыхъ особей, и не бываетъ“.....

Описаніе это всецѣло относится къ форели и потому мы включаемъ ее въ число рыбъ даже безъ знака вопроса, хотя и должны сознаться, что

*) «Природа и Охота», Іюль 1885 г.

статья г. Курбатова во всемъ остальномъ, кромѣ описанія форели, отчасти носить довольно легкой фельетонный характеръ и принадлежитъ къ тому роду литературы, который не принято цитировать, если рѣчь идетъ о предметахъ болѣе или менѣе научно-серьезныхъ.

Нельма (Coregonus Nelma, Pall.).

Въ западной половинѣ губерніи нельма, какъ рыба свойственная Сѣверному Ледовитому океану, водится исключительно въ рѣкѣ Печорѣ съ ея притоками; въ восточной же половинѣ она попадаетъ, по свидѣтельству Л. П. Сабанѣева, въ Сосвѣ, Лозвѣ, Турѣ, Исети и Міясѣ, а по свидѣтельству Штукенберга, и въ рѣкѣ Лялѣ*).

Пользуюсь случаемъ для того чтобы привести здѣсь подробныя измѣренія одной обской нельмы (♂), бывшей у меня въ рукахъ, тѣмъ болѣе что такія измѣренія, въ виду разногласія нѣкоторыхъ ученыхъ относительно видовой самостоятельности нельмы, я признаю существенно важными.

	Миллиметры.
Длина всего тѣла до конца хвостоваго плавника	?**)
Длина тѣла до основанія хвостоваго плавника	670
Длина головы до жабернаго отверстія	160
Вышина головы около затылка	85
Тоже, около жаберныхъ крышекъ	133
Наибольшая вышина тѣла предъ спиннымъ плавникомъ	175
Наименьшая вышина тѣла передъ хвостовымъ плавникомъ	50
Диаметръ глаза	17
Разстояніе отъ конца верхней челюсти до передняго края глаза	35
Разстояніе отъ задняго края глаза до задняго края жаберной крышки	105
Ширина промежутка, раздѣляющаго глаза	28—29
Вышина спиннаго плавника	?
Длина основанія спиннаго плавника	70
Вышина заднепроходнаго плавника	?
Длина основанія заднепроходнаго плавника	80
Длина грудныхъ плавниковъ	?
Нижняя челюсть, при закрытомъ ртѣ, длиннѣе верхней	на 8—9
Отъ верхняго контура рыбы до основанія грудныхъ плавниковъ (по вертикальной линіи)	100
Отъ начала груднаго до начала брюшнаго плавника	210
Отъ начала брюшнаго плавника до начала заднепроходнаго	175
Отъ конца заднепроходнаго до начала хвостоваго плавника	45
Отъ начала спиннаго плавника до начала брюшнаго (по вертикальной линіи)	165
Отъ конца нижней челюсти до начала спиннаго плавника	345
Отъ конца спиннаго плавника до начала жироваго	150
Длина основанія жироваго плавника	20

*) *Stuckenberg*, Hydrographie des Russischen Reichs, 2 Band.

**) Такъ какъ нельма была мерзлая, съ поврежденными плавниками, то нѣкоторыя измѣренія и невозможно было сдѣлать.

Вышина его (наискось)	25—27
Отъ конца жироваго до начала хвостоваго плавника	50—55
Вышина гѣла противъ начала заднепроходнаго плавника.	122

Начала спиннаго и брюшнаго плавниковъ почти совпадаютъ; заднепроходный плавникъ начинается гораздо ближе къ головѣ чѣмъ жировой; заднепроходный плавникъ оканчивается, сравнительно съ жировымъ, около одного сантиметра ближе къ хвосту.

Въ желудкѣ нельмы найдено около десятка мелкихъ рыбокъ, длиною отъ двухъ до трехъ вершковъ.

Вѣлорыбица (*Coregonus Leucichthys*, Güld).

Мѣстныя названія:

въ Кунгурѣ—*бѣлая рыба*.

Рыба эта—обитательница Каспійскаго моря—встрѣчается у насъ только въ нѣкоторыхъ рѣкахъ волжской системы, какъ-то: Камѣ, Чусовой, Сылвѣ, Уфѣ съ ихъ притоками и по увѣренію Л. П. Сабанѣева—въ Косвѣ. Въ Чусовой бѣлая рыба едва-ли заходитъ далѣе устья Сылвы, такъ какъ рыбакамъ средняго теченія Чусовой, напримѣръ—Ослянской пристани, она уже неизвѣстна. Любя болѣе спокойныя тихія рѣки съ мягкимъ иловатымъ грунтомъ, бѣлая рыба избѣгаетъ каменистаго ложа и быстрого теченія рѣкъ.

Въ прежнее время, лѣтъ 30—40 тому назадъ, на кунгурскомъ рыбномъ рынкѣ бѣлая рыба появлялась уже къ Успенъеву дню (15 Августа), но въ послѣдніе годы вообще стала рѣдка, хотя все-таки ежегодно появляется на базарѣ, начиная съ Сентября и до заморозковъ, въ количествѣ нѣсколькихъ штукъ, вѣсомъ не менѣе 15 фунтовъ каждая. Въ 1885 году мнѣ предлагали даже рыбу въ 27½ фунтовъ.

По увѣренію извѣстнаго въ свое время рыбака (давно уже умершаго), крестьянина подгородной деревни Подкаменной, расположенной на берегу Сылвы,—Степана Грѣшищева, по прозванію Падеры, рыба эта ловилась имъ главнымъ образомъ въ ямахъ, дно которыхъ состояло изъ обнаженій бѣлой глины; тамъ онъ вылавливалъ ихъ какъ въ садкѣ, по мѣрѣ надобности, преимущественно къ праздничнымъ днямъ....

Рѣка съ того времени сильно обмелѣла и процентъ постороннихъ примѣсей органическаго происхожденія, понятно, значительно повысился. Эти-то причины, въ связи съ развитіемъ пароходства по Волгѣ и Камѣ, вѣроятно всего болѣе повліяли на уменьшеніе бѣлой рыбы въ рѣкѣ Сылвѣ.

Приходя въ наши рѣки, для выполненія процесса икротанія, въ концѣ Августа и въ Сентябрѣ, бѣлая рыба совершаетъ обратное движеніе, нужно думать, въ то время, когда рѣки покрыты еще льдомъ, или вслѣдъ за ледоходомъ; по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не удавалось слышать, чтобы она была поймана весною въ рѣкѣ Сылвѣ.

Точно также никто никогда не видалъ у насъ мальковъ бѣлорыбицы, изъ чего я заключаю, что они, подобно молодымъ лососямъ, выключившись изъ яичекъ въ Мартѣ, въ Апрѣлѣ, вмѣстѣ съ весенними льдами, скатываются въ море.

Привожу здѣсь измѣренія одной бѣлорыбицы, добытой въ рѣкѣ Сылвѣ 10 Сентября 1885 года.

	Миллиметры.
Длина всего тѣла, отъ вершины носа до конца хвостоваго плавника	880
„ тѣла, отъ вершины носа до основанія хвостоваго плавника	815
„ головы, съ боку, отъ вершины носа до жабернаго отверстія	155
Продольной діаметръ глаза	17
Разстояніе отъ вершины носа до передняго края глаза	40
„ отъ задняго края глаза до задняго края предкрышечной кости (наклонно нѣсколько внизъ)	60
Разстояніе отъ задняго края глаза до задняго конца жаберной крышки, или до жабернаго отверстія	104
Отъ конца носа до основанія спиннаго плавника	380
Основаніе спиннаго плавника	85
Вышина спиннаго плавника спереди	80
„ „ „ сзади	28
Длина спиннаго плавника по вершинѣ	130
Разстояніе между спиннымъ и жировымъ плавниками	200
„ отъ конца носа до основанія жироваго плавника (по прямой линіи)	670
Основаніе жироваго плавника	20
Вышина жироваго плавника (наклонно)	45
Отъ жироваго плавника до начала хвостоваго (сверху)	75
Отъ конца носа до начала груднаго плавника	160
Длина груднаго плавника спереди	95
„ „ „ сзади	40
Длина основанія груднаго плавника	25
„ расправленнаго груднаго плавника по вершинѣ	100
Отъ начала груднаго плавника до начала брюшнаго	240
Отъ носа до начала брюшнаго плавника	400
Длина основанія брюшнаго плавника	35
Вышина брюшнаго плавника спереди	75
„ „ „ назади	45
Длина его по вершинѣ, по прямой линіи между крайними лучами	100
Отъ конца брюшнаго до начала заднепроходнаго плавника	180
„ „ носа до начала основанія заднепроходнаго плавника (по прямой линіи)	595
Длина основанія заднепроходнаго плавника	105
Вышина его спереди	73
„ „ сзади	23
Длина его по вершинѣ	135
Отъ конца заднепроходнаго плавника до начала хвостоваго	77
Вышина рыбы у затылка	90
„ „ предъ спиннымъ плавникомъ	146
Ширина рыбы у начала хвоста	53

Длина средних лучей хвоста	35
„ крайних лучей верхней лопасти хвоста	115
„ крайних лучей нижней лопасти хвоста	105
Боковые линии $112 \frac{X}{X}$	117.

Цвѣтъ плавниковъ: *груднаго*—внѣшняя сторона сѣрая, внутренняя—бѣлая; *брюшнаго*—внѣшняя сторона свѣтлосѣрая, внутренняя—бѣлая; *заднепроходнаго*—почти бѣлый (прозрачный); *спиннаго*—голубовато-свѣтло-сѣрый; *жировнаго*—сѣрый, покрытый многочисленными мельчайшими крапинками. Формула плавниковыхъ лучей найдена мною слѣдующая: груднаго 1—14, брюшнаго 1—10, спиннаго 3—11, заднепроходнаго 3—14, 15, хвостоваго 19.

Въ заключеніе мнѣ остается еще высказать нѣкоторыя соображенія о видовой самостоятельности нельмы и бѣлорыбицы, часто смѣшиваемыхъ въ одинъ видъ. Впрочемъ покойный профессоръ К. Θ. Кесслеръ, повидимому, уже склонялся болѣе на сторону видовой самостоятельности каждой изъ этихъ рыбъ, что можно заключить изъ его словъ: „я конечно имѣлъ случай изслѣдовать одинъ только мерзлый экземпляръ нельмы, да и то немного поврежденный, изъ Сѣверной Двины, и потому не берусь еще рѣшить этотъ вопросъ; но во всякомъ случаѣ долженъ замѣтить, что у нельмы *голова значительно длиннѣе, нежели у бѣлорыбицы, а также глаза больше и дальше отстоятъ отъ вершины носа*“....*)

Даже академикъ Миддендорфъ, извѣстный защитникъ слиянія близкихъ видовъ въ одинъ, нашель между сказанными рыбами разность; такъ онъ говоритъ: „непосредственно сравнивая ту и другую, я нашель различія *въ откосахъ головы и даже въ формѣ жаберной крышки*. При всемъ томъ мы пока не вправѣ различать обѣ формы въ видовомъ отношеніи“**).

Почему же не вправѣ? Конечно, потому, что для рѣшенія вопроса недостаточно еще сравнить два экземпляра,—нужно сравнить двадцать или болѣе, и тогда, вѣроятно, выяснится видовая самостоятельность, во первыхъ, на основаніи числовыхъ данныхъ, которыя конечно для одного и того же вида должны быть болѣе или менѣе постоянны, варьируя лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ; во вторыхъ,—разность выяснится быть можетъ и на основаніи анатомическихъ изслѣдованій.

Съ цѣлью принести посильную пользу при разрѣшеніи этого вопроса, привожу здѣсь небольшую табличку, изъ которой можно видѣть разницу въ длинѣ головы экземпляровъ, изслѣдованныхъ профессоромъ Кесслеромъ и мною.

*) Кесслеръ, «Рыбы С.-Петербургской губерніи», стр. 132.

***) Миддендорфъ, «Сибирская фауна», стр. 441.

	Длина рыбы до основанія хвосто- ваго плавника, въ миллиметрахъ.	Длина головы (отъ носа до жаберной щели) относится къ длинѣ тѣла рыбы, счита- тая отъ конца носа до на- чала хвостоваго плавника, какъ:
Вѣлорыбица (C. Leucichthys).		
Изъ рѣки Камы, по измѣреніямъ про- фессора Кесслера*)	805	20 ¹ / ₂ : 100
Изъ рѣки Сылвы, по моимъ измѣреніемъ	815	19 : 100
Нельма (C. Nelma).		
Изъ рѣки Сѣверной Двины, по измѣ- реніямъ профессора Кесслера	500	27 : 100
Изъ рѣки Оби, по моимъ измѣреніямъ.	670	24 : 100

При разсматриваніи настоящей таблички невольно бросается въ глаза значительная разность въ отношеніяхъ длины головы къ длинѣ тѣла у одного и того же вида; но здѣсь нужно принять во вниманіе ростъ или длину рыбы, выражающую старость или молодость, а принявъ ее во вниманіе, найдемъ, что у вышеприведенныхъ видовъ — *чѣмъ моложе рыба, тѣмъ голова ея длиннѣе* относительно длины тѣла.

Нельмушка (Coregonus Merckii**), Günther).

Мѣстныя названія:

Селетка, въ низовьяхъ Оби и на рѣкѣ Сосвѣ (березовской)—
Поляковъ***).

Нелетка, на рѣкѣ Сосвѣ (верхотурской)—Сабанѣевъ.

Первымъ указаніемъ объ этомъ маленькомъ сижкѣ, рѣдко достигающемъ величины четырехъ вершковъ, мы обязаны Н. С. Попову (Хоз. Оп. часть II, стр. 270—271), сообщившему, что она живетъ въ тѣхъ-же рѣкахъ, гдѣ и таймень, который, по свидѣтельству его, водится въ Лозвѣ, Сосвѣ, Турѣ, Тагилѣ и другихъ съ ними соединенныхъ рѣкахъ; онъ прибавляетъ еще, что рыбка эта называется въ Енисейскѣ „тугуномъ“, что совершенно ошибочно: тугуномъ называется миниатюрный лосось (*Salmo tugin*, Pall.), живущій въ сибирскихъ рѣкахъ, принадлежащихъ къ бассейну Ледовитаго океана и достигающій только четырехъ дюймовъ длины.

По свидѣтельству Л. П. Сабанѣева, нельмушка попадается только въ Лозвѣ и Сосвѣ, кромѣ имѣющихъ быстрое теченіе верховьевъ послѣдней

*) Кесслеръ, «Рыбы С.-Петербургской губернии», стр. 130.

**) Названъ такъ въ честь Карла Мерка - натуралиста прошедшаго столѣтія, находившагося при географической и астрономической экспедиціи капитана Виллинга.

***) Поляковъ, «Письма и отчеты о путешествіи въ долину рѣки Оби», стр. 104.

рѣки. „Встрѣчается во всякое время года на песчаныхъ мѣстахъ, но днемъ и въ вѣтеръ держится въ глуби и только къ ночи выходитъ на мелкія мѣста къ берегу, гдѣ ее и ловятъ бредниками, въ довольно большомъ количествѣ, особенно въ концѣ Августа и началѣ Сентября, передъ нерестомъ, который обыкновенно замѣчается около Семенова дня“.

Члены экспедиціи, командированной городомъ Бременомъ для естественно-историческаго изслѣдованія Западной Сибири, нашли этого сижка въ нижнемъ теченіи Оби*) и въ рѣкѣ Щучьей, текущей въ Обь съ запада.

По свидѣтельству И. С. Полякова, рыбка эта весьма близка по формѣ къ европейскому сижку—„ряпушкѣ“ (извѣстному въ Москвѣ подъ именемъ переяславльской селедки). Сибирскими рыбаками она называется селедкой совершенно неправильно: принадлежа къ благородному роду сиговъ, она не имѣетъ ничего общаго съ костлявыми селедками и сардинками (*Alosa pilchardus*, Val.). Рыбки послѣдняго рода, любезно преподносимыя намъ, въ видѣ консервовъ, господами Филиппомъ Кано, Пелье, Тейсано, Лемаршаномъ и другими, въ отношеніи вкуса, стоятъ неизмѣримо ниже нашей нельмушки, которая, будучи надлежащимъ образомъ консервирована, составила бы лучший въ мірѣ деликатесъ, но вся бѣда въ томъ, что нѣтъ инициативы, нѣтъ частной предприимчивости, мало знанія и много лѣни, не смотря на то, что трудъ инициатора и экономическая сторона дѣла значительно облегчились бы тѣмъ, что тутъ-же, по склонамъ горъ, окружающихъ рѣки, и по берегамъ этихъ рѣкъ, находятся въ изобиліи вѣковые кедровники, доставляющіе орѣхи превосходнаго качества, изъ которыхъ можно приготовить тутъ-же на мѣстѣ масло, необходимое для заливанія консервируемой рыбы. О качествѣ орѣховаго масла можно судить хотя-бы и потому, что, въ столичныхъ гастрономическихъ магазинахъ, оно продается въ настоящее время около 2 р. 50 к. за фунтъ, лучшее же прованское стоитъ тамъ только 70 к. Приготовленное на самомъ мѣстѣ добычи кедровыхъ орѣховъ, масло обойдется, вѣроятно, не дороже 20—30 коп. за фунтъ. Въ консервахъ, герметически запаянныхъ въ жестянки, оно можетъ сохраняться безъ измѣненія весьма долгое время; но что важнѣе всего, такъ это то, что орѣховое масло болѣе подходит ко вкусамъ русской публики, чѣмъ лучшее оливковое или прованское.

Въ заключеніе считаю нужнымъ высказать и тѣ причины, которыя побудили меня провизорно отнести нельмушку къ виду *Coregonus Merckii*. Дѣло въ томъ, что въ рѣкѣ Оби, къ системѣ которой принадлежатъ и наши Сосьва и Лозьва, самый маленькій сижокъ, называемый въ нижнемъ теченіи Оби, какъ выше сказано, селедкою, относится, по опредѣленію профессора Петерса въ Берлинѣ**), къ сказанному виду, другаго же маленькаго

*) Dr. *Otto Finsch*, «Reise nach West-Sibirien. Wirbelthiere. Wien, 1879», p. 173.

**) *Peters, W.*, „Ubersicht über die während der sibirischen Expedition von 1876 von Herrn Dr. O. Finsch gesammelten Säugethiere, Amphibien und Fische“ (Auszug aus dem Monatsbericht der Kgl Akad. der Wissenschaft zu Berlin, 29 November 1877).

сижка въ Оби нѣтъ,—слѣдовательно и въ притокахъ Оби (хотя бы и отдаленныхъ), упоминаемый Л. П. Сабанѣевымъ небольшой сижокъ долженъ, по видимому, относиться къ этому же виду, такъ какъ невозможно допустить чтобы Л. П. Сабанѣевъ могъ принять молодую нельму, отличающуюся непропорціонально удлиненной головой, за особый видъ небольшого сижка.

Ихтіологическая фауна нашей губерніи можетъ со временемъ, по болѣе тщательномъ изслѣдованіи, обогатиться, по всей вѣроятности, еще нѣсколькими видами сиговъ, изъ числа водящихся въ Печорѣ и Оби съ притоками; къ первымъ отношу, изъ болѣе изслѣдованныхъ сиговъ—омуля, пеледь, чира, печорскаго сига, и ко вторымъ—моксуна, сырка, пыжьяна и щокура. Я не говорю чтобы всѣ перечисленные виды сиговъ могли войти въ составъ нашей ихтіофауны, нѣтъ—я говорю только, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ встрѣтиться въ нашихъ рѣкахъ при болѣе подробномъ изслѣдованіи, конечно, въ рѣкахъ, принадлежащихъ къ волжской системѣ.

Только моксиунъ и пыжьянъ едва-ли найдутся когда либо, потому что, по свидѣтельству И. С. Полякова, моксиунъ не любитъ заходить изъ Оби въ Иртышъ, вода котораго по своимъ свойствамъ вѣроятно ему непригодна, а чтобъ проникнуть изъ Оби въ наши пермскіе притоки ея системы—Иртыша избѣжать невозможно. Тоже можно примѣнить конечно и къ пыжьяну, который, со временъ Палласа, то есть въ теченіи 120 лѣтъ, считался самостоятельнымъ видомъ, но оказался, по изслѣдованіямъ бременской экспедиціи, *моксуномъ въ молодомъ возрастѣ*.

Харюзъ-горбачъ (*Thymallus vulgaris*, Nilss., var.?).

Первыми свѣдѣніями объ этой странной разновидности харюза мы обязаны г. Курбатову; вотъ что пишетъ онъ: „горбачъ—тотъ же харюзъ, но только темнѣе цвѣтомъ и съ толстой горбатой спиною“*). По словамъ его, горбачъ достигаетъ до 3 фунтовъ и встрѣчается исключительно въ верховьяхъ рѣки Ирени (притокъ Сылвы съ лѣвой стороны).

Не имѣя никогда горбача въ своихъ рукахъ, я не могу ничего и прибавить къ краткому свѣдѣнію, данному г. Курбатовымъ, и если упоминаю объ этой рыбѣ, то собственно потому чтобы обратить на нее вниманіе будущихъ изслѣдователей.

Судакъ (*Lucioperca sandra*, Cuv.).

Судакъ принадлежитъ къ рѣдкимъ рыбамъ нашихъ рѣкъ (Сылвы и Ирени), заходящимъ чрезъ Чусовую изъ Камы. Самые крупные, попадающіеся у насъ экземпляры, не превышаютъ 5 фунтовъ, но и это уже боль-

*) Н. Курбатовъ, «Уженъе красули» (Природа и Охота, Іюль 1885 г., стр. 40).

шая рѣдкость. Внизъ по Сылвѣ, ближе къ Чусовой, судакъ попадаетъ уже чаще и я имѣлъ два экземпляра, добытыхъ близъ села Троицкаго, Пермскаго уѣзда, одинъ—длиною въ 13 дюймовъ и другой—въ 16 дюймовъ.

Широколобка (*Cottus poecilopus*, Heck.).

Въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ широколобки, отправленныхъ мною въ зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ, оказался одинъ, причисленный извѣстнымъ нашимъ ихтиологомъ С. М. Герценштейномъ къ указанному виду, на сколько мнѣ извѣстно, ненайденному еще до сихъ поръ въ предѣлахъ Россіи; остальные же широколобки оказались обыкновенными *C. gobio*, L.

Относительно икрометанія этой послѣдней рыбки могу сказать то, что, по моимъ наблюденіямъ, она мечетъ икру въ нашихъ рѣкахъ въ первой половинѣ Апрѣля, вскорѣ послѣ вскрытія рѣкъ, именно тогда, когда вода достигаетъ максимума мутности; пойманныя въ это время пузатые самки легко выдѣляли икру, даже при самомъ слабомъ прикосновеніи къ брюшку.

Верховка (*Leucaspis delineatus*, Heck.).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я не собиралъ еще коллекціи рыбъ, мнѣ было принесено однимъ рыбакомъ цѣлое ведро мелкой рыбы разныхъ видовъ. Все содержимое ведра было однакоже перебрано поштучно и осмотрѣно, при чемъ, въ числѣ прочей рыбы, найдено штукъ до пяти бѣлыхъ блестящихъ рыбокъ, похожихъ на молодую шеклейку (*Alburnus lucidus*, Heckel), но съ тою только разницею, что боковая линія оканчивалась въ первой половинѣ тѣла рыбы, недалеко отъ головы.

Теперь, принимая во вниманіе, съ одной стороны, изслѣдованія бременской экспедиціи, нашедшей верховку въ рѣкѣ Оби, а съ другой—изслѣдованія профессора Варпаховскаго, по которымъ оказалось даже два вида верховки, водящихся въ рѣкахъ волжской системы (Нижегородская губернія), не вижу никакого основанія, чтобы и наша губернія, расположенная въ промежуточной области, не имѣла верховки. Она безспорно есть, но всегда смѣшивается съ молодой шеклейкой, на которую и дѣйствительно очень похожа своимъ видомъ и блестящей чешуей. Конечно рыбакъ—промышленникъ не сумѣетъ отличить ее, но человѣкъ, знакомый съ рыбами болѣе основательно, найдетъ ее безъ труда; но только нужно, какъ дѣлалъ это и я, пересмотрѣть, во время весенняго лова, вскорѣ по вскрытіи рѣкъ, значительное количество мелкой рыбы.

Волотный голянь (*Phoxinus stagnalis*, Warp.).

Мѣстныхъ названія:

въ Кунгурѣ: *голянь, голекъ, голки* (мн. ч.).

Около тридцати лѣтъ тому назадъ было извѣстно всего только два вида голяновъ, изъ которыхъ одинъ свойственъ Европѣ и Азій, а другой—Америкѣ.

Теперь, только въ одной Пермской губерніи, найдено *три* вида голяновъ—*рѣчной*, называемый иначе *мулекъ* или *мулявка* (*Phoxinus laevis*, Agass.), *болотный* (*Phoxinus stagnalis*, Warp.) и наконецъ *голянь Сабаньева* (*Phoxinus Sabanejewi*, Warp.), а общее число свойственныхъ Имперіи видовъ голяновъ достигаетъ до пятнадцати.

Озерный, или болотный, голянь есть, безъ сомнѣнія, древнѣйшій обитатель нашихъ водъ; встрѣчается онъ по большей части въ озерахъ съ тинистымъ или торфянистымъ дномъ, совершенно изолированныхъ отъ другихъ водъ, по крайней мѣрѣ, въ наше время; но мнѣ извѣстны также случаи, что голянь этотъ живетъ въ глубокихъ озеровидныхъ мѣстахъ болотъ, сливающихся въ весеннее время съ рѣкою и, наконецъ, я встрѣчалъ его въ озерахъ провальнаго типа, имѣющихъ у насъ по большей части воронкообразную форму.

Не смотря на то, что озерный голянь—древній обитатель нашихъ стоячихъ водъ, онъ сдѣлался извѣстенъ наукѣ лишь съ 1886 года, когда профессоръ Варпаховскій нашелъ его въ озерѣ Шумъ-ерѣ, Царевококшайскаго уѣзда, Казанской губерніи*); потомъ тѣмъ же ученымъ онъ былъ найденъ, въ слѣдующемъ году, во многихъ озерахъ Нижегородской губерніи. Присутствіе же этого голяна въ озерахъ Пермской губерніи впервые показано мною.

Въ окрестностяхъ Кунгура онъ встрѣчается въ бѣльшей части озеръ въ сообществѣ съ карасями. Наружнымъ видомъ онъ существенно отличается отъ мулька—значительно шире и крупнѣе. По мнѣнію профессора Варпаховскаго, ростъ его достигаетъ до 100 миллиметровъ, но мнѣ попался однажды экземпляръ въ 132 миллиметра и вѣсомъ въ 32 грамма (то есть около 13 рыбокъ на фунтъ). По спинѣ, начиная отъ головы до плавника, тянется замѣтный желобокъ. Плавники вообще слабые и короткіе, предназначенные для плаванія въ тихихъ стоячихъ водахъ, цвѣтомъ желто-буроватые; чешуя очень мелкая; цвѣтъ рыбки оливково-зеленоватый, красивый, въ особенности у самцевъ въ весеннее время, когда они являются какъ-бы инкрустированными на бокахъ зеленымъ золотомъ, перемѣшаннымъ съ темноватыми пятнышками, зависящими отъ неравномѣрнаго распредѣленія на чешуяхъ мельчайшихъ темныхъ крапинокъ.

---

*) *Варпаховскій*. «Очеркъ ихтиологической фауны Казанской губерніи» (С.П.Б. 1886 года), стр. 53—54

Ловятъ озернаго гольяна вообще мелкоючейными неводами, бреднями, недотками и тому подобной мелкой рыболовной снастью. Ловить можно и удочкой, съ половины Мая до половины Юня, наживляя ее краснымъ землянымъ червемъ. Этотъ способъ ужения провѣренъ мною лично въ началѣ Юня 1885 года. Удиль я уже подъ вечеръ, что называется „на закатѣ солнца“, и рыба клевала превосходно, такъ что, въ сравнительно короткое время, имѣлъ возможность выудить гольяновъ на добрую уху, при чемъ еще вмѣстѣ съ ними попались и ихъ сожители по озеру—два-три двухвершковыхъ карасика. На рыбномъ рынкѣ въ Кунгурѣ рыба эта встрѣчается только весной (въ Маѣ и Юнѣ), въ остальное время ее нѣтъ. Цѣна сравнительно невысока—5—6 к. за фунтъ, почему рыба и охотно раскупается небогатымъ населеніемъ, чему еще болѣе способствуетъ мягкость рыбы, которую ѣдятъ обыкновенно вмѣстѣ съ костями: такъ онѣ тонки и нѣжны. Я слышалъ отъ людей, частенько употребляющихъ уху изъ гольяновъ, что эта рыба требуетъ болѣе продолжительной варки, сравнительно съ карасями. Кромѣ того гольяны употребляются здѣсь мѣстными гастрономами и въ сушеномъ видѣ, для чего, очистивъ ихъ предварительно и слегка посоливъ, накладываютъ ихъ на желѣзный листъ, который и ставятъ въ печь, въ „вольный духъ“, на всю ночь.

Мнѣ кажется, что, въ виду крайней неразборчивости относительно качества воды, рыбка эта могла бы увеличить собою контингентъ обитателей акваріума, гдѣ взрослые самцы въ нерестовомъ нарядѣ могли-бы казаться соперничать и съ нѣкоторыми иноземными рыбками.

Здѣсь кстати указать на ошибку, вкравшуюся въ каталогъ музея Уральскаго общества любителей естествознанія. При письмѣ отъ 26 Ноября 1886 года, профессоръ Н. А. Варпаховскій прислалъ въ даръ музею нѣсколько экземпляровъ болотнаго гольяна—*Phoxinus stagnalis**); но въ каталогѣ музея, изданномъ два года спустя, видъ этотъ почему-то названъ *Phoxinus Sabanejevi*, V, что представляетъ явную ошибку или недосмотръ при составленіи каталога, при чемъ, кромѣ того, и видовое названіе напечатано неправильно: пишется не *Sabanejevi*, а *Sabanejevi*, какъ это совершенно правильно значитъ и въ „Запискахъ“ помянутаго общества (см. т. X, стр. 105).

Гольянъ Сабанѣева (*Phoxinus Sabanejevi*, Wagr.).

Этотъ гольянъ найденъ Л. П. Сабанѣевымъ на восточномъ склонѣ Урала, въ тинистыхъ озерахъ Пермской и Оренбургской губерній, и былъ принятъ имъ первоначально ошибочно за *Ph. regenurus*, Pall.—видъ водящійся въ озерахъ Восточной Сибири, къ востоку отъ рѣки Лены. Объ об-

*) Записки Уральского общества любителей естествознанія, томъ X, стр. 122.

разѣ жизни и мѣстообитаніи сабанѣвскаго гольяна Леонидъ Павловичъ пишетъ слѣдующее*): „я находилъ его въ весьма многихъ озерахъ всего восточнаго склона. Въ Богословской дачѣ онъ живетъ на примѣръ въ Волонторскомъ, Лебяжемъ, Рашкинскомъ озерахъ, вмѣстѣ съ карасями, но въ наибольшемъ количествѣ я нашелъ его въ Гольянскомъ озерѣ (въ 7 верстахъ отъ Петропавловска), гдѣ встрѣчается только одинъ этотъ видъ. Вѣроятно *Phoxinus phoxinus* водится въ весьма многихъ другихъ карасиныхъ, няшистыхъ (иловатыхъ) озерахъ южной части Верхотурскаго и сѣверной—Екатеринбургскаго уѣздовъ, но я находилъ его только въ небольшихъ озерахъ Каслинскаго и Кыштымскаго Урала и черноземной полосы. Такъ на примѣръ, озерные гольяны встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ озерѣ Арыткулѣ, Семискулѣ, Карасьемъ, Травяномъ, Ямскомъ, Анжелахъ, также въ Багаряхъ и наконецъ, по слухамъ, во всякихъ мелкихъ бассейнахъ Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ. Близъ с. Метлина они живутъ даже въ небольшой ямѣ (здѣсь онъ называется линевою рыбой, по нѣкоторому сходству съ молодымъ линею), да и въ Каслинскомъ Уралѣ встрѣчается иногда въ „разрѣзахъ“. Такимъ образомъ мѣстообитаніе его рѣзко отличается отъ мѣстопробыванія рѣчнаго гольяна. Но и по образу жизни озерной гольянъ болѣе напоминаетъ карася, съ которымъ почти всегда встрѣчается. Онъ постоянно держится въ няшѣ, и тамъ отыскиваетъ себѣ пищу, состоящую исключительно изъ растительныхъ веществъ, что доказывается содержимымъ его желудка; въ озерахъ съ песчанымъ дномъ его никогда не бываетъ. Величиною *Phox. phoxinus* значительно болѣе *Ph. laevis* и въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ почти четверти; нерестъ его начинается позже чѣмъ у всѣхъ лѣтнихъ рыбъ: въ 1871 году онъ происходилъ въ промежуткѣ между 3 и 10 Іюля. Въ это время, также осенью, въ листопадъ, озерный гольянъ ловится въ большомъ количествѣ частыми мордами. На удочку онъ никогда не беретъ“.

Рыбку эту я не имѣлъ въ своихъ рукахъ и потому не могу сказать о ней ничего; знаю только что она весьма похожа на предъидущій видъ, но отличается отъ него болѣе мелкой чешуей: по боковой линіи 83—85 чешуй, тогда какъ у предъидущаго—70—80.

Желающіе поближе познакомиться съ діагнозою рыбы найдутъ ее въ статьѣ профессора Варпаховскаго: „Notiz über die in Russland vorkommenden Arten der Gattung *Phoxinus*“, помѣщенной въ XII томѣ „*Mélanges biologiques*“, издаваемыхъ нашей Академіей Наукъ.

Для наглядности представляю здѣсь табличку географическаго распространенія трехъ водящихся у насъ видовъ гольяновъ.

---

*) *Сабантеевъ*, «Позвоночныя Средняго Урала», стр. 199 и 200.

Мѣсто нахожденія.	
Мулекъ, или голянь рѣчной (Ph. laevis).	Всѣ текуція воды западнаго и восточнаго склоновъ Урала, за рѣдкими исключеніями.
Голянь болотный или озерный (Ph. stagnalis).	Большая часть тинистыхъ озеръ и частію болотъ западнаго склона Урала.
Голянь Сабанѣева (Ph. sabanejewi).	Въ такихъ же мѣстахъ, но только на восточномъ склонѣ.

Пескозобъ (Cobio fluviatilis, Guv.).

Мѣстное названіе:

въ Кунгурѣ—„*бескозобъ*“, по Ирени—„*мескозобъ*“.

Привожу прежде всего измѣренія одного добытаго мною экземпляра:

	Миллиметры.
Длина всего тѣла, отъ вершины носа до конца хвостоваго плавника	137
„ тѣла, отъ вершины носа до основанія хвостоваго плавника	116
„ головы, съ боку, отъ вершины носа до жабернаго отверстія	28
Отъ конца носа до начала спиннаго плавника	55
„ „ „ „ конца груднаго плавника	48
Длина хвоста	21

По описанію профессора Кесслера, длина головы типичнаго экземпляра составляетъ $\frac{2}{3}$ общей длины тѣла, почему пропорціональная этой формулѣ длина головы нашей рыбы должна-бы быть $30\frac{1}{2}$ миллиметровъ, а между тѣмъ она=28 миллим., слѣдовательно на $2\frac{1}{2}$ миллиметра короче нормальной длины, почему рыбку нашу можно отнести къ группѣ короткоголовыхъ, а по формѣ носа—тупоносыхъ пескарей.

Концы грудныхъ плавниковъ *много* не хватаютъ до основанія брюшныхъ, такъ что у многихъ экземпляровъ разность эта настолько велика, что свободный промежутокъ между концомъ груднаго и основаніемъ брюснаго плавниковъ *почти равняется всей длинѣ груднаго плавника*.

Въ сложенномъ хвостѣ мертвыхъ рыбокъ замѣтна весьма значительная вырѣзка, глубиною болѣе сантиметра, тогда какъ у живыхъ экземпляровъ, при расправленномъ хвостѣ и натянутой перепонкѣ, вырѣзка эта дѣлается мало замѣтной.

Грудные плавники—не сѣрые или бѣлые, но желтовато-буроватые; брюшной и заднепроходный—того же оттѣнка, но только значительно свѣтлѣе.

Въ остальномъ рѣзкой разницы противъ типичныхъ экземпляровъ, описанныхъ профессоромъ Кесслеромъ, незамѣтно. Пескозобъ имѣетъ у насъ широкое распространеніе какъ въ восточной, такъ и западной половинѣ губерніи.

Вьюнъ-пискунъ (*Misgurnus fossilis*, L.).

О пискунѣ Л. П. Сабанѣевъ пишетъ весьма кратко: „относительно вьюна—я не могу до сихъ поръ сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ нигдѣ не могъ достать ни одного экземпляра“.... Тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ могу засвидѣтельствовать, что мнѣ удалось достать въ окрестностяхъ Кунгура два экземпляра этой весьма красивой и оригинальной рыбки, достигающей у насъ до 12 дюймовъ длины.

У насъ здѣсь встрѣчается двѣ разновидности вьюна—одна типичнаго желтовато-глинистаго цвѣта, а другая—нейтральтинтоваго тона съ темно-бурой зигзагообразной полоской по бокамъ. Особенно красивыя пятнушки фіолетово-чернильнаго цвѣта находятся у этой разновидности на жаберныхъ крышкахъ и сопредѣльныхъ костяхъ головы. Разновидность эта въ общемъ—темнаго цвѣта. Въ виду значительной рѣдкости вьюна въ нашихъ мѣстахъ, а также и весьма характерной окраски темной разновидности, я нашелъ возможнымъ одинъ экземпляръ вьюна послать въ зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ, съ вопросомъ: есть-ли въ музеѣ такая темная разновидность? На что и имѣлъ удовольствіе получить весьма любезный отвѣтъ ученаго хранителя ихтіологическаго отдѣла музея—С. М. Герценштейна, сообщающаго, что подобная нашей темная разновидность вьюна имѣется въ музеѣ изъ Нижегородской и Витебской губерній, а также съ Дона.

Рыбка эта, какъ выше сказано, крайне рѣдкая въ нашихъ мѣстахъ, иногда появляется ради курьеза и на нашемъ рыбномъ базарѣ. Въ пищу, вѣроятно, благодаря своей змѣеподобной формѣ и окраскѣ, не употребляется. Обитаетъ въ прѣчныхъ озерахъ съ тинистымъ дномъ и старицахъ.

? Стерлядь (*Acipenser ruthenus*, L.).

10 Сентября 1885 года мнѣ была доставлена рыбаками села Крестовоздвиженскаго живая стерлядь, вѣсомъ 17½ фунтовъ, добытая въ рѣкѣ Сылвѣ, немного ниже города.

Зная стерлядей довольно основательно, я былъ пораженъ страннымъ видомъ принесенной рыбы: спинные щитики не имѣли шиповатыхъ отростковъ, но имѣли лишь посрединѣ слабо выдающееся ребрышко; носъ не былъ длинный, заостренный, но *тупой закругленный*, почти какъ у лосося. Но что страннѣе всего такъ это то, что, при довольно внимательномъ наружномъ осмотрѣ, я не нашелъ никакихъ слѣдовъ брюшныхъ щитиковъ, такъ что рыба какъ-бы имѣла только три ряда щитиковъ (вмѣсто пяти)—одинъ спинной и два боковыхъ. Весьма сожалѣю, что не сдѣлалъ тогда въ этомъ отношеніи болѣе тщательнаго изысканія, такъ что теперь нахожусь въ сильномъ сомнѣніи: имѣлъ ли я въ рукахъ старую жирную стерлядь, у которой брюшные щитики сгладились и заплыли жиромъ и потому были незамѣтны, или же, что тоже трудно допустить, я имѣлъ дѣло съ *голобрю-*

Разстояніе между жаберными щелями (сверху)	65
Разстояніе отъ глаза до середины брызгательной дырочки	45
Разстояніе отъ середины брызгательной дырочки до жаберной щели.	35
Наибольшая высота тѣла за жаберными отверстиями.	120
Наименьшая высота тѣла у основанія хвостоваго плавника	40
Окружность тѣла около заднепроходнаго плавника	405

Усики рыбы имѣли боковые отростки какъ у стерляди. Верхній контуръ рыбы не былъ пилообразно зазубренный, но представлялъ почти прямую линію съ соотвѣтственнымъ изгибомъ. Икра рыбы была яркаго *оранжево-краснаго цвѣта*; жабры—малиноваго цвѣта, а основаніе ихъ лимонно-желтое.....

Теперь, какъ воспоминаніе и вещественное доказательство нѣкогда бывшаго существованія упоминаемой рыбы, у меня имѣются два крупныхъ спинныхъ щитика, почти плоскихъ и имѣющихъ лишь упомянутое слабо замѣтное ребрышко.

Волжская минога (*Petromyzon Wagneri*, Kessl.).

Мѣстныя названія:

- въ Перми—*семидырка* (по Сабанѣеву).
- „ Кунгурѣ—*бугоръ*.

Весьма интересуясь мѣстными рыбами и собирая о нихъ всевозможныя свѣдѣнія, я былъ, признаться, поставленъ въ большое недоумѣніе, когда узналъ отъ нашихъ рыбаковъ, что въ рѣкѣ Ирени попадаетъ какая-то рыба, называемая ими „бугоръ“. Въ этомъ бугрѣ я, болѣе по созвучію словъ, предполагалъ угря, хотя и зналъ, что въ волжской рѣчной системѣ онъ не встрѣчается.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, я получилъ желаннаго бугра, оказавшагося въ дѣйствительности не угремъ (*Anguilla fluviatilis*, Agassiz), а волжской миногой (*Petromyzon Wagneri*, Kessl.).

По мнѣнію рыбаковъ, рыбка эта появляется въ нашихъ водахъ въ весны, предшествующія жаркимъ лѣтамъ. Не знаю, насколько это справедливо, но въ прошедшемъ году мнѣ было принесено 14 миногъ, изъ которыхъ 4 добыты въ рѣкѣ Сылвѣ и 10—въ Ирени. Главный ловъ этой рыбы бываетъ въ первой половинѣ Апрѣля; такъ, въ это время мнѣ принесли 9 штукъ одновременно, изъ коихъ самыя крупныя достигали 15 1/2 дюймовъ.

Бугоръ считается у мѣстнаго населенія поганымъ и въ пищу не употребляется.

Настоящій очеркъ былъ бы неполонъ, еслибъ я не упомянулъ въ немъ о другихъ обыкновенныхъ рыбахъ, найденныхъ мною въ предѣлахъ изслѣдованнаго района окрестностей Кунгура, а потому привожу здѣсь полный списокъ найденныхъ пока рыбъ въ рѣкахъ Сылвѣ и Ирени съ ближайшими озерами, съ означеніемъ въ общихъ чертахъ количественнаго ихъ соотношенія.

Наименованіе видовъ.	Замѣчанія.
Окунь (<i>Perca fluviatilis</i> , L.)	Обыкновененъ.
Судакъ (<i>Lucioperca sandra</i> , Cuv.)	Рѣдокъ.
Ершъ (<i>Acerina cernua</i> , L.)	Немногочисленъ.
Бычекъ (<i>Cottus gobio</i> , L.)	Обыкновененъ.
Налимъ (<i>Lota vulgaris</i> , Cuv.)	Обыкновененъ; ходъ его начинается съ половины Августа.
Карась золотой (<i>Carassius vulgaris</i> , Nils.)	Обыкновененъ.
Карась серебряный (<i>Carassius gibelio</i> , Bloch)	Изрѣдка встрѣчается на рыбномъ рынкѣ, мѣсто ловли неизвѣстно.
Линь (<i>Tinea vulgaris</i> , Cuv.)	Не рѣдокъ.
Пескозобъ (<i>Gobio fluviatilis</i> , Cuv.)	Обыкновененъ.
Лещъ (<i>Abramis brama</i> , L.)	Заходитъ изъ Камы стайками, часто одного возраста; иногда, какъ на подборъ, фунтовъ по 10 въ каждомъ.
Подлещикъ (<i>Abramis sapa</i> , Pall.)	Довольно рѣдокъ; имѣлъ изъ Сылвы 2-хъ взрослыхъ экземпляровъ.
Шеклея (<i>Alburnus lucidus</i> , Heck.)	Многочисленна.
Жерехъ (<i>Aspius rapax</i> , Pall.)	Встрѣчается не часто; имѣлъ въ рукахъ экземпляръ въ 8 фунтовъ.
Язь (<i>Idus melanotus</i> , Heckel.)	Обыкновененъ.
Сорога (<i>Leuciscus rutilus</i> , L.)	Тоже.
Головль (<i>Squalius cephalus</i> , L.)	Тоже.
Елецъ (<i>Squalius leuciscus</i> , L.)	Встрѣчается нечасто.
Мулехъ (<i>Phoxinus laevis</i> , Agassiz.)	Многочисленъ.
Гольянъ озерный (<i>Ph. stagnalis</i> , Warp.)	Тоже.
Подустъ (<i>Chondrostoma nasus</i> , L.)	Тоже.
Бѣлая рыба (<i>Coregonus leucichthys</i> , Gùldenst.)	Рѣдка.
Хариузь (<i>Thymallus vulgaris</i> , Nilss.)	Въ Сылвѣ рѣдокъ, но въ притокахъ встрѣчается чаще.
Щука (<i>Esox lucius</i> , L.)	Обыкновенна.
Вьюнъ-пискунъ (<i>Misgurnus fossilis</i> , L.)	Понадается не часто.
Вьюнъ-голецъ (<i>Nemachilus barbatulus</i> , L.)	Многочисленъ.
Вьюнъ-щиповка (<i>Colitis taenia</i> , L.)	Тоже.
Стерлядь (<i>Acipenser ruthenus</i> , L.)	Довольно рѣдко.
Осетръ (<i>Acipenser Gùldenstaedtii</i> , Br.)	Рѣдокъ.
Миного (<i>Petromyzon Wagneri</i> , Kessl.)	Не рѣдка весною.

Теперь, какъ резюме всего сказаннаго, мнѣ остается только сдѣлать измѣненія и поправки въ каталогъ рыбъ губерніи, данномъ Л. П. Сабанѣвымъ и приведенномъ въ началѣ этой статьи.

Въ этомъ каталогѣ значится	39 видовъ.
Слѣдуетъ прибавить еще ошибочно пропущенную мною <i>шкелю</i> (<i>Alburnus lucidus</i>).	1 „
Составится всего	40 „

Изъ которыхъ необходимо исключить:

Финскаго лосося (<i>Salmo trutta</i>) и ошибочно опредѣленнаго Л. П. Сабанѣвымъ голяна (<i>Phoxinus phoxinus</i>), а всего.	2 вида.
Остается	38 видовъ.

Къ которымъ прибавить:

Семгу (<i>Salmo salar</i>)	} 5 видовъ.
Болотнаго или озернаго голяна (<i>Phoxinus stagnalis</i>)	
Голяна Сабанѣвскаго (<i>Ph. Sabanejewi</i>)	
Широколобку (<i>Cottus poecilopus</i>)	
Верховку (<i>Leucaspius delineatus</i>)	

А всего *пока* общій каталогъ рыбъ Пермской губерніи выражается въ количествѣ . . . . . 43 видовъ.

Къ рыбамъ, о которыхъ по неимѣнію данныхъ я не могу сказать ничего, относятся: *судакъ волжскій* (*Lucioperca volgensis*), *синець* (*Abramis ballerus*), *густера** (*Blicca björkna*) и *сабля-рыба*, или *чехонь* (*Pelecus cultratus*); не могу сказать потому, что не имѣлъ возможности побесѣдовать съ камскими рыбаками и присутствовать при извлеченіи толь ихъ на береговые пески.....

Но будемъ надѣяться, что какой либо меценатъ или какое либо земское или правительственное учрежденіе дастъ средства для полного и всесторонняго изслѣдованія въ высшей степени интересной, богатой и разнообразной ихтиологической фауны роднаго края.

Для разрѣшенія этой послѣдней задачи, имѣющей помимо научнаго и громадное значеніе въ экономическомъ отношеніи, можно было бы не пожалѣть своихъ лучшихъ силъ и способностей.....

*) Указаніе о нахожденіи густеры въ рѣкѣ Исети, подкрѣпленное экземпляромъ академическаго музея, находится у Н. А. Варпаховскаго, въ статьѣ его: «Краткія данныя по ихтиофаунѣ Азіатской Россіи», помѣщенной въ LXIX томѣ Записокъ Императорской Академіи Наукъ (1889 годъ), на стр. 20.

КОБЫЛКА,

по изслѣдованіямъ и наблюденіямъ агрономическихъ смотрителей въ Пермской губерніи, въ 1892 г.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

В. А. Владимірскаго.

I.

Въ истекшемъ году кобылка была обнаружена почти по всей губерніи, за исключеніемъ развѣ самой сѣверной ея части, но замѣтную вредную дѣятельность она проявила только въ зауральскихъ уѣздахъ: Шадринскомъ, Камышловскомъ, Екатеринбургскомъ и Ирбитскомъ, и по сую сторону Урала— въ Красноуфимскомъ, Осинскомъ и Чердынскомъ. Въ предѣлахъ cadaго уѣзда распространеніе кобылки было неравномѣрно. Такъ, г. Кунгурцевъ дѣлитъ волости Красноуфимскаго уѣзда, по степени зараженія ихъ кобылкою, на 4 разряда: 1) кобылки совсѣмъ не замѣчались—20,5⁰/₀ числа всѣхъ волостей, 2) кобылка причиняла вредъ, какъ хлѣбамъ, такъ и травамъ—13,6⁰/₀, 3) присутствіе кобылки было обнаружено, но сколько нибудь замѣтнаго вреда она не причиняла—25⁰/₀ и наконецъ 4) кобылка поѣдала только травы—остальныя 40,9⁰/₀.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ кобылка обнаружена только въ 3-хъ волостяхъ: Губдорской, Бондюжской и Анисимовской.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ истребленныхъ кобылкой посѣвовъ было 34183 десятины; о вредной дѣятельности кобылки по различнымъ волостямъ Шадринскаго уѣзда можно судить, между прочимъ, по процентному количеству истребленныхъ ею посѣвовъ яровой пшеницы. Совсѣмъ не было замѣчено кобылки на пшеницѣ только въ одной Усть-Багарякской волости.

Погибло отъ 0 до 1⁰/₀ пшеницы въ 8 волостяхъ.

„	„	10	„	20 ⁰ / ₀	„	„	14	„
„	„	20	„	30 ⁰ / ₀	„	„	8	„
„	„	30	„	40 ⁰ / ₀	„	„	5	„
„	„	40	„	50 ⁹ / ₀	„	„	4	„
„	„	50	„	56 ⁰ / ₀	„	„	2	„

О распространеніи кобылки по Ирбитскому уѣзду нѣкоторое представленіе даютъ свѣдѣнія о степени зараженія ея коконами полей по осени 1892 года, которое опредѣлялось сосчитываніемъ коконовъ на единицѣ пространства. Выражается оно слѣдующими числами, по расчету на 1 дес.: въ Нижне-Иленской и Бобровской волостяхъ 1981 тысячь коконовъ, Краснослободской—1220/т., Баженовской—970/т., Байкаловской—745/т., Чурманской—920/т., Иленской—660/т. и въ Ницинской, по неравномѣрности распределенія коконовъ, приблизительной цифры опредѣлить было невозможно; всего пораженныхъ кобылкой мѣстъ 2807 десятинь.

По Екатеринбургскому и Камышловскому уездамъ кобылка была обнаружена почти повсемѣстно, но болѣе или менѣе замѣтныя поврежденія были произведены ею въ первомъ уездѣ—въ волостяхъ: Щелкунской, Коневской, Багарякской, Тиминской, Ново-Ипатовской, Маминской, Огневской, Саринской, Куяшской, Каслинской, Карабольской, Кульмяковской, Воскресенской и въ части Булзинской; во второмъ—въ волостяхъ: Черемисской, Каменской, Ильинской, Колчеданской, Скатинской, Катайской, Захаровской, Закамышловской, Грязновской, Зырянской, Крестовской, Куяровской, Клевакинской, Кунарской, Никольской, Травянской, Чупинской, Щербаковской и Чернокоровской.

До настоящаго времени подъ именемъ кобылки подразумѣвались насѣкомья изъ семейства *Stenobothrus*, главнымъ образомъ *St. sibiricus* и *Stauronotus cruciatus* (*flavicosta*) (отвѣтъ г. Воронину сельско-хозяйственнаго Совета при Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ въ 1883 г.).

По опредѣленію г. Кунгурцева, въ 1891 году, въ составъ насѣкомыхъ, носящихъ общее названіе „кобылки“, въ Шадринскомъ уездѣ вошли изъ семейства *Acridiidae*—*St. sibiricus*, изъ семейства *Locustidae*—*Loc. viridissima*. Кромѣ этихъ видовъ, Порчинскимъ были найдены въ 1892 г., для того же уезда, *Steteophyma fuscum* и *Pezotettix pedestris*, изъ семейства *Acridiidae*. Что касается насѣкомыхъ, встрѣчающихся подъ тѣмъ же именемъ въ уездахъ Красноуфимскомъ и Осинскомъ, то кромѣ указанныхъ сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ въ 1883 г.—*Stenobothrus sibiricus* и *Stauronotus cruciatus* (*flavicosta*), нужно думать, распространены и другіе виды. Дѣйствительно, профессоромъ Линдеманомъ, для сосѣдней съ этими уездами губерніи Уфимской, были найдены въ 1891 году слѣдующіе виды: *Sten. dorsatus*, *St. elegans*, *St. melanoptera*, *Steteophyma fuscum*, *Stauronotus flavicosta*, *Locusta viridissima*, *Decticus verrucivorus*. О томъ, какіе виды имѣютъ преобладающее значеніе, какіе второстепенные, существуютъ пока отрывочныя и неполныя данныя. Въ Шадринскомъ уездѣ, по словамъ Королькова, общее явленіе состоитъ въ преобладаніи особей изъ семейства *Stenobothrus*; за нимъ слѣдуетъ *Stauronotus* и наконецъ *Steteophyma*. Впрочемъ, встрѣчаются мѣста, гдѣ преобладаетъ *Stauronotus* или гдѣ второе мѣсто послѣ *Stenobothrus* занимаетъ *Steteophyma*.

Такой же приблизительно порядокъ указывалъ въ своей статьѣ о кобылкѣ (см. труды VII съезда агрономическихъ смотрителей) г. Кунгурцевъ. Болѣе точныхъ свѣдѣній о количественномъ соотношеніи особей различныхъ видовъ и о зависимости между распространеніемъ тѣхъ или иныхъ видовъ и внѣшними условіями (характеръ угодій, растительность и проч.) пока не имѣется. А между тѣмъ, какое важное значеніе имѣли бы эти указанія, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: профессоръ Линдеманъ, перечисливъ въ своемъ отчетѣ о кобылкахъ Уфимской губерніи (Сборникъ поставленій Уфимскаго губернскаго земскаго собранія за 1891 годъ) различные виды насѣкомыхъ, извѣстныхъ подъ этимъ именемъ „кобылки“, говорить: „назван-

ныя насѣкомыя далеко не въ одинаковой мѣрѣ вредятъ хлѣбамъ и травамъ. Такъ—*Locusta viridissima* и *Decticus verrucivorus* (кузнечики), питаются преимущественно насѣкомыми, не причиняютъ вреда растительности. *Stenobothrus dorsatus*, *St. elegans*, *Stauronotus flavicosta*, *Steteophyma grossum* охотнѣе питаются различными мягкими травами, менѣе повреждая луговые злаки и хлѣба. Только *Stenob. melanoptera* (чернокрылая кобылка), повидимому, кормится исключительно на злакахъ, луговыхъ и хлѣбныхъ, а потому есть наиболѣе вредная кобылка Уфимской губерніи“.

Этимъ различіемъ въ преобладающей пицѣ разныхъ видовъ профессоръ Линдеманъ объясняетъ, почему въ сѣверныхъ уѣздахъ Уфимской губерніи кобылка не произвела такихъ опустошеній, какія ему пришлось встрѣтить въ южныхъ частяхъ ея. „Тогда какъ, говоритъ Линдеманъ, въ уѣздахъ Уфимскомъ, Бирскомъ, Мензелинскомъ и въ сѣверной части Белебеевскаго кобылки, присутствующія здѣсь въ необыкновенномъ множествѣ, нанесли сравнительно лишь весьма незначительный вредъ и происшедшій недородъ яровыхъ хлѣбовъ и травъ былъ слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, засухи;—напротивъ, въ южной части Белебеевскаго и Стерлитамакскомъ уѣздахъ кобылка произвела чрезвычайныя опустошенія“.

Какое изъ перечисленныхъ выше, для Пермской губерніи, насѣкомыхъ играетъ такую же роль, какъ въ Уфимской—*Stenob. melanoptera*, трудно сказать съ полной увѣренностью. Точныхъ данныхъ на этотъ счетъ пока не имѣется. Почти всѣ наблюденія агрономическихъ смотрителей надъ жизнію насѣкомыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ кобылки, велись такъ, какъ будто кобылка представляетъ собою одинъ видъ. Впрочемъ, такой взглядъ отчасти оправдывается дѣйствительнымъ сходствомъ различныхъ видовъ кобылки, какъ по устройству, такъ и по образу жизни: всѣ они относятся къ отряду прямокрылыхъ (*Orthopterae*), настоящихъ (*Ort. genuina*), къ семействамъ кузнечиковыхъ (*Locustinae*) и саранчевыхъ (*Acridiidae*). Поэтому, говоря объ образѣ жизни кобылки, и мы будемъ подразумѣвать подъ этимъ названіемъ всѣхъ насѣкомыхъ, перечисленныхъ выше, т. е. *St. sibiricus*, *St. melanoptera*, *Stauronotus flavicosta*, *Pezotettix pedestris*, *Steteophyma fuscum*, *Stauronotus vastator*, *Locusta viridissima*, *Decticus verrucivorus*.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ пользоваться тѣми свѣдѣніями, какія содержатся въ отчетахъ агрономическихъ смотрителей, а также отвѣтами разныхъ добровольныхъ корреспондентовъ на программу, посланную губернской управою. Прежде всего разсмотримъ отвѣты на вопросъ о времени появленія первыхъ и послѣднихъ выводковъ кобылки.

Какъ для зауральскихъ, такъ и для Красноуфимскаго и Осинскаго уѣздовъ, время появленія первыхъ выводковъ кобылки совпадаетъ съ первыми числами Мая. Такъ, въ Камышловскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ Закамышловской, Скатынской, Никольской, она появилась 8—9, 10 и 15 Мая; по свѣдѣніямъ волостнаго правленія—въ Щербаковской волости (Камышловскаго уѣзда) первые выводки появлялись 15, 20, 21 Мая; для всей южной части

Камышловскаго уѣзда агрономическій смотритель Батмановъ опредѣляетъ этотъ моментъ 6—9 Мая, а Астафьевъ замѣтилъ первые выводки даже 27 Апрѣля. Въ Ирбитскомъ уѣздѣ первыя свѣдѣнія о появленіи кобылки получены изъ Бобровскаго волостнаго правленія 20 Мая. Агаповъ 19 Мая засталъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ большую часть кобылки уже вышедшей изъ яичекъ. Осинскій корреспондентъ указываетъ, что первые выводки появились 1 Мая. Съ другой стороны, Корольковъ говоритъ, что встрѣчалъ кобылку (въ Шадринскомъ уѣздѣ), въ стадіи личинки, въ началѣ Іюня. Попадалась молодая кобылка даже въ половинѣ Іюня. Эти факты свидѣтельствуютъ, что выводки кобылки появляются въ теченіе очень продолжительнаго періода времени—2—2½ мѣсяцевъ (конецъ Апрѣля—половина Іюня). И это понятно: не всѣ яички, заложенные кобылкой, находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, а различіе этихъ условій (каковы: большая или меньшая теплота почвы, зависящая отъ внѣшней t^0 и отъ топографическаго положенія участка, большая или меньшая затѣненность поверхности земли, та или другая влажность) обуславливаетъ, какъ извѣстно, болѣе быстрое или болѣе медленное развитіе и сформированіе насѣкомаго въ яичкѣ. По словамъ Гусева, въ Осинскомъ уѣздѣ крестьяне наблюдали, что кобылка, въ теченіе весны и лѣта 1892 года, появилась тремя „выпусками“; едва стала окрыляться первая весенняя кобылка, какъ появилась масса новой, молодой; подросла эта—появилась опять безкрылая кобылка средняго „выпуска“, и въ большемъ количествѣ, чѣмъ перваго и третьяго. Г. Батмановъ указываетъ, что первые выводки кобылки были замѣчены на сухихъ, возвышенныхъ участкахъ. Астафьевъ наблюдалъ, что „первые выводки всегда наблюдались, раньше всего, на культурныхъ земляхъ,—именно на жнивахъ хлѣбовъ прошлаго года и только затѣмъ уже онѣ наблюдались на межахъ и лугахъ“. Въ Шадринскомъ уѣздѣ первая крупная кобылка показалась въ волости Иванищевской 27 Мая, въ Ново-Петропавловской—6 Іюня. Въ Камышловскомъ уѣздѣ вполне развившаяся кобылка замѣчена 1—2 Іюня (Колчеданская волость). По словамъ Батманова, въ южной части Камышловскаго уѣзда въ массѣ кобылка обнаружена 12—15 Мая; въ Чупинской и Куяровской волостяхъ 17—19 Мая. Слѣдовательно, въ концѣ Мая и началѣ Іюня, большинство кобылки уже сформировалось и она начала свою опустошительную дѣятельность.

Что касается послѣдовательныхъ превращеній, какія претерпѣваетъ кобылка, прежде чѣмъ явится вполне сформированнымъ насѣкомымъ, то систематическихъ наблюденій по этому вопросу никѣмъ произведено не было. Только Корольковъ приводитъ свѣдѣнія о линянніи трехъ личинокъ одного изъ луговыхъ видовъ кобылки: одна линяла черезъ 9, другая черезъ 10 и третья черезъ 11 дней. Агаповъ же говоритъ, что первое линянніе было имъ замѣчено (въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, въ д. Караболкѣ) 25 Мая.

Относительно другихъ моментовъ жизни кобылки, какъ-то—времени окрыленія, началѣ спариванія и кладки яицъ, изъ имѣющихся данныхъ мож-

но извлечь слѣдующія указанія. Первые экземпляры окрылившейся кобылки въ зауральскихъ уѣздахъ замѣчены 27 Мая (Шадринскій уѣздъ), 30 Мая (Скатынская волость Камышловскаго уѣзда), 1 и 2 Юня (Камышловскій и Екатеринбургскій уѣзды); въ Чердынскомъ уѣздѣ окрыленіе началось 5 Юля и въ Осинскомъ 15 Юня. Примѣрно дней черезъ 8 послѣ начала окрыленія окрылившіяся особи уже преобладаютъ въ общей массѣ кобылки (15 Юня Екатеринбургскій уѣздъ, 2 Юня—Шадринскій уѣздъ, 4, 6, 12 Юня—Камышловскій уѣздъ, 15 Юля Чердынскій уѣздъ). Сейчасъ же по окрыленіи кобылка начинаетъ спариваться. „Съ 20 Юня, говоритъ Агаповъ, кобылка начала скучиваться и сосредоточиваться, въ большинствѣ по междѣ и болѣе открытымъ мѣстамъ. Можно было видѣть очень много сидящихъ кобылокъ и по дорогамъ. 21 Юня удалось замѣтить спариваніе“. „Скучиваніе замѣчалось на мѣстахъ сухихъ и рыхлыхъ“ (Астафьевъ). Во время спариванія замѣчалось скучиваніе кобылокъ—самокъ и самцевъ—на токовищѣ (Милютинъ). Періодъ половой зрѣлости кобылки характеризуется стрекотаніемъ, производимымъ крыльями; это стрекотаніе, по словамъ Агапова, бываетъ сильнѣе въ полдень и подъ вечеръ, часовъ около 6; ночью и утромъ оно затихаетъ. Самый процессъ спариванія описывается такъ. Каждая самка, въ большинствѣ случаевъ, окружена въ это время 2, 3, 5 самцами (Агаповъ). Соединеніе особей во время спариванія весьма прочно; пойманную пару трудно разъединить. По наблюденіямъ Королькова, при кладкѣ яицъ самками *Stauronotus*, замѣчается одна характерная особенность: все время, пока самка кладетъ яйца, самецъ сидитъ на ней, изогнувъ свое брюшко подъ брюшко самки, гдѣ придерживается копуляціоннымъ аппаратомъ за складку одного изъ колець брюшка. Лишь кончится кладка и самка вынетъ изъ земли брюшко, самецъ снизу подводитъ конецъ своего брюшка къ половымъ органамъ самки и тотчасъ же происходитъ спариваніе, длящееся до 1½ часовъ (иногда, впрочемъ, спариваніе очень скоро прекращается). Повторное спариваніе наблюдается и у другихъ видовъ. Длительность его разнообразна: отъ нѣсколькихъ секундъ до 2—3 часовъ.

Кладка яицъ началась, по словамъ Волочнева, съ 20 Юня—сначала единичными экземплярами, а съ 25 клала яйца уже громадная масса кобылки. Приблизительно эти же числа указываетъ для Камышловскаго уѣзда Батмановъ (единичные случаи 15 Юня, массою 24 Юня). Въ Чердынскомъ уѣздѣ кладка замѣчена въ половинѣ Юля. Весь періодъ кладки, по Королькову, продолжается около 2-хъ мѣсяцевъ: она наблюдалась съ 5 Юня по 31 Юля. Яйца откладываются кобылкой, по словамъ того-же Королькова, преимущественно въ полдень, часовъ съ 11 до 2-хъ; передъ кладкою кобылка нѣкоторое время (приблизительно ½ часа) находится въ возбужденномъ состояніи, выражающемся въ постоянныхъ передвиженіяхъ (ползаніемъ, а не прыжками) съ мѣста на мѣсто, въ характерномъ движеніи брюшка, въ раздвиганіи и сдвиганіи яйцеклада и т. п. Самая кладка начинается со сверленія ямки, производимаго помощію роговыхъ пластинокъ яйцекла-

да. Двѣ верхнія пластинки нѣсколько изогнуты вверхъ, нижнія—внизъ; сближая и удаляя концы яйцеклада, кобылка постепенно погружаетъ брюшко въ землю; для приданія ямкѣ округлой формы, два прилегающіе къ яйцекладу сегмента могутъ совершать вращательное движеніе, допускающее обтачиваніе ямки. Брюшко, сколько возможно, растягивается, просвѣчивая (у *Stauronotus* наиболѣе рѣзко) въ мѣстѣ сочлененія двухъ колець грязно синеватымъ цвѣтомъ. *Stenobothrus* и *Stauronotus* погружаютъ брюшко такъ глубоко, что остаются надъ поверхностью земли 1—2 прилегающія къ груди кольца; *Steteophyma* и *Pezotettix* погружаютъ все брюшко (наичаще). Все время кладки замѣтны усиленныя движенія брюшка, выводящія яйца наружу. Кладка длится $\frac{1}{2}$ часа. Какъ только все брюшко выйдетъ наружу, самка начинаетъ задними ногами (движеніями отъ себя) зарывать мѣсто кладки. Волочневъ дополняетъ это описаніе; по его словамъ, послѣ того, какъ самка высверлитъ ямку, она вытаскиваетъ свое туловище и въ образовавшееся отверстіе впускаетъ каплю желтоватой клейкой жидкости, а затѣмъ опять погружаетъ свое туловище въ ямку для откладки яицъ.

Количество яицъ, складываемыхъ кобылкой за одинъ разъ, по Волочневу, составляетъ 8—10, по Агапову—отъ 6 до 10 и Батманову—8—11; такое именно количество яичекъ встрѣчается обыкновенно въ одномъ коконѣ. Относительно того, откладываетъ-ли самка одинъ или нѣсколько коконовъ, Корольковъ говоритъ: положительно можно сказать только, что каждая самка кладетъ *больше одного кокона*; такъ:

9	самокъ <i>Stenobothrus sibiricus</i>	дали	13	коконовъ.
10	„ <i>Stauronotus flavicosta</i>	„	19	„
6	„ <i>Stenobothrus pratensis</i>	„	20	„

И далѣе: число созрѣвшихъ яицъ у живой самки *Sten. sibiricus*, въ среднемъ—8 (колебанія 4—15) и у *Stauronotus* 14 (10—20); числа эти находятся въ близкомъ соотношеніи съ числомъ яицъ въ коконѣ: 7—12 у *Stenobothrus sibiricus*, 12—18 у *Stauronotus* и 8—12 у *Stenobothrus pratensis*. Другими словами, все количество развитыхъ яицъ самка кладетъ сразу, приступаетъ къ спариванію и только потомъ, послѣ необходимаго времени для созрѣванія яицъ, кладетъ слѣдующій коконъ. Агаповъ же полагаетъ, что кобылка въ большинствѣ даетъ не больше 3-хъ коконовъ, основывая свое мнѣніе на томъ обстоятельстве, что въ брюшкѣ ему ни разу не удавалось находить больше 27 яичекъ, т. е. количества, достаточнаго приблизительно на три кокона.

Интересно, что Агапову, въ Камышовскомъ уѣздѣ, много разъ удавалось находить яички лежащими свободно въ землѣ, по одному, по два и по три, а не въ коконѣ, какъ это было наблюдаемо въ большинствѣ случаевъ. Интересно это въ томъ отношеніи, что профессоръ Линдеманъ, въ своемъ отчетѣ „о кобылкахъ въ Уфимской губерніи“, говоря про наиболѣе вредный для Уфимской губерніи видъ *Sten. melanoptera* (чернокрылая ко-

былка), удостовѣряетъ, что послѣдняя кладетъ свои яйца не въ коконы, а разбрасываетъ ихъ прямо въ землю.

Глубина, на которую закладываетъ свои коконы кобылка, опредѣляется Корольковымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: зная длину брюшка самки въ вытянутомъ положеніи, а также длину кокона, мы найдемъ и искомую глубину: она равна разницѣ этихъ величинъ. Принимая максимальную величину вытянутого брюшка для *Stauronotus flavicosta* въ 30 mm., а для *Stenobothrus sibiricus* и *pratensis* въ 25 mm., мы получимъ возможную глубину залеганія коконовъ отъ поверхности земли въ 15—16 mm.; обыкновенно же коконъ находится не глубже 5—7 mm. Батмановъ опредѣляетъ глубину залеганія кокона также въ 15 mm.

Величина кокона зависитъ отъ числа яицъ, въ немъ заключенныхъ; въ среднемъ Батмановъ принимаетъ ее въ 0,75 сантим.; Корольковъ же, опредѣляя длину и толщину кокона каждаго вида въ отдѣльности, нашелъ:

	Длина.	Толщина.
<i>Stenobothrus sibiricus</i>	10,3 mm.	7,25 mm.
„ <i>pratensis</i>	10,55 „	4 „
<i>Stauronotus flavicosta</i>	18,2 „	7,4 „

Цвѣтъ яйца *St. sibiricus* бѣловато-сѣроватый, съ блескомъ (размѣръ 4—5 и 1½ mm.), *Stauronotus*—цвѣта ржаного зерна (4—5 и 1½—2 mm.); *Stenob. pratensis* напоминаютъ яйца *Stauronotus*, но нѣсколько свѣтлѣе; наконецъ, яйцо *Pezotettix* коричневаго цвѣта (какъ скульптурная глина).

Количество коконовъ на единицѣ пространства, по опредѣленіямъ, произведеннымъ лѣтомъ и осенью 1892 г., колеблется въ широкихъ предѣлахъ. Такъ, Батмановъ нашелъ, на 1 кв. аршинѣ, отъ 4 до 30 коконовъ. Агаповъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, въ 8 случаяхъ, нашелъ отъ 10,4 до 13,6 коконовъ на 1 кв. аршинѣ, въ Красноуфимскомъ (въ 7-ми случаяхъ) отъ 2,3 до 4,3 на 1 кв. аршинѣ и въ Камышловскомъ (въ 8 случаяхъ) отъ 5 до 6. Волоочневъ, для Екатеринбургскаго уѣзда, насчитываетъ на 1 кв. аршинѣ отъ 1 до 10, чаще 5—6; встрѣчались однако случаи, когда насчитывалось до 47 коконовъ на 1 кв. аршинѣ (Булзинская волость).

Зависитъ-ли степень зараженія коконами кобылки отъ качества зараженнаго участка—его положенія, плотности почвы, вида угодій и пр. и въ чемъ выражается эта зависимость? Къ рѣшенію этого вопроса можно подойти двоякимъ путемъ: во 1-хъ, наблюденіями надъ мѣстами отрожденія кобылки съ весны и во 2-хъ, непосредственными изслѣдованіями залежей ея коконовъ.

Г. Зотовъ на основаніи наблюденій надъ кобылкой въ Н.-Петропавловской волости Шадринскаго уѣзда сообщаетъ: при разѣздахъ по участку, при осмотрѣ мѣстъ наибольшаго скопленія кобылки, не трудно было замѣтить, что кобылка отродилась и держится на межахъ, жнивьяхъ, пустошахъ и на опушкахъ лѣсныхъ сколковъ. На всѣхъ тѣхъ поляхъ, которыя были вспаханы ранней весной и не имѣли межъ, кобылки не было, тогда какъ на поляхъ съ широкими межами, или поздно вспаханныхъ, кобылка наблю-

далась въ большихъ или меньшихъ количествахъ. На поляхъ священника с. Ново-Петропавловскаго, въ яровой перемѣнѣ, совершенно отдѣленной отъ паровой, гдѣ не было при томъ ни одной межи, кобылки совсѣмъ не замѣчалось, тогда какъ на крестьянскихъ поляхъ она встрѣчалась почти всюду.

«Все это, говорить далѣе Зотовъ, убѣждаетъ меня, что кобылка предпочитаетъ производить закладку коконовъ на мѣстахъ новыхъ, не перепашанныхъ, болѣе или менѣе уплотненныхъ». По словамъ г. Королькова, попытка опредѣлить сравнительную степень обсѣмененія нетронутыхъ земель и пашень не привела ни къ какимъ выводамъ: яйца встрѣчались какъ тамъ, такъ и тутъ въ небольшомъ количествѣ.

Интересны наблюденія Королькова, произведенныя имъ надъ кобылкой въ банкахъ съ землей: изъ 55 коконовъ, снесенныхъ кобылкой въ банкахъ, только 3, принадлежащія *Pezotettix*, были въ дерновинѣ, всѣ же остальные въ очень рыхлой (почти песокъ отъ засухи) почвѣ. Къ этому, впрочемъ, нужно добавить, что почти каждая самка принималась по нѣскольку разъ готовить ямку, вѣроятно находя почву неудобной (вслѣдствіе осыпанія) для кладки, и тѣмъ не менѣе—52 кокона, т. е. 94,5%, были заложены въ песокъ.

По межамъ тѣхъ полей, говорить Агановъ, гдѣ въ прошломъ году были пшеница и вообще яровые хлѣба, кобылки замѣчалось больше, чѣмъ около прошлогоднихъ ржищъ и паровъ, занятыхъ яровыми хлѣбами; тоже подтверждаетъ и Кунгурцевъ для Красноуфимскаго уѣзда.

Корреспондентъ Осинскаго уѣзда Хмѣлевъ, на вопросъ, гдѣ больше замѣчалось отродившейся кобылки, даетъ такой отвѣтъ: «въ лѣсныхъ сколкахъ и на опушкахъ кобылки не замѣчалось, кобылка появилась большею частью въ яровомъ полѣ, рѣдко въ озимовомъ и на межахъ, раздѣляющихъ паровую перемѣну».

Дальнѣйшія показанія по этому вопросу болѣе или менѣе однородны. Такъ, Бодалевъ (Шадринскій уѣздъ) говоритъ: выходы ея (кобылки) чаще констатировались на межахъ, твердыхъ мѣстахъ, на поскотинахъ, вблизи яровыхъ посѣвовъ. Батмановъ—скупиванія самокъ въ однихъ какихъ либо опредѣленныхъ пунктахъ, во время кладки яицъ, замѣчено не было; и далѣе: мелкая кобылка держалась исключительно на межахъ и пустошахъ. А. Федоровъ—кобылка появилась на жнивахъ и межахъ. Бр. Романовы (Ирбитскій уѣздъ)—кобылка встрѣчается только на межахъ и парахъ, а также въ поскотинахъ, на хлѣбахъ же появляется мѣстами, особенно ячменяхъ поздняго посѣва и на пшеницѣ побитой инеемъ. Астафьевъ—выводки появлялись на культурныхъ земляхъ, межахъ и лугахъ. Волочневъ—яйца закладывались какъ на межахъ, залагахъ, такъ и на мягкихъ земляхъ (пары). На высокихъ мѣстахъ коконовъ больше чѣмъ на низкихъ. Коконны находились и на жнивахъ, преимущественно пшеничныхъ.

Выводъ изъ вышеизложеннаго таковъ: кобылка заложила свои яйца прошлымъ лѣтомъ всюду—на пашнѣ, на межахъ, лугахъ, поскотинахъ,

лѣсныхъ сколкахъ и опушкахъ; но кобылка, отродившаяся весной, населяла, главнымъ образомъ, межи, лѣсныя опушки, шутымы, и только оправившись и вполне сформировавшись, она двинулась на культурную растительность—на поля. Не служатъ-ли эти данныя подтвержденіемъ мнѣнія профессора Линдемана, высказаннаго по поводу того обстоятельства, что кобылка встрѣчается большею частью на твердыхъ земляхъ—залежахъ, шутмахъ; именно, онъ говоритъ: „совершенно такъ-же, какъ саранча или прусъ, такъ и кобылка могутъ положить свои яички въ различныя угодыя въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Я находилъ эти яички въ почвахъ цѣлины, въ жнивѣ ржи, пшеницы и полбы и на межахъ. Но точно такъ-же, какъ у саранчи или пруса, яички, заложенные въ мягкія поля, сплошь и рядомъ погибаютъ, становясь добычей многочисленныхъ враговъ, имѣющихъ легкій доступъ къ нимъ въ такой мягкой почвѣ въ теченіи осени и весны,—такъ точно это случается съ яичками кобылокъ. Хотя яички закапываются ими въ цѣлинѣ и въ мягкой почвѣ, тѣмъ не менѣе молодыя кобылки отрождаются весной слѣдующаго года преимущественно на цѣлинныхъ земляхъ, ибо яички, сложенные въ мягкой землѣ, истребляются звѣрями (мышами, крысами, землеройками и пр.), птицами и хищными насѣкомыми (муравьями). Въ цѣлинѣ же эти яички лучше защищены“*).

Гибель коконовъ отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій констатирована въ прошломъ году въ Красноуфимскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ Агаповымъ. Онъ пишетъ: „въ Красноуфимскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ, благодаря, должно быть, стоявшему съ первыхъ чиселъ Августа по 15-е число ненастью, находилось порядочное количество загнившихъ коконовъ. Въ общемъ можно считать загнившихъ, для Красноуфимскаго уѣзда, 20—30%, а для Камышловскаго 40—50%. Этимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется и то явленіе, что большинство коконовъ, а также и выводковъ, кобылки находилось въ преобладающемъ количествѣ на мѣстахъ сухихъ и высокихъ,—здѣсь коконы не подвергались вредному дѣйствію избытка влаги“.

Г. Астафьевъ отмѣчаетъ порчу коконовъ, происходящую, по его мнѣнію вслѣдствіе пораженія паразитнымъ грибомъ. Яйца въ пораженныхъ коконахъ были какъ бы полнѣе обыкновеннаго и темнурой краски, а на самомъ концѣ замѣчался пушистый налетъ; зачастую встрѣчались и совершенно испортившіяся яйца.

„Количественное опредѣленіе больныхъ коконовъ, говоритъ дальше Астафьевъ, сдѣлано было мной въ первый разъ 25 Апрѣля, когда ихъ найдено 12 изъ 35 изслѣдованныхъ, во второй—10-го Мая, когда изъ 575 коконовъ было найдено испортившихся 33%. Въ виду того обстоятельства, что число испортившихся коконовъ одинаково какъ въ концѣ Апрѣля, такъ и черезъ 2 недѣли послѣ того (10-го Мая), полагаю возможнымъ

*) См. Сборникъ постановленій Уфимскаго губернскаго земскаго Собранія 1891 г., стр. 531.

допустить, что болѣзненное зараженіе коконовъ произошло осенью; весной же они не страдали. Для Екатеринбургскаго уѣзда % заболѣвшихъ коконовъ опредѣляется отъ 50 до 75%.

Черезъ 4—5 дней послѣ кладки кобылка пропадаетъ, успѣвъ за этотъ періодъ, какъ мы уже видѣли, сложить 1—2 кокона. Въ Шадринскомъ уѣздѣ, по словамъ Королькова, кобылка стала замѣтно исчезать въ концѣ Юня—началѣ Юля (оправдывая такимъ образомъ народное представленіе, что съ Прокопьева дня—8 Юля—кобылка гинетъ). Въ банкахъ у меня, говоритъ Корольковъ, гибли прежде всего самцы (одинъ *Sten. sibiricus* пережилъ, впрочемъ, всѣхъ самокъ); ловля 5 Юля дала преобладающее большинство самокъ *Stenobothrus*, а въ послѣднее время встрѣчается болѣе ♀♀.

По Агапову, отношеніе мертвыхъ самокъ къ самцамъ было приблизительно, какъ 10 къ 3-мъ.

Кобылка пропадаетъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ она сложила коконы, какъ это наблюдается у настоящей саранчи, почему опредѣлить болѣе или менѣе точно мѣсто залеганія коконовъ бываетъ затруднительно. Это затрудненіе увеличивается еще и тѣмъ, что кобылка, какъ мы видѣли, избираетъ для своей кладки положительно всякія мѣста и какого либо скучиванія ея въ моментъ кладки наблюдать почти не удалось.

Положительно можно сказать, что кобылка имѣетъ одну генерацию, именно весеннюю; по крайней мѣрѣ 2-ой генераци (осенней) не было наблюдаемо никѣмъ. Яички, сложенные кобылкой въ Юнѣ и Юлѣ, остаются неизмѣнными до слѣдующей весны, когда изъ нихъ выводятся молодья насѣкомья. Косвеннымъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что многократныя изслѣдованія яичекъ осенью 1892 г. ни разу не обнаружили признаковъ организаціи въ содержимомъ яичекъ; во всѣхъ случаяхъ содержимое представляло безформенную полужидкую массу.

Коснемся теперь нѣкоторыхъ чертъ образа жизни кобылки, насколько это выяснено наблюденіями въ истекшемъ году.

Только что вышедшая изъ яйца кобылка, послѣ 2—3 повидимому неловкихъ прыжковъ, расправляетъ свои конечности настолько хорошо, что начинаетъ прыгать, какъ взрослая, но разумѣется не съ такой поспѣшностью. Прыжки составляютъ для кобылки главный способъ передвиженія вплоть до окрыленія, когда она пріобрѣтаетъ способность подниматься на воздухъ, на высоту 3—4 сажень, и дѣлать довольно длинныя, сажень до 15—20, перелеты. Летаетъ кобылка довольно охотно. Ползаетъ кобылка преимущественно когда ее никто не беспокоитъ, а при малѣйшемъ шумѣ или шорохѣ она начинаетъ дѣлать прыжки. Только что вышедшая кобылка держится главнымъ образомъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она отродилась. Затѣмъ, смотря по тому, находятъ-ли она около себя соотвѣтствующую пищу или нѣтъ, она или перекочевываетъ на хлѣба, или же питается травой по межамъ, лѣснымъ опушкамъ и т. д. Г. Бодалевъ сообщаетъ: что касается яровыхъ посѣвовъ, то во время перваго объѣзда по Шадринскому уѣзду

(1—15 Мая) поврежденій ихъ въ значительной степени не замѣчалось. Объяснить это можно тѣмъ, что яровые всходы были малы; съ другой же стороны, кобылка, вышедшая изъ кубышекъ, находила достаточно для себя пищи въ той травѣ на межахъ и пустошахъ и прочихъ мѣстахъ, гдѣ или по близости которыхъ, она выводилась. И только впоследствии, когда она подросла и не находила въ травѣ подходящей для себя пищи, начинала поѣдать съ краевъ мягкіе, начавшіе развиваться всходы яровыхъ.

Зотовъ по тому-же вопросу говоритъ слѣдующее: при вылавливаніи кобылки на поляхъ с. Ново-Петропавловскаго (Шадринскаго уѣзда), послѣ 6 Іюня, не смотря на объявленную мной плату 3—4 коп. за фунтъ кобылки, достигшей значительныхъ размѣровъ, 200—300 человекъ рабочихъ налавливали ее весьма немного, не больше 1—1½ пуд. въ день. Кобылки дѣйствительно на поляхъ оставалось немного, чѣмъ и объясняется такая ничтожная продуктивность работы. Между тѣмъ, при болѣе тщательномъ осматриваніи лѣсныхъ сколковъ и прилегающихъ къ нимъ пустошей, я замѣтилъ массу мелкой кобылки, едва достигающей одного сантиметра, тогда какъ кобылка, находившаяся на поляхъ, на мѣстахъ сухихъ и открытыхъ, уже открылась и совершала довольно значительные перелеты. Эта мелкая кобылка не шла еще на поля, а держалась на травѣ, въ которой не было недостатка на лѣсныхъ опушкахъ и пустошахъ. „Въ текущемъ году, сообщаетъ Агаповъ, благодаря тому, что травы на межахъ, пустошахъ и вообще покосахъ были съ ранней весны отличныя, поврежденій кобылкой хлѣбовъ было немного, вслѣдствіе того, что кобылка въ большинствѣ довольствовалась травой. Совсѣмъ другое было въ прошломъ (1891) засушливомъ году, когда, какъ сообщали крестьяне, травы не стало (большинство засохло, а остальная была съѣдена кобылкой же), и кобылка съ этихъ опустошенныхъ мѣстъ перебралась на хлѣба, чѣмъ и причинила имъ значительный вредъ“.

Въ томъ же смыслѣ отвѣчаютъ и другіе наблюдатели. Остаховъ—переходъ кобылки съ межъ и пустошей, покрытыхъ хорошей растительностью, на хлѣба замѣчается; объяснить это можно тѣмъ, что трава на межахъ и пустошахъ загрубѣла, а извѣстно, что кобылка нѣжную растительность предпочитаетъ грубой.

Малютинъ: въ первое время по своемъ выходѣ кобылка держалась на мѣстахъ своего отрожденія, но и подрастая она продолжала оставаться тамъ же, если находила для себя достаточно пищи.

Въ Колчеданской волости, по словамъ Флоринскаго, кобылка принуждена была покинуть покосы, въ виду уборки травы; и дѣйствительно, въ это время на смежныхъ съ сѣнокосами пашняхъ кобылка появилась въ большемъ количествѣ, чѣмъ до сѣнокоса.

Быстрота расселенія кобылки по хлѣбу, по словамъ Астафьева, зависитъ отъ различныхъ условій, какъ то: отъ количества самой кобылки, густоты хлѣба, тѣхъ или иныхъ условій роста хлѣбовъ. Много кобылки, рѣдокъ

хлѣбъ—кобылка, черезъ 2—3 дня, наводнитъ собой полосу хлѣба съ десятину пространствомъ, въ особенности, если еще будетъ стоять сухая и холодная погода, т. е. если съѣденный сегодня хлѣбъ не успѣетъ выбросить къ завтрашнему дню новаго стебля, что иногда наблюдается при благоприятныхъ условіяхъ роста; кобылка при этихъ условіяхъ спѣшитъ углубиться въ полосу; въ противномъ случаѣ она возвращается на только что показавшуюся растительность, и такимъ образомъ расселеніе кобылки по хлѣбу нѣсколько замедляется.

И такъ, вышедшая кобылка или остается въ травѣ, или подрости начинаетъ переселяться на хлѣба; какъ здѣсь, такъ и тамъ она начинаетъ свою опустошительную дѣятельность.

Образъ жизни кобылки въ этотъ періодъ былъ предметомъ довольно многочисленныхъ наблюденій. Ночь кобылка проводитъ обыкновенно на растеніяхъ, взбираясь для этого на выколосившійся хлѣбъ или сорныя травы. Переселеніе совершается подъ вечеръ. Часто случалось, говоритъ Корольковъ, видѣть днемъ хлѣбное поле, на которомъ только изрѣдка попадалась кобылка, вечеромъ же чуть не на каждой соломинѣ сидѣли одна—двѣ кобылки. Батмановъ встрѣчалъ на одномъ растеніи даже до 10 штукъ кобылокъ. Утромъ (по Королькову и Батманову до 10 часовъ) кобылка занята ѣдой. Въ полдень же, во время жары, она прячется подъ комышки земли, въ густую траву и проч., и хлѣба почти не ѣстъ. По наблюденіямъ Батманова, кобылка ѣстъ хлѣбъ также вечеромъ, часовъ до 7, а по Тараканову даже и ночью. Въ ненастную погоду кобылка спасается отъ дождя подъ жердями у огородовъ и въ кустикахъ травы, между стеблями, въ трещинахъ почвы, между различнымъ мусоромъ и пр. Пищей кобылкѣ служатъ, какъ мы уже не разъ упоминали, культурные хлѣба и дикорастущія травы. Вопросъ о томъ, которыя изъ этихъ растеній кобылка предпочитаетъ, отчасти затронуть въ предъидущемъ: она одинаково ѣстъ какъ тѣ, такъ и другія, и поѣданіе кобылкой хлѣбовъ объясняется скорѣе, во 1-хъ, недостаткомъ травянистой растительности, происходящимъ или отъ засухи какъ въ прошломъ году, или вслѣдствіе уничтоженія ея кобылкой, а во вторыхъ, закрубнѣемъ травы. Послѣднее соображеніе вполне подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что кобылка, отродившись весной на шутмахъ и межахъ, сначала довольствуется той растительностью, какую находитъ вокругъ себя, и только когда трава начинаетъ грубѣть, а яровые всходы имѣютъ еще нѣжную листву, кобылка перекочевываетъ на хлѣба и начинаетъ поѣдать ихъ.

И на поляхъ мы замѣчаемъ такую же послѣдовательность: вначалѣ кобылка безразлично нападаетъ на всѣ хлѣба, какъ на озимовые, такъ и на яровые; но въ своемъ развитіи озимовые хлѣба опережаютъ яровые, ихъ листва и стебель начинаютъ затвердѣвать и становятся негодными въ пищу кобылкѣ; тогда она покидаетъ ихъ и главной массой обрушивается на яровые. Здѣсь опять таки она предпочитаетъ болѣе нѣжные всходы,

нападая на полосы болѣе поздняго посѣва, а слѣдовательно и съ болѣе слабыми и нѣжными растеньицами. Главной любимой пищей кобылкѣ служатъ растенія изъ злаковыхъ; это было константировано не только на культурныхъ хлѣбахъ, но и на травахъ. Такимъ образомъ, она сильнѣе повреждаетъ пшеницу, ярицу, ячмень, озимовую рожь, чѣмъ растенія изъ семейства бобовыхъ—горохъ, или семейства крапивныхъ—коноплю, льновыхъ—ленъ и гречишныхъ—гречиху. Изъ травъ же кобылка охотнѣе ѣстъ пырей, мятлину, райграсы, *Apera spica venti* и т. д., вообще растенія изъ семейства злаковыхъ; крестоцвѣтныя, по наблюденіямъ Милютина, ею совсѣмъ не повреждаются; далѣе она почти не прикасается къ бобовымъ—викѣ и клеверамъ (впрочемъ Агаповымъ представленъ образецъ клевера, объѣденнаго кобылкой), къ лютиковымъ, изъ толстянковыхъ—къ заячьей капустѣ, изъ сложноцвѣтныхъ—къ рябинѣ и полыни. По наблюденіямъ Агапова, кобылка неохотно поѣдаетъ осоть, жабрей, молосникъ, дикую рѣдку, лебеду и березку, но и на злаки она нападаетъ не съ одинаковой силой: яровые пшеница и ячмень повреждаются въ большей мѣрѣ, чѣмъ озимовая рожь, послѣдняя сильнѣй, чѣмъ яровые рожь и овесъ. Поѣданіе проса замѣчалось рѣдко. Изъ культурныхъ растений всего меньше кобылка любитъ коноплю. Самый процессъ поѣданія описывается Корольковымъ такъ: въ поѣданіи хлѣба не наблюдается какой-либо правильности; нѣтъ напримѣръ того изящества и чистоты объѣданія, какое видимъ у гусеницы *Sphinx'a*, которая объѣдаетъ листья, начиная съ вершины и доходя до черенка. Кобылка не столько ѣстъ, сколько портитъ листья злаковъ—выгрызаніемъ и перегрызаніемъ ихъ. Слѣдствіемъ этого является громаднѣйшій вредъ для хозяина: поле, пораженное кобылкой, усыпано увядшими объѣдками листьевъ и стебельковъ, указывающихъ, что кобылка уничтожаетъ гораздо больше растений, чѣмъ сколько требуется ей, чтобы быть сытой. Агаповъ сообщаетъ, что ему удавалось наблюдать, какъ кобылка выѣдала мягкія зерна изъ колосьевъ; бывали и такіе случаи, что совсѣмъ перекусывала стебель на верху, такъ что колось сваливался на землю. Подобныхъ случаевъ много было въ прошломъ (1891) году съ рожью въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Нѣкоторые оставляли такія полосы непаханными, такъ какъ въ ту же осень на этихъ полосахъ выросла прекрасная озимь, которая въ текущемъ (1892) году дала даже хорошій урожай, не уступающій обыкновеннымъ сѣяннымъ полямъ.

Корольковъ свидѣтельствуетъ, что кобылка собственно зерна въ колосѣ не выѣдаетъ, но она объѣдаетъ (у озимовой ржи) зерновыя пленки, не вредя зерну, отчего происходитъ преждевременное усыхание его и осыпаніе. Процессъ выѣданія растений кобылкой описывается также Батмановымъ: кобылка первоначально начинаетъ ѣсть листь сбоку, то въ средней части листа, то ближе къ корню или у корня (что встрѣчается одинаково часто) и, съѣвъ часть его до средней жилки, подвигается постепенно или къ основанію листа, или къ его краю и, дойдя до конца, перегрызаетъ жилку и съѣдаетъ листь совсѣмъ, двигаясь въ противоположномъ направ-

леніи, или такъ, что кобылка перегрызаетъ листь и, захвативъ отгрызенную часть въ переднія лапки, подноситъ ко рту и постепенно съѣдаетъ его весь. Затѣмъ приступаетъ къ другому и мало по малу съѣдаетъ все растеніе, оставивъ только небольшой пенекъ въ $\frac{1}{2}$ —1 верш. вышиной. Уничтоживъ одно, кобылка переходитъ на другое растеніе и такимъ образомъ подвигается все далѣе и далѣе, оставляя за собой только „пенечки, да сорныя травы“.

Для полноты картины приведемъ описаніе процесса объѣданія злаковъ, по наблюденіямъ Милютина. Объѣданіе начинается съ листьевъ и распространяется постепенно на колосья хлѣбовъ. Кобылка вспрыгиваетъ на ближайшую листовую пластинку и, обхвативъ ее двумя передними парами ногъ, а задней парой подпирая корпусъ снизу, начинаетъ дѣятельно работать челюстями, при чемъ состригаетъ и измельчаетъ края листьевъ, дѣлая полукругъ, а иногда нѣсколько полукруглыхъ выемокъ; порою выѣданіе начинается не съ краевъ, а съ верхушечной точки. Процессъ объѣданія иногда на этомъ и останавливается; въ другихъ же случаяхъ идетъ дальше: кобылка съѣдаетъ указаннымъ образомъ листь и переходитъ затѣмъ на колось, гдѣ, начиная иногда съ верхняго колоска, иногда прямо съ середины колоса, перегрызаетъ пленчатая оболочка колоска, а затѣмъ съѣдаетъ и самую завязь.

Наблюдается также пониканіе колосьевъ, происходящее отъ того, что кобылка дѣлаетъ овальную выемку, параллельно продольной оси стебля, вслѣдствіе чего стебель ломается или склоняется въ подѣденную сторону.

Остается упомянуть еще о врагахъ кобылки, какіе были обнаружены въ истекшемъ году.

Важнѣйшимъ изъ нихъ нужно считать микроскопическаго паразита, найденнаго повсемѣстно на кобылкѣ въ періодъ кладки яицъ.

Этотъ паразитъ былъ обнаруженъ на голеньяхъ и на нижней поверхности крыльевъ кобылки, какъ мертвой, такъ и живой; онъ имѣлъ видъ красныхъ, очень малыхъ тѣлецъ, которыя подъ микроскопомъ, какъ говоритъ Агаповъ, оказались похожими по формѣ и цвѣту на божію коровку— „имѣеть три пары ногъ, на головѣ два усика, а на заднемъ концѣ тѣла маленькій шипикъ (по Волочневу—2)“. На одной кобылкѣ можно было находить отъ 1 до 28 экземпляровъ паразитовъ, при чемъ на мертвыхъ больше, чѣмъ на живыхъ. Процентъ пораженныхъ кобылокъ, по словамъ Королькова, сильно колеблется, достигая 86,54% и спускаясь до 0% (въ Шадринскомъ уѣздѣ).

Вредъ, наносимый паразитомъ кобылкѣ, выражается въ изрѣшечиваніи надкрылій, часто въ такой сильной степени, что остаются только однѣ жилки. „Смерти отъ паразита“, пишетъ Корольковъ, „я не замѣчалъ и думаю, что паразитъ является другомъ земледѣльца по столько, по сколько онъ уменьшаетъ способность кобылки къ передвиженію“. И далѣе: „сказать положительно, возможно ли зараженіе здоровой особи отъ больной, затруд-

няюсь; изъ 5 здоровыхъ, посаженныхъ въ ящикъ, вмѣстѣ съ 5-ю паразитными, вновь заболѣла одна. Въ этомъ случаѣ могло быть зараженіе, но могъ быть и мой недосмотръ—вмѣсто 5 здоровыхъ было 4 больныхъ. Вначалѣ паразитъ очень малъ и можетъ легко остаться незамѣченнымъ въ складкахъ колець. Пораженіе спинной части брюшка тоже не вызывало смерти; приходилось наблюдать, что паразиты отпадали отъ спинки (кончалась, значить, ихъ вредная дѣятельность(?)), а кобылка, однако, продолжала жить“.

Г. Волоочневъ сомнѣвается, что красныя тѣльца служатъ причиной смерти кобылки; онъ говоритъ, что красныя тѣльца ему приходилось наблюдать чаще [на мертвой кобылкѣ, на живой же—очень и очень рѣдко. По его мнѣнію, паразитъ нападетъ скорѣе на мертвую кобылку, а вялость и смерть нѣкотораго количества кобылки является вполне естественной: она сложила яйца, исполнила свою миссію и пропала.

Врагами кобылки являются также муравьи. По словамъ Милютина, ему удалось замѣтить насѣкомое, повидимому изъ семейства наѣздииковъ, преслѣдовавшее одного *Stenobothrus*'a, но поймать его не удалось.

II.

Всѣ мѣры противъ кобылки, практиковавшіяся въ истекшемъ году, можно раздѣлить на слѣдующія группы:

- 1) мѣры предупредительныя и
- 2) мѣры истребительныя.

Первыя, въ свою очередь, подраздѣляются на а) мѣры, ведущія къ истребленію коконовъ, б) мѣры къ истребленію только что отродившейся кобылки и в) мѣры, предупреждающія переходъ взрослой кобылки съ мѣстъ отрожденія на культурные хлѣба.

Мѣры истребительныя состоятъ въ ловлѣ кобылки тѣми или иными способами и убиваніи ея.

Какъ и вообще въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми, мѣры предохранительныя имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ мѣры истребительныя, почти никогда не достигающія своей цѣли. Судя по наблюденіямъ и опытамъ истекшихъ лѣтъ, наиболѣе рациональною мѣрой борьбы съ кобылкою нужно считать глубокую перепахку залежей ея коконовъ, съ цѣлью предупредить выходъ ея изъ ячеекъ. Въ защиту этой мѣры можно привести слѣдующія соображенія:

- 1) Молодая, только что вышедшая изъ ячеекъ кобылка очень нѣжна и не обладаетъ органами, приспособленными для разрыванія земли, а потому, отродившись подъ слоемъ земли достаточной толщины, не въ состояніи будетъ выбиться наружу. 2) Кобылка закладываетъ свои коконы не глубоко, не глубже $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ вершковъ, перпендикулярно къ поверхности земли, при чемъ верхнимъ концемъ коконы выходятъ почти на самую поверхность. Если нарушить нормальное положеніе кокона—перевернуть его вмѣстѣ съ

пластомъ земли верхнимъ концемъ внизъ, то уже однимъ этимъ будетъ до крайности затрудненъ выходъ изъ кокона молодыхъ особей, которыя должны первоначально нѣсколько углубиться въ землю и затѣмъ, повернувшись головой вверхъ, пробивать себѣ путь на дневную поверхность; такое нарушение нормальныхъ условий выхода кобылки, казалось бы, должно вести къ ея гибели, по крайней мѣрѣ въ главной массѣ.

Эти теоретическія соображенія находятъ себѣ подтвержденіе и въ фактахъ. Кобылка закладываетъ свои коконы положительно вездѣ, какъ на мягкой культурной землѣ, такъ и на твердыхъ земляхъ.

Въ истекшемъ, напр., году, въ Шадринскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ населеніе собирало ранней весной коконы кобылки, за установленную земствомъ плату, почти исключительно на жнивахъ. При этомъ было обнаружено, что нѣкоторыя изъ жнивъ сильно заражены коконами. И тѣмъ не менѣе, во всѣхъ случаяхъ, когда подобныя жнивы перепахиваются осенью или ранней весной, кобылка на нихъ не отрождается. Ни разу не было замѣчено появленія кобылки на овсяныхъ поляхъ, хотя овесъ, какъ извѣстно, высѣвается на пшеничищахъ, изъ которыхъ многія, въ годы сильнаго размноженія кобылки, несомнѣнно содержатъ въ себѣ большое количество ея коконовъ. Этотъ фактъ можно объяснить единственно тѣмъ, что пшеничища, при посѣвѣ овса, перепахиваются. Если хлѣба, посѣянные на подпаркахъ, и страдаютъ отъ кобылки, то кобылка эта не мѣстнаго происхожденія, а переходитъ на нихъ со стороны.

Затѣмъ, дѣйствительность перепашки, какъ предохранительнаго средства противъ кобылки, подтверждается и многочисленными наблюденіями крестьянъ, подмѣтившихъ, что если, при взметѣ жнивъ подъ пары, производить вспашку рано утромъ или въ сырую погоду, когда кобылка мало подвижна, то значительная часть мелкой кобылки заваливается землей и не можетъ выбиться изъ подъ земли наружу. Нѣкоторое количество кобылки, говоритъ Астафьевъ, запахивается сохами въ каждую борозду, но больше всего погибаетъ кобылки при окончаніи загона; при вспашкѣ кобылка тотчасъ же начинаетъ уходить направо и налево отъ „складня“, на нетронутое еще поле, и продолжаетъ свое бѣгство вплоть до окончанія загона, гдѣ съ приходомъ послѣдней борозды запахивается почти вся скопившаяся тутъ кобылка.

Совокупность приведенныхъ фактовъ и соображеній побудила губернское земское собраніе XXI чрезвычайной сессіи (въ началѣ Августа 1891 г.) выработать обязательное постановленіе о перепашкѣ съ осени межъ и небольшихъ участковъ твердой земли среди посѣвовъ, какъ главныхъ разсадниковъ кобылки; но постановленіе это не было утверждено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи отзыва энтомолога г. Порчинскаго, высказавшагося противъ перепашки. Изъ подлиннаго отзыва г. Порчинскаго видно однако, что онъ имѣлъ въ виду мелкую перепашку, оказавшуюся не дѣйствительной въ примѣненіи къ саранчѣ, тогда какъ земство ходатайствовало о глубокой перепашкѣ; кромѣ того г. Порчинскій думалъ, что пере-

пахать предполагалось обширныя площади твердыхъ земель (выгоны, луга, залежи и пр.),—въ дѣйствительности же рѣчь шла лишь о межахъ и небольшихъ полянкахъ среди посѣвовъ. Изъ новаго труда г. Порчинскаго: „Кобылка или полевые коники“ видно, что ознакомившись съ этими вредными насѣкомыми на мѣстѣ, онъ уже признаетъ пользу глубокой, на 4 вершка, перепашки рыхлыхъ земель; но полагаетъ, что перепашка цѣлины, межь и т. д. не можетъ дать хорошихъ результатовъ, „такъ какъ при поднятіи твердой земли, послѣдняя ложится твердыми же пластами, между которыми остается достаточно промежутковъ, могущихъ служить свободнымъ для молодыхъ кобылокъ на поверхность земли выходомъ“. Опыты, произведенные лѣтомъ 1892 г. въ Катайской волости Камышловскаго уѣзда, показали, однако, что при засыпаніи молодой, только что отродившейся кобылки даже 1½—2 вершковымъ слоемъ земли, она не въ состояніи пробиться наружу, такъ что въ перепашкѣ на глубину въ 4 верш. нѣтъ надобности; смѣло можно ограничиться перепашкой на глубину 2½—3 верш.; что же касается вспашки твердыхъ участковъ (межь, полянокъ и пр.), то, какъ извѣстно хозяевамъ, отверстія, остающіяся между пластами, достаточно хорошо закупориваются подъ вліяніемъ осеннихъ дождей, снѣговаго покрова и весеннихъ водъ; если часть отверстій между пластами и сохраняется, то во всякомъ случаѣ черезъ нихъ можетъ проникнуть наружу лишь ничтожный 0/0 кобылки; главная же ея масса погибнетъ подъ пластами. Въ виду этого, губернское земское собраніе XXIV чрезвычайной сессіи возобновило ходатайство объ утвержденіи вышеозначеннаго обязательнаго постановленія; въ Декабрѣ 1892 г. оно получило надлежащую санкцію.

Къ числу предохранительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ мелкой, неокрылившейся еще кобылки, нужно отнести опахиваніе посѣвовъ съ той стороны, откуда угрожаетъ нападеніе кобылки, при чемъ вспаханная полоса должна быть не менѣе 1—2 саж. Мѣра эта имѣетъ, однако, весьма ограниченное значеніе. По наблюденіямъ г. Астафьева, свѣжая вспашка не представляетъ сколько нибудь существеннаго препятствія для передвиженія кобылки: въ лучшемъ случаѣ только на день—два собьетъ кобылку съ пути, а затѣмъ, когда кобылка откроетъ, что непосредственно за вспашкой лежитъ поле съ хорошей пищей, она быстро переходитъ на него, и съ этой поры вспахиваніе теряетъ всякое значеніе. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной мѣрѣ, которую можно назвать предохранительной. Она состоитъ въ слѣдующемъ: при вспашкѣ жнивъ, нужно вести ее *отъ* посѣвовъ, а не *къ* посѣвамъ. Начиная вспашку *отъ* посѣвовъ, мы будемъ гнать кобылку въ противоположную сторону—на другое жниво, въ лѣсъ, на дорогу, лугъ и проч.; на посѣвы перейдетъ сравнительно небольшая часть кобылки. Если посѣвы окружаютъ вспаханный участокъ съ двухъ, трехъ или четырехъ сторонъ, то можно примѣнить сплошное паханіе въ развалъ (*отъ* краевъ); мы погонимъ тогда кобылку къ серединѣ полосы, и, сосредоточивъ ее на небольшомъ пространствѣ, можемъ примѣнить къ ней истребительныя мѣры. Если къ

вышеизложенному прибавить собираніе руками коконовъ кобылки, то перечисленіе предохранительныхъ мѣръ будетъ закончено. Практическое значеніе ихъ пока невелико; полное истребленіе кобылки при ихъ помощи невозможно. И въ самомъ дѣлѣ, при обширности пространствъ, занятыхъ кобылкой и рѣдкости населенія, трудно, даже невозможно опредѣлить всѣ залежи ея коконовъ, тѣмъ болѣе, что кобылка держится не въ кучахъ, подобно саранчѣ и прусу, а разсѣянно, и не оставляетъ на мѣстахъ откладки коконовъ никакихъ видимыхъ знаковъ (труповъ); а затѣмъ, что еще важнѣе, по условіямъ хозяйства, перепашка залежей коконовъ кобылки примѣнима только на извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ: межахъ, жнивахъ, небольшихъ полянкахъ среди посѣвовъ и, отчасти, на шутъмахъ; тогда какъ громадныя разсадники кобылки — луга, покотины и лѣсныя сколки остаются внѣ сферы предупредительныхъ мѣръ. Вспахка этихъ угодій произвела бы рѣзкое потрясеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ и сразу разрушила бы установившуюся организацию его. Очевидно, мѣра, влекущая такія послѣдствія, была бы ни съ чѣмъ несообразна. Мы не далеко ушли бы отъ медвѣдя, который, желая убить муху на лбу пустытника, убилъ самого пустытника.

На лугахъ, выгонахъ и лѣсныхъ сколкахъ съ кобылкою приходится бороться мѣрами истребительными.

Истребительныя мѣры могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

- а) заганиваніе кобылки въ канавки;
- б) сжиганіе кобылки съ соломой или мусоромъ;
- в) раздавливаніе кобылки волокушами и катками;
- г) убиваніе кобылки какими либо растворами — керосиновой эмульсіей, отваромъ осинової коры, 2% растворомъ карболовой кислоты и
- д) ловля кобылки саками, пологами и разнаго рода телѣжками — ловушками.

Опишемъ эти способы, ихъ преимущества и недостатки, насколько это было выяснено опытомъ истекшаго года.

Заганиваніе въ канавки испытывалось, между прочимъ, г. Астафьевымъ. Для опыта была вырыта канавка аршина въ $1\frac{1}{2}$ —2 длиной, 12 вершковъ въ глубину, съ соотвѣтствующей шириной вверху; съ одной стороны такую канавку обставили пятью досками кровельнаго теса, обитаго на верхней кромкѣ, по рекомендаціи г. Порчинскаго, жестяными полосками въ $1\frac{1}{3}$ вершка шириной; съ другой стороны, начиная отъ краевъ досокъ, была поставлена сплошная цѣпь изъ народа, съ метлами въ рукахъ; вотъ это какъ бы было въ планѣ:

Опытъ производился 11 Мая въ Катайской волости, на небольшой пустоши среди полей, на которой держалась масса кобылки; мелкія особи ея едва достигали 3—4 линій, а крупныя были не больше 5—6''.

„Когда все было устроено, говоритъ Астафьевъ, живая цѣпь стала подвигаться къ ямѣ, заматая передъ собой кобылку, отчего послѣдняя сучивалась и устремлялась по направленію къ канавкѣ, но доходила до нея далеко не въ томъ количествѣ, въ какомъ захвачена была первымъ движеніемъ рабочихъ. Кобылка скоро уставала, принадлежала къ землѣ и отсюда можно было взять ее только твердой обдержанной метлой. По выбранному мѣсту мы прошли цѣпью (изъ 15 человекъ) 5 разъ; всякій разъ захватывали множество кобылки, но нагнали ее въ яму, по указанной выше причинѣ, какой нибудь фунтъ. Примѣненныя при опытѣ шелевки хотя и дали намъ возможность уменьшить живую цѣпь или, что тоже, меньшимъ количествомъ людей охватить большее пространство; но *непреодолимымъ препятствіемъ* на пути движущейся кобылки онѣ могли явиться только для самыхъ мелкихъ особей, такъ какъ кобылка покрупнѣе, даже въ то время, уже свободно перепрыгивала шелевки“.

Принимая во вниманіе дороговизну шелевокъ, недостатокъ лѣса за Ураломъ, затруднительность добыванія большихъ количествъ жести, необходимость установки шелевокъ на огромныхъ протяженіяхъ и почти совершенную ихъ бесполезность, нельзя не выразить удивленія по поводу настойчивости, съ какою г. Порчинскій рекомендовалъ примѣненіе этой мѣры противъ кобылки. Да и самое заганиваніе кобылки въ канавки рекомендовать не приходится. Оно требуетъ большаго количества рабочихъ рукъ, хорошей дисциплины, а въ результатѣ даетъ ничтожные результаты. У г. Астафьева, 15 человекъ, въ 5 приемовъ, едва могли нагнать до фунта кобылки, тогда какъ, тутъ же рядомъ, двое людей, съ пологомъ въ рукахъ, пройдя пространство въ 20 саж., могли въ два приема захватить кобылки до $\frac{1}{4}$ фунта; слѣдовательно, работали значительно производительнѣе, чѣмъ въ живой цѣпи.

Приведемъ еще нѣкоторые отзывы относительно заганиванія кобылки въ канавки, въ связи съ шелевками. Опытъ въ с. Красномыльскомъ, Шадринскаго уѣзда, въ присутствіи агрономическаго смотрителя Бодалева, сельскаго старосты и крестьянъ, далъ, по словамъ г. Бодалева, слѣдующіе результаты: „кобылка, не вполне еще тогда развившаяся, отлично переползала шелевки, которыя были приготовлены по точному наставленію г. Порчинскаго. Сметаніе въ ямы между досками оказалось также бесполезнымъ, такъ какъ кобылка изъ подъ метлы забивалась въ травѣ и не сгруживалась въ ямы“. Г. Бодалевъ сообщаетъ также, что въ волостяхъ Макаровской и Батуринской, крестьяне, при разъясненіи имъ этого способа (загонъ при помощи шелевокъ и канавъ), выслушивали его съ явнымъ недовѣріемъ. Они не выражали, впрочемъ, открытаго протеста противъ мѣры, говоря: „чтожь, если начальство приказываетъ, будемъ стараться“... „Только что я

успѣлъ доѣхать до Каргапольской волости, какъ волостное начальство заявило, что крестьяне находятъ невозможнымъ для себя примѣнять такую дорого стоящую мѣру, да и не въ состояніи найти сейчасъ огромнаго количества тесу на огородку пораженныхъ мѣстъ“.

Подобный же опытъ произведенъ Бодалевымъ въ д. Кутиковой, Батуринской волости, и также окончился неудачей, произведя на присутствующихъ крайне непріятное впечатлѣніе.

Г. Агаповъ о заганиваніи кобылки говоритъ, что „оно оказалось мало практичнымъ: кобылка пряталась въ траву или разлеталась и, слѣдовательно, попусту тратились время и трудъ“.

Такой же отзывъ даетъ г. Батмановъ, прибавляя: „собственно говоря, въ ямки удавалось загнать кобылку съ пространства, радіусъ котораго не болѣе 1½—2 саж., а при подобныхъ условіяхъ ясно, что рытье канавъ является дѣломъ положительно непроизводительнымъ. Шелевки, продолжая дальше г. Батмановъ, устроенныя изъ теса, шириной въ среднемъ около 5 вершковъ, были испробованы 11—12 Мая, т. е. въ то время, когда кобылка была еще очень мелка, и оказались совершенно недостигающими своей цѣли: кобылка спокойно перепрыгивала эту преграду. Оба эти способа истребленія кобылки, мнѣ кажется, нужно окончательно выбросить изъ списка мѣръ борьбы съ кобылкой, какъ мало пригодные, чтобы не сказать больше“.

Слѣдующій по порядку способъ истребленія кобылки—сжиганіе ея въ солому и мусорѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ появилась кобылка (еще мелкая), раскладываютъ валки соломы или мусора, всего лучше подъ вечеръ; кобылка набивается въ солому къ ночи въ очень большомъ количествѣ. Рано утромъ, какъ только начнетъ обсыхать роса, солому поджигаютъ. Въ мѣстѣ съ ней сгораетъ и набившаяся въ солому кобылка. Когда солома начнетъ горѣть, кобылку нужно подгонять въ огонь метлами.

Отзывы объ этой мѣрѣ болѣе благопріятны, чѣмъ о заганиваніи въ канавки; такъ Екатеринбургская управа сообщаетъ: „выжиганіе насѣкомыхъ посредствомъ соломы давало удовлетворительные результаты, но не было практикуемо въ широкихъ размѣрахъ за недостаткомъ соломы и вообще подходящаго горючаго матеріала“. По словамъ г. Бодалева, рекомендація выжиганія нѣсколько сгладила неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на крестьянъ канавками и телѣжками, и вселила въ нихъ надежду хотя сколько нибудь ослабить вредное дѣйствіе кобылки; нѣкоторые крестьяне тутъ же говорили, что „огнемъ ее уничтожить можно, изъ огня куда она дѣнется“ и т. д. Мѣра эта не могла, однако, получить въ 1892 году достаточно широкаго примѣненія, по недостатку соломы, которой не хватало даже для прокорма скота. „Сжиганіе кобылки съ соломой и мусоромъ, пишетъ Астафьевъ, разумѣется, даетъ хорошіе результаты, но жаль, что этимъ приемомъ можно пользоваться только слишкомъ ограниченное время

дня, именно съ вечера, когда кобылка сама идетъ въ солому, чтобъ уберецья въ ней отъ росы. Впрочемъ, можно работать съ соломой и днемъ, но въ этомъ случаѣ необходимо гнать кобылку въ положенный валикъ горячаго матеріала метлами и, понятно,—поспѣшно его зажигать“.

Таракановъ описываетъ слѣдующій способъ, практиковавшійся въ Чердынскомъ уѣздѣ: путемъ, на которомъ хотѣли уничтожить кобылку, обкладывали кругомъ хворостомъ и зажигали его одновременно съ разныхъ концовъ; при этомъ замѣчено, что дыма кобылка не выноситъ и потому, прыгая по вѣтру, большими массами стораецъ на хворостѣ, положенномъ съ подвѣтренной стороны. На основаніи этого, по мнѣнію г. Тараканова, можно вывести, что если съ навѣтренной стороны на полѣ разводить огонь изъ матеріаловъ, дающихъ много дыму, а съ подвѣтренной стороны выкопать канавы, то кобылка безъ заганиванія метлами будетъ въ значительныхъ количествахъ собираться въ канавахъ, гдѣ ее уже не трудно уничтожить. Такой способъ обусловилъ-бы значительную экономію рабочихъ силъ, но можетъ практиковаться только въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ (какъ Чердынскій уѣздъ).

Раздавливаніе кобылки волокушами. Испытаніе волокушъ, пишетъ Астафьевъ, дало отрицательные результаты. Опытъ съ ними былъ произведенъ мною въ Скатинской волости, въ д. Ожгахъ. Для опыта было взято 9 боронъ, которыя и пущены были по межѣ и подпарку (твердымъ), другая за другомъ, по 3 врьдъ; проходили такъ бороны по нѣскольку разъ, но какъ послѣ перваго, такъ и въ слѣдующіе разы, на пройденномъ пути можно было найти нѣсколько кобылокъ, и то не раздавленныхъ, а только помятыхъ,—то оторвана одна нога, то двѣ. Не говоря о такихъ ничтожныхъ результатахъ, раздавливаніе кобылокъ волокушами, требующее непременно конной силы, является неудобопримѣнимымъ и по своей дороговизнѣ и не можетъ получить сколько-нибудь широкаго распространенія“.

Подобный же отзывъ о волокушахъ даетъ и Агаповъ. По его словамъ, примѣненіе волокушъ не достигаетъ цѣли, потому что кобылка совсѣмъ не раздавливается, а прячется или подъ траву, глыбы земли, или же распрыгивается. Только на твердыхъ и совершенно чистыхъ путяхъ волокуша исполняетъ работу довольно удовлетворительно.

Послѣдняя группа мѣръ состоитъ изъ цѣлаго ряда способовъ вылавливанія кобылки, сходныхъ по своему принципу. Сюда относятся: ловля кобылки пологами, сачками, ловушками и т. д.

Въ первое время пологами работали безъ всякихъ приспособленій: четверо держали пологъ (обыкновенный хлѣбный) за края, при чемъ двое тащили его наклонившись—впередъ, стараясь при этомъ углы и передній край держать возможно ближе къ землѣ, остальные же двое, идя сзади, на разстояніи, приблизительно, сажени, тащили концы на высотѣ 1½—2 аршинъ. Работа такимъ пологомъ похожа на ловлю рыбы бреднемъ или неводомъ. По мѣрѣ накопленія кобылки, идущіе сзади время отъ времени

стрихиваютъ кобылку въ середину полога, а чтобы пологъ не сдувало, иногда помѣщаютъ въ него 2—3 камня, вѣсомъ въ 5—10 фунт.; эти камни, находясь въ постоянномъ движеніи, раздавливаютъ и убиваютъ кобылку. Камни острые и тяжелые не годятся для этой цѣли, такъ какъ скоро рвутъ пологъ. Наловленную кобылку вычерпываютъ изъ полога или ковшемъ или небольшимъ сачкомъ. Впослѣдствіи въ передній край полога начали вшивать толстыя и длинныя палки—оглобли и жерди, смотря по величинѣ полога. Къ концамъ этихъ палокъ, выступающихъ далеко за края полога, привязывали веревки длиною съ сажень, за которыя и тянули при ловлѣ, не нагибаясь, какъ раньше.

Дальнѣйшее усовершенствованіе этого снаряда заключалось въ томъ, что въ середину полога вшивали мѣшокъ, который и долженъ былъ играть роль мотни.

„Такимъ-то снарядомъ, пишетъ Астафьевъ, крестьяне работали на славу, получая ежедневно на человѣка *улову* до 11 фунтовъ“.

По сообщенію Агапова—уловъ составлялъ даже 1½ пуда на поденьщика. Г. Бодалевымъ производительность полога опредѣляется такъ: при пяти десяти-часовыхъ поденьщинахъ наловлено 2 пуд. 10 фун. кобылки, слѣдовательно на 1 человѣка 15 фунтовъ.

По словамъ г. Батманова, ловля пологами, какъ въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ, является одной изъ самыхъ продуктивныхъ и удобопримѣнимыхъ мѣръ. Наибольшая производительность пологовъ—3 пуда въ день на 4 человѣка.

Отзывы прочихъ лицъ, командированныхъ управой для борьбы съ кобылкой, вполне согласуются съ вышеприведенными. Милютинъ указываетъ только на неудобство ловли пологомъ на пустошахъ, гдѣ оставшіеся отъ прошлаго года скелеты различныхъ растений мѣшаютъ низкому спусканію полога. Далѣе, многіе указываютъ на непригодность пологовъ въ періодъ полного развитія кобылки, когда она свободно перелетаетъ черезъ пологъ.

Отъ пологовъ крестьяне перешли къ всевозможнаго рода кобылколовамъ. Вотъ описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кобылколовки представляютъ видъ сколоченныхъ изъ жердей треугольной формы саковъ, обтянутыхъ съ четырехъ сторонъ пологомъ; къ концамъ нижней жерди привязываются веревки съ вальками, въ которые и запрягается по лошади. У нѣкоторыхъ кобылколовокъ сзади, на оси, придѣлываются два колеска, служащія для того, чтобы пологъ не хваталъ земли. Около задней жерди пришивается бездонный мѣшокъ, а изъ кобылколовки въ него прорѣзывается отверзтіе; въ этомъ мѣшкѣ кобылка и сосредоточивается. Мѣшокъ, при ловлѣ, завязывается, а по накопленіи, развязывается; наловленную кобылку высыпаютъ отсюда въ другой мѣшокъ. Производительность такой кобылколовки, по словамъ Агапова, при 2-хъ лошадяхъ и 2-хъ поденьщикахъ, равна 12 пуд. въ день.

Смоленныя телѣжки (Батмановъ) были устроены двумя священниками въ Камышловскомъ уѣздѣ; но на практикѣ не привились, во первыхъ, вслѣд-

ствіе большаго расхода на смолу, а во вторыхъ, по малой производительности.

Батмановымъ былъ испытанъ снарядъ, устроенный по образцу, привезенному полковникомъ Шевелевымъ изъ Челябинскаго уѣзда. По испытаніи онъ далъ плохіе результаты; но Батмановъ не увѣренъ, что копія со снаряда была сдѣлана точно, такъ какъ челябинскую ловушку онъ видѣлъ мелькомъ и при устройствѣ ея могли случиться ошибки въ деталяхъ устройства. „Впрочемъ, пишетъ далѣе Батмановъ, устройство этого снаряда принесло свою долю пользы: оно натолкнуло крестьянъ на мысль устроить нѣчто подобное, съ небольшими измѣненіями. Устроенныя тѣлѣжки оказались очень практичными. Одна такая телѣжка замѣняла собой по производительности работу по крайней мѣрѣ трехъпологовъ, а между тѣмъ при ней требовалось только двое рабочихъ“.

Изъ прочихъ снарядовъ, употребляемыхъ при ловлѣ кобылки, упомянемъ объ энтомологическихъ сачкахъ, рекомендованныхъ г. Порчинскимъ.

Сравнительная оцѣнка этого снаряда и полога была произведена въ селѣ Каргопольскомъ (Шадринскаго уѣзда). Дѣлаемъ выписку изъ протокола испытанія способовъ вылавливанія кобылки пологами и сачками.

При опытѣ были соблюдены слѣдующія условія: 1) было поставлено одинаковое число лицъ, какъ съ пологами, такъ и съ сачками; 2) лица эти владѣли почти одинаковымъ навыкомъ въ обращеніи съ пологомъ и сачками; 3) вылавливаніе производилось на площади, приблизительно равномѣрно пораженной кобылкою; 4) работали тѣмъ и другимъ способомъ одинаковый промежутокъ времени.

По испытаніи оказалось: пять человѣкъ, занятыхъ ловлей пологами, въ теченіи одного часа наловили 9 фунтовъ; пять же человѣкъ, работавшихъ сачками (каждый съ отдѣльнымъ сачкомъ), наловили въ теченіи часа всего три фунта. Въ другомъ опытѣ, предпринятомъ въ Вознесенской волости, 5 рабочихъ съ сачками наловили менѣе кобылки, чѣмъ 3 рабочихъ съ пологомъ.

По мнѣнію г. Бодалева, сачекъ можно употреблять для вылавливанія кобылки только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно на тѣхъ полосахъ, которыя сплошь заражены кобылкою и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ распугиваніе не принесетъ особеннаго вреда, напр. на отдаленныхъ отъ посѣвовъ мѣстахъ, каковы покотины, лѣсные сколки, лѣса и проч. Вблизи же засѣянныхъ полосъ, напр. на межникахъ, сачекъ будетъ служить только для распугиванія кобылки, а не для вылавливанія; это легко можетъ представить каждый, кто только наблюдалъ движеніе кобылки. Если сдѣлать осторожный взмахъ сачкомъ, то конечно кобылка начинаетъ двигаться и часть ея, самая небольшая, попадаетъ въ сачекъ, а остальная, большая часть притаивается у земли или разсыпается въ стороны. Первый взмахъ сачка, по крайней мѣрѣ на аршинъ впереди, распугиваетъ кобылку; ни одна изъ нихъ не попадетъ въ сачекъ. Второй взмахъ сачкомъ приходится надъ мѣстомъ,

гдѣ кобылка распугана, отчего кобылки попадаетъ меньше, чѣмъ въ первый разъ и т. д. Разогнанная сачкомъ кобылка, по словамъ Бодалева, нападаетъ на ближайшіе посѣвы.

Романовъ указываетъ, что сакъ крестьянами дѣлается изъ толстаго холста, отчего мѣшокъ отъ вѣтра при ловлѣ не раздувается; къ тому же пространство, захватываемое сачкомъ, очень ничтожно. Сакъ энтомологическій, говоритъ Астафьевъ, въ моей практикѣ населеніемъ не былъ принятъ— не понравился. Батмановъ о сачкѣ отзывается такъ: онъ безспорно удобопримѣнимъ, но какого либо преимущества въ немъ предъ пологомъ я не нахожу; удобнѣе и производительнѣе ловить сачками крылатую кобылку, которая съ пологомъ успѣвала улетѣть ранѣе, чѣмъ ее удавалось стряхнуть.

Романову пришлось испытать сакъ, рекомендованный приставомъ 1 стана Ирбитскаго уѣзда Каміонко; по его мнѣнію, онъ болѣе удовлетворялъ цѣли, чѣмъ сакъ г. Порчинскаго. Сакъ этотъ дѣлается изъ тонкаго миткаля и холста, на подобіе рыболовной морды, которая на концѣ своемъ можетъ развязываться. При сачкованіи такимъ снарядомъ, кобылка попадаетъ въ переднюю часть сачка и при встряхиваніи проваливается въ заднюю часть, откуда обратный выходъ затруднителенъ. Когда въ мѣшкѣ наберется значительное количество кобылки, веревка развязывается и кобылка высыпается въ особый мѣшокъ. Задняя часть сачка (мѣшокъ) дѣлается изъ холста, для большей прочности, такъ какъ при ловлѣ эта часть волочится по землѣ и сильно трется. Стоимость сачка—около 50 коп.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о способахъ истребленія кобылки ядовитыми веществами. По опытамъ г. Батманова, обрызгиваніе посѣвовъ смоляной водой, керосиномъ—никакихъ благопріятныхъ результатовъ не дало. Бодалевъ производилъ, по порученію Шадринской земской управы, испытаніе дѣйствія на кобылку раствора карболовой кислоты, но также получилъ отрицательный результатъ: край пшеничной полосы въ 1 аршинъ ширины и 10 длины, опрыснутый растворомъ карболки, не сохранилъ отъ дальнѣйшаго пораженія всходовъ, находившихся какъ на немъ самомъ, такъ и на прилегающихъ частяхъ полосы. Романовъ испытывалъ въ Ирбитскомъ уѣздѣ мѣру, рекомендованную ему писаремъ Чистопереволочной волости (Оханскаго уѣзда), а именно: обливалъ поле отваромъ осинової коры. Эта мѣра, говоритъ Романовъ, была испробована на очень маленькомъ участкѣ, а потому дѣлать какіе либо выводы я пока не рѣшаюсь.

Сѣмянныя хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ Ирбитскаго уѣзда.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

П. А. Астафьева.

Какъ извѣстно, хорошія сѣмяна представляютъ одинъ изъ надежныхъ залоговъ обезпеченія урожая, поэтому изслѣдованіе хлѣбныхъ сѣмянъ во всякомъ хозяйствѣ составитъ всегда значительный интересъ, но, къ сожалѣнію, такое изслѣдованіе не общедоступно. Установленный путь изученія сѣмянъ состоитъ въ опредѣленіи: а) натурѣ сѣмянъ, в) абсолютнаго вѣса ихъ, с) чистоты, d) всхожести и е) хозяйственной годности. При массовомъ изслѣдованіи, для опредѣленія натурѣ (т. е. вѣса извѣстной единицы объема сѣмянъ, у насъ, обыкновенно, — четверти), надо имѣть подъ руками какую нибудь пурку, для опредѣленія абсолютнаго вѣса—вѣсы, съ точностію до санти или миллиграмма, а чтобъ показанія пурки или вѣсовъ были возможно ближе къ дѣйствительности, нужно еще дѣлать изслѣдованіе сѣмянъ на содержаніе въ нихъ влажности, для чего потребуются, по крайней мѣрѣ, столовая баня и термометръ. Для составленія понятія о чистотѣ или сорности хлѣбовъ, если хотимъ выводить таковое на основаніи изслѣдованія сколько нибудь большихъ количествъ зерна, не обойтись безъ набора пробныхъ ситъ, и только для опредѣленія одной всхожести, какъ показало дѣло на испытательной сѣмянной станціи въ Тарантѣ, руководимой извѣстнымъ профессоромъ Ноббе, можно не нуждаться въ приборахъ, если не считать за таковыя дюжину—двѣ или болѣе тарелокъ, пропускную бумагу да обыкновенный комнатный термометръ.

Только при наличности перечисленныхъ приборовъ изслѣдованіе сѣмянъ можетъ дать обстоятельное всестороннее понятіе о нихъ и будетъ заслуживать надлежащаго довѣрія. Но въ тоже время и менѣе удовлетворительно обставленное изслѣдованіе сѣмянъ все же не можетъ быть безслѣднымъ; и оно въ силахъ пролить нѣкоторый свѣтъ на одну изъ сторонъ нашей сельскохозяйственной культуры.

Руководствуясь послѣдними соображеніями, я дѣлалъ весной 1891 года попытку изслѣдовать сѣмяна колосовыхъ хлѣбовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ Ирбитскаго уѣзда. Въ этихъ цѣляхъ мной было посѣщено 70 хозяйствъ, въ 10 деревняхъ уѣзда, при чемъ было сдѣлано опредѣленій для:

а) пшеницы	80
в) ржи (яровой)	40
с) ячменя	50
d) овса	58

Всего . . . . . 228.

Но скажемъ предварительно нѣсколько словъ о здѣшнихъ хлѣбахъ вообще.

Изъ пшениць въ уѣздѣ культивируются двѣ разновидности *Triticum vulgare*, изъ группы рѣдкоколосыхъ, остистыхъ, или усатыхъ красныхъ пшениць. Зерна одной разновидности пшеницы—овальной формы, съ плохо обозначенной бороздкой, съ желтовато-матовой поверхностью, съ мучнистымъ изломомъ; зерна другой пшеницы скорѣе приближаются къ цилиндрической формѣ: бороздка здѣсь рѣзко обозначена, изломъ зерна напоминаетъ трех-угольникъ, поверхность излома съ нѣкоторымъ блескомъ; эти пшеницы являются болѣе распространенными въ уѣздѣ, сравнительно съ первыми, которыхъ онѣ еще и нѣсколько крупнѣе.

Ячмень у меня весь былъ четырех-гранный, но въ уѣздѣ есть отдѣльные случаи культуры и двухграннаго ячменя (*Hordeum distichon*).

Овесъ разводится здѣсь исключительно пленчатый и при томъ раскидистый (*Avena sativa patula*), съ желтовато-блестящей сорочкой (верхними пленками) зерна.

Величина отдѣльныхъ зеренъ данныхъ хлѣбовъ колеблется въ миллиметрахъ—

		С ѣ м я н а	
		Мелкія.	Крупныя.
для: а) пшеницы—одной *)	} разновид-	3—4	5—6
		4—5	6—8
	—другой }		
б) ржи		5—6	7—8
в) ячменя		6—7	8—11
г) овса		7—13	14—17

Такого рода хлѣба и подверглись моему изслѣдованію. Перейдемъ сейчасъ къ ознакомленію съ результатами его.

Натура хлѣбовъ опредѣлялась мной по *петербургской* пуркѣ**); группируя добытыя ею данныя въ пятичленные періоды, съ удержаніемъ наименьшихъ опредѣленій, узнаемъ, что въ нашемъ изслѣдованіи натура хлѣбовъ наблюдалась, опредѣляя ее въ *золотникахъ*.

	63—70	75	80	82,5	89—95	100	105	110	112,5	111,5—120	125	127	122,5—125	130	135	137	Всего опредѣлений
	Ч и с л о с л у ч а е в ѣ .																
для: а) овса	2	21	32	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	58
тоже въ ‰‰‰.	4	36	55	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100
б) ячменя	—	—	—	—	5	9	16	17	3	—	—	—	—	—	—	—	50
въ ‰‰‰.	—	—	—	—	10	18	32	34	6	—	—	—	—	—	—	—	100
в) ржи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	25	6	—	—	—	—	40
въ ‰‰‰.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	62	15	—	—	—	—	100
г) пшеницы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	19	47	8	80
въ ‰‰‰.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	24	59	10	100

*) Этой (матовой) разновидности пшеницы мной было встрѣчено очень мало, всего случаяхъ въ 15.

**) Насыпаніе зерна въ кадочку происходило при посредствѣ воронки, какая бываетъ при гамбургскихъ пуркахъ; держалась воронка надъ кадочкой не выше какъ на 1—1¼ дюйма.

Взявъ *среднее* изъ этихъ данныхъ, увидимъ, что натура будетъ для:
 а) овса. . 74,1 зол. или 5 п. 25 ф. въ четв., при колебаніи 4 п. 31 ф.— 6 п. 10 ф.
 б) ячменя . 103,2 „ или 7 „ 33 „ „ „ 6 „ 24 „ — 8 „ 21 „
 в) ржи . . 120,4 „ или 9 „ 05 „ „ „ 8 „ 20 „ — 9 „ 25 „
 г) пшеницы. 126,4 „ или 9 „ 24 „ „ „ 9 „ 10 „ — 10 „ 16 „

А г. Черняевъ, въ своемъ сочиненіи: „Очистка и сортировка сѣмянъ“, натуру для хлѣбовъ также въ среднемъ даетъ такую (стр. 1 и 14):

	Для товарныхъ сортовъ.	Для сѣмянныхъ.
1 четверть овса . .	7 п. — ф.	7 п. 24 ф.
„ ячменя	8 „ 8 „	9 „ — „
„ ржи	9 „ — „	9 „ 24 „
„ пшеницы 9 „ 24 „	9 „ 24 „	10 „ — „

Такимъ образомъ, наши хлѣба, хотя и сѣмянные, подходятъ по своей натурѣ только къ товарнымъ сортамъ. Оно такъ и должно быть. Въ 99 здѣшнихъ хозяйствахъ изъ 100, единственной сортировальной машиной является только лопата, а съ ней, разумѣется, не достигъ такой раздѣлки сѣмянъ, какой возможно добиться при умѣломъ пользованіи хотя бы сортировкой, по вѣсу или даже по объему. А тутъ еще и рыночныя требованія къ посѣвному зерну и собственный взглядъ на него самаго хозяина (разумѣется крестьянина) тѣже самые, что и къ товарному хлѣбу. Смотрятъ только на внѣшній видъ зерна, выбирая, чтобъ оно было глянцевито, не заключало бурыхъ зеренъ, указывающихъ на пересушку зерна при молотѣбѣ или на задрѣлость хлѣба въ клады, не было бы заражено головней, засорено сѣмянами травъ, особенно полетаемъ (*Avena fatua*) или рыжикомъ (*Camelina sativa*),— и только. А что зерна неровны, что хлѣбъ состоитъ на половину изъ крупныхъ зеренъ, на половину изъ мелкихъ—на это вниманія не обращается; подтвержденіе этому встрѣчаемъ, опредѣляя *абсолютный* вѣсъ хлѣбовъ.

Для послѣдней цѣли, изъ каждаго захваченнаго мной образца, въ зависимости отъ его вѣсовой величины (а она колебалась у

пшеницы между	4,37—17,50	граммовъ.
ярицы	4,34—11,97	„
ячменя.	3,04—10,73	„
овса.	4,02—14,39	„),

я бралъ по нѣсколько зеренъ, круглыхъ и мелкихъ *отдѣльно*. Это количество испытываемыхъ зеренъ равнялось:

	Въ среднемъ.		Колебанія.	
	Крупнаго зерна.	Мелкаго зерна.	Крупнаго зерна.	Мелкаго зерна.
для: а) пшеницы изъ 16 образцовъ.	89	96	30—150	40—150
б) ржи „ 9 „	61	64	40—100	40—100
в) ячменя „ 14 „	12	55	10— 20	30—100
г) овса „ 16 „	20	103	10— 30	55—165

Отобранныя зерна, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подвергались взвѣшиванію. Переводя затѣмъ полученный такимъ путемъ вѣсъ извѣстнаго числа зеренъ на сотню, получимъ абсолютный вѣсъ равнымъ *въ среднемъ* для:

	Абсолютный вѣсъ 100 зеренъ.		Колебанія въ абсолютномъ вѣсѣ у зеренъ.	
	Крупн.	Мелк.	Крупн.	Мелк.
	Г Р А М М О В Ъ.			
а) пшеницы	2,35	1,09	1,69—3,71	0,68—1,64
б) ржи	2,03	0,89	1,60—2,26	0,67—1,65
в) ячменя	4,17	1,98	3,30—4,85	1,55—2,43
г) овса	2,91	1,25	2,47—3,50	0,78—1,52

Уже одно различіе въ абсолютномъ вѣсѣ крупныхъ и мелкихъ сѣмянъ, наблюдаемое во всѣхъ случаяхъ, можетъ указывать на невыровненность зрѣвшихъ сѣмянъ хлѣбныхъ растений; но еще рѣзче выступаетъ этотъ недостатокъ, когда узнаешь, на сколько можно это по изслѣдованнымъ образцамъ, взаимное отношеніе въ хлѣбахъ мелкихъ и крупныхъ зеренъ, которое оказывается таковымъ:

	П о в ѣ с у.	
	Крупн.	Мелкія
Въ пшеницѣ зерна составляютъ	22 ⁰ / ₁₀₀	20 ⁰ / ₁₀₀
„ ржи „ „	17 ⁰ / ₁₀₀	31 ⁰ / ₁₀₀
„ ячменѣ „ „	9 ⁰ / ₁₀₀	41 ⁰ / ₁₀₀
„ овсѣ „ „	11 ⁰ / ₁₀₀	27 ⁰ / ₁₀₀ *)

А изъ агрономической науки намъ извѣстно, что крупныя и мелкія зерна окупаютъ себя въ урожаѣ неодинаково, а именно, первыя даютъ всегда повышенный урожай, вторыя—пониженный, сравнительно съ урожаемъ отъ зеренъ средней величины. Числовыя данныя объ этомъ находимъ, наприм., у Габерланда, въ его „Растеніеводствѣ“, гдѣ на стр. 109 (по изд. Девріена, СПБ. 1880 г.) читаемъ: „каждая сотня растений, изъ мелкихъ, среднихъ и крупныхъ сѣмянъ, дала слѣдующій урожай: Зерномъ въ грам.

100 растений изъ мелкихъ сѣмянъ	236
„ „ „ среднихъ „	313
„ „ „ крупныхъ „	378“.

Хотя изъ данныхъ Габерланда и не слѣдуетъ того, чтобы повышенный урожай отъ крупныхъ зеренъ балансировалъ собой пониженный отъ мелкихъ, если принимать за единицу для сравненія урожай отъ среднихъ зеренъ; но

*) Недостающее здѣсь количество до 100% должно быть отнесено на долю зеренъ средней величины.

для простоты допустимъ, что этого нѣтъ на дѣлѣ, что въ дѣйствительности балансъ получается удовлетворительный,—то при этомъ условіи вынуждены будемъ признать, что у насъ несомнѣнно убыточными являются сѣмяна ржи, ячменя и овса, въ которыхъ мелкія зерна, какъ слѣдуетъ изъ приведенныхъ ранѣе данныхъ, преобладаютъ надъ крупными—въ первомъ хлѣбѣ на 14⁰/₀, во второмъ на 32⁰/₀ и въ третьемъ на 16⁰/₀.

Попробуемъ же сдѣлать сейчасъ расчетъ тѣхъ потерь, какія происходятъ, хотя бы только въ экономіи одного нашего уѣзда, отъ посѣва хлѣбовъ уже опредѣлившимися въ нашемъ понятіи сѣмьянами. Поведемъ расчетъ на 1 десятину.

Прежде всего, признаемъ, для круглаго счета, что 1 пудъ равняется 16400 грам.; затѣмъ, по формулѣ $X : 16400 = a : 100$ (гдѣ подъ a будемъ разумѣть ⁰/₀, на который количество мелкихъ зеренъ превышаетъ таковое же крупныхъ), опредѣлимъ сначала *вѣсовое* количество мелкихъ зеренъ въ пудѣ, при чемъ будемъ имѣть, что ихъ (т. е. мелкихъ зеренъ) во ржи 2296 грам., въ ячменѣ 5248 грам. и въ овсѣ 2624 грам. А эти *вѣсовыя* величины мелкихъ зеренъ, при посредствѣ отысканнаго нами въ своемъ мѣстѣ абсолютнаго вѣса такихъ зеренъ, переведемъ въ *числовыя*; тогда окажется, что въ нашемъ случаѣ мелкихъ зеренъ будетъ во ржи 2580 штукъ, въ ячменѣ 2650 и въ овсѣ 2100.

Допустимъ далѣе, что изъ найденныхъ сейчасъ количествъ зеренъ, около ¹/₅ части ихъ, по разнымъ причинамъ, погибнутъ, такъ что у насъ будетъ имѣться растеній отъ сѣмянъ ржи только 2000 штукъ, отъ ячменя 2100 и отъ овса 1700. Но такое количество растеній отъ мелкихъ сѣмянъ превышаетъ количество отъ крупныхъ только при расчетѣ на 1 пуд., между тѣмъ на десятину сѣется значительно болѣе пуда. Возьмемъ данныя о послѣднемъ изъ министерскаго изданія: „Урожай 1890 г.“ (СПБ. 1891, вып. XIV), гдѣ значится, что въ здѣшнемъ уѣздѣ высѣвается (см. 94—95 стр.) на 1 десятину

яровой ржи	11,7 пуд.
ячменя	11,2 „
овса	13,4 „

Соотвѣтственно такому количеству сѣмянъ на 1 десятину поднимается и число растеній на ней отъ мелкихъ зеренъ, превышающее собой количество растеній отъ крупныхъ, а по габерландовскимъ даннымъ мы видѣли, что каждые 100 растеній отъ мелкихъ зеренъ понижаютъ сборъ, сравнивая его съ урожаемъ отъ среднихъ зеренъ, въ 77 грам., а съ урожаемъ отъ крупныхъ—въ 142 грам. Это будутъ послѣднія данныя для вычисленія недобора въ урожаѣ съ 1 дес. посѣва, при производствѣ его сѣмьянами знакомаго намъ качества. Техника самого вычисленія наглядно выразится такой формулой:

$$X = \frac{77 : A. B. 2,44 \text{ фунтамъ недобора съ 1 дес.}}{100. 1000.}$$

если сравнивать потери съ урожаемъ отъ среднихъ сѣмянъ; въ случаѣ же сравненія съ урожаемъ отъ крупныхъ зеренъ, первый коэффициентъ формулы замѣнится 142, а въ остальномъ она останется безъ измѣненія. Надѣюсь, что первый коэффициентъ формулы не требуетъ объясненія, о другихъ же замѣчу, что подѣ А надо разумѣть число (*въ сотняхъ*) растений отъ мелкихъ сѣмянъ, превышающее собой количество растений отъ крупныхъ зеренъ въ 1 пудѣ посѣва; подѣ В—количество сѣмянъ на 1 дес., а 2,44 должны выражать килограммъ, переведенный въ фунты.

Дѣлая теперь рѣшенія по объясненной формулѣ, найдемъ, что *недоборъ съ 1 десятины* посѣва, при сѣмянахъ здѣшней отдѣлки, выражается для ржи въ 44 и 81 фун., смотря потому, сравниваемъ ли сборъ съ урожаемъ отъ среднихъ или отъ крупныхъ зеренъ, *недоборъ для ячменя въ 44—79 ф.* и для овса въ 43—79 фун.

Казалось бы, что такія потери ничтожны, но достаточно припомнить, что въ сѣвооборотѣ уѣзда, подѣ рожью (яровой) бываетъ, какъ напр., въ нынѣшнемъ году, до 16 тыс. дес., подѣ ячменемъ 13 тыс. и подѣ овсомъ 29 тыс., а при такомъ количествѣ посѣва названныхъ хлѣбовъ, общій *недоборъ въ урожай*, при нашихъ условіяхъ, выразится, не считая ржи и пшеницы, сѣющихся въ уѣздѣ на пространствѣ тысячъ въ 40 десятинъ:

для ярицы въ 17— 32 т.
„ ячменя „ 14— 26 „
„ овса „ 31— 51 „
62—109 тысячъ пудовъ,

то есть, *недоборъ* оказывается равнымъ по своей стоимости *всей суммѣ крестьянскихъ платежей въ земство*, судя, напр., по 1892 году, на который по смѣтѣ Ирбитскаго земства поступленіе окладовъ съ крестьянскихъ земель и лѣсовъ исчислялось въ 100200 руб.

И это потери, полученные *при самомъ минимальномъ расчетѣ!*... Но въ литературѣ есть и другія указанія для такого расчета; не могу воздержаться, чтобъ не привести ихъ, хотя это и покажется нѣкоторымъ отступленіемъ въ сторону. Возьмемъ, напр., сообщенія нынѣшняго года.

Въ экономіи г. Кисловскаго, въ Рязанской губерніи, при посѣвѣ ржи въ 1889 году, одна десятина въ навозномъ полѣ была раздѣлена на 3 равныхъ участка, засѣянные—*первый* сортированными сѣмянами, вѣсомъ въ 10½ пуд. четверть, *второй* несортированнымъ зерномъ, вѣсомъ въ 9 п. 22 ф. четверть, и *третій*—полученнымъ отъ сортированія вторымъ сортомъ, вѣсившимъ 8 п. 26 ф. въ четверти. При обмолотѣ урожая опытныхъ участковъ оказалось, что получено зерна—

съ 1 участка 47 п. 11 ф., или въ переводѣ на 1 дес., 131 п. 33 ф.
„ 2 „ 28 „ 35 „ „ „ 86 „ 26 „
„ 3 „ 14 „ 10 „ „ „ 42 „ 30 „

Или опытъ съ овсомъ, сдѣланный въ той же экономіи: ½ дес. овса, засѣянной сѣмянами вѣсомъ въ 7 п. 23 ф. четверть, дала урожай въ 66 п.,

другая половина того же поля, для которой сѣмяна были взяты всего лишь въ 6 п. 24 ф. четверть—уродила только 40 пуд.*).

Но вотъ еще результаты другаго опыта съ овсомъ, имѣвшимъ мѣсто въ Орловской губ., гдѣ въ имѣніи г. Рейштахъ-Рита десятина овса, засѣянная отборными сѣмянами, дала 80¹/₂ п. зерна, а рядомъ съ ней десятина, занятая простыми сѣмянами, уродила только 63³/₄ пуд.*).

Какъ видите, въ приведенныхъ опытахъ потери въ урожаѣ, съ 1 десятины посѣва, отъ употребленія сѣмянъ менѣе, чѣмъ желательнаго качества, считаются уже не десятками фунтовъ, какъ ограничились мы, а цѣлыми десятками пудовъ. Прошу представить себѣ, какія бы получились по истинѣ ужасныя цифры потери въ нашихъ хозяйствахъ, если расчеты такихъ потерь вести по масштабу послѣднихъ опытовъ.

Но будемъ продолжать наше изслѣдованіе. Перейдемъ къ сообщенію о взаимномъ отношеніи въ овсѣ пленокъ къ чистому зерну.

На этотъ счетъ мной сдѣлано 10 опредѣленій, при чемъ для cadaго изъ нихъ сѣмяна овса брались изъ разныхъ образцовъ, безъ раздѣленія сѣмянъ на крупныя или мелкія, а прямо какія захватились. Каждый взятый образецъ подвергался отдѣльному взвѣшиванію, наименьшій вѣсъ образца былъ 2, наибольшій 11 грам.; всѣ же 10 навѣсокъ вмѣстѣ дали 24,86 грам. А вѣсъ пленокъ изъ всѣхъ 10 опредѣленій достигъ всего 6,65 грам., что составляетъ 27% общаго вѣса зерна; это и будетъ средній выводъ; въ частности же пленки, по отношенію къ вѣсу чистаго зерна, дали 25%—въ 3 случаяхъ, 26% въ 2 сл., 27%—въ 1 сл., 28%—въ 3 сл. и 29%—въ 1 случаѣ.

Принимая во вниманіе, что содержаніе пленокъ въ овсѣ можетъ колебаться, судя по Габерланду***), между 17—50% въ нашемъ овсѣ отношеніе ихъ къ чистому зерну еще довольно благоприятно.

Чистота хлѣбковъ опредѣлялась по навѣскамъ (на тарифныхъ вѣсахъ) для:

- a) пшеницы чаще въ 50—60 грам.
- b) яр. ржи и c) ячменя 50 „
- d) овса . . . . . 40 „

Впередъ допускаю что выводы, основанные на столь незначительныхъ величинахъ, имѣли ограниченное значеніе, но поступить иначе я не могъ: пробныхъ ситъ подъ руками у меня не было. Ожидая выраженное замѣчаніе, сдѣлаю сообщеніе о чистотѣ хлѣбковъ очень недлиннымъ.

Чистота пшеницы опредѣлялась въ 73 случаяхъ, ржи—въ 40, ячменя—въ 47 и овса—въ 55. Общая величина навѣсокъ равнялась для пшеницы 4000 грам., для ржи—1920 грам., для ячменя—2370 грам. и для овса 2350 грам. О количествѣ сорныхъ примѣсей (сѣмянъ разныхъ травъ и

*) См. „Земл. Газету“ 1891 г., № 11: „Сортированіе сѣмянъ какъ средство повышенія урожая“, ст. Ненастьяина.

**) См. „Земл. Газету“ 1891 г., № 45, стр. 908, колонна первая.

***) См. его: „Растеніеводство“, стр. 120, изд. 1880 г.

сѣмянъ хлѣбовъ, не принадлежащихъ къ данному роду) во взятыхъ нами навѣскахъ даетъ понятіе нижеслѣдующая таблица, въ коей наши данныя сопоставлены съ данными о количествѣ примѣсей въ хлѣбахъ, изъ наблюденій петербургской сѣмянной испытательной станціи.

Было примѣсей въ навѣскахъ.	При нашемъ изслѣдованіи.			При изслѣдованіи петерб. испыт. сѣмян. станціи *).		
	Сред.	мах.	min.	Сред.	мах.	min.
	Въ ‰ ‰ ‰.			Въ ‰ ‰ ‰.		
а) пшеницы	0,8	2,6	0,0	0,6	6,5	0,0
б) ржи	1,0	1,9	0,0	1,6	9,6	0,0
в) ячменя	1,8	4,9	0,0	2,9	15,0	0,0
г) овса	1,0	2,5	0,0	1,0	7,8	0,0

Хорошо, разумѣется, еслибъ дѣйствительно такая была чистота нашихъ хлѣбовъ, но такой ли бы получилась она, еслибъ вести опредѣленія ея на большихъ величинахъ, чѣмъ навѣски въ 40—60 грам.,—остается еще вопросомъ.

На всхожесть мной было испытано 16 образцовъ пшеницы, 11—ярицы, 16—ячменя и 24—овса.

Въ каждомъ случаѣ для проращиванія было брано по 200 зеренъ. Зерна брались такимъ путемъ: данный образецъ хлѣбныхъ сѣмянъ разбрасывался по листу бумаги, послѣ чего отсюда, изъ разныхъ мѣстъ, захватывалось по щепоткѣ зеренъ и производился отсчетъ ихъ, безъ всякаго выбора между величиной зеренъ.

Самое проращиваніе велось въ пропускной бумагѣ, положенной въ тарелки, гдѣ бумага смачивалась водой 3 раза въ сутки. Остановиться на этомъ способѣ проращиванія меня побудило высокое мнѣніе о немъ Габерландта, который говоритъ: „Проращиваніе между пропускной бумагой не оставляетъ желать ничего лучшаго въ отношеніи какъ совершенства проростанія, такъ и быстроты этого процесса. Недостатка воздуха (тяги) быть не можетъ; даже тогда, когда бумага увлажнена очень сильно, сѣмяна все еще пользуются большимъ количествомъ кислорода, чѣмъ при проростаніи, напр., въ водѣ. Нечего беспокоиться и о вредномъ скопленіи углекислоты“ **).

Кромѣ этого, проращиваніе въ намоченной пропускной бумагѣ, сложенной въ нѣсколько разъ и помѣщенной въ тарелкѣ, считается самымъ

*) См. „Календарь и Справочная Книжка», Баталина на 1890 г., стр. 111, часть II.

**) См. «Растеніеводство» Габерландта, СПб. изд. 1880 г., стр. 125.

лучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ и на Тарантской контрольной сѣмянной станціи*).

Тарелки стояли у меня въ кухнѣ, на особыхъ полкахъ; повѣшенный здѣсь реомюровъ термометръ показывалъ t въ 20—23°.

Въ каждомъ случаѣ проращиваніе велось не менѣе какъ въ теченіи 10 дней. Первый осмотръ сѣмянъ дѣлался—пшеницы, ржи и ячменя—черезъ сутки, овса—черезъ двое сутокъ, на третьи; слѣдующіе осмотры повторялись ежедневно. При каждомъ осмотрѣ старательно отбирались всѣ проросшія въ теченіи данныхъ сутокъ зерна.

При такихъ осмотрахъ Габерландтъ допускаетъ вынимать изъ ростиль каждое сѣмя, „лишь только высунувшійся корешокъ его достигнетъ опредѣленной длины, напр., *двухъ миллиметровъ*“**), но мной зерна съ такой длины корешкомъ оставались еще на слѣдующія сутки; старался же я брать только зерна съ корешками не меньше 4—3 мм.

При такомъ отношеніи къ проращиваемымъ сѣмянамъ и уходу за ними, у меня получились результаты, сопоставляя которые съ данными всхожести, полученными при опытахъ петербургской испытательной сѣмянной станціи, будемъ имѣть такую таблицу.

Проростали.	При моихъ опытахъ.			При опыт. петерб станціи***).				
	Число слу- чаевъ испы- таній.	Всхожесть въ ‰.			Число слу- чаевъ испы- таній.	Всхожесть въ ‰.		
		Средн.	Наибол.	Наимен.		Средн.	Наибол.	Наимен.
а) пшеница	16	91,7	98,0	74,5	62	93,5	99,8	59,4
б) рожь	11	94,4	98,5	79,0	59	91,2	99,6	61,4
в) ячмень	16	89,4	100	75,5	28	86,3	99,1	49,6
г) овесъ	24	91,7	100	68,5	54	84,7	100	32,2

Всего плоше шло проростаніе ячменя. Онъ далъ *ниже средняго* для него ‰ всхожести 7 случаевъ, что составляетъ 44‰ всего числа испытаній ячменя; въ овсѣ *такихъ* случаевъ получилось 9, или 38‰, въ ржи—4, или 36‰ и меньше всего въ пшеницѣ, а именно 5 случаевъ, или 31‰ всего числа испытаній этого хлѣба.

Къ сожалѣнію, подобныхъ приведеннымъ сейчасъ свѣдѣніямъ мы не знаемъ для опытовъ петербургской испытательной станціи, такъ что для

*) См. Земл. Газету за 1889 г. № 34 ст. Богданова „Новыя улучшенія въ технику изслѣдованія сѣмянъ“.

**) См. „Растеніеводство“ Габерланда, стр. 126.

***) См. „Календаръ и справочная книжка“ Баталина, на 1890 г., часть II, стр. 111.

сужденія о достоинствѣ здѣшнихъ хлѣбныхъ сѣмянъ сравнительно съ тѣми, съ которыми имѣла дѣло петербургская станція, намъ приходится руководствоваться только данными одной вышеприведенной таблицы, а она, къ удовольствію, въ пользу здѣшнихъ хлѣбовъ.

Къ тому же и энергія проростанія, этотъ столь цѣнимый факторъ въ сѣмянахъ, въ нашихъ опытахъ была высока, скоро и дружна. А именно, максимум проростанія приходился, кромѣ овса, во всѣхъ хлѣбахъ на 2 день, за исключеніемъ 4 случаевъ съ пшеницей, когда въ 3 изъ нихъ максимум проростанія выпалъ на 3 день, при чемъ проросшихъ сѣмянъ было 66,72 и 84, и въ 1 случаѣ—на 4 день, когда максимум равнялся только 57; въ двухъ изъ этихъ случаевъ (максимумы проростанія ихъ подчеркнуты) всхожесть получилась ниже средней.

Овесъ, осмотръ котораго начинался съ 3 дня, на этотъ день давалъ и максимум проростанія, за исключеніемъ одного случая, когда наибольшее число зеренъ (116) проросло на 4 день; овесъ въ этомъ случаѣ получился со всхожестью ниже средняго.

Вообще энергія проростанія здѣшнихъ хлѣбныхъ сѣмянъ выражается такъ: для—

а) пшеницы среднее	115 зеренъ,	при колебаніи	87 —165 зеренъ.
тоже въ 0/00.	57,5	„	43,5— 82,5 „
б) ржи	187	„	157 —197 „
въ 0/00.	93,5	„	78,5— 98,5 „
с) ячменя	153	„	84 —196 „
въ 0/00.	76,5	„	42 — 98 „
д) овса	156	„	101 —194 „
въ 0/00.	78	„	50,5—197 „

Этимъ кончаю свѣдѣнія о проращиваніи сѣмянъ.

Затѣмъ мнѣ слѣдовало бы перейти сейчасъ къ опредѣленію *хозяйственной годности*; но такъ какъ это возможно не иначе какъ только при посредствѣ данныхъ о степени чистоты хлѣбовъ, а я къ нимъ не имѣю достаточнаго довѣрія, то опредѣленіями ея заниматься не буду. Такимъ образомъ, вопросъ о годности изслѣдованныхъ мною сѣмянъ считаю открытымъ.

На этомъ кончается мое изслѣдованіе здѣшнихъ хлѣбныхъ сѣмянъ. Въ параллель къ нему думаю не лишнимъ будетъ сообщить, какъ проращиваютъ сѣмяна въ деревнѣ; свѣдѣнія объ этомъ я имѣю отъ 2 священниковъ, 1 псаломщика, 2 учителей и 10 крестьянъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, проращиваніе сѣмянъ въ деревнѣ ведется традиціоннымъ путемъ,—въ корытцѣ съ землей, о чемъ получено 12 сообщеній, или въ моху (1 сообщеніе), и только въ отдѣльныхъ случаяхъ сѣмяна проращиваются въ сукнѣ просто или въ сукнѣ, покрытомъ тряпкой и въ

тарелкѣ при томъ. Для проращиванія берутъ, въ среднемъ изъ 71 показанія*), по 23 зерна, но въ нѣкоторыхъ (11⁰/₀ всѣхъ сообщеній) случаяхъ ограничиваются и 10 зернами, а въ другихъ (6⁰/₀) увеличиваютъ это число до 50, и это уже maximum проращиваемыхъ зеренъ. Берутся зерна безъ всякаго выбора. Проращиваніе ведется въ среднемъ въ теченіи 9 дней, въ отдѣльныхъ же случаяхъ въ 6—14 дней.

Процентъ всхожести, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, достигается для:

	Среднее.	Колебанія.
а) пшеницы, изъ 20 случаевъ	88,2 ⁰ / ₀	73—100 ⁰ / ₀ .
б) ржи, изъ 15 случаевъ	88,5 ⁰ / ₀	62—100 ⁰ / ₀ .
в) ячменя, изъ 18 случаевъ	89,0 ⁰ / ₀	76—100 ⁰ / ₀ .
г) овса, изъ 18 случаевъ	84,0 ⁰ / ₀	56—100 ⁰ / ₀ .

Но значенія всхожести придается, кажется, немного, если судить по количеству высѣваемыхъ на 1 дес. сѣмянъ, показанныхъ корреспондентами при различныхъ ⁰/₀ всхожести даннаго хлѣба. Именно: при всхожести, напр., пшеницы въ 100 и 73⁰/₀, на 1 десятину высѣвается одинаковое число сѣмянъ, въ обоихъ случаяхъ—12 пуд.; или при всхожести ярицы въ 100 и 80⁰/₀, сѣмянъ берутъ въ обоихъ случаяхъ по 12 пуд., при всхожести овса въ 100 и 80⁰/₀ употребляютъ сѣмянъ по 14 пуд.; вообще подобныхъ примѣровъ можно бы дать массу, даже по тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, какими я сейчасъ располагаю.

Какой же возможенъ выводъ изъ настоящей замѣтки?

По моему, тотъ, что *повышенія урожая у насъ, въ крестьянскомъ хозяйствѣ, еще возможно достигнута такимъ сравнительно простымъ средствомъ, какъ хорошая отдѣлка посѣвнато сѣмянъ*. Для этого необходимо, прежде всего, поколебать легкое отношеніе крестьянъ къ качеству хлѣбныхъ сѣмянъ, для чего нужно дать на *крестьянскій рынокъ действительно сѣмянной хлѣбъ*, а не товарный, какъ это наблюдается у насъ.

Кто же исполнить эту задачу?

Для района крестьянскаго хозяйства нашего края—мнѣ кажется—не частныя лица,—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, когда за сѣмяна хорошей отдѣлки придется брать цѣны, какъ за товарный сортъ, такъ какъ покупатель, котораго мы имѣемъ въ виду и взгляды котораго уже знаемъ,—не придаетъ значенія качеству сѣмянъ, а вслѣдствіе этого и не оцѣнить ихъ, какъ бы слѣдовало. Измѣнить онъ свое отношеніе къ предлагаемымъ ему сѣмянамъ хлѣба тогда, когда испытаетъ ихъ въ своемъ хозяйствѣ, что сдѣлаетъ лишь въ томъ случаѣ, если увидитъ, что можно купить ихъ за привычную для него цѣну.

*) Число показаній больше числа корреспондентовъ потому, что каждый изъ нихъ далъ, по интересующему насъ дѣлу, по нѣсколько свѣдѣній, относя ихъ къ разнымъ хлѣбамъ и даже къ разнымъ сортамъ одного и того же хлѣба.

Не надѣясь, вслѣдствіе приведенныхъ соображеній, на инициативу введенія въ крестьянское хозяйство сѣмянъ высокой отдѣлки со стороны частныхъ лицъ, мы видимъ, въ тоже время, что такимъ дѣломъ могли бы и должны заняться наши *земскія фермы*, гдѣ онѣ существуютъ, тѣмъ болѣе, что и открытіе ихъ вызвано надеждами—*поднять черезъ нихъ сельское хозяйство въ край.*

Время сельско-хозяйственныхъ работъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

А. Б. Кунгурцева.

Статистическимъ бюро при Красноуфимской уѣздной земской управѣ, начиная съ 1888 г., собирались свѣдѣнія о сельско-хозяйственной жизни уѣзда, по программамъ, выработаннымъ этимъ бюро. Свѣдѣнія эти потомъ поступали въ разработку и бюро выпускало „обзоры уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“, за каждый годъ. Названные обзоры и послужили мнѣ для составленія настоящей статьи.

Уѣздъ, по его естественно-историческимъ условіямъ, раздѣляется на два района—степной и лѣсной. Въ первый входятъ волости: В.-Суксунская, Златоустовская, Торговижская, Сыринская, Быковская, Алтыновская, Богородская, Кріулинская, Александровская, Ачитская, Манчажская, Ювинская, Большая Окинская, Н.-Златоустовская, Сажинская, Азигуловская, Поташинская, Бѣлянковская, Шокуровская и Шемахинская; во второй—Алмазская, Мостовская, Петропавловская, Саранинская, Енапаевская, Иргинская, Суксунская, Утинская, Агаѳоновская, Аѳанасьевская, Кленовская, Киргишанская, Молебская, Сылвинская, Шайтанская, Атигская, Уткинская, Нижне и Верхне-Сергинскія, Михайловская и Нязепетровская.

I.

Начало и конецъ весенней вспашки подъ посѣвъ яроваго хлѣба, въ среднемъ, за указанный періодъ, опредѣляется слѣдующими числами:

	Начало вспашки.	Колебанія.	Конецъ вспашки.	Колебанія.
Степная часть уѣзда. . .	21 Апрѣля	15iv— 1v	13 Мая	8v—24v.
Лѣсная „ „ . . .	22 „	19iv—30iv	14 „	10v—20v.
Среднее по уѣзду . . .	22 „	9iv— 1v	11 „	1v—26v.

Начало же и конецъ сѣва яровыхъ хлѣбовъ показанъ въ таблицахъ 1-й и 2-й.

Начало сѣва яровыхъ хлѣбовъ.

Табл. 1-я.

	Степная часть уѣзда.		Лѣсная часть уѣзда.		Въ среднемъ выводѣ.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Гороха	25iv	20iv— 2v	27iv	21iv— 2v	24iv	20iv— 3v
Ярицы	26 „	20 „ — 5„	29 „	25 „ — 4„	25 „	20 „ — 7„
Пшеницы	28 „	20 „ — 5„	28 „	21 „ — 3„	25 „	21 „ — 5„
Овса	30 „	23 „ — 5„	1 v	24 „ — 7„	28 „	21 „ — 7„
Ячменя	4v	24 „ —11„	3 „	26 „ — 9„	2 v	25 „ —11„
Льна	18„	14 v —23„	18 „	10 v —26„	18 „	13 v —26„
Конопли	18„	11 „ —26„	17 „	10 „ —22„	17 „	6 „ —26„
Проса	15„	1 „ —25„	17 „	10 „ —26„	15 „	1 „ —26„
Полбы	7„	—	7 „	—	7 „	—
Рѣпы	20„	—	25 „	—	22 „	—

Конецъ сѣва яровыхъ хлѣбовъ.

Табл. 2-я.

	Степная часть уѣзда.		Лѣсная часть уѣзда.		Въ среднемъ выводѣ.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Гороха	1 v	25iv— 9v	3 v	25iv—13v	2 v	24iv—12 v
Ярицы	4 „	27 „ —14„	6 „	30 „ —15„	6 „	28 „ —15 „
Пшеницы	9 „	1 v —16„	9 „	28 „ —20„	9 „	28 „ —20 „
Овса	17 „	8 „ —23„	18 „	7 v —24„	16 „	6 v —24 „
Ячменя	14 „	5 „ —23„	14 „	6 „ —23„	15 „	4 „ —24 „
Льна	18 „	16 „ — 1vii	21 „	18 „ — 2vi	21 „	15 „ — 1vi
Конопли	18 „	15 „ — 1vi	18 „	17 „ —28v	18 „	15 „ — 1 „
Проса	11 „	10 „ —25 v	11 „	12 „ —26„	11 „	10 „ —26 v
Полбы	22 „	—	22 „	—	22 „	—
Рѣпы	23 „	—	24 „	—	23 „	—

Между концемъ сѣва яровыхъ хлѣбовъ и началомъ обработки пара проходитъ около двухъ недѣль. Такой періодъ установила практика мѣстнаго крестьянскаго хозяйства почти для всего уѣзда. Перерывъ этотъ дѣлается чуть ли не исключительно для того, чтобы дать возможность поправиться на подножномъ корму забитымъ во время весенней пахоты лоша-

дямъ. Населеніе вполне сознаетъ, что ранняя вспашка паровъ несравненно лучше поздней и нѣкоторые изъ хозяевъ, по преимуществу зажиточные, начинаютъ пахать пары почти сейчасъ-же по окончаніи весеннихъ посѣвовъ. Въ таблицѣ 3-й показано время вспашки паровъ.

Табл. 3-я.

	1-я вспашка		2-я вспашка.			
	СРЕД. ВЫВ.	КОЛЕБАНИЯ.	Начало.		Конецъ.	
			СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда	19v	13v—25v	20vi	10vi—30vi	9vii	18vi—1viii
Лѣсная " "	21,,	10,,—26,,	16 "	12 "—27 "	19 "	22 "—3 "
Среднее по уѣзду .	20,,	9,,—26,,	21 "	10 "—1vii	14 "	17 "—6 "

Между первой и второй вспашкой пара проходитъ такимъ образомъ около мѣсяца. Въ это время пары подбораниваютъ и на нѣкоторые изъ нихъ вывозятъ навозъ.

Время вывозки навоза можно видѣть изъ таблицы 4-й.

Табл. 4-я.

	Начали возить навозъ.		Окончили возить навозъ.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда	6vi	13v—9vi	22vi	10v—30vi
Лѣсная " "	6 "	20,,—7 "	21 "	13vi—1vii
Среднее по уѣзду	5 "	24,,—13 "	21 "	10 "—2 "

Озимая рожь сѣется обыкновенно по неподборанованному паровому полю; время работы опредѣлено въ табл. 5-й.

Табл. 5-я.

	Начало посѣва озими.		Конецъ посѣва озими.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда	30vii	24vii—5viii	19viii	9viii—28viii
Лѣсная " "	28 "	19 "—6 "	16 "	8 "—22 "
Среднее по уѣзду	1viii	17 "—6 "	18 "	7 "—3ix

Немного раньше посѣва озимой ржи, въ текущемъ году, начинается уборка урожая посѣва предъидущаго года, время же уборки остальныхъ хлѣбовъ въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ періодомъ сѣва озимой ржи. Въ таблицѣ 6-й показано время уборки разныхъ хлѣбовъ.

Табл. 6-я.

	Степная часть уѣзда.		Лѣсная часть уѣзда.		Среднее по уѣзду.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Озимовая рожь.	22vп	12vп — 9vш	28vп	16vп — 4vш	26vп	11vп — 5vш
Овесъ	9vш	23 „ — 9 „	3vш	27 „ — 1 „	2vш	16 „ — 12 „
Пшеница	2 „	21 „ — 13 „	3 „	26 „ — 11 „	2 „	17 „ — 14 „
Ячмень	27vп	18 „ — 12 „	24vп	19 „ — 6 „	30vп	12 „ — 8 „
Ярица	31 „	22 „ — 7 „	28 „	20 „ — 10 „	2vш	22 „ — 13 „
Просо	6vш	—	6vш	—	12 „	—
Полба	3 „	—	2 „	—	3 „	—
Горохъ	19 „	7vш — 4ix	17 „	7vш — 29 „	18 „	6vш — 26 „
Греча	19 „	10 „ — 26vш	22 „	15 „ — 24 „	20 „	9 „ — 26 „
Ленъ	11 „	11 „ — 20 „	13 „	16vп — 22 „	10 „	3vп — 26 „
Конопля	24 „	15 „ — 25 „	22 „	16vш — 27 „	22 „	15vш — 28 „
Картофель	24 „	—	22 „	—	22 „	—
Рѣпа	23 „	—	26 „	—	25 „	—

Арендныя цѣны на землю въ послѣдніе годы были слѣдующія: платили за 1 переѣздъ подъ посѣвъ:

	Ярового хлѣба.				Озимого хлѣба.			
	Удвор. земли.	Колебания.	Поле-вой.	Колебания.	Удвор. земли.	Колебания.	Поле-вой.	Колебания.
	КОПѢЙКИ.				КОПѢЙКИ.			
Степн. часть уѣзда	198	75—375	96	42—250	299	95—600	147	47—375
Лѣсная „ „	188	100—300	81	52—162	196	90—350	127	60—262
Среднее по уѣзду	185	75—375	99	42—262	260	90—600	138	47—400

За обработку одного переѣзда платили:

	Подъ посѣвъ ярового.				Подъ посѣвъ озими.			
	На своихъ харч.	Колебания.	На хозяйск. харч.	Колебания.	На своихъ харч.	Колебания.	На хозяйск. харч.	Колебания.
	КОПѢЙКИ.				КОПѢЙКИ.			
Степн. часть уѣзда	271	150—500	194	100—500	401	—	302	—
Лѣсная „ „	308	175—600	187	100—480	459	—	325	—
Среднее по уѣзду	261	150—600	194	100—500	417	—	311	—

Данныя о стоимости обработки одного переѣзда подъ озимь составлены на основаніи слѣдующихъ расчетовъ: пары подъ озимь пашутъ два раза и разъ боронуютъ; стоимость этихъ работъ опредѣляется въ копѣйкахъ такъ:

	Первая вспашка и бороньба.		Стоимость второй вспашки.		Стоимость посева и задѣлки сѣмянъ.	
	На своихъ харчахъ.	На хозяйск. харчахъ.	На своихъ харчахъ.	На хозяйск. харчахъ.	На своихъ харчахъ.	На хозяйск. харчахъ.
Степная часть уѣзда	164 к.	120 к.	134 к.	104 к.	103 к.	78 к.
Лѣсная " "	206 "	137 "	139 "	102 "	114 "	86 "
Среднее по уѣзду	174 "	125 "	135 "	106 "	108 "	80 "

Стоимость уборки одного переѣзда показана въ таблицѣ 7-й.

Табл. 7-я.

	При наймѣ во время страды.		При наймѣ зимой.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда	285 к.	203—378 к.	185 к.	130—235 к.
Лѣсная " "	285 "	170—378 "	177 "	130—300 "
Среднее по уѣзду	280 "	185—378 "	189 "	122—300 "

Для 1891 и 1892 годовъ есть болѣе детальныя свѣдѣнія объ уборкѣ хлѣбовъ. Они приведены въ таблицѣ 8-й.

Табл. 8-я.

	Озимовой хлѣбъ.				Яровой хлѣбъ.			
	При наймѣ во время страды.		При наймѣ зимой.		При наймѣ во время страды.		При наймѣ зимой.	
	На своихъ харч.	На хозяйск. харч.	На своихъ харч.	На хозяйск. харч.	На своихъ харч.	На хозяйск. харч.	На своихъ харч.	На хозяйск. харч.
Степная часть уѣзда	350 к.	268 к.	209 к.	167 к.	472 к.	411 к.	210 к.	
Лѣсная " "	357 "	275 "	232 "	188 "	451 "	342 "	210 "	
Среднее по уѣзду	352 "	270 "	215 "	171 "	465 "	386 "	202 "	

Основываясь на вышеприведенныхъ данныхъ, опредѣлимъ величину расхода причитающуюся на одинъ переѣздъ посѣва.

	При посѣвѣ на парахъ.						При посѣвѣ по живью.					
	Степная часть уѣзд.		Лѣсная часть уѣзд.		Среднее по уѣзду.		Степная часть уѣзд.		Лѣсная часть уѣзд.		Среднее по уѣзду.	
	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.
	коп.		коп.		коп.		коп.		коп.		коп.	
Посѣвъ и обработка земли	401	401	459	459	417	417	271	271	308	308	261	261
Уборка урожая	285	285	285	285	280	280	285	285	285	285	280	280
Арендная плата за землю	299	147	196	127	260	138	198	96	188	81	185	92
Укладка въ кладъ по дан- нымъ 1892 года	125	125	111	111	124	124	163	163	76	76	158	158
Итого	1110	958	1051	983	1081	959	917	815	857	750	884	791

Примѣчаніе. Всѣ работы приняты на содержаніи рабочаго.

Въ вышеприведенные расчеты не вошелъ расходъ по обмолоту, сортированію и вѣянію хлѣба. Опредѣляя стоимость его съ пуда по 5 коп., по существовавшимъ урожаямъ, расходъ на переѣздъ опредѣлится такъ:

	Озимая рожь.		Овесъ.		Пшеница.		Ячмень.	
	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.	Удвор. земли.	Полев. земли.
Степная часть уѣзда	190 к.	115 к.	180 к.	105 к.	180 к.	130 к.	110 к.	75 к.
Лѣсная " "	185 "	135 "	155 "	125 "	165 "	130 "	120 "	85 "
Среднее по уѣзду	185 "	115 "	165 "	120 "	190 "	130 "	115 "	90 "

Сборъ зерна главныхъ хлѣбовъ, показанъ въ таблицѣ 9-й.

Табл. 9-я.

	Степная часть уѣзда.				Лѣсная часть уѣзда.				Среднее по уѣзду.			
	Удворныхъ.		Полевыхъ.		Удворныхъ.		Полевыхъ.		Удворныхъ.		Полевыхъ.	
	Средн.	Колѣб.	Средн.	Колѣб.	Средн.	Колѣб.	Средн.	Колѣб.	Средн.	Колѣб.	Средн.	Колѣб.
	пуд.		пуд.		пуд.		пуд.		пуд.		пуд.	
Озимовая рожь	38	25—50	23	11—49	37	21—55	27	14—48	37	16—81	23	7—62
Пшеница	36	21—71	26	13—46	33	21—62	26	15—36	38	10—79	26	9—61
Овесъ	36	16—58	21	11—53	31	16—58	25	10—47	33	6—83	24	5—65
Ячмень	22	6—40	15	6—34	24	8—43	17	7—31	23	5—72	16	4—50

Пудъ зерна будетъ стоить хозяйству въ среднемъ выводѣ по уѣзду:

	Озим. ржи.	Овса.	Пшеницы.	Ячменя.
На земляхъ удворныхъ	34 коп.	31 коп.	34 коп.	43 коп.
„ „ „ полевыхъ	43 „	38 „	42 „	55 „

Изъ сопоставленія полученныхъ данныхъ относительно стоимости производства пуда зерна на удворныхъ и забочныхъ (полевыхъ) земляхъ ясно видна разница, говорящая въ пользу культуры на земляхъ удворныхъ.

II.

Начало и конецъ сѣнокосной страды показаны въ таблицѣ 10-й.

Табл. 10-я.

	Начали косить.	Колебанія.	Кончили косить.	Колебанія.
Степная часть уѣзда	4vп	24vi—5vп	23vп	13vп—4vш
Лѣсная „ „	28vi	25 „—3 „	1vш	21 „—13 „
Среднее по уѣзду	29 „	23 „—5 „	5 „	13 „—5 „

За переѣздъ травы на корню платили:

	НАЗВАНІЕ ПОКОСА.					
	Луговой.		Шутемный.		Лѣсной.	
	СРЕДН.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДН.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДН.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда	148к.	40—400к.	100к.	31—263к.	80к.	32—223к.
Лѣсная „ „	117 „	33—360 „	94 „	33—233 „	71 „	38—190 „
Среднее по уѣзду	137 „	33—500 „	99 „	28—250 „	78 „	27—218 „

Стоимость сдѣльныхъ работъ во время сѣнокоса показана въ таблицѣ 11-й.

Табл. 11-я.

	Степная часть уѣзда.				Лѣсная часть уѣзда.				Среднее по уѣзду.			
	На своихъ харчахъ.		На хозяйск. харчахъ.		На своихъ харчахъ.		На хозяйск. харчахъ.		На своихъ харчахъ.		На хозяйск. харчахъ.	
	Средн.	Колеб.	Средн.	Колеб.	Средн.	Колеб.	Средн.	Колеб.	Средн.	Колеб.	Средн.	Колеб.
	коп.		коп.		коп.		коп.		коп.		коп.	
<i>Только косить:</i>												
При наймѣ зимой	63	35-235	48	23-150	60	62-200	54	30-160	66	23-235	50	23-160
лѣтомъ	80	42-250	56	29-175	76	36-250	66	30-175	82	27-250	60	44-175
<i>Скосить и убрать сѣно:</i>												
При наймѣ зимой	141	75-245	104	55-240	104	80-300	80	70-260	52	75-300	72	50-260
лѣтомъ	156	97-400	120	65-250	166	105-375	124	105-300	176	97-400	110	50-275

Сборъ сѣна въ копнахъ съ одного переѣзда можно видѣть изъ таблицы 12-й.

Табл. 12-я.

	НАЗВАНІЕ ПОКОСА.					
	Луговой.		Шутемной.		Лѣсной.	
	СРЕДН.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДН.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДН.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда . . .	10 к.	5—18 к.	6 к.	4—11 к.	8 к.	4—22 к.
Лѣсная " " . . .	9 "	5—17 "	6 "	4—10 "	6 "	4—14 "
Среднее по уѣзду . . .	9 "	4—18 "	5 "	3—12 "	7 "	3—24 "

Копна имѣеть вѣсу: лугового сѣна 5 пуд., лѣснаго—4 пуда, шутемнаго 5 пуд. По переводѣ урожая на пуды, урожай сѣна на переѣздъ выразится тогда слѣдующими цифрами:

	Луговой.	Шутемной.	Лѣсной.
Степная часть уѣзда	50	30	32
Лѣсная " "	45	30	24
Среднее по уѣзду	45	25	28

Пудъ сѣна обходится хозяйству:

	Луговой.	Шутемной.	Лѣсной.
Степная часть уѣзда	6 коп.	8 коп.	6 коп.
Лѣсная " "	6 "	7 "	8 "
Среднее по уѣзду	5 "	8 "	6 "

III.

Въ таблицѣ 13-й приведены данныя о томъ, когда выгнали скотъ въ поле весной и затворили поскотины:

Табл. 13-я.

	Выгнали скотъ въ поле.		Затворили поскотины.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда	18iv	4iv—1v	20v	13v—26v
Лѣсная " "	21 "	15 "—2 "	17 "	11 "—26 "
Среднее по уѣзду	19 "	4 "—3 "	26 "	8 "—27 "

Выгонъ скота въ поле осенью (изъ поскотины) совпадаетъ обыкновенно съ окончаніемъ уборки хлѣбовъ. За указанный періодъ поскотину отворили около перваго Сентября. Скотъ поставили на зимнее содержаніе около 1 Октября.

Такимъ образомъ скотъ находился:

Въ полѣ	весною 1 мѣсяцъ и 1 недѣлю	38 дн.
	осенью 1 „	30 „
Въ покотинѣ	лѣтомъ 3 1/2 „	105 „
Въ пригонахъ	зимой—остальное время	192 „

IV.

Выставили пчелъ изъ голбца—3 Апрѣля, начало и конецъ выемки меда показанъ въ таблицѣ 14-й.

Табл. 14-я.

	Начали выемку меда.		Кончили выемку меда.	
	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.	СРЕДНЕЕ.	КОЛЕБАНИЯ.
Степная часть уѣзда	14vш	22vп - 1ix	28vп	16vш - 11ix
Лѣсная „ „	7 „	25 „ - 25vш	29vш	10 „ - 15 „
Среднее по уѣзду	11 „	22 „ - 1ix	30 „	10 „ - 15 „

Поставили пчелъ на зимовку въ голбцы около половины Октября.

Къ вопросу о народной медицинѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ.

М. И. Мизерова и Н. Л. Скалозубова.

Цѣль настоящей работы—отмѣтить народныя медицинскія средства, употребляемыя въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, и тѣмъ доставить матеріаль къ широкому вопросу о народной медицинѣ.

Помимо этнографическаго интереса, изученіе народной медицины имѣетъ свой *raison d'être* уже потому, что многія народныя терапевтическія средства, отмѣченныя слѣдымъ вѣковымъ опытомъ, при научномъ анализѣ могутъ принести громадную услугу практической медицинѣ, какъ красноуфимско доказаль это профессоръ Боткинъ введеніемъ во врачебную практику нѣкоторыхъ народныхъ лѣчебныхъ средствъ. Къ этому нужно добавить, что народная медицина, съ введеніемъ земскихъ учреждений, вступила въ неравную борьбу за существованіе съ земскою медициною, прогрессивно развивающееся довѣріе къ которой даетъ полное право ожидать, что, въ недалекомъ будущемъ, народная медицина, держащаяся преданіями, передаваемыми изъ устъ въ уста, подвергнется естественному вымиранію, и представители народной врачебной мудрости—знахари и знахарки сдѣлаются только историческими личностями.

Матеріаль собирался нами главнымъ образомъ черезъ фельдшеровъ; предполагалось собрать его со всего уѣзда, но это, при замкнутости народной медицины, не удалось, и мы должны были воспользоваться только тѣмъ, что сообщили лица, годами сжившіяся съ мѣстнымъ населеніемъ (г. Пономаревъ) или съумѣвшія расположить къ себѣ народъ (г-жа Камышанская А. А.) Въ общемъ нужно сказать впрочемъ, что одинъ и тотъ же матеріаль повторялся въ различныхъ частяхъ уѣзда. Выдѣлить въ настоящей работѣ только то, что характерно для красноуфимской народной медицины, представилось невозможнымъ, за отсутствіемъ подъ руками источниковъ по данному вопросу.

При своей работѣ мы стремились стоять на строго объективной почвѣ, въ предѣлахъ доставленнаго намъ матеріала.

Свѣдѣнія о лѣкарственныхъ средствахъ и травахъ, также какъ и образцы самыхъ травъ, по которымъ были сдѣланы опредѣленія растений*), доставлены слѣдующими лицами, которымъ долгомъ считаемъ принести

*) Гербарій большинства растений, вошедшихъ въ списокъ лекарственныхъ травъ, представленъ на Первую Всероссийскую гигиеническую выставку.

глубокую благодарность: А. И. Алексѣевымъ изъ Молебскаго завода, Я. Г. Безруковымъ изъ г. Красноуфимска, Н. В. Ершовымъ изъ Шемахинскаго завода, А. А. Камышанской изъ Уткинскаго завода, В. Н. Никитинымъ изъ села Сажинскаго, Г. Байрамгуловымъ изъ дер. Шокуровой и М. Т. Ярушинымъ изъ Иргинскаго завода.

Предлагая вниманію читателя печатаемый здѣсь систематическій списокъ народныхъ врачебныхъ средствъ, мы находимъ необходимымъ предпослать ему характеристику красноуфимской народной медицины. Говорить о главной ея основѣ, общей для народной медицины всѣхъ народовъ,—о психическомъ лѣченіи, о лѣченіи внушеніемъ, мы не будемъ, такъ какъ научная медицина послѣдняго времени достаточно оцѣнила всю важность этого лѣченія; не будемъ говорить и о массажѣ, существовавшемъ цѣлые вѣка въ народной практикѣ и только на нашихъ глазахъ достаточно оцѣненнымъ научною медициною, а перейдемъ прямо къ частной практической народной терапіи.

Заговоры и наговоры, при тѣхъ или другихъ заболѣваніяхъ, до сихъ поръ играющіе въ народной медицинѣ важную, если не сказать, первенствующую роль, должны служить для насъ выразителемъ той мистическо-религіозной философіи, которой держалась и держится народная медицина.

Здѣсь мы находимъ, что болѣзненные процессы, повидимому, дѣлятся на двѣ рубрики, изъ которыхъ въ одной причину заболѣваній народъ ищетъ въ воздѣйствіяхъ „сатаны“, „духа тьмы“, въ другой—въ воздѣйствіи „сквернаго человѣка, бабы-самокрутки, дѣвки-простоволоски, двоеженаго, троеженаго, двухзубаго, трехзубаго, урочливаго, чернаго, черемнаго, колдуницы, колдуна,—на встрѣчу встрѣчавшихся и съ вѣтру приходящихъ“.

Къ первой группѣ относятся типичныя упорныя внутреннія заболѣванія, ко второй—всѣ наружныя заболѣванія, представителемъ которыхъ являются „килы“ и прочія внутреннія заболѣванія легкаго abortивнаго типа, такъ называемые „уроки“.

Въ заговорахъ противъ болѣзней той и другой формы обыкновенно фигурируетъ любимое и роковое число двѣнадцать.

Первая группа заболѣваній является прямымъ результатомъ грѣховности человѣка, результатомъ того, что человѣкъ, по словамъ одного изъ заговоровъ, „съ сатаной связался“. Орудіемъ для распространенія болѣзней въ народѣ служатъ дочери Ирода, которыя, въ заговорѣ противъ лихорадки, говорятъ про себя: „обучала насъ мать жечь и палить, въ міръ ходить, христіанскій родъ трясти, знобить, мучить, тѣло сушить, кости ломить и жилы тянуть“. Дочери Ирода называются именами тѣхъ болѣзней, которыя онѣ вносятъ въ родъ человѣческой, или вѣрнѣе, болѣзни называются ихъ именами. „Исцѣлите четыре евангелиста раба божія“ (имя рекъ),—слышимъ мы въ одномъ изъ заговоровъ,—„отъ иродовыхъ дочерей: Кашлеи, Душлеи,

Сонлеи, Сипеи, Пухлеи, Зублеи, Тяглеи, Давлеи, Харлеи, Желтеи, Укуши и Стяглеи^{*)} (Красноуфимскъ).

Въ заговорѣ противъ лихорадки, на вопросъ святыхъ ангеловъ и архангеловъ у „простоволосыхъ лукавыхъ, окаянныхъ дѣвъ“, „что онѣ за дѣвы“?—слышимъ слѣдующій отвѣтъ: „мы дочери царя Ирода, имена наши: 1) Знобиха, 2) Ломиха, 3) Томиха, 4) Пухота, 5) Сухота, 6) Горькота, 7) Нескрепа (поносъ), 8) Сѣкея (ревматизмъ поясницы и суставовъ), 9) Зелена(?), 10) Огненная (горячка), 11) Желѣзная (неподдающаяся лѣченію при неподвижности больного) и 12) Смертно-здравная (съ исходомъ въ смерть) (Красноуфимскъ).

Вторая группа заболѣваній, пристекающая отъ злой воли человѣка, носить случайный, временный характеръ и въ борьбѣ съ нею человѣкъ чувствуетъ себя болѣе состоятельнымъ. Нерѣдко слышится: такой-то „посадилъ килу“, такой-то „снялъ“. Къ этой группѣ относятся: „килы“, „уроки“ и „грыжи“. Подъ килой нужно разумѣть ту или другую опухоль, развившуюся на любой части тѣла, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста заговора отъ килы: „сними, Пресвятая Богородица, съ раба божія (имя рекъ) двѣнадцать килъ съ подкилкой: вѣтряныя килы, духовыя килы, пуховыя килы, костяныя килы, водяныя килы, чирьи, камчуги-килы, жильныя килы, позакожныя килы,.... сними двѣнадцать килъ съ подкилкой съ буйной головы, съ черныхъ бровей, съ бѣлаго лица, съ сахарныхъ устовъ, съ 77 жилъ, съ 77 костей, съ 77 подкостковъ, со всего стану человѣческаго“. (Уткинскій заводъ).

Въ своихъ опредѣленіяхъ „киль“ народъ высказываетъ ту патолого-анатомическую разность, какая имъ подмѣчена въ опуханіяхъ тѣла и собственно въ опухоляхъ; такъ, подъ „вѣтряными килами“ разумѣютъ флегмонозные процессы, подъ „духовыми килами“—подкожную эмфизему, подъ „пуховыми“—острый отѣкъ, напимѣръ, губъ, подъ „костяными“—періоститы и экзостозы, подъ „жильными“—аневризмы, подъ подкожными—всѣ новообразования и т. д.

При лѣченіи *киль*, кромѣ заговоровъ, употребляютъ средства, указанные въ №№ 19, 46, 124 и 135 списка.

Подъ *уроками* разумѣется всякое общее недомоганіе, напимѣръ, въ началѣ инфекціонныхъ заболѣваній, всѣ легкія неопредѣленныя заболѣванія, (*febris ephemera*), всѣ „хитки и притки“, „скорби и печали“. „Сглазить“, „изурочить“ можетъ всякій человѣкъ, если онъ похвалитъ извѣстныя хоро-

---

*) 1) Кашлея—простой бронхіальный кашель, 2) Душлея—одышка, напимѣръ при порокахъ сердца, 3) Сонлея—коматозное безсознательное состояніе при страданіяхъ мозга, тифъ и проч., 4) Сипея—сифились, измѣняющій акцентъ въ голосѣ, 5) Пухлея—водянка, 6) Зублея—мучительная зубная боль, 7) Теглея—рвота, 8) Давлея—страданія желудка, 9) Харлея—чахотка съ обильнымъ отдѣленіемъ мокроты, 10) Желтея—желтуха, 11) Укуша—укушеніе змѣй и бѣшеныхъ собакъ, 12) Стяглея—судороги при всевозможныхъ заболѣваніяхъ.

шія качества, силу, здоровье и проч. Предохранительнымъ общераспространеннымъ средствомъ отъ уроковъ считается поваренная соль, которую мать посыпаетъ головы своихъ дѣтей, отправляя ихъ на глаза постороннихъ людей, посыпаетъ ямщикъ спины своихъ лошадей, и проч. При лѣченіи „отъ уроковъ“, кромѣ употребленія „урошной травы“ (№ 119), вспрыскиваютъ больнаго „съ уголька“ водой, наговоренной „отъ уроковъ“, или же, раздѣвши больнаго, садятъ его на порогъ и поливаютъ его голову изъ теса (бурака) наговоренною водою, черезъ рѣшето, въ которомъ положены: поварешка, чашка, ложка, ножикъ и вилка (Уткинскій заводъ).

Подъ „*грыжей*“ народъ разумѣетъ цѣлый рядъ заболѣваній, сопровождающихся болью, — „грызью“; такъ, колики въ животѣ дѣтей, маточныя бѣли называютъ грыжей; собственно же грыжу (паховую, мошоночную) называютъ или просто грыжей, или „кильной грыжей“*).

Для удобства распредѣлимъ врачевныя средства народной медицины по заболѣваніямъ.

I. Профилактика.

Для предупрежденія заболѣваній вообще, по мнѣнію народа, полезно „съѣсть трижды девять милостынь Христа ради“, выпрошенныхъ отъ одинокихъ хозяевъ (Иргинскій заводъ).

Профилактическое значеніе перцовки, указанное въ № 165, должно быть отнесено къ позднѣйшему наслоенію. На совѣтъ—пить по стакану въ день натошакъ навару изъ всѣхъ листьевъ, собранныхъ раннею весной на извѣстномъ участкѣ земли, не выключая заплѣсневѣлыхъ и грязныхъ (Красноуфимскъ), правильнѣе смотрѣть какъ на универсальное терапевтическое средство, а не профилактическое.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о профилактикѣ. Вышеприведенный религіозно-мистическій взглядъ народной медицины на причины заболѣваній дѣлаетъ излишнимъ и празднымъ вопросъ о предупрежденіи заболѣваній**).

II. Болѣзни общаго разстройства питанія.

При болѣзняхъ общаго разстройства питанія (*Anaemia et ceter.*), называемыхъ „худая худоба“, кромѣ ряда заговоровъ, совѣтуютъ ежедневно

*) Современная образованная публика подъ грыжею разумѣетъ совершенно опредѣленное понятіе о паховой и мошоночной грыжѣ, почему обыкновенно пронизиваетъ надъ народнымъ опредѣленіемъ цѣлаго ряда заболѣваній словомъ «грыжа». Въ оправданіе народнаго опредѣленія слѣдуетъ сказать, что научная медицина прошлаго столѣтія слово *грыжа* понимала также, какъ и современная народная медицина. Такъ, профессоръ академикъ Протасовъ, въ 1766 году, пишетъ: «когда надъ суставомъ красная опухоль съ жаромъ, то сіе называется красною грыжею». Нынѣ врачи подъ грыжей разумѣютъ выступленіе изъ полости заключеннаго тамъ органа съ выпячиваніемъ стѣнки (съ выстилающею полость оболочкою).

**) О профилактикѣ *уроковъ* сказано выше.

съѣдать сырую луковицу (Красноуфимскъ). Рѣдечный сокъ, per se или съ водкой, считается хорошимъ тоническимъ средствомъ, для чего, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у рѣдки, сидящей на корню, срѣзываютъ листья вмѣстѣ съ основаніемъ, выдалбливаютъ въ тѣлѣ рѣдки полость, въ которую и вливаютъ водку. Спустя нѣсколько часовъ полученную настойку вычерпываютъ и пьютъ (Красноуфимскъ).

Находятъ, далѣе, полезнымъ пить мучную воду: мука кладется въ мѣшокъ, обливается кипяткомъ и варится въ продолженіи сутокъ, послѣ чего употребляется съ водой какъ квасъ (Красноуфимскъ).

Кромѣ сказаннаго, народная медицина, для поднятія питанія, пользуется средствами, указанными подъ № 73 и 173.

III. Перемежающаяся лихорадка (Febris intermittens).

Перемежающаяся лихорадка, называемая также „комуха“, „веснуха“, „тетка“, „подруга“,—весьма частое заболѣваніе въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, почему мы и выдѣлимъ ее въ отдѣльную группу. Святелемъ лихорадки въ населеніи, по народному убѣжденію, служитъ одна изъ дочерей Ирода, которая, являясь къ спящему (во снѣ), заражаетъ его, чрезъ то или другое соблазнительное прикосновеніе, напримѣръ поцѣлуй.

Для лѣченія лихорадки употребляютъ средства, указанные въ №№ 1, 4, 26, 32, 69, 71, 79, 88, 109, 137, 138, 142, 150, 156 и 166.

Изъ симпатическихъ средствъ, кромѣ заговоровъ отъ „веснухи“, до настоящаго времени удержались только два: ладанка и перевязка пальца. Летучую мышъ, пойманную тайно отъ людей и высушенную, привязываютъ къ тряпкѣ—ладонкѣ на гойтанѣ креста больного (Красноуфимскъ).

Внутренней оболочкой—пленкой свѣжаго куриного яйца плотно обвертываютъ конечную фалангу безымяннаго пальца лѣвой руки. При высыханіи пленки, слѣдовательно при суженіи обертки, является сильная боль, описанная когда-то докторомъ Далемъ. Чѣмъ боль сильнѣе и чѣмъ терпѣливѣе больной, тѣмъ, по народному понятію, вѣрнѣе успѣхъ. Повязка держится или возобновляется въ продолженіи трехъ лихорадочныхъ дней (Саранинскій заводъ).

Для предохраненія возврата лихорадки запрещается ѣздить на лошади и переходить или переплывать черезъ рѣку.

IV. Лѣченіе острыхъ заразныхъ болѣзней.

Острыя инфекціонныя заболѣванія не пользуются особеннымъ вниманіемъ народной медицины, вѣроятно, потому, что остановить типичное теченіе болѣзненнаго процесса оказались безсильными всѣ средства.

Исторически сложившееся предубѣжденіе народа противъ оспопрививанія ведетъ къ тому, что съ эпидеміями *натуральной оспы*, называемой „роди-

мой“, народъ сжился настолько, что и въ настоящее время предубѣжденно относится къ оспопрививанію и отрицаетъ всякое лѣченіе оспы, за исключеніемъ паренія въ банѣ. Вѣря въ неизбѣжность натуральной оспы и принимая во вниманіе экономическую выгоду отъ ухода за всѣми больными дѣтьми сразу, матери, при появленіи въ семействѣ оспеннаго больнаго, однимъ и тѣмъ же вѣникомъ парятъ и дѣтей, неимѣвшихъ оспы, и этимъ путемъ дѣлаютъ имъ прививку натуральной оспы.

Для предохраненія зрѣнія прикладываютъ къ глазамъ больныхъ обручальныя кольца, и это кажется, единственная мѣра, принимаемая при оспенномъ процессѣ!

Корь, повидимому, не лѣчится даже и банями.

Скарлатина—„горлянка“, лѣчится средствами, указанными въ №№ 13, 41 и 46.

Жаба (*Angina*) всѣхъ формъ лѣчится средствами, указанными въ №№ 18, 41 и 114*). Шею при жабѣ смачиваютъ парнымъ молокомъ (Красноуфимскъ).

Изъ симпатическихъ средствъ противъ жабы, укажемъ: 1) шею больнаго перевязываютъ на ночь косоплеткой и даютъ больному лизать поварешку, при чемъ тотъ слюну глотаешь (село Богородское); 2) больной жабою подходитъ къ дереву и говоритъ: „береза, береза, я тебя съѣмъ, вершину скушу и проглочу“, и при этомъ дѣлаетъ жестъ, какъ бы захватывая что-либо объемистое въ ротъ; слюну глотаешь. Подходить такимъ образомъ къ тремъ деревьямъ (село Богородское).

Коклюшъ (*Pertussis*) лѣчится средствами, указанными въ №№ 125 и 149. Довольно широкое распространеніе имѣетъ слѣдующій рецептъ противъ коклюша: рѣпа и лукъ (по тарелкѣ), изрѣзанные сочными, складываются рядами въ горшокъ, каждый рядъ пересыпается сахаромъ, растертымъ съ имбиремъ (*Rhizoma Zingiberis*)—чайная ложка имбиря на 1½ стакана сахара,—горшокъ замазывается толстымъ слоемъ тѣста и ставится въ вольный духъ, въ печь, на четыре часа. Экстрактъ выжимается, сливается въ бутылку и дается столовыми ложками (Красноуфимскъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пьютъ при коклюшѣ золу соломы, смѣшанную съ водой (село Богородское).

При тифахъ (горячкѣ) употребляются средства, указанные подъ №№ 15, 93, 128 и 150:

Въ цѣляхъ прекращенія эпидеміи горячки закапываютъ подъ ворота уголь отъ „деревяннаго огня“. Деревянный огонь получается треніемъ дерева о дерево; по словамъ однихъ, огонь нужно добывать изъ несовершенно высохшаго дерева—первому по рожденію въ семьѣ и послѣднему; по другимъ—кто добываетъ огонь, это не важно, но необходимо добывать его на порогѣ избы. Этимъ огнемъ во время горячки въ неблагополучномъ селеніи

*) Мы здѣсь скарлатину и жабу поставили вмѣстѣ потому, что дифференціальная діагностика между ними проводится народной медициной только во время эпидемическаго развитія скарлатины.

затопляютъ печи для того, чтобы дымомъ окурить селеніе (Александровская волость).

Рожа (*Erysipelas*) лѣчится средствами, указанными подъ №№ 61 и 180.

При заболѣваніяхъ *холерою* (*Cholera asiatica*), кромѣ средствъ, указанныхъ подъ №№ 136 и 137, употребляютъ слѣдующіе способы лѣченія: 1) заболѣвшаго холерою помѣщаютъ въ хорошо натопленную баню, тѣло его натираютъ нашатырнымъ спиртомъ и усиленно парятъ; послѣ бани больного основательно завертываютъ въ теплую одежду и уносятъ въ избу (Артинскій заводъ). 2) Поятъ больного насыщеннымъ растворомъ поваренной соли: въ стаканъ или чайную чашку насыпаютъ поваренной соли (около $\frac{1}{4}$), наливаютъ теплой воды, перемѣшиваютъ и когда нерастворившаяся соль осядетъ на дно, растворъ выпивается больнымъ на одинъ приемъ. Приемъ повторяется черезъ $\frac{1}{2}$ часа; если же первый приемъ будетъ выброшенъ рвотою, то второй дается немедленно*) (Артинскій заводъ). 3) Поятъ больныхъ дегтемъ. Объ этомъ способѣ лѣченія очевидецъ одной изъ прежнихъ холерныхъ эпидемій, житель Саранинскаго завода, передавалъ намъ слѣдующее: на баркѣ съ желѣзнымъ караваномъ явились заболѣванія холерою со смертельнымъ исходомъ. Полное отсутствіе, въ то время, медицинскаго пособія, медленное движеніе каравана, побудили бурлаковъ—сплавщиковъ прибѣгнуть къ одобряемому стариками подручному средству—дегтю, который стали пить съ водкой, водой или *per se*. Результатъ такого лѣченія, по словамъ рассказчика, былъ такъ убѣдителенъ, что караванъ сталъ пользоваться дегтемъ, какъ и профилактическимъ средствомъ. И этотъ способъ лѣченія долженъ быть отмѣченъ послѣ работъ профессора Ненцкаго, Рапчевскаго, Эберманна и др.

V. Волѣзни органовъ дыханія.

Грудныя заболѣванія, какъ видно и изъ вышеприведеннаго заговора, народная терапія сводитъ на три формы: простой бронхіальный *кашель* (*Bronchitis*—отъ дочери Ирода „Кашлеи“), *чахотку* (*Phtysis pulmonum*—отъ „Харлеи“) и *удушье* (отъ „Душлеи“). Къ послѣдней формѣ относится какъ эмфизема легкихъ (*Emphysema pulmonum*), такъ и пороки сердца (*Vitia cordis*), до тѣхъ поръ, пока не наступитъ разстройство компенсаціи (водянка). Отъ

---

*) Существуетъ ли данный взглядъ на лѣченіе холеры въ народѣ съ пропаганды пермскаго епископа Вассіана, кажется, въ 70-хъ годахъ, или онъ существовалъ издавна, сказать трудно. Нынѣ своевременно отмѣтить данный способъ лѣченія холеры потому, что, по опытамъ Коха и Эрменгема, уже 3% растворъ поваренной соли задерживаетъ развитіе холерныхъ запятыхъ. Если таково вліяніе поваренной соли на холерныхъ бациллъ въ пробиркѣ, то почему не ожидать большаго эффекта въ желудкѣ, гдѣ соль, какъ прочно установлено фармакологіей (Россбахъ, стр. 50, Догель стр. 56 и далѣе), помимо дѣйствія на бациллъ *per se*, вызоветъ усиленное отдѣленіе желудочнаго сока, кислая реакція котораго только и сдерживаетъ опустошительныя инстинкты холерныхъ бактерій (разумѣемъ не одну запятую Коха).

кашля употребляют средства, указанные въ №№ 16, 36, 50, 79, 117 (кашель и насморкъ), 119, 136, 138, 153 и 163.

Самымъ популярнымъ средствомъ, „смягчающимъ“ кашель, считается свѣчное сало: сахарную бумагу, обильно смазанную саломъ, прикладываютъ къ грудной клѣткѣ, растопленное же сало пьютъ рюмками (Артинскій заводъ и др.). Въ дѣтской практикѣ даютъ сосать перетопленный сахаръ, для чего держать передъ свѣчкой кусокъ сахара и стекающій сахаръ собираютъ въ ложку или извѣстную форму, приготовленную изъ бумаги.

При чахоткѣ употребляютъ средства, указанные въ №№ 73, 74, 79, 136, 139 и 152.

Глубокія вдыханія испаряющагося пота лошади (ѣхать противъ вѣтра) и воздуха конюшенъ считаются весьма полезными при чахоткѣ.

При удушѣ употребляютъ средства, указанные въ №№ 89 и 116.

При „усовѣ“, колотѣ въ грудной клѣткѣ (Pleuritis et cetera) и въ животѣ (Enteralgia) употребляютъ средства, указанные подъ №№ 17 и 33.

При носовомъ кровотеченіи употребляется №№ 7 и 36 (последнее считается общимъ кровоостанавливающимъ).

При потерѣ голоса (Arhonia) пьютъ сырыя яйца.

VI. Волѣзни зубовъ и пищеварительныхъ органовъ.

Терація органовъ пищеваренія должна назваться болѣе разнообразной.

При страданіи *зубовъ*, кромѣ средствъ, указанныхъ подъ №№ 45, 149, 151 и 167, кладутъ на больной зубъ ладанъ (Gummi—resina olibanum) или „зубной деготь“, получающійся при горѣніи надъ рюмкой конусо-образно-свернутой сахарной бумаги. Курильщики кладутъ на больной зубъ смолу изъ трубки (Саранинскій заводъ, Красноуфимскъ)*).

При страданіяхъ *желудка*, сопровождающихся болью, давленіемъ подъ ложечкой и выражаемыхъ словами: „подъ сердце подступило“, „подъ сердце подкатываетъ“, „болитъ, давитъ сердце“,—употребляютъ средства, указанные подъ №№ 3, 14, 19, 52, 54, 77, 86, 100, 101, 113, 139 и 165.

При кишечныхъ *коликахъ*, („грызи, нутренной грыжи“), употребляютъ средства, указанные подъ №№ 20, 64, 66, 85, 92 и 102.

Къ этому обильному количеству средствъ нужно добавить: 1) пресловутый горшокъ—банку, который „накидывается“ на животъ, въ предположеніи, что больной „сорвалъ съ пуза“; 2) „окальную воду“, которая получается при опусканіи въ ковшъ съ водою раскаленного угля; пьютъ ее стаканами (Красноуфимскъ).

*) Едва ли гдѣ лѣченіе внушеніемъ производится чаще, чѣмъ при зубныхъ боляхъ. Мнѣ въ дѣтствѣ (въ Артинскомъ заводѣ) не разъ магически помогало какое-то средство, завернутое въ тряпку, развязывать которую было строго запрещено. Однажды явившееся любопытство лишило меня вѣрнаго средства, такъ какъ въ тряпкѣ я нашелъ простаго таракана!..

Метеоризм— „пученіе живота“ (Meteorismus). Употребляются средства, указанные под №№ 61 и 78. Для уменьшенія боли кладутъ на животъ нагрѣтую чугунную плитку (родъ припарки). (Красноуфимскъ).

Икота лѣчится неожиданнымъ испугомъ больного.

Изжога лѣчится средствами подъ №№ 1 и 180.

Рвота » » » № 130.

Запоръ („дворнаго нѣтъ“) » №№ 35, 51, 82, 120 и 162.

Поносъ („мытъ“) » №№ 1, 20, 44, 47, 66 и 148.

Геморрой » № 168.

Глисты („блисты“) » №№ 78 и 164.

При всѣхъ кардіалгическихъ боляхъ причину ищутъ въ глистахъ, „которые подкатываютъ подъ сердце“, и чтобы отогнать ихъ, пьютъ воду съ золою, а чтобы они не пошли въ горло, перевязываютъ шею шерстяной ниткой (повсемѣстно).

При всѣхъ страданіяхъ печени, сопровождающихся *желтухой*, лѣчатъ средствами, указанными подъ №№ 19, 26, 35, 41, 72, 86, 109 и 144. Изъ симпатическихъ средствъ отъ желтухи укажемъ слѣдующія: 1) парятъ въ банѣ трехгодовалымъ вѣникомъ и листь его пьютъ какъ чай (Саранинскій заводъ) и 2) пристально смотрятъ на пойманную живую щуку, посаженную въ кадку съ водой; желтуха должна перейти въ рыбу (Красноуфимскъ).

VII. Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ.

Значительный процентъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ гинекологическихъ больныхъ, зависящій отъ тяжелыхъ работъ, выпадающихъ на долю женщинъ, объясняетъ тотъ значительный запасъ лѣчебныхъ средствъ, какимъ располагаетъ народная медицина при гинекологическихъ заболѣваніяхъ. Здѣсь мы находимъ средства, употребляемые при аномаліяхъ мѣсячныхъ, при бѣляхъ, выпаденіи матки и новообразованіяхъ въ полости живота женщины. *Отсутствіе мѣсячныхъ* („кровей“, „нарубашнаго“, „плотнаго“, „временнаго“, „мытъя“ (Amenorrhoea), являющееся какъ прямое послѣдствіе заболѣваній матки и яичниковъ, или общаго разстройства питанія во время напряженной работы, напримѣръ полевой, считается въ народѣ видимой причиною страданія женщины, мѣшающей ей добросовѣстно исполнять свои обязанности и народная медицина стремится устранить эту причину средствами, указанными подъ №№ 21, 38, 73, 75, 129, 131, 140 и 175.

Чтобы не пропали у дѣвицы или женщины регулы, нужно скрывать запачканную кровью рубашку, дабы „не сглазили“, „не изурочили“, „не одивовали“.

Маточныя кровотеченія— „улевище“ (Menorrhagia et Metrorrhagia), столь важныя по своимъ часто роковымъ послѣдствіямъ, побудили народную медицину остановиться на цѣломъ рядѣ средствъ: №№ 22, 25, 36, 45, 58, 78, 87, 107, 129, 145 и 147.

Изъ симпатическихъ средствъ, противъ обильныхъ мѣсячныхъ (Menorrhagia), укажемъ на слѣдующее: больная, стирающая свои рубашки, вычерпываетъ изъ корыта пригоршнями жидкость въ два ведра, изъ которыхъ въ одно вливаетъ пригоршню, со словами: „мое“, въ другое—три пригоршни, со словами: „чужое“; жидкость изъ своего ведра выливаетъ подъ полокъ бани, а изъ чужаго расплескиваетъ внѣ бани, со словами: „не мое, не надо“.

Бѣли, какъ прямое послѣдствіе цѣлаго ряда маточныхъ заболѣваній, сопровождающихся постоянною (грызущею) болью въ поясницѣ и въ низу живота, называются въ народѣ „грыжей“.

Мѣстная народная медицина отличаетъ три формы данной „грыжи“: „бѣлая грыжа“ (при катарральномъ страданіи слизистой оболочки матки и рукава), „желтая грыжа“*) (при бленнорейномъ воспаленіи) и „красная грыжа“ (кровянистыя бѣли, напримѣръ—при ракѣ матки).

При бѣлой грыжѣ употребляются средства, указанные подъ №№ 23, 39, 58, 68, 73, 76, 81 и 85.

При желтой грыжѣ—№ 24.

При красной грыжѣ—№№ 8, 73 и 81.

При значительномъ *опущеніи и выпаденіи матки*, „высыпанія нутра“, кромѣ вправленія, массажа, о которомъ мы говорить не будемъ, предлагаются средства, указанные подъ №№ 64 и 99.

Когда у женщины растеть животъ (*кисты яичниковъ*), то пьютъ *дерябу* (155).

VIII. Акушерство.

Въ народномъ акушерствѣ Красноуфимскаго уѣзда мы должны отмѣтить то прекрасное правило, что „править животъ возможно сколько хочешь, но прикладывать руки (манипулировать въ половыхъ частяхъ) нельзя“. Это святое правило, выработанное горькимъ опытомъ роковыхъ послѣдствій манипуляціи бабушекъ грязными руками въ половыхъ частяхъ, спасло и спасаетъ отъ родильной горячки массу женщинъ.

Бездѣтная женщина, желающія имѣть дѣтей, принимаютъ заячью капусту (№ 53).

При угрожающемъ выкидышѣ употребляется *слизнякъ раковинъ* (№ 172).

Для возбужденія потугъ пьютъ *прыгунъ* (№ 34) и *пѣтушки* (№ 145).

Русскій обычай поить роженицъ порохомъ для возбужденія потугъ, хотя и до сихъ поръ держится, но слабо.

При *задержаніи послѣда* пьютъ *овсянку* (№ 98) и *дерябу* (№ 155). Хорошимъ средствомъ для выдѣленія послѣда считается раздраженіе глотки роженицы концомъ косы ея волосъ (Красноуфимскъ).

*) Указаніе на «желтую грыжу съ рѣзбою» мы получили только изъ Уткинскаго завода.

Къ зоологической потребности удалаться во время родового акта въ уединенное мѣсто, присоединяется въ народѣ вѣра не только во вліяніе *дурнаго глаза*, но и *дурной мысли*, почему большинство родовъ ведется въ банѣ и хранится о нихъ глубокое молчаніе. Думаютъ, что роды будутъ тяжелые, если о нихъ знаютъ и думаютъ многіе, можетъ быть, злые, урочливые.

Роженицу первые дни послѣ родовъ водятъ въ баню, гдѣ, кромѣ паренья, правятъ животъ для того, чтобы „золотникъ (матка) сталъ на мѣсто“.

При *послѣродовыхъ* заболѣваніяхъ употребляются средства, указанные подъ №№ 20, 27, 64, 86 и 169.

Всѣ послѣродовыя болѣзни, какъ и большинство случайныхъ заболѣваній въ продолженіи первыхъ шести недѣль послѣ родовъ, ставятся въ прямую зависимость отъ уменьшенія или прекращенія послѣродовыхъ очищеній—„баннаго“ (Lochia): „баннаго не стало“, „банное заперлось“, жалуются такія больныя.

При *недостаткѣ* груднаго молока (Agalactia) употребляютъ *боржевья листья* (№ 61).

Грудница (Mastitis), какъ результатъ нечистоплотнаго содержанія полости рта ребенка, болѣзнь весьма частая. Употребляютъ средства, значащіяся подъ №№ 18 и 182.

IX. Дѣтскія болѣзни.

Народная терапія дѣтскихъ заболѣваній должна назваться весьма скудной. Съ молочницей дѣтей—„цвѣтомъ“, при неправильномъ питаніи и уходѣ за дѣтьми, народъ такъ сжился, что пересталъ придавать ей какое либо значеніе. Къ несчастію, тотъ же взглядъ перенесъ онъ и на гнойное воспаленіе соединительной оболочки глазъ у новорожденныхъ (Vernorhoea neonatorum), которые, по понятію народа, тоже могутъ „цвѣсти“, слѣдовательно не нуждаются въ какомъ либо лѣченіи,—въ результатѣ чего получается часто слѣпота.

Обычныя разстройства желудочно-кишечнаго тракта у дѣтей, сопровождающіяся рвотой, поносами и крикомъ, приписываются народомъ „нутренной грыжѣ“.

При *лѣченіи дѣтскихъ поносовъ* намъ указали на одну только „*младенческую траву*“ (№ 97). Обычнымъ средствомъ при дѣтскихъ коликахъ является елей изъ лампадки, котораго даютъ по чайной ложкѣ на приѣмъ.

При *дѣтскомъ запорѣ* употребляютъ *боровую иву* (№ 35).

При эклампсѣ—„родимцѣ“, „худобищѣ“, употребляютъ №№ 7 и 118.

При „*полуночницѣ*“, подѣ которой нужно разумѣть ночной испугъ (Pavor nocturnus), чаще же диспепсію и колики, лишающія ребенка сна, употребляютъ №№ 5, 95 и 110 и ежедневно парятъ дѣтей въ банѣ. На пяткахъ дѣтей, какъ симпатическое средство, ставятъ смолою крестъ и кладутъ подѣ голову мальчика шило, а дѣвочки—пряху или щетку (Красноуфимскѣ).

Подъ золотухой (Scrophulosis), кромѣ собственно золотухи, народъ разумѣетъ цѣлый рядъ кожныхъ заболѣваній у дѣтей, болѣзни глазъ, гное-теченіе изъ ушей и проч.

Изъ народныхъ средствъ, при золотухѣ, употребляются №№ 55, 70, 73 и 105.

Подъ „собачьей старостью“ разумѣютъ хроническое исхуданіе ребенка, когда онъ „чахнетъ“, будетъ-ли то англійская болѣзнь (Rachitis), туберкулёзъ и т. п.

Единственнымъ, повидимому, средствомъ противъ этой болѣзни является „перепеканіе“ больнаго въ вольной печи.

Этотъ распространенный въ Россіи способъ лѣченія, въ Красноуфимскомъ уѣздѣ продѣлывается слѣдующимъ образомъ: мать завернувъ тѣло ребенка, за исключеніемъ лица, въ сочень тѣста, кладетъ его на лопату. Первый или послѣдній по рожденію въ семьѣ отворяетъ дверь избы и спрашиваетъ: „что перепекаешь“?—„Собачью старость“,—отвѣчаетъ мать, держащая на лопатѣ ребенка, и при этомъ свовываетъ ребенка въ печь. Процедура повторяется три раза (Александровская волость, Иргинскій заводъ, Богородское село).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ процедура перепеканія замѣняется болѣе нѣжнымъ способомъ взвѣшиванія на безмѣнѣ при тѣхъ же условіяхъ (Бисертскій заводъ).

Пупочныя и мошончныя грыжи у дѣтей (Hernia umbilicalis et inguinalis), кромѣ употребленія грыжевой травы (№ 47), лѣчатся слѣдующимъ образомъ: стоящее на корню дерево раскалываютъ по длинѣ, вгоняютъ въ щель два клина и въ образовавшуюся между ними дыру продергиваютъ ребенка три раза, причемъ одинъ спрашиваетъ: „что продергиваешь“? „Грыжу продергиваю“, отвѣчаетъ другой. Въ Иргинскомъ заводѣ мальчика продергиваютъ черезъ дубъ, а дѣвочку черезъ осину (Иргинскій, Саранинскій заводы, село Кленовское и проч.).

При ночномъ недержаніи мочи (Enuresis nocturna) „стегаютъ“ больнаго на порогѣ помеломъ, или продергиваютъ его черезъ хомутъ (Красноуфимскъ).

Чтобы рѣшить, будетъ ли жить больной ребенокъ, его поятъ водой „отъ подновленія печати“ (моютъ просфорную печать въ водѣ) или же подкуриваютъ больнаго „тремя ладанами“: на угли кладутъ земляной ладанъ (№ 65), церковный (обыкновенный) и росной ладанъ. Если ребенокъ послѣ этого уснетъ, то онъ выздоровѣетъ, если же ему будетъ хуже, то скоро умретъ (Бисертскій заводъ, Алтыновское село).

Если ребенокъ, котораго берутъ на руки, производитъ впечатлѣніе тяжелаго, то его считаютъ неживучимъ, хотя бы общій видъ его производилъ и благопріятное впечатлѣніе.

Обычай приглашать въ крестные перваго встрѣчнаго для того, чтобы дѣти жили—„стояли“ и подавать ребенка черезъ окно нищему для того, чтобы скорѣе началъ ходить, повсемѣстно существуютъ и въ Красноуфимскомъ уѣздѣ.

Х. Нервные заболѣванія.

При падучей болѣзни (Epilepsia), которую характеризуютъ словами: „бѣть“, „бросаетъ“, „припадокъ“, „худобище“, употребляютъ №№ 6, 42, 43, 59, 84, 105 и 143.

При параличахъ всевозможнаго происхожденія употребляютъ №№ 3, 56 и 130.

Гистерія (Hysteria)—„порча“, „кликуша“, лѣчится тысячелистникомъ (№ 73).

При душевныхъ заболѣваніяхъ употребляются средства, указанные подъ №№ 26, 52, 56, 117, 145, 146 и 155.

Говорить о взглядѣ народной медицины на гистерію и душевныя заболѣванія и о способахъ лѣченія ихъ, значило бы писать цѣлую монографію.

Impotentia—мужское безсиліе („слабое естество“, „слабый капиталъ“), по нашимъ даннымъ, лѣчится средствами, указанными подъ №№ 58 и 141.

Причину болѣзни, частой у новобрачныхъ, ищутъ въ воздѣйствіи на больного злыхъ, недоброжелательныхъ людей, которые „сдѣлали“, „подшутили“, „надсмѣялись“, почему и лѣчатся отъ нея всевозможными наговорами, „отворотами“ (внушеніями).

При запоѣ (Dypsomania) лѣчатъ средствами, указанными подъ №№ 120, 151 и 155, или же поятъ больныхъ: 1) водной настойкой содеражимаго желудка („поѣди“) шуки (Уткинскій заводъ); 2) водкой, простоявшей въ гробу во время отпѣванія какого-либо покойника; 3) водкой, въ которую былъ опущенъ живой налимъ и 4) водкой, вырыгнутой обратно шукой, находившейся въ водкѣ (Богородское село). Разъ больной перестаетъ пить водку, „остановится“, ему дѣлается строгое внушеніе, что, при новой попыткѣ къ пьянству, онъ долженъ умереть*).

При бессонницѣ употребляютъ № 11 и 127.

При головныхъ боляхъ и головокруженіи употребляютъ средства, указанные въ №№ 26, 43, 65, 83, 85, 105, 117 и 126.

Періодическую головную боль приписываютъ накопленію въ головѣ такъ называемаго „чемера“. Когда является головная боль („навѣшиваетъ на глаза“), берутъ прядь волосъ больного, скручиваютъ ее, обвиваютъ вокругъ пальца или веретена и дѣлаютъ быстрое потягиваніе кверху. Если слышится трескъ, то значитъ, „чемеръ хорошо дерется“ и боль пройдетъ (Артинскій заводъ и др.).

Хорошимъ средствомъ отъ головной боли считается смачиваніе головы квасомъ съ солью съ послѣдовательнымъ треніемъ головою о желѣзную полосу надъ шесткомъ топящейся печки (Иргинскій заводъ).

* По видимому здѣсь дѣйствуетъ не одно внушеніе: такъ Г. А—ва, женщина образованная, имѣвшая мужа, подверженнаго запою, увѣряла насъ, что изъ всѣхъ научныхъ и народныхъ средствъ испытанныхъ въ продолженіи 20—30 лѣтъ, благотворище и прочіе дѣйствовала богородская трава (№ 120).

Если головной боли предшествовала какая либо травма, или во время боли „глаза наливаются кровью“, то дѣлають предположеніе, что „мозгъ стрясенъ“. Чтобы убѣдиться въ своемъ предположеніи, употребляютъ слѣдующій діагностическій приѣмъ: вокругъ головы обводятъ мочалко, которое и завязываютъ на срединѣ затылка; по срединѣ лба (надъ носомъ) и противъ ушей дѣлають углемъ на мочалѣ помѣтки. Снявши петлю съ головы, складываетъ ее вдвое, растягивая за переднюю периферію. Если помѣтки, сдѣланныя надъ ушами, не совпадутъ, то діагнозъ оправдывается и приступаютъ къ правленію мозга.

Процедура „правленія мозга“ состоитъ въ томъ, что берутъ въ руки голову больного и быстро встряхиваютъ ее, или же въ зубы больного даютъ „обвичку“ (деревянный ободъ) рѣшета и руками дѣлають по ней быстрые, короткіе удары (Красноуфимскъ, село Богородское).

При уяръ употребляютъ №№ 12 и 93.

XI. Болѣзни глазъ, ушей и носа.

Глазная болѣзнь лѣчатся средствами, указанными подъ №№ 40, 48, 70, 104, 169, 171, 179 и 183.

Къ весьма распространеннымъ народнымъ средствамъ при лѣченіи глазныхъ болѣзней относятся: 1) вдуваніе въ глазъ сахара или соли для „сдергиванія бѣлмы“, 2) глазныя капли изъ раствора продажнаго леденца въ квасѣ и 3) капли такъ называемаго „хлѣбнаго масла“. „Хлѣбное масло“ готовится слѣдующимъ образомъ: въ нижней коржѣ хлѣба, только что вынутаго изъ печи, дѣлается отверстіе, каравай кладется на тарелку и хорошо закрывается. Получающаяся на тарелкѣ жидкость и называется хлѣбнымъ масломъ (Ключевское село).

При куриной слѣпотѣ (Nemegaloria) держатъ глаза надъ паромъ печени только что заколотога животнаго и ѣдятъ печень въ жареномъ или вареномъ видѣ (Саранинскій заводъ), или же „на зарѣ“ водятъ больного подъ сѣдало курицы, гдѣ и заставляютъ умываться (Бисертскій заводъ).

При постороннихъ тѣлахъ, повалихъ въ глазъ, стараются извлечь ихъ языкомъ, который проводится между вѣкомъ и глазнымъ яблокомъ (повсемѣстно), или же широко раскрывши пальцами вѣки больного глаза, стараются усиленно сморкать въ соотвѣтствующую половину носа (Артинскій заводъ).

Изъ средствъ, употребляемыхъ противъ *ушныхъ* страданій мы можемъ указать только на череду (№ 20), которую пьютъ отъ глухоты. При всѣхъ страданіяхъ ушей охотно ставятъ „свѣчи“: дѣлають изъ тряпки, пропитанной воскомъ, фитиль, одинъ конецъ котораго вкладываютъ въ слуховой проходъ, другой же зажигаютъ и смола, образующаяся на ушномъ концѣ фитиля, считается за вытянутую изъ уха „дрянь“ (повсемѣстно).

При кровотеченіи изъ носа употребляютъ № 7, *при насморкѣ* № 117. Популярнымъ средствомъ противъ насморка считается паровая баня съ на-

мазываніемъ на ночь носа и его слизистой оболочки свѣчнымъ саломъ (повсемѣстно).

ХІІ. Волѣзни мочеполовыхъ органовъ.

При задержаніи мочи (Ischuria) употребляютъ средства, указанныя подъ № 78 и 82.

При водянкѣ, являющейся при воспаленіи почекъ, порокахъ сердца и проч., употребляются №№ 41, 48 и 55.

ХІІІ. Волѣзни кожи и подкожной клѣтчатки.

При чесоткѣ (Scabies) — „своробѣ“ и зудѣ, кромѣ средствъ, указанныхъ подъ №№ 128, 132, 152 и 174, обмываются „вѣниковой водой“ (въ сосудѣ съ горячей водой въ банѣ кладутъ вѣникъ), или парятся въ банѣ пихтовымъ вѣникомъ, или не смачивая тѣла водой, потѣютъ на полкѣ бани, натираютъ тѣло золой, парятся и въ заключеніе моются (Красноуфимскъ, Иргинскій заводъ), или наконецъ, принимаютъ ванны изъ навоза, а весною моются водою ручьевъ (Иргинскій заводъ).

Парши (Favus) присыпаются папоротникомъ (№ 157).

Ракъ (Cancer) присыпается порошкомъ раковинъ (№ 172).

Противъ сухаго лишая, — „кружинъ“ (Lichen scrophulosorum), кромѣ леодья, указаннаго въ № 160, употребляютъ: 1) посоленныя дрожжи (хозяйки называютъ *мъломъ*), 2) „растворъ квашни“, 3) чернила, 4) потъ на стеклахъ и 5) азотная ртуть (въ $\frac{1}{2}$ рюмку крѣпкой водки вливается немного ртути и растворъ разбавляется водой).

Мокрый лишай на лицѣ (*Eczema faciei acuta*), называемый „летучимъ огнемъ“, присѣкаютъ кремнемъ; первый или послѣдній въ семьѣ высѣкаетъ кремнемъ искру такъ, чтобы она упала на больное мѣсто; больной спрашиваетъ: „что сѣкешь“? — „Летучій огонь“! — „Сѣки, сѣки гораздо, чтобы его не было вѣкъ во вѣки отъ нынѣ и до вѣку“. (Красноуфимскъ).

Когда начинаетъ топиться печь, держать палецъ въ выходящемъ дыму и когда нагрѣется, прикладываютъ къ летучему огню (Аргинскій заводъ).

При мокромъ лишаѣ — „осыпушкѣ“, на другихъ мѣстахъ, — кромѣ средствъ, указанныхъ при золотухѣ, мажутъ больныя мѣста, или дегтемъ, полученнымъ при стараніи бумаги, или сметаной, которую слизываетъ собака, или водой съ щетка: горячее помело, вынутое изъ печки послѣ заметанія въ ней, обливаютъ на щеткѣ водой; большая часть воды испарится, остаткомъ же смазываютъ больныя мѣста.

Для ванны при экземахъ употребляютъ процѣженный отваръ пшеничныхъ отрубей съ $\frac{1}{2}$ крынки парнаго молока (Красноуфимскъ).

При прылости у дѣтей (*Eczema intertrigo*) дѣлаютъ присыпку изъ мелкаго порошка „гнилушекъ“ (сгнившее, преимущественно сосновое дерево).

Бородавки (*Verruca vulgaris*) лѣчатся слѣдующимъ образомъ: 1) завязываютъ на ниткѣ, или на лыкѣ съ кустарника дикое лыко (*Daphne mezereum* L.) узлы по количеству бородавокъ и бросаютъ нитку въ такое мѣсто, гдѣ бы она изгнила, или кладутъ подъ пята верей; 2) мажутъ бородавки потомъ лошади, или каплями съ третьей (?) жерди, оставшимися послѣ дождя; 3) берутъ прутикъ одиноко стоящаго въ лѣсу молодого шиповника (*Rosa sinatomea* L.), зажигаютъ его и раскаленнымъ углемъ выжигаютъ бородавки.

Мозоли (*Clavus*) на ногахъ прикладываютъ къ хорошо нагрѣтой печи, или держатъ близко къ мозолямъ раскаленный березовый уголь.

При постоянномъ потнѣнн ногъ (*Hyperidrosis pedum*) мажутъ ихъ свѣчнымъ саломъ, кладутъ подъ подошвы листоватаго табаку или крапивы (Красноуфимскъ).

Если ноги въ дорогѣ устаютъ и горятъ, мажутъ ноги мозгомъ изъ лошадиныхъ костей, или смачиваютъ мочей или, наконецъ, кладутъ подъ подошвы крапиву (Красноуфимскъ).

При ожогахъ (*Ambustura*) прикладываютъ третью картофель (№ 106) или кислую, квашенную гущу, или яичный бѣлокъ, или, наконецъ, землю, которой придаютъ болеутоляющее значеніе. Какъ перевязочное средство при ожогахъ 2-й и 3-й степени употребляется: 1) пережженое постное или скоромное масло, которое получаютъ при продолжительномъ вареніи или при пропусканіи чрезъ пламя (масло капаютъ черезъ пламя лучины); къ постному маслу прибавляютъ воскъ (село Богородское); 2) обожженные мѣста смазываютъ дегтемъ (Красноуфимскъ).

Въ начальныхъ періодахъ *обмороженія* (*Congelatio*) пораженные мѣста растираютъ снѣгомъ, потомъ смазываютъ гусинымъ саломъ.

Къ нарывамъ (*Abscessus*) кромѣ средствъ, указанныхъ подъ №№ 28, 57, 58 и 126, прикладываютъ въ формѣ припарки творогъ и булку, сваренную въ молокѣ.

Чирьи—вередъ (*Furunculus*) лѣчатся средствами, указанными подъ №№ 58 и 184.

Зная худую славу карбункуловъ, народная медицина, при появленіи чирья, стремится „очертить“ его, ограничить воспаленіе клѣтчатки въ ширину, для чего безымяннымъ пальцемъ правой руки водятъ вокругъ сучка въ стѣнѣ или столѣ, а потомъ вокругъ чирья, при словахъ: „какъ сохъ сучекъ, такъ сохни чиреекъ, какъ нѣтъ имени у пальца, такъ не будетъ мѣста для чирья“. Не помогло очерчиваніе, переходятъ къ припаркамъ изъ льнянаго сѣмьяни, къ печеной луковицѣ, къ печеному хлѣбу съ солью, къ куделѣ, натертой мыломъ и пр. Когда появится головка (скопленіе гноя подъ эпидермой въ видѣ бѣловатаго пятна), тогда приступаютъ къ выдавленію чирья руками и ногтями вытягиваютъ „ядро“ (омертвѣвшую клѣтчатку).

Карбункулъ—„камчугъ“ (Anthrax), по преимуществу лѣчатъ припарками изъ мать-мачихи (№ 67) (Киргишанское, Кленовское село) или гусинымъ саломъ (Александровскій заводъ).

Въ воспалительномъ процессѣ пальцевъ (*ногтоподъ*—Panaritium), столь обычной болѣзненной формѣ при условіяхъ физическаго труда, народъ подмѣтилъ три формы: 1) „суровикъ“, т. е. поверхностный процессъ (Panaritium cutaneum), 2) собственно *ногтоподу*, когда сходитъ ноготь, и 3) „змѣвецъ“, когда выдѣляются кости (Panaritium periostale). При первой формѣ (суровикѣ) употребляется заволока: посредствомъ иголки продергивается черезъ гнойный пузырь суровая нитка. При лѣченіи двухъ послѣднихъ формъ употребляютъ №№ 57, 115 и 121. Зная по горькому опыту дурныя послѣдствія отъ сухожильной ногтофды (Panaritium tendineum), при которой воспаление распространяется далеко за область пальца, народъ думаетъ приостановить распространеніе воспаления перетягиваніемъ пальца ниткой, послѣ чего палецъ опускается въ теплую воду такой температуры, которую возможно вынести.

Весьма цѣннымъ средствомъ при „змѣвцѣ“ считается кожа змѣй, которая распаривается и прикладывается къ больному мѣсту.

XIV. Травматическія заболѣванія.

При ушибѣ („уразѣ“, ударѣ), употребляютъ средства, указанные подъ №№ 10, 30, 37, 83, 171, 175 и 183.

При сильной общей травмѣ, въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, внутреннее употребленіе мочи пользуется громаднымъ авторитетомъ и каждый изъ представителей народной медицины имѣетъ въ запасѣ цѣлый рядъ примѣровъ (Киргишанское, Ачитское село и проч.).

При ограниченныхъ ушибахъ, безъ нарушенія цѣлости покрововъ, основательно растираютъ ушибенныя мѣста металлическими вещами—будетъ ли то крестъ, ложка—все равно. Гдѣ возможенъ выборъ, предпочтеніе отдается серебру (повсемѣстно).

При „надсадѣ“—(мышечномъ утомленіи, сухожильныхъ растяженіяхъ и пр.) употребляютъ №№ 16, 30 и 35.

При занозахъ зажигаютъ синюю холщевую тряпку и надъ дымомъ держатъ больное мѣсто*).

Зобъ (Struma) лѣчится средствами, указанными подъ №№ 108, 124 и 170.

---

*) На окуриваніе, любимѣйшій способъ народнаго врачеванія, нужно смотрѣть, какъ на выкуриваніе, выживаніе изъ организма болѣзнетворнаго начала, —будетъ ли то нечистый духъ, который предполагается въ душевно-больныхъ и выкуривается *чертополохомъ* (№ 84), *душицей* (№ 117), или «рѣзачка», при которой, на раскаленные кирпичи, закрытые пологомъ вмѣстѣ съ больнымъ, бросаютъ сѣмяна лука (№ 149) или просто заноза. На томъ же народномъ міросозерцаніи покоится окуриваніе скота *богородскою травой* (№ 120), окуриваніе избъ и проч.

При ранахъ употребляются №№ 103, 125 и 161. Для остановки кровотечения изъ раны, кромѣ психическаго воздѣйствія заговорами, прикладываютъ къ ранѣ трутъ (*Boletus* sp.), порошокъ, паутину, присыпаютъ спорами дождевика (*Lycoperdacei*), сажей, сахаромъ, черной землей и даже табакомъ. Значительныя раны лѣчатся такъ же какъ и язвы. Татары любятъ класть на раны сало.

Скрипунъ (*Tendovaginitis crepitans*) лѣчится „скрипуномъ“ (№ 53). Говорить о народномъ лѣченіи вывиховъ и переломовъ мы не будемъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко.

При *паховыхъ и мошоночныхъ грыжахъ* у взрослыхъ, употребляютъ №№ 47, 52, 66, 77, 85, 91, 99, 105 и 158.

XV. Ревматизмы (суставный, мышечный), венерическія заболѣванія и сифились.

Ревматизма народная медицина въ самостоятельную болѣзненную форму не выдѣляетъ. Въ группу „ломи“, „костяной грыжи“, входятъ какъ мышечный и суставный ревматизмъ, такъ и костныя страданія вторичнаго и третичнаго сифилиса. Для внутренняго употребленія противъ ломоты медицина пользуется средствами, указанными подъ №№ 2, 4, 14, 46, 58, 109 и 138, для наружнаго—№№ 3, 5, 12 и 130. Только одна форма здѣсь строго выдѣляется—ревматическая боль въ поясницѣ (*Lumbago*), называемая *утинь**).

При этомъ заболѣваніи, кромѣ средствъ, указанныхъ подъ №№ 33, 63, 80, 83, 108, 112 и 123, въ большомъ ходу и до настоящаго времени слѣдующій симпатическій способъ лѣченія: кладутъ больнаго вдоль порога двери, — одну ногу по одну сторону порога, другую—по другую, на спину больнаго кладется небольшая палочка—лутошка (липовая палка безъ коры); старшій по рожденію въ семьѣ беретъ топоръ и слегка рубить имъ по палкѣ; а послѣдній (?) по рожденію спрашиваетъ: „чего рубишь?“—„Утинъ“.—„Руби гораздо, чтобы его не было вѣкъ во вѣки отъ нынѣ и до вѣку!“ Вопросъ и отвѣтъ повторяются три раза** (Богородское село, Иргинскій заводъ).

Триптеръ—„рѣзачка“ (*Gonorrhoea*) обыкновенно объясняется тѣмъ, что больной помочился „противъ вѣтра“. Кромѣ средствъ, указанныхъ подъ

*) Слово *утинь* непонятно звучитъ, какъ для врача, такъ и для публики; между тѣмъ въ прошломъ столѣтіи оно было общеупотребительно: «если грыжа», по словамъ доктора Пекена, «очень жестока, особливо когда садится на поясницу и крестецъ, то называютъ ее обыкновенно „утиномъ“». (Домашній лѣчебникъ доктора медицины Пекена, въ переводѣ профессора Академіи Наукъ Протасова, изданіе 1766 года)

**) Мы не помѣстили въ числѣ средствъ противъ ревматизма брусничную траву (*Vitis idaea*) такъ какъ употребленія ея въ народѣ, можетъ быть и случайно, не встрѣтили; въ средѣ же священниковъ и чиновниковъ она давно популярна, до того, что предпочитается нѣкоторыми правильному лѣченію сѣрными водами, напр. О. К—ій, В. П. А—овъ заявляли намъ, что лѣтъ 30--40 назадъ они вылѣчивались отъ упорнаго ревматизма только употребленіемъ брусничной травы.

№№ 20, 116, 134 и 159 въ большомъ употребленіи хрусталь, который пьютъ съ водой въ измельченномъ видѣ.

Здѣсь нужно отмѣтить весьма вредный, грубо эгоистическій обычай, состоящій въ томъ, что больной, дабы избавиться отъ болѣзни, долженъ путемъ совокупленія передать ее другому здоровому лицу.

При *шанкрахъ* употребляется мѣдный купоросъ (№ 178).

Сифилисъ лѣчится ртутью, сулемой и киноварью. При употребленіи ртути берутъ ея золотникъ, растворяютъ въ 2—3 золотникахъ крѣпкой водки, вливаютъ растворъ въ косушку водки и пьютъ по 10—15 капель раза два въ день (Саранинскій заводъ).

Сулема употребляется въ водномъ растворѣ, для чего $\frac{1}{2}$ золотника сулемы кладутъ въ штофъ воды и держатъ въ продолженіи 12 сутокъ въ тепломъ мѣстѣ. Пьютъ по наперстку (?), во время ѣды (Киргишанское, Бисертск. зав.).

Киноваръ (№ 177) употребляется въ формѣ окуриванія: отъ 10 до 25 гранъ киновари кладутъ на раскаленное желѣзо и заставляютъ вдыхать „чадь“. Передъ окуриваніемъ больному дѣлаютъ „пары“, „бучать его“, т. е. опускаютъ въ воду, стоящую около больнаго, раскаленные кирпичи и плотно закрываютъ его для того, чтобы онъ вспотѣлъ. Температура избы держится высокая; курятъ разъ въ день, въ теченіи 3—20 дней. Послѣ подкуриванія больному даютъ настойку въ винѣ изъ дорогой травы (*Rad. sarsaparillae*), по 2 рюмки въ день, непременно теплую. Больной долженъ беречься холода и воздерживаться отъ кислой и соленой пищи въ продолженіи шести недѣль (Саранинскій зав.).

Происхожденіе *язвъ* на тѣлѣ, особенно же на голени, приписываютъ волосу. Конскій волосъ, находясь въ водѣ, по народнымъ понятіямъ, подвергаясь какому-то метаморфозу, приобретаетъ жизненную силу, входитъ въ тѣло человѣка и производитъ рядъ болѣзненныхъ измѣненій.

Кромѣ *бѣлаго цвѣта* (№ 38) снаружи и отвара *ретья* (№ 90) внутрь, кладутъ на язвы творогъ, съ цѣлью вызвать волосъ лакомымъ блюдомъ, или же лѣчатъ парами, для чего больное мѣсто держатъ надъ паромъ, образующимся при опусканіи накаленныхъ кирпичей въ щелокъ съ ржаными колосьями; затѣмъ язвы поливаются этимъ щелокомъ и къ нимъ прикладывается спускъ, состоящій изъ воска, масла и смолы хвойныхъ растений (сѣры). Язвы парятъ разъ 15—20 (Саранинскій заводъ).

Отъ „могильной кости“ (остеофиты) трутъ наростъ крошкой хлѣба, выпавшей изо рта во время ѣды (Красноуфимскъ), или берутъ земли „своего имени“ (съ могилы покойника, носившаго имя больнаго) и трутъ больное мѣсто, или при встрѣчѣ съ двумя татарами спрашиваютъ: „васъ сколько идетъ?“ „Двое“, отвѣчаютъ тѣ,—„возьмите третью, мою могильную кость“. Или трутъ больное мѣсто о скобку церковныхъ дверей.

XVI. Собачье бѣшенство и укушеніе змѣй.

Отъ *собачьяго бѣшенства* (Lyssa) пьютъ *зорьку* (№ 60) (Саранинскій заводъ), или ѣдятъ жаренныхъ голубей и свиныхъ рѣпки (*Malva borealis* Wall). Когда укусить подозрительная собака, то разрѣзываютъ ей ухо и кровью смазываютъ укушенную рану (Александровск. вол.), или собаку убиваютъ и кровью ея смазываютъ рану, или, наконецъ, рану присыпаютъ шерстью, настриженною съ укусившей собаки (Красноуфимскѣ).

При укушеніи змѣй употребляются №№ 9 и 111. Въ Артинскомъ заводѣ цѣлые десятки лѣтъ пользуется популярностью, не только для завода, но и для окольныхъ селеній, слѣдующій способъ лѣченія ужаленныхъ змѣями, записанный нами десять лѣтъ назадъ, со словъ г. Бушуева, старшаго въ родѣ, которому передается „секретъ“. Въ ковшикъ *жара* (горячихъ углей), взятаго изъ печки, кладутся двѣ—три щепки „смоля“ (сосноваго кондоваго дерева, обильнаго смолой), кусочка два береста, чтобы щепки и бересто только дымились, а не горѣли пламенемъ, и въ ковшикъ время отъ времени бросаютъ соль. Надъ ковшикомъ, въ разстояніи четверти—двухъ, держится (укушенное, опухшее) больное мѣсто, подвергаясь дыму и теплу въ продолженіи 15—20 минутъ. Процедура повторяется два—три раза. Какъ люди, такъ и скотъ, не должны пить пока не будетъ лучше, при чемъ скотъ держится въ сухомъ мѣстѣ*).

Пораженныхъ молніею раздѣваютъ до нага, кладутъ на обнаженную отъ дерна землю (въ полѣ—на пашнѣ, въ селеніяхъ—въ огородѣ) и засыпаютъ тѣло слоемъ земли. Увѣряютъ въ прекрасныхъ результатахъ (дер. Семенчи, Артинскій зав.).

Въ народной ветеринаріи употребляется: а) *запарная трава* (№ 4) отъ „опоя“ (суставнаго ревматизма), 2) *терновникъ* (№ 50) „отъ дуру“ (воспаленія мозговыхъ оболочекъ, 3) *блоница* (№ 117) отъ „ногтя“ (всевозможныхъ коликъ въ животѣ), 4) *урошная трава* (№ 119) отъ „уроковъ“, 5) *настойка ржи* (№ 152) отъ чесотки, 6) *сулема* (№ 176) при кастраціяхъ и 7) *фекальная масса* (№ 184), при мокрецахъ (*Ragonichia equi*).

Отъ клоповъ употребляются средства, указанные подъ №№ 94, 96 и 157.

---

*) Я не привожу здѣсь заговора на соль и заговора во время процедуры, извиняясь предъ г. Бушувымъ, что не выполняю обѣщанія «не говорить о секретѣ старшимъ себя». Мнѣ не привелось лично примѣнить данный способъ, но я заинтересовался имъ потому, что мой отецъ, служившій въ Артинскомъ заводѣ болѣе пятидесяти лѣтъ священникомъ и слѣдовательно лично видѣвшій больныхъ, которые привозились къ Бушувымъ изъ окольныхъ селеній, весьма сочувственно отзывался объ этомъ лѣченіи и склонилъ г. Бушуева подѣлиться «секретомъ» со мной—врачемъ. Последнія работы Serafini и Ungaro надъ изслѣдованіемъ дыма (Врачъ 1892 г., № 19) побуждаютъ задуматься надъ даннымъ способомъ лѣченія. *Мизеровъ.*

СПИСОКЪ

травъ и другихъ лекарственныхъ средствъ, употребляемыхъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ.

1. * *Atragene alpina* L. Var. *sibirica* Rupr.*). Народныя названія: *Дикій* или *бѣлый хмль*. *Выше мьсу*. *Съ мьсомъ ровня*.

Употребляется противъ лихорадки (Сажинская волость) и какъ болеутоляющее при брюшной боли вообще („отъ надсады“), въ частности же при изжогѣ и поносѣ. Сухую траву завариваютъ какъ чай и выпиваютъ чайную чашку, послѣ чего слѣдуетъ уменьшеніе боли и покойный сонъ (Иргинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—употребляется въ Красноуфимскомъ уѣздѣ отъ „худобы“, простуды и для „высыпанія грыжи“, съ цѣлью уклоненія отъ солдатчины.

2. * *Thalictrum minus* L. *Василиска*.

Въ формѣ инфузо-декокта (завариваютъ въ горшкѣ вмѣстѣ съ корнемъ, или безъ корня, и парятъ) употребляется при ревматическихъ боляхъ въ поясницѣ (*Lumbago rheumatica*) и при такъ называемой „водяной грыжѣ“, т. е. при воспаленіи костей и надкостницы (*Ostitis et periostitis syphilitica*) (Уткинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову,—употребляется въ Красноуфимскомъ уѣздѣ отъ „худобища“.

3. *Pulsatilla patens*. Mill. *Вътренникъ—трава*. *Одномѣсячные бѣлые цвѣтки*. *Сердечная трава*. *Прострѣлъ*.

Употребляется въ видѣ отвара или настойки въ винѣ, при параличахъ ревматическаго, простуднаго характера и при страданіяхъ желудка („сердца“), отъ питья „съ жару“ (Саранинскій заводъ). Снаружи употребляется въ формѣ растиранія настойкой на водкѣ, въ формѣ припарки, или *per se*, при ревматическихъ боляхъ, при чемъ часто получается рѣзкій воспалительный процессъ кожи (Аргинскій заводъ).

4. * *Adonis vernalis* L. *Запарная трава*.

Употребляется въ Потапинской и Нязе-Петровской волостяхъ, въ порошкахъ (приблизительно грань по десяти, раза три въ день), при перемежающейся лихорадкѣ („теткѣ“, „веснухѣ“, „комухѣ“). Въ Саранинскомъ заводѣ *Adonis vernalis* имѣетъ широкое примѣненіе при суставномъ ревматизмѣ у лошадей („опой“), для чего посыпаютъ кормъ (мѣшанку) порошкомъ, состоящимъ изъ смѣси *запарной травы* съ отрубями и яичной скорлупой.

Примѣч. По Крылову—употребляется въ Красноуфимскомъ уѣздѣ отъ „надсады“.

5. * *Ranunculus acer*. L. *Купальница*.

Употребляется какъ внутрь (въ видѣ настоя въ холодной водѣ), при „полуночицѣ“, такъ и снаружи, какъ раздражающее и болеутоляющее (Красноуфимскъ и окрестныя села).

6. * *Aconitum septentrionale*. Kölle. *Христовъ опочетъ*.

Употребляется въ формѣ отвара при падучей болѣзни (Саранинскій заводъ).

*) Звѣздочкой отмѣченныя растенія вошли въ работу П. Н. Крылова: „О народныхъ лекарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ въ Пермской губерніи“. Тр. Общ. Естеств. при Импер. Казанскомъ универ. Т V, вып. II.

7. *Actaea spicata. L. seu *melanocarpa*. Led. *Черный воронецъ.*

Употребляется въ формѣ отвара при дѣтской эклампсiи („родимецъ“) (Уткинскій заводъ) и при кровотеченияхъ изъ носа (Шемахинскій заводъ). Употребляется все растение и собирается во время созрѣванія плодовъ.

8. *Actaea spicata. L. β *erythrocarpa* Led. *Красный воронецъ.*

Въ видѣ отвара употребляется при маточныхъ кровотеченияхъ („красной грѣжѣ“); пьютъ крѣпкой отваръ по 3 чашки въ день (Уткинскій заводъ).

9. *Raeonia anomala. L. *Марьинъ корень.*

Пользуется широкою популярностью во всемъ уѣздѣ какъ средство, отгоняющее змѣй, для чего носятъ его при себѣ во время полевыхъ работъ и растение сажаютъ на мѣстахъ, гдѣ много змѣй (Кленовская и Киргишанская волость). Въ случаѣ укушенія змѣями, прикладываютъ къ опухоли вареный и остуженный Марьинъ корень вмѣстѣ съ „трехгодовалымъ снѣгомъ“ (Уткинскій заводъ).

10. **Chelidonium majus*. L. *Крѣпавикъ елмичный.*

Настаиваютъ на винѣ и пьютъ отъ ушибовъ и травматическихъ сотрясеній, („уразу“) (Уткинскій заводъ).

11. *Berberoa incana* DC. *Бѣлый цвѣтокъ.*

Пьютъ наливку на водкѣ отъ бессонницы (Саранинскій заводъ).

12. *Cochlearia Armoracia*. L. *Хрѣнъ.*

Хрѣномъ растираютъ тѣло при ревматическихъ страданіяхъ и боли въ поясницѣ. Тертый и смоченный водой хрѣнъ нюхаютъ при угарѣ и головной боли (повсемѣстно).

13. *Thlaspi arvense*. L. *Горчанка.*

Употребляется при жабѣ и скарлатинѣ („горячкѣ“), въ формѣ питья и положенія настоема изъ 10 золотниковъ растенія на четверть ведра воды; настой пьютъ по 8 чашекъ въ сутки (Артинскій и Нязе-Петровскій зав.).

14. *Capsella Bursa pastoris*. Mönch. *Лопаточки.*

Пьютъ въ формѣ инфузодекокта при страданіяхъ желудка („болѣзняхъ сердца“) (Уткинскій заводъ) и ревматизмѣ (г. Красноуфимскъ).

15. *Brassica oleracea* L. *Капуста.*

При горячкѣ (тифахъ) прикладываютъ къ головѣ пластовую капусту, а къ ногамъ красную глину.

16. *Raphanus sativus. L. *Рѣдька.*

При общей слабости, кашлѣ, отсутствіи аппетита, боли въ животѣ, „отъ надсады“, пьютъ рѣдечный сокъ *per se*, или съ водкой (Красноуфимскъ, Артинскій зав.).

17. *Turritis glabra*. L. *Усовья трава.*

Пьютъ отваръ отъ „усовья“, подъ которымъ разумѣютъ колющія, стрѣляющія боли груди и живота (Красноуфимскъ).

18. * *Viola hirta*. L. *Трава грудница. Землецвѣтъ.*

Употребляется внутрь, въ видѣ отвара, отъ жабы (Красноуфимскъ) и прикладывается, въ видѣ припарки, при воспаленіи грудныхъ желѣзъ (грудницѣ).

19. * *Viola tricolor*. L. *Троецвѣтка. Иванъ да Марья*

Употребляется въ формѣ отвара, какъ желудочное, и при желтухѣ (Саранинскій заводъ) и прикладывается снаружи въ формѣ припарки, при „ломотѣ въ костяхъ и килѣ“ (Кріулинское).

20. * *Parnassia palustris*. L. *Перелойка. Перелойная трава.*

Въ формѣ инфузодекокта употребляется: 1) при трипперѣ („рѣзачкѣ“) (Уткинскій заводъ), 2) при поносѣ (Саранинскій заводъ), 3) при желудочно-кишечныхъ коликахъ („рѣзи“ въ животѣ) и 4) въ послѣродовыхъ заболѣваніяхъ (Шемахинскій заводъ). Здѣсь берутъ двѣ „щепотки“ на заварку и пьютъ какъ чай.

21. *Dianthus Seguieri*. Villars. *Татарское мыло.*

Настойку или отваръ пьютъ при отсутствіи мѣсячныхъ (Amenorrhoea) („для открытія кровей“) и при болѣзненности ихъ (Dysmenorrhoea) (при „запорѣ кровей“) (Саранинскій заводъ).

22. * *Dianthus deltoides*. L. *Богородицына слезка.*

Употребляется при маточныхъ кровотеченіяхъ („красной грыжѣ“) (Menorrhagia et Metrorrhagia) въ формѣ отвара изъ двухъ золотниковъ на бутылку воды; принимаютъ по чайной чашкѣ 3 раза въ день (Шемахинскій заводъ, Поташинское село).

23. *Silene inflata*. Smith. *Колокольчики.*

Употребляется при „бѣлой грыжѣ“, т. е. при бѣляхъ, обусловливаемыхъ катарральнымъ воспаленіемъ влагалища и полости матки. Траву собираютъ во время цвѣтенія, высушиваютъ и пьютъ какъ чай въ продолженіи шести недѣль. Діета при данномъ лѣченіи сводится на запрещеніе кваса (Уткинскій заводъ).

24. * *Silene nutans* L. *Дремучая желтуха.*

Употребляютъ какъ чай при „желтой грыжѣ“ съ „рѣзью“, т. е. при трипперныхъ бѣляхъ (Vaginitis gonorrhoeica) (Уткинскій заводъ).

25. *Viscaria vulgaris* Rohl. *Мыльце. (?)*

Употребляется при сильныхъ маточныхъ кровотеченіяхъ (Metrorrhagia). Собирается во время цвѣтенія все растеніе (листья, цвѣты и корень), высушивается и заваривается какъ чай. Доза—двѣ или три чашки въ день (Шемахинскій заводъ).

26. * *Lychnis chalconica* L. *Татарское мыло. Мыльце.*

При желтухѣ (Шемахинскій заводъ) и лихорадкѣ (Молебской заводъ) пьютъ по 3 чашки отвара изъ 2 золотниковъ на бутылку воды.

Снаружи отваръ мыльца употребляется въ формѣ примочки при головныхъ боляхъ (Молебскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—употребляютъ въ Артинскомъ заводѣ „отъ дуру“.

Какъ симпатическое средство употребляется при галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ во время меланхоліи (*Melancholia*) (при „блзни отъ тоски“), для чего тайно отъ больного растеніе натыкають въ щели дома, кладутъ въ подушку, постель и проч. (Сажинская волость).

27. *Stellaria media Willars. *Мокрица*.

Употребляется въ формѣ настойки въ послѣродовыхъ заболѣваніяхъ (Саранинскій заводъ).

28. *Linum usitatissimum* L. *Ленъ*.

Сѣмя, сваренное съ молокомъ, употребляется въ формѣ припарки при нарывахъ (Артинскій заводъ).

29. *Tilia parvifolia* Ehrh. *Липа*.

Отваръ липоваго цвѣта употребляется какъ потогонное отъ простуды.

Если корова теряетъ жвакъ, то кладутъ ей въ ротъ размоченное лыко и заставляютъ жевать (Красноуфимскъ, Артинскій заводъ).

30. **Hypericum perforatum* L. *Уразница*. *Уразная трава*. *Кровавикъ*.

Употребляется при всевозможныхъ ушибахъ, (отъ „уразу“, для „разбитія крови“) (Саранинскій заводъ, Красноуфимскъ), при кашлѣ (Красноуфимскъ), ревматизмѣ („отъ надсады и простуды“). Пьютъ отваръ или настойку въ винѣ (Артинскій и Саранинскій заводъ, Сажинская волость).

31. **Hypericum quadrangulum* L. *Уразникъ*.

Употребляется какъ діететическое средство, вмѣсто чая, раскольниками (Шемахинскій заводъ).

32. **Geranium silvaticum* L. *Грабелыцы*.

Пьютъ отваръ отъ перемежающейся лихорадки (*Febris intermittens*). (Саранинскій заводъ).

33. **Geranium pratense* L. *Пять перстовъ*. *Трава Черносливка*. *Усовая трава*.

Пьютъ какъ чай при поясничной боли (Шемахинскій заводъ) и въ видѣ настойки на водкѣ, при различныхъ страданіяхъ грудныхъ и брюшныхъ органовъ („колотье“, „усовье въ бокахъ“ Уткинскій и Бисертскій заводы). Трава собирается во время цвѣтенія вмѣстѣ съ корнемъ.

34. **Impatiens noli tangere* L. *Пръпунъ*.

Пьютъ отваръ для возбужденія потугъ у рожениць (Сажинская волость).

35. *Cytisus biflorus L'Herit. *Боровая ива*.

Употребляютъ какъ дѣтское слабительное (Саранинскій заводъ), при желтухѣ (Красноуфимскъ) и „надсадѣ“ (Уткинскій заводъ). Растеніе собирается во время созрѣванія плодовъ и употребляется въ отварѣ (варятъ въ горшкѣ).

Примъч. По Крылову—даютъ отъ „сердца“, въ Ново-Златоустовскомъ селѣ, и отъ желтухи—въ Красноуфимскѣ.

36. **Trifolium pratense* L. *Розовый поповникъ. Красная сосулька.*
Употребляютъ какъ чай, при кашлѣ, чахоткѣ (Саранинскій заводъ) и всевозможныхъ кровотеченіяхъ (Уткинскій заводъ).

37. *Trifolium lupinaster* L. *Крoвавикъ или Уразница.*
Употребляется въ декоктѣ или наливкѣ противъ ушибовъ и сотрясенія тѣла (Саранинскій заводъ).

38. **Trifolium montanum* L. *Бѣлый цвѣтъ.*
Употребляется въ формѣ припарки—„паренья“, при язвахъ третичнаго сифилиса, при такъ называемыхъ „волосатикахъ“ (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—въ Красноуфимскѣ—при остановкѣ мѣсячнаго кровото-
ченія.

39. *Trifolium repens L. *Бѣлая сосульки.*

Употребляется въ формѣ декокта отъ бѣлей (Уткинскій заводъ).

40. **Trifolium agrarium* L. *Шутемный хмѣль. Хмѣлекъ.*

Употребляютъ отъ головныхъ болей (Шемахинскій заводъ) и шуму въ ушахъ (Саранинскій заводъ). Пьютъ отваръ и настойку. Снаружи употребляется при болѣз-
няхъ глазъ, для чего траву связываютъ маленькими вѣниками и распаривши въ банѣ, прикладываютъ къ глазамъ.

41. *Vicia Faba* L. *Бобы.*

Отваръ растенія пьютъ отъ водянки и желтухи; въ формѣ припарки употре-
бляютъ при всѣхъ страданіяхъ горла, сопровождающихся опухолью подчелюстныхъ и
шейныхъ желѣзъ (скарлатина, дифтеритическая жаба). При водянкѣ дѣлаютъ изъ
бобовины ванны (Артинскій заводъ).

42. **Lathyrus pisiformis* L. *Журавлинный горохъ.*

Отваръ корня употребляется противъ падучей болѣзни (Epilepsia) (Саранинскій
заводъ).

43. **Hedysarum elongatum. Fisch.* и *Onobrychis Sativa* L. *Святая
рябина. Журавлинный горохъ.*

Отъ головной боли пьютъ отваръ и примачиваютъ имъ голову (Верхъ-Суксун-
скій заводъ); корень въ порошокъ употребляютъ при падучей болѣзни (Саранинскій
заводъ).

44. *Prunus padus* L. *Черемуха.*

Муку изъ ягодъ черемухи ѣдятъ при поносахъ (Артинскій заводъ).

45. **Sanguisorba officinalis* L. *Иванка. Крoвавикъ.*

Корень употребляется per se отъ зубной боли (Шокуровская вол.), въ отварѣ—
противъ маточныхъ кровотеченій и кровавой мочи (Haematuria—Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—снаружи употребляется въ Красноуфимскѣ, въ видѣ при-
парки, при змѣевцѣ.

46. *Alchemilla vulgaris* L. Борки.

Пьютъ какъ чай при ревматическихъ боляхъ и опухоляхъ („вѣтряной килѣ“ — Уткинскій заводъ) и въ формѣ припарки прикладываютъ къ шеѣ, при жабѣ и скарлатинѣ („горлинкѣ“ — Красноуфимскъ).

47. *Potentilla Tormentilla* Schrank. Грыжевая трава. Черемный корень.

Употребляютъ въ формѣ настоя отъ поноса (Уткинскій заводъ) и въ формѣ отвара при пупочной и мошоночной грыжѣ (Уткинскій заводъ); для дѣтей траву варятъ въ молокѣ.

48. **Potentilla argentea* L.

Пьютъ какъ потогонное при водянкѣ, отъ воспаления почекъ (Nephritis), при опухѣ отъ „опоя“ (послѣ холоднаго питья), „простуды“; въ видѣ припарки прикладываютъ къ глазамъ (Манчажская волость).

49. *Rubus idaeus L. Малина.

Инфузо-декоктъ ягодъ малины повсемѣстно употребляется какъ потогонное, при простудныхъ заболѣваніяхъ

50. *Crataegus sanguinea* Pall. Терновникъ.

Отваръ корня употребляютъ отъ кашля (Саранинскій заводъ, дер. Живодерки). Животныхъ, больныхъ „дуромъ“ (Meningitis ensootica), поятъ отваромъ ягодъ съ прибавкою бусу отъ трехъ мельницъ изъ подъ нижника (нижняго колеса) (Красноуфимскъ).

51. *Sorbus Aucuparia* L. Рябина.

Ягоды рябины, сваренныя въ квасу, употребляются какъ слабительное (село Киргишанское).

52. **Lythrum Salicaria* L. Плакунъ. Вѣзмъ травамъ трава.

Употребляютъ корень въ формѣ отвара при грыжѣ, боли въ животѣ (Саранинскій заводъ) и отъ тоски (Сажинская волость). Корень собирается осенью.

Примѣч. По Крылову — употребляется въ Красноуфимскѣ „отъ неправильнаго и излишняго теченія крови у женщинъ“ и при „змѣвцѣ“.

53. *Sedum vulgare* Link. (?) Заячья капуста. Скрипунъ.

При скрипунѣ (Tendovaginitis) прикладываютъ къ рукѣ заваренные листья (Красноуфимскъ, Саранинскій заводъ). Бездѣтныя женщины ѣдятъ корень для того, чтобы рожать дѣтей (Уткинскій заводъ).

54. *Sedum acre L. Сердечная трава.

Пьютъ отваръ при болѣзняхъ желудка („сердца“ — Уткинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову — употребляется въ Красноуфимскѣ отъ „мужской немочи“.

55. *Ribes nigrum L. Черная смородина.

Отваръ листьевъ повсемѣстно употребляютъ отъ золотухи. Язвы, развивающіяся на отечныхъ ногахъ (при страданіи сердца, почекъ), обмываютъ отваромъ и кладутъ на нихъ листья (Саранинскій заводъ).

56. *Eryngium planum* L. *Колочая трава. Голубой, Колочій чертополохъ. Чертополохъ звѣздчатый.*

Въ формѣ отвара употребляется противъ паралича и слабоумія (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—употребляется въ Ново-Златоустовскомъ селѣ для окуриванія дѣтей въ банѣ отъ испуга и переполоха.

57. * *Cicuta virosa* L. *Омегъ.*

Настоемъ на водкѣ (8 золотниковъ на бутылку водки) растираютъ больныя мѣста при ломотѣ (Шемахинскій заводъ); кашку, получаемую при вареніи съ молокомъ, прикладываютъ къ нарывамъ и „змѣвцу“ (Panaritium—Саранинскій заводъ).

58. * *Vupleurum aureum* Fisch. *Желтые цвѣты. Осиновая трава. Василиска. Желтоцвѣтка.*

Употребляется въ формѣ отвара корня и стеблей при ревматизмѣ (дер. Приданникова), маточныхъ кровоточеніяхъ, бѣляхъ (Саранинскій заводъ), при мужскомъ безсиліи („отъ слабаго естества“—Impotentia). Сваренная съ дегтемъ прикладывается на чирьи, нарывы и опухоли („килы“—Саранинскій заводъ, Сажинская волость).

59. * *Libanotis sibirica* C. A. Meу. *Моденъ трава.*

Въ отварѣ, вмѣстѣ съ корнемъ, употребляется противъ падучей болѣзни (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—корень употребляется въ Красноуфимскомъ уѣздѣ отъ зубной боли.

60. *Conioselinum* Fish. *Дикая зоря.*

Корень употребляется противъ собачьяго бѣшенства (Lyssa) въ порошокъ и наливкѣ (Саранинскій заводъ).

61. * *Heraclеum sibiricum* L. *Полевой коперъ. Боржевыя листья.*

Употребляется внутрь въ видѣ наливки, при метеоризмѣ—пученьѣ живота (Meteorismus), при недостаткѣ отдѣленія груднаго молока (Agalactia) и снаружи, въ видѣ припарки, при рожистомъ процессѣ (Саранинскій заводъ).

62. * *Daucus Carota* L. *Морковь.*

Третья морковь имѣетъ широкое примѣненіе, какъ перевязочное средство, употребляемое при гноящихся, зловонныхъ ранахъ и язвахъ, наприм. при рактѣ грудной желѣзы. Морковь нужно отмѣтить какъ весьма интересное народное средство, приносившее пользу въ такихъ нагноеніяхъ, какъ травматическое нагноеніе подкожнаго мѣшка, при существованіи въ немъ личинокъ мухъ (Артинскій заводъ).

63. *Lonicera* Sp. *Жимолостникъ.*

Жуютъ жимолостникъ при боли въ спинѣ (Красноуфимскѣ).

64. * *Galium Aparine* L. *Березка. Повѣлика.*

Употребляется въ отварѣ при кишечныхъ коликахъ, *рвзи* (Enteralgia—Нязе-Петровскій заводъ), въ настойкѣ, въ послѣродовыхъ заболѣваніяхъ, при опущеніи матки, при переломахъ и вывихахъ (Уткинскій заводъ, Сажинская волость).

65. * *Valeriana officinalis* L. *Валерьянъ. Земляной ладанъ.*

Употребляется въ отварѣ при головокруженіи (Саранинскій заводъ).

66. * *Scabiosa succisa* L. *Пупная трава. Пуповникъ синій.*

Холостая (т. е. безъ цвѣтовъ) употребляется для дѣвиць, а *нехолостая* для мужчинъ и женщинъ; даютъ въ настоѣ и отварѣ, при боли въ животѣ и поносѣ (Уткинскій заводъ), при пупочной и мошоночной грыжѣ (Саранинскій заводъ).

67. * *Tussilago Farfara* L. *Мачиха. Мать—мачиха.*

Въ видѣ припарки изъ листьевъ прикладываютъ къ карбункуламъ („камчукамъ“—село Киргишанское и Саранинскій заводъ) и различнымъ опухолямъ (Александровская волость).

68. *Erigeron acris* L. *Бѣлокопытка.*

Употребляютъ въ формѣ отвара отъ бѣлей (Уткинскій заводъ).

69. * *Inula salicina* L. *Желтая шапочка.*

Употребляется отъ лихорадки (Саранинскій заводъ).

70. * *Bidens tripartita* L. *Черёда.*

Отваръ череды пьютъ при глухотѣ (село Ключи) и кожныхъ заболѣваніяхъ, приписываемыхъ золотухѣ; при послѣдней формѣ заболѣванія дѣлаютъ ванны изъ отвара череды (Артинскій, Суксунскій заводы). Настоемъ изъ череды примачиваютъ глаза (Красноуфимскъ).

71. *Helianthus annuus* L. *Подсолнечникъ.*

Сердцевину стебля подсолнечника пьютъ въ видѣ настоя, при лихорадкѣ (Артинскій заводъ).

72. * *Anthemis tinctoria* L. *Желтуха.*

Употребляется въ видѣ отвара при желтухѣ.

73.* *Achillea Millefolium* L. *Тысячелистникъ. Кашица. Золотушная трава. Бѣлый морковникъ* (съ бѣлыми цвѣтами). *Морковная мякина* (съ красными цвѣтами).

Пьютъ какъ чай или въ наливкѣ: 1) при золотухѣ (Уткинскій заводъ), 2) какъ укрѣпляющее и возбуждающее аппетитъ, при истощеніи, наприм. отъ чахотки (Красноуфимскъ), 3) при истеріи („порчѣ“) (Саранинскій заводъ), 4) при отсутствіи регулъ (Аменоррhoeа—Саранинскій заводъ), 5) при кровавистыхъ бѣляхъ (Сапсег—„красной грыжѣ“) пьютъ отваръ растенія съ красными цвѣтами; при обыкновенныхъ бѣляхъ („бѣлой грыжѣ“) съ бѣлыми цвѣтами (Уткинскій заводъ).

74. *Leucanthemum vulgare* Lam. *Бѣлый поповникъ.*

Употребляется противъ чахотки (Саранинскій заводъ).

75. *Matricaria Chamomilla* L. *Ромашка.*

Пьютъ отваръ послѣ родовъ и при остановкѣ мѣсячныхъ (Шемахинскій заводъ).

76. *Matricaria inodora* L. Морковная трава.

Пьют отваръ отъ бѣлей (Уткинскій заводъ).

77. *Pyrethrum corymbosum* Wild. Девятисильникъ бѣлый.

Пьют отваръ при брюшныхъ болѣзняхъ (Gastroenteritis) и грыжахъ (Hernia) (Сажинская волость).

78.* *Artemisia vulgaris* L. Чернобыльникъ.

Употребляется въ видѣ настойки на водкѣ отъ метеоризма кишекъ (Meteorismus), „пученья въ животѣ“, запора (Obstructio alvi), задержанія мочи (Ischuria) и глистовъ (Helmenthiasis) (Саранинскій заводъ). При маточныхъ кровотеченияхъ пьют по 4 чайныхъ чашки въ сутки отвара изъ 6 золотниковъ на бутылку воды. (Шемахинскій заводъ).

79. * *Artemisia sericea* Weber. Каменная полынь.

Употребляется противъ чахотки, перемежающейся лихорадки и вообще при страданіяхъ грудныхъ органовъ (Саранинскій и Шемахинскій заводы), при потерѣ голоса отъ простуды (Красноуфимскъ), въ видѣ отвара изъ 4 золотниковъ на бутылку воды; принимаютъ по 6 чайныхъ ложекъ въ сутки (Шемахинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову — употребляется въ Ново-Златоустовскомъ селѣ противъ боли „сердца“ и живота.

80. * *Tanacetum vulgare* L. Рябинка.

Употребляется въ декоктѣ (съ корнемъ) отъ поясничной боли (Lumbago) (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову — пьют въ Красноуфимскомъ уѣздѣ отъ худобы.

81. * *Antennaria dioica* Gärtn. Сорокоприточная трава. Кашка.

Въ формѣ отвара употребляется отъ бѣлей и кашля (Уткинскій заводъ); съ красными цвѣтами употребляютъ отъ „красной грыжи“, съ бѣлыми отъ „бѣлой грыжи“ (Саранинскій заводъ). Въ сыромъ видѣ ѣдятъ женщины при боли „брюха“ (Красноуфимскъ).

82. * *Cacalia hastata* L. Косая подохла.

Употребляется въ отварѣ при запорѣ (Obstructio alvi) и задержаніи мочи (Disuria) (Саранинскій заводъ).

83. * *Echinops Ritro* L. Мужская адамова голова. Голубая шапочка.

Въ формѣ отвара употребляется при головныхъ боляхъ (дер. Приданникова, Шемахинскій заводъ), при боляхъ въ поясницѣ (Саранинскій заводъ), при ушибахъ и плохомъ аппетитѣ (Красноуфимскъ).

Примѣч. По Крылову — употребляется въ Красноуфимскѣ отъ худобы.

84. * *Carlina vulgaris* L. Чертополохъ.

Въ формѣ отвара употребляется при всевозможныхъ нервныхъ страданіяхъ „отъ испуга“ (Шемахинскій заводъ), эклампси (Eclampsia infantum). При падучей

болѣзни (Epilepsia) чертополохомъ окуриваютъ больного, для чего въ банѣ кладутъ траву на раскаленные угли или на каменку (Иргинскій заводъ).

85. *Centaurea ruthenica* Lam. *Женская адамова голова. Грыжняя трава. Бедренецъ.*

Въ формѣ отвара употребляется при головныхъ боляхъ (дер. Приданникова), при боли въ животѣ („когда сорвутъ съ пупа“), при бѣляхъ (бѣлой грыжѣ, Leucorrhoea, Fluor albus), при паховыхъ и мошоночныхъ грыжахъ (Hernia inguinalis) пьютъ отваръ, держа во рту кусочекъ квасцовъ (Саранинскій заводъ, Сажинская волость).

86. **Centaurea sibirica* L. *Золотая головка. Каменная золотарка.*

Принимаютъ по 2 чайныхъ чашки отвара изъ 2 золотниковъ на бутылку воды въ послѣродовыхъ заболѣваніяхъ (Шемахинскій заводъ); въ наливкѣ употребляютъ при желтухѣ и страданіяхъ желудка (Саранинскій заводъ).

87. **Centaurea Scabiosa* L. *Головки.*

Употребляется при маточныхъ кровотеченіяхъ (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову — употребляютъ въ Красноуфимскѣ отъ боли поясницы.

88. *Cirsium lanceolatum* Scop. *Татарникъ.*

Отваромъ окачиваютъ (?) при лихорадкѣ (Шемахинскій заводъ).

89. *Cirsium heterophyllum* All. *Бѣлосторонка.*

Употребляется въ отварѣ отъ удущья и кашля (Уткинскій заводъ).

90. *Lappa tomentosa Lam. *Реней.*

Вмѣстѣ съ дорогой травой (Sarsaparilla) употребляется при всѣхъ страданіяхъ, развивающихся на почвѣ третичнаго сифилиса. По двѣ столовыхъ ложки измельченнаго репейнаго корня и дорогой травы берутъ на двѣ бутылки воды и варятъ до тѣхъ поръ, пока останется половина. Выпивается до обѣда (Красноуфимскѣ, Саранинскій заводъ).

91. *Serratula centauroides* L. *Грыжняя трава.*

Пьютъ отваръ въ начальныхъ періодахъ грыжи (пупочной, паховой и мошоночной); во время питья во рту держатъ небольшой кусокъ квасцовъ (Саранинскій заводъ).

92. **Taraxacum vulgare* Schrank. *Одуванчикъ.*

Отваромъ свѣжей или сушеной травы поятъ дѣтей отъ коликъ въ животѣ (Красноуфимскѣ).

93. **Oxycoccus palustris* Pers. *Клюква.*

Мороженыя ягоды кладутъ въ уши при угарѣ. Клюквенный морсъ даютъ пить при горячкахъ.

94. *Tragopogon orientalis* L. *Козья борода.*

Употребляется для истребленія клоповъ (дер. Шокурова).

95. *Picris hieracioides* L. *Всполошница*.

Головками подкуриваютъ дѣтей при „полуночицѣ“, съ приговоромъ: „не щекоти пятки, не буди младенца по утру рано, по вечеру поздно, среди бѣлаго дня“.

96. * *Ledum palustre* L. *Клоповникъ*.

Кладутъ въ комнаты, гдѣ есть клопы, которые отъ этого растенія пропадаютъ (Сажинская волость).

97. *Androsace filiformis* Retz. *Шерстинка*. *Младенческая трава*.

Отваромъ поятъ дѣтей отъ поноса (Уткинскій заводъ).

98. * *Gentiana Amarella* L. *Овсянка*.

Завариваютъ какъ чай и пьютъ при задержаніи послѣда (Уткинскій заводъ).

99. * *Gentiana Pneumonanthe* L. *Узикъ-трава*.

Употребляется въ отварѣ въ начальныхъ періодахъ грыжи (Саранинскій зав.), при опущеніи и выпаденіи („высыпаніи“) матки (Prolapsus uteri—Сажинская вол.).

100. * *Gentiana cruciata* L. *Бѣшенка*. *Сердечная трава*.

Употребляется при страданіяхъ желудка, („сердца, давленія подъ ложкой“), въ формѣ отвара, при чемъ вкусъ исправляется сахаромъ или медомъ (Саранинскій заводъ).

101. * *Menyanthes trifoliata* L. *Вахта*.

Пьютъ при страданіяхъ желудка (Саранинская волость).

102. * *Lithospermum officinale* L. *Воробьиное сѣмя*.

Употребляютъ въ отварѣ (4 золотника на бутылку воды), при коликахъ въ животѣ („рѣзи“—Шемахинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—женщины ѣдятъ сѣмя растенія передъ родами для облегченія родовъ (Красноуфимскъ).

103. * *Pulmonaria officinalis* L. *Суконце*. *Суконьлико*.

Листья прикладываютъ на свѣжія раны (Красноуфимскъ), выжатый сокъ и припарку изъ листьевъ кладутъ на нарывы и язвы (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—отваръ пьютъ при „красной грыжѣ“, (Красноуфимскъ).

104. * *Myosotis intermedia* Link. *Куриная слѣпота*.

Употребляютъ въ формѣ отвара при куриной слѣпотѣ (Немегалорія—Уткинскій заводъ).

105. * *Solanum Dulcamara* L. *Сорочья трава*. *Боровой хмель*.

Употребляется при золотухѣ и грыжѣ въ формѣ отвара изъ одного золотника на стаканъ воды (Шемахинскій заводъ); противъ головокруженія и падучей болѣзни въ формѣ наливки (Саранинскій заводъ).

106. *Solanum tuberosa* L. *Картофель*.

Тертый картофель кладутъ на ожоги (Артинскій заводъ).

107. * *Verbascum Thapsus* L. *Атаманъ трава.*

Въ декоктѣ и наливкѣ употребляютъ противъ маточнаго кровотеченія (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—употребляютъ внутрь, въ Красноуфимскѣ, отъ „худобы“.

108. *Scrophularia nodosa* L. *Черная крапива.*

Въ формѣ отвара употребляется отъ зоба (Struma) и поясничной боли (Lumbago—Шемахинскій заводъ).

109. * *Digitalis grandiflora* All. *Сыжартъ. Трава изюмъ. Желтые колокольчики.*

Употребляется при ревматизмѣ (Саранинскій заводъ), при желтухѣ и лихорадкѣ, въ видѣ порошка, приблизительно грань по 15 два раза въ день (Шемахинскій зав.).

110. * *Linaria vulgaris* Mill. *Младенческая трава.*

Даютъ дѣтямъ въ формѣ отвара при бессонницѣ и грыжѣ (Саранинскій зав.).

111. * *Veronica latifolia* L. *Змѣиный скусъ.*

Пьютъ отваръ при ужаленіи змѣй (Саранинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—къ ранамъ при ужаленіи змѣй прикладываютъ измятую и распаренную траву (Красноуфимскѣ).

112. *Veronica officinalis* L. *Урошная.*

Настаиваютъ въ водѣ и пьютъ отъ боли въ спинѣ (Уткинскій заводъ).

113. *Odontites rubra* Pers. *Подорожница.*

Употребляется въ отварѣ при болѣзняхъ желудка—„сердечной болѣзни“ (Саранинскій заводъ).

114. *Rhinanthus Crista galli* L. *Денежникъ.*

При жабахъ (Angina) пьютъ наливку и дѣлаютъ припарку къ шеѣ (Саранинскій заводъ).

115. * *Melampyrum cristatum* L. *Змѣиная головка.*

Употребляютъ въ формѣ припарки при „змѣвцахъ“ (Panaritium) и при нарывахъ (Саранинскій заводъ).

116. * *Orobanche* sp. (вѣроятно *Libanotidis* Rupr.) *Егорьева свѣча.*

Употребляется въ формѣ отвара противъ одышки и „рѣзи“—тришера (Саранинскій заводъ).

177. * *Origanum vulgare* L. *Мочезжанка. Блошница. Душица.*

Употребляется въ формѣ отвара при насморкѣ и кашлѣ (дер. Шокурова), въ формѣ наливки при головокруженіи, въ формѣ окуриванія при душевныхъ заболѣваніяхъ („отъ тоски и дуру“), для чего бросаютъ траву на каменку бани, въ которой парится больной, при чемъ на тѣлѣ появляются пятна (Манчажская волость). Порошокъ блошницы, вмѣстѣ съ табакомъ, кладутъ въ ноздри лошадей, отъ *ногтя* (колики: вѣтренная, мочева, нервная и проч.—Сажинская волость).

118. *Dracoscephalum thymiflorum* L. *Столбики. Христово конопельшко.*

Употребляется въ формѣ отвара при дѣтской эклампсiи (родимецъ—Саранинскій заводъ).

119. **Dracoscephalum Ruyschiana* L. *Урошная трава.*

Употребляется въ формѣ отвара при кашлѣ (дер. Шокурова) и при остромъ общемъ недомоганiи (отъ „уроковъ“—Саранинскій заводъ). При всевозможныхъ острыхъ заболѣванiяхъ скота „отъ уроковъ“, производятъ окуриванiе (Саранинскій зав.).

120. *Thymus Serpyllum* L. *Богородская трава.*

Пьютъ отваръ при запое (Красноуфимскѣ, Артинскій заводъ). Подкуриваютъ скотину, если она нездорова. Молоко отелившейся коровы считается нечистымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено окуриванiе вымени коровы богородской травой (Артинскій заводъ).

Примѣч. По Крылову—въ Красноуфимскѣ употребляется отъ простуды.

121. *Prunella vulgaris* L. *Ноготодная трава.*

Употребляется при нарывахъ и ноготѣдахъ въ формѣ припарки.

122. **Betonica officinalis* L. *Гранъшая дудка.*

При всевозможныхъ сильныхъ кровотеченiяхъ пьютъ въ видѣ настоя (Уткинскій заводъ).

123. *Galeopsis versicolor* Curt. *Жабрей.*

Завариваютъ и пьютъ какъ чай отъ боли въ поясницѣ (Уткинскій и Бисертскій заводы).

124. *Phlomis tuberosa L. *Картовочная трава.*

Употребляется въ отварѣ при зобѣ (Саранинскій заводъ). При шишковидныхъ опухоляхъ на скотѣ („кильные грыжи“,—грыжи, новообразованiя) посыпаютъ порошокъ хлѣбъ и даютъ пить (Саранинскій заводъ); отваромъ цвѣтовъ поятъ коровъ для того, чтобы онѣ забеременѣли (для „успокоенiя похоти“, чтобы скорѣе „обходились“—Красноуфимскѣ).

125. *Plantago media L. *Подорожникъ.*

Свѣжiя листья толкутъ и прикладываютъ къ рѣзаннымъ ранамъ; отваръ пьютъ отъ коклюша (Красноуфимскѣ).

126. *Beta vulgaris* L. *Свекла.*

Свѣжiя листья прикладываютъ къ нарывамъ и къ головѣ при головныхъ боляхъ и „для оттягиванiя жара“.

127. *Rumex crispus L. *Чертовъ онекъ. Огневка. Чертополошница.*

Кладутъ подъ подушку отъ бессонницы, кошмара („кого черти мучать“—Красноуфимскѣ).

128. *Rumex domesticus* Hartm. Чистотѣль*).

Пьютъ въ отварѣ при тифахъ для пониженія температуры, снаружи употребляется въ формѣ закисшаго тѣста отъ зуда, для чего изъ порошка дѣлается опара на молокѣ, заквашивается дрожжами или гущею и образовавшимся тѣстомъ смазывается кожа (Саранинскій заводъ).

129. *Rumex Acetosella* L. Шутемный щавель.

Употребляется въ формѣ настойки при остановкѣ мѣсячныхъ (Menorrhagia); траву настаиваютъ на водкѣ въ тепломъ мѣстѣ (на печкѣ), въ теченіи 12 часовъ и пьютъ наливку по $\frac{1}{2}$ рюмки, 2—3 раза въ день (Саранинскій заводъ).

130. *Polygonum Bistorta* L. Параличная трава.

Употребляется въ видѣ настойки на водкѣ при рвотѣ; снаружи употребляется при параличахъ и ревматизмѣ, для чего въ банѣ парятся травой, какъ вѣникомъ и бросаютъ ее на каменку вмѣстѣ съ душицей (Манчажская вол.).

Примѣч. По Крылову—корни этого растенія считаются въ народѣ самымъ надежнымъ средствомъ отъ мыту или поноса, для чего ихъ принимаютъ въ видѣ отвара (Красноуфимскій уѣздъ).

131. *Polygonum lapathifolium* L. Лютка.

Употребляется какъ чай при остановкѣ мѣсячныхъ, или болѣзненности ихъ (Amenorrhoea и Dysmenorrhoea).

132. **Polygonum aviculare* L. Чучуй.

Употребляется при чесоткѣ, для чего растеніе высушивается, превращается въ порошокъ (толченіемъ), смѣшивается со сливками и полученной мазью натирается кожа (Уткинскій заводъ).

133. *Daphne Mezereum L. Дикій перецъ.

Порошкомъ изъ высушенныхъ ягодъ посыпаютъ хлѣбъ и кормятъ лошадей отъ кашля (Уткинскій заводъ).

134. *Cannabis sativa* L. Конопля.

Отваръ сѣмени пьютъ при трипперѣ въ видѣ молока—эмульсіи или двѣнадцати-дневной настойки.

135. *Humulus lupulus L. Хмѣль.

Запаренный хмѣль въ формѣ припарки привязываютъ къ кожѣ, гдѣ появляется опухоль („кила“—Красноуфимскъ).

136. *Urtica dioica L. Крапива.

Употребляется какъ откашливающее въ формѣ отвара (Красноуфимскъ), высушенные дудки курятъ, какъ *напиросы*, при кашлѣ (Артинскій заводъ). Въ свѣжемъ видѣ повсемѣстно употребляется для растираній при судорогахъ, во время холернаго приступа.

*) Одинъ и тотъ же видъ въ коллекціи г. Пономарева изъ Саранинскаго завода названъ разными именами и показано разное употребленіе.

137. * *Urtica urens* L. *Мелкая крапива.*

Употребляется при лихорадкѣ и холерѣ въ формѣ настойки, для чего кладутъ крапиву въ бутылку, наливаютъ водкой и кладутъ на мѣсяцъ въ навозъ (Сажинская волость).

138. * *Populus tremula* L. *Осина.*

Пьютъ отваръ осинової коры при кашлѣ, лихорадкѣ (Красноуфимскѣ) и простудѣ ногъ; въ теплый настой коры ставятъ ногу лошади, больную мокрецомъ (*Ranunculus equi*—Красноуфимскѣ).

139. * *Betula alba* L. *Береза.*

Настой березовыхъ почекъ на водкѣ считается полезнымъ средствомъ при плохомъ аппетитѣ слабаго желудка, при склонности къ поносу. Сокъ березы („березовица“) пьютъ при чахоткѣ и употребляютъ снаружи при язвахъ голени каріознаго происхожденія, называемыхъ „нырками“, для чего весною дѣлаютъ надрѣзы на корѣ березы и собираютъ вытекающій сокъ. Для приготовления мази собираютъ штофъ березовицы, вливаютъ туда шкаликъ виннаго спирта и держатъ на легкомъ огнѣ до тѣхъ поръ, пока жидкость не приметъ сиропообразную консистенцію; полученный экстрактъ, намазанный на тряпку, прикладывается къ язвамъ.

140. *Alnus incana* Willd. *Ольха.*

Отваръ стружекъ ольхи пьютъ при отсутствіи мѣсячныхъ (Красноуфимскѣ).

141. *Orchis mascula* L. *Кукушкины слезы.*

Клубни употребляются въ качествѣ конфоративнаго средства (Бисертскій зав.).

142. * *Epipactis latifolia* Swartz. *Казакъ.*

Надземную часть растенія употребляютъ въ формѣ отвара, при лихорадкѣ (Уткинскій заводъ).

143. *Epipactis atrorubens* Schult. *Черная травка.*

Въ отварѣ и порошокѣ употребляется отъ падучей болѣзни (Саранинскій зав.).

144. * *Cypripedium Calceolus* L.

Пьютъ отваръ при желтухѣ (дер. Шокурова).

145. * *Cypripedium Macranthon* Swartz. *Пятюшки.*

Употребляется въ формѣ отвара для „облегченія родовъ“ (дер. Шокурова); въ формѣ отвара и настойки—при маточныхъ кровотеченіяхъ (Саранинскій заводъ) и при душевныхъ болѣзняхъ мужчинъ („отъ дури и бѣшенства“—Красноуфимскѣ).

Примѣч. По Крылову—употребляется „отъ красной и родимой грыжи“ (Красноуфимскѣ).

146. * *Cypripedium guttatum*. Swartz. *Курочки.*

Употребляется при душевныхъ болѣзняхъ женщинъ (Красноуфимскѣ).

147. * *Polygonatum officinale* Allim. *Сороочьи глаза.*

Употребляютъ отваръ при маточныхъ кровотеченіяхъ (отъ „улевица“—Сажинская волость).

148. *Lilium Martagon L. *Барашки*.

Употребляется против кроваваго поноса (Саранинскій заводъ).

149. *Allium Cepa* L. *Лукъ*.

Кусочки лука кладутъ на зубъ при зубной боли (Красноуфимскъ), пьютъ отваръ и ѣдятъ вареный лукъ при коклюшѣ (Саранинскій заводъ); теплый вареный лукъ употребляютъ въ формѣ припарки при погтоѣдѣ (Panaritium). Водную настойку высушенныхъ луковыхъ перьевъ пьютъ, какъ кровегонное, при отсутствіи мѣсячныхъ (Красноуфимскъ); производятъ окуриваніе сѣмянами лука (ботуна) при трипперѣ.

150. *Allium strictum* Schrad. *Польскоѵ чеснокъ*.

Употребляется при лихорадкѣ.

151. *Veratrum album L. *Чемерица*.

Корни чемерицы кладутъ на больной зубъ; настоємъ корней въ водкѣ поятъ запойныхъ (Красноуфимскъ).

152. *Secale cereale* L. *Рожь*. *Озимь*.

Отваръ ржаной соломы и свѣжей озими пьютъ отъ кашля, чахотки (Красноуфимскъ). Настойкой зеренъ ржи, стоявшей въ тепломъ мѣстѣ до первыхъ признаковъ гніенія (?), смазываютъ чесоточную сыпь у людей и лошадей (Аргинскій заводъ).

153. *Avena sativa* L. *Овесъ*.

Отваръ соломы пьютъ отъ кашля.

154. **Juniperus communis* L. *Вересъ*.

Отваръ ягодъ пьютъ противъ водянки. При горячкѣ жгутъ вересъ въ избахъ; въ великій четвергъ жгутъ въ избахъ для того, чтобы его запахъ изгналъ нечистую силу. Для благополучія вообще держатъ вересъ подъ потолочными балками (Красноуфимскъ, Аргинскій заводъ).

155. **Lycopodium annotinum* L. *Деряба*. *Ельничная корянка*. *Золотуха*.

Употребляется въ формѣ отвара при душевныхъ болѣзняхъ, отъ сумашествія (Шемахинскій заводъ), въ формѣ настойки—при запоѣ (Саранинскій заводъ). При ростѣ живота у женщинъ (кистахъ?) пьютъ декоктъ, для чего траву варятъ въ закупоренномъ горшкѣ; употребляютъ въ малыхъ дозахъ, такъ какъ, думаютъ, что въ противномъ случаѣ можетъ быть параличъ (Уткинскій заводъ). При задержаніи послѣда употребляютъ въ видѣ пельменей, для чего дерябу размачиваютъ, рубятъ съ капустой, начиняютъ ею пельмени, варятъ и даютъ ѣсть роженицѣ (Саранинскій зав.).

156. **Botrychium Virginianum* Sw. *Святой паноротъ*.

Пьютъ отваръ отъ лихорадки и судорогъ (Молебскій заводъ).

157. **Struthiopteris germanica* Willd. *Паноротникъ*.

Употребляется въ порошокъ для присыпки паршей на головѣ (Favus—Саранинскій заводъ). Траву разбрасываютъ въ избѣ отъ клоповъ (Азигуловская вол.).

158. *Polyporus Fries. Бака.*

Отваръ черемуховой баки пьютъ „для удержанія грыжи“ (Саранинскій зав.). При недостаткѣ молочнаго устоя черемуховой бакой окуриваютъ крынки (Красноуфимскъ).

159. *Лишайникъ* съ березоваго дерева.

Употребляется при трипперѣ въ формѣ подкуриванія: горшокъ съ горячими углями ставятъ около больного, кладутъ на угли лишайникъ и закрываютъ больного одеждой для того, чтобы подъ ней скопился дымъ (Александровская волость).

160. *Легодье* (? комнатное растеніе).

Изъ листьевъ выжимаютъ сокъ и мажутъ имъ лишай (Саранинскій заводъ).

161. *Aloë Soccotrina. Lam. Алой. Сабуръ. Столтнее дерево* (комнатное растеніе).

Популярное средство отъ ранъ, на которыя кладутся раздавленные листья. Растворъ сабура въ водкѣ употребляется противъ лихорадки (Красноуфимскъ).

162. *Phaseolus vulgaris L. Турецкіе, китайскіе бобы.*

Настойку изъ плодовъ и листьевъ пьютъ отъ запора (Саранинскій заводъ).

163. *Ceratonia Siliqua L. Рожки.*

Въ формѣ декокта пьютъ отъ кашля. (Продаются какъ лакомство повсемѣстно—Красноуфимскъ, Артинскій заводъ).

164. *Flosculi sinae. Цитварное сѣмя.*

Въ формѣ кашки употребляется отъ глистовъ вообще, будутъ-ли то глисты плоскіе или круглые. (Повсемѣстно).

165. *Piper hispanicus Красный стручковый перецъ* (комнатное растеніе).

Въ формѣ настойки на водкѣ употребляется внутрь при страданіяхъ желудочно-кишечнаго тракта и снаружи какъ болеутоляющее (повсемѣстно). Внутреннему употребленію перцовки приписывается предохраняющее средство отъ холеры и тифа (Бисертскій и Михайловскій заводы).

166. *Gummi—rezina olibanum. Ладанъ.*

Кладется на зубы при боли (повсемѣстно).

167. *Смолой хвойныхъ деревьевъ* смазываютъ геморроидальныя шишки (Агаѳоновская волость). У многихъ жителей Артинскаго завода вошло въ обычай жевать смолу лиственницы, *лиственную смолу*. Увѣряютъ, что при жеваніи сѣры не болятъ зубы и усиливается аппетитъ*).

*) При жеваніи смолы, помимо механической чистки зубовъ, происходитъ усиленное отдѣленіе слюны, а слѣдовательно и желудочнаго сока.

168. *Camphora*.

Камфора употребляется въ послѣродовыхъ заболѣваніяхъ: три золотника камфоры кладутся въ бутылку отварной воды. Растворъ пьютъ рюмками, добавляя воды по мѣрѣ уменьшенія жидкости (Сажинская волость). Снаружи употребляютъ камфору въ формѣ воднаго раствора при всевозможныхъ заболѣваніяхъ глазъ и въ формѣ раствора въ водкѣ для растираній (Артинской заводъ).

169. *Spongia marina*. Грецкая губка.

Губку пережигаютъ, превращаютъ въ порошокъ и употребляютъ внутрь отъ зоба (Саранинскій заводъ).

170. *Spongia fluviatilis*. Бодяга.

Настойка на водкѣ употребляется для втиранія при сведеніи рукъ и ногъ. Порошкомъ бодяги натираютъ ушибенныя мѣста, отчего, говорятъ, не бываетъ кровоподтека. Внутри бодяга дается при золотушномъ страданіи глазъ, для чего предварительно кладутъ ее въ середину приготовленнаго изъ тѣста коровая, садятъ хлѣбъ въ печь и когда хлѣбъ испечется, вынимаютъ бодягу и превращаютъ въ порошокъ, который принимается больными на кускѣ хлѣба (Саранинскій заводъ).

171. *Двухстворчатая рѣчная раковина*.

Порошкомъ раковинъ посыпаютъ распадающіяся раковыя новообразованія (село Ключи, Саранинскій заводъ). При кровавой мочѣ животныхъ порошокъ раковинъ посыпается хлѣбъ, который и даютъ ѣсть больнымъ животнымъ. Тѣло раковинъ, высушенное и измельченное въ порошокъ, даютъ пить женщинамъ при началѣ выкидыша (для „удержанія плода“—Саранинскій заводъ).

172. *Acidum nitricum crudum*. Кръпкая водка.

Пьютъ по три капли въ водкѣ при упадкѣ силъ, при слабости (Анаемія) и при всевозможныхъ внутреннихъ заболѣваніяхъ; снаружи употребляютъ въ формѣ прижиганія при бородавкахъ и проч. новообразованіяхъ.

173. *Sulfur sublimatum*. Горючая сѣра.

Употребляется внутрь при наложныхъ болѣзняхъ. Снаружи сѣра употребляется въ видѣ мази при чесоткѣ; для этого изъ сѣры и ячменной муки готовится сочень, который печется и потомъ распаривается въ сметанѣ и тщательно растирается до образованія мази.

174. *Ferrum oxydatum rubrum*. Крoвавикъ.

Употребляется при ушибахъ, („для разбитія крови“) и при остановкѣ мѣсячныхъ, для чего кровавикъ трутъ на теркѣ и принимаютъ съ водой, или водкой (повсемѣстно).

175. *Hydrargyrum bichloratum corrosivum*. Сулема. Бѣлка.

Употребляется внутрь отъ сифилиса. Въ ветеринарной практикѣ употребляется въ видѣ порошка, при кастраціи.

176. *Hydrargyrum sulfuratum rubrum*. Киноварь.

Употребляется для подкуриванія при сифилисѣ.

177. *Cuprum sulfuricum crudum*. Синій камень (мідный купоросъ).

Употребляется въ толченомъ видѣ, въ формѣ мази со скоромнымъ масломъ при шанкрахъ и папулахъ половыхъ частей.

178. *Zincum sulfuricum*. Крымза (сѣрноокислый цинкъ).

Распространенное средство при глазныхъ болѣзняхъ; употребляется въ формѣ глазныхъ капель воднаго раствора или вдуханія порошкомъ, съ цѣлью „сдернуть, сострогать бѣльма“. (Повсемѣстно).

179. *Creta alba*. Мѣлъ.

Употребляется внутрь, отъ изжоги, и снаружи: а) при рожѣ, для чего натираютъ мѣломъ красное сукно и кладутъ на воспаленное мѣсто (повсемѣстно) и б) натираютъ заусеницы на пальцахъ, что достойно рекомендаціи (Артинскій заводъ).

180. *Argilla rubra et alba*. Красная и бѣлая глина.

Глинѣ приписывается способность вытягивать жаръ, почему она, въ видѣ лепешки, кладется на грудь при колотѣхъ (плевритѣ), къ подошвамъ, при жарѣ въ головѣ и вообще на воспаленныя мѣста (Артинскій и Саранинскій заводы). (Мы научились класть ее при *Erythema nodosum* и болѣе, чѣмъ довольны. *Миз.*)

181. Мыло.

Мыло употребляютъ: 1) для растиранія, „прѣвленія“ (массажъ), 2) при грудницѣ и всевозможныхъ опухляхъ (обильно намазываютъ тряпку, суконный чулокъ или куделю и прикладываютъ къ больному мѣсту) и 3) какъ слабительное, для чего выстругивается изъ куска мыла суппозиторій и вставляется въ прямую кишку (Артинскій заводъ).

182. Моча.

Моча пользуется большимъ авторитетомъ въ мѣстной народной медицинѣ. Мочою дѣтей поятъ лицъ, получившихъ сильныя травматическія поврежденія (ушибы, паденіе съ высоты, общіе побой); мочою женщинъ „отпаиваютъ“ при алкогольномъ отравленіи, для чего больному, который „горитъ съ вина“, „коточикомъ“¹⁾ открываютъ ротъ и вливаютъ мочу (можетъ быть рассчитывая на рвоту). Въ формѣ примочки моча употребляется: а) при страданіи глазъ, б) при ожогѣ, в) при ушибахъ и ранахъ (повсемѣстно²⁾).

183. Фекальныя массы.

Пометъ куриць прикладываютъ къ нарывамъ и чирьямъ для ускоренія „созрѣванія“ (Красноуфимскъ). Фекальными массами, запаренными и замѣшанными съ мукой, кормятъ куриць для того, чтобы онѣ успѣшнѣе „неслись“ (Красноуфимскъ); свѣжія фекальныя массы прикладываютъ къ ногѣ лошади при мокрецѣ (*Ragonichia equi*—Артинскій заводъ).

---

¹⁾ Инструментъ, употребляемый при плетеніи лаптей.

²⁾ Въ авторитетѣ мочи среди народа намъ не разъ приводилось убѣждаться горькимъ опытомъ, напр. повязку, наложенную клиническому больному по всѣмъ правиламъ (при ампутаціи пальцевъ руки) мы на утро находили смоченною мочей. *Миз.*

Алфавитный указатель растений и др. лекарственных средств.

- Алоэ 161.
Атаманъ трава 107.
Бака черемуховая 152.
Барашки 148.
Бедренець 85.
Береза 139.
Березка 64.
Блошница 117.
Бобы 41.
Богородицины слезки 22.
Богородская трава 119.
Бодяга 171.
Боржевыя листья 61.
Борки 46.
Боровая ива 35.
Боровой хмѣль 105.
Бѣлка 176.
Бѣлокопытка 68.
Бѣлосторонка 89.
Бѣлый морковникъ 73.
Бѣлый поповникъ 74.
Бѣлый хмѣль 1.
Бѣлый цвѣтокъ 11.
Бѣлый цвѣтъ 38.
Бѣлыя сосульки 39.
Бѣшенка 100.
Валерьянъ 65.
Василиска 2, 58.
Вересъ 154.
Воробьиное сѣмя 102.
Всполошница 95.
Выше лѣсу 1.
Всѣмъ травамъ трава 52.
Вѣтренная трава 3.
Головки 87.
Голубая шапочка 83.
Голубой чертополохъ 56.
Гортанка 13.
Горючая сѣра 174.
Грабельцы 32.
Граньшая дудка 122.
Грецкая губка 170.
Грыжевая трава 47.
Грыжная трава 85, 91.
Двустворчатыя рѣчныя раковины 171.
Девятисильникъ бѣлый 77.
Денежникъ 114.
Деряба 155.
Дикій перецъ 133.
Дикій хмѣль 1.
Дремучая желтуха 24.
Душица 117.
Егорьева свѣча 116.
Ельничная коряшка 155.
Жабрей 123.
Желтоцвѣтка 58.
Желтуха 72.
Желтые колокольчики 109.
Желтые цвѣты 58.
Желтыя шапочки 69.
Женская адамова голова 85.
Жимолостникъ 63.
Журавлиный горохъ 42, 43.
Запарная трава 4.
Заячья капуста 53.
Землецвѣтъ 18.
Земляной ладанъ 65.
Змѣиная головка 115.
Змѣиный скусъ 111.
Золотая головка 86.
Золотуха 155.
Золотушная трава 73.
Иванка 45.
Иванъ да Марья 19.
Казакъ 142.

Каменная золотарка 86.
Каменная полынь 79.
Капуста 15.
Картофельная трава 124.
Картофель 106.
Кашка 73, 81.
Киноварь 177.
Китайскіе бобы 162.
Клоповникъ 96.
Клюква 93.
Колокольчики 23.
Колючая трава 56.
Конопля 134.
Косая подоплека 82.
Крапива 136.
Красная и бѣлая глина 181.
Красный воронецъ 8.
Красная сосулька 36.
Красный стручковый перецъ 165.
Кривавикъ 30.
Кривовикъ 45, 37, 175.
Кривовикъ ельничный 10.
Крымза 179.
Крѣпкая водка 173.
Кукушкины слезы 141.
Купальница 5.
Куриная слѣпота 104.
Ладонь 167.
Легодь 160.
Лень 28.
Липа 29.
Лишайникъ съ березоваго дерева
159.
Лопаточки 14.
Лукъ 149.
Лютка 131.
Малина 49.
Марьинъ корень 9.
Мать Мачиха 67.
Мачиха 67.
Мелкая крапива 137.
Младенческая трава, 97, 110.
Модень-трава 59.

Мокрица 27.
Морковная мякина 73.
Морковная трава 76.
Морковь 62.
Моча 182.
Мочежанка 117.
Мужская адамова голова 83.
Мыло 181.
Мыльце 26, 25.
Мѣль 180.
Ногтоѣдная трава 121.
Овесъ 153.
Овсянка 98.
Огневка 127.
Одуванчикъ 92.
Ольха 140.
Омегъ 57.
Осина 138.
Осиновая трава 58.
Папоротникъ 157.
Параличная трава 130.
Перелойка 20.
Перелойная трава 20.
Плакунъ 52.
Повилика 64.
Подорожникъ 125.
Подорожница 113.
Подсолнечникъ 71.
Полевой коперъ 61.
Польской чеснокъ 150.
Прострѣль 3.
Прыгунъ 34.
Пуповникъ синій 66.
Пупная трава 66.
Пѣтушки 145.
Пять перстовъ да ладонь 33.
Репей 90.
Рожки 163.
Рожь 152.
Розовый поповникъ 36.
Рѣдька 16.
Рябина 51.
Рябинка 80.

Сабуръ 166.
 Свекла 126.
 Святой папороть 156.
 Святая рябина 43.
 Сердечная трава 3, 54, 100.
 Синій камень 178.
 Скрипунъ 53.
 Смола хвойныхъ деревьевъ 167.
 Сорокоприточная трава 81.
 Сорочьи глаза 147.
 Сорочья трава 105.
 Столбики 118.
 Суконце, суконьшко 103.
 Сулема 176.
 Съ лѣсомъ ровна 1.
 Сыксартъ 109,
 Татарникъ 88.
 Татарское мыло 21, 26.
 Терновникъ 50.
 Трава грудница 18.
 Трава изгонъ 109.
 Трава черносливка 33.
 Троецвѣтка 19.
 Тысячелистникъ 73.
 Турецкіе бобы 162.
 Узикъ трава 99.
 Уразница, уразникъ, уразная трава
 30, 31, 37.

Урошная трава 120.
 Усовая трава 17. 33.
 Фекальня массы 183.
 Хмѣлекъ 40.
 Хмѣль 135.
 Христово конопельце 118.
 Христовъ опочеть 6.
 Хрѣнь 12.
 Цитварное сѣмя 164.
 Чемерица 151.
 Череда 70.
 Черемный корень 47.
 Черемуха 44.
 Черная крапива 108.
 Черная смородина 55.
 Черная трава 143.
 Чернобыльникъ 78.
 Черный воронецъ 7.
 Чертовъ огонекъ 127.
 Чертополохъ 84.
 Чертополохъ звѣздчатый 56.
 Чертополошница 127.
 Чистотѣль 128.
 Чучуй 132.
 Шерстинка 97.
 Шутемный хмѣль 40.
 Шутемный щавель 129.

Алфавитный указатель латинскихъ названій.

(Цифра указываетъ порядковый номеръ по списку).

Achillea Millefolium. L. 73.
 Acidum nitricum crudum. 172.
 Aconitum septentrionale. Kölle. 6.
 Actaea spicata. L. Seu erythrocarpa.
 Led. 8.
 Actaea spicata. L. S. melanocarpa.
 Led. 7.
 Adonis vernalis. L. 4.
 Alchemilla vulgaris. L. 46.
 Allium Cepa. L. 149.

Allium strictum. Schrad. 150.
 Alnus incana. Willd. 140.
 Alöe sp. 161.
 Alöe soccotrina. 166.
 Androsace filiformis. Retz. 97.
 Antennaria dioica. Färtn. 81.
 Anthemis tinctoria. L. 72.
 Argilla rubra et alba. 180.
 Artemisia sericea Veber. 79.
 Artemisia vulgaris. L. 78.

- Atragene alpina*. L. 1.
Avena sativa. L. 153.
Berterva incana. De. 11.
Beta vulgaris. L. 126.
Betonica officinalis. L. 122.
Betula alba. L. 139.
Bidens tripartita. L. 70.
Botrychium Virginianum. Sw. 156.
Brassica oleracea. L. 15.
Bupleurum aureum. Fisch. 58.
Cacalia hastata. L. 82.
Camphora. 168.
Cannabis sativa. L. 134.
Capsella Bursa pastoris. Mönch. 14.
Carlina vulgaris. L. 84.
Chelidonium majus. L. 10.
Centaurea ruthenica. Lam. 85.
Centaurea scabiosa. L. 87.
Centaurea sibirica. L. 86.
Ceratonia siliqua. L. 163.
Cicuta virosa. L. 57.
Cirsium heterophyllum. All. 89.
Cirsium lanceolatum. Scop. 88.
Cochlearia Armoracia. L. 12.
Conioselinum Fischeri. Wimm. 60.
Crataegus sanguinea. Pall. 50.
Creta alba. 179.
Cuprum sulfuricum crudum. 177.
Cytisus biflorus. L'Herit. 35.
Cypripedium Calceolus. L. 144.
Cypripedium guttatum. Swartz. 146.
Cypripedium macranthum. Sw. 145.
Daphne Mezereum. L. 133.
Daucus Carota. L. 62.
Dianthus deltoides. L. 22.
Dianthus Seguieri. Villars. 21.
Digitalis grandiflora. All. 109.
Dracocephalum Ruyschiana. L. 119.
Dracocephalum thymiflorum. L. 118.
Echinops Ritro. L. 83.
Epipactis atrorubens. Schult. 143.
Epipactis latifolia. Swartz. 142.
Erigeron acris. L. 68.
Eryngium planum. L. 56.
Ferrum oxydatum rubrum. 174.
Flosculi cinae. 164.
Galopsis versicolor. Cart. 123.
Galium Aparine. L. 64.
Gentiana Amarella. L. 98.
Gentiana cruciata. L. 100.
Gentiana pneumonanthe. L. 99.
Geranium pratense. L. 33.
Geranium sylvaticum. L. 32.
Gummi-rezine-olibanum. 166.
Hedysarum elongatum. Fisch. 43.
Helianthus annuus. L. 71.
Heracleum sibiricum. L. 61.
Humulus lupulus. L. 135.
Hydrargyrum bichloratum corrosivum. 175.
Hydrargyrum sulfuratum rubrum. 176.
Hypericum perforatum. L. 30.
Hypericum quadrangulum. L. 31.
Impatiens noli tangere. L. 34.
Inula salicina. L. 69.
Juniperus Communis. L. 154.
Lappa tomentosa. Lam. 90.
Lathyrus pisiformis. L. 42.
Ledum palustre. L. 96.
Leucanthemum vulgare. Lam. 74.
Libanotis sibirica. C. A. Mey. 59.
Lilium Martagon. L. 148.
Linaria vulgaris. Mill. 110.
Linum usitatissimum. L. 28.
Lithospermum officinale. L. 102.
Lonicera sp. 63.
Lychnis chalcedonica. L. 26.
Lycopodium annotinum. L. 155.
Lythrum salicaria. L. 52.
Matricaria Chamomilla. L. 75.
Matricaria inodora. L. 76.
Melampyrum cristatum. L. 115.
Menyanthes trifoliata. L. 101.
Myosotis intermedia. Link. 104.
Odontites rubra. Pers. 113.
Orchis mascula. L. 141.

- Origanum vulgare. 117.
Orobanche sp. 116.
Oxycoccus palustris. Pers. 93.
Paeonia anomala. L. 9.
Parnassia palustris. L. 20.
Phaseolus vulgaris. L. 162.
Phlomis tuberosa. L. 124.
Picris hieracioides. L. 95.
Piper hispanicus. 165.
Plantago media. L. 125.
Polygonum aviculare. L. 132.
Polygonum Bistorta. L. 130.
Polygonum lapathifolium. L. 131.
Polygonatum officinale. All. 147.
Polyporus sp. 158.
Populus tremula. L. 138.
Potentilla argentea. L. 48.
Potentilla Tormentilla. Schrank. 17.
Prunella vulgaris. L. 121.
Prunus padus. L. 44.
Pulmonaria officinalis. L. 103.
Pulsatilla patens. Mill. 3.
Pyrethrum corymbosum. Willd. 77.
Ranunculus acer. L. 5.
Raphanus sativus. L. 16.
Ribes nigrum. L. 55.
Rhinanthus Crista Galli. L. 114.
Rubus idaeus. L. 49.
Rumex Acetosella. L. 129.
Rumex crispus. L. 127.
Rumex domesticus. Hartm. 128.
Sanguisorba officinalis. L. 45.
Scabiosa succisa. L. 66.
Scrophularia nodosa. L. 108.
Secale cereale. L. 152.
Sedum acre. L. 54.
Sedum vulgare. Link. 53.
Serratula centauroides. L. 91.
Silene inflata. Smith. 23.
Silene nutans. L. 24.
Solanum dulcamara. L. 105.
Solanum tuberosa. L. 106.
Sorbus Aucuparia. L. 51.
Spongia fluviatilis. 170.
Spongia marina. 169.
Stellaria media. Villars. 27.
Struthiopteris Germanica. Willd. 157.
Sulfur sublimatum. 173.
Tanacetum vulgare. L. 80.
Taraxacum vulgare. Schrank. 92.
Thalictrum minus. L. 2.
Thlaspi arvense. L. 13.
Thymus serpyllum. L. 120.
Tilia parvifolia. Ehrh. 29.
Tragopogon orientalis. L. 94.
Trifolium agrarium. L. 40.
Trifolium Lupinaster. L. 37.
Trifolium montanum. L. 38.
Trifolium pratense. L. 36.
Trifolium repens. L. 39.
Turritis glabra. L. 17.
Tussilago Farfara. L. 67.
Urtica dioica. L. 136.
Urtica urens. L. 137.
Valeriana officinalis. L. 65.
Veratrum album. L. 151.
Verbascum Thapsus. L. 107.
Veronica latifolia. L. 111.
Veronica officinalis. L. 112.
Vicia Faba. L. 41.
Viola hirta. L. 18.
Viola tricolor. L. 19.
Viscaria vulgaris. Röhl. 25.
Zincum sulfuricum. 178.

Къ портрету Н. К. Чупина*).

(Род. 4 Февраля 1824, † 12 Апрелья 1882 г.).

Д. Смышляева.

Помѣщая въ настоящей книжкѣ портретъ Наркиза Константиновича Чупина, намъ слѣдовало бы привести полныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ ученомъ изслѣдователѣ и знатокѣ Пермскаго края.

Къ сожалѣнію, обширный біографическій матеріалъ, заключающійся въ оставшихся по кончинѣ Наркиза Константиновича бумагахъ, до сихъ поръ не опубликованъ. Одинъ изъ душеприказчиковъ его, П. М. Вологодскій извлекъ изъ бумагъ все, имѣвшее отношеніе къ личности и трудамъ покойнаго и сдѣлалъ по этому предмету словесное сообщеніе въ общемъ собраніи Уральскаго общества любителей естествознанія, бывшемъ въ день открытія памятника Наркизу Константиновичу 6 Августа 1887 г., но вскорѣ г. Вологодскій скончался, не успѣвъ написать біографію покойнаго. Поэтому намъ приходится ограничиться имѣющимися въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніями и частію воспользоваться уже появлявшимися въ печати.

Наркизь Константиновичъ Чупинъ, родившійся въ Екатеринбургѣ 4 Февраля 1824 года, первоначальное образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1838 году онъ поступилъ въ Пермскую гимназію, въ третій классъ, изъ котораго, благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, переведенъ по экзамену прямо въ пятый, а затѣмъ въ шестой и седьмой. По окончаніи гимназическаго курса, онъ поступилъ въ 1842 г. въ Казанскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ. Кромѣ того онъ слушалъ лекціи на естественно-историческомъ факультетѣ и затѣмъ на камеральномъ, и окончилъ курсъ со степенью кандидата, представивъ диссертацию: „Обзоръ Горнаго Законодательства“. Своими блестящими способностями и замѣчательною памятью онъ не могъ не обратить на себя вниманія профессоровъ. Съ особенною любовію онъ посвящалъ все свое время изученію естественныхъ наукъ, исторіи и въ особенности славянскихъ нарѣчій, подъ руководствомъ извѣстнаго, недавно скончавшагося профессора В. И. Григоровича, о которомъ всегда говорилъ съ глубокимъ уваженіемъ. Ревностно слѣдилъ онъ за иностранною литературою, занимаясь

*) Матеріалами для настоящей біографической замѣтки служили свѣдѣнія, записанныя мною со словъ самого Наркиза Константиновича, не задолго до его кончины, письма его ко мнѣ, свѣдѣнія, любезно сообщенныя его двоюроднымъ братомъ Петромъ Орестовичемъ Чупинимъ, и полученныя отъ О. В. Клеръ, некрологъ, напечатанный М. В. Малаховымъ въ XVIII томѣ «Извѣстій И. Русск. Геогр. Общества» и мои собственныя воспоминанія.

въ фундаментальной библіотекѣ университета, перечитывая все относящееся къ его спеціальнымъ предметамъ. Тогда же у него пробудилось желаніе познакомиться въ оригиналахъ съ классическими сочиненіями запада и онъ сдѣлалъ нѣсколько переводовъ. Изученіе языковъ ему давалось особенно легко, и эта способность сохранилась у него въ теченіе всей жизни.

Всецѣло погруженный въ научныя занятія, Наркизь Константиновичъ отрывался отъ нихъ только на лѣтніе мѣсяцы, во время каникулъ, которые проводилъ на Уралѣ, у своихъ родственниковъ. Съ особенною любовію онъ относился всегда къ своей родинѣ и на первыхъ же порахъ своей студенческой жизни ознакомился съ трудами, посвященными изслѣдованію Уральскаго края, каковы, напримѣръ, записки о путешествіяхъ Палласа, Георги, Фалька, Рычкова, Лепехина и другихъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ были напечатаны первые его труды въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

По окончаніи курса въ университетѣ Наркизу Константиновичу предложена была должность помощника университетскаго библіотекаря. Дѣлались ему и другія предложенія, каковы должность помощника окружнаго начальника, учителя дѣтей кн. Хованскаго; но онъ не могъ остановиться ни на одномъ изъ предложеній, призываемый на родину нѣкоторыми семейными обстоятельствами, гдѣ онъ, послѣ годичныхъ колебаній, поступилъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи главнаго начальника Уральскаго хребта. Здѣсь ему же поручены были наблюденіе за дѣломъ народнаго образованія въ горнозаводскихъ округахъ и разборка архивныхъ дѣлъ. Въ 1853 году онъ занялъ мѣсто инспектора и преподавателя Уральскаго горнаго училища.

Сдѣлавшись постояннымъ жителемъ Урала, Наркизь Константиновичъ еще съ большимъ усердіемъ отдался изученію роднаго края, совершилъ нѣсколько поѣздокъ по заводамъ и знакомился съ мѣстной литературою, пользуясь обширною горнозаводскою библіотекою. Въ 1860 году, во второмъ томѣ „Пермскаго Сборника“*), помѣщенъ былъ первый трудъ Чупина, посвященный мѣстной литературѣ: „Указатель сочиненій по географіи и статистикѣ Пермской губерніи“.

Въ 1862 году Наркизь Константиновичъ занялъ должность управляющаго Уральскимъ горнымъ училищемъ, на которой и оставался до самой кончины. Съ этого времени онъ сосредоточился на изученіи нетронутого до него горнозаводскаго архива, плодомъ чего были многочисленныя и крайне интересныя статьи его по исторіи горнаго дѣла на Уралѣ, печатавшіяся въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и впоследствии сгруппированныя Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1 томѣ изданнаго имъ „Сборника статей о Пермской губерніи“ (Пермь, 1882 г.). Кромѣ того, до тридцати статей были напечатаны Н. К. въ „Горномъ журналѣ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русской Старинѣ“ и „Ирбитскомъ Ярмарочномъ Листкѣ“.

*) Изданнаго мною въ двухъ томахъ (М. 1859 и 1860).

Въ началѣ 1870 года, въ Екатеринбургѣ возникло, по иниціативѣ преподавателя мѣстной гимназіи О. Е. Клеръ, Уральское общество любителей естествознанія. Наркизь Константиновичъ, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлался ревностнымъ сотрудникомъ общества, принимая участіе въ редакціи его „Записокъ“, исправляя и дополняя поступающія въ него статьи.

Продолжая заниматься всестороннимъ изученіемъ края, Н. К. задумалъ капитальный и единственный въ своемъ родѣ трудъ: „Географическій и Статистическій Словарь Пермской губерніи“. Группируя печатный матеріалъ, очищая его критикою и дополняя новыми добытыми имъ свѣдѣніями онъ имѣлъ въ виду дать публикѣ возможно полный сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи. Словарь печатался въ приложеніи къ „Сборнику Пермскаго Земства“, доведенъ былъ въ 1879 году до буквы Н, и на этомъ остановился, благодаря охлажденію земства къ этому капитальному сочиненію, бывшему плодомъ двадцатипятилѣтняго усидчиваго труда. Небольшая субсидія, отпущавшаяся Наркизу Константиновичу съ 1876 года на канцелярскій расходъ, стала выдаваться несвоевременно и даже съ требованіями предварительнаго доставленія рукописи статей. Это не могло не ослабить энергіи автора словаря и хотя онъ продолжалъ работу, но высылку статей въ земскій сборникъ прекратилъ.

Съ годами Наркизь Константиновичъ, углубленный въ кабинетную работу, совершенно отдалился отъ общества, не покидая вовсе своей квартиры, хотя докучные посѣтители все таки нарушали его уединеніе, отрывая отъ дѣла, которому онъ сталъ посвящать дѣлыя ночи. Многіе имѣли въ немъ надобность, обращаясь за разными справками и свѣдѣніями, которыхъ ему не далеко было искать, ибо главный архивъ ихъ былъ въ его головѣ и для всякаго были открыты двери добродушнаго ученаго. Къ нему безъ церемоніи шли русскіе и иностранные ученые, путешественники, промышленники, администраторы, для всѣхъ у него былъ запасъ необходимыхъ знаній и готовность дѣлиться ими со всѣми въ нихъ нуждающимися.

На сколько былъ отзывчивъ Наркизь Константиновичъ къ ученымъ предпріятіямъ, которымъ, ради ихъ успѣха, онъ содѣйствовалъ всѣми своими силами, насъ знакомятъ приводимыя ниже слова почтеннаго ученаго.

„Года три тому назадъ (именно въ 1873 году) Казанское Общество Естествоиспытателей предположило посылать экспедиціи для изученія инородческихъ племенъ, обитающихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа, начавши съ народностей, уже (по общераспространенному мнѣнію) вымирающихъ: съ Вогуловъ и Пермяковъ. Узнавши объ этомъ, я выразилъ ученому Обществу, черезъ одного изъ его членовъ, готовность свою составить библиографическіе указатели книгъ и статей, въ которыхъ говорится о Вогулахъ и Пермякахъ. Затѣмъ я принялся за составленіе, въ хронологическомъ порядкѣ, обзорѣнія сочиненій, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о Вогулахъ и родственныхъ съ ними Остякахъ и довелъ это обзорѣніе до 1856 года включительно. Изъ вышедшихъ въ послѣдующее время сочине-

ній о Вогулахъ самое капитальное есть, безъ сомнѣнія, изданное въ 1864 г. Пештской академіей, на мадьярскомъ (венгерскомъ) языкѣ: „Вогульскіе земля и народъ“, трудъ Регули и Гунфальви. Но книги этой у меня не было и я не зналъ гдѣ и какъ достать ее. Притомъ, чтобы ознакомиться хотя немного съ ея содержаніемъ, нужно было имѣть у себя какое либо руководство къ изученію венгерскаго языка и мадьярскій словарь. Казанское Общество Естествоиспытателей весьма обязательно выписало для меня книгу Регули и Гунфальви, два практическія руководства къ венгерскому языку (на нѣмецкомъ) и маленькій мадьярско-нѣмецкій словарикъ. Ознакомившись нѣсколько съ мадьярскимъ языкомъ, какъ въ лексикальномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи его грамматическихъ формъ и строя, я принялся было за чтеніе книги: „Вогульскіе земля и народъ“; но это оказалось крайне затруднительнымъ, такъ какъ присланный мнѣ карманный мадьярскій словарь напечатанъ до крайности мелкимъ шрифтомъ, такъ что справляться съ нимъ невозможно безъ пособія лупы, и притомъ слишкомъ кратко и не даетъ достаточно полныхъ объясненій значенія словъ“.

Далѣе въ той же статьѣ: „О результатахъ экспедиціи въ 1872 году для изслѣдованія Вогуловъ“, Н. К. Чупинъ возражаетъ на слова проф. Сорокина, члена экспедиціи, сказанныя имъ въ отчетѣ: „Изъ Кушвы мы избрали дальнѣйшій путь на Екатеринбургъ, гдѣ я видѣлся съ нашимъ почтеннымъ сотрудникомъ Н. К. Чупинымъ, которому я обязанъ весьма многими указаніями и совѣтами при составленіи этого отчета“ (стр. 56).

„Сколь ни лестны для меня эти слова, я все таки считаю долгомъ заявить, что въ нихъ есть преувеличеніе. Въ проѣздъ свой черезъ Екатеринбургъ, г. Сорокинъ пробылъ у меня не болѣе двухъ часовъ днемъ, да поздно вечеромъ я былъ у гг. Сорокина и Маліева“. „Если бы путешественники въ передній свой путь ѣхали чрезъ Екатеринбургъ и прожили бы здѣсь по крайней мѣрѣ дня три или четыре, то могли бы облегчить и оразнообразить предстоявшія имъ изслѣдованія: познакомились бы у меня съ матеріалами, бывшими имъ неизвѣстными до поѣздки и даже съ такими, которые имъ остались неизвѣстными и по возвращеніи ихъ въ Казань (потому что мой „Указатель“ доведенъ лишь до 1856 года, а на нѣкоторыя сочиненія, вышедшія позже, я либо не успѣлъ, либо позабылъ указать имъ за краткостью пребыванія ихъ въ обратный путь“*).

Приведенныя слова не нуждаются въ комментаріяхъ. Въ нихъ вполне обрисовывается всегдашняя готовность почтеннаго ученаго быть полезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его желаніе, чтобы лица, обращавшіяся къ нему, исчерпывали бы весь матеріаль, имѣющійся у него.

„Съ глубокою признательностью и грустью о незамѣнимой для Уральскаго края утратѣ,—говоритъ В. Н. Малаховъ въ некрологѣ Н. К., напе-

*) «Записки Уральского Общества любителей естествознанія». Томъ I. Екатеринбургъ 1874 г., стр. 145 и 154.

чатанномъ въ Изв. И. Р. Геогр. Общ.—вспоминаю я о Наркизѣ Константиновичѣ, совѣтами и расположеніемъ котораго я пользовался въ теченіи почти десяти лѣтъ. Благодаря ему, ознакомился я съ литературой Урала и при его непосредственныхъ совѣтахъ сдѣланы были мои первые шаги въ дѣлѣ изслѣдованія названнаго края“...

Съ глубокою благодарностію вспоминаетъ о Наркизѣ Константиновичѣ и его двоюродный братъ—единственный въ настоящее время остающійся въ живыхъ прямой представитель мужскаго поколѣнія Чупиныхъ, Петръ Орестовичъ Чупинъ, усердный сотрудникъ „Пермскаго Края“. Надѣмся, что онъ не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ изъ его къ намъ письма то, что касается его отношеній къ покойному. „Мой отецъ заботился о нашемъ (моемъ, братьевъ и сестеръ) воспитаніи—пишетъ Петръ Орестовичъ, но средства имѣлъ ограниченныя и по этому, чтобы не тратиться много на учителей, уговорился съ нѣкоторыми изъ своихъ знакомыхъ, имѣвшихъ дѣтей, устроить нѣчто въ родѣ переносной школы, человѣкъ на 8—10, которая и открывала потомъ свою дѣятельность то въ нашемъ домѣ, то на дому у преподавателя. Въ этой импровизированной школѣ, вмѣстѣ со мною учился между прочимъ, и извѣстный казанскій профессоръ Ѳедоръ Матвѣевичъ Суворовъ; но не ей, конечно, я обязанъ своими познаніями. Немного я вкусилъ и отъ премудрости своихъ первыхъ учителей, и судьба улыбнулась мнѣ лишь съ посѣщенія Кушвы Наркизомъ Константиновичемъ, инспектировавшимъ въ то время горнозаводскія школы. Сразу увидѣвъ недостатки нашей школы, онъ предложилъ отцу перемѣстить меня въ Екатеринбургъ и самолично занялся моимъ образованіемъ. Прожилъ я у Наркиза Константиновича 1854—1857 годы, въ его прежней квартирѣ (гдѣ нынѣ мужская гимназія), питался однимъ съ нимъ обѣдомъ изъ училищной кухни, спаль, окруженный книгами, а иногда и на книгахъ его. Тогда далеко онъ еще не былъ затворникомъ. По субботамъ у него бывали литературныя собранія, а по воскресеньямъ мы съ нимъ ходили обѣдать въ домъ Фелькнеровыхъ (гдѣ была гостиница) и оставались тамъ до вечера. Въ простые дни посѣтители у него были частые, да и самъ онъ нерѣдко исчезалъ; но принятой на себя относительно меня учебно-воспитательной обузы никакъ не забывалъ. Коротко сказать: тою степенью подготовки и развитія, которыми обуславливалась возможность послѣдующаго прохожденія спеціальнаго курса на казенный счетъ, я обязанъ Наркизу Константиновичу, съумѣвшему такъ распорядиться моимъ самосознаніемъ, что 2½ года, прожитые у него, я и теперь считаю самымъ свѣтлымъ періодомъ моего существованія. Предъ отъѣздомъ на службу въ Алтайскій округъ, не задолго до кончины Наркиза Константиновича, мнѣ случилось провести еще одинъ день у него. Увы! это уже былъ не тотъ человѣкъ. Ходилъ онъ вершковыми шагами, говорилъ безъ прежней живости, жаловался на отсутствіе зубовъ и на ослабленіе зрѣнія, заставлявшее его прибѣгать къ стекламъ разныхъ фокусныхъ разстояній попеременно... „Будетъ, пожилъ!—говорилъ онъ—только бы „Сло-

варь“ кончить“... Но въ этомъ „пожилъ“ звучала, показалось мнѣ, горькая иронія. Жаль мнѣ его было до безконечности, и пустоту почувствовалъ я, когда узналъ потомъ, что онъ умеръ“...

И мнѣ есть чѣмъ вспомнить Наркиза Константиновича, съ которымъ я одновременно учился въ Пермской гимназіи (только онъ былъ въ старшихъ классахъ, а я въ младшихъ), но близкое знакомство наше началось лишь съ конца пятидесятихъ годовъ, когда я задумалъ изданіе «Пермскаго Сборника». Съ тѣхъ поръ наши дружескія отношенія не прерывались до самой его кончины. Мнѣ часто случалось бывать въ Екатеринбургѣ и первый мой визитъ по приѣздѣ туда, всегда былъ къ Наркизу Константиновичу. Встрѣтивъ меня съ свойственнымъ ему радушіемъ, онъ завладалъ мною и я нерѣдко заживался лишній день—другой изъ за того что откладывалъ дѣло за которымъ приѣхалъ, до самой минуты отъѣзда. Бесѣдамъ, чтенію у насъ не было конца. Въ заключеніе, часовъ въ девять—десять вечера, Наркизъ Константиновичъ увлекалъ меня въ гостиницу итальянца Фрате, находившуюся чрезъ дорогу противъ его квартиры, въ томъ самомъ домѣ Фелькнеровыхъ, о которомъ упоминаетъ Петръ Орестовичъ. Прихватывалась обыкновенно съ собою какая нибудь книга или рукопись, и, за ужиномъ, бесѣда и чтеніе возобновлялись. Къ посѣщеніямъ Наркиза Константиновича до того уже привыкли въ гостиницѣ, что прислуга, подавъ требуемое, безъ церемоніи отправлялась спать, притворивъ наружную дверь. Мы засиживались нерѣдко до 5—6 часовъ утра, а если дѣло было лѣтомъ, то еще отправлялись гулять и въ заключеніе усаживались гдѣ нибудь на плотинѣ пруда монетнаго двора и все продолжали бесѣдовать, нерѣдко расходясь часовъ въ семь утра, когда солнце уже стояло высоко и народъ начиналъ двигаться по улицамъ. Много хорошаго вынесъ я изъ нашихъ бесѣдъ, многими свѣдѣніями обогатился и въ то же время успѣлъ убѣдиться сколько доброжелательства, готовности помочь всякому своимъ запасомъ свѣдѣній, глубокаго сочувствія всему хорошему и полезному для общества таилось въ этомъ далеко выдающемся изъ современной среды человѣкѣ...

Съ избраніемъ меня въ 1870 году предсѣдателемъ Пермской губернской земской управы отношенія наши еще болѣе оживились: земство сильно интересовало Наркиза Константиновича, каждое новое мѣропріятіе земства встрѣчаемо было имъ съ особеннымъ вниманіемъ. Мало по малу, въ сознаніи необходимости для новаго учрежденія всесторонняго знакомства съ краемъ, возникаетъ мысль о сочиненіи, въ которомъ были бы сгруппированы всѣ наличныя свѣдѣнія о немъ,—и въ результатѣ—я получаю отъ Наркиза Константиновича первые листы рукописи „Географическаго и Статистическаго словаря Пермской губерніи“, которые и появляются въ печати, въ приложеніяхъ къ „Сборнику Пермскаго земства“...

Словарь, какъ сказано было выше, остановился печатаніемъ на буквѣ М, но въ бумагахъ, оставшихся послѣ Наркиза Константиновича, сохрани-

лось продолженіе этого труда, о которомъ и самъ онъ, въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, говоритъ, что статьи на буквы Н и О у него готовы. Въ настоящее время большая и разнообразная библіотека, рукописи и корреспонденція покойнаго принадлежатъ его наслѣднику Владиміру Васильевичу Чупину, который желаетъ ихъ продать за 2400 р. Ужели Пермское губернское земство, не затруднившееся затратить до 13000 рублей на изданіе сомнительнаго достоинства „Пермской Лѣтописи“, Шишонко, не найдетъ возможности приобрѣсти драгоцѣнную библіотеку и бумаги Наркиза Константиновича, а съ ними и право на новое, дополненное изданіе „Словаря“?..

Какъ человѣкъ одинокій, отдавшійся всецѣло умственному труду, Наркизь Константиновичъ мало обращалъ вниманія на удобства жизни и потому квартира его напоминала книжную лавку извѣстнаго въ свое время московскаго букиниста Кольчугина, описанную Григоровичемъ, въ его „Проселочныхъ Дорогахъ“. Это не мѣшало однако-же хозяину знать отлично содержимое книжныхъ кучъ, которыми была завалена квартира, и немедленно отыскивать въ нихъ то, что ему было нужно. Въ молодыхъ лѣтахъ житейскія неудобства не оказываютъ, конечно, значительнаго вліянія на организмъ человѣка, но съ лѣтами они становятся чувствительны, а потому немудрено, что отозвались вредно и на здоровьѣ нашего ученаго. Постоянное затворничество Наркиза Константиновича въ послѣдніе годы его жизни, воздухъ, наполненный пылью и испареніями никогда невычищавшейся квартиры, весьма рѣдко открывавшіяся окна; ночныя занятія, неправильное питаніе, ибо покойный не зналъ что такое завтракъ, обѣдъ или ужинъ, а почувствовавъ голодъ, удовлетворялъ его первою, попавшеюся подъ руку снѣдью, не отрываясь отъ книги или письменной работы,—все это губительно дѣйствовало на него, и лѣтъ за шесть до смерти, Наркизь Константиновичъ сталъ замѣтно хирѣть. Къ этому присовокупилось еще въ послѣднее время событіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на его жизнь. Это—невольное переселеніе на новую квартиру съ прежней, гдѣ онъ безмятежно прожилъ десятки лѣтъ, среди наполнявшихъ ее въ безпорядкѣ книжныхъ кучъ, бумагъ, картъ, плановъ, минераловъ... Вотъ, что онъ писалъ мнѣ по поводу этого прискорбнаго для него событія:

„Теперь у меня опять хлопотливое и трудное время: идетъ переводъ училища и моей квартиры въ новое помѣщеніе—въ зданіе, занятое прежде главной конторой. Начальство наше, не составивъ смѣты, испросило на этотъ предметъ только 6000 рублей изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія; работы производились безъ вѣдома и совѣта моего. И вышло все неудовлетворительно, тѣсно, крайне неудобно. Перевозка началась недѣли двѣ тому назадъ, да еще хватить на столько же. Въ классахъ и спальняхъ учениковъ недостаетъ воздуха до принятаго наукой minimum'a; нѣтъ комнаты для храненія ученическихъ собственныхъ вещей и платья; нѣтъ комнаты для канцелярскихъ занятій и дѣлъ; вентиляція крайне недостаточна; комнаты весьма низки. Нѣтъ ни двора, ни сада для воспитан-

никовъ. Службы изъ рукъ вонъ плохи. Коллекцій учебныхъ помѣстить вполнѣ негдѣ. Пришлось многое, не столь нужное, закупорить въ ящики и поставить на храненіе въ одно изъ зданій бывшаго монетнаго двора. Въ моей будущей квартирѣ окна весьма низки отъ земли и простѣнковъ мало. Приходится много шкаповъ и шкапчиковъ хоть выбросить и сдѣлать вмѣсто нихъ новые, хотя бы и плохонькіе, но примѣненные къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Приходится много своихъ книгъ также сдать для храненія на монетный дворъ. Нужно на свой счетъ дѣлать ставни къ окнамъ квартиры, шторы (ибо я не Пугачевъ, чтобы быть показываемымъ въ ажурной клѣткѣ публикѣ). При перевозкѣ и переноскѣ мебели не мало поломокъ. Кажись этотъ годъ не высокосный, а принесъ мнѣ много огорченій“...

Немного было нужно, чтобы окончательно сломить и безъ того уже одряхлѣвшій организмъ; чрезъ три года послѣ этого письма, усилившееся болѣзненное состояніе Наркиза Константиновича привело къ окончательной развязкѣ: 12 Апрѣля 1882 г., въ 2 часа 20 м. по полуночи, его не стало...

Кончина Наркиза Константиновича, какъ и слѣдовало ожидать, не прошла незамѣченною въ интеллигентномъ мірѣ. Некрологи его появились въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ Екатеринбургской Недѣлѣ, въ Камско-Волжскомъ Словѣ, въ Восточномъ Обзорѣніи, въ Историческомъ Вѣстникѣ, во Всемирной Иллюстраціи, въ Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго общества. Къ сожалѣнію, авторы означенныхъ некрологовъ (кромѣ помѣщеннаго въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ), при всемъ своемъ желаніи помянуть усопшаго добрымъ словомъ, мало были знакомы съ фактическими данными его *curriculum vitae*, столь необходимомъ въ качествѣ біографическаго матеріала, и потому ограничились чисто внѣшними очерками, въ большей части изображавшими покойнаго со стороны его странностей, или сообщили ошибочныя данныя. Это и немудрено. Наркизь Константиновичъ не любилъ распространяться о несложныхъ событіяхъ своей, такъ сказать, оффиціальной жизни и мнѣ съ большимъ трудомъ, только за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, удалось записать съ его словъ нѣкоторые факты, напечатанные въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1882 г. (№ 31). Напротивъ, онъ дѣлался особенно общительнымъ, когда получалъ сочувственный отзывъ о своихъ ученыхъ трудахъ отъ какого либо авторитетнаго лица. Всякій такой отзывъ радовалъ его какъ ребенка*).

Выраженіе уваженія къ памяти покойнаго не ограничилось некрологами. Екатеринбургское общество любителей естествознанія, въ увѣковѣченіе имени ученаго труженика, приняло прекрасное рѣшеніе постановивъ составить по подпискѣ капиталъ, проценты съ котораго предназначило на преміи за лучшія изслѣдованія о Пермской губерніи. Пермскій губернский статистическій комитетъ, котораго Чупинъ былъ почетнымъ членомъ,

*) См. письмо ко мнѣ Н. К., въ „Сборникѣ статей о Пермской губерніи“. Пермь, 1891, стр. 275—278.

въ 1 выпускѣ своего „Сборника статей о Пермской губерніи, помѣщенныхъ въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ теченіи ихъ сорокалѣтняго существованія“, перепечаталъ изъ означенныхъ вѣдомостей всѣ статьи покойнаго и приложилъ къ книгѣ его портретъ*).

Наркизь Константиновичъ состоялъ почетнымъ членомъ Уральского общества любителей естествознанія, Пермскаго и Нижегородскаго статистическихъ комитетовъ и членомъ-сотрудникомъ Казанскаго общества естествоиспытателей, И. Р. Географическаго общества и общества любителей русской древней письменности.

Въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ Наркизу Константиновичу было высказано о происхожденіи рода Чупиныхъ такое же малоосновательное предположеніе, какъ и о родоначальникѣ историка Сибири Слоцова, т. е., не происходятъ-ли Чупины отъ Вогула *Чумпина*, открывшаго руду въ горѣ Благодати, на которой красуется нынѣ его памятникъ? и въ подтвержденіе такого предположенія указывалось на портретъ Наркиза Константиновича, появившійся по случаю его кончины въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, черты коего якобы обличаютъ вогульскій типъ. На это можемъ сказать только, что помянутый портретъ неудаченъ и въ немъ нѣтъ слѣдовъ той сердечной доброты, которой запечатлѣны были въ дѣйствительности черты лица покойнаго и которыя должны быть памятны всѣмъ знавшимъ нашего ученаго. Прилагаемый къ настоящему изданію портретъ его увеличенъ съ маленькой фотографической карточки, снятой въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, хотя тоже не особенно удачной, но точнѣе передающей выраженіе лица Наркиза Константиновича.

Кстати приведемъ свѣдѣнія о родѣ Чупиныхъ, любезно сообщенныя намъ Петромъ Орестовичемъ Чупинымъ. Дѣдъ Наркиза Константиновича, Илья Андріановичъ Чупинъ, имѣлъ пятерыхъ сыновей: Александра († въ должности члена главной конторы Екатеринбургскихъ заводовъ), Константина († въ Міасскомъ заводѣ въ должности ревизора казенныхъ золотыхъ промысловъ), Ивана (тоже бывшаго на службѣ въ горномъ вѣдомствѣ), Якова и Ореста († въ Кушвинскомъ заводѣ, гдѣ служилъ главнымъ бухгалтеромъ Гороблагодатскихъ заводовъ). У Константина Ильича было три сына: Наркизь Константиновичъ, портретъ котораго здѣсь прилагается, Василій Константиновичъ, служившій горнымъ исправникомъ Бѣлорѣцкихъ и Авзяно-Петровскихъ заводовъ Оренбургской губерніи и умершій въ отставку въ городѣ Челябинскѣ, и Иванъ (бывшій управителемъ Артинскаго завода, гдѣ и скончался). Кромѣ сыновей, у Константина Ильича были двѣ дочери Елизавета и Надежда, проживавшія—первая въ Кушвинскомъ заводѣ, вторая въ Екатеринбургѣ. У брата Константина Ильича, Ореста, было

---

*) По правдѣ сказать, плохо исполненный въ одной изъ мѣстныхъ литографій. Рѣзанный съ той же карточки портретъ, помѣщенный во Всемирной Иллюстраціи и вторично оттиснутый въ Историческомъ Вѣстникѣ, лучше; но тоже не вполне передаетъ выраженіе его лица.

также три сына: Гаврииль, Николай и Петръ; первые два давно умерли, а Петръ Орестовичъ Чупинъ, приходящійся двоюроднымъ братомъ Наркизу Константиновичу, служить въ настоящее время управляющимъ счетною частію Алтайскаго Кабинетскаго округа, въ гор. Барнаулѣ.

Заклучимъ нашу краткую замѣтку пожеланіемъ скорѣйшаго появленія полной и обстоятельной біографіи Наркиза Константиновича, и да сохранится на многія и многія лѣта память о почтенномъ ученомъ, отдавшемъ всѣ свои силы и знанія любимой родинѣ, да служить его труженическая жизнь руководящимъ примѣромъ для молодаго поколѣнія, отъ котораго отечество ожидаетъ полезной дѣятельности!...

Къ полувѣковой годовщинѣ смерти Петра Андреевича Словцова.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

А. А. Дмитриева.

28 Марта 1893 года, въ великій день Свѣтлаго Христова Воскресенія, исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины одного изъ замѣчательнѣйшихъ уроженцевъ Пермскаго края, Петра Андреевича Словцова. Смерть и воскресеніе—какъ близко родственны между собою эти два понятія, невольно потрясающія наше сознание, но въ тоже время пробуждающія надежду на свѣтлое будущее и ободряющія насъ предъ бездною вѣчности! Это сознание было неотъемлемо—присуще и человѣку, о которомъ идетъ рѣчь. За годъ до смерти онъ писалъ между прочимъ: „для меня довольно хранить въ душѣ два слова, которыя, въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Иркутскѣ, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій написалъ при посылкѣ ко мнѣ часовъ и Библии Тремеллиевой: *вотъ тебѣ время и вѣчность*“! И теперь, чрезъ полвѣка, предъ нами живо встаютъ эти два благородные мужа, имена которыхъ одинаково дороги какъ Сибири, такъ и Пермскому краю.

„*Созерцательный труженикъ времени! онъ съ юности мыслилъ о вѣчности и жилъ потомъ для вѣчности*“! Эти прекрасныя слова, обращенныя П. А. Словцовымъ къ его кумиру М. М. Сперанскому, мы вправѣ отнести нынѣ къ самому сказавшему ихъ. Да воскреснетъ благодарная память о немъ чрезъ полвѣка по его кончинѣ!

Въ родномъ Пермскомъ краѣ Петръ Андреевичъ провелъ только первые годы своей жизни, о которыхъ по преимуществу мы и намѣрены вспомнить въ этой замѣткѣ. О дальнѣйшей его жизни, связанной съ Сибирью, пусть вспомнятъ сибиряки.

Время и мѣсто своего рожденія П. А. Словцовъ точно указалъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о Сибири, обезсмертившемъ его имя. Здѣсь онъ сказалъ: „на *Нижнесусанскомъ заводѣ*, да проститъ читатель эгоизму, я родился въ 1767 году. Разсматривая причины своихъ погрѣшностей, я иногда покушаюсь спрашивать у себя: не стукъ-ли молотовъ, отъ колыбели поражавшій мое слыханіе, оглушилъ меня надолго для кроткихъ впечатлѣній самопознанія“?*) Въ виду этого свидѣтельства, мы должны отвергнуть предположеніе Ө. А. Прядильщикова, что П. А. Словцовъ „увидѣлъ свѣтъ подлѣ

*) «Историческое обозрѣніе Сибири». СПб. 1886 года, часть I, стр. 233, въ сноскѣ. Въ біографіи П. А. Словцова, приложенной къ этому изданію, мѣстомъ рожденія его ошибочно указанъ никогда не существовавшій «Нижнеусейанскій» заводъ.

Урала, въ Красной слободѣ*), тогда, когда село это было приписано еще къ губерніи Тобольской“, а равнымъ образомъ считаемъ ненужнымъ болѣе и дальнѣйшій его выводъ, по которому П. А. Словцовъ родился около 1770 года**). На основаніи показанія самого П. А. Словцова, родиною его былъ, слѣдовательно, нынѣшній Верхотурскій уѣздъ, гдѣ у самой границы его съ Ирбитскимъ, возлѣ Нейво-Шайтанскаго завода наслѣдниковъ Сергѣя Саввича Яковлева и В. Н. Рукавишника, и доселѣ существуетъ, правда, упраздненный и недѣйствующій, *Нижне-Сусанскій* заводъ, на лѣвомъ берегу рѣчки Сусанки, недалеко отъ устья ея (Сусанка—лѣвый притокъ рѣки Нейвы). Онъ основанъ былъ казеннымъ иждивеніемъ въ 1735 г., по мысли извѣстнаго В. Н. Татищева; въ 1759 г. отданъ былъ во владѣніе лейбъ-гвардіи секундъ-маіору Гурьеву, который въ 1767 году, въ годъ рожденія П. А. Словцова, продалъ его тогдашнему богачу Саввѣ Яковлеву***). Этотъ заводъ былъ въ свое время вспомогательнымъ по отношенію къ главному—Алапаевскому, въ округѣ котораго онъ и состоялъ****).

Такова была безвѣстная родина П. А. Словцова, о которой мы узнали только изъ собственныхъ его словъ. Немного знаемъ мы и о происхожденіи славнаго историка Сибири—и опять это немного извѣстно изъ его личныхъ замѣтокъ. Объ этомъ онъ говоритъ мимоходомъ по поводу основанія первыхъ русскихъ поселеній на берегахъ родной для него Нейвы, изливающей свои воды въ рѣку Туру. „По Нейвѣ (возникли слободы) Краснопольская въ 1645 году, Мурзинская 1639 года, послѣ прославившаяся кристаллами, деревня Алапаиха тогда же, *сл. Невьянская* 1619 года и выше ея *Невьянскій монастырь* съ селеніемъ, прежде 1621 году бывшимъ. *Послѣднія два водворенія, какъ родина моихъ родителей и прадедовъ, изъ Устюжской четверти переведенныхъ по волю патріарха Іова, достовѣрныя для меня, чѣмъ сѣверное Туле Птолемея земнаго шара. Въ первый разъ, и это было въ 1778 году, увидѣлъ я Нижненевьянской деревянной острогъ со стрѣльницами (нынѣ Невьянское село Ирбитскаго уѣзда), и какъ я тогда удивлялся этимъ твердынямъ, могшимъ превратиться въ пепель отъ искры! Послѣ, какъ уже языкъ мой познакомился съ Гораціевымъ словомъ: *nil admirari*, я смѣялся надъ простотою непріятелей Сибири, до Ницы вторгавшихся, что они въ полтора вѣка не надумались, какъ пепелить деревянные наши твердыни“*****).*

*) Иначе село Красное на р. Ницѣ, въ Ирбитскомъ уѣздѣ.

***) См. замѣтку *Θ. А. Прядильщикова*: «Кое-что для біографіи П. А. Словцова» въ Памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1891 годъ», стр. 74. Ошибка эта повторена и *Д. Д. Смышляевымъ*, со словъ *Θ. А. Прядильщикова*, въ его біографіи Е. А. Словцовой—Камской въ «Сборникѣ статей о Пермской губерніи» Пермь. 1891 года, стр. 292.

****) «Историко-географическое описаніе Пермской губ., сочиненное для атласа 1801 г.», стр. 103.

*****) *Н. К. Чупинъ*: «Географическій словарь Пермской губерніи», стр. 18.

*****) «Историческое обозрѣніе Сибири» по изданію 1886 г., часть I, стр. 22. Замѣтимъ, что тотъ же патріархъ Іовъ перевелъ въ Пыскорскій монастырь на Каму въ 1601 году игумена Мисаила изъ Телегова монастыря на Двинѣ, а въ 1605 году туда же перевелъ игумена Арсенія изъ Вологды, о чемъ сохранились доселѣ и грамоты. *Авт.*

Приведенныя слова П. А. Словцова ясно показываютъ, что предки его были выходцами съ сѣвера Европейской Россіи, изъ Велико-устюжскаго уѣзда, и скорѣе всего были кореннаго русскаго и притомъ новгородскаго происхожденія. Судя же по упоминанію о переводѣ ихъ на Уралъ по волѣ патріарха Іова,—упоминанію, основанному на семейныхъ преданіяхъ, съ вѣроятностью заключить можно, что предки П. А. Словцова происходили изъ духовнаго званія, въ тѣ времена замкнутого, преемственно переходившаго отъ поколѣнія къ поколѣнію въ одномъ и томъ же родѣ или фамиліи. На основаніи этихъ соображеній мы рѣшительно не можемъ согласиться съ предположеніемъ упомянутаго Ѡ. А. Прядильщикова, что какъ самъ Петръ Андреевичъ Словцовъ, такъ и его ближайшіе родственники—„потомки какого-либо вогула, принявшаго крещеніе и посвятившаго себя или дѣтей на служеніе церкви“. Это мнѣніе основано только на фізіономіи и вообще наружности нѣкоторыхъ членовъ фамиліи Словцовыхъ, которые первоначально писались будто-бы Слопцовы, каковая фамилія происходила отъ „слопецъ“, т. е. ловушка охотника—звѣролова; а такая фамилія еще болѣе доказываетъ будто-бы вогульское происхожденіе Словцовыхъ*). Всѣ подобныя предположенія намъ кажутся довольно нелѣпыми и совершенно не вяжутся съ личными заявленіями о себѣ Петра Андреевича въ разныхъ мѣстахъ его „Историческаго обозрѣнія Сибири“. Кромѣ приведенной выше выдержки о происхожденіи предковъ его изъ Устюжскаго уѣзда, слѣдующія слова подтверждаютъ его завѣтныя симпатіи къ русскому сѣверу. „Сибирскій говоръ есть говоръ Устюжскій, подражатель Новгородскаго. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все Устюжанами и ихъ собратіей, говорившею тѣмъ-же нарѣчіемъ. Устюжане дали намъ земледѣльцовъ, ямщиковъ, посадскихъ, соорудили намъ храмы и колокольни, завели ярмарки, установили праздники Устюжскихъ чудотворцевъ, вошли какъ хозяева въ довѣренность у инородцевъ.... Стефанъ Великопермскій, по плоти Устюжанинъ, низлагая съ 1383 по 1397 г. идоловъ Угры и Печоры (?), Пермяковъ и Зырянъ, кажется, съ береговъ Выма благословилъ путь къ востоку своимъ землякамъ.... Много было дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ (въ Сибири), но не Москвичи урожденные“ (часть I, стр. 78—79).

Въ этихъ словахъ, не лишенныхъ, пожалуй, преувеличенія и утрировки фактовъ, ясно сказывается тотъ же Устюжанинъ по крови и духу, который столь много сдѣлалъ для Сибири, для ея культуры и гражданственности. Но гдѣ именно поселились первоначально предки П. А. Словцова—затрудняемся сказать. Переселеніе ихъ на Уралъ самъ онъ относитъ ко времени перваго патріарха Іова, когда еще не существовало Невьянской слобо-

---

*) О томъ, что Словцовы писались первоначально «Слопцовы», свидѣтельствуетъ по службамъ и протоіерей Сулоцкій въ статьѣ о П. А. Словцовѣ, въ «Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей» за 1873 годъ, кн. 3.

ды на правомъ берегу Нейвы, въ нынѣшнемъ Ирбитскомъ уѣздѣ*), ни монастыря Невьянскаго—на лѣвомъ берегу той же рѣки, въ уѣздѣ Верхотурскомъ**), т. е. обоихъ поселеній, въ коихъ, по словамъ П. А. Словцова, преимущественно служили его родители и прадѣды. Послѣдніе могли поселиться здѣсь не ранѣе 1620 годовъ. Черезъ полтора ста лѣтъ послѣ того родъ Словцовыхъ всё еще существовалъ въ Невьянской слободѣ, когда родитель Петра Андреевича служилъ священникомъ при церкви Нижне-Сусанскаго завода, какъ это извѣстно изъ дѣлъ Тобольской духовной семинаріи. Между родственниками было, конечно, общеніе, благодаря которому 11-лѣтній Петръ Андреевичъ въ 1778 г. впервые пріѣхалъ изъ Нижне-Сусанскаго завода въ слободу Невьянскую, столь поразившую его дѣтскій взоръ.

Таковы положительныя свѣдѣнія о самыхъ первыхъ годахъ жизни П. А. Словцова, которыя мы почерпаемъ изъ его собственныхъ автобіографическихъ замѣтокъ. О дальнѣйшей жизни его свѣдѣнія довольно скудны. Грамотѣ научилъ его отецъ—священникъ въ Нижне-Сусанскомъ заводѣ***), а затѣмъ Петръ Андреевичъ учился у наставника школы, существовавшей въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ****), послѣ чего уже 12 лѣтъ отъ роду онъ былъ помѣщенъ въ Тобольскую духовную семинарію. Здѣсь будущій историкъ Сибири обучался съ 1779 до 1788 года, когда окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ по способностямъ и успѣхамъ и былъ отправленъ для довершенія образованія въ С.-Петербургскую высшую Александро-Невскую семинарію, впослѣдствіи преобразованную въ духовную академію. Тамъ-то, какъ извѣстно, судьба свела его съ М. М. Сперанскимъ, соединивъ ихъ на всю жизнь узами неразрывной дружбы и глубокаго взаимнаго уваженія, не смотря на различіе ихъ характеровъ. Выйдя изъ высшей семинаріи съ солиднымъ запасомъ научныхъ познаній, приправленныхъ, по духу времени, раціонализмомъ, П. А. Словцовъ получаетъ назначеніе на должность учителя философіи и краснорѣчія въ родную для него Тобольскую духовную семинарію, гдѣ вскорѣ (съ 1792 г.) и заявляетъ себя, какъ лучший преподаватель и проповѣдникъ съ церковной кафедрой*****). Прекрасный преподаватель оказался однако крайне непрактичнымъ чиновникомъ, не умѣвшимъ мириться съ окружавшей его средой и окутывавшей её рутиной. *Θ. А. Прядильщикова* приводитъ очень любопытную характеристику молодого, полного увлеченія, учителя, со словъ современника и знакомаго Петра Андреевича, протоіерея

*) По *Миллеру* и *Словцову*, Невьянская слобода возникла въ 1619 году, а по *Чупину* — въ 1621 году (предположительно).

**) Невьянскій Вогоявленскій мужской монастырь основанъ въ 1620 годахъ, по распоряженію Кипріяна, митрополита Тобольскаго и Сибирскаго.

***) См. біографію П. А. Словцова при второмъ изданіи «Историческое обозрѣніе Сибири».

****) Свидѣтельство *Θ. А. Прядильщикова* безъ указанія источника, изъ котораго оно заимствовано.

*****) «Тобольскъ и его окрестности» *К. Голодникова*. 1887 г., стр. 135.

Е. Серебренникова*). Позволимъ себѣ привести еѣ здѣсь вполнѣ. „Вскорѣ послѣ прибытія на мѣсто, рассказывалъ этотъ старецъ Ѡ. А. Прядильщикову, Слозцовъ не поладилъ съ отцомъ префектомъ, но въ домашней жизни велъ себя слишкомъ свободно, по-студентски. Квартира его въ зданіи семинаріи сдѣлалась сборнымъ пунктомъ для учителей—бѣльцовъ. Бесѣды тутъ длились не рѣдко за полночь, и шумъ молодежи долеталъ до ушей отца префекта. Тщетно начальникъ пробовалъ чрезъ келейниковъ напомнить квартиранту и гостямъ о порядкѣ: служители возвращались съ отвѣтами самаго отрицательнаго свойства, иногда просто выгоняемы были Слозцовымъ въ тылъ. Этого мало. Выходя гулять, петербуржецъ одѣвался по модѣ, а голову накрывалъ бѣлой шляпой—вольность, претившая вкусу всей духовной братіи! Дуриль, очень дуриль Петръ Андреевичъ!“—прибавлялъ отъ себя 80—лѣтній протоіерей.

Извѣстно, какія печальныя послѣдствія для П. А. Слозцова имѣла эта „дурь“, это увлеченіе молодости. На другой годъ службы, 6 Августа 1793 года, онъ при произнесеніи въ Знаменскомъ монастырѣ проповѣди дозволилъ себѣ, въ дополненіе къ рукописному тексту, одобренному начальствомъ, присовокупить еще нѣсколько рѣзкихъ выраженій на счетъ испорченности нравовъ вообще и нѣкоторыхъ петербургскихъ вельможъ въ особенности и затѣмъ, увлекаясь болѣе и болѣе, коснулся и наградъ знаками отличія, назвавъ ихъ „игрушками суетнаго тщеславія“**). Гражданскимъ начальствомъ въ тотъ же день сдѣланъ былъ въ квартирѣ проповѣдника обыскъ, и затѣмъ отправлено донесеніе въ Петербургъ.... Чрезъ нѣсколько времени Петръ Андреевичъ оказался въ Валаамскомъ монастырѣ на Ладожскомъ озерѣ! И если бы не сильное заступничество тогдашняго епископа Тобольскаго Варлаама***) и прежняго неизмѣннаго друга, Сперанскаго, то молодой человѣкъ за свои увлеченія беззаботной молодости могъ бы испортить навсегда свою жизнь и, быть можетъ, загубить свои рѣдкія способности....

Этими годами кипучей молодости мы и закончимъ біографическую замѣтку о П. А. Слозцовѣ, предоставляя другимъ сказать признательное слово о дальнѣйшей его жизни и дѣятельности. Этотъ нравственный долгъ, полагаемъ, въ особенности лежитъ на сибирякахъ. Но мы желаемъ указать, что случилось съ этимъ чрезмѣрно увлекавшимся человѣкомъ въ пору зрѣлаго мужества и на склонѣ его жизни, и затѣмъ объяснить, чѣмъ дорогъ онъ собственно для Пермскаго края.

Тяжелымъ жизненнымъ опытомъ Петръ Андреевичъ постепенно пришелъ къ тому же взгляду на вещи и людей, какой усвоилъ себѣ, послѣ пережитыхъ невзгодъ, его товарищъ по высшей школѣ, М. М. Сперанскій.

---

*) Въ цитированной выше статьѣ, которая первоначально была напечатана въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1880 г., № 67.

***) *Голодниковъ* въ указанной книгѣ, на стр. 135.

***) Родной братъ котораго, Гавріилъ, былъ тогда митрополитомъ С.-Петербургскимъ.

Переживъ нѣсколько бурь, испытавъ нѣсколько неудачъ по службѣ, сдѣлавшись жертвой людской зависти и недоброжелательства, П. А. Словцовъ превратился въ отшельника, словно боявшагося свѣта и людей. „Онъ былъ строгъ въ образѣ жизни и чуждался всѣхъ свѣтскихъ удовольствій. Временемъ располагалъ съ методическою точностію, а потому не проходило дня, который бы онъ бросилъ въ жертву праздности.... Поутру, послѣ молитвы, продолжавшейся около часа, читалъ нѣсколько стиховъ изъ Евангелія, потомъ главу изъ Омы Кемпійскаго или другаго благочестиваго писателя.... Рѣдко самъ посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ приверженныхъ къ нему лицъ, которыя въ праздничные дни собирались къ нему для умныхъ бесѣдъ*). Онъ на всю жизнь остался безсемейнымъ и на вопросы о причинахъ безбрачія всегда съ улыбкою отвѣчалъ, что „ему некогда было жениться“**). Замкнутая, отшельническая жизнь Петра Андреевича въ Тобольскѣ поразительно сходна съ образомъ жизни, какой велъ въ 1812—1814 гг. въ Перми опальный М. М. Сперанскій***). Одинаковое положеніе создало въ нихъ и одинаковое мистическое настроеніе, заставило ихъ, такъ сказать, углубиться, уйти въ самихъ себя, забыть окружающее общество, отрѣшиться отъ обыденныхъ условій общественной жизни. Не даромъ между ними въ эти тяжелые годы происходила оживленная, сердечная переписка въ философскомъ духѣ. Рѣдко встрѣчаются въ жизни примѣры подобнаго сходства положеній и помысловъ. Въ 1819 г. Сперанскій, тогда Сибирскій генералъ-губернаторъ, встрѣтилъ въ Сибири своего стараго друга лично. Можно представить себѣ, какую сердечностью отличалась эта „историческая“ встрѣча! Вотъ какое впечатлѣніе произвела на Сперанскаго эта достопамятная встрѣча: „Словцовъ сталъ еще лучше, еще умнѣе, нежели былъ, писалъ онъ изъ Иркутска Столыпину отъ 19 Ноября 1819 г. Уединеніе освѣжило его мысли и успокоило его душу до того, что, кажется, онъ ничего не желаетъ и готовится умереть спокойно; въ свое время я буду сильно о немъ ходатайствовать“. Въ другомъ письмѣ изъ Тобольска Сперанскій говоритъ: „Здоровье Словцова плохо, какъ и прежде, но умъ свѣжъ—*весь въ благочестіи*, чего однако не жаль: ибо благочестіе стоить дѣль, чтобы у васъ ни говорили“****). Вотъ что сдѣлалось подъ старость съ человѣкомъ, который въ молодости „дурилъ“, по простодушному выраженію протоіерея Серебренникова! Правду говоритъ пословица: „Жизнь прожить—не поле перейти“.

*) См. біографію при второмъ изданіи «Историческаго обозрѣнія Сибири», гдѣ эти слова взяты изъ статьи *Н. А. Абрамова* о Словцовѣ, помѣщенной въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 года № 34.

**) «Тобольскъ и его окрестности» *Голодникова*, стр. 138.

***) См. мои «Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми» 1889 г., стр. 165—175.

****) См. эти письма въ «Русскомъ Архивѣ» *Бартенева* за 1871 г., № 3, на стр. 472 и 480. Также см. «Историческую записку о состояніи Тобольской гимназіи за 100 лѣтъ» *Замхаева* и *Цвѣтаева*, Тобольскъ 1889 г., стр. 66.

Примѣръ П. А. Словцова и М. М. Сперанскаго имѣеть глубоко-поучительное значеніе.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о заслугахъ Петра Андреевича для нашего Пермскаго края. Незабвенную услугу родному для него краю онъ оказалъ своимъ капитальнымъ сочиненіемъ: „*Историческое обозрѣніе Сибири*“, стоившимъ автору непрерывнаго тринадцатилѣтняго труда. Этою книгою онъ „памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“. Если „*Описаніе Сибирскаго Царства*“ Г. Ф. Миллера, достопамятному имени котораго П. А. Словцовъ благоговѣйно посвящаетъ первую часть труда*), составляетъ богатѣйшій архивъ для исторіи Зауралья, то „*Историческое обозрѣніе Сибири*“ является первымъ опытомъ научной разработки этого архива. „Не выгоды, говоритъ почтенный изслѣдователь Сибири Н. А. Абрамовъ, но одно безкорыстное чувство долга въ отношеніи къ отечеству и любви къ своей родинѣ побудили Петра Андреевича предпринять къ старости лѣтъ столь трудную работу. Какъ уроженецъ Сибири, и объѣхавшій ее отъ Урала до Камчатки, и прожившій въ ней много лѣтъ, онъ коротко зналъ многія частности сей страны. Глубже и вѣрнѣе другихъ могъ онъ проникнуть во многія обстоятельства и собрать свѣдѣнія для точнаго географическаго описанія ея. Надо было видѣть семидесятилѣтняго автора, продолжаетъ очевидецъ, сидящаго сгорбившись надъ грудями книгъ и рукописей, и нерѣдко ночью, при свѣтѣ огня. *Надо было подивиться примѣрному трудолюбію и терпѣнію.* Весь свой умъ онъ употреблялъ на воспоминаніе своей родной страны и по возможности старался изобразить ея историческое обозрѣніе твердою рукою мастера, ибо исторія Сибири была потребностію души его“***). А такъ какъ Пермское Зауралье до учрежденія самостоятельной Пермской губерніи въ 1797 году относилось по управленію къ Сибири, то историческій трудъ П. А. Словцова для зауральской половины нашей губерніи имѣеть значеніе, равносильное и для Сибири, наравнѣ съ „*Описаніемъ Сибирскаго Царства*“ Миллера.

Первая часть фундаментальнаго труда П. А. Словцова вышла въ свѣтъ въ 1838 году и вторая—въ 1844 году, на другой годъ по смерти автора. Не смотря на рѣдкое трудолюбіе, добросовѣстность и исключительное знаніе предмета, не смотря на удивительную любовь автора къ исторіи Сибири, изученію которой было посвящено имъ 13 послѣднихъ лѣтъ его жизни,—сочиненіе его въ первое время вызвало въ печати нѣсколько неодобрительныхъ рецензій, писанныхъ людьми, неизмѣримо менѣе знакомыми съ пред-

*) Вторая часть труда П. А. Словцова посвящена «безсмертному имени графа Михаила Михайловича Сперанскаго».

**) Слова Н. А. Абрамова въ біографіи П. А. Словцова при 2 изданіи «Историческаго обозрѣнія Сибири».

метомъ изслѣдованія, судившими о трудѣ съ личныхъ точекъ зрѣнія, подѣ которыя истинный историкъ не обязанъ и не долженъ поддѣлываться. Рецензенты, бессильные исправить что-либо въ фактической части труда, указывали на сухость изложенія автора, надутость слога, „официальность и устраненіе этнографическаго матеріала“*) и т. п. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнимъ, что въ наше „просвѣщенное“ время рецензій пишутся подѣ часъ даже безъ прочтенія рецензируемой работы, а лишь на основаніи бѣглаго ея перелистыванія. Рецензій писать не трудно. Дѣльная работа всегда говоритъ однако сама за себя: чрезъ полвѣка по выходѣ въ свѣтъ первой части труда П. А. Словцова, она сдѣлалась библіографическою рѣдкостью и потребовала вторичнаго изданія.

П. А. Словцовъ отлично зналъ Пермскій край, особенно его зауральскую часть, прежде относившуюся къ Сибири. Изъ многихъ мѣстъ его книги можно видѣть, что онъ лично бывалъ во многихъ городахъ и разныхъ селеніяхъ Пермской губерніи, а въ 1809—1810 гг. около полутора года прожилъ въ разныхъ Уральскихъ заводахъ и на родинѣ, много читая и занимаясь преимущественно минералогіей**). На страницахъ 232—233 (сноски) первой части онъ замѣчаетъ: „Въ бытность горнаго начальника Андрея Ѳедоровича Дерябина прорубалась шахта сквозь гору Благодать, для геогностическаго узнанія внутреннихъ ея сокровищъ. Я, по старости не надѣясь дойти до сего историческаго момента, ни сказать о любви, съ какою онъ заботился о высвобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и о замѣнѣ ихъ непремѣнными работниками, при сочиненіи проекта Горнаго Положенія,—я въ настоящую минуту по крайней мѣрѣ удовлетворяюсь воспоминаніемъ, какъ мы были угощаемы чаемъ отъ гостепріимнаго начальника на вершинахъ то Благодати, то Синюхи (Баранчинской) въ 1810 году“. Въ 1828 году П. А. Словцовъ былъ въ Соликамскѣ и въ Верхотурьѣ. Около Соликамска, „при Красномъ селѣ Демидова, съ 1772 года принадлежавшемъ заводчику Турчанинову, Лепехинъ видѣлъ до 500 разныхъ растений въ обширномъ саду. Въ 1828 году я видѣлъ въ этомъ селѣ, пишетъ Словцовъ, каменную церковь и колокольню съ превосходнымъ колокольнымъ звономъ, развалины деревяннаго дома, нѣсколько кедровъ и шпалерныхъ сибирскихъ деревъ въ заустѣломъ саду“***). О Верхотурьѣ онъ замѣчаетъ: „Въ 1828 году я нашелъ этотъ городъ опустѣлымъ, не лучшимъ села, и видѣлъ два ряда бѣднѣйшихъ лавченогъ“****). Можно бы привести и еще нѣсколько выписокъ въ томъ же родѣ.

П. А. Словцовъ, при составленіи труда, велъ обширную переписку, съ помощію которой собиралъ разныя свѣдѣнія о Сибири. Онъ многократно

*) Изъ біографіи П. А. Словцова при второмъ изданіи его труда 1886 г.

**) Тамъ же.

***) Сноски на стр. 45—46 второй части.

****) Сноска на стр. 46 второй части.

ссылается на „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи“ Никиты Попова, съ авторомъ котораго едва-ли не былъ знакомъ лично по Перми, гдѣ онъ бывалъ между 1820—1829 годами, т. е. какъ разъ въ директорство Н. С. Попова, въ качествѣ визитатора училищъ. Въ одномъ мѣстѣ П. А. Словцовъ съ признательностію упоминаетъ „незабвеннаго правителя Модераха, оставившаго лѣтъ съ 30 Пермскую губернію, имъ устроенную и описанную“ *). Послѣднее замѣчаніе показываетъ, что П. А. Словцову хорошо извѣстно было участіе К. Θ. Модераха въ дѣлѣ составленія Н. С. Поповымъ его капитальнаго „Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи“. Видно также изъ нѣкоторыхъ мѣстъ труда П. А. Словцова, что онъ зналъ въ Перми и другаго замѣчательнаго въ свое время любителя старины — Василя Николаевича Берха, служившаго въ Пермской казенной палатѣ и собравшаго много историческихъ матеріаловъ о Пермской губерніи. Сообщеніемъ гидрографическихъ свѣдѣній о Пермскомъ краѣ П. А. Словцовъ считалъ себя обязаннымъ П. М. Кудрявцеву, начальнику чертежнаго отдѣленія межевой конторы, находившейся въ Кунгурѣ**), и Михаилу Гавриловичу Свѣдомскому. „Описаніе всѣхъ озеръ и болотъ восточно-уральскихъ уѣздовъ Пермской губерніи доставлено мнѣ, замѣчаетъ П. А. Словцовъ, почтеннымъ и свѣдущимъ чиновникомъ М. Г. Свѣдомскимъ“***). Такимъ образомъ Петръ Андреевичъ былъ въ близкомъ и отчасти непосредственномъ научномъ общеніи съ лучшими представителями тогдашней пермской интеллигенціи. Родной Пермской край былъ особенно близокъ его сердцу.

Въ настоящее время трудъ П. А. Словцова, наравнѣ съ „Описаніемъ Сибирскаго Царства“ Г. Ф. Миллера, составляетъ настольную книгу для всякаго занимающагося исторіей Пермской губерніи, особенно зауральской ея половины. Мы увѣрены, что это значеніе останется за нимъ еще на очень долгіе годы. Говоримъ это на основаніи собственнаго многолѣтняго опыта, который и побудилъ насъ, въ виду исполнившагося 50-лѣтія со дня кончины незабвеннаго историка Сибири и уроженца нашего края, сказать о немъ признательное слово.

„Созерцательный труженикъ времени!“ Вдохновленный примѣромъ твоего друга М. М. Сперанскаго, ты самъ жилъ для вѣчности и своимъ примѣромъ вдохновилъ послѣдующихъ работниковъ на томъ же поприщѣ, въ числѣ которыхъ Сибирь съ гордостью можетъ назвать имена Н. А. Абрамова и современнаго намъ Н. М. Ядринцева! Пусть же твое имя переходитъ изъ рода въ родъ на пространствѣ отъ Урала до Камчатки, а твоя жизнь и труды пусть вѣчно служатъ примѣромъ безграничной любви къ родинѣ, научной любознательности, усердія и терпѣнія!

---

*) Часть II, стр. 104.

**) Сноска на стр. 104 второй части.

***) Таковая же на стр. 103 второй части.

Памяти В. В. Голубцова.

Дѣйствительнаго члена Губернскаго Статистическаго Комитета

А. А. Дмитриева.

14 Марта 1892 года смерть похитила человѣка, имя котораго хорошо знакомо всѣмъ изслѣдователямъ Пермскаго края. Безвременно, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, сошелъ въ могилу человѣкъ, отъ котораго можно было ожидать многого въ дѣлѣ изученія нашего края. Владелецъ замѣчательной библиотеки, прекрасно образованный, всей душою преданный интересамъ науки, Владиміръ Владиміровичъ, не смотря на свою молодость (умеръ всего 36 лѣтъ), успѣлъ снискать себѣ въ ученыхъ сферахъ репутацію отличнаго знатока русской генеалогіи и геральдики и, прибавимъ къ этому, обладалъ замѣчательной начитанностью въ области какъ русской исторіи вообще, такъ особенно мѣстной исторіи Пермскаго края и сопредѣльныхъ съ нимъ Уфимскаго, Вятскаго, Вологодскаго и Тобольскаго. Мы близко знали этого человѣка около 10 лѣтъ и изъ каждой бесѣды съ нимъ могли убѣждаться въ его пламенной любви къ родной странѣ, за научной разработкой которой онъ слѣдилъ неусыпно, отдавая научнымъ занятіямъ все свое время, въ ущербъ хозяйственнымъ дѣламъ. Какъ нерѣдко бываетъ съ такими адептами науки, покойный всегда тяготился заботами по имѣнію, хотя онѣ были необходимы, смотрѣлъ на нихъ, какъ на отраву его жизни, чѣмъ, безъ сомнѣнія, нажилъ себѣ недоброжелателей среди людей, имѣвшихъ съ нимъ какія либо дѣла по имѣнію. Но онъ зналъ, что это имѣніе (при селѣ Александровскомъ, близъ Красноуфимска) можетъ служить обезпеченіемъ для всѣхъ претендентовъ и все жилъ надеждой на поправленіе своихъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы отдаться имъ всецѣло на нѣкоторое время. Самымъ воспитаніемъ своимъ онъ менѣе всего былъ подготовленъ къ хозяйственной дѣятельности, съ которой такъ не кстати связала его жизнь.

Владиміръ Владиміровичъ родился въ С.-Петербургѣ 23 Января 1856 года, тамъ-же получилъ онъ образованіе въ пажескомъ корпусѣ. Любовь къ книгѣ питалъ онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, благодаря прекрасной библиотекѣ, находившейся въ красноуфимскомъ имѣніи его отца. Это была старинная, наслѣдственная библиотека Голубцовыхъ, въ составъ которой въ 1850 годахъ по наслѣдству поступила часть въ свое время очень богатой библиотеки графовъ Завадовскихъ. Обладая знаніемъ новыхъ языковъ, а французскимъ владѣя съ совершенствѣмъ, Владиміръ Владиміровичъ съ дѣтства привыкъ къ постоянному чтенію самыхъ разнообразныхъ книгъ изъ этой библиотеки, особенно полюбивъ чтеніе историческое. При его превосходной памяти разъ прочитанное навсегда дѣлалось для него прочнымъ знаніемъ, почему уже 25 лѣтъ отъ роду онъ удивлялъ всѣхъ, близко знав-

шихъ его, своими познаніями въ русской исторіи и, вообще, широкою начитанностью. Но особенно любимой сферой его научныхъ занятій стала русская генеалогія, которую онъ зналъ превосходно, и гдѣ онъ всегда удивлялъ насъ своей памятью. Этими спеціальными знаніями онъ снискалъ себѣ подъ конецъ своей недолгой жизни большую извѣстность среди специалистовъ русской исторіи.

Памятные для Россіи годы послѣдней русско-турецкой войны отвлекли покойнаго отъ мирныхъ занятій наукою и вызвали на театръ военныхъ дѣйствій. Будучи произведенъ въ 1875 г. изъ камеръ пажей Высочайшаго двора въ корнеты кавалергардскаго полка, В. В. Голубцовъ оставался здѣсь недолго, будучи вскорѣ переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ рядахъ котораго совершилъ компанію 1877—1878 гг. Во время войны онъ назначенъ былъ состоять въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича. По окончаніи войны, въ 1880 году, онъ былъ произведенъ въ ротмистры лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, послѣ чего вскорѣ вышелъ въ отставку и опять предался своимъ любимѣйшимъ научнымъ занятіямъ, поселившись вмѣстѣ съ родителями въ ихъ Александровскомъ имѣніи, близъ Красноуфимска. 1 Октября того-же 1880 года В. В. Голубцовъ женился на Анастасіи Сергѣевнѣ Слуцкой и съ того времени, въ тиши сельской жизни, весь отдался наукѣ, пока смерть отца его, Владиміра Платоновича, въ 1887 году, не прервала этихъ спокойныхъ занятій и волей-неволей не опутала его заботами по имѣнію, которыя, какъ мы сказали, были противны ему и отравляли всю его жизнь въ послѣднія 5 лѣтъ.

Такимъ образомъ, немногіе 1880—1886 годы были самымъ счастливымъ временемъ въ этой многообѣщавшей, но столь рано прерванной, жизни. Къ этой порѣ и относятся всѣ немногіе первые и послѣдніе научные труды Владиміра Владиміровича. На этихъ трудахъ онъ только пробовалъ свои силы въ области печатнаго слова; по нимъ можно только предугадывать будущаго работника, уже вооруженнаго научнымъ знаніемъ, которое, къ глубокому сожалѣнію, онъ унесъ съ собою въ могилу столь рано, безвременно.

Вотъ эти немногіе плоды научныхъ занятій Владиміра Владиміровича: 1) „Императоръ Николай Павловичъ въ его рѣчи къ депутатамъ с.-петербургскаго дворянства 21 Марта 1848 г.“,—статья написана въ селѣ Александровскомъ 15 Іюня 1883 г. напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., томъ 39, страница 593—597. 2) „П. И. Полетика и В. А. Жуковскій“—замѣтка написана тамъ-же 1 Іюля 1883 г., напечатана тамъ-же 1883 г., томъ 39, стр. 625—626. 3) „Замѣтки къ перечню гравюръ Л. А. Сѣрякова“—въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., томъ 23, стр. 364 и томъ 26, стр. 438—439. 4) „Д. В. Давыдовъ и Д. П. Бутурлинъ“—замѣтка написана 24 Октября 1884 г., напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1884 г. 5) „Къ біографіи графа П. В. Завадовскаго“—въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 г. № 1. 6)

„Чешуекрылыя, встрѣчающіяся въ Александровскомъ-Голубцовскомъ заводѣ, Красноуфимскаго уѣзда“, читано въ засѣданіи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ г. Екатеринбургѣ 10 Декабря 1883 г. и напечатано въ „Запискахъ“ этого общества, томъ VII, выпускъ 4. 7) „Графы Васильевы, Галаховы, Голубцовы, Огаревы, Скобельцыны, Шиловскіе и Юшковы“—генеалогія ихъ въ „Родословномъ сборникѣ русскихъ дворянскихъ фамилій“, изданномъ въ С.-Петербургѣ В. В. Руммелемъ и В. В. Голубцовымъ (томъ I, 1888 г., томъ II, 1877 г.). 8) „Князья Великопермскіе, Пермскіе и Вымскіе, 1463—1641 гг.“,—историко-генеалогическая замѣтка въ „Трудахъ пермской ученой архивной комиссіи“, вып. I. Пермь, 1892 г., стр. 75—80.

Какъ замѣчательный любитель старины и знатокъ Пермскаго края вообще, В. В. Голубцовъ состоялъ членомъ Императорскаго Общества любителей древней письменности съ 1879 г., Уральскаго общества Любителей Естествознанія съ 1880 г., Пермской ученой архивной комиссіи съ ея основанія, Пермскаго губернскаго статистическаго комитета, Ростовскаго музея церковныхъ древностей. Онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ редакторомъ „Русскаго Архива“ Бартеневымъ, покойнымъ нынѣ М. И. Севскимъ, извѣстнымъ собирателемъ гравюръ Ровинскимъ, начальниками московскихъ архивовъ барономъ Бюлеромъ и покойнымъ Н. А. Поповымъ и т. д. и, вообще, пользовался извѣстностью въ ученномъ мірѣ, какъ мы можемъ засвидѣтельствовать это положительно. Много обѣщаль этотъ человекъ въ будущемъ, много уже зналъ и продолжалъ усердно работать надъ самообразованіемъ, но крайне разстроенныя дѣла по имѣнію, нравственно терзавшія его, преждевременно надломили его здоровье и на 37 году жизни привели къ могилѣ. Миръ праху твоему, безвременно погибшій адептъ науки! Пусть твой малолѣтній наслѣдникъ когда-либо продолжитъ начатыя тобою научныя работы, столь неожиданно прерванныя твоею кончиною!

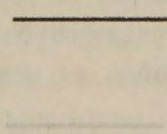

ПОПРАВКА КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ ПЕРМСКАГО КРАЯ.

Въ діаграммѣ, приложенной къ статьѣ В. Г. Олѣсова, въ количествѣ метеорныхъ осадковъ въ Каменскомъ заводѣ:

	напечатано:	должно быть:
въ Октябрѣ 1876 года	93,1 мм.	103,1 мм.
» Декабрѣ 1882 »	74,3 »	24,3 »
Средняя температура (красныя цифры):		
за Январь 1881 года	— 14,01°	— 14,91
» Октябрь 1885 »	+ 2,2	+ 1,9
» Мартъ 1888 »	— 9,7	— 8,7
» Августъ 1889 »	+ 18,02	+ 18,09

Въ магазинахъ Г-жи О. Петровской, въ Перми, и Г-жи Блохиной,
въ Екатеринбургѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

„ПЕРМСКІЙ КРАЙ“

сборникъ, издаваемый Пермскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Содержаніе: Предисловіе.—Благотворительность, какъ одинъ изъ факторовъ экономическаго благосостоянія и прогресса. *Е. И. Красноперова.*—По вопросу объ участіи Уральскихъ горныхъ заводовъ въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, въ связи съ послѣдствіями неурожая 1891 г. *Докладъ специальной комиссіи Пермскому отдѣленію И. Р. Техническаго общества.*—Земледѣльческія орудія Пермской Чудн. *Θ. А. Теплоухова.* Съ двумя таблицами рисунковъ.—По поводу поѣздки на Уралъ и въ Сибирь бригадира Бэера въ 1744—1746 гг. *П. О. Чунина.* Матеріалы для исторіи Гороблагодатскаго округа. Отраженія 1812 г. *Его же.*—Происхожденіе названія и судьба Бухонина волока. *А. А. Дмитріева.*—Народное празднество „Три Елочки“, въ Богородской волости, Пермскаго уѣзда. *Θ. А. Теплоухова.*—О Васильевско-Шайтанскомъ заводѣ. *Свящ. А. А. Топоркова.*—Неплательщики. *А. П. Солодовникова.*—Среднія цѣны на муку, крупу и овесъ въ Пермской губерніи за 14 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ (1877—1891 гг.). *А. И. Миропольскаго.*—Метеорологическія наблюденія въ Каменскомъ заводѣ, Камышловскаго уѣзда, въ теченіи 18 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ (1874—1891). *В. Г. Ольсова.* Съ діаграммою.

Цѣна два рубля.

	цѣна.
Труды Пермской ученой Архивной Комиссіи. Выпускъ I. 1892 г.	1 р. — к.
<i>А. А. Дмитріевъ.</i> Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, преимущественно о Пермскомъ краѣ. Выпуски I, II, III и IV. Пермь, 1889—1891 гг.	4 „ — „
<i>А. А. Дмитріевъ.</i> Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми. Пермь, 1889 г.	1 „ 50 „
<i>Д. Смышляевъ.</i> Источники и пособія для изученія Пермскаго края. Пермь, 1876 г.	1 „ — „
<i>Д. Смышляевъ.</i> Сборникъ статей о Пермской губерніи. Пермь, 1891 г.	1 „ — „
<i>Д. Смышляевъ.</i> Синай и Палестина. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1865 г. Пермь, 1876 г.	1 „ — „
<i>Мунжъ.</i> Еврейскія древности. Пер. <i>Д. Смышляева.</i> Пермь. 1879 г.	— „ 50 „
<i>П. И. Сюзевъ.</i> Безопасныя отъ пожара сельскія постройки изъ матеріаловъ малоцѣнныхъ. Съ приложеніемъ 75 чертежей. Пермь. 1891 г.	— „ 60 „

ЦѢНА 2 РУБ. 50 КОП.

И И Е Р М С К І Й

К Р А Й . ||

33